THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

GPO

6557

ВИЛЛА АЛЬБЕРТИ

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ПЕРЕЛОМА

ВЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ XIV—XV СТОЛѢТІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

АЛЕКСАНДРА ВЕСЕЛОВСКАГО.

МОСКВА.
Въ Сѵнодальной Типографіи, на Никольской улицѣ
1870.

Veselovskiĭ, Aleksandr Nikolaevich

Villa Al'berti

ВИЛЛА АЛЬБЕРТИ

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНАГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ПЕРЕЛОМА

ВЪ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЖИЗНИ XIV—XV СТОЛѢТІЯ.

КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Александра Веселовскаго.

МОСКВА

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

1870.

PQ4471
.G15 Z9

104837
19

168

19 дес. 10-1973

«E mi dolgo sopratutto che presso noi sieno così scarse le monografie o gli studi speciali sulle epoche e sugli scrittori. I nostri concetti sono vasti, inadeguati alle nostre forze, e più volentieri mettiamo mano a lavori di gran mole, da cui non possiamo uscir con onore, che a lavori ben circonscritti e ben proporzionati a nostri studi. Così niente abbiamo ancora d'importante su nessuno de'nostri scrittori, e abbiamo gia molte storie della Letteratura.»

Francesco De Sanctis.

«Послѣ 1378-го года, послѣ Петрарки и Бартоло, итальянскія государства вышли изъ страшной эпохи великаго междуцарствія, эпохи партій и тиранновъ, и вступаютъ въ новый періодъ, который зовется періодомъ великаго раскола, а вамъ болѣе извѣстенъ, какъ пора кондоттьеровъ. Наемники наводняютъ страну, солдаты всѣхъ націй ее опустошаютъ, и народъ бѣжитъ въ страхѣ передъ лицомъ предводителей, Нѣмцевъ, Провансальцевъ, Англичанъ, которые кичатся названіемъ враговъ Бога и человѣчества. За ними слѣдуютъ туземные кондоттьеры, въ тысячу разъ болѣе ужасные, потому что, номадные синьоры, они бросаются на осѣдлыхъ, иногда заодно съ плебсомъ, иногда въ союзѣ съ партіями, снова вызывая къ жизни старую вражду гвельфовъ и гибеллиновъ.—Италія растерзана вдоль и поперекъ.—Нѣтъ эпохи болѣе кровавой и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе блестящей, исполненной столькихъ битвъ и переворотовъ, болѣе трагической, изумляющей неожиданностями: отъ 1378 до 1450 года, въ теченіе 70 лѣтъ, т. е. двухъ поколѣній, литература отсутствуетъ, поэзія безмолвна и философское движеніе останови-

23 oc 13

лось; политика безсознательна, никто не наслѣдуетъ Данте, св. Ѳомѣ Аквинату, Толомею Луккскому; кажется, войны, возстанія и перевороты до того часты, что не даютъ времени читать и мыслить, и вы готовы сказать, что народъ падаетъ, еслибы въ самой силѣ его анархіи не чувствовалась жизненная крѣпость, способная вынести всякую борьбу» *).

Изученію этого періода посвящена наша книга.

Сужденіе Феррари не стоитъ одиноко. Раньше его, характеризуя послѣдніе годы четырнадцатаго столѣтія, Аммирато исполненъ священнаго ужаса: вся Европа страдаетъ зловѣщимъ недугомъ, который не минуетъ Италіи; ея литературныя преданія забыты, искусство падаетъ. Стóитъ взять въ руки громоздкія энциклопедіи Квадріо, Крешимбени, Тирабоски, Женгене, чтобы убѣдиться въ этомъ во-очію: всего нѣсколько именъ, безъ связи и значенія, Колуччіо Салутати и Луиджи Марсили, нѣсколько дантовскихъ лекторовъ, затѣмъ поборники начинающагося классическаго просвѣщенія, Аретинъ, Поджіо и др.; Альберти и Буркьелло, Фео Белькари и Джусто деп Конти, нѣсколько раньше ихъ вымирающій родъ поэтовъ, которые продолжаютъ лирическую традицію Петрарки. Бездушная библіотечная эрудиція Mehus'а прибавляетъ ко всему этому нѣсколько мелкихъ именъ и библіографическихъ подробностей, но возвести къ какому нибудь жизненному принципу этотъ тусклый періодъ итальянскаго развитія ему не удается, не смотря на значительность собранныхъ матерьяловъ. А между тѣмъ этотъ періодъ возбуждаетъ вопросы, на которыхъ не можетъ не остановиться вниманіе историка. Позади его блестящее развитіе *итальянской* литературы съ именами Данте, Петрарки и Боккаччьо; впереди *латинская* эрудиція Медичисовъ и золотая пора классическаго Renaissance. Между ними должны быть связующія нити, отношенія причины и слѣдствія, посредствующія фазы развитія. Renaissance Медичисовъ явилось не вдругъ, не во всеоружіи Минервы, оно выростало постепенно, оно приготовлено; точно также итальянское литературное преданіе должно было уступать постепенно, защищая

---

*) Giuseppe Ferrari Corso sugli scrittori politici italiani, стр. 152—3.

свои очаги подъ знаменами великихъ народныхъ поэтовъ. Откуда вышла эта потребность перемѣны, какими путями она проходитъ къ осуществленію, какая борьба должна была происходить между старыми и новыми началами,—все это тайна переходной эпохи, эпохи борьбы и страданій между двумя побѣдными кликами, которые когда-то тамъ раздавались и теперь раздадутся здѣсь, на сторонѣ новыхъ началъ. Съ этой точки зрѣнія мы посмотрѣли на періодъ, надъ которымъ Феррари пролилъ столь горькія слезы. Разумѣется, какъ и всякая переходная эпоха, онъ не блещетъ великими именами; но развѣ это даетъ право сказать, что литература молчитъ, поэзія нѣмотствуетъ? Великіе люди являются обыкновенно въ концѣ развитія символическимъ выраженіемъ принципа, побѣдно прошедшаго въ жизнь (Данте, Петрарка, Боккаччьо); за ними толпа подражателей, набожно хранящихъ ихъ память, разбрелась по сжатому полю и собираетъ забытые колосья, думая что дѣлаетъ дѣло; и въ то же время новые сѣятели вышли на свѣжую ниву, приготовляя будущую жатву и торжество новаго принципа, воплотить который снова суждено великому человѣку будущаго. Такова въ нашъ періодъ противоположность *дантовской и классической* школъ,—противоположность иногда сплывающаяся, потому что не ограниченная одною теоріей, но перешедшая въ жизнь, потому что иногда люди разныхъ партій вышли изъ одного прошлаго, и не всѣ одинаково умѣли отъ него отрѣшиться и одинаково страстно отдаться привлеченіямъ новизны. Оттого и на людяхъ и на всѣхъ явленіяхъ переходной эпохи одинъ и тотъ же смѣшанный колоритъ непримиренныхъ противоположностей, неразрѣшенныхъ противорѣчій, гдѣ свѣжія краски легли на старый грунтъ, и, на оборотъ, въ подѣлкѣ, обличающей самое современное происхожденіе, иногда объявится черта, напоминающая старое доброе время.

Современные итальянскіе критики обыкновенно обходятъ молчаніемъ эту пограничную полосу въ исторіи своей литературы, или отдѣлываются отъ нея немногими словами. Причина тому отчасти въ недоступности матерьяловъ, большею частью покоящихся въ пыли библіотекъ и, можетъ быть,

въ особенностяхъ литературныхъ теорій, господствовавшихъ въ Италіи за послѣднее время. Въ стремленіи объяснить ея исторію послѣдовательнымъ проявленіемъ *одного культурнаго принципа* не чувствуется ли отголосокъ тѣхъ политическихъ надеждъ, которымъ суждено было такъ долго не осуществиться? Для писателей неогвельфской школы напр., съ Джьоберти во главѣ, вся итальянская культура построена на христіанской идеѣ, все что̀ въ ней великаго и изящнаго должно быть отнесено на счетъ христіанства. Критики старой либерально-агитаторской партіи, вродѣ Сеттембрини, весь смыслъ итальянскаго развитія сводятъ наоборотъ къ протесту противъ папства во имя свободы и національнаго единства, во имя началъ, ведущихся отъ языческаго Рима, противъ христіанскихъ. Точно также для Кардуччи вся исторія итальянской мысли представляется одною сплошною *раставраціей*, весь прогрессъ состоитъ въ возвращеніи къ прошлому, къ антику. Ему говорятъ, что неумѣренная страсть къ древности людей XV и XVI столѣтій была несвоевременна, что она прервала національное преданіе въ литературѣ и искусствѣ, помѣшавъ ихъ органическому развитію. «Я, какъ итальянецъ, не могу даже допустить сомнѣнія относительно того, было ли полезно или нѣтъ для оригинальности европейскихъ литературъ, что сохранились и были найдены вновь памятники греческой и римской древности; что̀ касается до тѣхъ, которые утверждаютъ, что научное движеніе XVI вѣка было несвоевременно и выходило изъ колеи народныхъ преданій, то я это рѣшительно отрицаю. Въ переворотахъ средневѣковой Италіи все было реставраціей, по крайней мѣрѣ все, что̀ дѣлалось и чувствовалось—ощущалось какъ реставрація. Данте вѣровалъ въ возстановленіе, когда бы то ни было, римской имперіи съ Цесаремъ на Капитоліи, и писалъ по-латыни; по-латыни писалъ и Петрарка въ ожиданіи, что латинскій языкъ станетъ гражданскимъ языкомъ обновленной Италіи, и страстными желаніями предупреждая республику Сципіоновъ. Хронисты XIII вѣка называютъ Флоренцію дочерью Рима, разсказываютъ, что она построена Цесаремъ по образцу Рима, въ феодалахъ Фьезоле, враждебныхъ республикѣ, видятъ потомковъ Катилины,

принявшихъ отъ него по наслѣдству непріязнь къ сенату; именитые роды въ первой старинной чертѣ города кичатся чистотою римской крови, такъ что Полиціанъ имѣлъ нѣкоторое основаніе назвать Флоренцію городомъ Меонійскимъ (maeonia) и выразиться о ней, какъ Катуллъ о современномъ ему Римѣ, что въ нее цѣликомъ перенесены Аѳины. Если жители Павіи вплоть до конца прошлаго столѣтія праздновали Боэцію, какъ святому, если Мантуя считала святымъ своего Виргилія, чеканя монету съ его изображеніемъ, украшая имъ свои свободныя знамена и въ праздникъ Св. Павла воспѣвая гимнъ, въ которомъ апостолъ язычниковъ проливалъ слезы на гробницѣ поэта; если наконецъ Данте, отвѣчая повѣрію своего времени, помѣщалъ въ раю Траяна,—что̀ удивительнаго въ попыткѣ Фичина вставить въ обиходъ католической обѣдни нѣсколько фразъ Платона? Когда Помпоній Летъ изъ любви къ римской древности, которой онъ посвятилъ свободолюбивый и гордый духъ и бѣдную жизнь, измѣнилъ въ языческія христіанскія имена членовъ своей академіи, если велъ счисленіе времени по календамъ и въ годовщину основанія Рима простирался ницъ вмѣстѣ съ своими передъ статуей Ромула Квирина,—развѣ не было все это слѣдствіемъ, если хотите фантастическимъ, но все же слѣдствіемъ того, что итальянское возрожденіе было освящено во имя античнаго Рима, съ того самаго дня, какъ въ виду города апостоловъ и мучениковъ брешьянскій монахъ воззвалъ къ народу: возстановимъ капитолій, возобновимъ сенатъ, всадниковъ, консуловъ и трибуновъ. Такимъ образомъ классическое движеніе XV вѣка выходитъ непосредственно изъ политическаго движенія XII стол., т. е. изъ протеста римскаго туземнаго принципа противъ германскаго феодальнаго и противъ папства». *)

Въ главныхъ положеніяхъ нельзя не согласиться съ этимъ широкимъ синтезомъ итальянскаго развитія. Въ извѣстныхъ границахъ принимаемъ его и мы. Фердинандъ Вольфъ,—кото-

---

*) G. Carducci, введеніе въ его изданіе итальянскихъ стихотвореній Полиціана (Firenze, Barbèra) стр. X—XII.

раго предилекціи романтической школы увлекли къ изученію испанской драмы и старофранцузскаго эпоса и удалили въ той же мѣрѣ отъ занятій итальянской литературой, былъ не далекъ отъ того же мнѣнія. Итальянцы представлялись ему эпигонами римской цивилизаціи, они ее продолжаютъ, не оригинальны какъ всякіе продолжатели; въ самыхъ раннихъ ихъ произведеніяхъ онъ не прочь подглядѣть извѣстнаго рода манерность, отсутствіе наивности—общіе признаки всякой эпохи упадка. Такимъ образомъ промежутокъ между языческимъ Римомъ и христіанской Италіей исчезаетъ, или лучше сказать нѣтъ ни того ни другаго, а есть *одинъ* организмъ, живущій цѣлые вѣка и изживающійся иногда до неузнаваемыхъ послѣдствій, подъ впечатлѣніемъ разныхъ случайностей и постороннихъ началъ. Та же идея *одного организма* лежитъ и въ основаніи книги Burkhardt'a, Die Cultur der Renaissance in Italien, если мы точно поняли ея общее направленіе. И для Burkhardt'a Италія есть главнымъ образомъ страна классическихъ преданій, въ жизни, литературѣ и искусствѣ; эти преданія онъ противупоставляетъ понятіямъ и цивилизаціи сѣвера; носителями этихъ преданій для него являются безразлично Данте и Петрарка, ученые XV, литераторы XVI вѣка; иногда онъ готовъ заглянуть и по ту сторону Данте и въ знакомыхъ Ліудпранда отыскать черты тѣхъ вполнѣ сложившихся характеровъ, которыми люди итальянскаго Renaissance такъ рѣзко отличаются отъ своихъ сѣверныхъ сверстниковъ. Отъ Ліудпранда легко взойти еще выше, на встрѣчу римской древности, которая никогда не умирала, относительно которой все позднѣйшее развитіе Италіи легко можетъ представиться одною перемежающеюся реставраціей. По слѣдамъ Burkhardt'a, пользуясь его выводами, мы снова пришли къ тезису Кардуччи.

Что такое огульное опредѣленіе по необходимости стушевываетъ всѣ частные процессы исторической жизни—понятно само собою; но оно не разрѣшаетъ и вопроса, который его вызвалъ и насъ интересуетъ въ особенности. Кардуччи отрицаетъ несвоевременность, ненаціональность и относительный вредъ классическаго возрожденія XV—XVI-го вѣковъ, на

томъ основаніи, что вся итальянская цивилизація не что иное какъ вѣковое возрожденіе. Намъ стало быть придется отказаться отъ обычнаго опредѣленія «Renaissance», какъ эпохи отмѣченной усиленнымъ возвращеніемъ къ латинской древности; или, если удержать эту характеристику, отъ которой не откажется и Кардуччи, отрицать основной классическій принципъ, лежащій въ основаніи всей итальянской культуры и дающій намъ ключъ къ ея уразумѣнію. Вѣрнѣе всего придется сознаться, что опредѣленіе вѣрно въ томъ и другомъ случаѣ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ явленія, которыя оно берется объяснить, въ высшей степени раздѣльны, своеобразны, отличны другъ отъ друга, иногда другъ другу противоположны. Вопросъ, очевидно, былъ дурно поставленъ, если мы могли придти къ такому двуличному результату.

Что итальянская культура вышла главнымъ образомъ изъ туземныхъ классическихъ началъ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Иногда можетъ казаться, что они забыты или оттѣснены на задній планъ, чтобы заявить снова свою неисчерпаемую жизненность при первомъ удобномъ случаѣ, какъ было напримѣръ въ XI вѣкѣ; но ихъ присутствіе продолжаетъ ощущаться, хотя и глухо, въ самые темные періоды исторіи. Что римское литературное преданіе сохранялось въ грамматическихъ школахъ Италіи въ VII—VIII столѣтіяхъ и позже, доказано теперь до очевидности трудами Озанама и Гизебрехта, причемъ не мѣшаетъ сличить рецензію Палермо на книгу послѣдняго. Стихи Альфана, Гуайфера и т. п. прямо указываютъ на незабытые классическіе образцы; въ пѣсни стражей города Модены во время осады его Венграми (904 г.) и тому подобныхъ произведеніяхъ, обнародованныхъ Дюмерилемъ, отзывается то же поэтическое преданіе, уже лишенное школьнаго характера, хотя и не вполнѣ народное. Но мы вправѣ предположить и послѣднее, хотя благодаря методу, котораго до сихъ поръ держались при изданіи памятниковъ средневѣковой латинской поэзіи, мы не можемъ доказать это удовлетворительнымъ количествомъ фактовъ. Du Meril, Schmeller, Grimm, Wright, Haupt и другіе, шедшіе по ихъ слѣдамъ, ограничиваются большею частью

воспроизведеніемъ старинныхъ сборниковъ, или сами собираютъ по разнымъ рукописямъ, этнографическое опредѣленіе которыхъ всегда трудно, а этнографическое распредѣленіе заключающагося въ нихъ матеріала почти никогда невозможно. Такимъ образомъ мы не въ состояніи услѣдить, что̀ въ нихъ принадлежитъ классической традиціи каждаго народа и сохранились-ли латинскіе образцы той народно-поэтической дѣятельности, которая въ Италіи должна была предшествовать итальянской поэтической школѣ.

Какъ бы то ни было латинская традиція должна была сильно держаться въ обществѣ и народѣ, когда въ началѣ X-го вѣка панегиристъ Беренгара могъ сказать о себѣ, что на его стихи никто не обращаетъ вниманія, потому что и въ городѣ и въ деревнѣ нѣтъ ни одного, кто не могъ бы сложить такихъ же. Церковь относилась ко всему этому отрицательно; въ Италіи она никогда не играла той образовательной роли, какую принимаетъ на сѣверѣ; сильное преданіями классической образованности общество стояло выше ея во многихъ отношеніяхъ. Оттого она оппонируетъ его стремленіямъ къ родной старинѣ, какъ впослѣдствіи объявитъ себя противъ начинающейся итальянской литературы, противъ Данте и Боккаччьо, и если блестящая декорація Renaissance XV—XVI-го вв. увлечетъ ее на время въ лицѣ нѣкоторыхъ великихъ папъ, то и въ этомъ случаѣ честь почина остается за обществомъ. Мы не можемъ не привести по этому поводу отзыва Ваттенбаха о панегиристѣ короля Беренгара: «былъ ли сочинитель духовное лицо, или человѣкъ свѣтскій, изъ его труда не видно; во всякомъ случаѣ онъ обязанъ своимъ образованіемъ не церкви, а какому нибудь изъ тѣхъ грамматиковъ, которыхъ дѣятельность въ Италіи никогда не прекращалась. Заслуга Вильгельма Гизебрехта въ томъ, что онъ въ первый разъ доказалъ, какъ эти школы въ Италіи всегда продолжали существовать, распространяя между свѣтскими людьми такую степень образованности, о какой по ту сторону Альповъ не имѣли понятія. Въ Италіи, говоритъ Випонъ въ XI столѣтіи, вся молодежь ходитъ въ школу, и только въ Германіи считаютъ ненужнымъ и неприличнымъ обучать мальчика,

если онъ не назначается въ духовное званіе. Итальянскій лаикъ читалъ Виргилія и Горація, но книгъ не писалъ, между тѣмъ какъ духовенство погружено было въ невѣжество или слишкомъ отдано политикѣ, чтобы принимать участіе въ научныхъ стремленіяхъ времени. Отсюда объясняется недостатокъ литературной производительности и бѣдность наличной литературы, между тѣмъ какъ съ другой стороны панегиристъ и нѣсколько позже Ліудпрандъ поражаютъ насъ богатствомъ классической учености и большою стилистическою опытностью, особенно въ стихосложеніи, которое было главнымъ предметомъ школьнаго преподаванія. Потому что отдѣльныя личности изъ духовнаго званія не прочь были вкусить запретнаго плода, хотя духовенство было противъ всего этого движенія, въ которомъ не безъ причины признавало языческій элементъ. Наука въ Италіи никогда не была въ услуженіи у церкви; она была самостоятельна, хотя почти исключительно формальна и потому непроизводительна». *)

Позднѣйшее развитіе итальянской жизни, выразившееся впервые самостоятельно въ движеніи городовъ, разрѣшило эту непродуктивность, принявъ въ плоть и кровь заложенное въ ней культурное начало. Не даромъ итальянскіе города впервые берутъ лѣтопись изъ рукъ церковныхъ людей: въ этомъ уже чувствуется потребность народнаго самосознанія. Въ послѣдующемъ призваніи итальянскаго языка къ литературному гражданству опять выразилась та же потребность: латинская рѣчь выродилась до неузнаваемости, до формъ новаго организма, который, разъ окрѣпнувъ, вступаетъ въ права стараго и во владѣніе его умственнымъ наслѣдіемъ. Если въ Италіи этотъ лингвистическій переворотъ совершился позднѣе чѣмъ въ другихъ романскихъ земляхъ, напр. во Франціи, то это ничего другаго не доказываетъ, какъ только то, что здѣсь самый организмъ былъ живучѣе, его разложеніе медленнѣе; если переворотъ совершается преимущественно въ городахъ, т. е. въ томъ свѣтскомъ обществѣ, которое бережетъ латинское культурное преданіе въ

*) W. Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 2 из. стр. 202.

оппозиціи съ церковью, то и новая литература, его выражающая, по необходимости должна пойти по слѣдамъ этого преданія. Мы теперь въ средѣ самаго блестящаго, *городскаго* періода итальянской исторіи; это вмѣстѣ съ тѣмъ и самая блестящая пора ея литературы. Говоря о ея началахъ обыкновенно слишкомъ долго останавливаются на трубадурахъ и поэтическомъ вліяніи сицилійскаго двора, забывая, что всякая литература, если она живуча, выражаетъ собою прежде всего народное содержаніе, въ богатствѣ котораго Италіи отказать нельзя; что изъ средне-итальянской полосы, стало быть изъ той, гдѣ классическая почва должна была сохраниться всего цѣльнѣе, доходятъ до насъ и самые совершенные образцы этого перваго періода поэтическаго творчества, если не самые ранніе. Послѣднее обстоятельство можетъ быть совершенно случайно, какъ съ другой стороны относительно поздній разцвѣтъ тосканской литературы легко отнести къ той живучести римскаго культурнаго начала, которая помогла намъ объяснить сравнительно позднее появленіе итальянскаго языка среди романскихъ. Мы позабываемъ, наконецъ, тотъ фактъ, что лучшіе выразители этого перваго движенія итальянской мысли совершенно сознательно стоятъ на классической почвѣ: мы говоримъ не только о Петраркѣ и Боккаччьо, но и о самомъ Данте. На него обыкновенно смотрятъ, какъ на представителя среднихъ вѣковъ, разумѣется итальянскихъ; но въ темномъ лѣсу папства и императорства, мистическихъ видѣній и схоластическихъ отвлеченностей онъ первый избралъ себѣ проводникомъ Виргилія, когда Jean de Meung еще довольствуется Bel Accueil'емъ и Dame Oiseuse.—Чтобъ не развлекаться частностями, стóитъ только бросить взглядъ на наличный литературный матеріалъ эпохи трехъ великихъ флорентійскихъ поэтовъ, чтобы поразиться ея эпигоническимъ характеромъ и общими чертами сходства съ ея великой римской предшественницей. Тѣ же пробѣлы и недостатки и тѣ же преимущества. Тамъ и здѣсь совершенное отсутствіе серьезнаго народнаго эпоса и драмы; даже мистерія является въ Италіи позднѣе чѣмъ въ другихъ странахъ; за то лирика, раннее развитіе исторіографіи, и са-

тирическій родъ, столь свойственный римскому генію (satira quidem tota nostra est. Quintil.), выражается въ своеобразной формѣ новеллы и cantare di piazza, которая нигдѣ не достигаетъ такого блестящаго развитія, какъ въ Италіи. О произведеніяхъ церковной словесности или навѣянныхъ церковью мы разумѣется умалчиваемъ, какъ о неидущихъ къ дѣлу; за всѣмъ тѣмъ матеріаловъ сравненія остается на столько, что основной римскій типъ старой итальянской литературы ясенъ станетъ каждому, кто потрудится пойти далѣе вопроса о вліяніяхъ, которыя, какъ извѣстно, глубоко почвы никогда не взрываютъ.

За тѣмъ въ концѣ XIV-го вѣка какой-то перерывъ. Слышится испуганный голосъ: великій Панъ умеръ! Это плачъ Саккетти на смерть Боккаччьо:

Ora è mancata ogni poesia
E vote son le case di Parnaso....
Come deggio sperar che surga Dante,
Che già chi il sappia legger non si trova?...
Sonati sono i corni
D'ogni parte a ricolta:
La stagione è rivolta:
Se tornerà non so; ma credo tardi. *)

Но оно никогда не вернется. Нѣсколько десятковъ лѣтъ пройдетъ глухо, какъ будто въ приготовленіи, и за тѣмъ новая литература классическаго Renaissance явится на смѣну старой. Она пишетъ по-латыни, и если спускается къ народной рѣчи, то подъ условіемъ соблюденія классическаго декорума. Въ ея усиленномъ зазываніи къ римскимъ литературнымъ образцамъ, въ щеголяніи цицероновской фразой и античнымъ котурномъ развѣ не чувствуется что-то искусственное, изъисканное? Мы далеко ушли отъ наивныхъ восторговъ старыхъ итальянскихъ поэтовъ передъ чудесами

*) «Теперь исчезла всякая поэзія и опустѣли палаты Парнаса. Какъ мнѣ надѣяться, что возстанетъ Данте, когда нѣтъ никого, кто-бы съумѣлъ истолковать его? Уже рога протрубили сборъ и время пошло на склонъ; вернется-ли оно не знаю; думаю что не скоро».

классической древности, которыя открылись имъ впервые: но и самые поэты забыты; выработанная ими литературная традиція отодвинута на задній планъ; чистота итальянской рѣчи, надъ созданіемъ которой они такъ трудились, испещрена латинскими конструкціями и новыми словопроизведеніями на латинскій ладъ. Дѣло въ томъ, что самыя понятія измѣнились, общественныя и государственныя, и вмѣстѣ съ ними перемѣстился и центръ мысли. Городской строй, дотолѣ высшее выраженіе народнаго самосознанія, начинаетъ понемногу уступать новому государственному принципу, сначала на сѣверѣ Италіи, напослѣдокъ и въ Тосканѣ. Старая итальянская литература была выраженіемъ этого народнаго самосознанія; очень естественно, что она не можетъ удовлетворить потребностямъ новаго строя, который обходитъ народъ, развиваясь на обломкахъ его свободныхъ учрежденій, и начинаетъ искать себѣ новаго выраженія, несвязаннаго съ подозрительными преданіями старины. Тутъ латинская литература и латинскій языкъ являлись сами собою: если во времена панегириста Беренгара народъ еще признавалъ ихъ своими, то съ тѣхъ поръ они успѣли переродиться для него въ итальянскую рѣчь и литературу итальянскихъ классиковъ, и въ XV—XVI-мъ вѣкахъ латинская древность казалось ему, если не вовсе чужою, то все-же древностью, которой смыслъ ему не ясенъ, языкъ не понятенъ. Все это представляло очень удобное орудіе для мысли, которая пожелала-бы выйдти изъ заповѣдной послѣдовательности народнаго развитія и оборвать нить государственныхъ преданій. Такъ оно и сталось, разумѣется не такъ сознательно, какъ мы это представляемъ, но несомнѣнно тѣми-же путями. Новая латинская литература Возрожденія становится литературою кружка, журнальной партіи, если возможно здѣсь такое приложеніе термина; вскорѣ ею воспользуются новыя политическія стремленія дня: она дѣлается придворною, изолируется отъ народнаго движенія, оттого она искусственна. Вмѣсто того чтобы продолжать народно-литературную традицію, послѣдовательно выработавшуюся изъ классическихъ основъ, она непосредственно предлагаетъ намъ

классическіе образцы и ихъ рекомендуетъ для подражанія. Это напоминаетъ пріемы французскаго псевдоклассицизма; оттого и здѣсь такая же непродуктивность. Обратимся къ сравненію, которое послужило намъ въ другой разъ, и сопоставимъ наличный литературный матерьялъ эпохи Renaissance съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи выработано предъидущимъ періодомъ: насъ поразитъ бѣдность творчества. Бембо продолжаетъ Петрарку, новеллисты идутъ по слѣдамъ Боккаччьо, Пульчи и Аріосто воспроизводятъ стиль старо-итальянскихъ народныхъ разскащиковъ, историки XVI-го вѣка могутъ указать на своихъ предшественниковъ въ XIV-мъ вродѣ Дино Компаньи, хотя нельзя отрицать, что въ смыслѣ вещественнаго обогащенія исторической и философской мысли латинское Renaissane принесло свою долю пользы. За то въ литературѣ намъ предлагаютъ ложно-классическій эпосъ, который только талантомъ Тассо спасенъ отъ забвенія; ложно-классическую драму Сенеки и бѣлый стихъ, назначенный удалить народную риѳму; комедія плетется по слѣдамъ Теренція, сатира и эпистола—по слѣдамъ Горація; за тѣмъ—море эклогъ, георгики, передѣланныя во всѣхъ стиляхъ описательнаго рода, и т. д. Таково общее впечатлѣніе литературы Renaissance, между миссой и скоромной новеллой серьезно трактовавшей о возвращеніи къ Грекамъ и Латинамъ.

Если мы хорошо свели счеты, то сомнѣніе, возбужденное вопросомъ Кардуччи, разрѣшается удовлетворительно въ обѣ стороны. Да, и тамъ и здѣсь была реставрація: но итальянская литература золотой поры (buon secolo) была отчасти *органическимъ продолженіемъ* римской, народнымъ развитіемъ ея началъ, видоизмѣненныхъ условіями исторіи, тогда какъ Renaissance XV—XVI вѣковъ была предвзятымъ *искусственнымъ воспроизведеніемъ* тѣхъ-же началъ на почвѣ кружка и партіи, дѣломъ выбора и сознанія, и на сколько искусственнымъ, на столько ненароднымъ. Какимъ образомъ одно направленіе замѣнилось другимъ, какія были причины, вызвавшія замѣну, условія, при которыхъ она совершилась, переломъ въ понятіяхъ, политическихъ идеяхъ и вкусахъ общества, который ею отмѣченъ,—вотъ вопросы, обратившіе на себя

наше вниманіе. Разрѣшенію ихъ отчасти посвящена эта книга. Разумѣется, мы должны были ограничиться однимъ эпизодомъ длинной исторіи, эпизодомъ до сихъ поръ никѣмъ не разработаннымъ: мы хотѣли посмотрѣть, какъ у самаго входа въ великій мавзолей дантовскаго періода начинаетъ играть молодая жизнь, какъ новое поколѣніе неудержимо вторгается, громко заявляя свою программу и требуя себѣ мѣста на солнцѣ, когда старое съ виду еще стоитъ крѣпко, и, кажется, одному вѣщему сердцу поэта можетъ почудиться, что палатамъ Парнаса грозитъ запустѣніе, и великое начинаетъ становиться прошлымъ.

Романъ, открытый нами въ рукописи риккардіянской библіотеки, написанный въ первыхъ годахъ XV-го столѣтія, но представляющій событія конца XIV-го, богатствомъ указаній на историческія личности, которыя въ немъ выведены, и своими разговорами, характеризующими содержаніе общественной мысли, давалъ намъ готовыя рами для изслѣдованія, сообщая ему можетъ быть нѣсколько искусственное единство. Стоило только слѣдовать его указаніямъ, развивая ихъ свидѣтельствами другихъ фактовъ, печатныхъ и рукописныхъ, чтобы придти къ довольно полной картинѣ общественнаго броженія во Флоренціи послѣднихъ годовъ XIV-го столѣтія. Разумѣется многія стороны должны были остаться нетронутыми, по крайней мѣрѣ недостаточно освѣщенными по самой ограниченности рамки: такъ мы принуждены были обойти послѣднихъ петраркистовъ, народныя повѣсти, приготовляющія въ этомъ періодѣ разцвѣтъ чисто-итальянскаго эпическаго жанра, котораго высшимъ выраженіемъ явится Orlando Furioso. Но мы не хотѣли дать полнаго изслѣдованія и не могли, еслибы и хотѣли, при совершенномъ отсутствіи какихъ бы то ни было монографій по этой эпохѣ, при необходимости, въ которую здѣсь поставленъ изслѣдователь, обращаться за каждой мелочью почти исключительно къ рукописному матерьялу, котораго богатство силамъ одного лица одолѣть невозможно.—Въ выборѣ романа руководною нитью для изслѣдованія была еще и случайность: предлагаемая книга вышла первоначально въ *Scelta di curiosità letterarie inedite*

o rare dal secolo XII al XVII, издающейся въ приложеніи къ *Collezione di opere inedite o rare* и т. д., предпринятомъ королевскимъ итальянскимъ обществомъ для изданія старыхъ текстовъ. Самыя условія изданія таковы, что воспроизведеніе этихъ текстовъ является главною задачей, а изслѣдованія, ими вызванныя, допускаются единственно какъ комментарій. Такимъ образомъ и наша книга явилась комментаріемъ къ роману, что обусловило нѣкоторую статистическую мелочность изысканія, которая легко можетъ показаться излишнею и безполезною, а намъ казалась необходимою, если сравнительной исторіи литературы суждено когда-нибудь сдѣлаться въ Россіи самостоятельной наукой, а не вѣчно побираться по задамъ европейской. На сколько мы сами сдѣлали въ смыслѣ этой самостоятельности — судить не намъ. Мы пожалуй не прочь покаяться, что не были очень бережливы относительно примѣчаній, но просимъ не смотрѣть на нихъ, какъ смотрятъ часто, т. е. какъ на излишній балластъ, предназначенный свидѣтельствовать объ учености автора. Самый предметъ изслѣдованія, до тѣхъ поръ никѣмъ не затронутый литературно, опредѣлилъ его способъ: не только въ первый разъ приходилось собирать матерьялъ, разбросанный по рукописямъ и брошюрамъ, напечатаннымъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и потому рѣдкимъ, какъ рукописи, но этотъ самый матерьялъ надо было сначала приготовить критически: потребовались сличенія, повѣрка свидѣтельствъ; явились спорные вопросы, которые необходимо было порѣшить, чтобы не заложить себѣ дальнѣйшаго пути въ изслѣдованіи. Въ этомъ смыслѣ наши примѣчанія не только служатъ поясненіемъ текста, но въ собственно критическомъ отдѣлѣ нашей книги въ нихъ лежитъ главная документальная часть труда. Многіе вопросы, которые могли быть только затронуты въ общемъ изложеніи, разработаны въ примѣчаніяхъ подробнѣе, потому что намъ не хотѣлось пропустить ни одной, хотя-бы мелкой, черты романа, отъ которой могли ожидать отвѣта, и желали возможно полно изчерпать культурное содержаніе памятника. Такимъ образомъ можно было надѣяться, что изъ мелочей и подробностей построится довольно полная характе-

ристика вѣка и періода *), хотя для характеристики частностей, напр. дѣйствующихъ лицъ нашего романа, изъ которыхъ иныя выходятъ въ первый разъ на сцену литературной исторіи, матерьяловъ представлялось иногда не на столько, чтобы позволить намъ пойти далѣе фактическаго очерка—какъ ни искусительною представлялась порой возможность обобщенія.

Въ изложеніи мы задались мыслью по возможности сохранить самый ходъ изслѣдованія, чтобы читатель могъ объ руку съ нами пройти по тому же пути сближеній и наведеній, по которому прошли и мы, и такимъ образомъ провѣрить нашъ критическій методъ. Очень можетъ быть, что отъ этого пострадала цѣльность впечатлѣнія, что обнаруживая подмостки и кладку камней, мы помѣшали добытымъ результатамъ сложиться въ полный культурный образъ. Разумѣется, мы старались удовлетворить и этому требованію, на сколько оно соединимо съ первымъ.

Если книга написана нами впервые по-итальянски, **) то никакъ не потому, чтобы у насъ мы не разсчитывали найдти спеціалистовъ, которые произнесли бы надъ ней должный судъ и осужденіе, но потому что для того и другаго у нихъ не было бы въ рукахъ актовъ процесса. Нашъ романъ изданъ по рукописи, матерьялы изслѣдованія и приложенные къ нему документы всѣ большею частью рукописные, и я не могъ надѣяться, чтобы русскій ученый отправился во флорентійскія библіотеки повѣрять подлинность моихъ цитатъ и выводовъ. А между тѣмъ, какъ всякому автору, мнѣ хотѣлось имѣть критика.

Появленіе книги на русскомъ языкѣ вызвано не ея вну-

---

*) Обращаемъ между прочимъ вниманіе читателя въ V-ой главѣ на характеристику литературныхъ партій въ концѣ XIV и началѣ XV в., въ связи съ дантовскимъ вопросомъ, исторія котораго, сколько намъ извѣстно, еще не была разсказана въ этой послѣдовательности и въ этомъ направленіи.

*) Она вышла въ 1866—8 годахъ въ Болоньѣ у Романьоли, въ 4 томахъ, подъ общимъ заглавіемъ: Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni da Prato, dal codice autografo e anonimo della riccardiana, a cura di Alessandro Wesselofsky.—Изъ нихъ два тома текста и два изслѣдованія и приложеній подъ другимъ заглавіемъ: Il Paradiso degli Alberti e gli ultimi trecentisti, saggio di storia letteraria italiana per Alessandro Wesselofsky.

тренней цѣнностью и не спросомъ, а формальностью, сопряженною съ полученіемъ ученой степени въ русскомъ университетѣ. Тѣмъ не менѣе я позволилъ себѣ отнестись къ ней какъ къ новому изданію, «исправленному и дополненному». Воспроизвесть текстъ романа я разумѣется не могъ, точно также какъ и документы, которые представлялись слишкомъ громоздкими. Изъ нихъ я удержалъ только параллельныя цитаты тѣхъ мѣстъ нашего романа и текста Чьони, которыя доказываютъ плагіатъ послѣдняго. Вмѣсто письма Колуччіо Салутати къ маркграфу моравскому я напечаталъ, какъ образецъ его эпистолярнаго стиля, другое неизданное его письмо къ боснійскому царю по поводу битвы на Косовомъ полѣ: оно можетъ заинтересовать русскаго читателя, хотя и не представляетъ новыхъ фактическихъ данныхъ для исторіи сербскаго погрома. —Въ самомъ текстѣ изслѣдованія произошли перемѣны: такъ III глава написана на-ново, послѣдняя значительно дополнена, V измѣнена въ томъ смыслѣ, что вмѣсто пространныхъ извлеченій изъ неизданной поэмы Джьованни ди Герардо предложена ея подробная парафраза, что̀ дало возможность остановиться долѣе на ея поэтической экономіи и историческомъ значеніи ея аллегорій. Только нѣкоторыя, самыя замѣчательныя мѣста переведены нами, какъ вообще переведены подъ строкою всѣ итальянскія цитаты, встрѣчающіяся въ текстѣ изслѣдованія: работа довольно затруднительная и всего менѣе удовлетворяющая насъ самихъ, не смотря на значительность потраченныхъ усилій. Это понятно будетъ всякому, кому случалось передавать содержаніе стихотворнаго отрывка, въ особенности лирическаго, гдѣ прелесть стиха и требованія риѳмы допускаютъ иногда повторенія, немыслимыя въ прозѣ, и скрываютъ бѣдное развитіе мысли, которая обнажается, какъ скоро удалена оболочка поэтическаго слова. —Вообще-же во всѣхъ главахъ и въ примѣчаніяхъ къ нимъ, отнесенныхъ подъ одной нумераціей въ конецъ книги, развиты неясные намеки, прибавлены нѣкоторыя новыя подробности (напр. въ IV главѣ, въ отдѣлѣ майскихъ празднествъ), исправлены частности и недосмотры, неизбѣжные при удаленіи автора отъ мѣста изданія; и вездѣ,

на сколько возможно, вопросы поставлены общѣе, горизонтъ взятъ шире, чтобы тѣмъ яснѣе выдѣлить смыслъ того развитія, которое, иначе поставленное, могло-бы показаться слишкомъ мелочнымъ. Мы желали-бы надѣяться, что отъ этого книга выиграла, хотя и не скрываемъ отъ себя, что слѣды черновой, приготовительной работы остались на ней слишкомъ замѣтны. Но мы поминаемъ увѣщательныя слова философіи къ Боэцію, книгу котораго не разъ перечитывали вдумчивые люди изображаемой нами эпохи: кто хочетъ засѣять непочатое поле, пусть очиститъ его напередъ отъ кустарника и сорной травы; пусть серпомъ подрѣжетъ терніе;—только тогда Церера взойдетъ новымъ плодомъ:

Qui serere ingenuum volet agrum
Liberat arva prius fruticibus,
Falce rubos filicemque resecat,
Ut novâ fruge gravis Ceres eat.

Виноваты-ли мы, что намъ досталось такое непочатое поле, а жатвы некогда было дожидаться, потому что въ дѣлѣ историческихъ обобщеній, какъ и въ исторіи, жатва зрѣетъ не годами, а поколѣніями.

Софіевка, 14 Августа 1869 г.

I.

ИСТОРІЯ КНИГИ.

Въ 1796 году докторъ Гаэтано Чьони, членъ Флорентійской академіи, издалъ во Флоренціи, но подъ ложнымъ указаніемъ Амстердама, такъ называемыя новеллы Джиральдо Джиральди. Въ предисловіи онъ сообщалъ, что нашелъ ихъ въ числѣ рукописей, которыя пріобрѣлъ «тому назадъ пять лѣтъ». Рукописи,— продолжалъ онъ,— «были писаны большею частью рукою какого-то Винченцо Джиральди, и заключали выдержки изъ греческихъ, латинскихъ и тосканскихъ авторовъ, а также нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ имъ въ разныхъ братствахъ, къ которымъ онъ принадлежалъ. Въ заголовкѣ этихъ аскетическихъ дискурсовъ онъ прописалъ когда, по какому случаю и въ какомъ братствѣ они были произнесены; отмѣченные имъ года были между 1570 и 1590 или немного позже. Въ этомъ-то разнообразномъ матеріалѣ нашелъ я, въ связкѣ бумагъ, немного потерпѣвшей отъ времени, и эти новеллы, которыя въ началѣ не зналъ кому приписать, при совершенномъ отсутствіи какого-бы то ни было указанія на автора; съ своей стороны я не могъ полагать, чтобы онѣ принадлежали самому Джиральди, какъ по различію стиля, такъ и потому что на рѣчахъ, о которыхъ выше говорилось, онъ обыкновенно выставлялъ свое имя. Какъ-бы для того чтобы еще больше подкрѣпить мою догадку, въ концѣ связки отъискалась еще одна новелла, отдѣльная отъ предъидущихъ, которую Джиральди очевидно не захотѣлъ соединить съ прочими, потому что она была его сочиненія, и какъ всегда—помѣчена его именемъ. *Это навело меня на мысль, что онъ только переписалъ остальныя*; и такъ какъ внимательный пересмотръ привелъ меня къ заключенію, что онѣ относятся къ buon secolo, по крайней мѣрѣ гораздо древнѣе переписчика, то я и снялъ съ нихъ копію съ большимъ трудомъ, не столько по причинѣ почерка, вездѣ дурнаго,

иногда неразборчиваго до крайности, сколько потому что бумага мѣстами такъ протерлась и пострадала отъ времени и чернилъ, что разобрать письмо было въ высшей степени затруднительно. Кромѣ того многіе листы были оторваны, а другихъ недоставало вовсе, что̀ и произвело тѣ пропуски, какіе попадаются въ предисловіи (proemio) и въ новеллахъ второй и *седьмой*».

Этимъ впрочемъ не ограничились изслѣдованія издателя. Продолжая рыться въ оставшихся у него рукописяхъ, Чьони отыскалъ небольшой сборникъ въ четвертую долю листа, разнообразнаго содержанія, «въ которомъ, кромѣ поэмы Боккаччьо объ Африкѣ и Мензолѣ, не полной, но хорошаго стараго письма, какъ мнѣ сдается конца XIV вѣка; кромѣ нѣсколькихъ замѣтокъ о св. Андреѣ Корсини, о Санъ-Заноби, объ Аѳинскомъ герцогѣ, о происхожденіи черной и бѣлой партій, и нѣкоторыхъ другихъ статей по химіи и астрологіи, нашлась новелла съ такимъ заглавіемъ: *Favola composta per Giraldo Giraldi nel tempo della morìa nell'anno* 1479. Прочтя ее, я увидѣлъ, что она тождественна съ той, которая въ копіи Винченцо Джиральди стоитъ четвертой. Я принялся тщательно свѣрять копію съ оригиналомъ и нашелъ лишь небольшія отличія, да и тѣ незначительныя и не заслуживающія вниманія: развѣ только то одно, что гдѣ у переписчика стояло *fosse*, *avesse*, *prendesse* и т. п., тамъ у автора постоянно *fussi*, *avessi*, *prendessi* и т. п., безразлично для трехъ лицъ прошедшаго subjunctivi, въ чемъ я счелъ за лучшее послѣдовать автографу. *Теперь я болѣе не сомнѣвался, что авторъ новеллъ и есть этотъ самый Джиральдо Джиральди, тѣмъ болѣе что та новелла, которая носитъ его имя, и въ настоящемъ изданіи помѣщена четвертой,—автографъ и какъ будто первый очеркъ набросанный авторомъ, что̀ очевидно изъ поправокъ, сдѣланныхъ имъ, какъ во время сочиненія, такъ и послѣ*». Издатель вѣрилъ въ возможность существованія подлинника всѣхъ новеллъ, «*писаннаго рукою самаго автора*»; еслибъ этотъ подлинникъ нашелся, онъ помогъ бы наполнить тѣ пробѣлы въ копіи Винченцо, «*какіе видны въ предисловіи (proemio) и во второй и седьмой новеллахъ*».

Что касается до метода, котораго онъ держался при изданіи новеллъ, Чьони сообщаетъ, что онъ старался сохранить «тѣ различія, хотя бы и самыя мелкія, какія представляетъ снимокъ въ сравненіи съ автографомъ». «Такимъ образомъ я вездѣ слѣдовалъ копіи Джиральди младшаго, оставляя ее только въ тѣхъ случаяхъ, *гдѣ могъ воспользоваться подлинникомъ*. Я впрочемъ не считалъ

дозволеннымъ по орѳографіи оригинальной новеллы исправлять правописаніе другихъ, и потому оставилъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представлялись въ полномъ спискѣ Винченцо Джиральди».

Наконецъ, чтобы удовлетворить любопытству ученыхъ, или скорѣе чтобы отдалить всякую возможность подозрѣнія, Чьони помѣстилъ автографъ новеллы Джиральдо Джиральди въ Риккардіанскую библіотеку, «не столько изъ преданности къ ея именитому обладателю, сколько по старой дружбѣ съ ея ученымъ библіотекаремъ, аббатомъ Франческо Фонтани».

Мы сочли необходимымъ для цѣли нашего изслѣдованія сообщить in extenso выдержки изъ предисловія, помѣщеннаго въ заголовкѣ перваго изданія новеллъ. Это пригодится намъ въ послѣдствіи.

Кажется, что въ пору ихъ перваго обнародованія новеллы Джиральди не возбудили никакого подозрѣнія относительно ихъ подлинности. Напротивъ, Альберти упомянулъ ихъ въ своемъ Dizionario Enc'clopedico, и если графъ Антонъ Франческо Борромео, говоря о нихъ въ своемъ Catalogo de' Novellieri Italiani стр. 38, 39 (Bassano 1805) какъ будто сомнѣвается, не скрылся ли самъ Чьони подъ вымышленнымъ именемъ Джиральди, это сомнѣніе выражено такъ осторожно и стороной, что не бросало никакой тѣни на доброе имя Чьони. Другое дѣло Гамба (Serie de' testi di lingua, Milano 1812 p. 522): подозрѣніе графа Борромео становится для него вполнѣ дознаннымъ фактомъ, т. е. что Чьони и есть настоящій авторъ новеллъ, которыя онъ выдалъ за произведеніе Джиральди Старшаго.

Въ виду подобныхъ подозрѣній молчаніе Чьони кажется намъ по крайней мѣрѣ страннымъ: онъ даже какъ будто доволенъ обвиненіями въ подлогѣ, и его самолюбіе пріятно щекочутъ похвалы, которыя расточаютъ ему за искусство, съ какимъ онъ «съумѣлъ усвоить себѣ манеру и элегантную простоту нашихъ старыхъ разскащиковъ». Мы привели слова Гамбы.

Когда израсходовалось первое изданіе новеллъ и издателю вздумалось сдѣлать другое, онъ обратился къ Чьони съ просьбой вывести его изъ затруднительной неизвѣстности, въ которой онъ находился вслѣдствіе разнаго рода слуховъ, возбужденныхъ его книгой. Чьони ничего не отвѣтилъ ему на этотъ запросъ; вмѣсто того онъ предложилъ издателю нѣсколько другихъ новеллъ, *извлеченныхъ изъ другихъ рукописей*. «Новеллы эти, говорилъ онъ, «хотя и не носятъ имени Джиральди и отличаются инымъ стилемъ, тѣмъ не менѣе могутъ быть присоединены при перепечаткѣ

прежнихъ»; за тѣмъ слѣдовало извиненіе автора, что недостатокъ «свободнаго времени не позволяетъ ему приложить къ новелламъ какія-бы то ни было объяснительныя примѣчанія, какъ историческія, такъ и касающіяся языка». Такъ говоритъ Avviso въ началѣ втораго изданія (стр. X), гдѣ между прочимъ указывается, что вторая изъ вновь приложенныхъ новеллъ, подписанная буквами F. B., можетъ быть сочиненія Франческо Берни, «*и что такъ какъ всѣ остальныя отличаются каждая особымъ стилемъ, то возможно предположеніе, что и принадлежатъ онѣ различнымъ авторамъ*». Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти предположенія, въ особенности касающееся второй новеллы, были внушены издателю самимъ Чьони; это доказывается между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что передъ означенной новеллой помѣщено письмо къ Аньоло Довиціо, который былъ другомъ Берни, и что самое письмо подписано начальными буквами F. B.

Четыре года спустя по выходѣ втораго изданія новеллъ въ 1819 году, Антоніо Бенчи написалъ о нихъ критическую статью, въ *Антологіи* (1823 іюль XXXI). Упомянувши о сужденіяхъ графа Борромео и Гамбы, онъ объявляетъ себя ихъ сторонникомъ: Чьони человѣкъ отъ природы веселый, любитъ поострить въ пріятномъ обществѣ и не прочь отъ шутокъ; онъ и прежде забавлялся тѣмъ, что поддѣлывался подъ слогъ писателей XVI-го вѣка и т. п. Въ концѣ концовъ только четвертая новелла въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Джиральди, такъ какъ её можно видѣть въ рукописи Риккардіанской библіотеки, всѣ-же остальныя должны быть приписаны самому Чьони. Бенчи останавливается нѣкоторое время на разсказѣ объ амурныхъ приключеніяхъ Марсиліи, какъ передаетъ ихъ настоящій Джиральди, и за тѣмъ дѣлаетъ обзоръ остальнымъ новелламъ, которыя относитъ на счетъ подложнаго. «Во второй новеллѣ (которую Чьони прервалъ по срединѣ, дабы подумали, что она въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Джиральди, и что пропускъ находится въ рукописи), во второй новеллѣ напротивъ цѣломудренная жена проводитъ сладострастнаго негодяя. Въ третьей воспроизведена любовная исторія Франчески да Римини. Затѣмъ, слѣдомъ за четвертой новеллой, принадлежащей, какъ замѣчено, настоящему Джиральди, помѣщены пять другихъ новеллъ, въ которыхъ дурные нравы постоянно охаяны, хотя иногда на нихъ-то и основано то привлеченіе, которое по мнѣнію автора новеллы должны были оказывать на читателя. Пора бы намъ отказаться отъ этой привычки: намъ

нужны книги болѣе чистой нравственности, здороваго содержанія, чтобы умъ могъ воспринимать мысли, ведущія къ тому общественному состоянію, которое желается, и само собою пало лѣнивое отродье, потворствующее бездѣлью. Самъ подложный Джиральди (потому что развѣ только за эту фикцію добрый и милый Чьони заслуживаетъ укора) почувствовалъ, какая насущная необходимость въ обновленіи даже новеллъ, присоединивъ въ этомъ новомъ изданіи четыре новеллы безупречнаго содержанія,—за что мы приносимъ ему нашу искреннюю благодарность. Отличаясь шутливымъ умомъ, Чьони *разнообразилъ стиль каждой изъ этихъ четырехъ новеллъ, иногда приближаясь къ Боккаччьо, иногда подражая другимъ и выдавая вторую за сочиненіе Берни.* Онъ любитъ скрывать свое имя на всевозможные лады, и намъ пріятно смотрѣть, какъ онъ поддѣлывается подъ наивную болтовню нашихъ праотцевъ, которую безъ сомнѣнія хотѣлъ передразнить въ новомъ введеніи, приложенномъ къ новымъ новелламъ. Вотъ что тамъ читается: «Conciossiachè, dove la retta ragione fievole e fiacca diviene, null'altro che un animal bruto rimane, sendo la differenza fra noi e loro solamente nel ragionevole. Perchè da' sommi filosofanti è stato detto l'uomo essere un animale ragionevole, laddove gli altri animali non ragionevoli ma bruti sono chiamati». Намъ хотѣлось бы посмѣяться такъ, какъ смѣялось Чьони, когда онъ писалъ эти великолѣпные доводы, которыми полны наши древнія хартіи».

Хотѣлось бы посмѣяться и намъ, если возможно еще смѣяться въ виду такого ненужнаго богатства ошибокъ и мистификацій; но на этотъ разъ въ насъ возбуждаетъ смѣхъ лишь невинное заблужденіе Бенчи. Тѣ четыре новеллы, исполненныя нравственности, за которыя онъ благодаритъ Чьони, до такой степени ему не принадлежатъ, что онѣ читаются буквально въ одной старой рукописи, судьбы которой мы готовимся изучить; между тѣмъ какъ въ числѣ предъидущихъ, показавшихся наивному Бенчи не со всѣмъ приличными, легко выберется та или другая, на которую Чьони могъ бы предъявить съ бо́льшимъ основаніемъ свои авторскія права. Что касается до разнообразнаго стиля, будто отличающаго вновь приложенныя новеллы, то подходящаго къ стилю Боккаччьо, то къ манерѣ Берни, мы склонны видѣть въ этомъ по меньшей мѣрѣ иллюзію Бенчи, къ которой привели его обоюдо-острыя слова издателя, упомянутыя выше. На самомъ же дѣлѣ эти новеллы отлиты въ одну и ту же форму, изобличаютъ одну и ту же руку, при-

надлежатъ одному и тому же автору, который или самъ изобрѣлъ ихъ, или только записалъ въ рукописи, указанной нами. Точно также падаетъ предположеніе, будто Чьони задумалъ въ предисловіи къ новымъ новелламъ скаррикатурить слогъ старыхъ итальянскихъ разскащиковъ: читатель убѣдится въ этомъ самъ, когда прочтетъ воспроизведенный со страницъ древней рукописи тотъ самый отрывокъ, который цитуетъ Бенчи въ доказательство сатирическихъ цѣлей Чьони.

Въ томъ же самомъ 1823 году Чьони представилъ изданныя имъ новеллы на соисканіе преміи академіи della Crusca. Это уже равнялось признанію.

Продолжая библіографію критическихъ отзывовъ, вызванныхъ нашею книгой, укажемъ здѣсь въ порядкѣ времени на статью Джиральдо Джиральди, помѣщенную въ Bibliografia Pratese (Prato 1844 1 №139) и ограничивающуюся воспроизведеніемъ предъидущихъ сужденій [1]). Надо полагать, что мнѣніе о подлогѣ и объ авторствѣ Чьони было довольно общее и установившееся въ литературныхъ кружкахъ, когда составленъ былъ тотъ родъ протокола, который читается на листѣ, нарочно приложенномъ къ рукописи подлинной новеллы Джиральдо Джиральди, помѣщенной самимъ Чьони въ Риккардіанскую библіотеку съ цѣлью сдѣлать ее доступною публикѣ. Рукопись эта на бумагѣ помѣчена нумеромъ 713 [2]) и сопровождается слѣдующимъ извѣщеніемъ, Notizie preliminari, которое мы воспроизводимъ.

«Это автографъ четвертой изъ новеллъ Джиральдо Джиральди, помѣщенной на стр. 33 ихъ втораго изданія, напечатаннаго во Флоренціи въ 1819 году, съ ложнымъ указаніемъ Амстердама.

«Нечего распространяться объ этихъ новеллахъ. Каждый можетъ прочитать въ предисловіи къ нимъ, что̀ ему интересно узнать. Имя настоящаго ихъ автора ни для кого болѣе не тайна съ тѣхъ поръ какъ Гамба въ своей Bibliografia dei Novellieri italiani (Firenze 1835 p. 55) открылъ его имя и докторъ Гаэтано Чьони самъ призналъ ихъ за свои, за исключеніемъ впрочемъ настоящей, которую всякій безъ сомнѣнія признаетъ не только подлинникомъ, но и автографомъ.

«Присоединю къ этому, что настоящая рукопись была передана въ Риккардіанскую библіотеку, какъ сообщается издателемъ въ предисловіи къ изданію 1819 года, но что, когда за послѣдовавшей смертью ученаго библіотекаря, аббата Франческо Фонта-

ни, Чьони вздумалъ ее розыскивать, она оказалась ненаходимой. Прошло нѣсколько лѣтъ и рукопись считалась затерянной и можетъ быть похищенной, когда въ прошедшемъ іюнѣ я пріобрѣлъ отъ наслѣдника Фонтани манускрипты, принадлежавшіе покойному аббату, и, къ моему счастью, открылъ между ними и настоящую новеллу, которую мой бѣдный другъ, человѣкъ безупречной нравственности, взялъ къ себѣ на домъ, вѣроятно за тѣмъ, чтобы подвергнуть ее критическому разсмотрѣнію, и не успѣлъ возвратить ее на прежнее мѣсто, когда его застала смерть. Я захотѣлъ удостовѣрится въ фактѣ и въ тождественности рукописи и немедленно отнесъ ее къ моему другу доктору Чьони подъ предлогомъ попросить его, не можетъ ли онъ дать мнѣ относительно ея какія нибудь указанія. Онъ тотчасъ же призналъ рукопись, и нечего говорить какую радость онъ обнаружилъ при видѣ дорогаго для него предмета, который столько лѣтъ считалъ потеряннымъ. Мой старый почтенный другъ, сохраняющій,—не смотря на преклонный возрастъ 86-ти лѣтъ,—живость духа и свѣжесть ума, какой мы позавидовали бы въ 25-ти лѣтнемъ юношѣ, мой почтенный другъ показалъ мнѣ при этомъ случаѣ свой собственный экземпляръ изданія 1819 года, въ которомъ онъ отмѣтилъ подъ каждой новеллой имена друзей, внушившихъ ему содержаніе каждой изъ нихъ. Въ припискѣ къ настоящей новеллѣ онъ замѣчалъ, что ея автографъ, положенный имъ въ Риккардіанскую библіотеку, къ несчастію, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не могъ быть въ послѣдствіи найденъ, и пожелалъ чтобы подъ этою замѣткой я самъ написалъ извѣстіе о счастливой и неожиданной находкѣ.

«Онъ повторилъ мнѣ, что напрасны были его прилежныя старанія собрать какія-бы то ни было свѣдѣнія о Джиральдо Джиральди, настоящемъ авторѣ этой новеллы, и что ему ничего не удалось прибавить къ тому, что̀ уже сказано было въ предисловіи. И мнѣ также не удалось открыть это имя ни въ одной біографіи или литературной исторіи, такъ что становится вѣроятнымъ предположеніе, что отъ него ничего не сохранилось для потомства, кромѣ настоящей новеллы.

«Теперь я велѣлъ ее приличнымъ образомъ переплесть, и, возвращенная мною наслѣднику Фонтани, она снова займетъ свое прежнее мѣсто въ Риккардіанской библіотекѣ и по прежнему будетъ доступна публикѣ. Рекомендуемъ ея теперешнему ученому

и трудолюбивому библіотекарю сохранность этой драгоцѣнной рукописи».

Флоренція, 14 сентября 1846 г.

G. M

già B. P.

Очень вѣроятно, что заглавныя буквы, выставленныя въ концѣ, должны означать: Giuseppe Molini, già bibliotecario Palatino (Джузеппе Молини, бывшій библіотекарь Палатинской библіотеки).

Въ 1852 году Франческо Бонапни читалъ въ Флорентійской академіи dei Georgofili похвальное слово Чьони (Elogio del dottor Gaetano Cioni, Firenze, tipografia Galileiana, 1852), но мы узнали о немъ слишкомъ поздно и когда невозможно было достать экземпляра. Оттого мы не можемъ сказать, на сколько въ ней подвинутъ вопросъ насъ занимающій.

Сорокъ одинъ годъ спустя послѣ критической статьи Антоніо Бенчи, Джьовамбаттиста Пассано воспроизвелъ въ своихъ Novellieri italiani in prosa indicati e descritti (Milano, Schiepatti, 1864) сужденія Альберти, графа Борромео, Гамбы и Антоніо Бенчи, не присоединивъ къ нимъ никакого собственнаго заключенія. Мы не знаемъ поднималъ ли послѣ того кто нибудь вопросъ о новеллахъ Джиральдо Джиральди; думаемъ что нѣтъ.

Прежде чѣмъ перейти къ критическому разсмотрѣнію рукописи, которую предполагаемъ изучить, считаемъ нужнымъ сопоставить здѣсь тѣ немногія свѣдѣнія, какія объ этомъ предметѣ сообщаетъ намъ самъ издатель.

Прежде всего, говоря объ изданіи 1796, онъ сообщаетъ, что заимствовалъ свои новеллы изъ собственноручной копіи Винченцо Джиральди, которою вездѣ руководился въ установленіи печатнаго текста, за исключеніемъ впрочемъ того отрывка, гдѣ онъ могъ обратиться къ подлинной новеллѣ Джиральдо Джиральди. Дальше сообщается, что этому Джиральдо Джиральди съ большой вѣроятностью можетъ быть приписано сложеніе и другихъ новеллъ, которыя Винченцо только переписалъ; что наконецъ нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что когда нибудь отыщется и подлинная рукопись новеллъ Джиральдо Джиральди, которая поможетъ наполнить пробѣлы текста въ рукописи Винченцо.—Что касается до новеллъ присоединенныхъ въ изданіи 1819 года, Чьони говорилъ, что онѣ не принадлежатъ Джиральди и должны быть приписаны различнымъ авторамъ.

II.

ИСТОРІЯ РУКОПИСИ.

Работая во Флорентійскихъ библіотекахъ надъ собираніемъ матеріаловъ для литературной исторіи Италіи въ послѣднія десятилѣтія XIV вѣка, я случайно напалъ, слѣдуя указанію Келлера въ его Romvart, на одну рукопись Риккардіанской библіотеки, помѣченную въ ея рукописномъ каталогѣ № 1280 и такимъ общимъ опредѣленіемъ: *Romanzo e novelle* (Романъ и новеллы). Рукопись въ листъ, сборная, писана на бумагѣ и судя по письму принадлежитъ послѣднимъ годамъ XIV вѣка или первой четверти послѣдующаго столѣтія. Въ началѣ сборника помѣщена легенда св. Плаутиллы и Домитиллы, за которой слѣдуетъ словословіе въ стихахъ (laude) въ честь послѣдней святой; [3]) за тѣмъ идетъ романическій разсказъ, неполный въ началѣ, хотя кажется можно сказать безъ ошибки, что недостаетъ лишь немногаго. Писанъ онъ рукой отличной отъ той, которая начертала легенды, но всё же современной ей; рукопись безъ всякаго сомнѣнія автографъ, такъ какъ она представляетъ частыя помарки, поправки и варіанты, вписанные той же рукой между строкъ либо на поляхъ; разсказъ не конченъ и прерывается на половинѣ фразы: A cui il maestro così graziosissimo rispondea.... Это даетъ намъ нѣкоторое право предположить, что нашъ романъ никогда не былъ оконченъ и не получилъ отъ автора послѣдней отдѣлки, потому ли что смерть воспрепятствовала окончанію, или автору надоѣла начатая работа.—Прибавимъ ко всему этому, что большая часть рукописи испещрена на поляхъ примѣчаніями Антона Маріи Сальвини (1653—1729), состоящими иногда въ выпискѣ и объясненіи замѣчательныхъ словъ и оборотовъ встрѣчающихся въ текстѣ. Очевидно, онъ пользовался имъ съ лексическою цѣлью.

Когда я въ первый разъ принялся разбирать Риккардіанскую рукопись, я случайно наткнулся въ ней на новеллу, поразившую

меня своимъ сходствомъ съ какой-то другой, которую казалось я гдѣ-то видѣлъ въ печати. Чѣмъ дальше шло чтеніе и чѣмъ пристальнѣе оно становилось, тѣмъ сильнѣе росла эта увѣренность; пока наконецъ, послѣ цѣлаго ряда необходимыхъ справокъ, мнѣ удалось открыть въ сборникѣ новеллъ, напечатанныхъ съ именемъ Джиральдо Джиральди, ту самую новеллу, которая остановила мое вниманіе при чтеніи рукописи. Сходство было такое очевидное, что мысль о связи печатнаго текста съ рукописнымъ являлась сама собою: тѣ же самые обороты, одинъ стиль, наконецъ однѣ и тѣ же слова, только что иное слово казалось въ печати подновленнымъ, переложеннымъ въ лексическія формы болѣе близкія къ намъ, иное было выкинуто, другое приставлено, какъ будто затѣмъ, чтобы округлить рѣчь по стилистическимъ разсчетамъ. Но это были исключенія: въ большинствѣ случаевъ сходство оказывалось *дословное*. Этого было достаточно, чтобы побудить къ дальнѣйшимъ сравненіямъ: путь былъ указанъ и сравненія напрашивались сами собою. Когда съ каждой новеллой, какая открывалась въ риккардіанскомъ текстѣ, являлись новыя черты тождества съ разсказами обнародованными Чьони, очень естественно было явиться вопросу: въ какихъ отношеніяхъ находятся эти послѣдніе къ нашей рукописи.

Въ разрѣшеніи этого вопроса приходилось на первый разъ отправиться отъ показаній самого Чьони и принять на вѣру сообщенныя имъ палеографическія данныя. Что такое въ самомъ дѣлѣ риккардіанская рукопись? Списокъ ли это, сдѣланный рукою Винченцо Джиральди? Но почеркъ нашего манускрипта можетъ быть отнесенъ по меньшей мѣрѣ къ первымъ годамъ XV-го вѣка, а младшій Джиральди жилъ въ концѣ XVI-го; не говоря уже о томъ, что въ Палатинской библіотекѣ (теперь присоединенной къ національной) находятся подъ №№ E, 5, II, 17 и 21, 4, 1064 автографы Винченцо Джиральди, не представляющіе никакого сходства съ почеркомъ нашей рукописи. Прибавимъ къ этому, что въ ней какъ нарочно недостаетъ первыхъ четырехъ новеллъ, которыя Чьони воспроизвелъ въ своемъ изданіи будтобы по списку Винченцо Джиральди. Разумѣется подобное соображеніе, поставленное само по себѣ, не имѣетъ особеннаго вѣса: въ нашей рукописи недостаетъ первыхъ листовъ (или м. б. однаго перваго); кромѣ того нѣсколько другихъ выпало въ срединѣ, такъ что всегда возможно предположеніе, что недостающія четыре новеллы утратились изъ риккардіанскаго списка лишь

въ недавнее время, и что Чьони могъ пользоваться имъ въ болѣе сохранномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ онъ дошелъ до насъ.

За отстраненіемъ этой гипотезы является другая: если наша рукопись не списокъ сдѣланный Винченцо, то не есть ли она тотъ подлинникъ Джиральдо Джиральди, при помощи котораго, еслибы онъ былъ найденъ, Чьони надѣялся пополнить пробѣлы своего изданія? Но и противъ этой гипотезы поднимаются всякого рода невозможности. Прежде всего палеографическія: наша рукопись автографъ, точно такъ же какъ автографъ та новелла Джиральдо Джиральди, которая сохраняется подъ № 713 въ Риккардіанской библіотекѣ, куда, какъ мы видѣли выше, помѣстилъ ее самъ Чьони. Простое сличеніе обѣихъ рукописей достаточно для того, чтобы убѣдить всякаго, что принадлежатъ онѣ двумъ различнымъ рукамъ, и что между почерками той и другой разстояніе по крайней мѣрѣ восьмидесяти лѣтъ. Кромѣ того мы видѣли, что въ нашемъ манускриптѣ отсутствуютъ, кромѣ первыхъ трехъ, еще четвертая новелла изданія Чьони, та самая, которая въ риккардіанской рукописи 713 помѣчена именемъ Джиральдо Джиральди: отсутствіе въ высшей степени странное, если послѣ всего сказаннаго было бы еще возможно допустить, что наша рукопись и есть утраченный подлинникъ Джиральдо Джиральди. А мы только-что показали, что это палеографически немыслимо.

Какъ бы то ни было, и какъ ни подозрительны являлись намъ до сихъ поръ черты сходства между текстомъ Чьони и нашимъ рукописнымъ, всего этого еще недостаточно, чтобы очернить память издателя и возбудить противъ него обвиненіе въ плагіатѣ. На столько мы можемъ сказать съ достовѣрностію, что наша рукопись не тождественна съ автографомъ Винченцо Джиральди, на который ссылается Чьони; еще менѣе вѣроятности, чтобъ она была тѣмъ подлинникомъ новеллъ Джиральдо Джиральди, который, по мнѣнію издателя, когда нибудь еще найдется. Все это не исключаетъ третьей возможности: наша рукопись можетъ быть совершенно самостоятельна, отлична отъ двухъ искомыхъ и древнѣе чѣмъ та и другая. Старшій Джиральди могъ воспользоваться ею, извлечь изъ нея тѣ новеллы, какія болѣе приходились ему по вкусу, перемѣшать ихъ съ другими своего собственнаго изобрѣтенія, и потомъ расположить по своему, вложивъ ихъ въ уста общества, которое, убѣжавъ отъ чумы, постигшей Флоренцію въ 1478 и 1479 годахъ, коротало разсказами скуку невольнаго изгнанія. При такомъ построеніи фактовъ, толь-

ко этотъ послѣдній замыселъ пришлось бы приписать воображенію старшаго Джиральди, что̀ заставляетъ предполагать и автографъ его новеллы, сочиненной во время чумы 1479 года (*nel tempo della morìa nell'anno* 1479) и еще болѣе тѣ слова печатнаго введенія къ новелламъ (2-ое изд., стр. 2), гдѣ писатель объявляетъ себя современникомъ описываемыхъ событій и соучастникомъ въ томъ обществѣ разскащиковъ, которое онъ самъ выводитъ на сцену. «Il quale», говоритъ онъ о себѣ, «siccome quello che più degli altri giovane era, e che di imparare suto sono sempre desideroso, quanto allora udii, a memoria del recevuto piacere, avvisai di raccogliere ed iscrivere, non con quel purgato ed isquisito stile in che detto fu, ma con tale che al mio debole ingegno potesse convenire».[4]) Такое признаніе автора нисколько не противорѣчитъ предположенію, высказанному выше касательно отношеній старшаго Джиральди къ новелламъ нашей рукописи. Не надо забывать, что литературные нравы нашихъ предковъ были гораздо покладистѣе, понятія о литературной собственности шире: пользованіе чужимъ добромъ для своихъ собственныхъ цѣлей, въ особенности когда дѣло шло о новеллахъ, хроникахъ, историческихъ разсказахъ и т. п. никому и въ голову не приходило называть плагіатомъ. Такъ весь наличный капиталъ апологовъ, нравоучительныхъ изрѣченій и т. п., унаслѣдованный средними вѣками отъ Востока и классической древности, переходилъ безпрепятственно отъ одного моралиста къ другому, иногда безъ имени, часто безъ указанія источника. Такъ Джіованни Виллани безнаказанно переписывалъ Малиспини, даже не называя его, а другой Малиспини, гораздо болѣе поздній, изъ числа своихъ 200 новеллъ 93 заимствовалъ изъ Cent nouvelles nouvelles, другія изъ Діаны Монтемайора, нѣкоторыя изъ иныхъ источниковъ; и всѣ эти новеллы разсказываются у него обществомъ дамъ и кавалеровъ, будто бы убѣжавшихъ въ окрестности Тревизо отъ чумы, которая свирѣпствовала въ Венеціи въ 1580 году. Не даетъ ли это намъ поводъ предположить нѣчто подобное относительно заимствованія старшимъ Джиральди новеллъ изъ нашей рукописи, которыя онъ только расположилъ по своему усмотрѣнію?

Но прежде всего замѣтимъ слѣдующее. Еслибы писатель послѣднихъ годовъ XV-го столѣтія задумалъ воспользоваться фактомъ чумы, либо какимъ нибудь другимъ *современнымъ* событіемъ, и въ его рамки поставилъ общества разсказчиковъ, изъ какихъ бы другихъ, болѣе древнихъ источниковъ (въ данномъ случаѣ наша

рукопись) онъ ни заимствовалъ свои разсказы, нѣтъ сомнѣнія, что онъ вложилъ бы ихъ въ уста *современныхъ событію* личностей, которыхъ либо назвалъ по имени, если напр. событіе было въ самомъ дѣлѣ историческое, а не изобрѣтенное, либо далъ-бы имъ выдуманныя прозвища, какъ то и сдѣлалъ Челіо Малиспини. Еслибъ наконецъ въ древнемъ сборникѣ новеллъ, или романѣ, котораго содержаніе онъ эксцерпировалъ, ему встрѣтились лица названныя по имени, и эти лица были историческія и ему хорошо извѣстныя, мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать, что онъ не сдѣлалъ-бы оплошности перенесши ихъ вмѣстѣ съ новеллами, которыя они разсказываютъ, въ среду событій, которыхъ они не могли быть свидѣтелями, потому что умерли лѣтъ 80 тому назадъ. А между тѣмъ въ такой именно необъяснимой оплошности пришлось-бы обвинить Джиральдо Джиральди, если разъ признать за доказанную связь новеллъ, ходящихъ подъ его именемъ, съ текстомъ нашей рукописи,—связь, которую отрицать невозможно и которая становится намъ все яснѣе. Забѣгая впередъ къ тому, что̀ будетъ подробнѣе развито въ четвертой главѣ, мы можемъ теперь-же сообщить, что нашъ текстъ представляетъ нѣчто въ родѣ романа, или лучше рядъ новеллъ, слабо соединенныхъ общимъ дѣйствіемъ и перемежающихся разговорами, которые велись въ окрестностяхъ Флоренціи на исходѣ XIV-го вѣка. Самъ авторъ ихъ записавшій, тогда еще безбородый юноша, [5]) говоритъ о себѣ, что принималъ участіе въ этихъ разговорахъ вмѣстѣ со многими другими лицами, которыми гордилась тогда Флорентійская республика и флорентійскій университетъ (studio). Между ними были Колуччіо Салутати, Луиджи Марсили, Алессандро дельи Алессандри, Алессандро ди сэръ Ламберто, Франческо Ландини Сіесо (слѣпой) или degli Organi (органистъ); Марсиліо ди Санта Софія, родомъ изъ Падуи, знаменитый медикъ, какой-то Біаджіо Сернелли, веселый разкащикъ и нѣкоторые другіе, о которыхъ здѣсь не упоминаемъ, чтобы имѣть возможность поговорить о нихъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Что скажемъ мы, если съ нѣкоторыми изъ этихъ личностей мы встрѣтимся снова, какъ будто какимъ-то чудомъ, въ обществѣ Джиральдо Джиральди, во время флорентійской чумы 1478-го года? Біаджіо Сернелли все тотъ-же вѣчный разкащикъ, какимъ былъ въ 1389-мъ году—потому что къ этому времени мы относимъ дѣйствіе описанное въ нашемъ романѣ; упоминается какой-то мессеръ Алессандро, Франческо Сіесо (Чьони печатаетъ: сіесо,

какъ будто дѣло идетъ о нарицательномъ, а не о прозвищѣ), умершій въ 1397 году, все еще играетъ въ 1478, и ему, неизвѣстно какимъ образомъ, еще вторятъ двѣ красивыя дѣвушки (due vezzosissime pulcellette), напѣвая балладу совсѣмъ не похороннаго свойства. И какимъ образомъ могъ принимать участіе во всёмъ этомъ «божественный маэстро и отецъ намъ мессеръ Марсиліо, который своимъ высокимъ человѣколюбіемъ и чуднымъ искусствомъ помогалъ до сихъ поръ своимъ несчастнымъ братьямъ и гражданамъ» (il divino maestro e padre nostro messer Marsilio, il quale con somma pietà coi suoi miracolosi argomenti gl'infelici frategli e cittadini suoi ha fino ad ora aitato)? Марсиліо да Санта Софія умеръ въ 1405 или самое позднее—въ 1411 году. Ужь не говоритъ-ли Джиральди про какого-нибудь другаго Марсиліо, какъ тонкимъ образомъ заставляетъ насъ предполагать издатель, цитуя отрывокъ изъ Consiglio della peste Марсилія Фицина? (См. 2-е изд. Чьони стр. 136, 3; 137—8).

Какъ-бы то было, мы спрашиваемъ себя: есть-ли какая возможность предположить въ концѣ XV-го вѣка такое забвеніе недавно отошедшихъ свѣтилъ флорентійской исторіи, которое позволило бы туземному автору перенести ихъ безнаказанно, хотя-бы даже безсознательно, въ коловоротъ современной жизни, и перенести такъ, чтобъ другіе его не остановили и онъ самъ того не замѣтилъ? Мы этому не вѣримъ, точно такъ же какъ не вѣрится намъ, чтобы послѣ усилій Пульчи, Полиціано и Лоренцо Медичи, возстановившихъ упадшій блескъ итальянской рѣчи, ея творческая сила была такъ слаба и ничтожна, что могла возбудить въ писателѣ желаніе порыться въ древнихъ рукописяхъ, не за тѣмъ только, чтобы извлекать изъ нихъ новеллы и повѣсти, потому что такое дѣло было въ порядкѣ вещей (вспомнимъ передѣлки, rifacimenti, Мольцы, Сансовино и др.), но чтобъ подсмотрѣть въ нихъ тотъ или другой красивый оборотъ рѣчи, особенность выраженія, хорошо звучащій періодъ и затѣмъ вставлять эти отрывки мозаичной работой въ свой собственный текстъ, гдѣ покажется пригоднѣе. Между тѣмъ нѣчто подобное замѣтно на текстѣ, приписываемомъ Джиральди: первыя строки введенія къ новелламъ носящимъ его имя не что иное, какъ частью дословное повтореніе, частью передѣлка начальныхъ строкъ третьей книги нашего романа [6]); остальная часть введенія, разумѣется, говоритъ о другомъ, о заговорѣ Пацци (tradigione di quelli de' Pazzi), о чумѣ и другихъ тому

подобныхъ матеріяхъ, которыя очевидно не стоятъ въ необходимой связи съ главной цѣлью введенія и въ рукописномъ текстѣ не находятъ ничего себѣ соотвѣтствующаго. Другой примѣръ подобнаго рода представляетъ намъ наша вторая книга (стр. 82—3 воспроизведеннаго нами риккардіанскаго текста). Приближаясь съ своимъ обществомъ къ городу Поппи, графъ Карлъ приказываетъ Джинджиккіо, своему сокольничему (suo dilettevole istozzieri), отправиться впередъ, чтобы приготовить имъ веселый ужинъ. «Prestissimo dette le brievi parole, non altrementi ch'un velocissimo vento, Gingichio verso Poppi sparìo, per tale forma e maniera, che non altrementi parea volontà ferventissima di prestissimamente fare la'mbasciata al cavallo ch'a lui. Perchè con un piacevolissimo motto il conte Carlo sogiunse: Dê, vedi com'e *quanto buono e presto famiglio è il nostro veloce Gengicchio*, *pure che a lui comandato gli sia materia lietissima da godere e sanza fatica a'ngrassare*» [7]). Надо полагать, что эта послѣдняя острота графа Карла должна была особеннымъ образомъ понравиться Джиральди, если онъ нашелъ нужнымъ повторить ее почти тѣми же словами въ заключеніи своей 9-й новеллы (стр. 135, 2-го изданія), гдѣ всё общество хвалитъ Мессера Никколайо за великолѣпный ужинъ, который онъ для нихъ приготовилъ, а тотъ шутливо отвѣчаетъ: «Amici e compagni miei, me commendare non dovete, ma bensì apertamente conoscere *quanto buono e presto famiglio è il nostro Gingichio*, *purchè a lui comandata materia lietissima di godere gil venga*, *e sanza fatica ingrassare*» [8]). Есть ли какая возможность допустить въ писателѣ XV-го вѣка такого рода филологическую аффектацію, такое исканіе словъ, достойное развѣ какого нибудь завзятаго академика прошлаго вѣка?

Соображенія, представленныя нами до сихъ поръ, отправлялись почти исключительно отъ разбора новеллъ, содержащихся въ первомъ изданіи Чьони. Въ результатѣ этого разбора получились нѣкоторыя сомнѣнія, которыя полезно будетъ формулировать яснымъ образомъ, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ розъисканіямъ. И такъ намъ показалось въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы автору, жившему въ XV вѣкѣ, могли быть приписаны тѣ грубые историческіе промахи, та необъяснимая игра чужими фразами, въ которой намъ приходится теперь обвинять Джиральдо Джиральди или кого другаго, кто былъ компиляторомъ новеллъ, напечатанныхъ Чьони. Чья-же тутъ была вина?

Разсмотрѣніе четырехъ новеллъ, присоединенныхъ къ второму изданію Чьони, приведетъ насъ къ разрѣшенію вопроса. Первая изъ нихъ адресована въ предшествующемъ ей безъименномъ посвященіи «почтенному во Христѣ отцу и магистру брату Луиджи Марсили, славному богослову» (Al reverendo in Cristo padre e maestro frate Luigi Marsili teologo prestantissimo), вторая Мессеру Аньоло Довиціо (A messer Agnolo Dovizio) съ посвятительнымъ письмомъ, которое помѣчено: «Римъ, 30-го Ноября 1552-го года» (di Roma, a'30 di Novembre 1552) и потомъ заглавными буквами имени и фамиліи писавшаго: «вашъ Ф. Б.» (il vostro F. B.), которыя издатель толкуетъ такъ: Francesco Berni (стр. 199 и XI предислов., изд. 2-е). Третья новелла разсказываетъ о похожденіяхъ Бонифація; четвертая о несчастной любви Кателлины. Изъ этихъ четырехъ новеллъ вторая положительно не принадлежитъ Джиральди, потому что подписана 1552 годомъ, а извѣстно что Джиральдо Джиральди писалъ въ 1478—9 годахъ. Что касается до другихъ, то и онѣ вѣроятно не принадлежатъ ему, какъ-то заставляютъ предполагать увѣренія Чьони, что *извлекъ онъ эти новеллы изъ другихъ рукописей*, и хотя онѣ и *не носятъ имени Джиральди и по слогу отличны отъ его собственныхъ, все-же заслуживали быть присоединенными къ ихъ новому изданію* (le quali per quanto non portino il nome del Giraldi e sieno di dettatura diversa, pure potevano aggiungersi in una ristampa, 2-a ed. Avviso p. X). Каково было бы наше удивленіе, еслибъ всѣ эти новеллы мы встрѣтили отъ слова до слова въ той самой рукописи, откуда, какъ было указано, заимствованы нѣкоторыя изъ повѣстей, помѣщенныхъ въ первомъ изданіи Чьони подъ именемъ Джиральдо Джиральди? А между тѣмъ дѣло обстоитъ именно такъ: первая новелла изъ присоединенныхъ во 2-мъ изданіи отвѣчаетъ 2-й рукописнаго текста; посвященіе обращенное къ Луиджи Марсили и предшествующее новеллѣ въ книгѣ Чьони, не что иное какъ отрывокъ изъ разсужденія графа Карла и самаго Марсили, которое въ рукописи онъ предпосылаетъ своему разсказу, между тѣмъ какъ въ печати этотъ самый разсказъ передается ему другимъ [9]). Вторая новелла Чьони соотвѣтствуетъ седьмой нашей рукописи; третья третьей, а четвертая восьмой. Само собою разумѣется, что письму къ Аньоло Довиціо въ рукописи не встрѣчается ничего соотвѣтствующаго, потому что писана она въ началѣ XV-го столѣтія, между тѣмъ какъ письмо помѣчено 1552-мъ годомъ. Какъ-бы то ни было,

былъ ли Франческо Берни его предполагаемымъ авторомъ (дальше мы увидимъ, что это хронологически невозможно) или кто другой, какимъ образомъ могъ онъ написать Аньоло Довиціо, «что и ему, какъ Мессеру Джіованни Боккаччьо, *пришла фантазія писать новеллы*» (è montato il grillo di scrivere novelle), когда новелла, выдаваемая имъ за свою, была совсѣмъ написана, лѣтъ за сто передъ нимъ, и *тѣми-же самыми словами*. Какъ видно во всемъ этомъ есть страшная запутанность и странныя совпаденія, которыя даютъ поводъ задуматься. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что нѣсколько разсказовъ нашей рукописи встрѣчаются передѣланные въ новеллахъ Джиральди, и, какъ такія, воспроизведены Чьони въ его первомъ изданіи; мы замѣтили, что передѣлка была сдѣлана такъ оплошно, сопровождалась такими историческими недоразумѣніями, что отнести ихъ на долю писателя XV-го вѣка оказалось нравственно невозможнымъ. Теперь мы видимъ другія новеллы, которыя также заимствованы изъ нашей рукописи, по крайней мѣрѣ онѣ читаются въ ней наряду съ прежними, и онѣ опять же воспроизведены во 2-мъ изданіи Чьони, на этотъ разъ безъ имени Джиральди, но съ такими же промахами, какъ и прежде: вспомнимъ только новеллу, приписанную Берни. Намъ становится ясно, что одна и та же не совсѣмъ умѣлая рука заправляла той и другой передѣлкой: разумѣется не рука Джиральди, но кого нибудь другаго, который явился послѣ Джиральди, послѣ Берни и Довиціо и могъ безнаказанно воспользоваться ихъ именами для своихъ собственныхъ цѣлей, въ литературномъ смыслѣ не совсѣмъ честныхъ. Не рука ли это самого Чьони?

Это сомнѣніе, если только еще есть возможность сомнѣваться, перейдетъ для насъ въ полнѣйшую увѣренность, когда мы сравнимъ внѣшній видъ и степень сохранности нашего текста съ тѣмъ, что̀ о воображаемой рукописи Винченцо Джиральди пишетъ Чьони (стр. XVII предислов. ко 2-му изданію). Описывая эту рукопись, онъ сообщаетъ между прочимъ, что снялъ съ нея копію съ нѣкоторымъ усиліемъ, «не столько вслѣдствіе почерка, вездѣ дурнаго, иногда плохаго до крайности, сколько потому что бумага такъ порвалась и поистерлась отъ времени и дѣйствія чернилъ, что разобрать фразу было въ высшей степени трудно. Кромѣ того я нашелъ, что нѣкоторые листы были переставлены, другихъ недоставало, что̀ и объясняетъ пробѣлы встрѣчающіеся въ введеніи и во II и VII новеллахъ». [10]) Все это можетъ быть сказано тѣми же самыми словами и о нашей рукописи, так-

же порванной и поистершейся и представляющей пробѣлы въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыя указываетъ Чьони. Правда, въ рукописномъ текстѣ нѣтъ ничего похожаго на 2-ую новеллу перваго изданія, потому что она присоединена была передѣлывателемъ (rifacitore), который такъ и нашелъ ее неполной въ какомъ нибудь другомъ сборникѣ и въ этомъ видѣ перепечаталъ, либо сочинилъ ее самъ и нарочно не кончилъ, чтобы, какъ пишетъ Бенчи, «заставить повѣрить, что она въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ Джиральди и оказалась неполною въ подлинникѣ» (per far credere che fosse del Giraldi e che l'originale mancasse). А что на это онъ былъ способенъ, лучше всего доказываетъ его VI новелла, которой отвѣчаетъ 9-ая нашей рукописи, гдѣ она является вполнѣ оконченной, какъ оконченною представляетъ ее и печатный текстъ, потому что тамъ и здѣсь разсказъ заключается одними и тѣми же словами: «da messer Lippo con gran tenerezza ed amore fu ricevuto» (108 стр. 2-го изд.); только что въ послѣднемъ случаѣ передѣлыватель нашелъ нужнымъ придать разсказу воображаемый видъ подлинности, присоединивъ къ нему длинное разсужденіе (стр. 108—10), которое онъ обрываетъ на срединѣ фразы, какъ будто нашелъ его именно въ этомъ видѣ. — Но обратимся къ VII-ой новеллѣ печатнаго изданія (стр. 111—117 2-го изд.): на ней мы лучше всего познакомимся съ манерой работать плагіатора и убѣдимся, что тотъ, кто такимъ образомъ могъ обходиться съ лежавшимъ передъ нимъ рукописнымъ матеріаломъ, способенъ былъ и на тѣ историческіе недосмотры и несообразности, на которыя мы указывали выше. Седьмой новеллѣ Чьони отвѣчаютъ въ нашемъ текстѣ 5 и 6 новеллы, обѣ неполныя и разбитыя. Первая разсказываетъ о смѣхотворныхъ приключеніяхъ аптекаря Онофріо (Nofri speziale) въ Вѣнѣ; начинается словами: E'fu in questi tempi uno giovane nostro fiorentino.... Se tu il vuoi vedere, va domane damattina a udire *messa in duomo*, *e lui vedrai* и т. п.; и останавливается на вопросѣ: *Son'eglino de'famigli del duca*? Конца недостаетъ. У второй, разсказывающей о путешествіи Берто и Морэ ко двору Венгерскаго короля, недостаетъ напротивъ начала (начин. [*non*] *ci à credito*, *se non chi è delli scopatori* и т. д.), и хотя она полна въ концѣ (riprendere la stoltizia de'compagni poco intendenti e pratichi. E così finìo il Sonaglino la sua novella con molte risa di chi quella udìa), представляетъ кое-какіе пробѣлы въ срединѣ разсказа, гдѣ часть листа, оторванная съ краю,

унесла съ собой нѣсколько словъ: fol recto.... *dentrovi la sua capellina di notte con non molta pecunia*, e saliti a cavallo preson il camino verso Bologna, e giunti finalmente..... ono a riposarsi, dicendo..... e acozzandosi insieme con More e Berto, e ciascuno le sue fatiche dicendo, finalmente il vetturale diliberò co'lloro girne in Ungheria. E riposatosi la notte, fatto la ragione coll'oste, la mattina si misono in cammino» и т. д.; fol. verso: chè saremo (te)nuti da tutta la vicinanza belli mocciconi..... sog (iugne?)ndo il v(etturale)..... mio, ben sapete che Berto favella..... fra nuove ginee disse l'... o..... troverovvi uno b..... l'isola и т. д.. Затѣмъ, начиная съ слѣдующаго листа, разсказъ уже идетъ не прерываясь до самаго заключенія новеллы. Интересно теперь посравнить, что сдѣлалъ изъ всего этого плагіаторъ. Передъ нимъ былъ текстъ разбитый, въ разныхъ мѣстахъ испещренный пробѣлами, и ему не удалось разобрать въ немъ отрывки двухъ различныхъ новеллъ, съ разными дѣйствующими лицами и именами и различнымъ содержаніемъ. Не долго думая, онъ изъ этихъ двухъ новеллъ сдѣлалъ одну, какъ только могъ лучше, измѣнивъ имя Морэ, который выведенъ на сцену въ нашей 6-й новеллѣ, въ Нофри, который дѣйствуетъ въ пятой; къ несчастію для самого себя онъ позабылъ вытянуть бѣлую нитку, обнаруживающую швы наживо стачанной работы, *сохранивъ съ дипломатическою точностью пробѣлы и опущенія, встрѣченныя имъ въ нашей рукописи*, которыя напрасно надѣялся прикрыть другими вымышленными пробѣлами, какъ-то сдѣлалъ въ новеллахъ 2-й и 6-й съ цѣлью доказать подлинность своего текста. Такъ онъ началъ свою 7-ую новеллу съ отрывочной фразы, которой начинается 6-ая новелла нашего текста (..... E non ci ha credito se non chi è degli scopatori), и затѣмъ продолжаетъ ее выписывать вплоть до перваго пробѣла, который мы въ ней указали, только что, по своему обыкновенію, онъ расширилъ его, заставивъ предположить его гораздо бо́льшимъ чѣмъ онъ есть на дѣлѣ, побуждаемый къ тому опять же какими-то плагіаторскими соображеніями и вовсе не соображеніями литературнаго свойства. Вотъ какъ разставленъ у него этотъ пробѣлъ: «dentrovi la sua cappellina di notte, con non molta pecunia; e saliti a cavallo verso Bologna presono il camino..... giunti finalmente..... si fermarono a riposarsi dicendo..... la ragione con l'oste и т. д.» Подобнаго рода фантастическій пробѣлъ, ни на что другое не указывающій, какъ на желаніе прикрыть под-

логъ, представляетъ намъ еще слѣдующая страница по изданію Чьони (стр. 114 2-го изд.): a dormire n'andarono..... voi non potete vedere il re così tosto, гдѣ въ рукописи нѣтъ никакого признака опущенія, и разсказъ идетъ не прерываясь, какъ то покажетъ слѣдующее сличеніе: *andarono a posarsi.* Venuto dapoi la mattina disse More al parente suo: «Giovanni mio, noi ci struggiamo di vedere i're; dê, fa che noi il veggiamo—or dove istà egli?» Giovanni presto diceva: *Voi nol potete così tosto vedere* и т. д.— Дойдя до средины нашей новеллы, гдѣ, какъ мы выше замѣтили, на оборотной сторонѣ листа снова начинается небольшой пробѣлъ въ соотвѣтствіе съ замѣченнымъ нами fol. recto, плагіаторъ воспроизводитъ эти опущенія, разумѣется не съ тою дипломатическою точностью, какую мы въ правѣ ожидать отъ подобнаго рода изысканій, и дозволяя себѣ отступить отъ подлинника: Maisì che da tutta la vicinanza belli moccioni saremmo tenuti e balordacci..... vedete che Berto favella..... Затѣмъ, вмѣсто того чтобы слѣдовать за рукописью, гдѣ за послѣднимъ пропускомъ разсказъ не прерывается до самаго конца, онъ вдругъ перескакиваетъ къ нашей 5-ой новеллѣ и беретъ изъ нея отрывокъ, который вѣроятно долженъ изобразить собой новый пробѣлъ въ его воображаемой рукописи:..... messa in duomo, e il vedrete; imperocchè suo costume è il dì delle feste stare in chiesa all'uffizio divino и т. д. (въ ркп. Se tu il vuoi vedere va domane damattina a udire messa in duomo, e lui vedrai, imperò ch'è suo costume и т. д.), тогда какъ въ нашемъ подлинникѣ новелла эта не представляетъ никакихъ пропусковъ въ началѣ и читается безъ перерыва, только что въ концѣ кое-чего недостаетъ. И этотъ недостатокъ сохранилъ плагіаторъ, но по обыкновенію не могъ удержаться, чтобъ не прибавить своего: въ рукописи новелла кончается вопросомъ: *Son eglino de'famigli del duca?.....*, въ текстѣ Чьони: *Sono eglino de'famigli del re? Alla fe'di Dio che e' non.....* За тѣмъ конца нѣтъ ни тамъ ни здѣсь; только въ текстѣ Чьони еще слѣдуетъ за неконченной новеллой пространное разсужденіе въ томъ же родѣ, какъ и помѣщенное за VI новеллой Джиральди и вѣроятно того же происхожденія: оно очевидно принадлежитъ плагіатору, передѣлавшему разсказы нашей рукописи, и въ самой рукописи нѣтъ ничего, что̀бы ему соотвѣтствовало. [11])

Мы надѣемся, что указанныя критико-дипломатическія соображенія, примѣненныя нами къ разбору нашего текста, разъяснили

до очевидности тотъ фактъ, что передѣлыватель новеллъ, напечатанныхъ въ обоихъ собраніяхъ Чьони, долженъ былъ по необходимости пользоваться романомъ риккардіанской рукописи № 1280. Выше мы пытались доказать, что этимъ передѣлывателемъ не могъ быть Джиральдо Джиральди; теперь становится ясно, что онъ долженъ былъ существовать лишь въ извѣстномъ отдаленіи отъ XVI-го вѣка, *чтобы позволить себѣ написать подъ именемъ Франческо Берни, умершаго въ* 1536 *году, то посвятительное письмо, которое помѣчено* 1552 *годомъ*. Въ этомъ пренебреженіи хронологіи мы узнаемъ тотъ же некритическій пріемъ, которымъ дѣйствующія лица нашего романа перенесены черезъ пространство нѣсколькихъ десятилѣтій къ флорентійской чумѣ 1478-го года, которой мотивированы новеллы перваго собранія Чьони. Если къ этому *единству* пріема присоединить то обстоятельство, что какъ *эти* новеллы, изданныя подъ именемъ Джиральдо Джиральди, такъ и разсказы, присоединенные ко второму изданію, очевидно заимствованы изъ *одного* источника, и этотъ источникъ—наша рукопись,—то ничего другаго не остается заключить, какъ только то, что передѣлыватель тамъ и здѣсь былъ *одинъ и тотъ же*, и мы не видимъ возможности ни на кого другаго обрушить эту роль, какъ на самаго Чьони. Предположить во всемъ этомъ плагіатъ Винченцо Джиральди и посредничество его списка, просто немыслимо. Мы видѣли выше, что описаніе этого воображаемаго списка, представленное Чьони, совпадаетъ до мелочей съ внѣшнимъ видомъ и опущеніями нашей рукописи; стало быть, если удержать показаніе Чьони, придется предположить, что, измѣняя во многомъ составъ и внутреннее расположеніе нашего оригинала, Винченцо въ другихъ случаяхъ ограничился его фотографическимъ воспроизведеніемъ, и какъ нарочно тамъ, гдѣ рукопись представляла всего болѣе неполноты и пробѣловъ. Намъ кажется по крайней мѣрѣ, что если Винченцо Джиральди существовалъ на самомъ дѣлѣ, какъ говоритъ Чьони и какъ доказывается между прочимъ его произведеніями, сохраненными въ Палатинской библіотекѣ, и если бы онъ принялся за передѣлку стараго текста, онъ поступилъ бы какъ всѣ прежніе rifacitori въ хорошемъ смыслѣ этого слова, въ родѣ Мольцы и другихъ: онъ подновилъ бы текстъ въ лексическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ, но разумѣется не воспроизвелъ бы его пробѣловъ и уберегся бы отъ историческихъ несообразностей. — Изъ всего этого мы въ правѣ заключить, что предполагаемый списокъ Винченцо Джиральди и есть наша Риккар-

діанская рукопись, и что, такъ какъ послѣдняя принадлежитъ первымъ годамъ XV-го столѣтія, то *Винченцо Джиральди переписчикъ новеллъ*, ходившихъ до сихъ поръ подъ именемъ его однофамильца, никогда не существовалъ, потому что Чьони цитуетъ его подъ 1570—90 годами; и что, однимъ словомъ, подъ именемъ Винченцо Джиральди скрылся не кто иной, какъ самъ Чьони.

Такимъ образомъ всѣ догадки, высказанныя Гамбой и Бенчи относительно авторства Чьони, подтвердились теперь прочными фактическими доказательствами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ догадкахъ многое придется измѣнить, по крайней мѣрѣ иначе формулировать. Чьони не сочинилъ новеллы, какъ думали до сихъ поръ его критики, слѣдовательно и не могъ разнообразить ихъ стиль, подражая въ одной Боккаччьо, въ другой другимъ новеллистамъ; онъ просто воспроизвелъ разсказы нашего романа. Можетъ быть, онъ показался ему болѣе разбитымъ и въ бо́льшемъ безпорядкѣ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; или онъ не далъ себѣ труда разглядѣть его внутреннюю связь и оцѣнить его историческое значеніе, и задаться такой работой считалъ потерей времени: какъ бы то ни было, онъ извлекъ изъ него однѣ новеллы, оставивъ въ сторонѣ всѣ разговоры и разсужденія, которыя ихъ связываютъ и въ историко-литературномъ смыслѣ представляютъ всего болѣе интереснаго матеріала. Такъ онъ опустилъ всю первую книгу, потому что въ ней ему не встрѣтилось ни одного разсказа, а во второй не воспользовался первой новеллой, которая могла ему показаться черезъ-чуръ длинной и немного скучной. За исключеніемъ этой, онъ не пропустилъ ни одной и всѣ включилъ въ свое собраніе; но, такъ какъ жатва представлялась не слишкомъ обильная, онъ къ этимъ новелламъ присоединилъ другія (отвѣчающія первымъ 5-ти и 8-й новелламъ 1-го изданія), которыя извлекъ изъ другихъ источниковъ, печатныхъ либо рукописныхъ— во всякомъ случаѣ не изъ нашей рукописи, хотя частые пробѣлы, встрѣчающіеся въ ней, могутъ дать поводъ къ сомнѣнію, что первоначально и эти прибавочные разсказы могли въ ней заключаться. Но простое сравненіе количества пробѣловъ и пространства, ими занимаемаго, съ количествомъ и протяженіемъ добавочныхъ новеллъ, достаточно, чтобъ удалить подобное сомнѣніе. Остается, стало быть, предположить, что компиляторъ почерпнулъ эти другіе разсказы гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, и было бы въ высшей степени интересно узнать, откуда именно онъ ихъ заимствовалъ и какимъ образомъ передѣлалъ. Несмо-

тря на всѣ наши старанія, наши поиски въ этомъ отношеніи не привели къ желаннымъ результатамъ. Замѣтимъ только здѣсь, что первая новелла изъ присоединенныхъ Чьони напоминаетъ своимъ общимъ содержаніемъ 2-ю новеллу VIII-го дня Декамерона[12]), что третья [13]) взята быть можетъ изъ комментарія Боккаччьо на Божественную Комедію, какъ то замѣтили другіе и намекнулъ самъ издатель (примѣчаніе къ III новеллѣ стран. 145, 2-го изданія). Что касается до пятой новеллы Чьони [14]), то относительно ея необходимо справиться въ Domenichi, Delle donne illustri и у Аріосто въ его Orlando, тамъ, гдѣ онъ «превознесъ чистоту своей Изабеллы, окруживъ ее тѣми же самыми обстоятельствами, какими Джиральди непорочность своей Костанцы ди Розеллò» (ha fatto risaltare l'onestà della sua Isabella colle stesse circostanze, colle quali il Giraldi rileva la castità della sua Costanza di Rosellò). Это—заключеніе самого Чьони, и нѣтъ ничего невозможнаго, чтобы онъ не почерпнулъ своей новеллы именно изъ этого источника. Наконецъ свою четвертую новеллу онъ списалъ съ разсказа Джиральдо Джиральди, единственнаго, который можетъ быть ему приписанъ съ полной достовѣрностью, потому что сохранился въ автографѣ риккардіанской библіотеки подъ N 713. Изъ того-же разсказа перенялъ онъ и мотивъ чумы 1478-го года, которымъ воспользовался по примѣру Боккаччьо, Малеспини и другихъ разскащиковъ, поставивъ его во главу угла своего перваго изданія, сдѣлавъ его центромъ, вокругъ котораго удобно группировались всѣ новеллы, какія ему только удалось собрать. Какъ неосмотрительно онъ поступалъ при ихъ выборѣ, какъ безсознательно относился къ историческимъ промахамъ, которые оттого происходили, всё это мы видѣли выше. Что касается до прибавленій ко второму изданію, то здѣсь исчезла всякая идея о цѣльности замысла, мотивъ чумы отошелъ въ сторону, уступивъ мѣсто апокрифическимъ письмамъ къ Луиджи Марсили и Аньоло Довиціо, на которыя, нельзя сказать, чтобъ было потрачено много изобрѣтательности, потому что онѣ не даютъ даже того искусственнаго единства, которое мотивъ чумы вносилъ въ новеллы перваго собранія.

Чтобы привести въ ясность частичные результаты, которые выдались намъ въ продолженіи нашихъ розъисканій, считаемъ не безполезнымъ представить здѣсь сравнительную таблицу новеллъ, содержащихся въ обоихъ изданіяхъ Чьони, съ разсказами, вставленными въ нашъ романъ.

1-ое изданіе Чьони	Романъ ркп. Риккард. 1280
Введеніе (Proemio) — —	Отрывокъ введенія къ 3-й книгѣ романа, который мы напечатали по риккардіанскому списку.
Новелла 1-я — — — —	?(Слич. Боккаччьо Decameron giorn. VIII, nov. 2).
Новелла 2-ая (неконченная)	?
Новелла 3-я — — — —	? (Комментарій Боккаччьо къ Divina Commedia).
Новелла 4-ая — — —	Съ автографа Джиральдо Джиральди въ риккард. ркп. 713.
Новелла 5-ая — — —	? (Доменики).
Новелла 6-ая — — —	9-ая нашего романа.
Новелла 7-ая — — —	5-ая и 6-ая романа
Новелла 8-ая — — —	?
Новелла 9-ая — — —	4-ая новелла нашего романа и отрывокъ 2-ой книги.
Новеллы присоединенныя во 2-мъ изданіи Чьони:	
Письмо къ Луиджи Марсили—	Отрывки разсужденій графа Карла и Луиджи Марсили, которые въ романѣ предшествуютъ слѣдующей новеллѣ.
Новелла 1-ая — — —	2-ая романа.
Письмо къ мессеру Аньоло Довиціо (изобрѣтеніе Чьони).	
Новелла 2-ая — — —	7-ая нашей рукописи.
Новелла 3-я — — —	3-я рукописи.
Новелла 4-ая — — —	8-ая рукописи.

За разборомъ рукописи и ея отношеній къ печатному тексту должна была бы слѣдовать ея исторія, подобно тому, какъ въ предъидущей главѣ была предложена нами исторія книги. Та, которую мы теперь предлагаемъ, будетъ по необходимости коротка. Когда вопросъ о степени подлинности новеллъ, приписываемыхъ Джиральдо Джиральди, былъ въ полномъ разгарѣ, наша рукопись была недоступна для публики, потому что еще находилась въ рукахъ Чьони. Такимъ образомъ, въ какой мѣрѣ была недоступна сама рукопись, въ той же мѣрѣ затруднено было для занимающихся ея изслѣдованіе и невозможно сравненіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ печатномъ каталогѣ риккардіанскихъ руко-

писей, изданномъ бывшимъ библіотекаремъ Лами, нашъ романъ еще не помѣченъ. Какимъ путемъ проникъ онъ потомъ въ Риккардіану, этого мы не знаемъ съ достовѣрностью, точно такъ же какъ не знаемъ, не рукой ли Чьони сдѣлана надпись, которая теперь читается на бѣловомъ листѣ, предшествующемъ первой страницѣ текста: *Romanzo*, *forse del Boccaccio*. Можетъ быть ея владѣтель передалъ ее аббату Фр. Фонтани за одно съ автографомъ Джиральдо Джиральди, о которомъ нѣсколько разъ говорено выше.

Въ *толковомъ описаніи риккардіанскихъ рукописей* (Illustrazioni dei Codici Riccardiani), сдѣланномъ библіотекаремъ докторомъ Луиджи Риголи (рукопись находится въ настоящее время въ Риккардіанѣ), нашъ романъ уже помѣченъ на стр. 969 подъ N 1280 и вызвалъ нѣсколько строкъ толкованія, которыя мы выписываемъ: «*Vita sanctae Domitillae etc. Deinde occurrit narratio fictitia, ut videtur, antiqui auctoris autographi, sed incipit mutila his verbis: .....tade a suoi discepoli non lasciar che la pace e la caritade etc. Cod. chart. in fol sec. XV in principio, cum notulis mss. Ant. M. Salvinii. Constat foliis scriptis: vita S. Domitillae* 18, *et dicta narratio* 108». Рукописный каталогъ Риккардіанской библіотеки, въ который вошли всѣ послѣдующія пріобрѣтенія, еще не помѣченныя въ печатномъ описаніи Лами, ограничивается голословнымъ указаніемъ: *Cod* 1280, *Romanzo e novelle*. Отсюда въ 1841 году заимствовалъ его Адальбертъ Келлеръ и записалъ въ своемъ Romvart, Beiträge zur Kunde mittelalterlich. Dichtung aus italiänischen Bibliotheken (Mannheim, Bassermann 1844, стр. 99): «1280 Papierhs. fol. *Romanzo e novelle*»; очевидно онъ не пошелъ дальше каталога и не подвергъ рукописи новому изслѣдованію. — Сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, одного Трукки можно заподозрить въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ нашей рукописью и съ отношеніями ея къ тексту Чьони. Правда, онъ не цитуетъ её, не приводитъ номера, которымъ она отмѣчена, не говоритъ въ какой библіотекѣ находится, въ Риккардіанской или какой другой, и скрываетъ заглавіе книги, въ которой, по его словамъ, отчасти воспроизведено ея содержаніе. Надо полагать, что и просмотрѣлъ онъ её наскоро, потому что, напавши въ ней случайно на имя Гвидо ди мессеръ Томмазо даль Паладжіо, онъ на основаніи одного этого факта поспѣшилъ признать его за автора всего романа. Въ самомъ дѣлѣ, въ изданныхъ имъ *Poesie italiane inedite di dugento autori* (Prato Guasti 1846, vol. 2-o), говоря на стр. 231 объ этомъ Гвидо, онъ называетъ его «*filosofo distinto, e dottissimo nelle storie antiche, come si dimostra in un libro da lui com-*

posto, *pieno di massime di profonda filosofia politica e morale*, *e ricco di notizie preziose sulle antiche origini etrusche ed italiche*; *il qual libro in parte si trova a stampa*, *ma sotto altro nome*, *e parte inedito. Ebbe particolar amicizia con Antonio degli Alberti*, *altro distinto poeta del suo tempo e coi gentili principi di Battifolle*, *signori di Casentino*» ([15]). Все это какъ нельзя лучше согласуется съ нашимъ текстомъ; но что еще болѣе подтверждаетъ тождество нашей рукописи съ цитуемой у Трукки—это біографія мессера Франческо дельи Органи, которую издатель сообщаетъ на 152 стр. того же тома, и гдѣ цѣликомъ вставленъ отрывокъ изъ III-й книги нашего романа. «Dell'autore di queste ballate, пишетъ Трукки о Франческо Ландини, celebre musico e poeta così ragiona Guido del Palagio, suo amico, nel libro da me altrove citato (т. е. въ біографіи Гвидо на стр. 231 того же тома): «*Fioriva in quel tempo Francesco degli Organi*, *musico teorico e pratico* (*mirabil cosa a ridire*!) *il quale cieco quasi a natività*, *si mostrò di tanto intelletto divino*, *che in ogni parte più astratta mostrava le sottilissime proporzioni de'suoi musicabili numeri*, *e quelle con tanta dolcezza col suo organo praticava*, *che* (*cosa non credibile pure a udirla*!), *non ostante questo*, *egli con ogni artista e filosofo disputava*, *non tanto nella sua musica*, *ma in tutte le arti liberali*, *perchè di tutte quelle in buona parte erudito si era*». [16]) Сравните съ этимъ первыя страницы третьей книги нашей рукописи, книга III стр. 3—4 нашего изданія: «*Fioriva ancor in que' tempo Francesco delli Organi musico teorico e pratico*, *mirabil cosa a ridire*: *il quale cieco quasi a natività si mostrò di tanto intelletto divino*, *che in ogni parte più astratta mostrava le sotilissime proporzioni de'suoi musicabili numeri*, *e quelle con tanta dolcezza col suo organo praticava*, *ch'è cosa non credibile pure a udilla. E non istante questo elli con ogni artista e filosofo ciò disputando*, *non tanto della sua musica*, *ma in tutte l'arti liberali*, *perchè di tutte quelle in buona parte erudito sì n'era*». Тождественность того и другаго текста очевидна, только что Трукки измѣнилъ его слегка, подновивъ мѣстами.

Послѣднее указаніе на нашу рукопись, какое намъ привелось видѣть, было въ рукописныхъ прибавленіяхъ къ каталогу риккардіанскихъ манускриптовъ, посланныхъ на итальянскую выставку 1860-го года. Тамъ между прочимъ встрѣчалась такая помѣтка: «*Leggenda di S. Domitilla e Romanzo originale*, *cod. originale in fol S. XIV*». (?) Послѣ этого не знаемъ, говорилось ли когда нибудь о нашей рукописи.

III.

РОМАНЪ.

Рукопись въ настоящемъ своемъ видѣ начинается отрывкомъ, тѣмъ самымъ, который въ своемъ описаніи приводитъ Риголи, хотя впрочемъ онъ разобралъ его не совсѣмъ правильно:..... *tade a' suoi disciepoli non lasciò (Rig. lasciar) che la pace e la caritade e lo insieme amarsi.* Намъ кажется, что ближайшія изъ недостающихъ словъ возстановить легко: (in или per eredi) tade a'suoi disciepoli и т. д.. Опираясь на примѣръ Спасителя, завѣщавшаго Своимъ ученикамъ только миръ и милосердіе и взаимную любовь, авторъ объясняетъ намъ побудительныя причины своего труда: «Посему, слыша эти божественныя велѣнія и увѣщанія, рѣшился и я посвятить святой дружбѣ остатокъ (dubiosissimo resto) моихъ дней, думая что не могу употребить ихъ на лучшее». Это главный поводъ къ задуманному труду: вторымъ является горячее желаніе послужить, на сколько достанетъ силъ, процвѣтанію и возвышенію отечественнаго языка по слѣдамъ трехъ флорентійскихъ вѣнчанниковъ [17]), которые преимущественно его возвысили и облагородили, за которыми онъ самъ слѣдуетъ почтительно и съ такимъ же постоянствомъ, съ какимъ ученые мореплаватели руководятся въ своихъ путешествіяхъ полярной звѣздой. Пусть, наконецъ, будетъ извиненіемъ его труду другое желаніе, постоянно его осаждающее: послужить на удовольствіе своимъ соотечественникамъ, гражданамъ великаго и святаго города, тѣмъ въ особенности, которые, воспитанные въ свободныхъ искусствахъ, все свое старанье и время отдали на то, чтобы управлять республикой (della nostra santa republica), охраняя её прекрасную (dolcissima) свободу. Женщинамъ также дается участіе въ его замыслѣ: съ ранней молодости, какъ и теперь, онъ всегда старался быть имъ пріятнымъ въ чемъ нибудь, если не во всемъ; пусть прочтутъ онѣ въ его трудѣ, что̀ покажется имъ болѣе назидательнымъ и интереснымъ: это помо-

жетъ имъ скоротать время; иной разъ бездѣлье порождаетъ скуку. Потому-то я и намѣренъ — продолжаетъ авторъ обращаясь къ своимъ друзьямъ—отдаться съ-рвеніемъ вашему желанію (какъ видно нашъ романъ и задуманъ былъ по просьбѣ друзей), возлагая свою надежду на Того, Кто человѣческую природу, попранную, испорченную, вверженную въ вѣковое изгнаніе за грѣхи прародителя, спасъ пречистой Своею кровью, заслугами Котораго люди становятся выше ангеловъ, становятся богами.

Это чисто христіанское воззваніе не мѣшаетъ автору черезъ двѣ страницы призвать къ себѣ поэтическую помощь Олимпа. Изложивъ главныя причины, побудившія его предпринять трудъ, онъ задаетъ себѣ вопросъ о стилѣ и изложеніи. О строгомъ ораторскомъ стилѣ, объ oratoria gravezza, ему нечего думать: по его мнѣнію онъ приличнѣе историкамъ. То же самое надо сказать и о поэтической формѣ, потому что задача его не чистая комедія, завершающаяся веселой катострофой, не героическая трагедія [18]) со смертью королей и паденіемъ могущественныхъ царствъ, не строгая сатира, то сильно, то слегка бичующая нравы. Онъ предоставляетъ себѣ попеременно пользоваться каждою изъ трехъ формъ, повѣствуя о томъ, о чемъ говорилось и разсуждалось въ кружкѣ его друзей, когда убѣгая томительнаго бездѣйствія—непріятеля нашего ума и вообще всякой добродѣтели—они проводили время то въ веселыхъ спорахъ, то разсуждая о какомъ нибудь полезномъ вопросѣ, либо декламируя въ защиту воображаемаго дѣла, либо въ разсказахъ, исполненныхъ поэтическаго вымысла. Такъ и теперь, если иногда, покидая серьозный вопросъ, авторъ перейдетъ къ чему нибудь веселому и вызывающему на смѣхъ, онъ сдѣлаетъ это не безъ цѣли: смѣхъ возстановитъ напряженныя вниманіемъ силы, подобно тому какъ подъ раскаленнымъ солнцемъ Эѳіопіи освѣжающимъ образомъ дѣйствуетъ шербетъ (non altrementi che appresso gli Etiopi sotto l'ardente sole faccia i dolcissimi e freschi guilebbi). Затѣмъ ничего не остается, какъ только припомнить старый поэтическій обычай (poetico costume), и если авторъ вмѣстѣ съ Калліопой не поетъ поэтическихъ похвалъ Аполлону, за то въ прозѣ онъ призываетъ божественную Талію къ себѣ на помощь: пусть умолитъ своихъ божественныхъ сестёръ, Дельфійское божество и Минерву, вооруженную шлемомъ и щитомъ, да благословятъ они его начинаніе.

«Cominciando col nostro navilio, da piacevolissimi zeffiri mosso verso la plaga orientale, navicando l'altissimo pelago ab antico

Tusco nomato, a mano manca lasciando insieme e rietro per lunghissimo tratto l'isole Baleari con Corsica e Sardigna» и т. д.— такъ начинаетъ авторъ свой разсказъ, перенося насъ прямо in medias res, на фантастическомъ кораблѣ, въ воображаемое путешествіе. Въ средніе вѣка, особливо въ Италіи, это былъ одинъ изъ ходячихъ, если и не самыхъ употребительныхъ литературныхъ пріемовъ: мы склонны видѣть въ этомъ случайную подробность классической поэзіи, ставшую общимъ мѣстомъ, въ которое удобно укладывались всѣ географическія и археологическія свѣдѣнія, какими только хотѣлъ похвастать передъ своими слушателями авторъ, почерпнувшій ихъ изъ средневѣковой тератологіи либо изъ недавняго знакомства съ классической древностью. Какъ у Овидія Медея, несясь по воздуху, по необходимости минуетъ цѣлый рядъ мѣстностей, Пеліонъ, Отриду, Идейскій лѣсъ (Met. VII, 350 sqq.) и т. д., такъ и нашъ писатель оставляетъ за собой Балеарскіе острова и несется по Средиземному морю (ab antico Tusco nomato), уже безъ всякой необходимости, а вслѣдствіе чисто реторическаго разсчета. Корсика и Сардинія напоминаютъ ему Римлянъ и Карѳагенянъ, въ чудной Тринакріи дымящаяся Этна даетъ ему поводъ поговорить о хромомъ Вулканѣ, Аретуза—о рѣкѣ Алфеѣ, которая, по старому повѣрью, скрывшись въ Греціи, будто бы проходитъ подъ Адріатическимъ моремъ и снова показывается на свѣтъ въ этомъ источникѣ. Частыя землетрясенія въ Сициліи объясняются дѣйствіемъ горячихъ и холодныхъ паровъ, которые извергаетъ почва; но поэтическій вымыселъ, прикрывающій философское, нравственное и естественно-историческое содержаніе, говоритъ намъ о земнородныхъ гигантахъ, на которыхъ обрушены три мыса и которые безпрестанно выбиваются изъ подъ гнёта. Такъ самъ авторъ толкуетъ намъ значеніе миѳа, и мы еще не разъ встрѣтимся съ подобной экзегезой. А между тѣмъ корабль несется дальше и представляются все новые матеріалы для назиданія: Сиракузы, Катанія, Пелоръ, Мессина, Скилла и Харибда, древній Кротонъ въ развалинахъ, башни когда-то знаменитаго Таранта, Иллирійскій заливъ и Греція, теперь опустѣлая (già desolata), съ ея граціозными островами. У автора начинаетъ понемногу настраиваться чувствительная струнка при видѣ этого разрушенія; христіанскіе и языческіе мотивы сплетаются незамѣтно: жизнь пройдетъ, какъ прошло это прошлое, а для итальянца вся древняя жизнь начинала понемногу выясняться, какъ его собственное, родное

прошлое. И вотъ изъ волнъ пространнаго моря поднимаются горы—это Критъ. Авторъ сходитъ на берегъ. «О почтенная древность—восклицаетъ онъ—начало нашего общественнаго бытія, начало религіи безчисленныхъ боговъ! Не отсюда ли изгнанный сыномъ Сатурнъ скрылся въ Лаціумъ, гдѣ первый научилъ жителей земледѣлію? Не отсюда ли идетъ родъ многочисленныхъ небожителей»? И онъ принимается смотрѣть на величественные храмы, когда-то посвященные Зевсу, на лабиринтъ, построенный Дедаломъ, отъ котораго осталось одно имя да пепелъ. О жалкое заблужденіе смертныхъ, думающихъ создать постоянное изъ преходящаго, когда всякое бытіе минуетъ и вѣчна одна только добродѣтель! Къ чему служитъ поднимать къ небу гордыя башни, величественные дворцы, въ ожиданіи оставить по себѣ вѣчную славу? Развѣ нѣтъ передъ нами примѣра Вавилона? И попавши разъ въ колею ученыхъ сравненій, авторъ не щадитъ ни садовъ Агасвера, ни роскоши Дарія, ни храма эфесской Діаны. Цѣпь сравненій протягивается въ Италію: Помпей, Лукуллъ, Гортензій, Неронъ, Калигула проходятъ передъ нимъ поочередно, всѣ съ тою же скорбной повѣстью о преходимости всего земнаго. Кто проникся смысломъ поэтическаго миѳа о Сатурнѣ,—говоритъ авторъ,—тотъ не станетъ этому удивляться. Разсказываютъ, что у Сатурна было много дѣтей, и всѣхъ онъ пожиралъ, только четверо спаслось: Юпитеръ, Юнона, Нептунъ и Плутонъ. Если разрѣшить поэтическую мглу, окружающую сказаніе, то Сатурнъ означаетъ время или вѣчность; дѣти имъ пожранныя—всякое вещественное бытіе въ подлунномъ мірѣ, созданное во времени и потому смертное и преходящее; тѣ же четверо, которые избѣжали общей участи, не что иное какъ четыре стихіи: Юпитеръ—огонь, Юнона—воздухъ, Нептунъ—вода, Плутонъ—земля. Они одни не знаютъ себѣ конца.

Съ тяжелымъ чувствомъ какого-то гнетущаго фатума сходитъ путешественникъ въ свою ладью. Эолъ посылаетъ ему попутный вѣтеръ, и онъ пускается далѣе, раздумывая о людской судьбѣ. Внезапно рядомъ съ нимъ ему слышится голосъ: «Чего-ты задумался? За чѣмъ дремлютъ твои силы? Развѣ ты не видишь, гдѣ ты? Развѣ не узнаешь пути? Проснись и отбрось отъ себя нерадѣніе, которое мѣшаетъ тебѣ идти. Неужели хочешь ты проплыть это море какъ человѣкъ плотскій и неразумный? Время проходитъ, берись же наконецъ за весла и въ добрый часъ продолжай свой путь, который только теперь тебѣ удастся, и мо-

жетъ быть никогда болѣе. Развѣ не знаешь ты изъ источника латинскаго нравоученія (dal morale fonte latino), что все наше не намъ принадлежитъ, и наше одно только время?» Какъ человѣкъ, пробужденный отъ глубокаго сна внезапной опасностью, тревожно оглядывается ища себѣ выхода и объясненія, такъ и съ нашимъ путникомъ. Онъ былъ одинъ въ ладьѣ, у руля; между тѣмъ голосъ послышался ему ясно, слова четко отчеканились въ памяти. Откуда они? Ему приходитъ на мысль разсказъ Платона о домашнемъ геніи Сократа, вызвавшемъ объясненія Апулея; но зачѣмъ обращаться къ языческому суевѣрію, когда святая римская церковь, это пространное море мудрости и истины, научаетъ насъ, что у каждаго человѣка есть свой ангелъ-хранитель, данный ему на совѣтъ и на стражу, и злой ангелъ—на искушеніе: та же доктрина, какую отчасти развилъ и божественный Платонъ (la quale dottrina in buona parte è dal divino Platone detta e narrata) «О моя святая охрана!» говоритъ ободрившійся путникъ. «Какой ты мнѣ совѣтъ подаешь, куда ведешь меня? Умоляю тебя именемъ творца, который создалъ тебя столь прекраснымъ и далъ мнѣ въ спутники: отзовись мнѣ, какъ прежде, не оставляй совѣтомъ и руководствомъ». Едва произнесены эти слова, какъ отвѣтъ уже готовъ въ глубинѣ сознанія (senti' nel profondo del mio intelletto così sinceramente per lui a me rispondere e parlare). «Я знаю склонность, вселенную въ тебя творцемъ, подъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ и ихъ сочетаній», говоритъ тайный голосъ: «оттого я и приготовилъ тебѣ эту ладью. Не бойся, бодро слѣдуй за твоею звѣздой и ты достигнешь великой цѣли; мужайся, потому что я буду постоянно съ тобою. Вскорѣ мы увидимъ Родосъ, знаменитый въ продолженіи столькихъ столѣтій воинскимъ и морскимъ дѣломъ, прославленный нѣкогда ораторскимъ искусствомъ». И попутный вѣтеръ поднимается снова и несетъ ихъ къ Родосу, освященному теперь именемъ Іонна Крестителя, какъ замѣчаетъ авторъ, и далѣе къ древнему Кипру. Здѣсь фантазія автора окончательно прикована воспоминаніями, которыя не покидаютъ его до самаго конца первой книги. «Не здѣсь ли, какъ разсказываютъ древнѣйшія исторіи, была Венера царицей», спрашиваетъ онъ своего вѣрнаго спутника, «не здѣсь ли властвовала она съ своими сыновьями»? [19]) Утвердительный отвѣтъ наводитъ его на цѣлый рядъ соображеній и вопросовъ, открывающихъ поэтическую истину подъ ея прекраснымъ покровомъ (il misterio poetico sotto il

leggiadro velame). «Почему имя Венеры, Кипрской царицы, дано благому свѣтилу третьей сферы? Зачѣмъ названа она дочерью Зевса? Зачѣмъ матерью Купидона, рожденнаго отъ незаконнаго союза съ Марсомъ? Почему нашъ божественный Мантуанецъ сдѣлалъ ее матерью Энея? И почему враждебной Юнонѣ по причинѣ Троянцевъ? Отчего, наконецъ, помѣщена она въ Кипрѣ, а не въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ? Разсмотрѣвъ все это, я получилъ такое наслажденіе, что показался бы очень скупымъ, еслибъ не подѣлился имъ съ вами, милые друзья мои». Слѣдующіе за тѣмъ отвѣты на предложенные вопросы представляютъ любопытный матеріалъ для исторіи миѳологической экзегезы, какъ она тогда понималась, когда въ основу всего клался евгемеристическій принципъ, и существующій миѳъ выводился изъ него путемъ аллегоріи, астрологическихъ соображеній и философскаго толкованія. Венера, напр., оказывается въ самомъ дѣлѣ царицею Кипра, красивой и милостивой; ея царствованіе было безконечнымъ праздникомъ, рядомъ постоянныхъ удовольствій; понятно, что послѣ ея смерти люди перенесли ея имя на планету третьей сферы, какъ по причинѣ ея красоты, такъ и потому, что ея вліяніе на людей было того же характера, и еще по укоренившемуся вѣрованію, что души умершихъ переносятся на звѣзды. — Что Венера именуется дочерью Юпитера—это объясняется свойствомъ планеты Юпитеръ вселять въ людей, находящихся подъ ея вліяніемъ, страсть къ роскоши, роскошь есть источникъ всякаго удовольствія, что̀ и выражено въ поэтической генеалогіи. —Купидонъ названъ сыномъ Марса и Венеры, потому что когда обѣ планеты соединяются, какъ говорятъ математики, то въ результатѣ получается соединеніе удовольствія и распри. Въ самомъ дѣлѣ, что такое Cupido какъ не нескромное вожделѣніе, сопровождаемое разнообразными и всегда новыми безпокойствами, какъ напр. въ любовникахъ несносная ревность, жалобы и попреки, перемежающіеся замиреніями и веселымъ смѣхомъ. Такимъ же образомъ истолкованъ замыслъ Виргилія; если у него Венера является матерью Энея, то и это не безъ причины: въ своей божественной поэмѣ онъ хотѣлъ представить Энея типомъ совершеннаго человѣка (l'uomo perfetto), постояннаго въ добродѣтели, какія бы гоненія не воздвигала на него вражда Юноны, мягкаго, терпѣливаго, человѣчнаго съ своими спутниками, милостиваго къ подданнымъ—качества, необходимыя въ особенности для политической жизни, приписываемыя вліянію

планеты Венеры при посредничествѣ Юпитера. Вотъ почему и названъ онъ сыномъ богини, которой враждебна Юнона, вотъ почему вражда Юноны переносится и на Энея. Эней стремится къ Лавиніи, т. е. къ высшей добродѣтели (la quale per la somma virtù con laudabile fama s'intende); ничто такъ не препятствуетъ человѣку въ этомъ стремленіи, какъ привязанность къ земнымъ благамъ, Юнона же въ представленіи язычниковъ была богиней этихъ благъ и царствъ.[20]) Аллегорія, какъ видно, переносится на почву, гдѣ мы болѣе или менѣе уже переступаемъ за миѳологическую черту. Слѣдующее толкованіе отличается болѣе философскимъ складомъ. Вопросъ: почему Венера пріурочена къ Кипру? Отвѣтъ: какъ человѣкъ представляетъ собой микрокозмъ, въ которомъ сердце вмѣстѣ съ печенью является центромъ, источникомъ, откуда разливается кровь и всюду разносится жизнь, почему и любовь въ сердцѣ имѣетъ свое начало,—такъ поэтическій вымыселъ, подражая природѣ, помѣстилъ Венеру и ея Кудипона и Амура на Кипрѣ, какъ въ сердцѣ макрокозма. И въ доказательство этого толкованія, авторъ пускается въ географическія подробности, которыя должны уяснить, что Кипръ въ самомъ дѣлѣ сердце земли, точно такъ какъ религіозно-настроенное воображеніе средневѣковаго человѣка въ Іерусалимѣ искало земнаго пупа. Выйдя изъ Сиріи, завернувъ къ Гангу и Аравіи, онъ длиннымъ рядомъ именъ доходитъ до Геркулесовыхъ столбовъ и надъ однимъ изъ геркулесовскихъ миѳовъ пробуетъ ту самую экзегетическую методу, съ которой мы уже не разъ имѣли случай познакомиться.

Такимъ созерцаніемъ онъ приготовилъ себя къ посѣщенію острова, куда геній его сопровождаетъ. Богатые храмы, театры и башни, царскіе покои; въ садахъ плескъ фонтановъ, лиліи и фіалки и богатство красотъ такое, что казалось, будто въ зелени играютъ, бѣгаютъ и смѣются игривые духи. Воздухъ полонъ аромата, птичьимъ щебетомъ лѣсъ, и на лугу играютъ граціозные звѣри.

E rimbombava tutta quella valle
D'acque e d'augelli, ed eran le sue rive
Bianche, verdi, vermiglie, perse e gialle:

Rivi correnti di fontane vive
Al caldo tempo su per l'erba fresca,
E l'ombra folta, e l'aure dolci estive:

swaz sô von minnen geschiht,
Des ne lustet in niht *)

Какъ въ нашемъ разсказѣ онъ изображенъ среди рубиноваго пламени, такъ въ другихъ случаяхъ факелъ, символъ Гименея, переносится на Амура, напр. у графа von Kirchberg (Hagen. 1, 24 a), der wilde Alexander ib. 365 a, и въ Wigalois'ѣ 26, 11 — 13 (ein strale von golde Het er in der zeswen hant *In der andernl einen brant*); либо на Венеру (Konrad Trojanerkrieg: *ein viurîn facke âne rouch*): потому что въ понятіи нѣмецкаго Minne Венера, Гименей, Амуръ и Купидонъ какъ-то сливались, и Купидонъ могъ являться богиней, какъ у Suchenwirt'a 30, 161: *vrow Vênus* und *vrow Chupîdô*, или у Ulrich'a von Eschenbach, Alexander, листъ 4: *vrouwe Amôr* was dâ nicht laz. Все это обнаруживаетъ на сѣверѣ классическое преданіе, значительно болѣе заглохшее подъ вліяніемъ новой символики, чѣмъ на югѣ, гдѣ оно было народное, не исключительно литературное, и потому могло сохраниться до мелочныхъ поэтическихъ подробностей, запомнить голубей, посвященныхъ Венерѣ, и задуматься надъ поэтическимъ смысломъ бѣлыхъ и алыхъ розъ. Въ старой литературѣ сѣвера, навѣянной классическими образцами, мы съ этими символическими подробностями встрѣчаемся рѣдко: Чосеръ въ Knightes tale заимствовалъ ихъ изъ Тезеиды Боккачьо.

Что̀ слѣдуетъ тотчасъ, познакомитъ насъ съ другими образцами этихъ классическихъ réminiscences. Выше мы видѣли, какъ выработался и какъ перешелъ въ общее мѣсто мотивъ путешествія. Описаніе не менѣе того подавалось на топикъ, представляя столь же широкія границы, среди которыхъ удобно вращалось самое разнообразное содержаніе. Извѣстны въ древности описанія Ахиллова и Геркулесова щитовъ, вызвавшія подражаніе Виргилія (Hom. Il. XVIII, 478 sqq.; Hesiod. Scut. Herc.; Virg. Aen. VIII, 626 seqq.); дворецъ славы и палата сновъ у Овидія, извѣстность котораго въ средніе вѣка уступала развѣ одному Виргилію, могли непосредственно послужить примѣромъ для средневѣковыхъ поэтовъ. Какъ Одо въ своемъ Ernestus стр. 322—23 описалъ

*) «Ты часто видѣлъ, какова фигура великаго Амура: у него въ одной рукѣ сосудъ, въ другой два копья. Одно золотое; его онъ всегда употребляетъ: кого оно ранитъ, тотъ сильно любитъ и живетъ въ мученіи, и его нельзя обвинить въ непостоянствѣ. Другое копье свинцовое; о немъ я скажу тебѣ, что кого оно угодитъ въ сердце, тотъ никогда не бываетъ послушенъ истинной любви, но ненавидитъ и не терпитъ ея, и ему непріятно все, что̀ изъ-за нея творится».

жилище сновъ, подражая Виргилію, такъ явились, эксплуатируя тотъ же самый стилистическій пріемъ, цѣлые ряды описаній въ родѣ Чосерова House of fame, Temple of glass Hawes'a и т. п. Поле вымыслу отводилось огромное, воображаемые дворцы меблировались всею древностью, какая оказывалась налицо, затѣями средневѣковаго ума; стѣны вызывали на фрески, и художнику свободно было населять ихъ по усмотрѣнію группами несчастныхъ любовниковъ, героями, философами и т. п. Можетъ быть, что традиція образовательныхъ искусствъ, на сколько она сохранилась въ средніе вѣка, не осталась безъ вліянія на этотъ литературный пріемъ, хотя во многихъ случаяхъ пришлось бы признать за болѣе вѣроятное обратное заимствованіе. Какъ на помпейскомъ шлемѣ найдены были рельефы съ изображеніемъ троянскихъ событій (O. Iahn Aus der Alterthumswissenschaft стр. 287), такъ въ Ингельсгеймскомъ дворцѣ изображены герои древности отъ Нина до Карла Великаго; исторія Пирама и Тисбе, рѣзанная на слоновой кости средневѣковымъ мастеромъ, упоминается Lersch'омъ (Rhein. Iahrbücher, II, 123, Wackernagel Litt. Gesch. стр. 95); похожденія Медеи вытканы были на коврѣ французской работы (Pfeiffer. Fr. Zur deutschen Litteraturgeschichte стр. 11), точно такъже какъ подвиги Геркулеса (Fr. Michel Recherches sur le commerce des étoffes de soie, 2, 397). Параллельно этому встрѣчаемъ во французскомъ и нѣмецкомъ Эрекѣ описаніе конской сбруи, на которой изображены были daz lange liet von Trojâ, приключенія Дидоны и Энея, точно также какъ на покрывалѣ о которомъ говоритъ Heinrich von dem Türlin въ Krone 529, гдѣ кромѣ того можно было видѣть Лавинію и т. п. Въ Flore 1587—1643 упоминаются изображенія суда Париса, похищенія Елены; шапка молодаго Гельмбрехта вышита и того богаче. Полнаго значенія достигаетъ этотъ описательный мотивъ, когда помимо описанія онъ служитъ какой нибудь другой предвзятой цѣли. Такъ утраченный для насъ Umbehang Bligger'a von Steinach представлялъ рядъ картинъ, выведенныхъ на коврахъ искусною женскою рукою. Такъ сводъ и стѣны дворца Мадонны Intelligenza покрыты фигурами Париса и Елены, Поликсены и Ахиллеса, Дидоны и Энея, Изотты и Тристана— «e chi mai 'nnamorò per tempo, o tardo», и рядомъ съ ними исторіи Цесаря, Александра и Троянскія дѣянія. Мы только упоминаемъ объ изображеніяхъ Дантовскаго пургаторія въ поученіе кающимся душамъ и о скульптурахъ на вратахъ

дворца Венеры въ Giostra Полициана (lib. I st. 97—119), давшихъ Рафаэлю сюжетъ Галатеи. Въ House of fame Чосера, вызвавшемъ въ XV вѣкѣ подражаніе Hawes'a, поэтъ перенесенъ въ стеклянныя хоромы, на стѣнахъ которыхъ писаны золотомъ всѣ легенды Овидія и Виргилія. Орелъ поднимаетъ его въ надзвѣздное пространство, на неприступную ледяную гору [21]), передъ храмъ славы, построенный изъ берилла, съ блестящими окнами. Вся южная сторона покрыта именами знаменитыхъ людей, но эти надписи постоянно таютъ на солнцѣ, и только тѣ, что̀ со стороны сѣвера, остаются цѣлы. На башенкахъ стоятъ Орфей, Аріонъ, съ ними тысячи музыкантовъ, заклинатели, магики, пророки. Звуки роговъ, флейтъ и свирѣлей разносятся по воздуху. Онъ входитъ въ залу, украшенную золотомъ и перлами; два ряда колоннъ тянутся отъ дверей; около нихъ стоятъ на пьедесталахъ великіе историки и поэты; выше всѣхъ Горацій, Титъ Ливій, Даретъ, Гвидо Колонна, Готфридъ Монмутскій; Овидій на мѣдномъ пьедесталѣ, Стацій на пьедесталѣ, окрашенномъ кровью тигровъ. Въ концѣ ряда на тронѣ изъ карбункула сидитъ Слава, «великая и доблестная царица», кругомъ нея толпа герольдовъ, и слышится божественная мелодія: это играетъ Калліопа и ея сестры. Фрески, надписи, боги и герои Греціи и Рима группируются вокругъ трона, какъ будто ведутъ къ нему, развивая одно и то же содержаніе славныхъ подвиговъ и великихъ дѣлъ, и между ними много пустаго мѣста, которое поэту вольно наполнить, если ему придетъ на мысль разставить границы своего труда.

Оставляя въ сторонѣ другія сравненія, которыхъ можно бы собрать множество, замѣтимъ, что къ подобной стилистической уловкѣ прибѣгнулъ и нашъ авторъ при описаніи палатъ богини Венеры: такъ можно было бы назвать всю вторую половину первой книги. Вслѣдъ за чуднымъ фонтаномъ, передъ которымъ мы его оставили, его вниманіе привлекаютъ фрески на стѣнахъ амфитеатра. Всѣ онѣ, разумѣется, имѣютъ отношеніе къ одному и тому же предмету—торжеству любви—и авторъ проходитъ мимо нихъ, толкуя ихъ содержаніе, иногда забывая совершенно, что передъ нимъ все же одна только картина: тогда фрески становятся для него живыми, изъ писаныхъ садовъ Сарданапала доносится нескончаемая мелодія, перлы и рубины горятъ, будто съ небомъ состязаются въ блескѣ стѣны его дворца. Осмотръ начинается съ лѣвой стороны: здѣсь всѣ прелести Вавилоніи,

Медіи и Персіи (tutte le dilizie di Babillonia, di Media e di Persia), Семирамида и Сарданапалъ, Саломонъ и Александръ Македонскій, Юлій Цесарь и Клеопатра, Тиберій, Калигула и Неронъ. Авторъ не хочетъ оставаться долѣе на этихъ соблазнахъ: зачѣмъ говорить о прелюбодѣйствахъ безчисленныхъ языческихъ боговъ? Кто не слыхалъ про Юпитера и Данаю, Марса и Венеру, про Вакха и Аріадну? Все это изображено на лѣвой сторонѣ; правая представляетъ образы добродѣтельной любви, которую авторъ понимаетъ въ самомъ широкомъ смыслѣ: здѣсь счастливыя супружества, но здѣсь же и примѣры святой дружбы, Низъ и Эвріалъ, Сципіонъ и Лелій, Волумній и Лукуллъ, Дамонъ и Питіасъ рядомъ съ Марціей и Катономъ, Юліей и Помпеемъ, Августомъ и Ливіей. Царство любви простирается наконецъ еще далѣе, становится какою-то философіей исторіи, обусловливая такія ея явленія, гдѣ мы всего менѣе ожидаемъ встрѣтиться съ ея руководящимъ началомъ. Выше личной любви и дружбы поставляется любовь къ родинѣ, какъ двигающій принципъ исторіи, и она находитъ себѣ мѣсто въ царствѣ кипрской богини. Въ этомъ отношеніи нашъ авторъ понялъ свою задачу гораздо общѣе, чѣмъ напр. Петрарка въ своемъ Trionfo d'Amore, все еще стоящемъ на точкѣ зрѣнія Капеллана Андрея и трубадуровъ. Когда онъ поднимается по роскошной лѣстницѣ, невообразимый свѣтъ поражаетъ его, такъ что первое время онъ ничего не видитъ отъ удивленія. Образы древнихъ царствъ проходятъ передъ нимъ: Ассирійское, Персидское, Израильское, Аѳины и Спарта. «Какую великую любовь къ родинѣ я здѣсь увидѣлъ»! восклицаетъ авторъ. Римская исторія начинается у него, какъ у всѣхъ средневѣковыхъ хроникеровъ, съ Трои, долго останавливается на похищеніи Сабинянокъ, на изгнаніи Тарквинія, на Гораціѣ и Камиллѣ; подвиги Марцелловъ и Метелловъ ее завершаютъ. Пойди онъ дальше въ своихъ цитатахъ, онъ не позволилъ бы себѣ того восклицанія, которымъ оканчивается рядъ его историческихъ видѣній. «О счастливая римская республика! Чудная милость Создателя! Когда я созерцалъ безчисленное множество людей, движимыхъ любовью къ отечеству (amatori della patria), такое сладкое чувство наполнило мою душу, что я не въ состояніи его выразить..... Итакъ, вотъ эта послѣдняя въ ряду имперій, самая пространная и могущественная, созданная такою кровью, такою доблестью и мужествомъ, такой безконечной любовью къ отечеству. Италія можетъ по праву гор-

диться ею. Теперь видно, какія разнообразныя желанія вселяетъ любовь въ смертныхъ, къ какимъ различнымъ цѣлямъ направляетъ. Все на свѣтѣ движется любовью (Dante: L'amor che muove il sole e l'altre stelle), только что невѣжество и страсти чаще увлекаютъ человѣка къ дурной любви, отчего происходятъ убійства, грабежи, пожары и прелюбодѣяніе. Пусть только ядовитая похоть, не знающая мѣры, покорится руководству разсудка! Благое свѣтило Венеры вселяетъ повсюду чувство радости и наслажденій, и люди всегда бы питали горячую любовь къ родинѣ, роднымъ и друзьямъ, ко всему божескому и человѣческому, еслибъ не препятствовала тому злая похоть». И авторъ снова задумывается надъ существомъ любви всё совершающей, снова прислушивается къ голосу своего генія: «Я хорошо знаю, какія разнообразныя и новыя мысли возбудило въ тебѣ всё тобою видѣнное», говоритъ ему тайный голосъ. «Оттого тебѣ необходимо прежде всего точно узнать, что такое любовь вообще, какіе ея бываютъ виды и какъ одинъ изъ нихъ заслуживаетъ похвалы, другой порицанія и отверженія. Разсмотрѣвъ это, мы съ бо́льшимъ удовольствіемъ отдадимъ наше время на разсказы, новеллы и разговоры, въ удовольствіе и пользу небольшаго кружка хорошихъ друзей». И еще призвавъ автора къ сосредоточенію, геній начинаетъ развивать ему теорію любви, по Данте, Платону и Аристотелю. Снова толкуются аллегорически старые миѳы: почему напр. Амуръ названъ сыномъ Эреба и Ночи, или Юпитера и Венеры; лѣвая и правая сторона амфитеатра съ изображеніями различныхъ проявленій любви объясняются сами собою.

«Вернувшись наконецъ къ своей ладьѣ, чтобы плыть впередъ по другимъ волнамъ, собравши разсѣянныя силы моей фантазіи, одушевленный горячимъ желаніемъ постоянно стремиться къ святой любви»,—такъ кончаетъ авторъ свое аллегорическое странствованіе по царству Венеры. И вдругъ вокругъ него все изчезло: ни ладьи, ни острова любви, ни поучительныхъ фресокъ амфитеатра; онъ одинъ въ своей уединенной комнатѣ. Какъ это все случилось? Неужели всё это была одна иллюзія? Однако онъ все это видѣлъ своими глазами, слышалъ и осязалъ. Гдѣ же было его тѣло, потому что человѣку немыслимо совершить подобное путешествіе въ естественныхъ границахъ дня? Полный недоумѣнія поэтъ смиряется передъ высшею волей, которая попустила совершиться необъяснимому, въ немъ пробуждается религіозное чувство, и послѣднія страницы первой книги наполнены

изліяніями противъ тѣхъ, кто не вѣритъ ничему, чего они сами не видѣли и не осязали, кто ограничиваетъ наше существованіе землею и не допускаетъ будущаго возмездія. Оставимъ ихъ въ покоѣ, этихъ невѣрующихъ, а сами обратимся къ небесному милосердію съ молитвой, чтобы будущія бесѣды съ вами, милые друзья мои, прошли также счастливо какъ и настоящая.

Книга вторая.

Слѣдующая книга переноситъ насъ въ комнату автора. Онъ всё еще подъ впечатлѣніемъ прошлаго, но его вниманіе понемногу переносится къ другимъ предметамъ: не даромъ въ введеніи къ своему роману онъ обѣщалъ, что не будетъ придерживаться исключительно одного стиля. Выше мы имѣли дѣло съ видѣніемъ и аллегоріей, теперь мы спускаемся на землю, къ живымъ людямъ и прислушиваемся къ ихъ разговору. Вслѣдъ за видѣніемъ новелла, какъ за Divina commedi'ей Декамеронъ. Правда, авторъ остается еще нѣкоторое время въ колеѣ своихъ историческихъ воспоминаній и философскаго созерцанія, но онъ болѣе и болѣе спеціализируетъ то и другое. Еще недавно его занимали судьбы всей Италіи, теперь онъ ограничивается Тосканой, поетъ про доблести древнихъ Этрусковъ, равно славныхъ какъ мудростью, такъ и торжественной обрядностью своей религіи (Tuscia отъ thus). Это даетъ поводъ перейти къ религіозному значенію Тосканы во время болѣе близкое къ автору. Не отсюда ли вышли многіе духовные ордена? Не здѣсь ли мѣсто покаянія Ромуальда, киновія Джьованни Гвальберта въ Валломброзѣ, знаменитый госпиталь Альтопашьо? Не здѣсь ли св. Францискъ удостоился принять стигматы на свое святое тѣло? Не отсюда ли начался орденъ di santa Maria de' Servi? Воспоминанія сосредоточиваются самымъ опредѣленнымъ образомъ вокругъ тосканскихъ Апеннинъ и на высотахъ Казентино. «Почему я хочу, дорогіе друзья мои, прежде чѣмъ пойдти далѣе, разсказать вамъ, какъ въ моей юности, въ обществѣ людей мнѣ близкихъ и благосклонныхъ я съ умиленіемъ посѣтилъ прекрасныя и плодоносныя высоты нашихъ Апеннинъ, гдѣ лежатъ святыя обители Франциска, Ромуальда и Джьованни Гвальберта, и какіе мудрые разговоры и веселыя новеллы я слышалъ тогда въ Поппи, управляемомъ именитымъ въ Италіи родомъ, въ которомъ рыцарскія качества чудно соединяются съ высокою добротою и всякою доблестью».

«Уже быстрая колесница кудряваго Аполлона миновала созвѣздіе Овна и Тельца, такъ сладко обольстившаго Европу, и его блестящіе кони воспламеняли Кастора и Поллукса» (Близнецы) — такъ начинаетъ авторъ разсказъ о своемъ хожденіи по святынямъ Тосканы. Обстановка совершенно весенняя: свѣжая зелень лѣса и птичій щебетъ, цвѣты и мягкій воздухъ, располагающій къ наслажденію и любви. Среди всего этого движется по высокому хребту Апеннинъ общество странниковъ, возвращающихся съ богомолья. Виды открываются на ту и другую сторону обширные, на Средиземное море (Tireno o vuoi Tusco) и на Адріатику; за ней видны высокія Паннонскія горы, знаменитый Дураццо и весь Иллирійскій заливъ до Венеціи, богатой водами. Плодоносные холмы Падуи виднѣются вдалекѣ и даютъ автору поводъ разговориться съ однимъ изъ своихъ спутниковъ: Лодовико Буццакерино самъ родомъ изъ Падуи, авторъ нашелъ въ ней вторую родину, когда обучался въ ней свободнымъ наукамъ, у нихъ естественно явились общія воспоминанія, похвалы Франческо да Каррара чередуются съ миѳомъ объ основаніи города Антеноромъ, и они долго бы толковали въ томъ же тонѣ, еслибы въ пору не замѣтили ихъ отсутствія и не попросили отложить разсужденія до другаго времени. Присоединившись къ остальному обществу, они вмѣстѣ спускаются съ горъ въ долину Арно, ѣдутъ вдоль красиваго берега рѣки, гдѣ въ сосѣдствѣ Прато Веккіо двѣ высокихъ горы поднимаются по ту и другую сторону. Порчьяно и Ромена остались по правую руку, и уже близокъ Поппи, когда графъ Карлъ, владѣтель города, желая достойнымъ образомъ завершить день, поручаетъ своему сокольничему Джинджиккіо поспѣшить впередъ и приказать сенешалу, чтобъ онъ приготовилъ ужинъ на лугу повыше моста, гдѣ, пробиваясь промежъ дикихъ скалъ, Арно течетъ съ пріятнымъ журчаніемъ. Между тѣмъ, какъ общество продолжаетъ свой путь, коротая время въ веселыхъ разговорахъ (dilettevoli novellette), солнце уже успѣло оставить позади двухъ своихъ коней, третій выбивается изъ силъ и четвертый готовъ повлечь за собою огненную колесницу къ закату. Путники поравнялись съ Борго алла Коллина, когда увидѣли вдалекѣ другую толпу, направлявшуюся имъ на встрѣчу: это былъ графъ Симонъ, племянникъ графа Карла, и съ нимъ общество дамъ. Послѣ веселыхъ привѣтствій съ той и другой стороны, графъ Симонъ началъ говорить такъ— мы предоставляемъ здѣсь автора самому себѣ.

«Я не берусь рѣшить, какое изъ двухъ обществъ можетъ позавидовать другому въ удовольствіяхъ дня; но еслибы за вами не было того преимущества, что вы посѣтили и видѣли святыя мѣста, я осмѣлился-бы утверждать, что позавидуете вы скорѣе, чѣмъ мы. Только что уѣхали вы этимъ утромъ, не прошло много времени, и мы едва успѣли отслушать обѣдню въ Чертомонда и добраться до луга, какъ завидѣли вдалекѣ большую толпу всадниковъ. Подойдя ближе, чтобы разглядѣть общество приближавшееся къ намъ съ пѣснями, мы прежде всѣхъ признали насмѣшника Біаджіо Сернелло, и вокругъ него нѣсколькихъ молодыхъ людей, которые помирали со смѣха. Мы вышли посмотрѣть на большую дорогу, а они тѣмъ временемъ подъѣхали, сошли съ коней, начались поклоны и поздравленія. Когда мы спросили, какое счастливое обстоятельство (qual graziosa *ventura*) занесло ихъ сюда и кого намъ за это благодарить, Біаджіо тотчасъ же отвѣчалъ: Ходкость (ventura[22]) этихъ коней привела насъ и благодарить слѣдуетъ ихъ хорошо подкованныя ноги. И отвѣтивъ такимъ образомъ, онъ быстро измѣнилъ свое лицо, которое изъ худощаваго сдѣлалось у него полнымъ, точь въ точь Алессандро делли Аллессандри, и онъ началъ говорить его голосомъ, сопровождая себя его жестами: «Добраго здоровья всей веселой компаніи. А на васъ, графъ Симонъ, я не надивлюсь, вы будто и не узнаете вашего Алессандро. Кстати, гдѣ графъ Карлъ? Намъ признаться сильно хотѣлось бы узнать, поживется ли намъ въ Поппи также хорошо, какъ графу Карлу»? Тутъ онъ замолчалъ, и такъ какъ Алессандро всѣмъ намъ былъ хорошо извѣстенъ, мы пришли въ такое же изумленіе, въ какое знаменитая Цирцея привела Улисса, когда въ сосѣдствѣ древней Гаэты она обратила его спутниковъ въ звѣрей. Такъ среди хохота и удивленія продолжали мы слушать его разсказы о флорентійскихъ дѣлахъ и о другихъ государствахъ Италіи, все время въ лицѣ вашего Алессандро; потомъ, измѣнивши лице на подобіе вашего, графъ Карлъ, онъ самъ принялся отвѣчать Алессандро, такъ сходно, что еслибъ я его только слышалъ, а не видѣлъ и не зналъ продѣлокъ, положительно принялъ бы за васъ, да и всѣ другіе, тамъ бывшіе, сдѣлали бы то же самое. Пока мы стояли въ удивленіи, онъ уже успѣлъ отдать приказъ, чтобы все общество направилось къ Поппи; потомъ, взявши меня за руку, обратился ко мнѣ, будто къ Алессандро: «О Алессандро, вамъ не трудно ли взбираться?» и тутъ же, отвѣчая себѣ въ лицѣ Алессандро, прибавилъ: «Графъ,

мнѣ столько же нуженъ отдыхъ, какъ дикой козѣ, хотя я и полонъ. Тронемтесь же въ путь, прежде чѣмъ не наступилъ жаръ». Такъ пройденъ былъ мостъ и мы взобрались на крутизну, среди веселыхъ разсказовъ, а онъ продолжалъ представлять то одного, то другаго, и мы къ удивленію не замѣтили трудности пути. Среди такого веселья добрались до города и, войдя въ замокъ, провели нѣсколько времени на лугу въ тѣхъ же забавахъ и за завтракомъ, при чемъ Біаджіо постоянно распоряжался въ лицѣ васъ, графъ Карлъ, такъ что мы и не пили ничего кромѣ того, что̀ онъ самъ хотѣлъ и заказывалъ, говоря, что такую компанію надо же угостить корсиканскимъ виномъ, которое, какъ самъ онъ забавно объяснилъ, будто бы послано ему въ подарокъ мессеромъ Пьеромъ Гамбакорти.*)

«Когда такимъ образомъ оконченъ былъ завтракъ, онъ же распорядился приготовленіями къ обѣду, и мы всѣ повиновались ему съ удивительной готовностью, какъ будто это были вы сами; только что за удивленіемъ слѣдовалъ новообразимый, неподражаемый смѣхъ. Обѣдъ прошелъ такъ весело, что и не описать, потому что все время за приборомъ Біаджіо говорили невидимые графъ Карлъ и Алессандро.....

«Вы этого человѣка уже давно знаете, какъ онъ забавенъ и пріятенъ въ обществѣ; оттого я и не распространяюсь, вы все это лучше представите себѣ, чѣмъ я съумѣю передать вамъ. И такъ пообѣдавши и отдохнувъ отъ впечатлѣній дня, мы тотчасъ же, какъ видите, рѣшились отправиться къ вамъ, чтобы разсказать все, что̀ вы слышали, и кстати сообщить, что сегодня вечеромъ Гвидо ди мессеръ Томмазо и Андреа Бетти прибудутъ въ Поппи, на пути къ святымъ мѣстамъ, которыя думаютъ посѣтить, какъ и вы это сдѣлали. Это свѣдѣніе вѣрное, его передали намъ Біаджіо и его спутники, а Біаджіо нарочно былъ посланъ впередъ, чтобы васъ объ этомъ предупредить. Посудите, какое удовольствіе васъ сегодня ожидаетъ: Гвидо и Андреа, именитые граждане, и съ ними такіе пріятные собесѣдники, какъ Біаджіо и Маттіо.

«Такъ сказалъ графъ Симонъ, и графъ Карлъ съ веселымъ видомъ отвѣчалъ, обращаясь къ нему и къ благороднымъ дамамъ:

«Что до меня, я сильно завидую вамъ во всемъ, что̀ вы видѣли и слышали отъ нашего забавника Біаджіо.. ... И такъ въ добрый часъ отправимся къ нимъ поскорѣе». Сказавши это, онъ при-

*) Историческое лице, упомянутое здѣсь для шутки. Gambacorti, *подкашивающій ноги*, удачный эпитетъ вина.

шпорилъ свою лошадь, и всѣ мы послѣдовали его примѣру; на пути наказано было Андреволо Дандоло изъ Венеціи, юношѣ хорошаго рода и добрыхъ нравовъ, услужливому и учтивому, чтобы въ сообществѣ одной изъ графинь, какую онъ изберетъ, онъ пропѣлъ одну изъ тѣхъ сициліанскихъ канцонетъ, которымъ научился отъ Франческо ди Ванноццо. Онъ такъ и сдѣлалъ, выбравъ себѣ Маргариту, красивую и граціозную дочь графа Карла; пѣніе сокращало и безъ того короткій путь, между тѣмъ какъ жалостныя слова и сладкій напѣвъ говорили, какое великое зло не любить, когда мы любимы, и какое торжество для горячихъ любовниковъ—любить и быть любимымъ. Всѣ хвалили мѣткія слова и не менѣе того мелодію, пѣвцевъ и автора. Тѣмъ временемъ мы были уже въ сосѣдствѣ Чертомондо у Кампальдино, гдѣ Джинджиккіо вмѣстѣ съ вѣрнымъ Дамо все самымъ роскошнымъ образомъ приготовилъ на зеленой лужайкѣ. Неподалеку оттуда шутникъ Біаджіо вмѣстѣ съ Маттіо и надоѣдливымъ Тонэ переряжены были въ могущественныхъ властителей, съ толпой почетныхъ слугъ и конюшихъ, точно Карлъ I, король Іерусалима и Сициліи, когда онъ посѣщалъ столицу апостоловъ. Выступивъ немного впередъ, не покидая царской роли, онъ милостиво принялъ графа Карла, взялъ его за руку и съ серьознымъ и вмѣстѣ привѣтливымъ видомъ сказалъ: «Добро пожаловать, нашъ добрый графъ Карлъ и все общество»; и когда тотъ хотѣлъ наклониться до земли, прибавилъ: «Встаньте». И къ удивленію всѣхъ онъ продолжалъ съ нимъ говорить, разсуждая не о чемъ иномъ, какъ объ интересахъ великихъ державъ и имперій, такъ что никто другой, какой бы властью и какимъ умомъ онъ ни обладалъ, не сдѣлалъ бы лучше его. Пока мы веселились такимъ образомъ, показалось вдали общество Гвидо; шутники отправились къ нимъ на встрѣчу, будто придверники, жезлоносцы и служители его величества короля, которые хотятъ узнать, кто такіе всадники и какой случай привелъ ихъ сюда. Гвидо и Андреа, не предупрежденные о шуткахъ Біаджіо и удивленные присутствіемъ такого знатнаго общества; тотчасъ же сходятъ съ коней и направляются впередъ, потомъ останавливаются, ожидая чтобъ графъ Карлъ далъ имъ какое нибудь объясненіе, а пока не рѣшаются ни идти впередъ, ни возвратиться. Тогда Біаджіо сказалъ громкимъ голосомъ: «Пойдите скорѣй и приведите къ ногамъ моимъ вотъ этихъ двухъ, потому что они жестоко провинились передъ престоломъ, придя раньше ужина». Служители

идутъ тотчасъ же, едва удерживаясь отъ смѣха, и хватаютъ обвиненныхъ, которые еще не знаютъ, въ чемъ дѣло, и не могутъ придти въ себя отъ изумленія. Но тутъ Гвидо вспоминаетъ, что въ обществѣ присутствуетъ Біаджіо. Это его продѣлки, говоритъ онъ, смѣясь; и когда оба плѣнника начинаютъ просить о помилованіи, всѣ разразились такимъ страшнымъ смѣхомъ при видѣ забавнаго короля, что никто изъ присутствующихъ долгое время не могъ ничего сказать, ни сдѣлать. Почему, простивши виновныхъ, король тотчасъ же распорядился, чтобы двое изъ его служителей начали танцовать съ дамами подъ звуки арфы, и, когда всѣ другіе разсѣлись, танцы начались къ великому удовольствію зрителей.

«Уже сынъ Латоны съ двадцатью своими прислужницами (Горами), поджидая остальныхъ четырехъ, спѣшилъ по нашей гемисферѣ, чтобы съ огненной колесницей погрузиться въ великія волны Испаніи, и въ прохладныхъ тѣняхъ майской зелени мягкій зефиръ умѣрялъ знойный день, когда по окончаніи веселой пляски графъ Карлъ началъ говорить такимъ образомъ: «Вы видите, что до ужина еще времени остается много; не захотите ли вы, милые Гвидо и Андреа, разсказать намъ какую нибудь хорошую новеллу; въ этихъ горахъ намъ рѣдко приходится услышать что нибудь подобное, и потому вашъ разсказъ будетъ намъ великой утѣхой». Такъ въ первый разъ данъ поводъ къ новелламъ, которыя проходятъ черезъ весь романъ, отъ разныхъ разскащиковъ и съ разнымъ содержаніемъ, иногда являясь какъ прикладъ и доказательство какого нибудь общаго мѣста, тронутаго въ разговорѣ, иногда просто чтобъ пополнить свободное время, когда до ужина еще далеко, а бездѣлье возбуждаетъ опасенія. На первый разъ новелла разсказывается по поводу спора, который завязался между графомъ Карломъ и Гвидо объ относительно большей древности Прато Веккіо и Прато Піаццанезе. Гвидо защищаетъ послѣднюю, и какъ не повѣрить ему, когда въ разсказѣ, который приводится въ подтвержденіе, судьбы Трои и Улисса связаны съ основаніемъ города приключеніями Мелиссы, наполненными сказочными чертами? Содержаніе этой новеллы мы передали при другомъ случаѣ [25]) и еще вернемся къ нему въ другомъ мѣстѣ этой книги съ нѣкоторыми новыми подробностями. Пока замѣтимъ, что она представляетъ собой хорошій, развитый до новеллы, образецъ тѣхъ многочисленныхъ сагъ, которыя въ представленіи средневѣковаго итальянца плодились въ развалинахъ его городовъ, пуская корни въ такую

глубокою древность, гдѣ имъ нельзя было не встрѣтиться съ Греками и Латинами. Мелисса, къ судьбамъ которой привязано начало Прато, является въ самомъ дѣлѣ дочерью хитроумнаго Одиссея; Цирцея изъ ревности къ отцу обращаетъ ее въ ястреба, и только въ концѣ длиннаго ряда перипетій она снова принимаетъ человѣческій образъ. Между тѣмъ какъ бо́льшая часть общества приходитъ въ умиленіе отъ разсказа Гвидо, одинъ графъ Карлъ протестуетъ противъ его главныхъ положеній. Зачѣмъ смѣшивать исторію съ поэтическимъ вымысломъ? (vogliate le storie non mescolare colli velami poetici) спрашиваетъ онъ. Если греческіе и латинскіе поэты разсказываютъ, какъ Цирцея обратила въ животныхъ спутниковъ Улисса, то понимать это слѣдуетъ въ нравственномъ смыслѣ, т. е. что они обращались въ звѣрей на столько, на сколько плотская сторона поборала въ нихъ разумную; потому что гдѣ отсутствуетъ разумъ, тамъ остается одно безсмысленное животное. Почему и теперь можно сказать о человѣкѣ преданномъ сладострастію, что онъ обратился въ кролика, голубя либо воробья; о хитромъ—что онъ сталъ лисою, о гордомъ—что онъ левъ, и тому подобное. Споръ готовъ завязаться, ибо оказалось невозможнымъ допустить ,чтобы человѣкъ, устроенный по подобію Божію, обернулся звѣремъ, душа человѣка безсмертна и нетлѣнна и т. п.; но тутъ подъѣхали верхомъ нѣсколько служителей и объявили, что прибылъ Луиджи Марсили, также отправлявшійся на поклоненіе и сошедшій пока у церкви въ Чертомондо; вскорѣ явился и самъ маэстро Луиджи и ему, какъ духовному лицу, извѣстному своей ученостью и святой жизнью, поручается разрѣшить споръ. «Дѣло извѣстное и ясное, говоритъ онъ, что поэты подъ оболочкой вымысла и метафоры скрываютъ иногда полезное и пріятное поученіе; иногда имъ нравится смѣшивать исторію съ вымысломъ, смотря по своей задачѣ и матеріи. Вымыслы такимъ образомъ бываютъ самые разнообразные. Теперь вы меня спрашиваете о знаменитой волшебницѣ Цирцеѣ; вотъ что я вамъ на это отвѣчу. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Цирцея была великая и знаменитая волшебница, и это не басня, и не поэтическій вымыселъ, а настоящая истина, и ученѣйшими и достовѣрными писателями было доказано, что люди могутъ обращаться въ животныхъ. Но такъ какъ часто случается, что вопросъ плохо поставленный даетъ поводъ людямъ сомнѣваться и отрицать то, что̀ допустить необходимо: я въ настоящемъ случаѣ сообщу вамъ мнѣніе самаго славнаго авторитета,

какимъ можетъ гордиться нашъ орденъ (il piu famoso, che la nostra religione abbia), и такимъ образомъ обойду всякій споръ и препирательства, какія во многихъ возбуждаетъ сомнительный вопросъ. И такъ нашъ отецъ и учитель Августинъ, по поводу такого же сомнѣнія, говоритъ, что человѣку невозможно обратиться въ животное, но что дьявольское наважденіе такъ сильно, что себѣ самому ты кажешься животнымъ, и у тебя даже развиваются инстинкты той или другой породы; да и тѣмъ, кто на тебя смотритъ, ты на самомъ дѣлѣ представляешься животнымъ, хотя разсудокъ или лучше разумная душа осталась у тебя неизмѣнной,—а она-то и есть существо человѣка. Такъ разсказывается объ Апулеѣ, что онъ изъ человѣка обратился въ осла, и, не смотря на эту иллюзію, разсудокъ у него былъ тотъ же нетлѣнный и неизмѣнный. Почему человѣкъ никогда не можетъ обратиться въ животное, хотя несомнѣнно, что по дьявольскому наважденію онъ можетъ казаться звѣремъ. Вотъ ясное разрѣшеніе вашего сомнѣнія, которое вы такъ разумно поставили и мнѣ предложили».

Всѣ похвалили слова маэстро и у всѣхъ явилось желаніе, чтобы въ подтвержденіе ихъ онъ самъ что нибудь разсказалъ. Сначала онъ отказывается подъ тѣмъ предлогомъ, что предпринялъ путешествіе вовсе не для удовольствія, а для покаянія и поклоненія, и ему не къ лицу развлекаться, если бы не просьбы общества и не надежда, что изъ его разсказа другіе могутъ извлечь себѣ поученіе. Такъ мотивируется слѣдующая новелла о томъ, какъ Михаилъ Скоттъ, знаменитый магикъ временъ Фридриха II Гогенштауфена, обольстилъ своимъ бѣсовскимъ искусствомъ рыцаря Ольфа. Мы думаемъ возвратиться къ содержанію этой новеллы впослѣдствіи, когда укажемъ на ея предполагаемый первообразъ и на значеніе ея суевѣрной обстановки; потому-то мы здѣсь на ней и не останавливаемся, какъ вообще, передавая въ широкихъ чертахъ содержаніе нашего романа, мы предположили распространиться только о тѣхъ, которыя не дадутъ намъ повода вернуться къ нимъ въ слѣдующихъ главахъ, точно такъ же какъ о тѣхъ новеллахъ, которыя не представляли намъ матеріала для особаго историко-сравнительнаго изученія.

Оживленный ужинъ слѣдуетъ за разсказомъ: дамы сидятъ за особымъ столомъ, за другимъ Марсили, графъ Карлъ, Гвидо и Андреа, за третьимъ графъ Симонъ съ братьями и остальная часть общества. За ужиномъ танцы, пѣсни и разговоры. Марсили призываетъ графа Карла поблагодарить Господа за то физиче-

ское, нравственное и матерьяльное благосостояніе, которымъ онъ владѣетъ съ избыткомъ. Причину послѣдняго онъ главнымъ образомъ находитъ въ дружественно-покорныхъ отношеніяхъ графа къ флорентійской республикѣ; не говоря уже о томъ, что гдѣ мужество соединено съ милосердіемъ, благочестіемъ и справедливостью, тамъ крѣпко стоитъ и государство. Оттого властитель долженъ относиться къ подданнымъ, какъ добрый отецъ семейства къ своимъ дѣтямъ и т. п. Послѣднія слова какъ будто предваряютъ дальнѣйшее разсужденіе на ту же тему. Общество между тѣмъ успѣло удалиться съ луга, гдѣ становилось прохладно, взобраться, при свѣтѣ факеловъ, въ гору и посѣтить монастырь, лежавшій у самыхъ воротъ города, гдѣ аббатъ встрѣчаетъ ихъ со свѣчами, въ сопровожденіи всей братіи. Когда, наконецъ, добрались до за́мка и дамы разошлись на ночлегъ по своимъ комнатамъ, мужчины еще остаются вмѣстѣ, чтобы воспользоваться присутствіемъ ученаго маэстро и затронуть какой нибудь серьозный вопросъ. Это поручается графу Симону, который до тѣхъ поръ еще не вмѣшивался въ разговоры, и онъ предлагаетъ рѣшить: какое правленіе лучше,—то ли, которое поручено одному лицу, или многимъ, какъ мы это часто видимъ? Вопросъ, занимавшій средневѣковыхъ политическихъ теоретиковъ, начиная отъ Сигьера, и завѣщанный ими публицистамъ возрожденія. Видно разрѣшеніе Марсили, какъ передаетъ его намъ романистъ, удовлетворило немногихъ, а въ XVI-мъ вѣкѣ были новыя причины имъ еще менѣе удовлетвориться. Пока мы на немъ успокоиваемся: «Рѣшеніемъ маэстро остались довольны внимательные и благосклонные слушатели; когда же пришло время спать, всѣ разошлись по приготовленнымъ для нихъ комнатамъ, каждый въ отличномъ расположеніи духа. Такъ кончился этотъ веселый день, и всѣ на слѣдующее утро продолжали счастливо начатое путешествіе».

Книга третья.

Прежде чѣмъ продолжать разсказъ, авторъ въ началѣ третьей книги снова возвращается къ своимъ друзьямъ и снова затрогиваетъ тѣ чувства, которыя побудили его къ труду, какъ онъ прежде объяснилъ въ своемъ введеніи. «Часто случается, что, сообщая друзьямъ объ испытанномъ удовольствіи, мы ощущаемъ его въ другой разъ съ не меньшей силой, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; потому что всякое наслажденіе тѣмъ выше, чѣмъ больше въ немъ участниковъ [24]); оттого я показался бы самъ себѣ неблагодар-

нымъ, еслибъ не сообщилъ вамъ, сердечные друзья мои, то, что я слышалъ отъ славныхъ мужей,—неблагодарнымъ къ ихъ памяти и къ вамъ, которыхъ ихъ дивныя рѣчи и разсказы могутъ развеселить и наставить. Не судите ихъ по моему неизящному слогу, но по тому, какъ они произнесены были въ дѣйствительности. О какъ трудно и не подъ силу передать всѣ ихъ остроумныя изрѣченія, божественные жесты, игривыя шутки и чудную рѣчь! Поймите это и, извинивъ меня, постарайтесь восполнить вашимъ божественнымъ умомъ, что передать у меня не хватаетъ силъ. Въ твердой надеждѣ на это, я стану продолжать начатую повѣсть».

Во Флоренціи между тѣмъ прослышали о возвращеніи нашихъ путниковъ, въ особенности Біаджіо и Маттіо, общей потѣхи всего города; о томъ, какъ удалась поѣздка, какъ весело прошло время въ Поппи. Дни были праздничные, въ городѣ довольство, потому что годъ былъ хлѣбный, никакихъ слуховъ о войнѣ и торговыя дѣла шли отлично. Очень естественно, что въ общественной жизни все это должно было отразиться веселымъ настроеніемъ, что граждане часто сходились, устраивались пиры и посидѣлки. Такъ и дражайшему отцу Колуччіо, канцлеру нашему, пришло на мысль собрать у себя за обѣдомъ нѣсколько именитыхъ мужей, Флорентійцевъ и другихъ, случайно находившихся во Флоренціи, медиковъ, артистовъ: между ними Марсиліо ди Санта Софія, Біаджіо изъ Пармы, Лунджи Марсили, маэстро Грація, Франческо дельи Органи. Въ назначенный день они приняты были радушно, съ обиліемъ яствъ и дорогихъ винъ, какъ того требовало время; и когда кончился обѣдъ и затихла музыка и пѣніе Франческо и его товарищей, Колуччіо обратился къ гостямъ съ такою рѣчью: «Не знаю и не съумѣю благодарить васъ за вашу внимательность и удовольствіе мнѣ доставленное; только объ одномъ рѣшусь вамъ напомнить, чтобы вы соблаговолили отужинать со мною сегодня вечеромъ, потому что таковъ въ это время флорентійскій обычай, и намъ слѣдуетъ его сохранять и чтить, ибо хорошій укоренившійся обычай равносиленъ положительному закону». Всѣ согласились съ нимъ и, проведя еще нѣкоторое время въ веселыхъ разговорахъ, разошлись по домамъ, и Колуччіо проводилъ ихъ недалеко. Когда онъ возвращался одинъ, съ нимъ повстрѣчался мессеръ Антоніо ди мессеръ Николайо делли Альберти, который прогуливался съ пріятелями. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ обратился къ Колуччіо съ такою рѣчью: «я не сомнѣваюсь, почтенный отецъ, что сегодняш-

нимъ утромъ много удовольствія и утѣшенія принесло вамъ сообщество столь именитыхъ мужей, богослововъ и философовъ, которымъ равно доступны и открыты ученія какъ нравственной, такъ и натуральной философіи. Я, признаться, вамъ завидую и сильно желалъ бы, чтобы вы когда нибудь посѣтили мой Парадизо, гдѣ намъ будетъ спокойнѣе и пріятнѣе чѣмъ въ городѣ; васъ же прошу такъ устроить, чтобы и они прибыли вмѣстѣ съ вами. Вы знаете, какъ тамъ хорошо, и какъ въ одномъ мѣстѣ соединены всѣ удовольствія и удобства, какихъ только можно пожелать». Колуччіо эти слова пришлись по сердцу, и онъ такъ отвѣчалъ кавалеру: «Мессеръ, ручаюсь вамъ, что я еще никогда не получалъ такого утѣшенія, какъ отъ лицезрѣнія и разговоровъ столькихъ заслуженныхъ мужей; и всего болѣе скажу это о Біаджіо изъ Пармы и объ его доказательствахъ въ пользу согласія религіи со всей метафизической и натуральной философіей; чѣмъ онъ доставилъ такое удовольствіе Маэстро Луиджи, который ему противорѣчилъ, что, по его собственному признанію, онъ такого никогда не испыталъ. Я ничего не говорю вамъ о другихъ, потому что всѣ вынесли одно и то же впечатлѣніе. Итакъ въ добрый часъ, не захотите ли вы отужинать съ нами? Кстати поговоримъ о предлагаемой прогулкѣ въ Парадизо».

«Я къ несчастію не могу принять вашего предложенія—отвѣчалъ Антоніо,—потому что у меня, по случаю праздниковъ, ужинаютъ сегодня нѣсколько знакомыхъ; но вы хорошо сдѣлаете, если послѣ вашего ужина придете всѣ вмѣстѣ въ мой садъ прохладиться и за одно порѣшить о нашей прогулкѣ». На томъ покончили и разошлись, и когда позднѣе у Колуччіо собрались его гости и Біаджіо успѣлъ всѣхъ насмѣшить, передразнивая на этотъ разъ то маэстро Біаджіо, то маэстро Марсиліо, хозяинъ начинаетъ держать рѣчь о доблестяхъ семейства Альберти, и въ особенности мессера Николайо дельи Альберти, покойнаго отца Антоніо. За тѣмъ предложеніе посѣтить послѣдняго въ его домѣ является само собою, и всѣ отправляются къ нему; а Антонію уже вышелъ къ нимъ на встрѣчу со своими гостями и ждетъ на площади Перуцци. Мы не останавливаемся на описаніи дома и сада, ни на новыхъ проказахъ Біаджіо; подъ конецъ вечера, когда Антоніо повторилъ свое приглашеніе посѣтить Парадизо, выборъ дня порученъ, по общему голосу, канцлеру Колуччіо, и тотъ назначилъ слѣдующій, рано утромъ. Такимъ образомъ дѣйствіе романа переходитъ на виллу Альберти и въ ней остается до конца, по крайней мѣрѣ, до кон-

ца нашей рукописи; и такъ какъ тамъ сосредоточивается бо́льшая часть общества, выведеннаго нашимъ романистомъ, и разсказывается бо́льшая часть новеллъ, мы едвали сдѣлали дурной выборъ, перенеся на романъ, который авторъ оставилъ безъ титула, названіе виллы и ея хозяина.

Слѣдующее утро уже застаетъ насъ въ деревнѣ: Антоніо съ братьями встрѣтили гостей и всѣ вмѣстѣ отслушали обѣдню въ домашней часовнѣ; затѣмъ все общество располагается у фонтана, подъ тѣнью сосенъ, гдѣ приготовлены богато украшенныя скамьи и на ставкѣ вазы серебряныя и другія, съ виномъ и плодами; птицы поютъ на верху кипарисовъ и пиній, рѣдкіе звѣри гуляютъ по лужайкамъ, и Франческо сладко играетъ на своемъ органѣ. Вскорѣ являются и дамы, съ ними нѣсколько дѣвушекъ и молодыхъ людей. Сдѣлавъ въ началѣ общій поклонъ и за тѣмъ каждому маэстро отдѣльно, онѣ приближаются, и одна изъ нихъ начинаетъ держать такую рѣчь: «Почтенные отцы и наставники, такъ какъ вамъ заблагоразсудилось посѣтить эти страны—за что мы вамъ особенно благодарны,—окажите намъ милость, примите насъ въ ваше общество, чтобы мы могли утѣшиться, слушая ваши рѣчи, и унести съ собою полезное и благое поученіе». Такъ вносится въ разговоры женскій элементъ и тотчасъ же принимаетъ въ нихъ участіе. Когда дѣвушки и молодые люди начинаютъ плясать, отцы и матери обступили ихъ и любуются; это даетъ поводъ Алессандру ди сэръ Ламберто, подъигрывавшему танцамъ на гитарѣ, раздуматься объ относительномъ преимуществѣ отеческой и материнской любви къ дѣтямъ. Самъ Алессандро защищаетъ первую, но одна изъ присутствующихъ дамъ берется отстоять права женщинъ и дѣлаетъ это съ такимъ успѣхомъ, что маэстро Біаджіо, которому поручено разрѣшить споръ, не можетъ съ нею не согласиться.

Къ несчастію здѣсь въ рукописи выпало 10 листовъ: чувствительный пропускъ, впрочемъ не нарушающій значительно цѣльности разсказа. Гости только-что удалились, чтобы отдохнуть, пока пройдетъ полуденный жаръ; для нихъ приготовлены прохладныя комнаты, богато убранныя, «dove molte gabbiette piene d'uccelletti si erano, faccendo uno legiadro cantare, che sì per la frescura che quivi si era, come per l'ornamento di capoletti e draperie, parea una più giocondissima primavera che mai per alcuno di loro veduta si fosse» (листъ 62 verso, in fine). Слѣдующій за тѣмъ листъ помѣченъ 72-мъ и прямо начинается разсказомъ маэстро Марсиліо:

«Questo udito il maestro Marsilio così rispondea». Мы считаемъ себя вправѣ предположить, что опущено немного, что первый день на виллѣ еще продолжается, и разговоры и разсказы велись на тему, затронутую въ послѣднемъ спорѣ. Въ самомъ дѣлѣ, защищая выше преимущество материнской любви, Никколоза привела примѣръ молодой и красивой женщины, родомъ издалека, которая по смерти мужа не только-что осталась при дѣтяхъ, но покинула свое отечество—Грецію, родителей, братьевъ и сестеръ, все свое имѣніе, и, исполняя обѣщаніе, данное мужу —отвезти дѣтей на его родину, съ какими могла собрать пожитками и прахомъ мужа—прибыла въ Поппи въ Казентино. Такъ какъ все это передается Никколозой лишь въ немногихъ словахъ, Біаджіо проситъ ее разсказать о томъ подробнѣе, когда представится случай; и нѣтъ ничего невѣроятнаго, что на недостающихъ въ рукописи листахъ помѣщался, между прочимъ, и обѣщанный разсказъ о женской доблести вродѣ собранныхъ Доменики (La nobiltà delle donne) и Кастильоне (Cortegiano lib. III сс. XXII—XLIX). Можетъ быть также и послѣ этого разговоръ не выходилъ изъ той же общей колеи, распространяясь отъ родительской любви на отношенія мужчины и женщины,—любимую тему для разсужденій, когда въ нихъ участвовали дамы: вспомнимъ хоть тѣ question d'amore и загадочные motetti, которые описываетъ Франческо да Барберино (Del reggim. e dei costumi delle donne, parte XVIII—XIX), или Arrêts d'Amour Марціяла Парижскаго, либо Les droits nouveaux Кокильяра. Если такъ, то мы можемъ только сожалѣть объ ихъ утратѣ; намъ остаются неизвѣстными эротическія теоріи, современныя романисту, и мы поневолѣ принуждены ограничиться тѣми общими философскими положеніями, которыя высказаны имъ въ аллегоріяхъ первой книги. А что тема разговоровъ продолжала быть по прежнему эротической, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что новелла, которую непосредственно за пропускомъ разсказываетъ Марсиліо, опять-таки вертится вокругъ вопроса любви, на преимуществѣ естественной или родственной привязанности передъ нравственной, основанной на чувствѣ благодарности и тому подобныхъ соображеніяхъ. Укажемъ, наконецъ, еще на одну подробность, которая по необходимости должна была найтись на утраченныхъ страницахъ III-й книги: изъ дальнѣйшаго хода романа видно, что наше общество успѣло конституироваться, выбрать изъ среды себя предсѣдателя, который мѣняется изо дня въ день, руководитъ пре-

ніями и выборомъ новеллъ. Объ этомъ въ предшествующемъ разсказѣ нѣтъ ни слова, и здѣсь намъ кажется необходимымъ отнести на счетъ пропуска умолчаніе, которое иначе было бы необъяснимо.

На слѣдующихъ страницахъ мы попытаемся перевести новеллу Марсиліо и за ней, непрерывая контекста, разсказъ Біаджіо, чтобы дать понятіе какъ объ изложеніи нашего автора, такъ и о разнообразномъ характерѣ новеллъ, вставленныхъ въ романъ. Это, съ одной стороны, приведетъ насъ къ концу третьей книги и позволитъ при передачѣ четвертой ограничиться самыми общими очертаніями.

«Услышавъ это, маэстро Марсиліо такъ отвѣчалъ: Я согласенъ вамъ тотчасъ повиноваться и кстати разрѣшить сомнѣніе касательно одного событія, приключившагося въ моемъ отечествѣ, когда тамъ свирѣпствовалъ звѣрскій и кровожадный тиранъ Аццолино да Романо, властитель Падуи, Вероны, Брешіи и многихъ другихъ городовъ Ломбардіи и Тревизской марки. Онъ, по просьбѣ своего казначея, котораго любилъ, обѣщалъ освободить отъ смертной казни одного изъ двухъ осужденныхъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ просилъ о пощадѣ того лица, кому всего болѣе обязанъ: а одинъ былъ его отецъ, другой воспитатель и наставникъ во всякой добродѣтели. Вы услышите этотъ замѣчательный случай и за тѣмъ произнесите о немъ ваше рѣшеніе.

«Всѣмъ, конечно, хорошо извѣстно, какихъ знаменитыхъ мужей, замѣчательныхъ по своимъ добродѣтелямъ, произвело семейство да Каррара: въ особенности по своимъ благодѣяніямъ къ друзьямъ и служителямъ, которыхъ они всегда берегли и поддерживали; не такъ какъ обыкновенно дѣлаютъ господа, которыхъ лучше назвать тиранами, — что взводятъ различныя обвиненія на престарѣлаго служителя, если у него есть какой нибудь достатокъ, съ цѣлью засадить его въ тюрьму, обобрать и подъ конецъ убить. Потому-то это семейство по природѣ, привычкамъ и преданію всегда и передъ всѣми другими одарено было, кромѣ другихъ добродѣтелей, милосердіемъ, обходительностью и щедростью. Я о немъ многое могъ бы поразсказать, но въ настоящее время перейдемъ къ тому, что̀ я обѣщалъ сообщить вамъ.

«Былъ въ этомъ семействѣ одинъ кавалеръ, по имени мессеръ Марсиліо il Vecchio (Старшій) да Каррара, человѣкъ очень добродѣтельный, котораго всѣ любили за его благоразуміе и мужество и вмѣстѣ боялись. Путешествуя въ юности къ святымъ мѣстамъ съ цѣлью посѣтить гробъ Господень, пройдя Склавонію и идя заливомъ, онъ остановился отдохнуть близь Рагузы; слу-

чилось, что за тѣмъ же пристали на галіотѣ какіе-то корсары и, сойдя на берегъ, тутъ же предлагали для продажи большую часть своего товара, кому что понадобится. Между прочимъ былъ у нихъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, котораго они желали продать, выдавая его за Валаха и своего раба [25]). По ихъ словамъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ съ ними въ этихъ сторонахъ, потому Марсиліо заговорилъ съ нимъ, и какъ наружность его понравилась и онъ показался ему способнымъ, жалость взяла Марсиліо, онъ купилъ его за 50 дукатовъ и увелъ съ собою, поручивъ его обученіе своему спутнику-врачу. Чрезъ какой нибудь мѣсяцъ прибыли они въ Фамагосту на Кипрѣ; пока экипажъ здѣсь отдыхалъ, самъ кавалеръ былъ принятъ и чествуемъ однимъ богатымъ падуанскимъ купцомъ, по имени Уголино Скровиньо. Этотъ Уголино началъ разспрашивать мессера Марсиліо, кто этотъ ребенокъ, и тотъ все ему разсказалъ, какого онъ замѣчательнаго ума, какой послушный, и что онъ самъ намѣренъ усыновить его, если онъ будетъ продолжать вести себя по прежнему. Разсуждая о качествахъ ребенка, мессеръ Марсиліо и Уголино признали за лучшее оставить его здѣсь, какъ изъ желанія добра ему самому, такъ и потому, чтобъ онъ не былъ помѣхой во время путешествія сухимъ путемъ. Такъ кавалеръ и сдѣлалъ, поручивъ его Уголино съ такою любовью и нѣжностью, какъ будто онъ былъ его собственный сынъ. Онъ присоединилъ къ этому, что думаетъ отлучиться на долго, имѣя намѣреніе подробно осмотрѣть мѣста, гдѣ Христосъ жилъ, училъ и совершалъ чудеса и знаменія; оттуда отправиться въ Дамаскъ, и потомъ въ Аравію на Синайскую гору, гдѣ почіетъ тѣло св. Екатерины; затѣмъ въ Александрію и Каиръ, чтобъ посмотрѣть на великолѣпіе султана и чудеса Египта; и наконецъ съ караванами въ Мекку: такъ что по его разсчету онъ долженъ былъ провести въ дорогѣ по крайней мѣрѣ два года. Потому-то онъ и просилъ Уголино обучить мальчика краснорѣчію и мудрости и выразилъ желаніе, чтобы въ случаѣ, еслибъ онъ самъ умеръ во время путешествія, извѣстная часть его состоянія досталась его пріемышу, что̀ онъ и подтвердилъ подлиннымъ завѣщаніемъ. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, онъ покинулъ Фамагосту и отправился въ путь, оставивъ мальчика въ добрый часъ (con buona ventura), снабженнаго въ изобиліи всѣмъ, что̀ только могло ему понадобиться. Уголино обходился съ нимъ какъ съ сыномъ, обучалъ его латинскому языку, которому мальчикъ еще прежде положилъ хорошее основаніе, потомъ греческому, такъ что онъ

въ скоромъ времени успѣлъ въ краснорѣчіи и практическомъ знакомствѣ со многими языками—неслыханная вещь въ эти лѣта! Ко всему этому онъ сдѣлался лучшимъ счётчикомъ (il più pronto aritmetrico) на островѣ Кипрѣ, такъ что всѣхъ приводилъ въ изумленіе. Года чрезъ два Уголино вмѣстѣ съ Бонифаціемъ (такое имя дано было мальчику) отправился въ Никозію, гдѣ у него были дѣла съ королемъ и старые счеты, которые необходимо было свести. Бонифацій успѣвалъ въ этомъ такъ быстро, что удивленный король задумалъ отнять его у Уголино, что̀ и сдѣлалъ; при чемъ Уголино объяснилъ, откуда у него мальчикъ, чей онъ, и что онъ не перечитъ королевскому желанію, лишь бы его Величество соблаговолилъ отдать его мессеру Марсиліо, когда тотъ воротится. У короля было нѣсколько сыновей; между ними одинъ по имени Гуго, юноша большаго ума и однихъ лѣтъ съ Бонифаціемъ. Мальчики вскорѣ свыклись и полюбили другъ друга, потому что у того и другаго была склонность къ однимъ и тѣмъ же занятіямъ, и они, обучаясь взаимно, скоро преуспѣли во всѣхъ наукахъ, почему Бонифацій и у короля пользовался особенною милостью. Проживая въ Кипрѣ, онъ изучилъ нравы Сирійцевъ, арабскій языкъ и другіе, и на всѣхъ говорилъ какъ на своемъ; и какъ при этомъ онъ былъ великодушенъ и щедръ по своему состоянію, всѣ его уважали, любили и почитали. А между тѣмъ изъ подарковъ, которые ему дѣлалъ король, изъ назначеннаго ему мессеромъ Марсиліо и пріобрѣтеннаго собственною смѣтливостью, онъ успѣлъ уже составить себѣ состояніе въ нѣсколько тысячъ дукатовъ. Пока онъ находился при королѣ, слѣдя за новыми, сводя старые счеты, и все бо́льшаго заслуживая въ глазахъ его расположенія, мессеръ Марсиліо, покончивъ свои странствованія, прибылъ въ Александрію и, намѣреваясь пробраться въ Каиръ, задумалъ послать за Бонифаціемъ. Бонифацій, которому хотѣлось исполнить это желаніе, попросилъ отпуска у короля, объяснивъ, что ему слѣдуетъ повиноваться всему, что прикажетъ его добрый отецъ и наставникъ. Королю не хотѣлось съ нимъ разстаться, онъ отпустилъ его нехотя, и то подъ условіемъ, что̀ Бонифацій вернется при первой возможности. Такъ уѣхалъ онъ изъ Кипра съ богатыми подарками отъ короля и его сыновей, въ особенности Гуго, который любилъ его болѣе, чѣмъ самого себя; съ этими богатствами онъ прибылъ въ Александрію, гдѣ нашелъ мессера Марсиліо, встрѣтившаго его съ такою нѣжностью, какъ будто своего сына. Не долго позамѣшкавши, они отправи-

лись въ Каиръ, гдѣ мессеръ Марсиліо былъ въ дружбѣ съ однимъ изъ важныхъ эмировъ (amiragli) Султана, почему онъ былъ принятъ съ почестью, и пребываніе ихъ тамъ было пріятное и вмѣстѣ полезное. Бонифацій хорошо зналъ языкъ страны, и, при отличной репутаціи мессера Марсиліо, почти всѣ коммиссіи Генуэзцевъ, Венеціанцевъ и почти всѣхъ христіанъ перешли въ его руки; а такъ какъ они пробыли тамъ два года, завѣдуя кромѣ того дѣлами Кипрскаго короля и мессера Уголино Скровиньо, то богатство Бонифація возрасло до 30 тысячъ дукатовъ; пока наконецъ вслѣдствіе хорошихъ отношеній, въ которыхъ онъ состоялъ со всѣми, и большая часть дѣлъ, какія были у Султана съ купцами, не перешли въ его завѣдываніе.—Случись тогда, что у мессера Марсиліо явилось желаніе вернуться къ себѣ на родину. Видя, что Бонифацію не скоро развязаться съ дѣлами, онъ рѣшилъ оставить его, пока всего не покончитъ, сказавши ему напередъ такія слова: «Сынъ мой, я рѣшился дать тебѣ въ супруги, если ты самъ того пожелаешь, мою племянницу, рожденную отъ моей сестры и мессера Филиппа Даль Денте, которую, ты знаешь, я люблю какъ свою дочь: потому что, оставшись безъ отца и матери, она въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ воспитывалась у меня въ домѣ при своей теткѣ и моей женѣ. Почему я хочу, чтобы ты исполнилъ мое желаніе, живъ ли останусь или умру. Только постарайся, какъ можно скорѣе, освободиться отъ дѣлъ и пріѣзжай въ Падую, гдѣ съ Божьею помощью я тебя дождусь». Юноша отвѣчалъ ему со слезами умиленія на глазахъ: «Отецъ мой, владыка и благодѣтель! Благодарю васъ за все, что̀ вы сказали; всякое ваше слово для меня законъ, и я ничего не сдѣлаю противъ вашего желанія. Вамъ остается только приказать, и все будетъ исполнено». Не долго мѣшкая, мессеръ Марсиліо отправился въ путь въ Александрію, изъ Александріи на галерѣ въ Венецію, изъ Венеціи въ Падую, гдѣ онъ нашелъ въ странѣ иной порядокъ вещей, чѣмъ въ какомъ ее оставилъ: потому что суровый тираннъ Аццолино ди Романо завладѣлъ ею и сдѣлался ея повелителемъ, къ великому ущербу Падуанцевъ и большому неудовольствію мессера Марсиліо. Считая для себя не вполнѣ безопаснымъ оставаться здѣсь вслѣдствіе подозрительности, жестокости и ярости тиранна, онъ рѣшился отправиться на нѣкоторое время въ Англію, пока Господь не устроитъ все иначе. Такъ онъ и сдѣлалъ, доставивъ своимъ отъѣздомъ не меньшее удовольствіе себѣ, чѣмъ Аццолино, который смотрѣлъ на

него недружелюбно, зная его за человѣка мужественнаго. Наслѣдующій годъ Бонифацій, покончивъ всѣ свои дѣла, изъ Каира черезъ Александрію задумалъ отправиться въ эти страны, держа путь на Кипръ, гдѣ присталъ у Фамагосты, чтобы повидать Уголино Скровиньо, который встрѣтилъ его радостно; затѣмъ заѣхалъ въ Никозію посѣтить его величество, которому принесъ богатые дары, равно какъ и Гуго, своему товарищу и синьору, и другимъ братьямъ. Тутъ онъ прожилъ два мѣсяца къ великому удовольствію короля и вообще всего двора; затѣмъ, когда ему показалась пора, онъ оставилъ ихъ, провожаемый величайшими почестями и всякими пожеланіями и, сѣвши на корабль въ добрый часъ, прибылъ въ Венецію. Здѣсь онъ узналъ, что мессера Марсиліо не было въ странѣ; это было ему очень непріятно и онъ почти рѣшился отправиться къ нему въ Англію, еслибъ не удержало его желаніе исполнить волю Марсиліо касательно предположеннаго брака. Потому онъ поѣхалъ въ Падую, гдѣ семействомъ ди Каррара былъ принятъ такъ радушно, что и разсказать трудно; и увидѣвши здѣсь невѣсту, которой было четырнадцать лѣтъ, остался очень доволенъ. Затѣмъ онъ посѣтилъ властителя, который, послѣ обычныхъ привѣтствій, принялъ его милостиво и показалъ большое удовольствіе, разспрашивая его о разныхъ вещахъ. Бонифацій на все находилъ отвѣтъ и, приказавъ принести разныя драгоцѣнности и богатыя украшенія, предложилъ ихъ въ даръ, который Аццолино принялъ благосклонно. Въ скоромъ времени между ними установились столь близкія отношенія, что не проходило часу, чтобы Бонифацій не былъ позванъ къ Аццолино, который повѣрилъ ему свой бюджетъ (suo stato), свои доходы и расходы, наконецъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ управлялъ тѣмъ и другимъ, и сдѣлалъ его главнымъ распорядителемъ своего сокровища (generale governatore e tesoriere di ciò che possedea). Не прошло года, какъ Бонифацій честными и позволенными средствами увеличилъ доходы, сокративши расходы, какіе казались ему вредными и безполезными, за что Аццолино любилъ его больше, чѣмъ кого либо изъ своихъ приближенныхъ. Пребывая въ этомъ благополучіи и устроивъ свадьбу, Бонифацій ничего другаго не желалъ, какъ увидѣть мессера Марсиліо; а такъ какъ самъ онъ не могъ оставить Падуи, то и задумалъ послать къ нему, увѣщевая его возвратиться и успокоивая разными доводами. Разузнавши всѣ обстоятельства, мессеръ Марсиліо рѣшился вернуться; хотя подозрѣніе и не покидало его, но жела-

ніе повидать Бонифація взяло верхъ, и онъ скоро прибылъ въ Падую.

Прибывши и повидавши Бонифація, онъ отправился къ синьору Аццолино, который на этотъ разъ принялъ его благосклоннѣе обыкновеннаго. Такъ прожилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ большею частью на виллѣ Каррара, пріѣзжая въ Падую какъ можно рѣже, чтобы не подать подозрѣнія и самому не имѣть повода подозрѣвать. Случилось между тѣмъ, что къ синьору дошли слухи о какомъ-то заговорѣ, составленномъ противъ него; тирану тотчасъ-же пришло на мысль: кто могъ затѣять это дѣло, какъ не мессеръ Марсиліо? Такъ онъ порѣшилъ въ самомъ себѣ, велѣлъ схватить Марсиліо и, посадивъ его въ тюрьму, готовился его казнить. Бонифацій, когда узналъ это, былъ самымъ несчастнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ и сильно кручинился самъ съ собою: ему казалось, что онъ причина бѣды, постигшей мессера Марсиліо, потому что по его же уговорамъ онъ вернулся изъ Англіи. Желая спасти его, онъ отправился къ Аццолино, рыдая и умоляя, чтобы по крайней мѣрѣ была пощажена жизнь мессера Марсиліо. Синьоръ выслушалъ его съ недовольнымъ видомъ, ограничиваясь косвенными отвѣтами и смотря на него изъ-подлобья; но Бонифацій, у котораго страхъ уступилъ передъ любовью къ своему доброму воспитателю, не переставалъ осаждать Аццолино просьбами съ такою страстностью и настойчивостью, что ничего подобнаго не случалось видѣть. Пока все это дѣялось, до Аццолино дошли еще слухи о другомъ заговорѣ въ Веронѣ, будто бы мессеръ Маффео изъ маркизовъ да Санъ Бонифаціо стоитъ во главѣ его и хочетъ овладѣть городомъ; почему, велѣвъ схватить виновнаго и тайно привезти въ Падую, онъ посадилъ его въ тюрьму, обрекая его на смерть вмѣстѣ съ мессеромъ Марсиліо; но прежде намѣревался хорошо розъискать дѣло, чтобы совершенно увѣриться въ своихъ врагахъ. У Бонифація между тѣмъ не было другой мысли, какъ только о спасеніи мессера Марсиліо, котораго онъ каждый день навѣщалъ въ тюрьмѣ, постоянно его утѣшая. Однажды, отправившись къ нему, онъ нашелъ его спящимъ; не желая его будить, онъ принялся утѣшать маркиза Маффео, говоря ему, чтобы онъ надѣялся, что, коли нѣтъ за нимъ вины, онъ и не умретъ; потому пусть съ терпѣніемъ переноситъ невзгоды. На это маркизъ отвѣчалъ: «Я не знаю, родился ли человѣкъ несчастнѣе меня, по многимъ и многимъ причинамъ. Еще ребенкомъ я лишился отца и матери, остался богатымъ наслѣдникомъ; воспользовавшись моею молодо-

стью, у меня отняли большую часть моего достоянія; наконецъ я женился и нѣсколько лѣтъ прожилъ съ женой, не имѣя дѣтей. Я сильно любилъ ее. Случилось потомъ, что, родивши ребенка, она умерла въ родахъ, оставивъ меня въ сильномъ горѣ. Мальчикъ росъ, подавая большія надежды, и уже достигъ десятилѣтняго возраста, когда разъ на дорогѣ въ Пескіеру разбойники напали на меня, убили двухъ изъ моихъ служителей, ограбили меня и оставили тяжело раненаго, а ребенка увели съ собою. Такъ, хотя и раненый до смерти, я остался въ живыхъ и не получалъ потомъ никакихъ извѣстій о моемъ сынѣ, которому было бы теперь двадцать лѣтъ. Затѣмъ новый рядъ несчастій; теперь престарѣлаго я вижу себя въ тюрьмѣ, безъ всякой надежды на лучшее, кромѣ надежды на скорую смерть. Посуди же самъ, могу ли я утѣшиться; одно меня нѣсколько поддерживаетъ,—моя невинность». Бонифацій, который все это замѣчалъ, началъ припоминать что-то будто сквозь сонъ, и у него внезапно явилась увѣренность, что это могъ быть его отецъ. «Мессеръ,—сказалъ онъ,—еслибъ вы увидѣли вашего сына, признали-ли бы вы его»? На что тотъ быстро отвѣчалъ: «Не думаю; развѣ только, увидавъ его голымъ, призналъ бы его по родинкѣ, которая у него ясно видна на лѣвомъ плечѣ»?—«А какая она»? спросилъ Бонифацій.—«Небольшое пятно, величиною съ ноготь; на немъ волосы, потому что его мать, будучи беременной, испугалась зайца, оно тутъ и отразилось, какъ она сама намъ сказала».—Бонифацій, у котораго былъ именно такой знакъ, когда выслушалъ разсказъ маркиза, не сомнѣвался болѣе, что онъ его сынъ. Между тѣмъ проснулся и мессеръ Марсиліо и, увидавъ своего питомца, былъ этимъ очень утѣшенъ. «Мессеръ», спросилъ его Бонифацій, «не слыхали-ли вы когда, кто былъ мой отецъ и откуда»? — «Что ты хочешь этимъ сказать, Бонифацій»? сказалъ кавалеръ: «ты мнѣ сынъ, котораго я нѣжно люблю, и я не думаю, чтобы у тебя былъ другой отецъ; я, по крайней мѣрѣ, такого не знаю». Тогда, обратившись къ тому и другому и указывая на маркиза, Бонифацій сказалъ: «Вотъ мой родной отецъ»; и тотчасъ, снявши одежду, показалъ родимый знакъ, который былъ у него на лѣвомъ плечѣ. Мессеръ Маффео, когда увидѣлъ это и услышалъ къ тому разсказъ Марсиліо, какъ было дѣло, ощутилъ такое удовольствіе, что отъ прилива нѣжныхъ чувствъ упалъ безъ сознанія и, поддерживаемый Бонифаціемъ, оставался въ этомъ положеніи нѣсколько часовъ, такъ что ужь начали сомнѣваться, не умеръ ли онъ, и, только побрызгавъ ему въ лицо холодною водой, привели его въ себя.

«Слава тебѣ Господи,—сказалъ онъ очнувшись,—теперь, если назначено мнѣ умереть, я спокойно отдамъ свою душу, послѣ того какъ по Твоей милости я сподобился найдти и увидѣть моего дорогаго сына. И васъ, мессеръ Марсиліо, я несчетно благодарю за всѣ благодѣянія, какія вы ему оказали». И оба, смотря на него, сладко плакали. Тогда, не мѣшкая, Бонифацій рѣшился отправиться къ Аццолино, и бросился ему въ ноги, рыдая. «Что это за новости, Бонифацій»? спросилъ его Аццолино въ сильномъ недоумѣніи.— «Господинъ мой», отвѣчалъ Бонифацій,—«вы можете сдѣлать меня счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, ибо я нашелъ сегодня роднаго отца. Потому, принявъ во вниманіе, что у меня два отца— одинъ по своимъ благодѣяніямъ, другой по рожденію, и тотъ и другой почтенные мужи,—окажите мнѣ милость, освободите того и другаго, т. е. мессера Марсиліо и мессера Маффео; мнѣ кажется, что, если вы это сдѣлаете, для меня не будетъ высшаго счастья и лучшей награды». Аццолино пожелалъ узнать обо всемъ въ подробности и не могъ не подивиться на счастливую игру случая; затѣмъ онъ такъ отвѣчалъ Бонифацію: «Бонифацій, я такъ люблю тебя, что, желая тебѣ угодить, готовъ поступить отчасти противъ моей совѣсти, хотя оба они заслуживаютъ жестокой смерти. Пойди, выбери себѣ одного изъ нихъ, потому что я прощаю его; но смотри, выбери того, кого ты разумнымъ образомъ выбрать долженъ, по мѣрѣ того, кому ты больше обязанъ. Если же выборъ твой окажется неразумнымъ, я обѣщаю тебѣ казнить обоихъ въ твоемъ присутствіи. И болѣе, подъ страхомъ моей немилости, не говори мнѣ объ этомъ дѣлѣ». Бонифацію такое рѣшеніе показалось въ высшей степени жестокимъ: онъ и къ синьору не хотѣлъ болѣе приставать, чтобы не вышло хуже, и самъ не зналъ, что выбрать и на что рѣшиться. Такъ прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ онъ снова прибѣгнулъ къ Аццолино.—Теперь я обращаюсь къ вамъ, почтенные отцы и милые братья, и къ вамъ, благородныя дамы: какой бы вы дали совѣтъ, еслибъ случилось, что Бонифацій къ вамъ за нимъ обратился?

Прослушавъ разсказъ маэстро Марсиліо и заключеніе его новеллы, всѣ задумались надъ ней, и всѣмъ этотъ случай показался занимательнымъ и вмѣстѣ трогательнымъ. Но такъ какъ онъ обѣщалъ вызвать длинные споры и опроверженія, положено было отложить его до болѣе удобнаго времени; кстати не далеко было и до ужина. Потому на совѣтѣ (consiglio) рѣшено отправиться ужинать, прослушавъ еще одну новеллу, и Джиневра, по опре-

дѣленію предсѣдателя (proposto) и его совѣта, поручила разсказать ее Біаджіо Сернелли; но тотъ отказывался, отшучиваясь на всѣ лады и говоря: «Какъ осмѣлюсь я сказать либо разсказать что нибудь въ присутствіи столь важныхъ и именитыхъ мужей и господъ? Разумѣется, я ничего не скажу, и вамъ придется по справедливости извинить меня въ этомъ». А все общество смотрѣло на него улыбаясь, ожидая услышать отъ него что нибудь забавное и веселое, пока наконецъ Джиневра не замѣтила ему: «Біаджіо, Біаджіо, дѣлай, что тебѣ приказано, иначе тебѣ придется раскаяться въ твоихъ грѣхахъ». Сказавши это, она замолчала, улыбаясь. Увидѣвши, что ему нельзя отдѣлаться отъ новеллы, Біаджіо началъ такъ: «Почтенные отцы, наставники и господа, мнѣ такъ понравилась новелла о мессерѣ Марсиліо да Каррара, что я ни о чемъ другомъ не могу и думать, какъ о ней, и ничего не въ состояніи разсказать, если напередъ не услышу, что̀ случилось съ тѣми двумя почтенными кавалерами, отцами мужественнаго Бонифація, оставивъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, кого изъ нихъ надлежало ему разумнымъ образомъ выбрать и спасти». За тѣмъ, обращаясь къ маэстро Марсиліо: «Маэстро»,—добавилъ онъ— «случай, вами разсказанный, по истинѣ занимателенъ, и о немъ можно поспорить; а пока соблаговолите разсказать, каковъ былъ конецъ этихъ мужественныхъ людей (prencipi): этимъ вы всѣхъ насъ удовлетворите». Услышавъ это, маэстро Марсиліо тотчасъ отвѣчалъ: «Біаджіо, я намѣренъ исполнить твою просьбу, потому что новелла безъ опредѣленнаго заключенія оставляетъ слушателей какъ будто въ ожиданіи; оттого я скажу тебѣ, какъ счастливо распорядилась судьба относительно обоихъ узниковъ. Случилось, что Миланцы и Мантуанцы со многими другими сосѣдями составили оборонительную лигу противъ Аццолино, въ то самое время, какъ оба кавалера были въ тюрьмѣ; собрали много военнаго люда и приверженцевъ; Аццолино, какъ только прослышалъ объ этомъ, тотчасъ же двинулся на нихъ съ войскомъ и, будучи разбитъ на голову, раненый въ свалкѣ копьемъ въ ногу и взятый въ плѣнъ, ни за что не хотѣлъ лѣчиться. Такъ жестокій тиранъ и умеръ, семидесяти лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе чего Падуа и другіе города, бывшіе въ его власти, освободились, оба плѣнныхъ кавалера получили свободу, и Бонифацію не было больше необходимости выбора: такъ славно разрѣшилась ихъ судьба. — Ты видишь Біаджіо, я поспѣшилъ удовлетворить тебя; теперь твоя очередь разсказать новеллу и твоими веселыми прибаутками завершить

нашъ день. Итакъ безъ долгихъ разговоровъ исполни что̀ тебѣ приказано». Услышавъ это, Біаджіо поблагодарилъ маэстро въ немногихъ словахъ и такъ началъ свой разсказъ:

«Всякому наблюдавшему хорошо извѣстно, веселые друзья мои, какое множество замѣчательныхъ людей произвело наше отечество по всѣмъ отраслямъ наукъ, какъ высокихъ, такъ и низкихъ. Но о нихъ я пока умолчу, желая напомнить только объ одномъ изъ нихъ,—о которомъ и будетъ разсказъ—прославившемся въ своемъ искусствѣ, хотя многіе называютъ его не искусствомъ а поношеніемъ. Причина тому жалкіе дармоѣды, безстыжіе и безнравственные, занимающіеся имъ не съ цѣлью забавы и развлеченія, какъ бы ожидать слѣдовало, но за тѣмъ, чтобы издѣваться, насмѣшничать и безобразничать словами и тѣлодвиженіями, на извращеніе нравовъ и всякаго хорошаго обычая. Такихъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, бить, топить и выживать, а не принимать у себя и выслушивать, хотя они сами даютъ себѣ почетное прозвище потѣшныхъ людей (uomini di corte), но обыкновенно и по настоящему зовутся шутами.—Итакъ былъ одинъ нашъ гражданинъ, человѣкъ съ умомъ и хитроватый, который съ малыхъ лѣтъ любилъ посѣщать дворы, по имени Дольчибене: кавалеръ не такой ледащій, какъ иные, сдѣланные кавалерами изъ-за какой нибудь похлебки, но удостоенный рыцарскаго званія Карломъ Луксембургскимъ, королемъ Римскимъ, который даровалъ ему привилегію и сдѣлалъ царемъ надъ всѣми потѣшниками. Это былъ человѣкъ красивый собою, здоровый и ловкій, хорошій музыкантъ и отличный игрокъ на органахъ, на лютнѣ и другихъ инструментахъ. Прослышалъ онъ о славѣ и величіи мессеровъ Бернабо̀ и Галеаццо Висконти, объ ихъ великолѣпномъ дворѣ въ Миланѣ, и задумалъ отправиться туда покормиться (civanzare sua vita). Такъ онъ и сдѣлалъ. Тамъ его хорошо приняли за его умѣлость, прекрасныя канцоны, которыя онъ самъ слагалъ въ стихи и самъ же клалъ на музыку, за что получалъ множество подарковъ отъ благородныхъ людей и синьоровъ, находившихся въ то время при дворѣ. Такъ въ довольствѣ и забавахъ проживалъ веселый Дольчибене. Случилось, что въ томъ же году прибылъ въ Миланъ другой такой же потѣшный человѣкъ, по имени мессеръ Меллонъ далла Понтенара, красивый, гордый на видъ, рослый и плечистый, который сначала сошелся съ Мессеромъ Дольчибене; но потомъ, когда оба они были приняты въ число придворныхъ людей, они начали бранить другъ

друга и колоть словами. Мессеръ Меллонъ сказалъ о Дольчибене, что у него физіономія труса, что ему лучше бы вернуться во Флоренцію и жевать тамъ салатъ, чѣмъ говорить о честныхъ рыцаряхъ. Мессеръ Дольчибене, который былъ надмѣненъ, въ особенности когда представлялся случай это удачнымъ образомъ показать, отвѣчалъ: «Мессеръ Меллонъ, вы говорите какъ неучъ; бьюсь объ закладъ, что вы поѣли слишкомъ много рыбы на вашей Понтенарѣ, и что голова у васъ набита клеемъ; оттого-то вы такое животное и негодный человѣкъ—что̀ я всегда готовъ доказать съ оружіемъ въ рукахъ». Мессеръ Меллонъ, у котораго самолюбія было не менѣе и котораго кромѣ того подзадоривали многіе изъ придворныхъ, рѣшился отвѣчать, что онъ готовъ сдѣлать опытъ и доказать противнику, что онъ лжетъ, что онъ пустой болтунъ и негодяй; онъ такъ и сдѣлалъ въ присутствіи обоихъ синьоровъ и многихъ рыцарей и конюшихъ. Синьорамъ понравилась эта выходка двухъ сумашедшихъ, и они позволили себѣ лишь самымъ умѣреннымъ образомъ отговаривать ихъ отъ дурачества; а тѣ давай еще болѣе храбриться. Почему Мессеръ Бернабо̀ началъ говорить такъ: «Мессеръ Дольчибене, вы хотите поддержать вашу честь, въ чемъ я вамъ совершенно сочувствую и готовъ снарядить васъ и взять на себя всѣ расходы». Услышавъ это, мессеръ Галеаццо сдѣлалъ подобное же предложеніе мессеру Меллону. И оба противника пуще прежняго начали воевать на словахъ, прося синьоровъ и вообще всѣхъ, чтобы имъ назначено было мѣсто и время для дуэли. Такъ и сдѣлали: назначили мѣсто и день на св. Михаила, что̀ 8-го Мая, такъ что у нихъ было впереди 18 дней, въ теченіе которыхъ каждый изъ нихъ могъ снабдиться всѣмъ нужнымъ. Затѣмъ оба бойца поспѣшили снарядиться, и каждый, задумавшись надъ тѣмъ, что̀ они сдѣлали, счелъ себя не совсѣмъ благоразумнымъ. «Эхъ Дольчибене, что ты это надѣлалъ»? говорилъ Дольчибене самъ съ собою. «Ты издѣваешься и колешь всѣхъ и каждаго твоими шутками и прибаутками, а теперь самъ подалъ поводъ надсмѣяться надъ тобою всякому, кто только это увидитъ, услышитъ либо узнаетъ. Подумай только, какой опасности подвергаетъ тебя твоя глупость? Ты знаешь, что мессеръ Меллонъ человѣкъ сильный, ловкій и храбрый, и знаешь также, что, если у него нѣтъ причины драться съ тобой, то у тебя и подавно. Что изъ всего этого выйдетъ? Или вы другъ друга убьете, либо онъ тебя или ты его; кто кого—это еще подлежитъ сомнѣнію, а всякій надъ вами поостритъ и насмѣется, назоветъ васъ обоихъ великими дурнями и, чай, недо-

ждется великолѣпнаго зрѣлища. Что ты на это скажешь, несчастный, глупецъ, простофиля? Ты издѣвался надо всѣми, а теперь посмотримъ, какъ за твою глупость всѣ надъ тобою станутъ издѣваться». Такія мысли приходили въ голову Дольчибене; онъ горевалъ о своемъ неблагоразуміи, и чѣмъ ближе подходила развязка, тѣмъ яснѣе являлось сознаніе его ошибки, и онъ плакалъ. И съ мессеромъ Меллономъ происходило нѣчто подобное, и ему казалось, что онъ выбралъ дурной путь, а признаться въ томъ не хотѣлось, чтобы не вышло хуже, потому что Дольчибене онъ считалъ за человѣка сильнаго и мужественнаго. Такъ поджидали они срока, хотя каждый изъ нихъ храбрился и показывалъ видъ, что дуэль ему ни по чемъ. Въ назначенный день толпы народа сошлись на площади вокругъ огороженнаго пространства, чтобъ посмотрѣть на жестокую свалку. Мессеръ Дольчибене явился отлично вооруженный, въ сопровожденіи кавалеровъ и конюшихъ мессера Бернабо, поджидая мессера Меллона и умиленно прося Господа, чтобы по его милости мессеръ Меллонъ не явился къ дуэли, обѣщая, если это устроится, посѣтить святыя мѣста. Пока онъ давалъ эти обѣты, мессеръ Меллонъ уже явился на площади, почетно сопровождаемый служителями мессера Галеаццо и совсѣмъ готовый къ битвѣ. Тутъ два кавалера, завѣдывавшіе полемъ, совершили нѣкоторые обряды и, взявши съ обоихъ бойцевъ клятву, что они сражаются за правду, уже готовились бросить на поле перчатку, чтобы подать знакъ къ нападенію, когда мессеръ Дольчибене, быстро сообразивъ свое положеніе и какъ помочь своей глупости, такъ заговорилъ: «Почтенные рыцари, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ прежде, чѣмъ начать сражаться. Такъ какъ я ни мало не сомнѣваюсь, что одинъ изъ насъ по меньшей мѣрѣ погибнетъ, если не оба,— мнѣ хочется, чтобы на смертный случай и для спасенія нашихъ душъ онъ меня простилъ; я ему отвѣчу тѣмъ же, поцѣловавшись». Рыцари отвѣтили, пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. Тогда мессеръ Дольчибене, какъ былъ въ каскѣ, приблизился къ своему противнику и, приподнявши забрало, началъ говорить такъ тихо, что никому, кромѣ его, не было слышно: «Кажется мнѣ, что мы большіе дураки, подвергая себя смерти ради удовольствія этихъ господъ. Что до меня, то я раскаялся и не желалъ бы подвергаться этой опасности. Не знаю, какъ вы?» Мессеръ Меллонъ отвѣчалъ тотчасъ же: «И я думаю также, да только поздно мы спохватились». «Вовсе не поздно, лишь бы захотѣть», быстро отвѣчалъ Дольчибене. А тотъ ему: «Я хочу, клянусь Богомъ, лишь бы поскорѣе, передъ Богомъ

хочу, и готовъ въ томъ поручиться передъ вами, чѣмъ угодно». — «Такъ дѣлайте же благословясь, что̀ я стану дѣлать», говоритъ Дольчибене. «Разумѣется, я готовъ», весело отвѣчаетъ Меллонъ. Тутъ они быстро поцѣловались въ знакъ того, что будутъ вѣрно соблюдать данное другъ другу слово. Между тѣмъ какъ толпы зрителей въ тишинѣ ожидали жестокой стычки, и уже брошена была перчатка, мессеръ Дольчибене, стоявшій на одномъ концѣ поля съ копьемъ въ рукахъ, помахалъ имъ нѣсколько разъ и, дотронувшись остріемъ земли и тотчасъ же приподнявъ его, бросилъ его далеко отъ себя. Мессеръ Меллонъ, который видѣлъ это, сдѣлалъ то же самое. За тѣмъ, взявши сѣкиру и сдѣлавъ ею нѣсколько взмаховъ, какъ будто готовясь къ нападенію, Дольчибене и ее бросилъ; и мессеръ Меллонъ повторилъ его движеніе. Потомъ, схватившись за мечи и выпадая другъ противъ друга, они показывали видъ, что рубятъ и колютъ, и въ этомъ прошло довольно времени; наконецъ, бросивши мечи на землю и взявъ въ руки кинжалы, они нѣсколько разъ схватывались, впрочемъ не трогая другъ друга, между тѣмъ какъ всѣ кругомъ дивились, и мессеръ Бернабо̀ заключилъ: «Посмотрите на этихъ сумасшедшихъ, того и гляди, что пойдутъ въ рукопашную». Такъ продолжали они морочить долгое время, пока не бросили и кинжаловъ, точно такъ же какъ поступили и съ другимъ оружіемъ, и, разойдясь каждый къ своему посту, обернулись другъ къ другу задомъ и съ громкимъ хохотомъ хлопнули себя по обнаженному тѣлу, отчего произошелъ словно взрывъ бомбарды, такъ какъ тотъ и другой были люди полные и дебелые. — Когда всѣ увидѣли, что ихъ морочатъ, въ особенности синьоры, они такъ сказали: «Такъ вы такъ-то издѣвались надъ нами? Смотрите, не пришлось бы вамъ поплатиться». — «Вы это напрасно говорите», отвѣчалъ мессеръ Дольчибене: «мы только платимъ вамъ нашимъ товаромъ и всегда готовы услужить, еслибъ вы потребовали большей платы, лишь бы вы насъ держали въ холѣ». Мессеру Бернабо̀ и мессеру Галеаццо уловка потѣшниковъ, чтобъ избѣжать опасности, показалась очень искусной, и они захотѣли подробно узнать, какъ было дѣло и кто изъ нихъ помогъ бѣдѣ, которую они было приготовили себѣ своей неразсудительностью. Мессеръ Меллонъ все имъ разсказалъ, и всѣ удивились быстрой и веселой сметкѣ Дольчибене и всѣ его хвалили. — Видите ли, почтенные отцы, какъ быстро и ловко потѣшникъ Дольчибене вымогъ себя изъ бѣды, какъ хитро и забавно, такъ что никому и въ голову не придетъ въ подобномъ случаѣ, — не то чтобы сдѣлать». — И Біаджіо замолчалъ.

Когда онъ кончилъ разсказъ, всѣ среди веселаго смѣха принялись хвалить, кто Біаджіо за его новеллу, кто хитрость мессера Дольчибене. Разсуждая о нихъ, такъ сказалъ Алессандро: «Я сильно желалъ бы узнать, что̀ было больше: неразуміе ли Дольчибене, когда онъ позволилъ себя вовлечь изъ-за ничего въ столь опасное дѣло, или быстрая находчивость, которою онъ спасъ себя въ крайнемъ случаѣ: потому что какъ первый поступокъ кажется мнѣ столь нелогичнымъ, что и малый ребенокъ его бы не сдѣлалъ, такъ второй является достойнымъ самаго остраго и находчиваго ума. Что мы на все это скажемъ?» Быстро отвѣтилъ на эти слова предсѣдатель: «Что до меня, Алессандро, я не желалъ бы, чтобы покойникъ Дольчибене провелъ насъ своими штуками, тѣмъ болѣе, что ужинъ уже готовъ и день склоняется. Потому лучше оставить разсужденія и заняться болѣе важнымъ дѣломъ». Онъ только-что сказалъ это, какъ двѣ дѣвушки начали пѣть, приглашая всѣхъ ужинать, и всѣ, поднявшись, направились къ другой части рощи, гдѣ приготовлены были богато убранные столы; и когда подано было умыть руки, всѣ съ удовольствіемъ сѣли за ужинъ, съ множествомъ разнообразныхъ и роскошныхъ блюдъ, подъ звуки пѣсенъ и музыки. По окончаніи пира, убраны были столы, и дѣвушки и молодые люди пустились въ хороводъ (ballo tondo), при чемъ то одинъ, то другой пѣлъ игривыя пѣсни; такимъ образомъ веселое общество еще долгое время наслаждалось вечернею прохладой. Когда же пришло время пойти отдохнуть, маэстро Луиджи такъ началъ говорить: «Вы видите, съ какимъ удовольствіемъ мы провели этотъ день, благодаря разсказамъ и веселымъ разговорамъ; а все это произошло отъ того, что у насъ заведенъ былъ порядокъ, который помогъ намъ безъ скуки и усталости скоротать время. Постараемся завести такой же порядокъ и на завтрашній день; потому я слагаю съ себя мое званіе и передаю его вамъ или кому другому, кому вы назначите передать, принося вамъ глубокую благодарность за честь, оказанную мнѣ во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ (in tutti i vostri processi)». На это всѣ ему отвѣчали въ одинъ голосъ: «Маэстро, вы управляли и руководили нашимъ обществомъ такъ хорошо и къ такому общему удовольствію, что мы хотѣли бы надѣяться, что такъ оно будетъ и впредь. Почему мы просимъ васъ, пока мы здѣсь, взять на себя трудъ управлять и руководить нами, къ несомнѣнной пользѣ насъ всѣхъ». Такъ отвѣчалъ на эти слова маэстро Луиджи: «Что касается до меня, я рѣшилъ, что дѣло общее должно и дѣлаться

общими силами; потому я прошу васъ позаботиться о немъ и приступить къ выбору». На это былъ одинъ отвѣтъ: пусть самъ онъ распорядится, какъ найдетъ лучшимъ. Тогда, взявши тросточку и вручивъ ее маэстру Марсиліо, маэстро Луиджи ему сказалъ: «На завтра должность ваша, а вамъ въ товарищи я назначаю Никколозу и маэстро Грація». Всѣ остались довольны, говоря что лучшаго выбора нельзя было сдѣлать; такъ порѣшивши, всѣмъ показалось, что уже пора отдохнуть, и всѣ разошлись въ веселомъ настроеніи, ожидая слѣдующаго дня».

Книга четвертая.

«Уже бѣлокурая Аврора успѣла покинуть объятія своего милаго любовника», когда маэстро Марсиліо и маэстро Біаджіо вмѣстѣ съ остальнымъ мужскимъ обществомъ снова сошлись въ саду у фонтана. День начинается мессой, какъ и прежній, и такъ какъ еще рано, и дамы не успѣли подняться, Марсиліо предлагаетъ заняться въ ихъ отсутствіи какимъ нибудь серьознымъ разговоромъ. Маэстро Грація уже выбралъ тему: «какимъ образомъ раждается человѣкъ, и какимъ путемъ дѣлается разумнымъ и въ него вселяется разумная душа, чѣмъ наконецъ онъ становится по смерти тѣла». Вопросъ разрѣшаетъ Колуччіо', но Марсиліо ставитъ его еще шире, о назначеніи человѣка вообще, и маэстро Луиджи замѣчаетъ: «У васъ такая привязанность къ вашему Аристотелю, что вамъ не приходитъ на мысль обратиться къ нашимъ богословамъ, которые, какъ вамъ хорошо извѣстно, гораздо дальше пошли въ изслѣдованіи этой матеріи». И онъ дополняетъ по своимъ богословамъ аргументацію Біаджіо.

Между тѣмъ показались и дамы, и въ двери дома кто-то постучался снаружи, спрашивая дома-ли мессеръ Антоніо; оказалось, что это были Бартоломмео дель Антелла и Джіованни деи Риччи; они спозаранку отправились изъ Антеллы и, разговорившись по дорогѣ объ искусственномъ проведеніи водъ, захотѣли взглянуть на фонтанъ, недавно устроенный мессеромъ Антоніо въ его саду. Молодой хозяинъ принимаетъ ихъ радушно; гости извиняются, что потревожили своимъ приходомъ общество, и готовы удалиться, чтобы не мѣшать удовольствію; но маэстро Марсиліо удерживаетъ ихъ властью, данною ему, какъ предсѣдателю, и тѣ, понявъ въ чемъ дѣло, согласны повиноваться. Снова посыпались шутки Біаджіо и Маттіо, и послѣдній разсказываетъ здѣсь первую изъ тѣхъ отрывочныхъ новеллъ (5-я въ итальян. текстѣ), о

которыхъ говорено было во 2-й главѣ. Слѣдующій за тѣмъ, также отрывочный разсказъ (6 новелла итальян. текста), очевидно развиваетъ ту же тему, что и предъидущій: и тамъ и здѣсь комизмъ основанъ на грубой непонятливости и недоразумѣніяхъ самаго случайнаго свойства; и хотя вторая новелла разсказывается какимъ-то Сональино, о которомъ до тѣхъ поръ не было рѣчи,—мы думаемъ, что въ рукописи выпало здѣсь не болѣе листа, гдѣ Сональино долженъ былъ въ первый разъ выйдти на сцену и, прислушавшись къ разсказу Маттіо, предложить и свою повѣсть на тотъ же самый сюжетъ. Все общество смѣялось: «e così finìo il Sonaglino la sua novella con molte risa di chi quella udìa».

Слѣдующая за тѣмъ новелла вызвана болѣе серьознымъ споромъ: соловей, подлетѣвшій на близкое разстояніе къ Франческо, какъ будто за тѣмъ, чтобы прислушаться къ его игрѣ, вызываетъ вопросъ о степени сметливости и ума, отличающей одно животное отъ другаго. Въ спорѣ принимаютъ участіе Алессандро, Сональино и Біаджіо. Колуччіо разрѣшаетъ его, возведя его къ философскому принципу, и новелла Алессандро о мадоннѣ Риччьярдѣ не что иное какъ прикладъ, съ цѣлью подтвердить, что въ животныхъ, выражаясь обыкновеннымъ языкомъ, есть только инстинктъ и нѣтъ разума (che nelli animali bruti è natura, comunemente parlando, e non v' è arte nè ingegno). Мадонна Риччьярда оказывается изъ семейства Риччи, это даетъ поводъ послѣ обѣда между прочими разговорами попросить Джіованни деи Риччи разсказать какую нибудь новеллу, и онъ разсказываетъ о Кателлинѣ и объ Аньелло Страмаццафильи, прося общество, услышавши, рѣшить, кто изъ двухъ отличился бо́льшимъ мужествомъ и рѣшимостью. Между тѣмъ солнце начинаетъ пригрѣвать, и все общество расходится на покой; и снова, какъ утромъ, дамы замѣшкались въ своихъ комнатахъ, а мужчины, сошедшись послѣ отдыха, снова пользуются случаемъ, чтобы поговорить не столько объ общихъ и пріятныхъ предметахъ, сколько о частномъ и полезномъ. На этотъ разъ предметъ разговора подалъ Біаджіо: какими честными путями добываются деньги и зачѣмъ такъ преслѣдуется и осуждается ростовщичество? Отвѣтъ Бартоломмео разбираетъ вопросъ по пунктамъ, съ схоластическою аргументаціей и частыми ссылками на Политику Аристотеля.

Музыка и пѣніе смѣняютъ разговоръ, грозившій принять слишкомъ спеціальный характеръ. Кстати явился какой-то скоморохъ, назвавшій себя Пеллегрино, изъ Неаполя; онъ только-что при-

былъ во Флоренцію и, услышавши объ обществѣ, собравшемся у мессера Антоніо, не преминулъ завернуть на виллу, гдѣ всѣхъ забавляетъ своими штуками, ломаясь и играя ножами и шпагами. Слѣдующая за тѣмъ новелла Франческо, о Бонифаціо Уберти, послѣдняя въ романѣ, очень естественно переносится въ Сицилію, «потому что мессеръ Пеллегрино случайно прибылъ сюда изъ Сицилійскаго королевства, гдѣ онъ вѣроятно ее слышалъ, и можетъ поправить меня, если я въ чемъ нибудь ошибусь». Эта новелла, какъ и нѣкоторыя изъ предъидущихъ, завершается вопросомъ къ обществу, которой изъ трехъ выведенныхъ дамъ Бонифацій болѣе всего обязанъ, и бесѣда кончается выборомъ Колуччіо въ предсѣдатели на слѣдующій день; Анджелика и Біаджіо назначены ему въ помощь.

Книга пятая.

Въ послѣдней части романа мы болѣе не встрѣчаемъ новеллъ, потому что отъ всей 5-й книги сохранилось лишь нѣсколько листковъ, а авторъ привыкъ отводить на разсказы средину дня, предоставляя своему обществу заниматься по утрамъ, т. е. пока дамы еще не пришли, вопросами болѣе серьознаго свойства. Эти вопросы и на этотъ разъ дошли до насъ. Маэстро Марсиліо интересуется началомъ Флоренціи, и маэстро Луиджи возводитъ его къ Римлянамъ, по слѣдамъ старыхъ итальянскихъ хроникеровъ, указывая на древность сохранившихся памятниковъ, описаніе которыхъ не представляетъ впрочемъ ничего новаго для историка искусствъ, ссылаясь вмѣстѣ съ первыми историками эпохи возрожденія на Саллюстія и Цицерона и объясняя маэстру Біаджіо названіе Флоренціи по Плинію и Птоломею. «Маэстро, все, что̀ вы сказали, мнѣ очень понравилось», замѣчаетъ ему Джіованни деи Риччи, «и не походитъ на тѣ сновидѣнія, которыя многіе въ своемъ невѣжествѣ выдавали намъ за исторію: напротивъ, все это правдоподобно, ясно и подлинно. Объ одномъ только хотѣлъ бы я васъ разспросить, съ вашего позволенія: кѣмъ была разрушена Флоренція,—Аттилой или кѣмъ другимъ, и точно ли Аттилу надо принимать за Тотилу, или какъ иначе? Потому что объ этомъ мнѣ привелось услышать странныя мнѣнія. Будьте добры сообщить намъ ваше, и вы доставите всѣмъ намъ большое удовольствіе». Такъ отвѣчалъ на это благосклонный маэстро.....»

Мы уже сказали, что на этихъ словахъ рукопись обрывается.

IV.

ОБЩЕСТВО ВИЛЛЫ ПАРАДИЗО.

Дѣйствіе романа, котораго содержаніе мы передали въ короткихъ чертахъ, относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ четырнадцатаго вѣка, какъ мы постараемся доказать впослѣдствіи. Это родъ Декамерона или Кэнтерберійскихъ разсказовъ: рядъ новеллъ, переплетающихся философскими разговорами, что-то среднее и переходное между жанромъ Боккаччьо и веселою новеллой четырнадцатаго вѣка, что смѣется ради смѣха и разсказываетъ для разсказа, и учеными преніями въ монастырѣ Санъ Спирито и первымъ лепетомъ возрожденія: какъ вообще вся эпоха, отъ смерти Боккаччьо до побѣды Козьмы Медичи не что иное, какъ постепенное замираніе и постоянное зарожденіе, въ политикѣ и въ литературѣ. Вымираетъ итальянскій языкъ, только-что получившій права литературнаго гражданства, и обновляется латинскій; падаютъ народныя надежды партіи Чомпи (Ciompi), и въ то же время побѣда мелкихъ цеховъ (arti minori) готовитъ путь для принципата; вымираетъ національная литература, чтобы уступить мѣсто придворной поэзіи и уединенному философствованію избранныхъ умовъ, которые начинаютъ сторониться отъ profanum vulgus, собираясь подъ крылья княжескаго меценатства, вскорѣ пріобыкшаго смотрѣть на нихъ, какъ на предметы роскоши. Однимъ словомъ, на сколько пріобрѣталось съ одной стороны, на столько утрачивалось съ другой: возстановлялись упорнымъ трудомъ дѣдовскія преданія античнаго міра, забытыя въ теченіи столькихъ вѣковъ національнаго развитія, и въ то же самое время упускалась изъ-подъ ногъ эта національная почва,—такъ что самая культура возрожденія носитъ скорѣе универсальный, чѣмъ итальянскій отпечатокъ. Кто желаетъ проникнуть во внутренній смыслъ такъ называемаго возрожденія XV и XVI-го столѣтій, тому необходимо постоянно держать на памяти эту двойную точку зрѣнія — существенныхъ

потерь и казовыхъ пріобрѣтеній. Тѣ, которые до сихъ поръ занимались исторіей этого культурнаго переворота, какъ напр. Роско (Roscoe), воспѣвали взапуски его заслуги, въ самомъ дѣлѣ великія, не обращая вниманія на недостатки, которые кажутся намъ еще большими. Они изобразили намъ вѣкъ старшаго Козимо и Лоренцо il Magnifico золотымъ вѣкомъ, снова даровавшимъ міру античную образованность Грековъ и Латинянъ; между тѣмъ съ него же начинается политическое паденіе Италіи, а политическое паденіе всегда сопровождается упадкомъ литературы. Они называли его вѣкомъ Медичи, какъ будто съ нихъ началось возрожденіе, между тѣмъ какъ они были только продолжателями его, вмѣнившими себѣ всѣ его заслуги, не принявъ отвѣтственности за дурныя стороны. Какъ мы сказали выше, переходъ совершился тихо и незамѣтно: въ той мѣрѣ, какъ падала прежняя свобода и самостоятельность *народнаго* развитія, возвышалась на ихъ плечахъ классическая образованность принципата, такъ что время отъ 1378 до 1434 года представляетъ непрерывную постепенность упадка и прогресса.

Народное движеніе, руководившее войной противъ папской куріи и приверженцевъ Григорія XI, поддерживая власть Восьми Святыхъ (Otto santi) противъ вѣроломныхъ происковъ гвельфской партіи, пришло къ непредвидѣнному разрыву въ двойственной революціи 1378-го года. Какъ будто всѣ перенесенныя оскорбленія, всѣ жалобы скопившіяся за долгое время противъ надменной олигархіи, болѣе вѣка управлявшей судьбами страны,—какъ будто все это внезапно и во очію предстало сознанію народа, окрѣпшаго въ борьбѣ противъ громовъ Авиньона. Первый ударъ вышелъ изъ средняго класса, изъ такъ называемыхъ мелкихъ цеховъ (arti minori); ихъ вожди, люди гвельфской партіи, хотѣли воспользоваться движеніемъ для своихъ разсчетовъ, и вѣроятно пришли бы этимъ путемъ къ новой олигархіи, которая была бы не лучше прежней и заставила бы пожелать ея возврата. Это была собственно буржуазная революція, съ ея обычными иллюзіями и свойственнымъ ей недостаткомъ характера. Вспыхнувшій одновременно плебейскій бунтъ Чомпи сообщилъ ей большій толчекъ. Ея коноводы, Медичи и Альберти, не принимали во вниманіе народъ, или если и разсчитывали на него, побуждая его требовать правъ, какъ они сдѣлали относительно мелкихъ цеховъ, которыхъ защитниками себя провозгласили,—во всякомъ случаѣ смотрѣли на него какъ на орудіе къ достиженію собственныхъ

цѣлей, хотя бы эти цѣли были противны интересамъ помогавшихъ. Они позабывали при этомъ, что у народа были свои особыя серьозныя причины на жалобы: старые долги ждали отплаты, прежнія обиды просили возмездія. Очень понятно, что онъ не былъ расположенъ упустить удобный случай и возсталъ на самомъ дѣлѣ, требуя себѣ участія въ правленіи и политическихъ правъ, въ которыхъ ему до тѣхъ поръ отказывали: потому что въ республиканской Флоренціи, какъ вообще во всѣхъ средневѣковыхъ итальянскихъ республикахъ, свобода всегда была свободою для немногихъ и никогда не распространялась на всю массу. Движеніе было быстрое, неодолимое; буржуазная революція думала сначала опереться на народную, но въ непродолжительное время была смята ею. Сальвестро деи Медичи и Бенедетто дельи Альберти не только что не въ силахъ ею управлять, но едва успѣваютъ удержаться на поверхности великаго демократическаго потока, быстро разлившагося во всѣ стороны: потому ли что у нихъ не стало умѣнья воспользоваться обстоятельствами, чтобы пройти къ власти на плечахъ плебса, или народъ еще не готовъ былъ склониться подъ благое ярмо, которое впослѣдствіи назовется медицейскимъ принципатомъ. Какъ бы то ни было, Медичи устраняются еще лѣтъ на пятьдесятъ; между тѣмъ, предоставленные самимъ себѣ и безъ вождя, Чомпи принуждены уступить: не потому чтобы они были слабы, но за недостаткомъ средствъ и удобнаго случая. Буржуазная революція торжествуетъ, и въ результатѣ ея получается тотъ родъ политическаго компромисса, гдѣ, за исключеніемъ старой олигархіи Альбицци, осужденныхъ на изгнаніе, всѣмъ классамъ общества дано участіе, даже Чомпи, впрочемъ такъ, что обѣщанія были щедрѣе исполненія, con lunghe promesse e coll'attender corto (Dante), какъ большею частію случается съ партіями нравственно-побѣжденными. Какъ бы то ни было, въ исторіи флорентійской свободы это былъ единственный періодъ, когда *весь народъ* пользовался представительствомъ въ правленіи и общими правами безъ изъятія какого бы то ни было класса гражданъ. Впрочемъ политическіе компромиссы рѣдко бываютъ долговѣчны: это союзъ между живыми и мертвыми, между тѣми, кто не хочетъ упасть и тѣми, кто желаетъ возвыситься; разсчитанные на то, чтобы удовлетворить тѣхъ и другихъ, они въ сущности никого не удовлетворяютъ. Такъ оно оказалось и теперь: между тѣмъ какъ изгнанные Альбицци строятъ ковы противъ флорентійской коммуны въ союзѣ съ церковью

и Катериной Сіэнской, партія Чомпи, недовольная сдѣланными ей незначительными уступками, продолжаетъ волноваться внутри, въ заговорѣ съ ересями и протестуя съ толкомъ Фратичелли; и въ то же время мелкіе цехи и средній классъ, въ рукахъ котораго находилась власть, не могутъ успокоиться при мысли, что имъ приходится дѣлить ее съ народомъ, и жалуются, что уступокъ ему сдѣлано слишкомъ много. Наконецъ всѣ начинаютъ понемногу приходить къ сознанію, что отъ перемѣны никому не сдѣлалось лучше, что могущество Альберти, ставшихъ теперь главами республики, не менѣе тягостно, чѣмъ олигархія Альбицци, не будучи одѣта даже тѣмъ внѣшнимъ блескомъ славы, какимъ съумѣли окружить себя послѣдніе,—а онъ такъ привлекателенъ въ глазахъ народа. Въ такихъ обстоятельствахъ, среди общей усталости и послѣ безплодныхъ попытокъ къ лучшему устроенію государства, нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ стремятся къ новой перемѣнѣ, ищутъ себѣ выхода, хотя бы даже къ прежнему порядку вещей, который теперь тѣмъ менѣе возбуждалъ опасеній, чѣмъ болѣе грозъ сулило настоящее. Таково было состояніе умовъ, что явись человѣкъ съ талантами старшаго Козимо деи Медичи, Флоренція тогда же отдалась бы подъ ярмо принципата, чтобы найдти въ немъ желанный миръ. Но политическіе таланты встрѣчаются рѣже, чѣмъ обыкновенно думаютъ; а въ то время въ нихъ чувствовался особенный недостатокъ. Когда не представлялось этого средства спасенія, не было другаго выбора, какъ обратиться къ прошлому и снова призвать къ власти олигархію гвельфской партіи. Вслѣдствіе этого Альберти были изгнаны въ 1387 году, и возвратившіеся Альбицци продолжали, какъ прежде, руководить судьбами страны. Вмѣстѣ съ ними обновились и на время снова вошли въ силу всѣ старыя преданія флорентійской культуры: олигархически-исключительныя въ политикѣ, въ литературѣ и въ искусствѣ идущія по слѣдамъ Данте, Джьотто и ихъ школы, въ религіи преслѣдующія тотъ смѣшанный идеалъ, полусвѣтскій и полу-духовный, колеблющійся между традиціоннымъ уваженіемъ къ церкви и желаніемъ религіозной автономіи для республики, котораго лучшимъ осуществленіемъ представляется намъ типъ флорентійскаго теолога, teologo del Comune. Такимъ образомъ политическая и умственная жизнь Флоренціи казалось снова вошла въ свою обычную колею, хотя не на долго: цѣльность, однажды нарушенная, никогда болѣе не возстановляется, потому что съ одной стороны всегда явятся желанія

перемѣны, новшества, между тѣмъ какъ съ другой обновляются старыя распри и притязанія, которыя уже давно казались замиренными. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что латинская литература церкви продолжаетъ свои нападенія противъ народно-флорентійской поэтической школы; изъ этой послѣдней развивается на нашихъ глазахъ другая,—она печется о классическомъ пуризмѣ, предпочитая итальянскому языку, едва успѣвшему сложиться, латинскую рѣчь, напрасно стремящуюся къ чистотѣ цицероновской фразы. Между всѣми тремя начинается борьба, которая не сосредоточена теперь, какъ во времена Данте, около вопроса о преимуществѣ одного языка передъ другимъ: времена измѣнились, иные церковные писатели пишутъ теперь болѣе чистымъ и изящнымъ итальянскимъ слогомъ, чѣмъ послѣдователи дантовской школы. Вопросъ теперь о преимуществѣ принциповъ, между христіанскими идеями, дававшими содержаніе средневѣковой культурѣ, и языческими, начинавшими оживать, направляясь къ тому изумительному развитію, котораго въ послѣдствіи имъ суждено достигнуть подъ покровительствомъ Медичи. Церковь усиленно работаетъ въ это время надъ своимъ собственнымъ обновленіемъ, надъ преобразованіемъ монастырскаго общежитія; съ ней работаютъ мистики и святая Катерина Сіэнская; понятно, что христіанскія идеи не могли не найдти въ ней защитницы; и въ то же время современные писатели указываютъ намъ въ классической школѣ на замѣтное пристрастіе къ буквѣ язычества, на античное поклоненіе тѣлесной красотѣ, исключающее духовную, на извѣстное равнодушіе въ вопросахъ вѣры, недалекое отъ того, чтобы предпочесть изящные образы языческаго Олимпа красотамъ христіанскаго рая. Еще нѣсколько лѣтъ, и родились Беато Анджелико и Паоло Уччелло: одинъ въ высшей степени мистикъ, другой классикъ и реалистъ; тотъ—послѣдній эпигонъ христіанскаго искусства въ идеальномъ значеніи слова; этотъ—представитель новыхъ художественныхъ стремленій, начинающихъ вдохновляться образцами древности. Такимъ образомъ внутренній антагонизмъ, раздѣлившій все общество на два лагеря, противоположные другъ другу въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ, выразился окончательно въ двухъ школахъ,—традиціонно-церковной и классической, которыя представляютъ собой крайнія стороны оппозиціи: одна вдохновляется церковью, которая ищетъ обновиться изъ своихъ собственныхъ началъ; другая выростаетъ на лонѣ мелкой буржуазіи, политически-индиффе-

рентной, безъ власти и славнаго прошедшаго, которая позже провозгласитъ водвореніе Медичи. Между той и другой—партія богатыхъ горожанъ, grassi popolani, въ рукахъ которыхъ сосредоточилась власть, преслѣдуетъ чисто флорентійскія преданія, въ управленіи государственными дѣлами и въ религіи, въ литературѣ и искусствѣ,—преданія Данте и Джьотто, на сколько то и другое возможно при измѣнившихся условіяхъ культуры; и въ то же время политическая жизнь плебса ограничивается площадными свалками; его религіознымъ требованіямъ удовлетворяютъ Фратичелли, какъ и доминиканскіе мистики Германіи, опирающіеся на демократію; литературнымъ — народные пѣвцы, столь поэтически описанные въ Gisberto d'Amascona, и народные разсказы, cantari di piazza, въ которыхъ даже талантъ Пуччи не успѣлъ стушевать своеобразный колоритъ, обличающій ихъ происхожденіе. Будущность историческаго и литературнаго развитія, разумѣется, не здѣсь: народъ еще не начиналъ жить самостоятельно; церковь уже отжила—и ея дѣятельность въ прошломъ. Интересъ настоящаго и вниманіе историка сосредоточивается пока на тѣхъ сторонахъ движенія, которыя въ спеціально-литературномъ смыслѣ мы назвали *дантовской* и *классической* школой, и которыя, сойдясь лицемъ къ лицу, выражаютъ собою дѣятельныя политическія силы дня. Къ нимъ мы вернемся въ послѣдствіи; пока не можемъ не замѣтить богатства интеллектуальной жизни, отличающаго эту эпоху, хотя въ ней болѣе надеждъ и движенія партій, чѣмъ настоящаго творчества. Таковъ всегда характеръ эпохъ переходныхъ, болѣе приготовляющихъ, чѣмъ производящихъ; въ этомъ смыслѣ намъ кажется слишкомъ строгимъ приговоръ Аммирато, когда, разсуждая о послѣднихъ годахъ XIV-го столѣтія, онъ взводитъ на нихъ всевозможныя вины: отсутствіе литературной и художественной производительности, воинскую дисциплину, обращенную въ разбой, и безконечное зло, уготованное безъ надежды на что-либо лучшее [26]).

Таково было положеніе дѣлъ, когда наступилъ 1389-й годъ: снова царила Гвельфская олигархія и казалось, порядокъ, вернулся съ нею, хотя вниманіе страны было непріятнымъ образомъ отвлечено жестокою войной между Висконти и Каррара и несчастными обстоятельствами, въ какихъ находилась тогда Италія. Казалось, нельзя было оставаться спокойнымъ и не испытать на себѣ отраженія золъ, когда вся Европа стонала подъ вліяніемъ роковаго созвѣздія вѣка, malvagio influsso di quel secolo, какъ пишетъ Амми-

рато о 1387-мъ годѣ. «Апостольскій престолъ зараженъ расколомъ; его истинная глава осквернена звѣрскою яростью, которая берега Генуи покрыла тѣлами многихъ кардиналовъ, выброшенныхъ въ море. Имперія томилась подъ слабоумнымъ правленіемъ Венцеслава, который вскорѣ послѣ того низверженъ курфирстами съ высоты своего величія—примѣръ рѣдкій въ исторіи. Французское королевство, долгое, время управляемое ребенкомъ, истощенное тяжкими налогами, отданное солдатскому своеволію, готовилось на сыновьяхъ короля испытать силу ядовъ, приготовленныхъ Валентиной Висконти, невѣсткой короля, бичемъ Франціи и теткой несчастныхъ мальчиковъ. Въ Неаполѣ дряхлая королева—почти единственный потомокъ славнаго короля Роберта и стараго короля Карла, знаменитыхъ правителей—задушена; ея преемникъ и убійца погибаетъ отъ меча въ Венгріи, гдѣ двѣ королевы томятся въ плѣну, и одна изъ нихъ убита. Въ Кастиліи царствуетъ родъ дона Генриха Бастарда, собственною рукой умертвившаго роднаго брата, короля донъ Педро, который извелъ многихъ своихъ братьевъ и потому не безъ причины получилъ названіе Жестокаго. Ни Арагонія, ни королевство Португалія не могутъ похвалиться болѣе благодушными монархами: тамъ одновременно царствуютъ два Петра, оба одинаково удостоившіеся прозвища Жестокихъ; тамъ кровь и прелюбодѣяніе, насиліе и другія преступленія, и мерзость порока не смягчена никакимъ проблескомъ добродѣтели. Одинъ король Наваррскій, обремененный всѣми возможными пороками, сожженъ; не спокойны ни Англія, ни Шотландія; однимъ словомъ, ни одного члена христіанской республики, который не былъ бы боленъ или зараженъ: почему нельзя удивляться, что и Флорентійская республика, терзаемая столькими бурями, то предводителями гвельфской партіи (capitani di parte), то бунтомъ Чомпи, то возвратившимися изгнанниками, не находила себѣ покоя» [27]). А между тѣмъ, не смотря на все это, или лучше—по этой самой причинѣ, потому ли, что постоянная политическая дѣятельность не давала умамъ заснуть, возбуждая въ нихъ энергію и производительныя силы духа,—флорентійская республика процвѣтала, и Маккьявелли могъ не безъ основанія указать своимъ современникамъ на пятьдесятъ лѣтъ, слѣдующихъ за 1381-мъ годомъ, какъ на время достойное ихъ особеннаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на не совсѣмъ удобныя политическія обстоятельства, флорентійская коммуна продолжала въ это время разростаться, присоединяя къ себѣ по-

степенно Ареццо, Пизу, Кортону, Ливорно и Монтепульчьяно; старыя литературныя преданія еще не забыты, хотя и ослабѣли отъ соприкосновенія съ новыми, и замѣчательные люди являются по всѣмъ отраслямъ искусства. Такимъ образомъ, пока держалась свобода, Флоренція, казалось, молодѣла и крѣпла въ виду опасностей, какъ бы не грозили онѣ бѣдой, и жизнь продолжалась такая же веселая и полная удовольствій, какъ будто ничего не бывало. Такою изображаетъ ее нашъ авторъ, говоря о 1389-мъ годѣ: «Въ этотъ счастливый годъ городъ былъ полонъ празднествъ и веселья; именитые граждане, правители республики, довольны въ разсчетѣ на прочный миръ; и для купцевъ время стояло благопріятное; почему рабочій и мелкій людъ, которому не предстояло особыхъ расходовъ и налоговъ, радовался тѣмъ болѣе, что и годъ былъ урожайный, и всѣ охотно собирались попраздновать и повеселиться, и часто устроивались роскошные пиры» [28]).

Въ первыхъ числахъ Мая [29]) 1389 года, въ хорошій весенній день, праздничное общество поднималось на крутыя высоты тосканскихъ Апеннинъ. Это—общество нашего романа, и цѣль путешествія опредѣляется не столько удовольствіемъ, сколько благочестивымъ желаніемъ посѣтить мѣста, освященныя памятью свв. Франциска, Ромуальда, Джіованни Гвальберта (i santissimi luoghi predetti di Francesco, di Romualdo e di Giovanni Gualberto) [30]). Точь въ точь какъ въ Кэнтерберійскихъ разсказахъ, и тамъ и здѣсь время коротается въ новеллахъ и разговорахъ. Послѣ небольшаго перевала въ аббатствѣ города Поппи, гдѣ ихъ принимаютъ радушно, всѣ начинаютъ спускаться въ цвѣтущую долину Флоренціи, названную такъ издревле въ предзнаменованіе ея быстраго разцвѣта [31]), чтобы продолжать тамъ прерванныя бесѣды то въ домѣ Мессера Колуччіо Салутати, то за городомъ, на виллѣ Парадизо, съ друзьями хозяина Мессера Антоніо дельи Альберти. На пути общество ростетъ, понемногу прибываютъ новые люди, мужчины и женщины, большею частью Флорентійцы, «именитые граждане, правители республики», то есть тѣ, что захватили власть послѣ переворота 1387 года: Колуччіо Салутати и Луиджи Марсили, Гвидо ди Мессеръ Томмазо и Джіованни деи Риччи,—этихъ именъ пока довольно для опредѣленія ихъ политической и литературной окраски. Но нѣтъ недостатка въ представителяхъ и другихъ частей Италіи: тутъ есть Падуанцы и Венеціанцы, представители Пармы и Неаполя; и общество все ростетъ, и вмѣстѣ

съ нимъ ростетъ и матеріалъ новеллъ,—онъ обнялъ весь полуостровъ, заглядываетъ въ его закоулки, въ исторію и домашній бытъ его муниципіевъ. Оттого часты воспоминанія о замѣчательныхъ людяхъ и историческихъ событіяхъ, современныхъ и прошлыхъ, въ разсказѣ или по какому другому поводу, который представится въ разговорѣ. И прошлому отведено даже больше мѣста, чѣмъ настоящему: оно простирается до Гвельфовъ и Гибеллиновъ и до стараго блаженнаго времени свевской династіи.

Такъ о *Пьеро Гамбакорти*, властителѣ Пизы, мы узнаемъ по поводу корсиканскаго вина, присланнаго имъ въ подарокъ; о немъ говорится, какъ о человѣкѣ еще живущемъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ умираетъ только въ 1392 году подъ кинжалами убійцъ, подосланныхъ Яковомъ д'Аппьяно.— Въ разговорѣ объ искусственномъ проведеніи водъ поминается какой-то маэстро *Бонаверс*,—современникъ или нѣтъ—это изъ текста не совсѣмъ ясно,—искусный въ нахожденіи водныхъ жилъ, которыя онъ открывалъ и угадывалъ съ такимъ же умѣньемъ, съ какимъ иной астрологъ разсчитываетъ восхожденіе и захожденіе звѣздъ на небесной тверди [32]).— *Франческо ди Ваноццо*, котораго канцону рекомендуютъ спѣть кому нибудь изъ общества, былъ поэтъ родомъ изъ Вероны, современникъ событіямъ, описаннымъ въ нашемъ романѣ, и уже преклонныхъ лѣтъ въ 1374—1387 годахъ: о немъ писали Джіованни Агостини и Шипіоне Маффеи; а Томмазео, Соріо, Читтаделла, Сагредо и Гріонъ издали нѣкоторыя изъ его стихотвореній [33]).

Покуда о современникахъ, о которыхъ заходитъ рѣчь въ нашемъ романѣ; но за тѣмъ воспоминанія ведутъ насъ еще дальше, охватывая всю исторію и все протяженіе Италіи: тутъ *Улиссъ* и *начала города Прато*, *Катилина* и *Флоренція*, *Паоло Дугумаро*, по прозванію *dell' Abbaco*, извѣстный математикъ XIII вѣка, и графъ *Гвидо Гверра*, императоръ *Фридрихъ II* и *Михаилъ Скоттъ*, магъ и астрологъ; *Аццолино да Романо*, *Марсиліо старшій* (il Vecchio) *да Каррара*, *Маффео* изъ маркизовъ *Санъ Бонифаціо*, и падуанскія семейства *Даль-Денте и Искровинья*. *Бернабо и Галеаццо Висконти* являются судьями въ комической дуэли между двумя шутами, мессеромъ *Дольчибене* (около 1350 года) и мессеромъ *Меллонъ делла Понтенара*; а король Петръ, *Piero cavaliere di Lisa*, выведенъ на сцену въ новеллѣ о *Бонифаціи Уберти*. Въ Неаполѣ мы знакомимся съ *Кателлиной* (Catellina), женой *Филипелло Бариле*, влюбленной до безумія въ *Аньелло Страмаццафильи*, и съ королемъ *Карломъ Вторымъ*, по прозванію *Ciotto*; родомъ изъ Падуи

братъ Бартолино, знаменитый музыкантъ, котораго мадригалъ (madriale) предлагается между прочимъ для пѣнія [34]). Доля Флоренціи на этой перекличкѣ не менѣе обширная: на нѣкоторыя имена намъ уже пришлось указать, говоря о другихъ мѣстностяхъ; но за Бонифаціемъ Уберти и мессеромъ Дольчибене слѣдуютъ еще какіе-то *Морэ и Берто*, *Нофри* (Nofri speziale), *Лапо делла Кроче*, продавецъ олея, и вмѣстѣ съ тѣмъ провіантскій приставъ (ufficiale di grascia) и капитанъ компаніи Орто Санто Микеле (capitano della compagnia d'Orto santo Michele); монна *Риччьярда*, дочь *Руджьеро старшаго деи Риччи* (Ruggiero il vecchio de 'Ricci), замужемъ за *Микеле Пилестри*, сватающая свою дочь за *Липпоццо Гречи*; наконецъ поминается разъ *Пьеро ди Филиппо*, «который, какъ вамъ извѣстно, былъ въ то время самый именитый гражданинъ нашей республики» [35]). Его, стало быть, уже не было въ живыхъ,—потому что иначе какъ же понимать выраженіе: въ то время, in quelli tempi?—и мы думаемъ, что это никто другой, какъ *Піеро ди Филиппо дельи Альбицци*, «мудрый, славный и великій гражданинъ, какимъ когда-либо могла гордиться его страна» [36]), сложившій голову на плахѣ въ 1379 году. Это прямо указываетъ, что дѣйствіе нашего романа не можетъ восходить раньше этого года. Если, съ другой стороны, принять въ разсчетъ, что Пьеро Гамбакорти еще былъ въ живыхъ, когда происходили собранія, описанныя нашимъ авторомъ, ясно будетъ, что онѣ должны были имѣть мѣсто между 1379 и 1392 годомъ, когда убитъ былъ Гамбакорти. Таково приблизительное хронологическое опредѣленіе, выясняющееся изъ новеллъ и иныхъ историческихъ воспоминаній, какія попадаются въ разговорахъ: къ болѣе точнымъ результатамъ въ этомъ отношеніи мы придемъ въ послѣдствіи, когда переберемъ одно за другимъ всѣ лица, которыя принимали въ этихъ разговорахъ дѣятельное участіе.

Какого характера были эти бесѣды? Мы это отчасти уже знаемъ: нашъ романъ относится къ переходной литературной порѣ, стоя и въ формальномъ и въ историческомъ отношеніяхъ на перепутьи между конкретною новеллой XIV-го вѣка и отвлеченно-философскими преніями позднѣйшаго Renaissance. Здѣсь еще разсказываютъ и болтаютъ, но еще больше толкуютъ, поднимая тонкіе вопросы и выставляя на видъ богатство античной науки, недавно пріобрѣтенное. «Великое море Ливіева краснорѣчія» (il gran mare della eloquenzia di Livio tuo Padovano), Овидій «*nel suo Metamorfoseos*» [37]), Апулей и бл. Августинъ, свв.

отцы церкви и Божественная Комедія,—вотъ съ какими богатырскими доспѣхами въ рукахъ ратуютъ другъ противъ друга ученые собесѣдники. И женщины принимаютъ участіе въ ихъ спорахъ, хотя еще рѣдко. Средневѣковой человѣкъ, какъ извѣстно, не слишкомъ-то любилъ разсуждать съ женщиной, слѣдуя въ этомъ ученію философа (т. е. Аристотеля) въ первой книгѣ Политики, гдѣ онъ говоритъ, что совѣтъ женщины большой силы не имѣетъ (che'l consiglio della femmina è di piccolo valore), потому что ея темпераментъ по преимуществу флегматическій. [39]) Нѣсколько стиховъ второй главы перваго посланія апостола Павла къ Тимоѳею только помогли развить этотъ взглядъ и, своеобразно понятые и узко истолкованные, легли въ основаніе средневѣковаго ученія о женщинѣ. Предоставляя совершеніе молитвы мужескому полу, апостолъ Павелъ прибавляетъ: «Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ. Женѣ же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи». Если одинъ итальянскій нравоучитель XIV в. понимаетъ все это дословно и въ простотѣ сердца прилагаетъ эти слова къ стоянію въ церкви, то онъ самъ не прочь отъ вывода, что «мудрая и неговорливая жена есть Божій даръ и благополучіе» [39]). Отсюда уже не далеко до требованія женской молчаливости вообще, которая надолго становится непремѣннымъ догматомъ средневѣковой житейской мудрости. Такъ еще въ XIII вѣкѣ Egidio Romano утверждаетъ, что «неговорливость и ровность—великое украшеніе женщины» [40]), и Франческо да Барберино переводитъ это наставленіе въ стихи: *)

Femina ch'è gran parliera
Tenuta è matta, e leggiera:
Dunque in ciò sie temperata,
E seraì d'onor pregiata [41])

Мы, разумѣется, не ожидаемъ ничего подобнаго отъ нашего романиста. Пора новеллы освободила женщину отъ древнихъ узъ, въ которыхъ держали ее условія средневѣковой семьи; что̀ не удалось трубадурамъ феодальной эпохи, которые ее слишкомъ изолировали, поставивъ на пьедесталъ, то сдѣлала буржуазная новелла—и женщина начинаетъ разсуждать. Правда, и у нашего автора про-

*) «Болтливая женщина считается сумасбродной и вѣтряной: потому будь въ этомъ умѣренна, и будешь въ почетѣ».

рывается иногда сужденіе, «что мужчина по своей природѣ существо болѣе совершенное, чѣмъ женщина», и у собесѣдниковъ его романа замѣтна старая закваска, и они, пока дамы еще не встали или не выходили изъ своихъ комнатъ пользуются случаемъ, чтобы, оставивъ забаву новеллы, перейти къ болѣе серьознымъ и полезнымъ вопросамъ [42]). За то, если представится вопросъ, возбуждающій болѣе обще-человѣческій интересъ, какъ напр. любовь и т. п., тутъ, само собою разумѣется, женщины принимаютъ участіе. Спрашивается напр.: чья любовь сильнѣе, отца или матери къ своему ребенку? Мужчины рѣшаютъ въ пользу перваго, женщины въ пользу второй; онѣ отдаютъ себя на судъ «молодой и достойной дамѣ» (una venerabile e giovane donna), которая находилась въ обществѣ, «большаго ума и пріятнаго обращенія» (di grande inteletto e di costume molto gentile), по имени Кòза: ее онѣ въ одинъ голосъ просятъ отвѣчать на доводы мужчинъ (tutte vogliose dissono che le piacesse rispondere alle dette ragioni). И она отвѣчаетъ и выходитъ побѣдительницей до такой степени, что внушаетъ къ себѣ уваженіе маэстровъ и докторовъ, присутствующихъ на бесѣдѣ. Даже старый маэстро Біаджіо крутитъ головою: «Клянусь пречистой Дѣвой Маріей,—говоритъ онъ,—я не воображалъ, чтобы флорентійскія дамы были такъ хорошо знакомы съ нравственной и естественной философіей и такъ ловко владѣли логикой и реторикой, какъ теперь я въ томъ убѣдился». — «Маэстро»,—скромно отвѣчаетъ дѣвушка,— «флорентійскія дамы стараются, на сколько есть силъ, такъ говорить и дѣлать, чтобы тотъ, кто пожелалъ бы ихъ обмануть, не могъ бы одну вещь выдать за другую. Вы же, которому и книги въ руки и у котораго навѣрное нѣтъ желанія обмануть насъ, скажите намъ всю правду, чтобы всѣ мы могли на томъ успокоиться». [43])

Эта мадонна Кòза, изящная и философствующая, не можетъ не возбудить въ насъ большаго интереса. Женщины выбираютъ ее своимъ адвокатомъ, мужчины качаютъ головою, съ удивленіемъ внимая ея рѣчамъ. Это какая-то Викторія Колонна, явившаяся слишкомъ рано, чтобы встрѣтиться съ Микель-Анджьоло; вмѣсто него она находитъ себѣ поклонника въ Джіованни Содерини: потому что изъ многихъ Никколозъ (Cosa есть уменьшительное отъ Niccolosa), какія считаются во Флоренціи XIV-го вѣка, наша, по всей вѣроятности, тождественна съ той nobile giovane detta Cosa, въ которую Джіованни (Nanni) Содерини влюбился «въ цвѣтущее время своей юности» (nel verde tempo di sua buona gioventú), а маэстро Симо-

не Сердини изъ Сіэны воспѣлъ въ одной изъ своихъ канцонъ, играя созвучными Cosa и cosa (вещь, предметъ) *):

Dê, dimmi s'ella è donna, iddea o sole:
Tu vederai l'aspetto alto e gentile
E'l suo pavoneggiar d'un ricco passo;
Tu vedrai *Cosa* pura e *Cosa* umile,
Un ragionar modesto, e tai parole
Che spezzeriano ogni più duro sasso.
Vedrai quella onestate e'l portar basso
L'occhio discreto, e ciò per non far noia
Al sol, cui sarìa poca ogni sua luce. [44])

Теперь намъ становится понятна двойственная игра словъ въ баллатѣ, которую двѣ дѣвушки поютъ на бесѣдахъ въ Парадизо, съ такою пріятностью и «такими ангельскими голосами, что не только присутствующіе мужчины и женщины подходятъ ближе, но видно было, какъ даже птицы, сидѣвшія на кипарисахъ, подлетѣли, и ихъ щебетъ сдѣлался чаще и нѣжнѣе» [45]). Вотъ слова баллаты: **)

Orsù gentili spirti ad amar pronti,
Volete voi vedere il *Paradiso*?
Mirate d'esta *Cosa* il suo bel viso.
Nelle sue santi luci arde e sfavilla
Amor vettorioso che divampa
Per dolcezza di gloria chi la mira,
Ma l'alma mia, fedelissima ancilla,
Piatà non trova in questa chiara lampa
E null'altro che lei ama e disira.
O Sacra Iddea, al tuo servo un po' spira
Mercè: mercè sol chiamo, già conquiso:
Dê, fallo pria che morte m'abbia anciso [46])

*) «Скажи мнѣ, женщина ли она, богиня или солнце? Ты увидишь ее, милую, гордую, плавно выступающую; увидишь это чистое и смиренное созданіе (или Никколозу), услышишь ея скромную рѣчь и слова, которыя, кажется, расторгли бы самый твердый камень; увидишь, какъ она застѣнчиво и стыдливо опустила глаза, чтобы не обидѣть солнца, у котораго не достало бы свѣта соперничать съ нею».

**) «Вы, милые духи, склонные къ любви, хотите ли увидѣть рай? Поглядите на это прекрасное чело (или прекрасное чело этой Никколозы). Въ ея святыхъ очахъ горитъ побѣдный Амуръ, сладко воспламеняющій всякаго, кто на нее смотритъ. Но душа моя, ея вѣрнѣйшая прислужница, не находитъ сожалѣнія въ этомъ свѣтилѣ, хотя она никого другаго не любитъ и не желаетъ. О святая богиня, будь благосклонна къ твоему рабу: я побѣжденъ и прошу только состраданія. Окажи его мнѣ прежде, чѣмъ постигла меня смерть».

А разговоры между тѣмъ продолжаются, переходя на другія темы, напр. «обладаютъ ли одни животныя большею долею ума и художественной способности (arte e ingegno), чѣмъ другія» [47]), или «какими честными способами пріобрѣтаются деньги, и почему лихоимство не только осуждено нашею церковью, но вообще всякой другой религіей» [48])—гдѣ отвѣтъ и самый ходъ разсужденія представляютъ сколокъ съ извѣстныхъ положеній св. Ѳомы Аквинскаго объ этомъ предметѣ [49]). Иногда вниманіе обращается на вопросы инаго свойства: «какимъ образомъ зараждается человѣкъ и какимъ путемъ становится существомъ разумнымъ, какъ и когда внѣдряется въ него разумная душа, и что дѣлается съ нею послѣ того, какъ смерть постигнетъ тѣло». Мы пріятно поражены, что отвѣтъ на эти гаданія не что иное, какъ парафраза извѣстныхъ дантовскихъ стиховъ (D. C. Purg. XXV, 37—108), въ которыхъ Стацій разъясняетъ сомнѣнія поэта:

Come si può far magro
Là dove l'uopo di nutrir non tocca?

Сохранены даже самыя слова божественнаго поэта: *natural vasello*, *sangue perfetto*, *spirito nuovo*, *virtù informativa* и т. п., и цитуется цѣлый стихъ, впрочемъ съ нѣкоторыми отличіями отъ принятаго текста, гдѣ стихъ 103 читается такъ:

Quindi *parliamo* e quindi ridiam noi,

между тѣмъ какъ нашему романисту слышалось:

Quindi *piagnamo*, quindi ridiam noi [50]).

Это не единственная дантовская реминисценція нашего автора: въ аллегорическомъ введеніи къ бесѣдамъ Парадизо онъ не позабылъ привести нѣсколько стиховъ изъ Чистилища, какъ рѣшающіе въ вопросѣ о существѣ любви. Надо полагать, что въ концѣ XIV-го вѣка дантовское преданіе было еще достаточно сильно, если слѣды его встрѣчаются такъ повсюдно, на всякой страницѣ, куда ни глянешь. Новая наука классическаго Возрожденія едва успѣла выясниться и обособиться, и ея критеріи пріобрѣсть ту силу и то исключительное вліяніе на литературныя идеи времени, какого они достигаютъ въ послѣдствіи; Божественная Комедія оставалась пока единственной поэтической энциклопедіей, обнимавшей все тогдашнее знаніе, какое выразилось въ семи свободныхъ искусствахъ и въ философіи св. Ѳомы Аквинскаго. Понятно, что ученые и неучи продолжали по прежнему обращаться къ ней, какъ къ ссылочной книгѣ: такъ Анджело Торини въ своемъ *Breve*

racoglimento del dispregio dell' umana condizione nostra, оконченномъ въ 1374 году, цитуетъ нѣсколько разъ «il nostro poeta Dante», и когда начинаетъ говорить о тайнахъ зачатія и рожденія, не минуетъ дантовскихъ словъ: *virtute informativa*, *naturale vasello*, *virtù del generante* и т. п. [51]). Нѣтъ сомнѣнія, что все это ученія Суммы, но истолкованныя Данте людямъ четырнадцатаго вѣка. Въ трактатѣ Джіованни ди Герардо да Прато, *Trattato d'una angelica cosa mostrata per una divotissima visione*, эти дантовскія воспоминанія сказываются еще яснѣе; не говоря о литературной формѣ *видѣнія*, освященной примѣромъ великаго поэта, о молитвенныхъ обращеніяхъ въ terza rima, вставленныхъ въ рамку прозы, всякій разъ, когда дѣло коснется отвлеченныхъ вопросовъ, когда-то поднятыхъ Божественною Комедіей, авторъ трактата очевидно находится подъ ея вліяніемъ. Такъ въ главѣ о рожденіи человѣка слова Данте воспроизводятся и толкуются, хотя онъ самъ и не названъ, при чемъ интересно сличить, какъ, разсматривая одинъ и тотъ-же вопросъ, авторъ нашего романа и Джіованни ди Герардо сходятся другъ съ другомъ, какъ будто другъ другу подражаютъ, такъ что легко можетъ родиться сомнѣніе, что между ними связь болѣе близкая, чѣмъ та, какую даетъ поводъ предположить единство источника, откуда оба заимствовали [52]). Пока мы ограничимся лишь общимъ указаніемъ сходства, которое во всякомъ случаѣ служитъ доказательствомъ, что оба автора находились подъ вліяніемъ однихъ и тѣхъ же литературныхъ понятій, вращаясь въ одинаковомъ литературномъ кружкѣ, каковы напр. бесѣды описанныя въ нашемъ романѣ, гдѣ дантовскія преданія хранились въ чистотѣ, и вопросы, томившіе средневѣковое любомудріе, еще продолжали служить темой для разговоровъ, между тѣмъ какъ съ другой стороны поднимаются вопросы болѣе реальнаго характера и болѣе отвѣчающіе интересамъ дня. Такъ уже новымъ классическимъ направленіемъ отзывается археологическая задача, предлагаемая маэстромъ Марсиліо: о происхожденіи и началѣ Флоренціи; и рядомъ съ нею старая тема—о предназначеніи человѣка (quale è il fine e la felicità dell' uomo)—разбирается сначала по Этикѣ и Политикѣ Аристотеля и по ученію отцевъ церкви. Иногда разговоръ приметъ случайно болѣе практическій оборотъ, когда кто нибудь предложитъ разсмотрѣть, «какое правленіе лучше—то ли, которое въ рукахъ одного, или многихъ, какъ мы это обыкновенно видимъ; другими словами—что предпочтительнѣе: хорошій ли правитель,

или хорошій законъ?» [53]) И всѣ принимаютъ участіе въ спорахъ и разсказываютъ другъ другу новеллы въ подтвержденіе своихъ доводовъ, выбравши напередъ одного изъ своихъ, который руководилъ-бы бесѣдой, какъ въ Декамеронѣ каждый изъ собесѣдниковъ по очереди предсѣдательствуетъ веселымъ обществомъ, назначая, кому говорить, и опредѣляя содержаніе повѣстей. Здѣсь у мѣста указать на одно характеристическое отличіе Декамерона отъ нашего романа: если легко было разсказывать, то разсуждать приходилось трудно на языкѣ, который, успѣвъ задолго передъ тѣмъ выработать поэтическій стиль и недавно повѣствовательный, въ философскомъ разсужденіи еще продолжалъ чувствовать себя неловко и безпомощно, связанный путами латинской рѣчи, которая въ средніе вѣка, казалось, исключительно овладѣла областью отвлеченнаго мышленія. Оттого такая темнота и спутанность въ собственно философской части, въ разсужденіяхъ нашего романа, тогда какъ его разсказы движутся свободно и слогъ въ нихъ ясенъ; оттого такое торжество, когда въ разсмотрѣніи какой нибудь отвлеченной истины чувствуется, что побѣждена неподатливость языка, еще слишкомъ конкретнаго и не приспособленнаго къ выраженію философскихъ умозрѣній. «Признаюсь, я никогда не слыхалъ, чтобы кто-либо въ столь немногихъ словахъ такъ полно и удовлетворительно разъяснилъ такую высокую и трудную матерію, и не воображалъ, чтобъ было возможно сказать все это такъ кратко и вмѣстѣ такъ хорошо и очевидно, какъ я это слышалъ. *Теперь мнѣ ясно, что флорентійскій языкъ на столько вырабатанъ и богатъ, что на немъ можно говорить, спорить и разсуждать о самыхъ абстрактныхъ и глубокомысленныхъ вопросахъ*, и я охотно вѣрю въ то, что говорятъ о вашемъ Данте, поэтѣ-теологѣ, что онъ столько высокихъ научныхъ истинъ одѣлъ покровомъ своего поэтическаго вымысла. Я постараюсь познакомиться съ нимъ ближе, отцы мои, и думаю его себѣ усвоить, а пока сильно жалѣю, что не сдѣлалъ того раньше». [54]) Это слова Падуанца, одного изъ главныхъ собесѣдниковъ нашего романа; но и самъ авторъ съ неменьшимъ восторгомъ говоритъ о новой силѣ родного языка, когда въ самомъ началѣ объясняетъ, что поводомъ его труда было «горячее желаніе, постоянно меня побуждающее, всѣми силами послужить къ возвышенію и облагороженію дорогаго отечественнаго языка, хотя его достаточно возвысили и облагородили три флорентійскіе вѣнчанные поэта, за которыми я почтительно слѣдую, какъ

ученые мореходы руководятся въ плаваніи полярною звѣздою» [55]). За латынью церковной схоластики и за «parleure delitable» Брунетто Латини, подѣлившихъ между собою область средневѣковой прозы, итальянскій языкъ раждался для науки, благодаря тремъ флорентійскимъ вѣнцамъ (le tre corone fiorentine) и въ особенности Боккаччьо: такъ послѣ церкви и имперіи явилась городская коммуна. Велика должна была быть радость, когда родной языкъ объявился настолько обильнымъ и гибкимъ, чтобы попытаться осилить и дать народное выраженіе самымъ отвлеченнымъ порывамъ мысли; какъ велико было счастье людей, почувствовавшихъ себя свободными подъ покровомъ хорошихъ законовъ, оставивъ позади себя идеалъ хорошаго правителя и всѣ прелести средневѣковаго общественнаго уклада. Но это счастіе и радость не долговѣчны: уже латинскій языкъ начинаетъ воскресать изъ-подъ пыли древнихъ рукописей, въ медицейскихъ садахъ; блестящій, обогащенный цѣлыми вѣками классическаго преданія, онъ готовится подкосить жизненную нить молодаго итальянскаго языка, который съ высоты Боккаччьо быстро упадаетъ до безобразнаго стиля Франческо Колонна, стиля двуполаго, который нельзя назвать итальянскимъ, но еще менѣе латинскимъ: символическое изображеніе новаго принципа, выростающаго чужеяднымъ растеніемъ на развалинахъ гражданской свободы. Въ стилѣ нашего романа чувствуется издалека приближеніе этого переворота: итальянская фраза потеряла свою прежнюю крѣпость и разлагается подъ вліяніемъ латинской; латинскія слова начинаютъ переводиться въ итальянскую форму путемъ чисто-литературнаго, искусственнаго процесса, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ органическимъ разложеніемъ и творчествомъ вмѣстѣ, которое вывело изъ латинскаго языка богатство романскихъ нарѣчій. Такимъ образомъ не только въ отношеніи культурномъ и литературномъ, но и со стороны слога нашъ романъ является выраженіемъ одной изъ тѣхъ переходныхъ эпохъ, которыя интересны для насъ не столько сами по себѣ, по своему внутреннему характеру, сколько по тому, что прошедшее встрѣчается въ нихъ съ будущимъ, котораго сѣмена здѣсь вызрѣваютъ на почвѣ, приготовленной разложеніемъ предъидущей флоры: эпохи неопредѣленныя, незаконченныя, лишенныя оригинальности, безъ формы и стиля, необходимое соединеніе между «disjecta membra», между будущимъ, которое зачинается, когда прошедшее еще не отжило.

Первая изъ литературныхъ академій XV-го вѣка, если можно назвать ее такъ оффиціально, открыла свои засѣданія лѣтъ тридцать спустя во Флоренціи, въ монастырѣ Санъ Спирито. Очень вѣроятно, что они развились изъ интимныхъ бесѣдъ Луиджи Марсили и его друзей въ томъ же самомъ монастырѣ,—бесѣдъ, которыя, по его собственному признанію, принесли такую пользу Колуччіо Салутати; во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что эти бесѣды предшествовали академическимъ, точно такъ же, какъ тѣ непринужденныя собранія на виллѣ Парадизо, которыхъ въ академическомъ характерѣ никто не заподозритъ. Съ тѣхъ поръ литература стала дѣломъ болѣе серьознымъ, латинскій языкъ болѣе классическимъ; пренія обратились въ диспуты, въ какое-то священнодѣйствіе, съ замѣтнымъ привкусомъ педантизма «Каждый день устраивались тамъ (въ монастырѣ Санъ Спирито) ученые диспуты; на стѣнѣ либо на колоннѣ вывѣшивался тезисъ, о которомъ въ этотъ день слѣдовало разсуждать. Спорящіе сбирались постоянно и въ большомъ числѣ; между ними болѣе всего отличался Джіанноццо (Manetti), противъ доводовъ котораго никто не могъ устоять» [56]); сюда приходили Никколò Никколи, Роберто деи Росси, Леонардо Бруни и другіе представители перваго періода *классическаго* Renaissance. Мы уже въ центрѣ новаго литературнаго движенія; но когда въ послѣдствіи мы узнаѐмъ отъ Леонардо Аретино, что онъ обязанъ Колуччіо Салутати главнымъ поощреніемъ въ своихъ занятіяхъ латинскою литературой [57]); когда, съ другой стороны, Никколи и Роберто деи Росси вмѣстѣ съ какимъ-то Ioannes Laurentius представляются намъ учениками Луиджи Марсили [58]),—мы не можемъ не заключить, что все это новое движеніе, котораго дѣятелями они являются, приготовлено другимъ, болѣе раннимъ, гдѣ классическія идеи еще умѣрялись довольно сильнымъ итальянскимъ преданіемъ. Такимъ образомъ мы приходимъ къ Луиджи Марсили и Колуччіо Салутати и къ собраніямъ, на которыхъ тотъ и другой предсѣдательствовали въ садахъ Парадизо, среди новеллъ и разговоровъ, между Данте и классиками, приготовляя почву для ученыхъ созерцаній въ Санъ Спирито. Разсмотрѣнный съ этой точки зрѣнія, нашъ романъ привлекаетъ насъ не своими новеллами, вставленными въ него мозаичною работой—намъ попадались новеллы болѣе изящныя и острыя—и не философскими разсужденіями, но своимъ историческимъ характеромъ, который даетъ ему очень опредѣленное мѣсто въ интеллектуальномъ развитіи Италіи. Лица Декамерона

либо вымышлены, либо скрываются подъ вымышленными именами; здѣсь, напротивъ, читатель перенесенъ сразу въ среду людей, еще живущихъ, или которые жили и были дѣятельными гражданами своей страны, которыхъ имена и поступки намъ хорошо извѣстны, отъ которыхъ, наконецъ, дошли до насъ труды, свидѣтельствующіе объ ихъ умственной силѣ. Такимъ образомъ нашъ романъ представляется не лишнимъ памятникомъ флорентійской культуры конца XIV-го вѣка и духовнаго развитія людей, которыми она преимущественно держалась. Съ ними намъ теперь предстоитъ познакомиться, на сколько позволятъ скудные матеріалы; почти на всѣхъ лицахъ намъ доведется прочесть печать двойственности, расторженности, переходности, которою мы отличили всю эпоху.

Прежде всѣхъ выступаетъ характеристическая фигура *Колуччіо Салутати* (1330†1406, 4-го мая), который въ романѣ является уже канцлеромъ республики (съ 25 апрѣля 1375 года): «росту болѣе чѣмъ средняго, нѣсколько сгорбленный, съ широкимъ костякомъ; цвѣтъ лица у него почти бѣлый, лице круглое съ широкими выдающимися скулами и нижней губой, немного выступающей впередъ; онъ произноситъ слова скромно и медленно и съ виду нѣсколько суровъ и мраченъ; но когда разговорится—становится веселымъ»; «такова сила его рѣчей и уговоровъ, что, кажется, онъ хочетъ взять не столько убѣжденіемъ, сколько силою то, о чемъ проситъ» [59]). Колуччіо былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые свято берегли литературное преданіе трехъ флорентійскихъ коронъ, защищая его отъ нападковъ новой школы, начинавшей почерпать свое вдохновеніе исключительно изъ латинскаго классическаго источника. Ему первому мы одолжены идеей критически сличить Дантовскія рукописи, которыя все болѣе и болѣе искажались въ рукахъ невѣжественныхъ переписчиковъ, съ цѣлью возстановить изъ нихъ подлинный текстъ; еще юношей, онъ находился въ перепискѣ съ Петраркою и по его смерти употребилъ всѣ усилія, чтобы спасти отъ забвенія его «божественную Сципіаду» (divinam Scipiadem). Онъ могъ еще лично знать Боккаччьо, тогда уже дряхлаго и болѣзненнаго. Какой грустной торжественности исполнено его письмо къ другу Луиджи Марсили въ Парижъ, гдѣ онъ оплакиваетъ смерть двухъ великихъ поэтовъ: послѣдній прощальный привѣтъ великой литературѣ, которая уходила, не оставивъ послѣ себя никого, кто-бы достойнымъ образомъ продолжалъ ее. Потому что—странное дѣло—тотъ, кто

признавалъ себя ея преданнѣйшимъ ученикомъ, уже отдаляется отъ нея, самъ того не замѣчая. Въ его признаніи болѣе сыновней любви къ славному прошлому, чѣмъ серьознаго желанія преслѣдовать то національное преданіе, которое собственно и сдѣлало флорентійскую поэтическую школу столь блестящею; если онъ идетъ по ея стопамъ, то развѣ въ несовсѣмъ удачныхъ попыткахъ возстановить чистоту классической рѣчи,—попыткахъ, которыя составляли только часть ея программы. Въ этой односторонности выбора слышится что-то новое: Колуччіо не пишетъ по-итальянски или пишетъ рѣдко и безъ стиля; бо́льшая часть его произведеній на латинскомъ языкѣ, въ которомъ онъ достигъ искусства и изящества удивительнаго для того времени, такъ что его не даромъ прозвали обезьяной Цицерона, *scimmia di Cicerone*. «Великимъ подражателемъ античныхъ поэтовъ» (grandissimo imitatore degli antichi poeti) называетъ его Филиппо Виллани; онъ прилѣжно разъискиваетъ рукописи классиковъ, сличаетъ ихъ, примѣняя къ ихъ изученію только-что зародившееся искусство филологической критики: такъ онъ предлагалъ нѣсколько поправокъ къ письмамъ Цицерона Ad familiares и ad Atticum, и намъ извѣстны его сомнѣнія о трагедіяхъ, обыкновенно приписываемыхъ Сенекѣ. Если бы кто захотѣлъ провести болѣе твердую черту соединенія между нимъ и кѣмъ нибудь изъ трехъ великихъ флорентійскихъ поэтовъ, то пришлось бы остановиться развѣ на одномъ Петраркѣ, въ которомъ всего менѣе народно-итальянскаго развитія и всего болѣе латинскихъ предилекцій. Такъ продолжателемъ Петрарки и называетъ его Франческо ди Фіано, когда, побуждая его воспѣть громкія дѣянія современниковъ, онъ видитъ въ немъ единственную надежду музъ, ихъ единственную славу и украшеніе: «Одинъ ты изяществомъ твоей пѣсни въ состояніи дать заслуженнымъ людямъ почетное имя и безсмертіе. Ты одинъ въ нашемъ вѣкѣ обильный источникъ *латинскаго краснорѣчія* во всѣхъ родахъ изящнаго слова: его струями долгое время напоенные разцвѣтаютъ умы итальянскихъ юношей. Тебя слушая, тебя читая, заучивая знаменитыя пѣсни Пирра, нашъ умъ гордится тобою и славится: потому что, благодаря высокому дару совершенства, ниспосланному тебѣ небомъ, восполнена утрата столькихъ поэтовъ, и дивная прелесть твоего необычайнаго духа утѣшаетъ насъ на краю могилы, вызывающей нескончаемыя слезы, *нашего божественнаго Петрарки*. Когда такимъ образомъ, ты одинъ въ наше время достойно владѣешь обиліемъ

звучнаго слова и полною струей героической пѣсни, не попусти твоему свѣтлому дару заглохнуть въ бездѣйствіи» [60]). Мы не знаемъ, послушался ли Колуччіо добраго совѣта пріятеля—поискать вдохновенія въ событіяхъ современной исторіи, «полной разнообразныхъ дѣяній, прекрасныхъ подвиговъ, превратностей судьбы, не минующихъ ни что великое, и назидательныхъ примѣровъ, каждый день обновляющихся» [61]). Мы знаемъ только, что, когда онъ принимается воспѣвать римскія войны Пирра, царя Эпирскаго, онъ очевидно не выходитъ изъ колеи, намѣченной Африкой Петрарки, которая представляется ему божественнымъ произведеніемъ, opus divinum, какъ божественнымъ, divinum, казался ему слогъ боккаччьевскаго De Genealogia Deorum. Въ этомъ литературномъ сужденіи нѣтъ ничего удивительнаго, точно такъ же какъ и въ томъ предпочтеніи, которое Колуччіо отдавалъ Инвективѣ Петрарки на клеветника медика, передъ Филиппиками и рѣчами Цицерона противъ Верреса и Катилины. Тутъ причиной и любовь, которая соединяетъ его съ тремя великими Флорентійцами, побуждая разглашать повсюду ихъ славу и распространять творенія [62]), но и болѣе того особыя условія времени. Вспомнимъ, что классическія знанія еще слабы, новый критерій вкуса и стиля, которому предстояло изъ нихъ выработаться, по необходимости еще шатокъ и не успѣлъ установить ни образцовъ для подражанія, ни мѣрки для сравненія. Таково вообще всякое занятіе въ началѣ: оно принимается медленно, ощупью, понемногу одолѣвая затрудненія, скользя по поверхности и не проникая въ глубь; и чѣмъ больше препятствій, которыя приходится побѣдить, тѣмъ сильнѣе и громче естественное чувство побѣды. Оттого удивляются Цицерону; но еще болѣе цѣнятся тѣ, которымъ удалось приблизиться къ нему,—а такими должны были казаться Петрарка и Боккаччьо. Этого наивнаго удивленія не могли простить Колуччіо позднѣйшіе пуристы XV-го вѣка, и они подвергли общему презрѣнію и почитателя, и предметы его культа. Каковы бы ни были, судя по этому, первые опыты классической науки, которые вышли изъ несовсѣмъ прозрачнаго источника и не успѣли установить надлежащаго филологическаго критерія, все же ихъ вліяніе на общество было велико въ эту пору. Болѣе тѣсное и постоянное знакомство съ древними авторами по необходимости проводило въ умы міръ новыхъ идей, расширяло политическій, религіозный и литературный кругозоръ, ограниченный до тѣхъ поръ всякаго рода предразсудками, наслѣдіемъ

среднихъ вѣковъ. Конечно, обстоятельства благопріятствовали такому перевороту: папы живутъ изгоями въ Авиньонѣ, императоръ—по ту сторону Альповъ; при всемъ томъ за римскими историками и ораторами нельзя не признать значительнаго участія въ освобожденіи итальянской мысли. Когда у Ливія приходилось читать о славныхъ вѣкахъ римской свободы, притязанія римской куріи должны были казаться тѣмъ унизительнѣе, и Кола ди Ріенцо могъ возстать, полный республиканскихъ воспоминаній, и Колуччіо выразиться въ письмѣ къ папѣ, что «свободу церкви надлежитъ соблюдать такъ, чтобы отъ того не потерпѣла естественная свобода народовъ» [63]). Иной разъ римскія дѣянія повѣствуютъ ему о доблестяхъ предковъ, какая слава сопровождала ихъ оружіе, какъ они ратовали въ защиту «своей Италіи»: и вотъ идея *единой Италіи* раждалась изъ необходимости «возстановить родовую мощь крови, чтобы изгнать чуждые народы, сидящіе посреди Авзоніи, не мирные, но безпокоющіе ее бѣдственною войною. Опуская все, что̀ объ этомъ можно бы сказать, и переходя къ заключенію нашего письма, мы считаемъ въ высшей степени полезнымъ и необходимымъ для спасенія, чтобы не только Тоскана, но вся Италія соединилась съ вами (т. е. Римлянами) въ федераціи, какъ члены со своей главою. Какою показалась бы тогда Италія, такъ устроенная и соединенная! какою могущественною»! [64])—Политическая наука раждается въ Италіи вмѣстѣ съ эрудиціей; Колуччіо былъ первый ученый, ставшій канцлеромъ большой итальянской республики. До него—клерики и церковные люди; послѣ него—Леонардо Аретино, Поджіо, Марсуппини и, не говоря о другихъ, Маккьявелли. Если у Джіанъ Галеаццо Висконти въ самомъ дѣлѣ сорвалось слово по поводу писемъ Салутати, что онѣ приносятъ ему болѣе вреда, чѣмъ тысяча флорентійскихъ всадниковъ,—онъ вѣроятно не столько имѣлъ въ виду личность, сколько цѣлую систему, которую она выражала [65]).

Человѣкъ съ характеромъ и убѣжденіями Коллучіо былъ *Луиджи Марсили* († 21 Августа 1394 года) «великій теологъ и блестящій ораторъ», какъ называетъ его нашъ романъ [66]). Онъ былъ еще ребенкомъ, когда какой-то родственникъ, добрый человѣкъ, свелъ его къ Петраркѣ, который съ перваго разу возложилъ на него большія ожиданія. Такимъ образомъ и на него упалъ умирающій лучъ великаго дантовскаго періода. Вступивъ юношей въ орденъ Св. Августина, онъ учился въ Падуѣ и потомъ въ Парижскомъ университетѣ, гдѣ удостоился степени доктора бого-

словія, всюду стараясь соединить свои спеціальныя занятія съ занятіями изящной литературой. Въ этомъ онъ только слѣдовалъ совѣту, данному ему Петраркой, «что богослову полезно, кромѣ богословія, знать еще много другихъ вещей, а если была бы возможность, то и всѣ». Оттого ученія Августина, Іеронима, Іоанна Златоуста и Амвросія мирились въ немъ съ языческою мудростью, съ Цицерономъ и Виргиліемъ: а мы видѣли, какъ сильно это должно было отразиться на обновленіи идей. Марсили былъ столь свѣдущъ въ перипатетической философіи [67]), что Петрарка могъ надѣяться, что изъ него выйдетъ впослѣдствіи опытный боецъ противъ заблужденій Аверроэса и его учениковъ, которые надоѣли Петраркѣ по горло. Трудно сказать, какъ исполнилъ эти ожиданія Марсили: по крайней мѣрѣ, по возвращеніи его во Флоренцію, мы застаемъ его въ садахъ Парадизо въ мирной бесѣдѣ бокъ-о-бокъ съ маэстро Марсиліо ди Санта Софія, однимъ изъ самыхъ рьяныхъ поборниковъ аверроистической философіи въ Падуѣ [68]). Во Флоренціи около Марсили тотчасъ-же собирается кружокъ; у него много знакомствъ; онъ былъ краснорѣчивый и остроумный собесѣдникъ; молодежь толпится вокругъ, полная жажды знанія, чтобы послушать его бесѣды, которую онъ удачно пересыпаетъ многочисленными цитатами изъ классиковъ. Это первообразъ тѣхъ ученыхъ сборищъ въ Санъ Спирито, о которыхъ мы говорили выше. Обыкновенными собесѣдниками были Никколò Николи, Роберто деи Росси, и Колуччіо Салутати, хотя человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, рѣдко когда отсутствовалъ. У него была какая-то лихорадочная страсть поговорить и поучиться, въ высшей степени характеризующая время. Марсили жилъ по ту сторону Арно, и идти къ нему приходилось долго; когда случалось, что Салутати не заготовилъ напередъ матеріала для разговоровъ, долгая дорога помогала ему въ бѣдѣ: онъ назначалъ себѣ рѣку межей или мильярнымъ столбомъ, пройдя который вплоть до жилища Марсили надлежало сосредоточить мысль исключительно на вопросахъ и задачахъ, которые слѣдовало предложить въ тотъ день. За то впереди какая масса удовольствій и назиданія! «Когда я бывалъ у него, я на цѣлые часы продолжалъ разговоръ, и не смотря на то всякій разъ уходилъ неудовлетворенный, потому что никогда не могъ вполнѣ насытиться бесѣдой съ столь великимъ мужемъ. Какая сила, Боже милосердый, какое обиліе въ разсужденіяхъ, какая обширная память! Онъ не только владѣлъ

всѣми знаніями, приличными духовному сану, но и тѣми, которыя мы по обыкновенію называемъ языческими. Цицеронъ, Виргилій, Сенека и другіе античные писатели не сходили у него съ устъ; онъ не только приводилъ ихъ мнѣнія и мысли, но часто самыя слова, такъ что казалось, онъ говоритъ свое, а не чужое. Никогда мнѣ не случалось сказать ему что-нибудь, что̀ бы не было ему извѣстно: онъ все зналъ, все помнилъ. Я, напротивъ, многое отъ него услышалъ и многому научился, а въ иныхъ вещахъ, возбуждавшихъ мое сомнѣніе, онъ подкрѣпилъ меня своимъ мнѣніемъ» [69]). Жаль, что отъ всѣхъ этихъ разговоровъ до насъ не дошло ничего, кромѣ немногихъ извѣстій, которыя принадлежатъ позднѣйшей порѣ и теперь значительно подтверждаются свидѣтельствомъ нашего романа [70]): все это было-бы крайне интересно для характеристики времени и тѣхъ двухъ личностей, въ которыхъ лучше всего выразились его двойственныя стремленія. Колуччіо и Марсили какъ будто созданы понимать другъ друга: тотъ и другой — люди переходной эпохи, истые итальянцы; историческіе предразсудки и преданія дантовскаго періода умѣрялись въ нихъ новыми требованіями жизни, въ особенности знакомствомъ съ классиками, которые помогли имъ отчасти освободиться отъ средневѣковой исключительности въ политикѣ и религіи. Если о Колуччіо мы позволили себѣ выразиться, что онъ былъ первый ученый между государственными людьми, то о Марсили мы готовы повторить то же самое, ограничиваясь кругомъ спеціально религіозныхъ вопросовъ. Онъ былъ представителемъ того равнодушія, или лучше сказать того свободнаго отношенія къ дѣлу религіи, которое мы выше назвали *богословіемъ флорентійской коммуны*, teologia del commune. Въ то самое время, какъ Салутати защищаетъ права народа противъ притязаній церкви, Марсили отстаиваетъ самостоятельность національной церкви на перекоръ соблазнамъ Авиньона. Извѣстно его «Посланіе противъ пороковъ папскаго двора» [71]); принимаясь комментировать сонеты Петрарки, онъ выбираетъ тѣ три, въ которыхъ авиньонская курія является не въ слишкомъ выгодномъ свѣтѣ [72]), и въ его объясненіи знаменитой канцоны Italia mia болѣе космополитическихъ вздоховъ Петрарки и патріотическихъ соображеній Колуччіо, чѣмъ обыкновенно мы вправѣ ожидать отъ духовнаго лица [73]). Послѣ этого нѣтъ ничего удивительнаго, если у флорентійскихъ гражданъ онъ пользовался хорошей славой, и они употребляютъ его въ по-

сольствахъ и политическихъ переговорахъ и отдаются ему на судъ въ дѣлѣ посланниковъ антипапы Климента, а въ 1389 году просятъ его къ себѣ въ епископы письмами, особо для того изготовленными къ Бонифацію IX [74]).—Что Марсили не былъ мистикомъ и понималъ науку не въ смыслѣ среднихъ вѣковъ, которые заключили ее въ монастырь, вдали отъ общества живыхъ людей, лучше всего доказываютъ темныя обвиненія, возводимыя на него противной стороною, которыя коммуна старается съ него снять [75]), и которымъ объясненіе мы думаемъ найдти въ слѣдующемъ сонетѣ Анджело Торини, посланномъ Луиджи Марсили, «mandato a maestro Loygi Marsilij: *)

La scienzia per virtù non è aprovata
Se non da chi la'ntende; e gl'ignoranti
Non posson, come sono donne e infanti,
La pregiare o può esser commendata.

Onde color che se l'ànno aquistata
Si den guardare, e non esser zelanti
A tal sesso, ma uomini costanti
Essa mostrare, da cui fia esaltata.

Et pertanto veder mi spiace molto
Tenere donne o in chiesa o concestoro
Da facundi in virtù religïosi;

Nè credo che'l valor sommo raccolto
Per Agustin, Geronimo e Gregoro
Per questo usar li fesse sì famosi.

Non a'visto qual d'esto oprar si carca
L'ozio religïoso del Petrarca? [76])

Нѣтъ ли здѣсь косвеннаго удара на бесѣды въ монастырѣ Санъ Спирито (in chiesa) и на другія дружескія сходки (o concestoro),

*) «Наука цѣнится настоящимъ образомъ лишь тѣми, кто ее понимаетъ; а невѣжды, каковы женщины и дѣти, не могутъ понять ея достоинствъ. Потому кто владѣетъ ею, долженъ быть остороженъ и не радѣть для прекраснаго пола, а поставить себѣ за правило раскрывать ее лишь тѣмъ, кто можетъ ее возвеличить. Оттого мнѣ очень непріятно видѣть, что духовныя лица, добродѣтельныя и краснорѣчивыя, принимаютъ женщинъ въ церкви или на дому. Не думаю я, чтобы Св. Августинъ, Іеронимъ и Григорій прославились такими дѣйствіями; а ты развѣ не знаешь, какъ они тяжело отразились на святомъ уединеніи Петрарки?»

въ которыхъ женщины и юноши (donne e infanti) могли принимать участіе, и гдѣ во всемъ блескѣ должна была выказываться обширная богословская и другая эрудиція нашего маэстро Лунджи? Людямъ вѣрующимъ такая секуляризація науки должна была казаться богопротивной: ее слѣдовало объявлять только людямъ опытнымъ и серьознымъ (uomini costanti), отъ этого она только выиграетъ, а не метать её передъ невѣждами (ignoranti), каковы женщины и дѣти: духовному лицу это неприлично. Набожность Анджело Торини была стариннаго закала: онъ человѣкъ прошлаго, отчасти имперіалистъ, но еще скорѣе человѣкъ церковной партіи и немного ханжа; онъ пишетъ *Краткое размышленіе о Божьихъ благодѣяніяхъ* [77]), которое посылаетъ съ посвятительнымъ сонетомъ почтеннымъ отцамъ на Монте Уливето: *)

Vattene a Monte Bene, ove congiunta
Troverài insieme in carità perfetta
L'eccelsa compagnia quivi colletta,
Della qual mia frequenzia è or disgiunta
Con mie pena.....

Онъ, стало быть, пріятель монаховъ и «честнаго отца донъ Джіованни делле Челле, ордена Валломброзы», который побудилъ его написать «краткій трактатъ о бѣдственной долѣ человѣка», и посвятить его «мудрому и благородному Карлу, графу ди Баттифолле, изъ именитаго рода графовъ Гвиди, своему лучшему другу». Изъ самаго заглавія ясно аскетическое содержаніе: отправившись отъ словъ бл. Августина въ Soliloquium: «Господи, дай мнѣ познать самого себя, дабы я могъ познать Тебя», мы приходимъ, по слѣдамъ автора, къ необходимости самопознанія, «имѣя въ виду наше ничтожество и безпомощность, и что сами по себѣ мы не имѣемъ и не можемъ достичь блага или добродѣтели, ни даже представить себѣ, если Господь не сподобитъ, и лишь на сколько сподобитъ» [76]).

Выше мы указали въ нѣсколькихъ словахъ на попытки религіознаго обновленія путемъ мистицизма, которыя начинаютъ обнаруживаться въ послѣднихъ годахъ XIV-го вѣка: это періодъ, когда въ Италіи процвѣтали блаженный Лоренцо да Рипафратта и св. Кіара Гамбакорти, св. Катерина Сіэнская и бл. Джіованни

*) «Ступай въ Монте Бене, гдѣ найдешь собравшееся вкупѣ высокое общество, полное истиннаго милосердія, отъ котораго, къ сожалѣнію, я отдаленъ теперь».

Доминичи. Вспомнимъ, что и въ Германіи это вѣкъ Таулера и Экгарта, доминиканскихъ мистиковъ и Братьевъ свободнаго духа: проявленіе вообще не новое, возводимое до персидскихъ Суфи, но всегда свидѣтельствующее объ извѣстной общественной усталости, которая ищетъ призрачнаго отдыха. Такъ и теперь, на межѣ новаго столѣтія и грядущей культуры возрожденія, общество упустило изъ рукъ нить средневѣковаго преданія и волнуется, силясь захватить ее снова и добывая прежняго покоя. Но это оказывалось невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ единство умственнаго и общественнаго развитія было потревожено разными внѣшними вліяніями и политическими перемѣнами, какія привела съ собою сама исторія. И вотъ въ то время, какъ одни лихорадочно схватываются за дѣдовское наслѣдье, ища своими мистическими порывами вдохнуть въ него новую жизнь и примѣнить къ новымъ потребностямъ,—другіе мужественно идутъ на встрѣчу принципамъ, которымъ принадлежитъ будущее. Блаженный Джіованни Доминичи еще разъ собираетъ въ своей *Regola del governo di cura familiare* [79]) наставленія средневѣковыхъ нравоучителей и пишетъ посланія къ Бартоломмеа дельи Альберти, исполненныя самой возвышенной мистики. Другіе трудятся надъ преобразованіемъ монастырскаго общежитія, и сіэнская святая странствуетъ по Италіи, проповѣдуя нравственное исправленіе, призывая въ одно и то же время къ крестовому походу и къ миру, во имя «Іисуса сладчайшаго, Іисуса любви» (Gesù dolce, Gesù amore). И между тѣмъ, какъ такимъ образомъ обновляются идеалы прошлаго, иной процессъ обновленія готовится на сходкахъ въ Санъ Спирито, гдѣ «quolibeta fratrum» уже начинаютъ отметаться, какъ никому не нужное орудіе [80]). Самъ Луиджи Марсили безсознательно содѣйствуетъ этому отверженію, хотя по другимъ сторонамъ его дѣятельности мы могли бы заключить противное: онъ человѣкъ переходной поры, а переходныя эпохи всегда безсознательны, потому что еще наканунѣ выбора, еще въ исканіи принципа, когда общество сбилось съ стараго пути и не успѣло рѣшиться на новый, очень естественно, что оно колеблется и долго стоитъ на распутіи, пытая то тотъ, то другой путь, будто въ боязни дурно выбрать, если рѣшится слишкомъ быстро. Оттого мы видимъ, что молодые люди выносятъ изъ бесѣдъ Марсили наученія древности и образцы классическихъ авторовъ, которые помогутъ имъ сдѣлаться въ слѣдующемъ столѣтіи главными проводниками языческой эрудиціи; и въ то же время читаемъ въ

въ которыхъ женщины и юноши (donne e infanti) могли принимать участіе, и гдѣ во всемъ блескѣ должна была выказываться обширная богословская и другая эрудиція нашего маэстро Луиджи? Людямъ вѣрующимъ такая секуляризація науки должна была казаться богопротивной: ее слѣдовало объявлять только людямъ опытнымъ и серьознымъ (uomini costanti), отъ этого она только выиграетъ, а не метать её передъ невѣждами (ignoranti), каковы женщины и дѣти: духовному лицу это неприлично. Набожность Анджело Торини была стариннаго закала: онъ человѣкъ прошлаго, отчасти имперіалистъ, но еще скорѣе человѣкъ церковной партіи и немного ханжа; онъ пишетъ *Краткое размышленіе о Божьихъ благодѣяніяхъ* [77]), которое посылаетъ съ посвятительнымъ сонетомъ почтеннымъ отцамъ на Монте Уливето: *)

Vattene a Monte Bene, ove congiunta
Troverài insieme in carità perfetta
L'eccelsa compagnia quivi colletta,
Della qual mia frequenzia è or disgiunta
Con mie pena.....

Онъ, стало быть, пріятель монаховъ и «честнаго отца донъ Джіованни делле Челле, ордена Валломброзы», который побудилъ его написать «краткій трактатъ о бѣдственной долѣ человѣка», и посвятить его «мудрому и благородному Карлу, графу ди Баттифолле, изъ именитаго рода графовъ Гвиди, своему лучшему другу». Изъ самаго заглавія ясно аскетическое содержаніе: отправившись отъ словъ бл. Августина въ Soliloquium: «Господи, дай мнѣ познать самого себя, дабы я могъ познать Тебя», мы приходимъ, по слѣдамъ автора, къ необходимости самопознанія, «имѣя въ виду наше ничтожество и безпомощность, и что сами по себѣ мы не имѣемъ и не можемъ достичь блага или добродѣтели, ни даже представить себѣ, если Господь не сподобитъ, и лишь на сколько сподобитъ» [76]).

Выше мы указали въ нѣсколькихъ словахъ на попытки религіознаго обновленія путемъ мистицизма, которыя начинаютъ обнаруживаться въ послѣднихъ годахъ XIV-го вѣка: это періодъ, когда въ Италіи процвѣтали блаженный Лоренцо да Рипафратта и св. Кіара Гамбакорти, св. Катерина Сіэнская и бл. Джіованни

*) «Ступай въ Монте Бене, гдѣ найдешь собравшееся вкупѣ высокое общество, полное истиннаго милосердія, отъ котораго, къ сожалѣнію, я отдаленъ теперь».

Доминичи. Вспомнимъ, что и въ Германіи это вѣкъ Таулера и Экгарта, доминиканскихъ мистиковъ и Братьевъ свободнаго духа: проявленіе вообще не новое, возводимое до персидскихъ Суфи, но всегда свидѣтельствующее объ извѣстной общественной усталости, которая ищетъ призрачнаго отдыха. Такъ и теперь, на межѣ новаго столѣтія и грядущей культуры возрожденія, общество упустило изъ рукъ нить средневѣковаго преданія и волнуется, силясь захватить ее снова и добывая прежняго покоя. Но это оказывалось невозможнымъ съ тѣхъ поръ, какъ единство умственнаго и общественнаго развитія было потревожено разными внѣшними вліяніями и политическими перемѣнами, какія привела съ собою сама исторія. И вотъ въ то время, какъ одни лихорадочно схватываются за дѣдовское наслѣдье, ища своими мистическими порывами вдохнуть въ него новую жизнь и примѣнить къ новымъ потребностямъ,—другіе мужественно идутъ на встрѣчу принципамъ, которымъ принадлежитъ будущее. Блаженный Джіованни Доминичи еще разъ собираетъ въ своей *Regola del governo di cura familiare* [79]) наставленія средневѣковыхъ нравоучителей и пишетъ посланія къ Бартоломмеа дельи Альберти, исполненныя самой возвышенной мистики. Другіе трудятся надъ преобразованіемъ монастырскаго общежитія, и сіэнская святая странствуетъ по Италіи, проповѣдуя нравственное исправленіе, призывая въ одно и то же время къ крестовому походу и къ миру, во имя «Іисуса сладчайшаго, Іисуса любви» (Gesù dolce, Gesù amore). И между тѣмъ, какъ такимъ образомъ обновляются идеалы прошлаго, иной процессъ обновленія готовится на сходкахъ въ Санъ Спирито, гдѣ «quolibeta fratrum» уже начинаютъ отметаться, какъ никому не нужное орудіе [80]). Самъ Луиджи Марсили безсознательно содѣйствуетъ этому отверженію, хотя по другимъ сторонамъ его дѣятельности мы могли бы заключить противное: онъ человѣкъ переходной поры, а переходныя эпохи всегда безсознательны, потому что еще наканунѣ выбора, еще въ исканіи принципа, когда общество сбилось съ стараго пути и не успѣло рѣшиться на новый, очень естественно, что оно колеблется и долго стоитъ на распутіи, пытая то тотъ, то другой путь, будто въ боязни дурно выбрать, если рѣшится слишкомъ быстро. Оттого мы видимъ, что молодые люди выносятъ изъ бесѣдъ Марсили наученія древности и образцы классическихъ авторовъ, которые помогутъ имъ сдѣлаться въ слѣдующемъ столѣтіи главными проводниками языческой эрудиціи, и въ то же время читаемъ въ

высшей степени набожныя письма того же Марсили къ Гвидо ди мессеръ Томмазо, въ которыхъ онъ доказываетъ ему, что о смерти и потерѣ вещественныхъ благъ нечего заботиться, когда духовное благо упрочено (mostrandogli che la morte e la perdita de' beni temporali non sono da curare se lo spirituale bene sta fermo), иной разъ спрашиваетъ, «въ состояніи ли мы сами судить, достойны ли мы ненависти или любви» и т. п. [81]). Въ этомъ отношеніи въ высшей степени знаменательно для характеристики религіознаго броженія умовъ въ концѣ XIV-го вѣка собраніе назидательныхъ писемъ донъ Джіованни делле Челле и Луиджи Марсили къ Гвидо ди мессеръ Томмазо, къ Донато шорнику, къ сэръ Лапо Маццеи, флорентійскому нотаріусу и др. [82]). Всѣ они написаны въ подобномъ же стилѣ: любопытный памятникъ этой разносторонней цивилизаціи, которой предстоялъ выборъ между вѣрованіями прошлаго и надеждами будущаго. Въ нашемъ романѣ мы встрѣчаемъ образцы того и другаго,—рядомъ съ друзьями Колуччіо и Марсили—знакомыхъ Джіованни делле Челле и Анджело Торини. Мы говоримъ о Гвидо ди мессеръ Томмазо и графѣ Карлѣ ди Поппи.

Гвидо ди мессеръ Томмазо ди Нери ди Липпо дель Паладжіо былъ, по словамъ Поджіо, человѣкъ великой святости жизни, а Микеле ди Нофри дель Джіоганте [83]) называетъ его «знаменитымъ флорентійскимъ гражданиномъ, которому не найдешь подобнаго; мужество соединялось въ немъ съ добротой и милосердіемъ; онъ былъ богатъ земными благами и большой милостинникъ, къ тому же честный гражданинъ, потому что кто умѣетъ управлять деньгами, тотъ съумѣетъ управлять и всѣмъ другимъ». Съ этою репутаціей человѣка набожнаго и сердобольнаго и съ его дружескими отношеніями къ донъ Джіованни [84]) очень хорошо согласуется свѣдѣніе, которое мы о немъ имѣемъ, будто онъ возстановилъ и устроилъ монастырь св. Франциска делла Риформа, на взгорьѣ по дорогѣ къ Фьезоле, приходившій въ ветхость [85]). Это не мѣшало ему быть политическимъ дѣятелемъ и хорошимъ патріотомъ. Возведенный въ рыцарскій санъ сначала партіей Чомпи, а потомъ республикой (18-го Октября 1378 г.), онъ нѣсколько разъ былъ посылаемъ ею по разнымъ порученіямъ. Такъ мы встрѣчаемъ его вмѣстѣ съ Ліонардо ди Николо Фрескобальди, посланниками къ намѣстнику короля Карла въ Ареццо, «чтобы удалить оттуда отрядъ графа Альберигo ди Барбіано и другой подъ начальствомъ Виллануччьо, которые находились

тогда въ этомъ городѣ, предавая его грабежу»; въ 1385-мъ году онъ вмѣстѣ съ Джіованни деи Риччи, докторомъ, посланъ къ Карлу ди Дураццо; въ 1389 въ числѣ тѣхъ лицъ, которыя со стороны Флоренціи заключили пизскую лигу; въ 1391—2 онъ въ Генуѣ устраиваетъ миръ между Флорентійцами и Висконти; въ 1395 онъ опять идетъ посломъ къ Conte di Virtù, а три года спустя къ Венеціанцамъ. Въ 1388, 1390 и 1395 годахъ онъ занимаетъ должность одного изъ *dieci di balìa*, а въ маѣ и іюнѣ 1394 г. избранъ въ *gonfaloniere di giustizia* [86]). Онъ умеръ 25-го Августа 1399-го года: «1399, 25 Augusti, decessit Guido Domini Tomasi pop. s. Michaelis Bisdomini. Sepultus fuit in ecclesia Annuntiate» [87]); и чувствовалъ себя уже слабымъ и хворымъ (corpore languens), когда 14-го числа того же мѣсяца онъ сдѣлалъ завѣщаніе, «suum nuncupativum testamentum, quod dicitur sine scriptis», по которому назначалъ вѣчныя милостыни, а первые доходы въ продолженіи извѣстнаго времени обращалъ на поправки и передѣлки своего любимаго монастыря во Фьезоле [88]). Какимъ онъ былъ отличнымъ гражданиномъ—лучше всего доказываютъ замѣчательныя слова, произнесенныя имъ при заключеніи мира съ Висконти: «когда стали говорить о сохраненіи мира и договаривавшіеся выразили мнѣніе, что для того необходимо каждой сторонѣ представить вѣрныхъ поручителей, Гвидо съ удивительнымъ величіемъ души отвѣчалъ: лучшимъ ручательствомъ пусть будетъ мечь, такъ какъ Джіованни Галеаццо испыталъ наши силы, а мы испытали его» [89]). Въ этихъ словахъ такъ и слышится гордое и великодушное сердце златовласой красавицы, которую онъ такъ любилъ: «magnanimo, possente core altero, E disdegnoso e fero» [90]). Эта красавица была его дорогая Флоренція.

Гвидо былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Робертомъ и *Карломъ*, графами Баттифолле и Поппи, и мы уже имѣли случай указать выше, какъ съ послѣднимъ изъ братьевъ его связывала общая пріязнь къ донъ Джіованни делле Челле. Въ то время, когда происходили сборища въ Парадизо, описанныя нашимъ романистомъ, графа Роберта уже не было въ живыхъ (†1374—5), и Гвидо вспоминаетъ съ сожалѣніемъ его веселое общество, когда онъ такъ отвѣчалъ графу Карлу, просившему его разсказать какую нибудь новеллу: «увѣряю васъ отъ чистаго сердца, что нигдѣ мнѣ не приводилось слышать столько великолѣпныхъ, забавныхъ и пріятныхъ разсказовъ, какъ когда еще живъ былъ

мужественный и блестящій братъ вашъ, графъ Робертъ, счастливой памяти, славный и наученый во всякой добродѣтели. И сами вы, вѣроятно, не позабыли, какъ часто случалось, что солнце успѣетъ нѣсколько разъ пройдти весь звѣздный поясъ зодіака,— а мы все еще тѣшимся и забавляемся въ веселомъ Прато Веккіо, и такъ не одинъ день» [91]). Робертъ былъ любителемъ литературы, поддерживая писменную корреспонденцію съ Петраркой, который хвалитъ его за латинскій стиль; онъ самъ былъ отчасти поэтомъ и большой приверженецъ флорентійской республики, которая не разъ поручала ему начальство надъ своей собственной милиціей. Видно, графъ Карлъ открыто принялъ политическую программу своего брата, когда Луиджи Марсили въ нашемъ романѣ могъ похвалить его за то, что онъ заслужилъ расположеніе «нашей флорентійской республики, не иначе на тебя взирающей, какъ на своего дорогаго, добраго, единственнаго сына, постоянный источникъ радости, свою надежду и утѣшеніе»: между тѣмъ какъ его сосѣди, т. е. гибеллинскіе феодалы, которые не желали мира съ горожанами, истреблены и разграблены въ наказаніе за гордость и хищность, «и ихъ могущество пришло къ концу до такой степени, что они съ яростью видятъ свои обстоятельства разстроенными, самихъ себя обнищалыми» [92]). Анджело Торини былъ такимъ образомъ правъ, когда, воспѣвая великое благоразуміе обоихъ братьевъ, побуждающее ихъ повиноваться всякому желанію республики, онъ обращался къ нимъ съ слѣдующимъ сонетомъ: *)

Non credo che que'nobili gemelli
Poluce e Castor, cui cantando tanto
Esaltano i poeti, in nessun canto
Aggiungano al valore de'due fratelli

Ruberto e Carlo; i cui costumi belli,
Li abiti onesti, umil, benigni quanto

---

*) «Касторъ и Поллуксъ, которыхъ поэты такъ величаютъ въ своихъ пѣсняхъ, ни въ какомъ отношеніи не сравняются доблестями съ двумя братьями Робертомъ и Карломъ. Своими изящными нравами, скромнымъ и благодушнымъ обхожденіемъ, они заслуживаютъ большей славы—на сколько позволяетъ христіанская религія. Какъ солнцу врожденъ свѣтъ, такъ имъ всякія добродѣтели, изъ которыхъ двѣ всего необходимѣе для преуспѣянія: любить другъ друга и благоразумно слѣдовать желаніямъ великой коммуны, которая ихъ усыновила и отечески любитъ. Потому пусть слѣдуютъ ей, а не какой нибудь партіи».

A'magnanimi cede i'rito santo,
Mertan più gloria che non fero quelli.

Et qual nel sole innato è lo splendore,
Tal è in costoro ogni virtù; ma sole
Due son necesse aumentare li stati:

Caritate intra se, e con amore
Guardarsi, e *con prudenza ciò che vole*
Il gran Comun seguir, che li à adottati

Per suoi figliuoli, e qual padre gli affetta:
Ma seguan lui, e non nulla sua setta [95]).

Графы Баттифолле представляютъ собою въ буржуазномъ обществѣ Парадизо зáмокъ рядомъ съ коммуною, феодальное преданіе, но уже съ гвельфскимъ оттѣнкомъ, замѣтно смягченное сосѣдствомъ свободнаго города. Кромѣ графа Карла, властителя Поппи (signore di Poppi), о которомъ только-что была рѣчь [94]), мы знакомимся еще съ дочерью его *Маргаритой*, замужемъ за Альдобрандино Аріосто изъ Феррары, и племянникомъ *Симономъ*, сыномъ графа Роберта, пріятеля Петрарки: всѣ той гвельфской вѣтви графовъ Гвиди, которые, отдѣлившись при первомъ Симонѣ ди Поппи отъ гибеллинской политики Гвидо Новелло, становятся впослѣдствіи самыми вѣрными союзниками флорентійской республики, дѣля ея судьбу. Послушать нашего графа Симона, какъ онъ тихо да мирно разсуждаетъ съ горожанами о лучшемъ образѣ правленія, поневолѣ признаешь въ немъ потомка того Гвидо Гверра [95]), который въ 1208 даровалъ знаменитую конституцію своимъ подданнымъ въ Viscontado di Valdambra; [96]) только этотъ потомокъ сталъ демократичнѣе и ощутилъ не себѣ прогрессъ цѣлыхъ столѣтій. Мы чувствуемъ, что оставили далеко позади себя «ядовитыя распри гвельфовъ и гибеллиновъ» [97]); ссылки на божественное право стали теперь невозможны, и феодалъ начинаетъ разсуждать. Сначала онъ считаетъ «возможнымъ положительно утверждать, что правленіе многихъ есть лучшее и болѣе безопасное»; если тотчасъ послѣ этого онъ приходитъ къ противоположному заключенію, что «правленіе хорошаго властителя, который можетъ предусмотрѣть всѣ случайности, лучше и вѣрнѣе» [98])—это не старый гибеллинскій отголосокъ и не крикъ побѣжденной партіи, какъ у Антоніо дельи Альберти, призывавшаго на Флоренцію судьбу Помпея въ Өессаліи; не дантовское

réminiscence, какъ часто у Савіоццо, а скорѣе безсознательное повтореніе средневѣковой политической доктрины, никогда не понимавшей свободы саму въ себѣ, но всегда внѣшнимъ образомъ, вѣчно опирающуюся на одинъ изъ символическихъ мечей свѣтской или духовной власти. На эти мечи еще продолжали ссылаться люди, когда вѣра въ нихъ уже стала дѣломъ прошлаго, и ея мѣсто заняла привычка. Такъ Анджело Торини привѣтствуетъ отъ имени Флоренціи прибытіе папы Урбана V и въ то же время взываетъ къ Карлу IV, «sommo monarca, Cesare dignisimo» [99]); если графъ Симонъ беретъ въ спорѣ сторону имперской политики, онъ точно также отдается этой безотчетной косности мысли, которую одѣваетъ въ формулы обычной логики. Но съ нимъ можно уже спорить, и онъ легко убѣждается, если кто нибудь съумѣетъ доказать противное. Въ обществѣ горожанъ онъ легко встрѣтитъ человѣка, который разовьетъ ему тезисъ стараго Сигьера, что хорошіе законы лучше хорошаго правителя,—того самаго Сигьера, который въ Парижѣ былъ наставникомъ Данте и въ дантовскомъ раѣ помѣщенъ рядомъ съ Альбертомъ Великимъ и Ѳомой Аквинатомъ. Роль оппонента принимаетъ на себя богословъ коммуны Луиджи Марсили. О многихъ правительственныхъ формахъ писали великіе философы, говоритъ онъ, и безъ сомнѣнія нѣтъ ничего лучше и совершеннѣе, чѣмъ правленіе благодушнаго и справедливаго монарха, не подчиненнаго никакимъ законамъ, потому что всѣ они у него въ сердцѣ. Его можно уподобить доброму отцу семейства, который управляетъ своими дѣтьми болѣе въ виду ихъ пользы, чѣмъ для своей собственной. Другая форма государственнаго устройства та, гдѣ рядятъ многіе,—это правленіе хорошаго закона, потому что ему должны одинаково подчиняться всѣ правящіе, на какой-бы высокой степени они ни стояли; ихъ отношенія подобятся отношеніямъ жены къ мужу, который хотя и глава жены, все-же не можетъ относиться къ ней какъ къ рабѣ, но тотъ и другой призваны жить по законамъ брака. Наконецъ третья форма правленія, тиранническая, приравнивается къ отношеніямъ господина къ своему рабу.—Возвращаясь послѣ общаго обозрѣнія снова къ монархіи, Марсили приступаетъ къ ней съ самыми идеальными требованіями: монархъ долженъ превосходить всѣхъ другихъ людей добродѣтелями души и тѣла и, по словамъ Аристотеля, обладать скорѣе божественными, чѣмъ человѣческими совершенствами. Въ такомъ только случаѣ онъ достоинъ своего

званія; если нѣтъ въ немъ требуемыхъ добродѣтелей или онъ предался порокамъ, онъ не монархъ, а скорѣе тиранъ. Графу Симону вольно изъ всего этого заключить, что правленіе праведнаго монарха есть лучшее; но, такъ какъ подобные божественные люди встрѣчаются рѣдко, то въ высшей степени опасно отдаться подъ власть одного, принимая особенно въ разсчетъ, что люди непостоянны и съ годами измѣняются. Вспомнимъ римскую исторію: самый счастливый и совершенный изъ римскихъ императоровъ Октавіанъ Августъ былъ извѣстный мучитель и убійца не только вообще гражданъ, но своихъ защитниковъ и приверженцевъ. О Тиберіи, Калигулѣ и Неронѣ нечего и говорить. Скажемъ-ли мы, что подъ властью такихъ правителей имперія могла существовать? Развѣ это справедливые монархи? Римская имперія оттого и погибла, что не управлялась ни хорошими государями, ни хорошими законами [100]). Выборъ между тѣмъ и другимъ ясенъ для Марсили, и онъ дѣлаетъ его не обинуясь: хорошіе законы найдти не трудно, справедливаго государя почти невозможно [101]). Бесѣды въ Парадизо являлись такимъ образомъ мирнымъ поприщемъ, на которомъ принципы новаго права сходились съ отголосками стараго, и феодализмъ сливался съ коммуной, и слово заступало мѣсто меча.

Между этими людьми, толкующими о дѣлахъ и политикѣ, казалось-бы нѣтъ мѣста человѣку, котораго по самой природѣ его мы сочли-бы нелюдимомъ. Слѣпой отъ рожденія, живаго ума, отчасти поэтъ и слегка ученый, впрочемъ въ старинномъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ Данте и quadrivium, но прежде всего замѣчательный музыкантъ: мы говоримъ о *Франческо Ландини* (1325†1397), по прозванію *Cieco* (слѣпой) или *degli Organi* (Organista) [102]). Онъ родился во Флоренціи отъ отца Якова, живописца; онъ былъ еще ребенкомъ, когда оспа (subito morbo di vajolo) лишила его зрѣнія и заставила обратиться внутрь самого себя. Міръ звуковъ и думъ одинъ остался открытымъ для незрячаго, и вотъ нашъ Франческо становится вдумчивымъ и музыкантомъ. Филиппо Виллани разсказываетъ о немъ, что, «выйдя изъ младенческаго возраста, лишенный зрѣнія и уже сознавая все бѣдствіе слѣпоты, чтобы какой нибудь забавой облегчить ужасъ вѣчной ночи, онъ началъ по-ребячески пѣть; впослѣдствіи, когда выросъ и сталъ понимать сладость мелодіи, принялся пѣть по ученому (secondo l'arte), сначала безъ аккомпанимента (prima con viva voce), но потомъ и аккомпанируя себѣ на струнныхъ ин-

струментахъ и на органѣ». Такъ развиваясь одиноко, онъ научился играть на разныхъ инструментахъ, а иные изобрѣлъ самъ, «никогда имъ не видѣнные», между которыми былъ одинъ, названный имъ *сиреной* (serena), по причинѣ нѣжнаго звука [103]). Современники удивлялись тонкому искусству, съ которымъ онъ по частямъ разбиралъ органъ, «составленный изъ столькихъ трубочекъ, такъ хитро устроенный внутри, сложенный изъ столь разнообразныхъ частей», и потомъ, настроивши, снова приводилъ въ прежній порядокъ. На этомъ инструментѣ онъ былъ великій искусникъ: «и не безполезно будетъ узнать, что никто никогда лучше его не игралъ на органѣ; почему впослѣдствіи, съ общаго согласія всѣхъ музыкантовъ, уступавшихъ ему пальму первенства, его величество король Кипрскій публично короновалъ его въ Венеціи лавровымъ вѣнкомъ, какъ въ былое время цесари вѣнчали поэтовъ». [104])

Франческо былъ также поэтъ, хотя съ этой стороны онъ, кажется, не заслужилъ особенной извѣстности. Виллани говоритъ о немъ, что онъ въ совершенствѣ изучилъ грамматику и діалектику и упражнялся въ поэтическомъ искусствѣ, въ метрахъ и вымыслахъ, и многія очень хорошія стихотворенія написалъ по-итальянски. Отъ всего этого до насъ дошло лишь очень немногое, такъ что легче встрѣтить въ старинныхъ рукописяхъ имя Франческо, какъ слагателя музыки на чужія слова [105]), чѣмъ его собственныя поэтическія произведенія. Всего сохранилось отъ него нѣсколько любовныхъ баллатъ [106]), латинскія вирши, обращенныя къ Антоніо Pievano di Vado въ защиту Оккамовой логики—родъ дантовскаго видѣнія, полное дантовскихъ отголосковъ; другіе стихи тоже латинскіе, имъ же самимъ переложенные на итальянскій языкъ, на тему о непостоянствѣ всего земнаго [107]); наконецъ отвѣтъ на сонетъ Франко Саккетти, тоже въ формѣ сонета и съ соблюденіемъ тѣхъ же риѳмъ, въ которомъ онъ проситъ его разъяснить: *)

Se per segno mirar, che dal ciel vegni,
Dover tosto finir e'l monte e'l piano
Pensar si può. [108]).

Такимъ образомъ Франческо представляется намъ скорѣе мыслителемъ, увлекающимся философскими отвлеченностями, которыя онъ любитъ переводить въ стихи, чѣмъ поэтомъ по приз-

*) «Можно ли по небесному знаменію судить, что скоро всему конецъ, горамъ и долинамъ?»

ванію, и нашъ романистъ очень удачно его характеризуетъ, называя его музыкантомъ *теоретикомъ и практикомъ* (musico teorico e pratico), который не только до тонкостей владѣлъ отвлеченнымъ ученіемъ о музыкальныхъ размѣрахъ и съ великою пріятностью прилагалъ его на дѣлѣ, но еще вступалъ въ пренія съ любымъ артистомъ и философомъ не объ одной музыкѣ, но и о всѣхъ свободныхъ искусствахъ, потому что обо всѣхъ онъ имѣлъ хорошія свѣдѣнія [109]). Христофоръ Ландино, извѣстный комментаторъ Данте, прадѣдъ котораго приходился братомъ нашему Франческо, не иначе о немъ отзывается въ элегіи, написанной въ его похвалу:

Sed nec tu fueras una contentus in arte
Cum posses veterum dogmata nosse patrum,
Nam solers rerum causas penitusque repostae
Naturae occultas tendis inire vias;
Et quod terrenis oculis vidisse negatum est,
Cernere mente parens Calliopea dedit.

Точно также въ своей Апологіи Данте и Флоренціи (Apologia nella quale si difende Dante e Firenze da'falsi calunniatori) онъ называетъ Франческо «ученымъ въ философіи, ученымъ въ астрологіи, но ученѣйшимъ въ музыкѣ» (non indotto in Filosofia, non indotto in Astrologia, ma in Musica dottissimo). Такое сопоставленіе музыки съ астрологіей не безъинтересно для характеристики времени: это все еще точка зрѣнія средневѣковаго quadrivium, какъ и раздѣленіе музыки на практическую и теоретическую, замѣченное нами въ нашемъ романѣ [110]). Первая отвѣчаетъ тому, что̀ обозначалось средневѣковымъ терминомъ *cantus*, въ отличіе отъ собственно *musica*, которая только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ входила въ составъ quadrivium вмѣстѣ съ ариѳметикой, геометріей и астрономіей. Такая систематизація знанія, сопоставляющая музыку съ науками точными, имѣла для средневѣковаго человѣка метафизическій смыслъ, который мы теперь въ состояніи лишь смутно ощущать. Музыкантъ-теоретикъ долженъ былъ излагать соотношенія своего искусства съ ариѳметикой, съ гармоніей небесныхъ свѣтилъ и законами акустики; отъ него ожидалось знаніе звуковъ съ ихъ интервалами, ихъ мѣрой и созвучіемъ, родами и видами. «Наука эта была въ большой чести въ среднихъ вѣкахъ, равно какъ и въ древности, и не было сколько нибудь замѣчательнаго человѣка, который бы не

сдѣлалъ ея предметомъ внимательнаго изученія. О ней говорили какъ о занятіи, развивающемъ духъ и способствующемъ благочестію вслѣдствіе ея участія въ торжественности христіанскихъ церемоній. Боэцій помѣщаетъ ее въ числѣ тѣхъ четырехъ наукъ, безъ помощи которыхъ невозможно достигнуть истины, а св. Исидоръ говоритъ, что не менѣе заслуживаетъ порицанія незнающій музыки, чѣмъ тотъ, кто не умѣетъ читать: потому что безъ нея ни одна наука не можетъ достигнуть совершенства. Съ воображеніемъ, расположеннымъ ко всему тайному и сверхъестественному, средневѣковой человѣкъ страстно отдавался занятію, раскрывавшему ему широкіе горизонты мистицизма. Вмѣстѣ съ Цицерономъ въ сновидѣніи Сципіона онъ всюду чаялъ какую-то гармонію: въ міровомъ устройствѣ, въ смѣнѣ временъ года, въ соединеніи души съ тѣломъ. Изучая музыку, онъ надѣялся усовершенствоваться въ грамматикѣ и риторикѣ: писатель обращался къ ней за наставленіями, какъ звучнѣе расположить свои періоды, ораторъ искалъ въ ней интонаціи голоса, какія приличны каждой части рѣчи. Все это ученіе, переданное древностію Боэцію, Донату и Бедѣ Достопочтенному, воспроизводится потомъ отъ IX-го до XIII вѣка въ трудахъ Алкуина, Одона Клюньійскаго, Ноткера, Регинона de Prum и другихъ схоластиковъ». [111]) Разумѣется, схоластики и мистики одѣли его въ обычный символическій покровъ: музыка явилась образомъ церкви; четыре основныхъ тона—это четыре стихіи макрокозма, четыре темперамента человѣка, четыре времени дня и года, четыре Евангелія,—и Marchettus изъ Падуи приходилъ въ священный восторгъ передъ чуднымъ древомъ музыки: какъ прекрасно, въ какихъ численно правильныхъ разстояніяхъ расположены его вѣтви; его цвѣты—мелодіи, плоды—гармоніи, вызрѣвающія изъ звучнаго цвѣта.

На рубежѣ XIV-го столѣтія, когда Возрожденіе готовилось преобразить старые критеріи науки, Колуччіо Салутати еще повторяетъ слова св. Исидора, что «sine musica nulla disciplina potest esse perfecta» [112]), въ письмѣ къ флорентійскому епископу, рекомендуя ему Франческо *Cieco*. Кажется, что поле музыки стало даже шире, распространившись на область медицины: такую силу жизненности продолжаетъ еще обнаруживать схоластическое преданіе. «Мы охотно вѣримъ, пишетъ онъ, что музыка, самое пріятное занятіе для людей, изобрѣтена была, чтобы веселить духъ и успокоивать грусть нашего сердца. Она одна, разумно соразмѣряя нашъ голосъ (perspicaci moderatione

distinguens), устроила такъ, что онъ представляется нашему слуху не только понятнымъ, но и благозвучнымъ; она озарила грамматику, смягчила суровость діалектики и сообщила неописанную сладость цвѣтамъ риторики. Такимъ образомъ, привлекши умы къ созерцанію красоты, она первая прилежно изслѣдовала соотношеніе чиселъ и, измѣряя голосъ, какъ твердыя тѣла, можно сказать, достигла пониманія тонкостей геометріи. Что до медицины, назначенной для сохраненія и лѣченія тѣла, какъ моглабы она безъ помощи этой науки созерцать состояніе членовъ и ту гармонію, которая, говорятъ, присуща смертнымъ? О ней утверждаютъ также, что, наблюдая движеніе небесныхъ свѣтилъ, чтобы раскрыть дивные законы небеснаго устройства (perfectum concentum supernae machinae), она первая пришла къ опредѣленію разстоянія, качества и самой природы небесъ, откуда впослѣдствіи вышла наука о свѣтилахъ, или, по крайней мѣрѣ, сообщился послѣдней бóльшій блескъ. Наконецъ и у древнихъ она была въ такомъ уваженіи, что сложилась басня объ Орфеѣ и Амфіонѣ, какъ они звуками киѳары двигали камни, скалы, деревья и горы, останавливали рѣки; объ Аріонѣ, какъ среди волнъ помощью дельфиновъ онъ избѣжалъ козней пиратовъ. Но зачѣмъ припоминать басни, когда Священное Писаніе повѣствуетъ намъ о киѳарѣ Давида, изгнавшей демона, соблазнявшаго царя? Въ такой чести было это искусство издавна у людей, что на царскихъ пирахъ оно было дорогимъ гостемъ и язычниками освящено особенно на служеніе божеству, какъ и теперь еще по обычаю истинной религіи. Тѣхъ, кто имъ занимался, языческое суевѣріе причислило къ богамъ; но и среди насъ они пользуются немалымъ почетомъ, потому что помощью ихъ смягчаются суровые нравы народа, сладость мелодіи чаще привлекаетъ къ служенію Богу: такъ что, кажется, между мудрыми людьми не пройдетъ ни одного пиршества, которое-бы не украшалось игрой музыкантовъ» [113]).

Въ обществѣ Парадизо эта роль отдана Франческо; при звукахъ его органа всѣ развеселяются, молодые люди пляшутъ и поютъ, старики подтягиваютъ басомъ; иногда во все это вмѣшивается какъ будто доля того чудеснаго, которое въ древности дало содержаніе баснѣ объ Аріонѣ и дельфинахъ. Когда Франческо попросили съиграть на своемъ органѣ, увидѣли странное явленіе: «потому что едва раздались первые звуки, какъ всѣ птицы примолкли и, какъ будто изумленныя, подлетая ближе и

ближе, долгое время прислушивались; за тѣмъ стали пѣть снова съ удвоенной силой и неизъяснимою прелестью, особенно одинъ соловей, который на разстояніи локтя подлетѣлъ къ Франческо и его органу». [114]) Было много наивной поэзіи въ этихъ повѣрьяхъ среднихъ вѣковъ, въ гармоніи музыки видѣвшихъ символическое выраженіе міровой гармоніи; въ этомъ смыслѣ мы готовы повторить о Франческо, что онъ продолжалъ средневѣковую традицію, что его наука была наука Данте и квадривія.

До сихъ поръ мы говорили подробнѣе, на сколько позволяли скудныя свѣдѣнія, какія возможно было собрать, о нѣкоторыхъ изъ личностей, сошедшихся въ сады Парадизо: потому что онѣ сравнительно представляютъ болѣе значенія, и мы владѣемъ большимъ количествомъ памятниковъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ дѣятельности, и потому еще, что въ нихъ яснѣе отражается, что̀ всего болѣе интересуетъ насъ въ этой эпохѣ: разнообразное броженіе соціальныхъ и литературныхъ идей, отличающее послѣдніе годы столѣтія. Но кругомъ нихъ группируются другіе люди, Флорентійцы и пришлые съ разныхъ концевъ Италіи, можетъ быть, не менѣе интересные для насъ, но о которыхъ мы или слишкомъ мало знаемъ, или знаемъ ихъ только какъ людей дѣловыхъ, политическихъ дѣятелей, не будучи въ состояніи оцѣнить ихъ участія въ умственномъ движеніи страны. Такимъ исключительно политическимъ дѣятелемъ былъ *Джіованни деи Риччи* (родившійся около 1330 года отъ Руджіерино ди Нери деи Риччи и Алессандры ди Лапо деи Росси): его долгая жизнь была однимъ нескончаемымъ рядомъ посольствъ. Въ 1367 г. онъ былъ въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ въ Витербо къ папѣ Урбану V, чтобы заключить союзъ противъ Бернабо̀ Висконти; въ 1384 присутствуетъ во Флоренціи при заключеніи лиги съ гражданами Перуджіи, Пизы и Лукки. Въ томъ же самомъ 1384 году «мессеръ Ринальдо Джіанфильяцци, Джіованни деи Риччи и Андреа Бетти, любезные флорентійскіе граждане, ходили въ октябрѣ мѣсяцѣ отъ флорентійской коммуны къ сиру di Cuscy, и ихъ путешествіе принесло хорошій плодъ по милости Божіей, которая ясно обнаружилась во всемъ этомъ дѣлѣ: потому что сказанные мессеръ Ринальдо и Бетти составили условіе и договоръ съ означеннымъ сиромъ di Cuscy, который держалъ городъ Ареццо за исключеніемъ крѣпости, державшейся короля Карла; вслѣдствіе чего 17 сентября онъ

сдалъ городъ Ареццо флорентійской коммунѣ» [115]). Выше мы видѣли того-же Джіованни деи Риччи вмѣстѣ съ Гвидо ди мессеръ Томмазо посланниками къ Карлу Дураццо въ 1385 году [116]); къ нему-же онъ отправленъ въ слѣдующемъ году, чтобы поздравить его съ коронаціей. Въ 1387 г. онъ является отъ квартала Санъ Джіованни въ числѣ трехъ гражданъ, выбранныхъ отъ каждаго квартала для участія во временномъ правительствѣ (balìa) [117]). «Въ началѣ новаго 1389-го года, на два первые мѣсяца котораго выбранъ гонфалоньеромъ di giustizia Никколò Манетти, Флорентійцы снова вошли въ сношеніе съ Болонцами и, научившись отъ Conte di Virtù искусству притворяться, послали къ нему Луиджи Гвиччардини и кавалера Джіованни деи Риччи, чтобы выразить свое удовольствіе касательно его падуанской побѣды, какъ они сдѣлали это относительно веронской, и вмѣстѣ сказать, что они не могли отвѣтить его посланникамъ по вопросу о лигѣ, потому что не договорились съ союзными республиками, но что теперь они на нее готовы для общей защиты. Графъ показалъ видъ, что это его въ высшей степени радуетъ, хотя впослѣдствіи и ничего между ними не состоялось, когда онъ началъ выговаривать себѣ очень выгодныя условія, не желая воздержаться отъ вмѣшательства въ итальянскія дѣла по сю сторону Модены и Секкіи. Это не помѣшало ему обнадеживать на словахъ посланниковъ, а тѣ принимали ихъ за чистую монету; такъ онъ задерживалъ ихъ къ немалому ущербу республики, которая вынуждена была въ апрѣлѣ снарядить новыхъ посланниковъ, кавалеровъ Герардо Буондельмонти и Лодовико Альберготти съ наказомъ, вмѣстѣ съ Гвиччардини и Риччи отправиться къ графу и добиться отъ него толку. Но и они, будто очарованные графомъ, не возвращались, какъ было имъ наказано и писано, такъ что синьорія увидѣла себя въ необходимости лишить ихъ власти и званія посланниковъ» [118]). Такое положеніе вещей, гдѣ обѣ стороны обмѣнивались притворными увѣреніями дружбы, не могло долго продолжаться, чтобы рано или поздно не прійдти къ разрыву. Такъ и случилось. Еще разъ мы находимъ нашего Риччи въ 1389 году посланникомъ при папскомъ дворѣ съ поздравленіемъ Бонифацію IX по случаю его возвышенія на престолъ; въ 1391 онъ уже является вмѣстѣ съ Ринальдо Джіанфильяцци представителемъ республики въ отрядѣ Арманьяка, находившемся на жалованьи Флорентійцевъ въ войнѣ противъ Джіованъ Галеаццо. Оба попадаютъ въ плѣнъ по-

слѣ бѣдственнаго пораженія Арманьяка подъ стѣнами Александріи; Джіанфильяцци вскорѣ выкупленъ, тогда какъ Риччи, «отправленный плѣнникомъ въ Павію по распоряженію графа di Virtù, лично ему непріязненнаго вслѣдствіе дошедшихъ до него слуховъ, будто онъ слишкомъ свободно говорилъ о немъ во Флоренціи, осужденъ былъ въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ оплакивать въ заключеніи рѣзкость своихъ выраженій и получилъ свободу не за меньшій выкупъ, какъ за семь тысячь флориновъ золотомъ». Республика заплатила за того и другаго; и какъ горячо она приняла къ сердцу дѣло Джіованни деи Риччи, тому свидѣтельствомъ письмо Колуччіо Салутати къ графу di Virtù, котораго подателемъ былъ почтенный отецъ, братъ Грація, ордена св. Августина, одинъ изъ собесѣдниковъ нашего романа [119]). Письмо отъ 6-го сентября 1392-го года, а въ 1395 Риччи снова идетъ посломъ къ тому-же Джіованни Галеаццо, вмѣстѣ съ Донато Аччьяйоли и Гвидо дель Паладжіо. Въ 1400 онъ умираетъ отъ чумы. Онъ былъ судьей, т. е. законовѣдомъ, почему въ современныхъ записяхъ носитъ постоянно титулъ доктора. Надо полагать, что должностныя занятія и постоянныя посольства не оставляли ему слишкомъ много свободнаго времени для поэтическихъ созерцаній, хотя заключительные стихи «поучительной канцоны» (canzon morale), написанной имъ въ честь какой-то Лизабетты [120]), даютъ поводъ предположить, что это не единственный его опытъ, и что онъ написалъ нѣсколько другихъ канцонъ: *)

Canzone, al tuo fattor quanto *altra mia*
Grata, del mio voler più non ti parlo.

Стихотвореніе выдержано въ торжественномъ стилѣ: обожаемая женщина является второй Діаной, Божьимъ ангеломъ, непорочной красавицей, священной нимфой, приводящей въ трепетъ всякаго, кто ее видитъ подъ покрываломъ; самые образы покрывала и храма и характеръ полуаскетическаго обожанія легко наводятъ на мысль, что любимая женщина заперлась въ монастырь, или авторъ поклонялся ей издалека, на почтительномъ разстояніи, какъ недостойный рабъ (servo indegno), окружая ее какимъ-то религіознымъ ореоломъ. Такого забавника, каковъ былъ

---

*) «Канцона, милая твоему автору болѣе, чѣмъ какая либо изъ моихъ, я не распространяюсь съ тобой о моихъ желаніяхъ».

Антоніо Пуччи, все это, разумѣется, должно было поражать съ другой стороны, и духовныя красоты дамы мессера Джіованни деи Риччи представляться ему въ очень матерьяльныхъ образахъ: въ сравненіи съ ними всѣ прелести Франціи не что иное, какъ пустяки,

..... e'costumi di Francia
Tutti sono una ciancia [121]).

Между безчисленными «Докуками» (Noie), вызывавшими демократическую насмѣшку Пуччи, этотъ отвлеченный культъ женщины долженъ былъ показаться ему странною вещью, и нѣтъ ничего удивительнаго въ попыткѣ привести его къ болѣе реальнымъ и человѣческимъ размѣрамъ.

Андреа Бетти (иначе Minerbetti) мы уже видѣли между «любезными флорентійскими гражданами», которые въ 1384 г., при участіи Джіованни деи Риччи, устроили дѣло о покупкѣ Ареццо. Тѣ-же самые Андреа и Риччи были въ числѣ посланниковъ, отправленныхъ въ 1389 году къ папѣ Бонифацію IX. Свѣдѣнія о другихъ его политическихъ миссіяхъ находятся въ Memorie storiche di ser Naddo, у Аммирато (l. XVI) и у пріориста Ридольфи. Такъ въ 1392 г. онъ и Гвидо ди мессеръ Томмазо заключили союзъ съ пизанской коммуной [122]); въ 1393 «Флоренція отправила послами въ Перуджію Гвидо ди мессеръ Томмазо (del Palagio) и *Андрея ди Никколо Бетти* (Minerbetti) вслѣдствіе просьбы гражданъ водворить между ними согласіе, что и удалось къ великой похвалѣ сказанныхъ посланниковъ».[123]) Андреа былъ изъ «десяти» (dei dieci) въ 1386, 1388, 1390, 1393, 1395 и 1396 годахъ, и гонфалоньеромъ въ 1387 и 1394. Флорентійская исторія (Istoria fiorentina) Маркіонне ди Коппо Стефани показываетъ намъ *Андреа ди Никколо Бетти* въ числѣ li due dieci della Mercatanzia въ 1381 году, и въ томъ же году въ числѣ de' sette della Mercatanzia [124]). Болѣе мы о немъ ничего не знаемъ, только что нашъ романъ заветъ его почтеннымъ гражданиномъ, spettabile cittadino, при случаѣ, когда онъ и Гвидо ди мессеръ Томмазо ходили на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ тосканскихъ Апеннинъ.[125])

Если выше мы знакомились съ политическими дѣятелями, то о *Бартоломмео дель Антелла* нашъ романъ отзывается, что его «профессія была скорѣе духовная, чѣмъ политическая», почему ему и поручается отъ общества изложить свое мнѣніе о лихоимствѣ, «ибо это вопросъ на столько-же политическій, на

сколько въ своихъ крайнихъ основаніяхъ затрогивающій интересы католической религіи» [126]). Бартоломмео ди Симоне дель Антелла былъ священникъ и плебанъ прихода С. Маріа дель Антелла; изъ той оригинальной породы духовныхъ лицъ, которыя, какъ мы замѣтили въ другомъ мѣстѣ, начинаютъ вырабатываться въ эту пору, успѣвая примирять притязанія церкви съ льготами коммуны и иногда между тѣми и другими выгородить и себѣ завидную часть, какъ напр. сталось съ нашимъ Бартоломмео. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересны результаты его посольства въ 1398 году: отправленный республикой къ гражданамъ Перуджіи и папѣ Бонифацію IX, чтобы быть посредникомъ ихъ несогласій, онъ очень счастливо исполнилъ свое порученіе: при этомъ случаѣ выхлопоталъ у папы позволеніе обложить податью духовенство, чтобы съ ея помощью наполнить казну, истощенную войною съ Джіованни Галеаццо Висконти, но не позабылъ изъ этой мѣры выключить флорентійскаго епископа и *самого себя* [127]). Не смотря на то коммуна не уставала хвалить его честность и добродѣтельную жизнь и нѣсколько разъ обращалась въ письмахъ къ папскому двору, когда въ 1380 году зашло дѣло о предоставленіи ему мѣста каноника при флорентійскомъ соборѣ, гдѣ тогда, за смертью Пьетро Руспи, открылась ваканція [128]); и въ 1392 она снова жалуется папѣ за оскорбленія, которымъ подвергся Бартоломмео, будучи посланникомъ [129]).—Онъ умеръ 15 марта 1407 г., по обыкновенному счисленію.

Имя *Алессандро дельи Алессандри* само по себѣ представляется намъ хронологическимъ указаніемъ. Алессандро ди Никколò ди Уго дельи Альбицци, отъ матери Титы ди Алессандро Буондельмонти, былъ уже въ 1359 г. въ возрастѣ способномъ къ отправленію общественныхъ обязанностей: въ этомъ году онъ принимаетъ участіе въ коммиссіи для выработки законовъ, назначенныхъ ограничить роскошь женскихъ нарядовъ. Въ 1360 г. онъ былъ пріоромъ, въ 1365 гонфалоньеромъ. Разойдясь по причинѣ экономическихъ недоразумѣній со своими родственниками, *онъ въ* 1372—3 *году сталъ искать и получилъ позволеніе отдѣлиться отъ нихъ и принять для себя и своихъ потомковъ фамилію Алессандри*. Въ 1375 году онъ посланъ съ порученіемъ въ Болонью, въ 1376 во второй разъ избранъ пріоромъ. За принятіе этихъ должностей онъ былъ обложенъ въ 1377 году пеней въ 3000 флориновъ золотомъ, потому что на него все еще продол-

жали смотрѣть, какъ на принадлежащаго къ семейству Альбицци, которому по закону воспрещенъ былъ доступъ къ общественнымъ должностямъ; но, перенеся свое дѣло на судъ подесты, онъ былъ оправданъ. Въ революцію Чомпи его домъ разграбили и сожгли, и, по странной игрѣ случая, въ то время, какъ горѣлъ его домъ, тотъ-же самый народъ увлекъ его на площадь Синьоріи, чтобы здѣсь возвести въ достоинство рыцаря[130]). Когда онъ отклонилъ эту почесть, исходившую, казалось ему, изъ рукъ слишкомъ низкихъ, то въ отмщеніе за отказъ его объявили *магнатомъ*, что̀ равнялось исключенію изъ магистратуры [131]). По сверженіи правительства черни онъ возстановленъ былъ во всѣхъ правахъ и въ 1385 году избранъ синдикомъ для заключенія союза съ Болоньей, Перуджіей, Пизой, Сіэной и Луккой, противъ шаекъ наемниковъ [132]). Онъ умеръ отъ чумы въ 1400 году.

Въ обществѣ, столь напряженно занятомъ войною и озабоченномъ внутреннимъ устроеніемъ, каково описанное нами, шутка и смѣхъ были потребностью и вскорѣ становятся искусствомъ, которое пріятно веселитъ умы, развлекая ихъ всякими хитрыми выдумками и новостями отъ нескончаемой дѣловой скуки. Отсюда въ эту пору развитіе новеллы, возбуждавшей громкій хохотъ на городскихъ посидѣлкахъ; отсюда типъ забавника, «piacevole cittadino», и эти непереводимые *nuovi uomeni*, какъ называетъ ихъ Саккетти: выдумщики, у кого на умѣ вѣчно какая нибудь новая шалость, новая острота; kurtzweilige Phantasierer зоветъ ихъ одинъ нѣмецкій Schwanck [133]). Что̀ въ нихъ являлось искусствомъ, по крайней мѣрѣ самобытнымъ, неподдѣльнымъ юморомъ, то въ шутахъ выработалось въ ремесло, и за него платили. Такими шутами были Стекки и Мартеллино, выведенные у Боккаччьо, извѣстный Гонелла и тѣ шуты, которые постоянно находились на жалованьи флорентійской синьоріи; мессеръ Дольчибене и Меллонъ делла Понтенара въ четвертой новеллѣ нашего романа, хотя о первомъ говорится, что онъ былъ кавалеръ не такой лядащій, какъ иные, сдѣланные кавалерами изъ-за какой нибудь похлебки [134]); наконецъ, по всей вѣроятности Биндо, родомъ изъ Фучеккіо около Флоренціи, что̀ находился при дворѣ мессера Бернабо̀, гдѣ только и зналъ, что ѣсть да паясничать[135]), и тотъ Неаполитанецъ по имени *Пеллегрино*, выдающій себя за «кавалера, недавно произведеннаго его величествомъ королемъ Владиславомъ», какъ Дольчибене, удостоился принять тоже

званіе изъ рукъ Карла Луксембургскаго. Съ фокусами Пеллегрино мы знакомимся подробно въ IV-й книгѣ романа. Онъ только-что прибылъ во Флоренцію и, узнавъ о веселомъ обществѣ, собравшемся на виллѣ Альберти, является туда. Въ началѣ неузнанный, онъ вмѣстѣ съ другими любуется ловкостью Маттіо, но потомъ самъ расходился и начинаетъ вертѣться колесомъ [136]) съ такой быстротой, что не только не видать было, чтобы онъ дотронулся земли, но казалось, что молнія движется въ воздухѣ. Затѣмъ, «велѣвъ принести столы, онъ выдѣлывалъ на нихъ такія штуки, будто у него кости и нервы гнутся, какъ иная хорошая упругая веревка; или принимается играть ножами и саблями, вращая между ними тѣло, такъ что никому и вѣрить не хотѣлось, чтобы тутъ не было дьявольскаго наважденія» [137]). Все это напоминаетъ представленія Боккаля на палубѣ корабля, уносящаго сподвижниковъ Бальдо въ макароническомъ эпосѣ Теофило Фоленго [138]). Мессеръ Антоніо такъ доволенъ проворствомъ Пеллегрино, что велитъ принести одно ихъ своихъ платьевъ (palandra) и проситъ его носить изъ любви къ себѣ (per nostro amore), скинувъ охабень, frigione, только скрывающій его рыцарское званіе [139]).

Отъ шута, buffone, по ремеслу слѣдуетъ отличать веселаго собесѣдника, piacevole cittadino, который смѣшитъ не по профессіи. Piacevole fiorentino называется Антоніо Пуччи въ новеллѣ Саккетти, гдѣ другіе флорентійскіе шутники, piacevoli uomini di Firenze, какіе-то Джироламо и Герардо, красильщикъ Цаккелло и Джіованни ди Ландоццо дельи Альбицци, играютъ съ нимъ злую шутку [140]). *Алессандро ди сэръ Ламберто* ди Неро Камби († 1395), знакомый намъ по садамъ Парадизо, былъ не менѣе дѣловымъ человѣкомъ, чѣмъ всѣ другіе: въ 1364, 1371 и 1383 годахъ онъ былъ пріоромъ, въ числѣ шестнадцати gonfalonieri delle compagnie въ 1365, 1368, 1377 и 1386 г. и изъ числа двѣнадцати buonomini въ 1366, 1372 и 1385; а Саккетти нашелъ умѣстнымъ назвать его веселымъ человѣкомъ, piacevole cittadino, «который умѣлъ играть на многихъ инструментахъ и пѣть, всегда водился съ потѣшными людьми, nuovi uomeni, и охотно держалъ съ ними дружбу» [141]). Его вилла Schifanoia одна изъ тѣхъ, которую посѣтило общество боккаччьевскаго Декамерона; но и самаго названія достаточно для характеристики хозяина [142]).

Но кто болѣе всѣхъ заставлялъ хохотать общество Парадизо, былъ такъ сказать его душою,—это *Біаджіо Сернелли* или пол-

нѣе: Біаджіо ди сэръ Нелло ди Гетто да Монтекукколи, изъ фамиліи, что̀ впослѣдствіи назвалась Нелли, изъ цеха розничныхъ торговцевъ, merciaio († 19 Декабря 1398 г.)[143]). Онъ былъ извѣстенъ своими фацеціями, такъ что разсказъ о нѣкоторыхъ его выходкахъ графъ Симонъ могъ заключить такими словами, обращенными къ обществу: «Вы знаете этого человѣка, какой онъ шутникъ и забавникъ; оттого я не стану вамъ много про него разсказывать, потому что вамъ легче будетъ все это вообразить, чѣмъ мнѣ удачно передать»[144]). Иногда ему придетъ фантазія представить въ словахъ, тѣлодвиженіяхъ и даже въ лицѣ, которое онъ изъ худаго дѣлалъ полнымъ, людей всѣмъ хорошо извѣстныхъ, графа Карла напр. или Алессандро дельи Алессандри, и онъ дѣлаетъ это такъ искусно, что присутствующіе начинаютъ вѣрить въ чары волшебницы Цирцеи, обратившей гдѣ-то около древней Гаэты спутниковъ Одиссея въ звѣрей[145]). Иной разъ онъ вздумаетъ костюмироваться и явится къ маэстро Марсиліо въ скромной одеждѣ человѣка, пришедшаго попросить его о лѣкарствѣ для больнаго брата; и ему такъ хорошо удается его роль, что даже послѣ того, какъ онъ откроется, долгое время «маэстро не можетъ наглядѣться на него отъ удивленія»[146]). Въ другомъ мѣстѣ романа мы встрѣчаемъ «забавнаго Біаджіо, шутника Маттіо и надоѣдливаго Тонэ», облеченныхъ «въ одежды великихъ и могучихъ властелиновъ, съ прислужниками и конюшими впереди себя, точно Карлъ Первый, король Іерусалима и Сициліи, когда онъ посѣщалъ столицу апостоловъ»[147]). Кто такой этотъ *Mattio*—мы навѣрное не знаемъ. Можетъ быть Маттео ди Ландоццо дельи Альбицци, по прозванію Массалео[148]), пріятель того Піеро ди Филиппо дельи Альбицци, на котораго мы встрѣтили намекъ въ нашемъ романѣ? Саккетти говоритъ про него, что онъ былъ человѣкъ веселаго характера, «fu d'una piacevole condizione»[149]). *Тонэ*, очевидно, уменьшительное отъ *Antonio*[150]). Между неизданными стихотвореніями Антоніо Пуччи намъ попался «*Sonetto d' Antonio detto andando al Paradiso degli Alberti, perchè uno Matteo suo amico l'avea invitato ch' andasse a bere co' lui*». Сонетъ не даетъ никакого объясненія относительно Маттео; но, если такимъ образомъ мы встрѣчаемъ его и Антоніо Пуччи въ садахъ Парадизо, не даетъ ли это поводъ заключить, что Тонэ и Маттіо, являющіеся вмѣстѣ въ нашемъ романѣ, тождественны съ друзьями сонета? Намъ пріятно предположить, что въ литературномъ кружкѣ Салутати и Марсили нашлось мѣсто и для «флорен-

тійскаго весельчака, большаго разскащика въ стихахъ», [151]) какимъ былъ Антоніо Пуччи.

О нѣкоторыхъ другихъ лицахъ разговора, которыхъ нашъ романистъ по необходимости коснулся лишь въ общихъ чертахъ, мы не можемъ представить даже подобной догадки. Такъ мы поневолѣ принуждены ограничиться относительно мадонны *Никколозы* тѣми немногими предположеніями, какія сообщили выше, и точно также мало можемъ сказать о *Джиневрѣ*, дочери мессера Николая и сестрѣ Антоніо дельи Альберти, и объ *Анджеликѣ*, которой, наравнѣ съ маэстро Біаджіо Пелакани, вручается въ концѣ IV-й книги романа предсѣдательская власть на слѣдующій день [152]).—Какому-то *Санальино* приписывается въ нашемъ романѣ одна неполная новелла; онъ былъ вѣроятно изъ флорентійскаго семейства Сональини, хотя можетъ быть и не тотъ Бартоло Сональини, о комъ разсказываетъ CXLIV новелла Саккетти [153]).—Свѣдѣнія о собесѣдникахъ не Флорентійцахъ собрать было тѣмъ труднѣе, чѣмъ менѣе относительно ихъ представлялось рукописнаго матерьяла. Такъ о Пеллегрино мы ничего не знаемъ кромѣ того, что̀ сообщаетъ о немъ нашъ текстъ. Какой-то *Андреволо Дандоло* «юноша не менѣе замѣчательный своими нравами, чѣмъ благородствомъ происхожденія, пріятный и любезный, изъ знаменитаго города Венеціи», выводится только разъ на сцену совершенно случайно, когда кто-то изъ общества проситъ его спѣть «одну изъ тѣхъ хорошенькихъ сицильянскихъ канцонетъ, которымъ онъ научился отъ Франческо Ванноцци» [154]). Болѣе извѣстенъ *Лодовико Буццакарини*, «благородной падуанской крови» [155]). Онъ былъ сынъ Арколано ди Патаро и Мабиліи (Nobilia) ди Франческо Манфреди изъ Фаенцы. Въ 1392 году онъ уже называется *licentiatus in jure civili*; въ 1404 г. послѣ долгой и кровопролитной битвы при Стильяно, гдѣ Падуанцы были разбиты на голову, онъ попалъ въ плѣнъ къ Малатестѣ ди Римини и отправленъ въ Венецію. Возвращенный впослѣдствіи своему повелителю да Каррара, онъ послѣ паденія Падуи вступаетъ въ подданство венеціанской республики и сдѣланъ ея военачальникомъ (capitano); въ этой должности онъ беретъ Шибеникъ (Sebenico), хотя намъ кажется вѣроятнымъ, что въ войскѣ онъ занималъ въ то время лишь второстепенный постъ [156]). Когда императоръ Сигизмундъ, негодуя на потерю Задра (Zara) и Далмаціи, перенесъ оружіе въ Фріули и требовалъ свободнаго перехода черезъ венеціанскія владѣнія, Венеціанцы отказали ему

въ этомъ и послали Буццакарини укрѣпить границу противъ наступавшихъ Венгерцевъ; завладѣвъ Фріули въ 1412 году, они его же назначили провіантмейстеромъ (provedditore del campo) вмѣстѣ съ Барбоне Морозини и нѣкоторыми другими, которые сожгли и опустошили все кругомъ въ видахъ защиты. Подобную должность принялъ на себя Буццакарини въ 1413 г. въ Тревизо, когда венеціанскій дожъ приказалъ Тревизцамъ обнародовать перемиріе, состоявшееся между Венеціей, римскимъ королемъ и Венгріей. Но его горячая любовь къ родинѣ, порабощенной Венеціанцами, уже готовила ему бѣдственный конецъ: онъ былъ замѣшанъ къ заговорѣ Марсиліо да Каррара, послѣдняго претендента на падуанское владычество; Марсиліо взятъ и казненъ въ Венеціи, и вмѣстѣ съ нимъ подверглись той-же участи Лодовико и его сынъ (1433 г.). Не одна любовь къ родинѣ руководила Лодовико въ этомъ предпріятіи, но и родственная связь съ Марсиліо черезъ Фину Буццакарини, сестру его отца Арколано, замужемъ за Франческо да Каррара,—это объясняетъ его приверженность къ дому прежнихъ падуанскихъ властителей [157]). Не объяснить-ли изъ подобныхъ соображеній присутствіе Лодовико въ обществѣ графовъ Карла и Симона на высотахъ Казентино въ 1389 году, къ ту самую пору, когда Франческо Старшій да Каррара уже томился въ плѣну, а Флорентійцы успѣли наконецъ прозрѣть двуличную политическую игру Висконти и начинаютъ принимать серьозное участіе въ дѣлѣ Франческо Новелло? Хотя были и другія причины, которыя могли дѣйствовать на него притягательно, такъ какъ сестра его Маргарита съ 1381 года была замужемъ за Робертомъ Новелло, сыномъ графа Карла ди Поппи [158]). Такимъ образомъ родственныя отношенія поддерживали въ немъ несчастную приверженность къ интересамъ да Каррара, привлекая его въ Тоскану, гдѣ Флоренція съ каждымъ днемъ открытѣе становилась средоточіемъ политическихъ агитацій изгнанниковъ: за каждымъ новымъ оборотомъ падуанскаго дѣла здѣсь начинали слѣдить зорче; смуты, возбужденныя Висконти, находили на берегахъ Арно менѣе сочувственный отголосокъ. Не мудрено, что все это могло отразиться и на обществѣ нашего Парадизо, и оно наполняется бѣглецами съ сѣвера, людьми, уходившими отъ преслѣдованій той или другой изъ боровшихся партій. Такимъ представляется намъ, хотя еще молодой, Лодовико Буццакарини; мы не рѣшаемся сказать тоже объ Андреволо Дан-

доло, но положительно о Марсиліо ди Санта Софія, одномъ изъ падуанскихъ профессоровъ, введенныхъ нашимъ романистомъ въ общество Альберти. Говоря о множествѣ ученыхъ людей, которыми украшалась тогда Флоренція, онъ указываетъ между прочими на «отличнаго и знаменитаго теолога и математика маэстро Грація, таланта скорѣе божественнаго, чѣмъ человѣческаго». «Въ то-же время», пишетъ онъ далѣе, разсуждая на ту же тему, «вызванъ и избранъ былъ профессорами и надзирателями (ufficiali) нашей студіи (studio) маэстро Марсиліо да Санта Софія Падуанецъ, человѣкъ замѣчательной учености въ физическихъ наукахъ, и не только въ медицинѣ, своемъ главномъ занятіи, но вообще во всѣхъ свободныхъ искусствахъ по заслугамъ извѣстный и знаменитый. Точно также и по тому же поводу былъ тамъ и маэстро Біаджіо изъ Пармы, универсальный философъ и математикъ, равнаго кому не было въ то время» [159]). Съ этими лицами намъ придется теперь познакомиться.

Маэстро *Грація*, теологъ и математикъ, несомнѣнно тождественъ съ маэстро Грація Кастеллани, Тосканцемъ, ордена св. Августина, котораго имя часто встрѣчается въ математическихъ рукописяхъ XIV—XV вв., наряду съ самыми замѣчательными математиками стараго и новаго времени [160]). Грація деи Кастеллани, отправленный въ 1396 г. вмѣстѣ съ Андремъ Бондельмонти къ венгерскому королю Сигизмунду, вѣроятно одно и то же лицо, хотя ему и не дается титула маэстро [161]); въ краткомъ посольскомъ наказѣ отъ 4-го февраля 1400 г. упоминается, наоборотъ, «маэстро Грація, посланникъ къ папѣ», безъ прописанія его фамиліи [162]). Въ томъ же 1400 году письмомъ отъ 1-го декабря флорентійская коммуна обращается къ генералу августинскаго ордена, поручая ему монастырь Санъ Спирито, «бѣдный братіей, оставленный учащимися», гдѣ необходимо преобразовать студію (studium reformare), а также прислать туда учениковъ и монаховъ въ достаточномъ числѣ, людей честныхъ и ученыхъ; при этомъ случаѣ коммуна рекомендуетъ вниманію генерала «отца провинціала и магистровъ Лаврентія Ринуччини и Грацію Кастеллани» (patrem provincialem atque magistros Laurentium de Rinuccinis et Gratiam de Castellanis) [163]). Въ письмѣ флорентійской синьоріи къ Галеаццо Висконти отъ 1392 года податель его титулуется venerabilis pater frater Gratia ordinis heremitarum, sacrae theologiae magister et *provincialis minister provinciae pisanae* [164]). Мы не думаемъ, чтобы послѣдняя подробность могла помѣшать намъ

признать и въ этомъ Грація того-же Грацію деи Кастеллани другихъ свидѣтельствъ, тѣмъ болѣе что оба они одновременно являются монахами ордена св. Августина, магистрами теологіи и посланниками флорентійской синьоріи.

Большею извѣстностью пользовался въ свое время *Марсиліо* изъ Падуи, изъ семейства *Санта Софія*, о которомъ Савонарола пишетъ, что не только между христіанами, но и между варварами оно было извѣстно, что оно произвело безчисленное множество знаменитыхъ докторовъ медицины, и всѣ дѣти мужскаго пола, какія въ немъ раждались, были посвящаемы этой наукѣ. На Марсиліо смотрѣли какъ на какое-то научное чудо, и таково было въ самомъ дѣлѣ его знаніе, что въ Парижѣ онъ вызвался публично спорить на всякую тему, какая ему будетъ предложена, по медицинѣ или по свободнымъ искусствамъ. Въ послѣднюю болѣзнь Джіанъ Галеаццо онъ былъ позванъ, и, говорятъ, его стараніями была продолжена жизнь умирающаго; сообщая этотъ фактъ, Гаттинара называетъ Марсиліо «знаменитѣйшимъ человѣкомъ и мудрѣйшимъ медикомъ падуанскимъ, который въ это время считался лучшимъ и ученѣйшимъ врачемъ въ цѣломъ свѣтѣ». Въ архивѣ города Удинэ существуетъ документъ, по которому капитаны и совѣтъ города поднесли ему въ даръ серебряный позолоченный поясъ, вѣсомъ въ 30 унцій, за излѣченіе рыцаря (miles) Федериго да Саворньяно. Это значительно видоизмѣняетъ свидѣтельство Фація, написавшаго о Марсиліи, что его величайшая слава состояла не столько въ практической медицинѣ, сколько въ теоретической, что̀ и побуждало итальянскіе университеты въ запуски стараться о привлеченіи его на свои каѳедры. Такъ уже въ 1367 году мы находимъ его въ Падуѣ причисленнымъ къ коллегіи медиковъ и профессоромъ падуанскихъ школъ, хотя мы и не въ состояніи опредѣлить—за сколько времени передъ тѣмъ онъ къ нимъ приписанъ. Достовѣрно то, что, начиная съ этого года и во всѣ послѣдующіе его имя встрѣчается постоянно въ актахъ коллегіи, и ни одинъ памятникъ не даетъ повода предположить, что онъ оставилъ Падую раньше 1389 года. Въ 1387 г. онъ во всякомъ случаѣ былъ еще тамъ, когда въ присутствіи маэстро Біаджіо изъ Пармы удостоилъ степени доктора извѣстнаго Антонія, сына Чермизоне. *Но въ концѣ апрѣля 1389-го года, потому-ли, что смуты на его родинѣ, роковымъ образомъ замѣшанной въ несчастную войну съ Джіованни Галеаццо Висконти, побудили его искать себѣ другаго покровителя, или его слишкомъ*

открытое пристрастіе къ непріятелю сдѣлало для него пребываніе въ Падуѣ опаснымъ, во всякомъ случаѣ въ Падуѣ его уже не было,[165]), такъ что онъ не могъ даже присутствовать при частномъ испытаніи сына своего Вильгельма на степень доктора. Гдѣ онъ находился въ эту пору — о томъ дошедшіе до насъ документы ничего не говорятъ; намъ кажется вѣроятнымъ, что къ этому времени слѣдуетъ отнести его поѣздку во Флоренцію,—но подождемъ результата дальнѣйшихъ сличеній прежде, чѣмъ сказать это утвердительно. Что главная причина его удаленія была слишкомъ откровенная приверженность къ интересамъ Висконти, и что по возвращеніи къ власти Франческо Новелло въ 1390 г. онъ долженъ былъ поплатиться, вмѣстѣ съ своими сыновьями, изгнаніемъ и конфискаціей имущества,—доказываютъ и тѣ милости, которыми впослѣдствіи осыпалъ его Джіованъ Галеаццо, и самыя условія мира, заключеннаго между воюющими сторонами въ Генуѣ, въ январѣ 1392 года: здѣсь Висконти постарался особой статьей выговорить Марсилію съ сыновьями возвращеніе милости ихъ повелителя и утраченныхъ ими гражданскихъ и имущественныхъ правъ. [166]) Воспользовавшись этимъ, Марсиліо въ томъ же году возвращается въ Падую, гдѣ 16 Сентября 1392 г. представляется въ коллегію медиковъ съ просьбой о вторичномъ принятіи его въ свои сочлены. Въ этомъ званіи мы встрѣчаемъ его еще въ 1393 году. Неизвѣстна причина, заставившая его перейти въ Павію, точно такъ же какъ неизвѣстенъ съ точностію годъ перехода; знаемъ только, что онъ долженъ былъ совершиться ранѣе 1399 года, когда университетъ былъ перенесенъ изъ Павіи въ Пьяченцу, и вмѣстѣ съ нимъ переселился и маэстро Марсиліо съ жалованьемъ бо́льшимъ передъ всѣми другими профессорами. Очень можетъ быть, что его побудили къ тому усиленныя просьбы его щедраго покровителя Висконти, по смерти котораго, въ 1402 г., онъ, по всей вѣроятности, тотчасъ же перешелъ въ Болонью, гдѣ ему поручили утреннія чтенія по ординарной каѳедрѣ практической медицины, до тѣхъ поръ предоставленной исключительно болонскимъ гражданамъ. Здѣсь онъ и умеръ въ 1403 либо 1404 году, какъ думаютъ нѣкоторые, или въ 1405, если вѣрить лѣтописямъ Форли, [167]) а по Портинари—въ 1411 г. [168]) Онъ похороненъ въ церкви св. Франческо.

Гораздо затруднительнѣе согласить между собою разнообразныя, часто противорѣчивыя свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о *Біаджіо ди Пелакани изъ Пармы*; въ особенности касательно времени,

когда онъ призванъ былъ читать въ томъ или другомъ изъ итальянскихъ университетовъ [169]). Между тѣмъ это вопросъ въ высшей степени интересный для насъ, по скольку съ нимъ связанъ другой вопросъ хронологическаго свойства: о времени, къ которому слѣдуетъ отнести бесѣды, описанныя въ нашемъ романѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ романистъ называетъ себя ученикомъ Біаджіо, когда тотъ училъ въ Падуѣ. «Находясь съ своей любезной и благородной компаніей (dolcissima e magnifica compagnia) на высяхъ Апеннинъ, этомъ хребтѣ Италіи, посреди двухъ столь славныхъ морей, Адріатическаго и Тирренскаго или Тосканскаго» (altissimi gioghi e dosso d'Italia in mezzo da due tanto famosi mari Adriano e Tireno o vuoi Tusco), онъ любовался великолѣпными видами, раскрывавшимися передъ нимъ по ту и другую сторону: видѣлъ вдали «высокія Паннонскія горы» (li altissimi monti Panonii), «знаменитый Дураццо и весь Иллирійскій заливъ, вплоть до чудной, многоводной Венеціи» (insieme col famoso Durazzo con ogni Ilirico seno infino nella aquosa e miracolosa Vinegia). «И между тѣмъ какъ я продолжалъ такимъ образомъ любоваться и не могъ насытить жаднаго взора (это говоритъ о себѣ самъ авторъ), Лудовико Буццакарино, изъ благороднаго падуанскаго рода, находившійся въ числѣ другихъ въ любезномъ мнѣ обществѣ, обратился ко мнѣ съ такими словами: «Чего ты смотришь и что̀ созерцаешь? Узнаешь-ли ты плодоносные Евганскіе холмы, гдѣ въ былое время ты получалъ такое утѣшеніе? Посмотри, какими граціозными устроила ихъ природа! Нечего удивляться, что благоразумный Антеноръ избралъ ихъ своимъ послѣднимъ мѣстопребываніемъ и гробницей: все полезное, пріятное и необходимое для человѣческихъ потребъ находится тамъ въ совершенствѣ. Потому ты можешь быть увѣренъ, что не безъ великой и очевидной причины древніе жители Падуи выбрали веселаго Вакха главнымъ покровителемъ своей республики, подобно тому, какъ храбрые Римляне воинственнаго Марса, котораго избралъ и славный Флорентійскій народъ по примѣру своихъ отцевъ. Подумай хорошенько обо всемъ этомъ и ты увидишь, какими преимуществами обладаетъ мое дорогое отечество. Мнѣ доставляетъ удовольствіе поговорить съ тобой о немъ, чтобы такимъ образомъ обновить въ тебѣ память пріятнаго для тебя прошлаго».

«При этихъ словахъ какая-то сладость внезапно наполнила мое сердце и я такъ отвѣчалъ ему:

«О мой добрый другъ, никогда не искоренится у меня изъ сердца сладость той хорошей, святой дружбы, какую я нашелъ въ тебѣ и въ твоемъ, столь тобою любимомъ, отечествѣ, благодаря тѣмъ милымъ и добрымъ людямъ, равно дорогимъ для тебя и для меня. Эту дружбу я всегда твердо хранилъ на глубинѣ души. И какъ мнѣ не любить его, какъ не считать своимъ вторымъ отечествомъ? Вспоминать и говорить о немъ доставляетъ мнѣ всегда величайшее утѣшеніе; но, такъ какъ теперь не стало-бы времени наговориться о немъ вдоволь, лучше оставимъ это до болѣе удобнаго случая: потому что таково одно величіе благороднаго принца Франческо Перваго да Каррара, что разсказать и описать его дѣянія могло-бы только великое море краснорѣчія твоего падуанскаго Ливія».

«Только-что я сказалъ это, какъ онъ замѣтилъ мнѣ, весело улыбаясь:

«*Твое славное отечество дало тебѣ твое первое существованіе; но это, которое ты любишь называть своей второй родиной, даровало тебѣ второе, равное первому, когда ты здѣсь проводилъ время въ занятіяхъ свободными искусствами. Не здѣсь-ли, какъ ты самъ хорошо помнишь, услыхалъ ты отъ твоего втораго учителя, Біаджіо изъ Пармы, таинства матери природы и распозналъ ихъ значеніе*? Здѣсь раскрылись передъ твоею страстною жаждой знанія движенія сыновей Латоны, планеты и неподвижныя звѣзды, свойства воздуха отъ подлуннаго пространства до нѣдръ земли, и какъ въ средней полосѣ различные пары, поднимаясь и скопляясь отъ сильнаго холода, орошаютъ, а иногда и бременятъ землю водой и снѣгомъ, инеемъ, росой и градомъ. Здѣсь показаны были тебѣ до очевидности причины вѣтровъ и страшныхъ землетрясеній, кометъ, бѣгущихъ среди жаркихъ и сухихъ паровъ, зарожденіе грома и молніи. Я не стану напоминать тебѣ объ остальныхъ вопросахъ; умолчу о силахъ души, объ intellectum possibile и agens, о доказательствахъ метафизики, о полезныхъ и вмѣстѣ изящныхъ выкладкахъ перспективы,—потому что все это ты самъ хорошо знаешь, и мнѣ нечего объ этомъ распространяться». [170])

Надо, стало быть, опредѣлить съ точностью, когда Біаджіо читалъ въ Падуѣ. Положительно извѣстно, что въ 1374—8 годахъ онъ былъ еще въ Павіи, гдѣ преподавалъ философію и логику, какъ видно изъ указа графа di Virtù къ подестѣ, референдарію, совѣтникамъ (savi) и казнохранителю павійской коммуны о томъ,

чтобы немедленно выплаченъ былъ маэстру Біаджіо Пелакани изъ Пармы остатокъ жалованья, «ut possit deinde facere facta sua». Приказъ отъ 4-го октября 1378-го года и поспѣшное требованіе уплаты, дабы маэстро могъ свободнѣе отдаться своему дѣлу, вѣроятнѣе всего объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что ему надо было поспѣть въ Болонью къ началу новаго академическаго года. Въ самомъ дѣлѣ, съ 1378 по 1382 г. мы застаемъ его въ Болоньѣ читающимъ астрологію; въ 1383 онъ соединяетъ съ этимъ философію, какъ и въ 1384 году, когда 21 мая даетъ обѣщаніе перейти въ Падую и продолжать тамъ свои чтенія по тому и другому предмету въ теченіи четырехъ лѣтъ. По истеченіи срока, лѣтомъ 1388-го года, онъ снова возвращается въ Болонью къ открытію курсовъ въ томъ же самомъ году. Молчаніе о немъ университетскихъ регистровъ и всякихъ другихъ памятниковъ послѣ этого года заставляетъ Аффò и Колле предположить, что къ этому времени слѣдуетъ отнести то путешествіе Біаджіо въ Парижъ и пребываніе его въ этомъ городѣ, о которомъ онъ самъ говоритъ въ заключительныхъ словахъ своего трактата о вѣсахъ: «Ad instantiam amicorum ego Blaxius Lombardus de Pelacanis de Parma, dum Parisiis me visitabant, volui aliqua dubia super tractatum de ponderibus inquirere, et illa quaestionibus de corollariis posse meo declarare». Пеццана отвергаетъ это предположеніе, какъ неимѣющее достаточныхъ основаній: изъ списковъ профессоровъ Павіи и Пьяченцы и разбора нѣкоторыхъ рукописныхъ сочиненій Біаджіо онъ вывелъ, что въ первомъ изъ этихъ городовъ онъ преподавалъ въ 1389, 90, 91, 93, 94, 95 и 97 годахъ и въ 1399 былъ уже въ Пьяченцѣ, куда въ ту пору былъ перенесенъ университетъ. Отсюда для него возможно только одно заключеніе, что, начиная съ 1389 года, Біаджіо постоянно находился въ Павіи, и что, если у насъ не достаетъ о немъ свѣдѣній за нѣкоторые промежуточные годы (1392, 96 и 98), тому единственною причиной утрата соотвѣтственныхъ регистровъ. Но если путешествіе Біаджіо въ въ Парижъ не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, то надо-же его пріурочить къ какому нибудь времени, и въ этомъ отношеніи 1389 годъ не представляетъ никакихъ особыхъ трудностей сравнительно съ другими, потому что какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ годахъ онъ одинаково былъ занятъ чтеніями. Замѣтимъ кстати, что о пребываніи его въ Павіи въ 1389 году мы имѣемъ лишь косвенныя свѣдѣнія, такъ какъ въ Registro delle Bollette

павійскаго университета значится единственно, что въ 1391 и 1393 годахъ онъ преподавалъ тѣ же предметы, какіе и въ 1389, и съ тѣмъ же жалованьемъ; при чемъ всегда возможно предположеніе, что онъ оставался тамъ не въ теченіе цѣлаго года и могъ выгадать время для поѣздки въ Парижъ. Какъ бы то ни было, въ маѣ 1389 года онъ могъ находиться во Флоренціи, въ садахъ Альберти. Выше мы уже имѣли случай предварительно отнести къ этому году событія, описанныя въ нашемъ романѣ; къ нему сходятся всѣ свѣдѣнія, какія мы могли собрать о дѣйствующихъ въ немъ лицахъ: и изчезновеніе Марсиліо изъ Падуи въ послѣднихъ числахъ апрѣля, и многія другія, которыя, сопоставленныя нами въ концѣ этой главы, выведутъ наше предположеніе изъ ряда сомнительныхъ. Не находится-ли это флорентійское путешествіе Біаджіо въ связи съ его поѣздкой въ Парижъ, гдѣ по просьбѣ друзей, ad instantiam amicorum, онъ продолжалъ ученые диспуты, начатые въ садахъ Парадизо? Или, если вмѣстѣ съ Пеццаной отрицать эту поѣздку и придержаться единственно того извѣстія, что въ 1389 году онъ училъ въ Павіи,—присутствіе его во Флоренціи въ маѣ того же года съ нимъ легко согласимо: онъ точно также могъ отправиться въ Павію въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, какъ прежде 21-го мая 1384 года изъ Болоньи могъ дать обѣщаніе явиться читать въ Падую къ празднику св. Луки.

Въ Пьяченцѣ Біаджіо читалъ нравственную и естественную философію и астрологію. Когда въ 1404 г. университетъ былъ снова переведенъ въ Павію, онъ продолжалъ тамъ свои лекціи по нравственной философіи и астрологіи, присоединивъ къ нимъ впослѣдствіи математику, вплоть до 1407 года, когда венеціанское правительство вызвало его въ Падую, гдѣ онъ и пробылъ до 1411. Въ этомъ году онъ былъ отставленъ по причинѣ неспособности къ преподаванію, какъ выражается декретъ, и потому что у него не было слушателей, но вѣрнѣе всего по причинѣ его характера суроваго и неуживчиваго и того грубаго упрямства, съ какимъ онъ отказывался удовлетворить желанію своихъ учениковъ частными занятіями, дѣлая изъ своей науки какую-то тайну» [171]). Это напоминаетъ намъ анекдотъ, разсказанный о немъ Франческо Прендилаква въ жизнеописаніи Витторино да Фельтре. Мы знаемъ ученаго; анекдотъ познакомитъ насъ съ человѣкомъ. «Былъ въ то время въ Падуѣ Біаджіо Пелакани, человѣкъ до крайности скупой, но знаменитый и, мож-

но сказать, единственный въ ту пору въ математическихъ наукахъ, который изъ жажды прибыли давалъ частные уроки у себя на дому. Къ нему отправился Витторино и, увидѣвъ что безъ денегъ Біаджіо не сталъ-бы его учить, недовольный его грубостью и надменностью, рѣшился учиться самъ и столько успѣлъ, благодаря своему таланту, и при своемъ прилежаніи такъ далеко ушелъ въ математикѣ, постоянно читая и размышляя, что безъ всякой помощи сдѣлался въ ней ученѣйшимъ. Говорятъ, когда слухи о томъ дошли до Пелакани—такъ какъ имя Витторино уже начало становиться извѣстнымъ—онъ не мало огорчился изъ зависти, потому-ли что увидѣлъ его болѣе ученымъ, чѣмъ онъ самъ, или раскаиваясь въ свой скупости, побудившей его упустить такого ученика, отъ котораго онъ сталъ-бы знаменитѣе и возбудилъ-бы къ себѣ большее удивленіе, образовавши въ столь малое время такого совершеннаго воспитанника. Онъ хорошо понималъ, что многіе, привлеченные славой Витторино, пошли-бы къ нему въ науку за большія деньги. Витторино все это было передано, и онъ обыкновенно подшучивалъ надъ скупостью Біаджіо: «какъ благодаренъ я Пелакани, говорилъ онъ, что онъ хотя разъ пожелалъ быть щедрымъ и даромъ научить меня математикѣ?» [172]). Нашъ романистъ, которому Біаджіо былъ хорошо знакомъ еще съ Падуи, дополняетъ этотъ интимный разсказъ разными характеристическими подробностями о Біаджіо, о его странностяхъ и угловатыхъ манерахъ и разговорѣ съ легкимъ оттѣнкомъ педантизма: все это рисуетъ намъ Біаджіо какъ живое лицо. Нѣсколько флорентійскихъ дамъ просятъ принять ихъ въ общество; чтобы повеселить его, Луиджи Марсили поручаетъ Пелакани отвѣчать дамамъ отъ лица всѣхъ. «Надо знать,—говоритъ авторъ, обращаясь къ дорогимъ друзьямъ,—надо хорошо знать характеръ маэстро Біаджіо, чтобы совершенно понять его нравы и обычаи. Маэстро Біаджіо—человѣкъ замѣчательной учености, какъ отчасти вы это слышали выше, и не только въ естественной и нравственной философіи, но и во всѣхъ отрасляхъ математики остроуменъ, логиченъ, реалистъ болѣе чѣмъ кто либо другой, и не прочь отъ софистическихъ ухищреній, гдѣ того потребуетъ споръ. Кромѣ того онъ отличный богословъ, съ такой обширной и свѣтлой памятью, какую трудно себѣ представить; онъ такъ привыкъ къ лекціямъ, особенно по естественной философіи, что всякій самый трудный вопросъ ставитъ, толкуетъ и разъясняетъ не имѣя передъ собой

книги. Вотъ каковы его достоинства. Съ другой стороны я не думаю, чтобы можно было найдти человѣка съ здравымъ разсудкомъ, менѣе его смыслящаго въ дѣлахъ политическихъ или общественныхъ и особенно въ краснорѣчіи. Вотъ почему и вздумалось маэстро Луиджи, чтобы повеселить компанію, поручить ему отвѣтъ граціознымъ дамамъ. Послушайте, какъ онъ это сдѣлалъ, какъ неподражаемо краснорѣчиво. Когда послѣ долгихъ отнѣкиваній онъ увидѣлъ, что ему все-же придется отвѣчать, онъ ничего другаго не сказалъ, какъ только: «O bonae, o bonae dominae meae»?, и затѣмъ поклонился почти до земли; а такъ какъ голова у него было обнаженная, маленькая и отъ старости почти лысая, и самъ онъ ростомъ малъ и худощавъ, то онъ производилъ впечатлѣніе помѣшаннаго. Смотрятъ дамы, какъ онъ стоитъ колѣнопреклоненный, не произнося ни одного слова болѣе, и дивятся. Только одна изъ нихъ, дочь именитаго мессера Николая, по имени Джиневра, бойко и шутливо подошла къ нему и, взявши его за руку и приподнявъ, сказала такія слова: «Мы много благодарны маэстро Біаджіо за его отвѣтъ; онъ зоветъ насъ своими мадоннами, но мы хотимъ быть его послушными дочками, лишь-бы заслужить ваше общество»[173]).

Отставленный отъ падуанскаго университета, Біаджіо возвратился на родину, въ то время подвластную феррарскому маркизу Никколò д'Эсте, и здѣсь продолжалъ свою учительскую дѣятельность до самой смерти, постигшей его 23 апрѣля 1416 года. Онъ оставилъ по себѣ славу замѣчательнаго математика, — торжественная надпись, украшающая его гробницу, называетъ его *Arcadicum numen venerabile vatum*, *suae studiorum aetatis Apollo*, *gloria philosophum*, *astriloquus*. Онъ занимался также медициной, но въ ней, по отзыву его ученика Антоніо Гвайнеріо, былъ на столько слабъ, какъ иная глупая служанка.[174]).

Мы перебрали одно за другимъ всѣ дѣйствующія лица нашего романа, предоставивъ себѣ поговорить послѣ всѣхъ объ *Антоніо дельи Альберти*, радушномъ хозяинѣ, собиравшемъ все это общество въ своей прекрасной виллѣ *Парадизо*. Мы сдѣлали это не безъ намѣренія: не потому чтобы онъ былъ средоточіемъ, душею этого общества, или его жизнь была интереснѣе другихъ, но потому что она полна событіями, хронологически опредѣлимыми, которыя помогутъ намъ съ точностью пріурочить событія нашего романа; не говоря уже о томъ, что ея разнообразіе по-

служитъ намъ окончательной характеристикой этой поры перехода и нравственныхъ колебаній, какія обыкновенно встрѣчаются на границѣ двухъ различныхъ культурныхъ эпохъ. Поглядите на Альберти: богатый человѣкъ и почтенный гражданинъ, онъ сегодня гостепріимный хозяинъ въ садахъ Парадизо, завтра купецъ въ Брюгге, сегодня мистикъ вмѣстѣ съ св. Бригиттой, завтра человѣкъ имперской партіи, отщепившійся отъ церкви; затѣмъ онъ въ Римѣ кающимся грѣшникомъ, профессоромъ въ Болоньи, и вѣчнымъ заговорщикомъ, пока живетъ въ изгнаніи. Таково было глубокое броженіе самого общества, неуспѣвшаго еще сформулировать себѣ соціальнаго идеала, въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями жизни. На практикѣ Италія, первая между всѣми націями, вышла изъ темныхъ затворовъ среднихъ вѣковъ, отрекшись отъ папы и императора; въ теоріи, мы это замѣтили выше, тотъ и другой идеалъ оставались нетронутые, какъ высшее выраженіе права; разумѣется, это были пустые кумиры, противъ которыхъ протестовала самая жизнь, но все-же кумиры, къ которымъ люди продолжали прибѣгать болѣе по стародавнему преданію, чѣмъ съ искреннею вѣрой, покрывая ихъ торжественнымъ авторитетомъ то, что̀ исторія начинала разрѣшать практически, ихъ неспросясь. Между тѣмъ какъ никто болѣе не боялся двухъ традиціонныхъ мечей, они существовали еще въ доктринѣ, потому что новая еще не явилась ей на смѣну; а человѣку трудно обойтись безъ формулы, которая успокоила-бы его призракомъ законности, избавила отъ необходимости считаться порознь съ каждымъ жизненнымъ явленіемъ, отъискивая его абсолютный смыслъ и относительное значеніе. Оттого въ концѣ XIV вѣка поэтъ, современный описаннымъ нами событіямъ, наивнымъ образомъ заставляетъ Италію сожалѣть объ отсутствіи императора: *)

Piangane Italia, priva di tal duce:
Qual fu dotata di due luminari,
Principiò dare e accendere la lucie:
Or sol lo spirituale in lei rilucie.

Отсюда множество канцонъ къ императору, мода на нихъ продолжается бо́льшую часть слѣдующаго столѣтія; отсюда-же

*) «Пусть плачетъ Италія, лишенная такого вождя: въ былое время она одарена была двумя свѣточами, отъ нея исходилъ свѣтъ; теперь только духовная власть ей присуща».

сонеты къ папѣ и безконечныя увѣщанія къ преобразованію церкви, которая оттого должна стать выше и могущественнѣе. И въ то время, какъ такимъ идеальнымъ образомъ превозносится императоръ и зовется новымъ цесаремъ, «Cesar novello», коммуна не думаетъ уступать ему и упрямо защищаетъ свои права; воззванія къ церковной реформѣ слышатся всюду, а между тѣмъ ея первыя попытки выйдутъ не изъ общества, а изъ монастырей и религіозныхъ орденовъ, съ расколомъ Fraticelli и доминиканскими мистиками. Реформаторы—не граждане коммуны: они живутъ внѣ ея, они вѣчно кочуютъ, какъ св. Катерина; они въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ коммуной, какъ сіэнская святая, или изъ нея изгнаны, какъ Фра Джіованни Доминичи, или кончаютъ жизнь на кострѣ, какъ миноритъ фра Микеле. Очевидно, общество, такъ восторженно взывающее къ церкви и имперіи, перестало искренно вѣрить въ то и другое, потому что теперь вся жизнь на сторонѣ коммуны и той теологіи здраваго смысла, которая представлялась эманципаціей отъ Рима, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ свобода коммуны была протестомъ противъ имперской прерогативы. Съ типомъ флорентійскаго теолога мы познакомились въ Луиджи Марсили, истолкователѣ Italia mia: мы видѣли, какъ свободно онъ нападалъ на безобразія папской куріи. Въ то самое время, какъ папы еще продолжаютъ проповѣдывать крестовый походъ и св. Катерина Сіэнская странствуетъ по Италіи, воспламеняя умы къ дѣлу среднихъ вѣковъ, донъ Джіованни делле Челле, пріятель Марсили и Гвидо ди мессеръ Томмазо, пишетъ къ какой-то Домитиллѣ, отговаривая ее отъ хожденія къ святымъ мѣстамъ, убѣждая ее всякими практическими доводами, между прочимъ, «что діаволъ никогда не слышалъ проповѣди, болѣе ему пріятной, чѣмъ проповѣдь странствованія» [175]). Въ другой разъ тотъ же Джіованни, когда принимается толковать о догматѣ съ дровяникомъ Томмазо изъ толка Fraticelli, выходитъ окончательно изъ предѣловъ вѣры и богословскихъ соображеній, выражаясь такимъ образомъ: «Къ чему тебѣ знать, былъ-ли Іисусъ Христосъ бѣденъ или богатъ, если ты вѣруешь, что Онъ твой Спаситель, твой Искупитель, твоя пища, твое богатство и награда? Этого достаточно для твоего спасенія. Я совершенно вѣрю, что Христосъ былъ бѣденъ, и за это готовъ бы пойдти въ огонь, еслибы не было другихъ препятствій; впрочемъ покоряясь тому, что̀ объ этомъ учитъ святая мать католическая и апостольская церковь. Но еслибъ кто другой ска-

залъ мнѣ: «я вѣрю, что у Іисуса Христа была собственность»,— я отвѣтилъ бы: «ты такъ и вѣрь; что мнѣ за дѣло, еслибы ты даже вѣрилъ, что Онъ не истинный Богъ и не истинный человѣкъ? Твоя ересь мнѣ повредить не можетъ». Понятно, что Fraticelli, твердо стоявшіе на почвѣ богословскаго пренія, нашли въ этомъ поводъ обвинить флорентійскихъ учителей, и въ особенности самаго Джіованни, въ излишнемъ страхѣ человѣческомъ и недостаткѣ вѣрности (poca fedeltà). «Я увѣренъ»,—пишетъ Томмазо къ донъ Джіованни,—«что ты и многіе изъ твоихъ умалчиваете истину изъ страха людскаго и плотскаго. Дай Господи, чтобы учители цѣлаго свѣта доказали намъ, что намъ не слѣдуетъ поступать такъ,—отъ многихъ бѣдъ они бы насъ избавили; но когда всѣ флорентійскіе маэстро собрались по приказу синьоріи въ San Piero Scheraggio, епископъ просилъ ихъ и велѣлъ просить, чтобъ они не вступали въ споръ; они такъ и разошлись, не сказавъ ни слова. Еслибъ они обладали истиной, то навѣрно поглотили бы насъ, потому что они ничего другаго не ищутъ..... Послушай, что говоритъ блаженный Августинъ и что написано extra de haereticis: кто не отвращаетъ другаго отъ заблужденія, когда можетъ, доказываетъ тѣмъ, что самъ заблуждается. Правда, ты говорилъ, что приходилъ разъ пятьсотъ, чтобы исправить насъ, такъ какъ убѣжденъ, что мы заблуждаемся; но у тебя нѣтъ любви ни къ Богу, ни къ ближнему, и ты не любишь католической вѣры: для какой нибудь твоей духовной дочери ты нѣсколько разъ пришелъ-бы во Флоренцію, а не для вѣры. Мало въ тебѣ вѣрности (poco se' fedele)» [176]).—Присоедините ко всему этому съ каждымъ днемъ усиливающееся вліяніе классическихъ занятій, расширявшихъ поле науки и нравственности, дотолѣ исключительно занятое церковью и схоластическимъ преданьемъ,—и вы увидите ясно, къ какому выходу направлялась эта теологія здраваго смысла. Уже во время нашего романиста Ринуччини указывалъ на людей, рьяныхъ противниковъ дантовскихъ ученій, предпочитавшихъ Варрона отцамъ церкви и, разумѣется, не останавливавшихся на этомъ въ своихъ вовсе нехристіанскихъ предилекціяхъ. «О божественной философіи они выражаются, что Варронъ написалъ самымъ изящнымъ слогомъ много книгъ о поклоненіи языческимъ богамъ, и хвалятъ его непомѣрно, втайнѣ предпочитая его учителямъ нашей католической религіи, и осмѣливаются говорить, что тѣ боги болѣе истинны чѣмъ наши, и не помнятъ чудесъ нашихъ святыхъ». Ясно, что обстоятельства времени благопріятствовали не

столько реформѣ и возстановленію церкви, сколько болѣе полному освобожденію въ смыслѣ религіозномъ, приготовляющему индифферентизмъ и невѣріе слѣдующаго столѣтія. Если попытка Fraticelli не удалась, то потому, что они не нашли болѣе въ умахъ той первобытной жажды вѣры, той потребности вѣрить, безъ которой не минуетъ костра даже Джироламо Савонарола.

Когда такимъ образомъ общество еще занято трудной выработкой новыхъ критеріевъ жизни и искусства, и прежніе критеріи еще продолжаютъ владычествовать надъ умами,—что удивительнаго, если человѣкъ является порою расторгнутымъ, растеряннымъ между тѣмъ и другимъ противоположнымъ направленіемъ,—если, подавленный необходимостью выбора, онъ не въ силахъ на чемъ нибудь остановиться, чѣмъ нибудь успокоиться? Въ страстномъ движеніи практической жизни всѣ эти противоположности болѣе или менѣе стушеваны, между ними устанавливается искусственое равновѣсіе, оттого онѣ не такъ сильно ощущаются; наконецъ практическій человѣкъ главнымъ образомъ разсчитываетъ ближайшую цѣль и средства, и ему рѣдко досугъ подумать о критеріи, о нравственномъ мѣрилѣ своихъ дѣйствій. Но если у него отнята возможность живой дѣятельности, если всѣ пути къ ней заложены политикой непріязненной партіи, либо изгнаніемъ, какъ то и другое случилось съ нашимъ Антоніо: тогда понятно, что человѣкъ ищетъ прилѣпиться къ какому нибудь символу, хотя бы обветшалому, который представлялъ бы его право, его законныя надежды; тогда начнутся слегка риторическія воззванія Антоніо Альберти къ новому цесарю (Cesare novello) и мистическіе восторги, приведшіе его въ общество св. Бригитты и вызвавшіе грустныя слова его отвѣтнаго сонета къ Франко Саккетти: что стремится къ гибели, кто обращаетъ свои помышленія на земныя блага. «Messer Antonio mio», писалъ ему Саккетти: *).

Messer Antonio mio, quanto più penso
Al viver de'mortali, più mi pare

*) «Мой мессеръ Антоніо, чѣмъ болѣе я размышляю о людской жизни, тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что иные сами причиняютъ себѣ бо́льшія затрудненія, чѣмъ приноситъ имъ судьба.—Кто колеблется между той и другой стороною, кто хочетъ все подчинить своей волѣ, и чтобъ свѣтъ обстоялъ, какъ имъ нравится, а небо было-бы къ нимъ благосклонно.—Какой трудъ и какую работу задавали себѣ многіе, и какъ много и различно говорили,—кто за лиліи съ полосою въ гербѣ, кто за лиліи безъ полосы. Что выйдетъ изъ этой упрямой распри»?

Che più fatica molti si san dare
Ch'a lor non vien per fortunato offenso.

Chi combatte tra l'uno e l'altro senso,
E chi vuol volontà sua donna fare,
Chi vuol che'l mondo stia come gli pare
E chi vuol che'l ciel volga a suo compenso.

Quanta fatica e quanto greve affanno
S'han dato molti, e che diverso bello
Di lingue fatto s'è per ogni scanno,

Chi per gli gigli ch'han sopra il rastello,
E chi per quelli che senz'essa stanno:
Ora che n'è di sì aspro duello? [177])

Мессеръ Антоніо отвѣчаетъ ему на тѣ же риѳмы: *)

Come spirto costretto a dar responso,
Vivo fonte gentil del bel parlare,
Non sa nè puo vostro ingegno cessare
Di mostrar saver più quant'è più immenso.

Il labor de'mortal per voi contenso,
Che spesse volte indarno in loro appare,
Quanto più volontario è'l disiare
Fuor di ragione, tant'è or maggior censo.

E se le nostre cose termin hanno,
Siccome pinge in fin vostro pennello,
Chi spera più in lor, segue suo danno.

Ma perch'io saprei pria cangiar il vello
Che risponder a que'che mosso m'hanno,
Ringrazio il vostro stil legiadro e bello. [178])

---

*) «Живой источникъ краснорѣчія, твой умъ, какъ духъ приневоленный къ отвѣту, не знаетъ и не можетъ перестать выказывать свое знаніе тѣмъ болѣе, чѣмъ оно безконечнѣе.—Людскія волненія, о которыхъ ты говоришь, часто оказываются напрасными, и чѣмъ произвольнѣе выражается иногда неразумное желаніе, тѣмъ оно выше становится.—Но если все земное должно имѣть конецъ, какъ изображаетъ въ концѣ твоя кисть,—кто болѣе возлагаетъ на него надежды, идетъ къ своей гибели.—Но мнѣ скорѣе выродиться, чѣмъ съумѣть отвѣтить тѣмъ, кто вызвалъ меня; потому я благодарю тебя за твои милыя и прекрасныя слова».

Антоніо ди Николайо ди Якопо дельи Альберти родился около 1358 года, какъ явствуетъ изъ духовнаго завѣщанія (codicello) его отца отъ 26-го января 1375 года: изъ него видно, что въ то время ему не было 18-и лѣтъ. [179]). Онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, когда въ 1378 году партія Чомпи возвела его въ должность рыцаря золотой шпоры (cavaliere a spron d'oro), чтобы такимъ образомъ почтить въ немъ память отца, «мужа честнаго и правдиваго», какъ называетъ его Аммирато [180]), у гроба котораго пятьсотъ нищихъ проливали слезы. Надо полагать, что эта репутація популярности перешла отъ отца на сына, котораго мы встрѣчаемъ снова въ 1382 году, когда ему поручено было возвести въ рыцарскій санъ Роберта Кампорени, подесту Флоренціи. Съ политическимъ направленіемъ Альберти мы впрочемъ уже знакомы: мы видѣли ихъ въ числѣ главныхъ руководителей той оппозиціи противъ гвельфскихъ олигарховъ, которой результатомъ было изгнаніе Альбицци; видѣли, какъ они опирались на народъ, пока считали это нужнымъ для достиженія своихъ цѣлей, чтобы потомъ обратиться противъ него, когда, недовольные сдѣланными имъ уступками, Чомпи потребовали дальнѣйшихъ. Такъ въ 1382 году мы находимъ нашего Антоніо во главѣ своихъ сродниковъ и многочисленныхъ приверженцевъ въ борьбѣ съ плебсомъ, popolo minuto, лишеннымъ въ предъидущемъ году всякаго участія во власти распоряженіями временнаго правительства (balìa), гдѣ участвовалъ между прочимъ и нашъ Антоніо [181]), и теперь поднимавшимся снова въ надеждѣ взять перевѣсъ [182]). Въ сентябрѣ 1383 г. онъ былъ въ числѣ флорентійскихъ банкировъ, ставшихъ поручителями за венеціанскую республику передъ Генуей въ точномъ исполненіи условій, постановленныхъ на третейскомъ судѣ (lodo) въ Туринѣ, за два года передъ тѣмъ, касательно прекращенія войны, приведшей въ изнеможеніе обѣ воюющія стороны. Это была для Альберти самая цвѣтущая пора, завершившаяся государственнымъ переворотомъ 1387 года, когда противная имъ партія была возвращена изъ изгнанія, и наоборотъ изгнано все семейство Альберти, за исключеніемъ немногихъ; въ числѣ послѣднихъ были и сыновья мессера Николайо [183]). Приговоръ состоялся 5-го либо 6-го мая, а въ ноябрѣ того-же года нашъ Антоніо уже находился по торговымъ дѣламъ въ Брюгге, откуда шлетъ письмо, писанное 26-го ноября (fatta dì XXVI di Novembre) во Флоренцію, къ какому-то Никко-

лò ди Лука; другое письмо, писанное 9-го мая 1388-го года, съ небольшой припиской отъ 21-го числа, адресовано тому же Никколò ди Лука и Сандро ди Боно, также изъ Брюггé [184]). Изъ всего этого мы, кажется, можемъ заключить, что оба эти года его во Флоренціи не было, потому ли что къ тому принуждали его коммерческія дѣла, или онъ счелъ за лучшее держаться вдалекѣ отъ политическаго поприща, находившагося тогда въ рукахъ людей враждебныхъ его партіи; и что наконецъ во Флоренцію онъ возвратился только въ 1389 году, когда вмѣстѣ съ Никколò ди Микеле ди Ванни Кастеллани былъ избранъ уффиціаломъ монетнаго двора (uffiziale della Zecca) на шесть мѣсяцевъ, начиная съ 28 мая [185]), и камераріемъ (camerario) того же двора на слѣдующее полугодіе (init. die XXVIII mensis Novembris dicti anni). Въ этомъ году Антоніо женился, какъ разсказываютъ намъ историческіе записки сэръ Наддо: «замѣть, что 20-го дня іюня 1389 г. мессеръ Томмазо или Мазо ди Лука дельи Альбицци, который сдѣлался и былъ сдѣланъ рыцаремъ въ Германіи, устроилъ въ монастырѣ Санта Кроче праздникъ своего посвященія, прекрасный и торжественный, со многими ратными людьми; былъ и турниръ, т. е. многіе держали поле, только никто не явился на вызовъ. Въ тотъ же день мессеръ Антоніо ди мессеръ Николайо дельи Альберти отпраздновалъ свадьбу въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ, въ окрестностяхъ Флоренціи, чтò зовется Парадизо, и невѣстой была дочь мессера Томмазо дельи Обицци, бывшая въ первомъ бракѣ за именитымъ человѣкомъ.....,съ которымъ она пожила всего шесть мѣсяцевъ» [186]). Мы поговоримъ въ другомъ мѣстѣ о Бартоломмеѣ дельи Обицци, «женщинѣ почтенной, всѣми уважаемой и богобоязненной» (donna lodabile, orrevole molto e timorata di Dio), какъ выражаются о ней однѣ древнія современныя записки; пока замѣтимъ роковое совпаденіе двухъ праздниковъ, изъ которыхъ одинъ открыто стелется на площади, среди тріумфальныхъ процессій и трубныхъ звуковъ, а другой притаился скромно на загородной виллѣ. Дѣло въ томъ, что положеніе Антоніо, послѣ изгнанія его сторонниковъ и торжества Альбицци, было въ самомъ дѣлѣ исключительное: его только-что терпѣли; онъ, разумѣется, не могъ водить дружбу съ враждебной ему партіей, которая если продолжала его щадить, то потому, что обаяніе его личныхъ заслугъ было слишкомъ велико въ массахъ, его богатства щедро расточались на пользу республики [187]), и

память отца еще продолжала жить въ народѣ; наконецъ у него еще были связи. Однимъ словомъ, время, когда можно будетъ избавиться отъ него, казалось, еще не настало, а, можетъ быть, и самъ Антоніо отдалялъ его, благоразумно держась въ сторонѣ отъ общественныхъ дѣлъ, чтобы не колоть глаза. Въ противномъ лагерѣ работали для того же удаленія; да и съ другой стороны, добиваться должностей въ такихъ обстоятельствахъ значило бы содѣйствовать величію Альбицци и гибели своихъ. Такъ случилось напр. въ 1393 году, когда, назначенный въ число двѣнадцати buonomini, Антоніо долженъ былъ принять участіе въ временномъ правительствѣ (balìa), избранномъ на общемъ народномъ собраніи (parlamento generale) подъ предлогомъ преобразованія разныхъ должностей, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы сосредоточить власть въ рукахъ Мазо дельи Альбицци и его сообщниковъ. Самыя строгія мѣры временнаго правительства были обращены на всѣхъ приверженцевъ партіи Риччи, и Антоніо пришлось равнодушно смотрѣть, какъ осуждались на изгнаніе многіе изъ близкихъ ему, тогда какъ другіе были лишены права занимать какія-бы то ни было муниципальныя должности; и развѣ только личнымъ снисхожденіемъ къ нему можно объяснить, если въ пользу его самаго и его братьевъ было сдѣлано исключеніе изъ строгихъ положеній закона. Само собою разумѣется, эта любезность враждебной партіи не доходила до того, чтобъ открыть ему доступъ къ политической дѣятельности: это лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что имя столь именитаго и уважаемаго гражданина продолжаетъ отсутствовать въ административныхъ спискахъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣчаемъ Альберти только въ тѣхъ должностяхъ, къ которымъ ему невозможно было преградить пути, потому что на нихъ избирались по жребію; за то за нимъ нѣтъ ни одной претуры, ни одного посольства ему не поручено, потому что въ этихъ случаяхъ рѣшалъ не жребій, а избраніе; а избраніемъ руководили Альбицци.

Когда такимъ образомъ для него сдѣланы невозможными общественная дѣятельность и общественныя почести, становится понятна въ нашемъ Антоніо сосредоточенность, побуждавшая его искать уединенія въ прелестной виллѣ, неподалеку отъ Флоренціи, за воротами С. Никколò, по дорогѣ къ pian di Ripoli (Piano a Ripoli): «мѣсто и зданіе обширное, красивое и пріятное, съ лоджіями, навѣсами, садами и многими другими

хитростями, почему оно и названо было *Парадизо»* [188]). Ту-же этимологію повторяетъ современникъ фра Маттео, ордена св. Бригитты: и для него названіе Парадизо пошло «отъ красоты и украшеній на зданіяхъ и въ садахъ, какіе тамъ были, и отъ плотскихъ удовольствій, которыми пользовались тамъ свѣтскіе люди» [189]). Здѣсь Антоніо проводилъ время въ невольномъ, но почтенномъ досугѣ (onestissimo ozio), забавляясь поэзіею по слѣдамъ Данте и Петрарки, которыхъ былъ далеко не дюжиннымъ подражателемъ; здѣсь, вѣроятно, въ обществѣ избранныхъ умовъ, продолжавшихъ собираться вокругъ него, написаны были и его Historia illustrium virorum и Contenzioni amatorie [190]), теперь одинаково потерянныя; и ничто не мѣшаетъ предположить, что мысль того и другаго труда зародилась впервые на бесѣдахъ, которыя тамъ происходили и только частью дошли до насъ на страницахъ нашего романа [191]). Общество и разговоры, мы видѣли, были самые разнообразные: мужчины и женщины, дѣловые люди и ученые, различные интересы и противоположныя точки зрѣнія. Такимъ образомъ буря политической жизни, отъ которой убѣгалъ Антоніо, доносилась до него по слухамъ, будто смягченный далью отголосокъ: онъ только нравился и не поражалъ болѣе. Здѣсь мессеръ Антоніо могъ пѣть тѣ-же хвалы своему милому деревенскому уединенію, какія впослѣдствіи Леонъ Баттиста Альберти вложилъ въ уста мессеру Джіовинаццо: «Господи, да это настоящій *рай!* И, что̀ всего лучше, ты можешь на виллѣ избѣгнуть шума, возни и бѣготни города, площади, palazzo de'signori. На виллѣ ты можешь скрыться, чтобы не видѣть тѣхъ мерзостей, обмановъ, того количества негодныхъ людей, что̀ въ городѣ постоянно шныряютъ у тебя передъ глазами, постоянно осаждая тебя своей болтовней, слѣдя за тобой шагъ за шагомъ, крича и голося по городу, будто бѣшеные, ужасные звѣри. Какое блаженство жить въ деревнѣ! какое неизвѣданное счастье!» [192]).—Собравшись утромъ, все общество Парадизо отправлялось въ часовню помолиться; тамъ ожидалъ ихъ капелланъ, и всѣ набожно слушали обѣдню [193]); но затѣмъ перебирались на зеленый лугъ, или подъ тѣнь пиній (giardino delli abeti), вокругъ фонтана, обычнаго сборнаго мѣста итальянскихъ новеллистовъ. Здѣсь уже разложены богатые ковры, рядомъ буфетъ или поставецъ (dirizzatoio), гдѣ въ серебряныхъ вазахъ дорогое вино и заморскія лакомства, также свѣжіе плоды, вишни, дыни и росистыя фиги; слуги подаютъ холодную воду, неви-

данные звѣри бѣгаютъ по лугу, и пѣніе птицъ на верху пиній, елей и кипарисовъ переноситъ васъ въ какой-то земной рай (sì che ciascuno di loro essere istimava nel più bel paradiso) [194]. Къ угощеніямъ примѣшивались забавные разсказы, танцы и пляски; однимъ словомъ, всѣ тѣ плотскія удовольствія, въ которыхъ укорялъ свѣтскихъ людей строгій фра Маттео. Флорентійская жизнь была въ то время болѣе праздничная и веселая, чѣмъ теперь [195]: чтобы составить себѣ понятіе о ней, стóитъ только почитать новеллистовъ, многочисленные сассе и madriali и аллегорическіе разсказы въ стихахъ, вродѣ La battaglia delle belle donne Саккетти, Il Giuoco d'amore, Il Pome del bel fioretto и т. п., которые подъ причудливымъ покровомъ иносказанія скрываютъ прочное историческое ядро, предлагающее очень положительные матерьялы для характеристики тогдашнихъ свычаевъ и обычаевъ. Въ одной баллатѣ (ballatetta) Франко Саккетти общество беззаботныхъ весельчаковъ (cacciapensieri) собирается лѣтомъ на высокой Мариньолѣ (Marignolle sovrana, неподалеку отъ Флоренціи, гдѣ находилась вилла Саккетти, впослѣдствіи принадлежавшая Пандольфини), и только съ приближеніемъ снѣжной зимы, скрывающей прекрасную зелень и цвѣты, собирается назадъ во Флоренцію, повѣсивъ голову (a testa china) и горюя о прошлыхъ удовольствіяхъ *):

Sempre danze e rigoletti,
Con diletto e gioi'ciascuno:
Vecchi come giovanetti,
Non è differente alcuno.
Siamo cento e siamo uno
In un animo e volere.
Ciascun gridi per godere
E muoia chi non vuol cantare!

D'amor suoni e vaghi canti
Et in ballo e fuor di ballo;
Donne e donzellette avanti

*) «Вѣчно пляски и хороводы; веселятся безъ разбору, старые и молодые, душа въ душу, сто человѣкъ будто одинъ. Пусть голоситъ всякій въ свое удовольствіе, и умретъ, кто не хочетъ пѣть.—Любовные звуки и сладкія пѣсни, за пляской и безъ пляски: женщины и дѣвушки поютъ безъ перерыва, одна кончила, другая уже заводитъ,—все ради веселья. Разсудокъ и скромность мы оставили позади, за высокими стѣнами Флоренціи; намъ нечего бояться, что воры отнимутъ у насъ то или другое. Такъ проводимъ мы время лучше, чѣмъ я съумѣю разсказать».

Cantan dolce sanza fallo;
E non fanno intervallo,
Chè, come l'una ha cantato,
L'altra ha tosto incominciato,
Sol per gioco e festa dare.

Il senno e la contenenza
Lasciam dentro all'alte mura
Della città di Fiorenza,
Sì che non ci sia paura
Che compagna o gente fura
Cel possa rubare o tôrre.
Così nostra vita corre,
E me'ch'io non vi so contare [196])

Большой поводъ къ увеселеніямъ представляли годичные и храмовые праздники, а также урочныя хожденія по святымъ мѣстамъ, освященнымъ памятью національныхъ святыхъ. Таково было хожденіе графа Карла и его общества къ святилищамъ тосканскихъ Апеннинъ, опредѣлявшееся на столько-же набожными цѣлями, на сколько цѣлями удовольствія и развлеченія: необходимое условіе, которому пришлось подчиниться даже такому духовному лицу, какъ Луиджи Марсили, почему заурядъ съ прочими и онъ вынужденъ разсказать новеллу.—Тамъ, гдѣ народу собиралось много, какъ бывало на большихъ церковныхъ годовщинахъ, тотчасъ-же устроивалась ярмарка, пріѣзжали купцы и скоморохи, и цѣль хожденія быстро забывалась среди любви и смѣха, для соображеній совершенно иного характера. Одна современная стихотворная повѣсть (poemetto) разсказываетъ намъ о посѣщеніи города Прато по случаю годоваго празднества, когда тамъ выставлялся на поклоненіе народу поясъ Богородицы (Cintola della Vergine): она въ высшей степени интересна по характернымъ свѣдѣніямъ, какія сообщаетъ объ этихъ народныхъ гульбищахъ, въ которыхъ религіозный элементъ сливался съ свѣтскимъ.

Дѣло было въ Августѣ(—Сентябрѣ), или, по ученому выраженію автора, въ ту пору, когда Фебъ въ своемъ быстромъ бѣгѣ уже успѣлъ посѣтить большую часть небесной храмины Дѣвы: *)

Avea di Febo già il veloce corso
Cierco di Virgo le case celeste
La maggior parte col suo fiero morso;

*) «Уже Фебъ въ своемъ быстромъ бѣгѣ посѣтилъ большую часть небесной храмины Дѣвы, и не только во Флоренціи, но и во всѣхъ мѣстностяхъ, ей

Quando nel Fior de' fiori, ove richieste
Son le sant'are co' fumanti fuochi
Ne'tempi eletti delle sante feste,

Non che dentro le mura, ma ne' lochi
Qua'sottoposti sono a sua francheza,
Si veggiono adornar d'onesti giochi;

Perchè, venuto'l tempo il qual s' appreza
Veder mostrare in Prato la cintura
Di quella iddea ch'avanza ogni belleza,

(La cui virtù mostrata oltr' a misura
Fu sì accetta al sommo criatore
Che'n lei rinchiuso si fe'criatura)

Onde gran parte con contrito core
Con umiltà si muovon per vedere
Quelle relique che cinse il Signore,

E altri molti vi van per piacere,
E chi per mercatare a quella fiera
Di panni o di bestiame o d'altro avere;

Allor commosso da divina spera
In cor mi posi con la mente accorta
Donare all'alma la indulgienza intera.

Perchè, avanti che Febo la scorta
Faccia, mi mossi senz'alcuna guida,
Movendo i passi arrivai alla porta.

L'ottava spera ove Leda s'annida
Era ripiena di lumi e splendori,
La figlia di Latona ancor par'rida;

подвластныхъ, дымились праздничные алтари и устраивались игры. Близилось время, когда въ Прато показываютъ поясъ пречистой Дѣвы, столь угодной Создателю, что заключившись въ ея утробѣ Онъ вочеловѣчился; и многіе съ покаяннымъ и смиреннымъ сердцемъ собрались посмотрѣть на святыню, опоясавшую Бога; а иные шли ради удовольствія или за тѣмъ, чтобы торговать на ярмаркѣ скотомъ, тканями и другимъ добромъ. Побуждаемый высшей силой вздумалъ и я пріобрѣсть полное отпущеніе грѣховъ, и прежде чѣмъ взошло солнце, безъ проводника отправился въ путь. Восьмая сфера, гдѣ гнѣздится Леда, была полна свѣта, и дочь Латоны (луна) еще улыбалась въ небѣ, когда я пришелъ

Perchè piaciuto non era a'maggiori
Mandare i famigliari a diserrare
Le porti per le qua'si passa fuori:

Onde posto a seder sul limitare
Tutto pensoso la gota appoggiando
Sopra'l sinistro braccio ad aspettare.....

Между тѣмъ онъ слышитъ, какъ отворились городскія ворота, и входитъ въ городъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ спутникомъ, котораго необычайная красота привлекаетъ всѣ взоры *):

E quando i raggi tiepidi scherzando
Cominciarno asciugar la moll'erbetta,
Avanti che'l valor venga mostrando,

Arrivamo al castel; al qual con fretta
Entrati ci drizamo inver la pieve,
Quivi prendendo l'acqua benedetta.

E, dopo il dir d'alcuna orazion brieve,
Per riposarci, chè n'aveam mestiero
Chè non usato affanno par più grieve,

Movemmo i passi verso un monistero
Dove raccolti fummo con gran festa
Da bianche ninfe portanti il vel nero.

Quivi assettati con la sacra giesta
Ci fu trovata molta confezione
Da quelle ch'a servirci null'aresta.

къ воротамъ; и такъ какъ начальникамъ города не заблагоразсудилось велѣть отворить ихъ, то я сѣлъ въ отдаленіи, задумчиво подперевъ голову лѣвой рукою».

*) «Когда теплые лучи начали осушать росу съ мягкой травы, прежде чѣмъ проявить всю свою силу, мы прибыли къ замку и поспѣшили въ церковь, откуда, доставъ святой воды и послѣ краткой молитвы, направились къ монастырю отдохнуть, потому что отдыхъ тѣмъ необходимѣе, чѣмъ непривычнѣе трудъ. Здѣсь насъ приняли радушно бѣлыя нимфы подъ чорнымъ покрываломъ (монахини доминиканскаго ордена), усадили и не уставали угощать насъ. Послѣ завтрака мы снова пошли въ церковь, потому что было время показывать народу святыню, и, стоя на площади, мы увидѣли ее въ рукахъ священника, при звукахъ музыки и сладкомъ пѣніи».

Po'riposati e fatta collezione
Ritornammo alla pieve, chè mostrare
La santa orliqua n'era la stagione;

E'n sulla piazza stando a riguardare
Quella vedemmo in man del sacerdote
Mostrar con suoni e con dolce cantare.

Мужчины и женщины толпятся вокругъ красиваго юноши; почему, во избѣжаніе какихъ-либо неудовольствій (per non aver scorno), оба спутника возвращаются въ монастырь; но здѣсь толкотня кругомъ ихъ становится еще сильнѣе: толкутся и пробираются впередъ тѣ, отъ кого всего менѣе того ожидаешь: *)

Ma poi che dentro a quel fumo serrati,
In una loggia presso al parlatoro,
Fummo con altri alla mensa assettati.

Chi avesse veduto il concestoro
Di quelle ninfe accolte per vedere
Costui, e la quistion ch'era tra loro!

Però che tutte non potean capere
A quella finestrella, onde con ira
Si sospignean facendosi cadere;

E tanto furiosa fu la tira
Che si graffiaron l'una e l'altra il viso
Pel superflo calor che'n lor s'aggira.

La gelosia ch'io avea si voltò in riso
Veggendo la gran zuffa e'l gran romore;
Con maraviglia le miravo fiso.

---

*) «Въ лоджіи, рядомъ съ пріемной, насъ вмѣстѣ съ другими усадили за столъ. Посмотрѣлъ бы тогда кто нибудь на этихъ нимфъ, какъ онѣ толпились, чтобъ поглядѣть на него, какой между ними поднялся споръ, потому что всѣмъ негдѣ было помѣститься въ окошкѣ, и онѣ толкали другъ друга съ гнѣвомъ, падали и царапали другъ другу лицо—такъ воспламенила ихъ излишняя любовь.—Эта свалка и шумъ обратили въ смѣхъ мою ревность; я дивился на нихъ, но потомъ началъ грозно: Вы, посвятившія свое сердце Діанѣ,—что побуждаетъ васъ повиноваться тому, кто властвуетъ третьимъ небомъ? (т. е. Венерѣ). Къ чему мучите вы другъ друга? Гдѣ ваше воздержаніе и скромность? Гдѣ взаимная любовь? Вѣдь вы зовете другъ друга сестрами. Гдѣ обѣщанная вами непорочность? Эти слова утишили ихъ рвеніе, и онѣ удалились не говоря ни слова, иная смущенная, иная побѣжденная любовью».

Ma poi rivolto con fiero tenore
Incominiciai: O donne ch'al servire
Dïana avete sottomesso il core!

Dê qual cagion vi fa tanto ubbidire
A quel che'l terzo ciel à in podestade,
Che l'una l'altra facciate languire?

Ov'è vostra astinenza e l'onestade?
Ov'è l'amor? Voi vi chiamate suore:
Ov'è vostra promessa castitade?

Queste parole attutaro il loro amore (sic);
Onde sanza pigliare alcuna scusa
Ciascuna si partì con gran dolore,

Qual da vergogna e qual d'amor confusa.

Приключенія обоихъ путешественниковъ на возвратномъ пути во Флоренцію, если можно, еще курьознѣе. Прибывъ въ Сесто, они видятъ окруженнаго толпою скомороха (giocolare), который разсказываетъ въ началѣ одну изъ новеллъ Боккаччьо и затѣмъ начинаетъ показывать фокусы и хвалиться своей ловкостью, продѣлками и искусствомъ, болѣе чѣмъ подозрительнаго свойства,— все это за тѣмъ, чтобы привлечь къ себѣ юношу, котораго красота возбудила въ немъ нечистыя мысли. Мы приводимъ здѣсь весь этотъ отрывокъ, интересный по многимъ бытовымъ указаніямъ: такъ между прочимъ мы узнаемъ изъ него, что въ XIV—XV вв. новеллы Боккаччьо, и вообще новеллы, разсказывались на площадяхъ, тогда какъ *cantari di piazza* можетъ быть произносились на распѣвъ, какъ и теперь еще легенды и отрывки изъ народныхъ книгъ. — На нѣкоторыхъ другихъ бытовыхъ аллюзіяхъ, нескромно протягивающихся черезъ все содержаніе poemetto, мы не останавливаемся, какъ на неидущихъ къ дѣлу *).

Era già il sole all'occaso vicino
Forse a due ore, quando manifesto
Molta gente vedemmo in sul cammino

*) «Уже до заката оставалось часа два, когда мы увидѣли толпу народа на дорогѣ въ виллу, что̀ зовется Сесто: она окружила человѣка почтенной наружности, цвѣтистой рѣчи, котораго смышленое лицо свидѣтельствовало, что философія воспитала его въ своей школѣ: такимъ благовоспитаннымъ онъ ка-

D'una villetta, che si chiama Sesto:
Questi avien fatto tutti un cerchio intorno
A un che più ch'altro uom parea onesto.

L'aspetto suo e'l suo parlare adorno,
La testa in cui ogni altra fantasia
Chiaro parea che facesse soggiorno,

Sembianti dava che filosofia
Allevato l'avesse in la sua scuola:
Tanto parea pien di cortesia.

Costui seguendo con sua dolcie mola,
Per dar contentamento a'circustanti
Ch'attenti stavan sanza far parola,

Incominciò: «*Come voi tutti quanti*
Innarrar udisti il Boccaccio poeta (sic)
Che per sue gran virtù fe' libri tanti;

Fra'quali una novella vaga e lieta
M'occorre raccontar, ch'è delle ciento
Delle qual tutta Italia n'è repleta».

Ciascuno di noi a udire era attento,
Quando del prete e della Belcolore
La storia disse col proprio argomento,

E con quelle parole che l'autore
In sul suo libro poetando scrisse
Co'propi punti e col proprio tenore.

зался. Всѣ стояли кругомъ, внимая въ молчаніи, когда, чтобы потѣшить слушателей, онъ началъ такъ: «Вы всѣ слышали про поэта Боккаччьо, что̀ написалъ столько хорошихъ книгъ; теперь я разскажу вамъ одну веселую и хорошую новеллу, изъ числа тѣхъ ста, которыми полнится Италія». Каждый изъ насъ слушалъ внимательно, когда онъ разсказывалъ исторію про священника и Бельколоре, всю какъ есть, и тѣми же словами, какими поэтически написалъ ее авторъ. Кончивъ новеллу, онъ на томъ не остановился и, схвативъ за руку моего спутника, сказалъ такія слова: «какая счастливая звѣзда привела тебя въ эти страны, которыя сдѣлаются для тебя столь дорогими, что ты благословишь день и часъ твоего прибытія? Потому что еще не было ни одного тебѣ подобнаго, кто-бы не постарался угодить мнѣ во всемъ. Погоди немного, я покажу тебѣ такія диковинки, что ты на меня не надивишься. Сколько разъ поблагодаришь ты Зевса за такого друга, когда увидишь исполненнымъ на дѣлѣ, что̀ я обѣщаю тебѣ. Вопервыхъ, если случайно полюбится кто нибудь

Finita la novella, non s'affisse,
Ma, distesa la man, pel braccio prese
Il mio compagno, e ta' parole disse:

Dê qual ventura t'à in questo paese
Guidato, che ti fia ancor sì caro
Che ne benedirài il giorno e'l mese?

Perchè nessun tuo par ma'fu sì avaro
Che non desiderasse di piacermi
Disponendosi a ciò senza riparo.

E però intendo ch'alquanto ti fermi;
E io ti mostrerò cose si nove
Che mirar ti farò solo in vedermi.

Dê, quante volte ringrazierai Giove
Che t'ha conciessa sì fatta amistanza,
Quando vedrai quel ch'io dico per prove.

Prima s'adivenisse ch'un' amanza
A'begli occhi piacesse, come avviene,
Sol nello'ngengo mio prendi speranza:

Pistole comporrò con ta'catene
Ch'arebbon forza di pigliare il core
D'un tigro o d'orso o'n cui più durezza ène.

E se si dilettasse il tuo valore
Andar di notte o portar il coltello,
Sempre sicur sarai da ogni rettore:

Perchè nessun sì fiero entra novello
Ch'io nol corrompa col mio dolce stile,
Sì operar so bene il mio zimbello.

Or, perchè aperto veggi se sottile
È'l mio ingegno per isperienza» —,
Voltato a un garzon con atto umile

твоимъ прекраснымъ очамъ, какъ часто бываетъ, надѣйся на мой умъ: я стану сочинять для тебя такія письма, что въ ихъ сѣти попадется даже сердце тигра или медвѣдя. Еслибъ ты захотѣлъ гулять ночью и носить оружіе, тебѣ нечего будетъ бояться ректора: потому что нѣтъ такого яраго новичка, котораго я не обошелъ бы моими сладкими рѣчами: такъ ловко я ловлю ихъ на приманку. Но ты тотчасъ увидишь, какой я искусникъ». И, обратившись привѣтливо къ одному мальчику, онъ сказалъ: «принеси пожалуйста два чистыхъ стакана, такъ чтобы всѣ видѣли, и одинъ пусть будетъ полонъ воды». Когда тотъ принесъ ихъ,— «смотрите всѣ», сказалъ онъ и, взявъ въ руки склянку какой-то чудной

Disse: «Ti priego che nella presenza
Di tutti rechi due bicchier lavati,
Che l'un sia pien d'acqua senza fallenza».

E que'che'ntese, tosto gli ha recati;
Et egli, avendo un ampolluza in mano
D'un perfetto liquor, disse: «Ognun guati».

E sopra'l volto versato pian piano
Quant' una lagrimetta del licore,
Mescolando col pien, si fe' trebbiano

Di tanto chiaro e perfetto colore,
Ch'appena credo fosse più perfetto
Quel ch'alle noze fecie il Redentore.....

Продолжая далѣе въ томъ же стилѣ онъ *)

Colle man proprie una mosca prese
E tosto l'annegò con gran tormento;

E questo fatto a ciaschedun palese
In sua virtù la fece ritornare,
Tal che subitamente a volar prese.

«Or non intendo quì più prove fare,
Però chè'l tempo è brieve; e, se'n piacere
T'è di voler la mia usanza pigliare,

жидкости, осторожно влилъ въ стаканъ каплю, которая, смѣшавшись съ водою, обратила его въ вино Треббьяно, такого чистаго и прозрачнаго цвѣта» и т. д.

*) «Взявъ руками муху и потопивъ ее сначала въ глазахъ у всѣхъ, онъ оживилъ ее тотчасъ, такъ что она принялась летать. «Больше показывать тебѣ я теперь не стану, потому что нѣтъ времени; но если ты заблагоразсудишь остаться со мною, ты каждый день узнаешь тысячи подобныхъ фокусовъ, цѣлебныя силы всѣхъ травъ и таинства природы. Потому я прошу тебя не отказываться отъ счастья, посылаемаго тебѣ Богомъ. Гдѣ найдешь ты вѣрнаго человѣка, котораго друзья такъ часто просили-бы къ себѣ въ крестные отцы? Рѣшайся-же, благородный юноша: сжалишься-ли ты надо мною, или останешься непреклоненъ къ моимъ достоинствамъ, столь ясно обнаруженнымъ? Никто до сихъ поръ не устоялъ противъ Бальдо—не знаю будешь ли ты столь жестокимъ къ себѣ, что не пожелаешь имѣть меня твоимъ пѣстуномъ.—То мое имя, а отца звали Микеле».

Miglia' potrà'ne ogni giorno vedere,
E sì d'ogni erba ogni somma virtute
E natural segreti in prove vere.

Adunque i'priego te che non rifiute
Quella ventura che Iddio ti concede,
Qual fia cagion di tua somma salute.

Qual troverrà' tu mai il qual di fede
Fusse quant'io dagli amici richiesto
A figliuol battezzar per loro merzede?

Che farai dunque, o giovinetto onesto?
Sarai di me piatoso o starai saldo
Veggendo il mio valor sì manifesto?

Nessun potè mai riparare a *Baldo*;
Non so se ti sarai tu sì crudele
Che mi rifiuti per tuo manovaldo:

Quello è il mio nome, e'l padre fu *Michele* [197])

Но пора намъ оставить ярмарочныя сцены и безстыдныя кривлянья фигляра и перейти къ майскимъ празднествамъ, поэтическому обычаю итальянскихъ и въ особенности тосканскихъ деревень. Въ XVI-мъ вѣкѣ упоминаетъ о нихъ въ Мантуѣ макароническая поэма Teofilo Folengo. Въ первый день Мая всѣ садятъ передъ своими жилищами высокія деревья и вѣтви, получающія названіе отъ мѣсяца. Народъ ходитъ по улицамъ за телѣгами, которыя возятъ быки, увѣнчанные и украшенные длинными фестонами изъ розъ. На телѣгахъ вороха зелени, померанцевыхъ, миртовыхъ, лавровыхъ листьевъ, стебли майорана и росмарина; тутъ всякаго сорта тополи, дубъ, вязъ и плющъ; къ нимъ привѣшены разныя бездѣлушки и украшенія, тонко сдѣланныя изъ бумаги, и вѣтеръ свободно играетъ ими, перебрасывая во всѣ стороны. Поверхъ всего, мальчикъ съ повязанными глазами и лукомъ въ рукѣ изображаетъ крылатаго купидона; онъ мечетъ стрѣлы во всѣ стороны. Толпа молодыхъ дѣвушекъ, убранныхъ цвѣтами, провожаетъ шествіе; онѣ несутъ въ корзинахъ яица и поютъ, ходя по городу [198]). Нѣчто подобное сообщаетъ и Полидоръ Виргилій, изъ Урбино, хотя съ меньшими подробностями: и у него молодежь обоего пола выходитъ въ поле на первое Мая съ плясками, собираетъ зеленыя вѣтви, которыя разставляются передъ жильями, и всякій считаетъ долгомъ въ тотъ день

носить какую нибудь вѣточку или траву: иначе онъ подвергается опасности быть погруженнымъ въ воду [199]). Свѣдѣнія о подобныхъ-же празднествахъ въ Тосканѣ восходятъ къ еще болѣе ранней порѣ. Флорентійскіе историки повѣствуютъ, что еще въ первыя времена республики праздновались во Флоренціи и ея области *майскія календы* (calen di maggio) и съ ними возвратъ весны, пѣснями и музыкой, плясками и пиршествами. Когда въ XIII вѣкѣ Adenes li Rois посѣтилъ Тоскану, эта поэтическая обрядность должна была сильно поразить его воображеніе, если онъ счелъ нужнымъ упомянуть о ней въ своемъ романѣ Cléomades. Прибывъ въ одинъ тосканскій зáмокъ, Chastiau noble, принадлежавшій царю Кормону, герой романа открываетъ въ немъ прекрасную залу, гдѣ на столѣ изъ слоновой кости и хрусталя, покрытомъ бѣлой вышивной скатертью, были приготовлены яства и вино въ золотыхъ чеканныхъ сосудахъ. Таковъ былъ давній обычай въ этомъ замкѣ, что два раза въ году дѣлались такія приготовленія: въ Маѣ, потому что въ этомъ мѣсяцѣ завелъ ихъ первый ихъ учредитель, и въ Іюнѣ, когда бываетъ привольно гулять по саду. Въ продолженіи этихъ двухъ мѣсяцевъ каждый вечеръ уставляли столъ всякими яствами и питіями и затѣмъ уходили послѣ того какъ ихъ священники благословятъ все принесенное. Таково было чествованіе Мая и Іюня: Мая за его красу (joliveté), Іюня за его плодородіе. На другой день, помолившись своимъ богамъ (Тоскана представляется еще страною языческою), всѣ возвращались, царь Кормонъ отвѣдывалъ кушанья и вина, за нимъ его приближенные, и тогда начинался праздникъ и веселье, гремѣла музыка, не было такого инструмента, который не нашелъ бы здѣсь своего представителя—и авторъ принимается перечислять ихъ во всей подробности [200]). Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ случаѣ раздавались и такъ называемые *maggi* (старо-прованс. kalenda maia), народныя канцоны, имѣвшія отношеніе къ весеннему празднику, либо нарочно слагавшіяся поэтами въ народномъ стилѣ,—ихъ ранніе образцы представляютъ стихотворенія Гвидо Кавальканти, Соццини и Анджело Полиціано,—и какъ на улицахъ Мантуи должны были красоваться зеленыя вѣтви, въ Тосканѣ *maio* [201]), которыя крестьяне садили передъ дверьми своихъ возлюбленныхъ, а иногда носили по городу, украсивъ ихъ свѣжими вѣнками, яркими лентами и даже небольшими подарками [202]). Еще и теперь въ тосканской кампаньѣ живетъ весенній обрядъ *maio* и *maggio*, къ

нему присоединяется иногда представленіе какой-нибудь изъ народныхъ герои-комическихъ драмъ, также слывущихъ подъ именемъ *Maggi*, впрочемъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эти представленія правильно пріурочены къ мѣсяцу Маю: въ такомъ случаѣ пьеса обыкновенно открывается стихами въ похвалу цвѣтущаго времени года. Другое названіе для нихъ— *Giostre* (турниры), потому ли что сраженія и воинскія игры составляютъ ихъ довольно обыкновенное содержаніе, или, можетъ быть, онѣ были когда-то настоящими турнирами [203]). Во всей этой пестрой обрядности множество знаменательныхъ чертъ, ведущихся отъ языческой старины: мѣсяцъ Май, приводившій за собою весну, очевидно представлялся какимъ-то торжественнымъ праздникомъ любви, побѣдою творческой силы природы надъ зимнею мощью, изгнавшею-было веселье съ высокой Мариньолы (Marignolle sovrana). Мы припоминаемъ по этому поводу, что первый день Мая былъ посвященъ Римлянами Благой богинѣ, Bona Dea, Maia, съ именемъ которой соединяется понятіе о ростѣ, обиліи. Ея постоянный эпитетъ въ римскихъ молитвахъ, *Maia Vulcani*, ближе опредѣляетъ ея существо какъ богини земли, которую весною оплодотворяло живительное начало огня (Вулканъ). Интересно, что въ нарѣчіяхъ средней Франціи mai называется боярышникъ (alba spina, aubepine, Hagedorn, Weissdorn), играющій большую роль въ индоевропейскихъ миѳахъ о снесеніи небеснаго огня. Испанское majuela, плодъ боярышника, можетъ быть этимологически связано съ mayo, mayuelo—майское древо, итальянскимъ maggio (сл. Poema di Alexandro, copla 604: Decien que avie Ector plantado mal mayuelo); старочешское названіе для мѣсяца Мая, trnopuk, стоитъ очевидно въ связи съ тѣмъ-же рядомъ представленій; въ обрядахъ римской свадьбы употреблялись факелы, сдѣланные изъ боярышника, эротическое значеніе котораго становится яснымъ изъ той роли, какую онъ игралъ въ майскихъ празднествахъ Флоры. Floralia, продолжавшіяся отъ 28 го Апрѣля по 3 Мая, представляются намъ главнымъ прототипомъ итальянскихъ Maggi. Онѣ сопровождались весеннимъ разгуломъ и шумнымъ весельемъ (сл. старофранц. mai—joi, plaisir; старонѣм. meienbaere — dem Mai entsprechend, freudenreich): яркаго цвѣта одежды и блескъ освѣщенія были ихъ необходимой принадлежностью, точно также какъ мимы, гдѣ женскія роли противъ обыкновенія и только на этотъ разъ исполняемы были танцовщицами: среди танцевъ онѣ по требо-

ванію публики сбрасывали верхнюю одежду и оставались такимъ образомъ болѣе или менѣе обнаженными. Въ циркѣ гоняли зайцевъ и козъ; бросали въ народъ горохъ и бобы,— всѣ пускались подбирать ихъ, суетясь и толкая другъ друга; или устраивался бѣгъ изъ людей, несущихъ цвѣты, преимущественно розы. Если мы прибавимъ къ этому еще ту подробность, что перваго Мая римская молодежь ходила за городъ набирать зеленыхъ вѣтвей и украшала ими двери родныхъ и людей почтенныхъ лѣтъ,— мы нашли почти всѣ элементы итальянскихъ maggi, въ особенности древнѣйшихъ, съ образцами которыхъ мы тотчасъ познакомимся [204]). Въ ихъ первобытномъ эротическомъ характерѣ, кажется, невозможно усумниться. Такъ представилъ дѣло и авторъ нашего романа, перенеся веселое общество Парадизо въ первые дни Мая, «когда нѣжные зефиры и прозрачный воздухъ манятъ къ наслажденіямъ любви все живущее на землѣ и въ небѣ: почему высокіе холмы и тѣнистые лѣса одѣваются свѣжею листвою и пестрыми пахучими цвѣтами; на смѣющіеся луга высыпали безчисленные звѣри, и въ густыхъ вѣтвяхъ порхаютъ и поютъ птицы, пища любви» [205]). Описаніе Кипра и дворца Венеры въ первой книгѣ романа, правда— немного растянутое, вмѣстѣ съ фресками, изображающими античныхъ любовниковъ, и разсужденіями о тройственной любви Аристотеля—не что иное, какъ введеніе къ послѣдующимъ майскимъ сценамъ, въ аллегорическомъ стилѣ, какъ того требовалъ литературный вкусъ того времени. Это, разумѣется, не отнимаетъ отъ нихъ характера реальности. И въ Giuoco d'amore Джьованни да Прато аллегоріи не менѣе: Касторъ и Поллуксъ означаютъ тамъ мѣсяцъ Май, какъ и въ нашемъ романѣ [206]), любовь обратилась въ Dio Cupido, и вообще миѳологическихъ прикрасъ вдоволь; а между тѣмъ подъ этимъ чуждымъ покровомъ, этимъ «velame dei versi strani», мы встрѣчаемъ живыхъ людей и крестьянскія клички: Tancia, Rubino и Fiammetta и Diamante, Viola, Lisa и Stella, Cosa и Costanza, Ginevra, Elena и Tulla, Gigi, Papi и Smeraldo, Perino, Vezzino и Dueri, Alessandro, Berto и Rinieri. И все это поетъ, пляшетъ, играетъ въ жмурки (mosca cieca), и даже устраивается казовой турниръ. Однимъ словомъ— настоящій майскій праздникъ, какъ, можетъ быть, онъ на самомъ дѣлѣ справлялся въ старой Флоренціи, только-что аллегорическій покровъ, на него наброшенный, слегка замаскировалъ его реальность, перенеся его внѣ условій времени и пространства въ какое-

то фантастическое царство любви, гдѣ все какъ будто красивѣе, дворцы болѣе изящной архитектуры, луга зеленѣе, любовники влюбленнѣе и смѣлѣе страсти *).

Non tiepido pensier v'è i'ragione,
Non freddo core ozïoso e lento,
Non tema, non pensier di riprensione.

Quivi è i sollazzi, quivi è ardimento,
Quivi è l'air benigno pien di riso,
Quivi sospir d'amore e buon talento;

Quivi le trezze d'or raggiono el viso
Di ciascuna donzella innamorata:
Ch' i'per me non so altro paradiso.

Кажется, самъ авторъ находится подъ обаяніемъ этого чуднаго видѣнія: любовники, бродящіе по лѣсу съ пѣснями, кажутся ему влюбленными птичками, которыя собрались въ стаи и пѣніемъ выражаютъ пылкія желанія своего сердца (l'ardor del cuore); въ голосѣ каждаго ему слышатся слова: amor, amore; иной разъ они представляются ему тысячью блестящихъ духовъ (sfavillanti spiriti) съ золотыми крыльями, что̀ въ сладострастномъ желаньи любуются другъ на друга, какъ на свое отраженіе (con dolce disio fanno di se spera). Въ яркомъ свѣтѣ стоитъ вся окрестность: **)

I pini e faggi, gli alberi e l'alloro,
L'erbe e fioretti, le campagne e'sassi
Lustravan forse più ch'altro tesoro.

Небо и земля, самый воздухъ какъ будто отражаютъ повсюду разлитое счастье: ***).

Ridea il cielo, perchè raggia il giorno,
Ridea la prateria,
Ridea l'aere benigno, pien di sono,
. . . . . .

---

*) «Здѣсь мысль не сдержана, нѣтъ сердца вялаго и недѣятельнаго, нѣтъ боязни укора: здѣсь разгулъ наслажденія, благорастворенный воздухъ полонъ смѣха, любовныхъ вздоховъ и готовности любить; въ золотыхъ кудряхъ свѣтится лицо каждой влюбленной дѣвушки. Я, по крайней мѣрѣ, не знаю другаго рая».

**) «Сосны, букъ и лавръ, трава и цвѣты, луга и утесы свѣтились больше всякаго сокровища».

***) «Смѣялось небо въ блескѣ дня, смѣялся лугъ и благорастворенный воздухъ, полный звуковъ..... Какъ хорошо это синее небо!..... Такого воздуха не было и въ Тулэ, она не была столь зеленая и цвѣтущая».

Chè c'è sì bello l'aire cilestrino:

. . . . . .

Sì benigno aere mai non ebbe Tile,
Nè sì fiorita fu, nè pien di fronde.

Это какой-то пьяный восторгъ любви, точно сонъ весенней ночи, съ красками болѣе яркими и формами болѣе фантастическими, чѣмъ въ дѣйствительности, но все же коренящійся въ той же реальной почвѣ и легко приводимый къ ея размѣрамъ, если удалить тотъ излишекъ томительнаго желанья и неосуществимыхъ грезъ, которымъ ничто не отвѣчаетъ въ жизни и только сновидѣнія даютъ какую-то призрачную состоятельность.

Посреди прекрасной долины, орошаемой небольшой рѣчкой, возвышается великолѣпный замокъ; внутри его зелень и цвѣты, пиніи и мирты; надъ входомъ изображеніе Амура, устроенное съ такимъ хитрымъ искусствомъ, что, кажется, онъ произноситъ слова помѣщенной сверху надписи: Здѣсь царитъ любовь, когда кругомъ господствуетъ смерть (Quivi amor regna, quand'altrove è morte). Вступивъ во внутренность зданія, вотъ что тамъ видитъ авторъ: *)

Inanzi mi vedea a poco a poco
Ridere una pianura in vaghi fiori
Co'leggiadre fontane in ogni loco.

Il guardo, il veder, i'rosso, i santi odori,
Gli ermellini e'conigli e'vaghi vai,
I ruccelletti, l'erbe, gli sprendori

Faceano il santo loco ch'io trovai
Arder d'amore: ov'io nel dolce rezzo
Isfavillar vedea i santi mai.

Quiv'era ninfe e giovinetti in mezzo,
Pirramo e Tisbe nell'età fiorita
Parieno, e'l bel Narcisso in tal fu sezzo.

---

*) «Передо мною понемногу раскрылась смѣющаяся поляна, покрытая красивыми цвѣтами, съ прекрасными фонтанами повсюду. Здѣсь богатство красокъ и благовонія; здѣсь горностаи, кролики и бѣлки; ручьи и трава—все въ какомъ-то чудномъ свѣтѣ, будто любовью горитъ вся окрестность. Въ тѣни блестятъ майскія вѣтви; здѣсь нимфы и съ ними юноши, они напоминаютъ цвѣтущую юность Пирама и Тисбе, и красавецъ Нарциссъ былъ тамъ послѣднимъ. Въ лѣсу толпы прекрасныхъ любовниковъ ведутъ райскую жизнь; дѣвушки и юноши обнимаются и вздыхаютъ..... Одни забавляются на лугу и поютъ любовныя пѣсни,

In questa selva che quiv'era sita
Vidi le gregge innamorate e belle
U'paradiso far di questa vita:

Quivi abbracciar vedëa le donzelle,
Sospirar e baciare i giovinetti
E morder nel bel sen le lor mammelle.

Tal sopra'l verde co'molti diletti
Cantavan canzonette innamorate
Tenendo le lor guance fra lor petti;

Altr'erano al ballar tutte infiammate:
Chi sollazzava tra gigli e viole,
E tal le chiome d'oro scapigliate;

Ta'ride, e qual si cruccia con parole,
E poi con un baciare àn fatto pace;
Chi scherza: e tal'è che all'amor si duole;

Altr'era che l'amor par ben verace
Perchè rapia il suo sommo disiro,
Sè voltolando fra l'erbette giace.

Il tempo vago e'l ciel tutto zaffiro,
E gli useletti in su le verdi fronde
Facieno un paradiso più ch'empiro.

Nitide, fresche, dolci e leggiadre onde
Da una parte di quella foresta
Vediesi: ch'un be'rio sì la circonde.

Ai, quanta ricca e trionfabil festa
Vedea, chè dillo giammai non potria
Nè'mmaginare alcun dentro a sua testa!

I'vidi apresso *una fonte giulìa*
Ch'era formata di fine alabastro;
Le sponde eran be'gradi ch'ella avia:

склонивъ голову на грудь милой; другіе отдались страстной пляскѣ; кто играетъ среди лилій и фіалокъ и всклокочилъ золотыя кудри; одинъ смѣется, другой жалуется, и миръ тотчасъ же заключенъ поцѣлуемъ; кто шутитъ, кто кручинится на любовь, а другому она высшее блаженство, потому что онъ ея добился и нѣжится въ травѣ. Прекрасная погода, синее небо и пѣніе птицъ на зеленыхъ вѣтвяхъ дѣлали изъ всего этого какой-то неземной рай. Свѣтлыя, холодныя, прекрасныя волны потока окружали съ одной стороны лѣсъ. Какое великолѣпное зрѣлище мнѣ тутъ представилось, его ни передать, ни вообразить никому ни удастся! Я увидѣлъ прекрасный фонтанъ изъ тонкаго *алебастра*, окра-

E sopra quelle sponde cerchia un nastro
Di fin'oro, zaffini e diamanti,
Chè a pur seren non iscintillò mai astro.

F com'facieno i compassi davanti,
E spiritelli parton le tarsìe,
Raggiono in foco, parìen vivi santi.

D'otto facce format'è tal effie,
Una colonna d'oro per suo centro
Facea quelle facce sì giulìe;

E in mezzo d'ognuna (io in vago cho impentro) (sic)
Eran fieri animali in bel tesoro
Ornati tutti intorno, fuori e dentro.

'N sulla colonna ch'io v'ò detto d'oro
Otto lioni istanno in vaga vista
Che verson aqua giù in quel lavoro;

Sopra lor dosso giace un' altra lista
Di foglie di smeraldo tanto fino
Ch'ogni altro verde perdeva la vista:

Vener tagliata v'è sù d' u'rubino,
Di perle coronata co'suoi figli.
Intorno per quell'aire cilestrino

Fiori, rose, viole e freschi gigli
Uscivan del fogliame di smeraldo:
Qual eran gigli bianchi e tai vermigli.

Quivi scherzar con amoroso caldo
Vedea i giovinetti e le fantine
Col core allegro, dilettato e baldo. [207])

ины его шли ступенями осмигранника; полоса чистаго золота вьется по нимъ съ узорами изъ яхонтовъ и алмазовъ блестящихъ, какъ ни одна звѣзда не блеститъ въ ясномъ небѣ. Тамъ, гдѣ сходятся стороны осмигранника, причудливыя изображенія раздѣлили узоры, горя словно въ огнѣ; каждая сторона украшена чудными фигурами животныхъ. Посреди всего поднимается золотая колонна, на ней восемь львовъ, изъ которыхъ струится вода; на ихъ спинахъ, на капители изъ изумрудныхъ листьевъ образъ увѣнчанной Венеры и ея сыновей, изваянный изъ рубина; кругомъ него изъ листьевъ выходили розы, фіалки, бѣлыя и алыя лиліи.—Тутъ я увидѣлъ юношей и дѣвушекъ; они рѣзвились, полные веселья и желанія».

«Эй молодцы, красныя дѣвушки» ,—кричитъ Смеральдо ,—эй Лиза, Танчія, Віола, Рубино! давайте играть здѣсь въ этихъ цвѣтахъ» ! Всякій прячется по лѣсу такъ, чтобъ Рубино его не видѣлъ—потому что его очередь искать. «Условія такія: кого перваго найду, тотъ на плечахъ донесетъ меня до фонтана. Я завязываю глаза, пусть всякій прячется». Такъ говоритъ Рубино и, снявъ покрывало съ груди Стеллы, завязалъ имъ лице и бѣлокурые волосы. Одинъ забился сюда, другой туда; иной смѣется и рѣзвится, увѣнчавъ цвѣтами голову, другой повалился въ зелень, чтобы скрыться отъ солнечныхъ лучей. Плутая промежъ цвѣтовъ, полный тайнаго желанія, Рубино находитъ въ кустѣ розъ и фіалокъ Танчію, и игра въ прятки становится подъ конецъ настоящимъ Giuoco d'amore. А между тѣмъ на лугу затѣялось новое удовольствіе: *)

I'mi rivolsi tutto grolioso,
E vidi più di mille be'corsieri
Apparecchiati, e ciascun ben voglioso;

Con ciascun era valletti e scudieri
In su palafren 'canidi e lattati,
E par guardargli ciascun volentieri.

Egli erano in ricchezza sì addobbati
Ch'arìen tolto la vista al gran tesauro
Degli orti d'Ansuero sì pregiati [208]).

La metà tutta si raggiava in auro (sic),
I lor divisa spinte di perle
Di seta verde più di fronda del lauro (sic);

Quest' eran ricche gioie sì a vederle,
Che'namorar farieno i marmi e sassi;
Pure a pensar dunque a si presso averle?

L'altra metà insino a terra a'passi
Di seta bianca più che latte o neve
Era coverta come a ciascun fassi:

---

*) «Я обернулся и увидѣлъ множество великолѣпныхъ скакуновъ, при каждомъ изъ нихъ конюшіе и прислужники верхомъ на коняхъ бѣлыхъ какъ снѣгъ. Всѣ они одѣты такъ богато, что передъ ними померкли бы сокровища Агасверовыхъ садовъ. Одни блестѣли въ золотѣ, ихъ девизъ вышитъ перлами по зеленому, какъ лавръ, шелку; и поглядѣть на нихъ—казалось, влюбился-бы камень, не то чтобы имѣть ихъ такъ близко около себя.—Другіе были одѣты въ длин-

Spiriti di rubin volando leve
Tutti occupavan la canida veste
Sì gentilmente, ch'a dir fora greve.

Обѣ партіи съѣхались, веселье идетъ повсюду (standosi tutti in questa lieta cura), хохотъ и пляска подъ звуки свирѣлей и трубъ (cennamelle e trombetti); вдругъ одна дѣвушка заговорила нѣжнымъ, свѣжимъ голоскомъ (con voce dolce, angelica e pura): *)

«Odi, per Dio, quel ch'è ben aspirare:
A caval, a caval, dolze brigata!
Però che'ltempo fugge;
Ch'avendo il tempo, aspettando si perde».
Detto così i'senti' stormeggiare
D'infiniti stormenti, che mi strugge
Il cor per un disio che or m'inverde:
Uscir vedergli fuor nel campo verde
Chiamando lor valletti e scudieri
Perin, Vezzino e Dueri.
«Suona trombetta tua omai a raccolta»!
Traran, traran: e traea gente molta;
Chi grida, e tal dimanda suo signore,
L'altro sospinge e passa borbottando.

И всѣ начинаютъ суетиться и снаряжаться, поднялась суматоха, кого толкнутъ, кому достанется палкой; кто-то кричитъ: «Оставь его, онъ полуумный» (Lassal gir, ch'egli è matto). Но наконецъ все приходитъ въ порядокъ, всѣ сѣли на коней и начинается giostra. **)

Ogni schiera per se colla suo guida
Si trasse da l'un lato
Prendendo ciascheduno uno dardo in mano:

ныя шелковыя одежды, бѣлѣе снѣга и молока, вышитыя рубинами, будто огненные духи летаютъ по бѣлому полю.—Такъ хорошо, что и разсказать трудно».

*) «Знаешь ли, что хорошо-бы теперь сдѣлать? На коней, на коней, веселая братія: время летитъ, а мы тратимъ его въ ожиданіи». Только-что сказаны были эти слова, какъ я услышалъ звуки многихъ инструментовъ, и во мнѣ самомъ загорѣлось желаніе посмотрѣть, какъ они выѣдутъ на зеленый лугъ, зовя своихъ служителей и конюшихъ, Перино, Веццино и Дуэри. «Протруби сборъ», слышится голосъ,—и всѣ бѣгутъ: одинъ кричитъ, другой ищетъ своего господина, третій толкается и ворчитъ».

**) «Обѣ партіи со своими вождями разъѣхались: у всякаго въ рукахъ копье; всѣ веселы, отъ великолѣпія одеждъ; лугъ кажется какимъ-то раемъ. Неподалеку,

Ciaschedun nel suo cor ben par che rida,
Tanto è ricco e addobbato
Ch'un paradiso pare il verde piano.
Apresso qui e non troppo lontano
In fra due pini posta era chintana,
Gentile e non villana,
D'un cerchietto di perle per grillanda.
L'una brigata ch'è dall'una banda
Cominciò un drappel su per lo prato
E a giucar co'loro cavagli e dardi.
Giovane e bello col viso rosato,
Isnello e destro più che leonpardi,
Guidava questa bianca compagnia;
Quell'altra verde, sì ricca e giulìa,
Un altro giovinetto
Che creatura par di paradiso.
Veggendo giovineza triunfare,
Tutti già a cerchiare
Si avien la campagna
La candida compagna stormeggiando:
Pifferi gìan sonando—e trombettini
Tronano: trini, trini;
Tamburi ancora grande istormo feno,
Bubbù, per quel sereno:
Sì ch'ognun mostra festa quanto puote.
Or pensa dolci note,
Quanti sospir d'amore,
Quanti dolci disiri i'lor concetto
Ch'andar facieno a ciaschedun cori,
Gustando tal diletto,
A rimirar ne'visi gli sprendori!

между двухъ сосенъ, повѣшена была цѣль въ изящной гирляндѣ изъ перловъ. Бѣлая партія начала гарцовать по лугу, пробуя лошадей и копья; ею предводительствовалъ красивый, румяный юноша, быстрый и ловкій какъ леопардъ; другой юноша велъ зеленыхъ. Они объѣхали лугъ, бѣлая партія съ музыкой. Играютъ флейты, трубы и барабаны; всякій веселится какъ можетъ. Сколько тутъ милыхъ рѣчей, любовныхъ вздоховъ и желаній, возбужденныхъ зрѣлищемъ такой красоты!—Когда всѣ наѣздились вдоволь, оба юноши, руководившіе тою и другою партіей, обратили взоры къ соснамъ (гдѣ была цѣль): кони играютъ подъ ними, звеня колокольцами; кто охорашивается, кто поправляетъ золотые

Poi ch'era l'una e l'altra compagnia,
Preson sommo diletto
Inghirlandare il prato a lor piacere,
Standosi tutti in vita giulìa,
L'uno e l'altro valletto
Che guidavan la festa in lor dovere,
Volsono in verso i pini il lor vedere,
In salti sollazzando i lor cavagli;
E stormo di sonagli
Che triumfar farieno il paradiso.
Qual poi s'assetta, e chi si to'dal viso
Le chiome bionde che mostran fil d'oro,
Forbendosi il sudor leggiadramente.
Poi assettato l'uno e l'altro coro
I'senti'dire: «O giovane ridente,
Corri gentile e fiero alla ghirlanda:
Cominciate, ch'amor sì te'l comanda».
Sanza dire o tardare
Presta si mosse e fuggì come vento,
Il dardo suo ben seppe inghirlandare:
Onde gran grida senza restamento
Sì si levar fra la lieta brigata.
Ghirlanda alta assettata
Si fe'sanza indugiare:
Gentil poi a spronar ebbe il cavallo;
E già non corse in fallo—questa volta
Ridea la gente molta,
A gara ciaschedun correr volìa,
Ciascuna più giulìa
Correndo (va) per lo prato fiorito.
Sanza pregare o'nvito
Ognun corre e festeggia,

кудри, набѣжавшіе на лицо, и отираетъ потъ. Когда всѣ изготовились, я услышалъ, какъ одна дѣвушка сказала: «О цвѣтущій юноша, скачи смѣло къ гирляндѣ; начинайте всѣ, Амуръ вамъ такъ повелѣваетъ». И, не говоря ни слова, она пустилась, быстрая какъ вѣтеръ, копье попало въ цѣль, и ликующіе крики поднялись со всѣхъ сторонъ. Тотчасъ же снова повѣсили гирлянду. Джентиле пришпорилъ лошадь и также не промахнулся. На этотъ разъ поднялся общій смѣхъ, всѣ взапуски принимаются скакать по цвѣтущему лугу, въ непринужденномъ весельи оглашая воздухъ пѣснями. Здѣсь показали себя бойцы Амура: кто смѣется и поетъ и

L'aer sonando per diversi suoni,
Mostrando quivi amore i suo'campioni:
Ta' ride e canta, sollazza e vagheggia
D'amor chieggendo i doni
A chi lieto ode, ma'l viso rosseggia.

Sollazzando così co'lieto core,
Ginevra prestamente
Molti chiamò della vaga brigata
E disse: «Voi cui arde amore
Ascoltate al presente:
Ch'a petto vo'rompiate una fiata».
Gran copia di bigordi apparecchiata
Da'lor valetti fur, vaghi e giulìi;
Mostran servire a dii,
Tanti presti, puliti e volentieri.
Dice Ginevra: «O Luigi, o Rinieri,
Correte insieme per amor di Tulla,
E Alessandro e Berto per Elena».
Or che più dire vo'vi? Ogni fanciulla
Quel dolze vagheggiare in vita mena,
Chè cominciar lo stormo a mano a mano:
Qual rompe, e qual correa pel verde piano,
Tal s'apparecchia e ride
E pien d'amor pensa furarsi un'amanza;
Altri fe'mossa, chè'l compagno il vide
Accennare e trillare ver lui la lanza,
Sicchè per forza poi incontra volaro.

забавляется, испрашивая даровъ любви, и его слушаютъ весело, хотя лицо и горитъ стыдливымъ румянцемъ.—Между тѣмъ какъ всѣ веселятся такъ усердно, Джиневра быстро позвала кое-кого изъ общества и сказала: «Вы, сгарающіе любовью, послушайтесь меня и сразитесь разъ». Множество копій заготовлено ихъ служителями, веселыми и расторопными; они служатъ своимъ господамъ такъ охотно, какъ будто какимъ-то богамъ. «Вы, Луиджи и Риньери»,—повторяетъ Джиневра,—сразитесь ради любви къ Туллѣ, а Алессандро и Берто—ради Елены». Что сказать вамъ болѣе? Тутъ всякая дѣвушка наслаждается жизнью. И бой мало-по-малу затѣвается: кто нападаетъ, другой скачетъ по зеленому полю, третій еще готовится и смѣется, разсчитывая похитить насильно любовь; иной уже двинулся и товарищъ видитъ, какъ онъ намѣтилъ на него копье—и оба сразились. Здѣсь никто не скупится на удары: ломаютъ копья, кони гнутся отъ ихъ натиска, на лугу идетъ жестокій бой. Пылая любовью къ Еленѣ, которая была съ нимъ рядомъ, Алессандро похищаетъ ее, цѣлуетъ въ бѣлую шею

Quivi nessun avaro
In correre e spezzare,
I bigordi piegar ne'lor corsieri.
Ai quanti colpi fieri—lì fu pel prato.
Alessandro infiammato
D'Elena bella ch'a sè presso avìa
Corse, e sì la rapia,
E'l viso sì le mettea fra'l suo seno;
Bacia il collo sereno
Per lo prato fuggendo
Verso il palazo, infiammando d'amore.
L'altre fanciulle e donzelle con ardore
Cominciaro a gridar tutti ridendo:
E a'più arde il core
Cenni d'amor l'uno all'altro faccendo.

Мы очевидно имѣемъ здѣсь дѣло съ майскимъ потѣшнымъ турниромъ, giostra, болѣе примитивнаго характера, чѣмъ тѣ *giostre*, иначе называемые *maggi*, которые еще до сихъ поръ въ употребленіи въ тосканской деревнѣ и теперь не что иное какъ драматическія пьесы, разъигрываемыя народомъ, но уже очевидно сочиненныя, заимствованныя изъ литературнаго источника. Въ нашей джострѣ, наоборотъ, подъ реторическою оболочкой, наброшенной поэтомъ, чувствуется болѣе коренной типъ; ея содержаніе, очевидно, болѣе народное, отзывающееся самобытностью обычая, какъ крестьянская игра въ прятки, которая ей предшествуетъ, или баллаты и rigoletti, слѣдующіе за ней въ поэмѣ. На общую связь праздника съ римскими флораліями мы указали выше; здѣсь мы хотѣли-бы, въ видѣ опыта, распространить сравненіе на смежныя миѳическія области, чтобы не упустить, по возможности, ни одной аналогіи. Въ числѣ майскихъ обрядовъ, ведущихся въ Германіи, преимущественно по Рейну, въ Швейцаріи, Баваріи, Штиріи и въ былое время въ Швеціи, извѣстенъ миѳическій бой лѣта и зимы, которыхъ представляютъ переодѣтые парни; иногда за ними слѣдуетъ ихъ войско, тоже принимающее участіе въ битвѣ. Лѣто обыкновенно въ зеленомъ костюмѣ изъ свѣжихъ вѣтвей и цвѣтовъ,

---

и принимается скакать по направленію къ замку; увидѣвъ это, другія дѣвушки провожаютъ ихъ смѣхомъ и криками; у всѣхъ загорѣлось сердце, и они дѣлаютъ другъ другу знаки любви».

плюща или барвинка (иногда просто въ рубахѣ); зима окутана мохомъ и соломой, или вообще въ теплой одеждѣ. Не напоминаетъ-ли это двѣ противоположныя толпы зеленыхъ и бѣлыхъ всадниковъ, на какія раздѣлилась наша итальянская giostra? И въ Швеціи деревенская игра лѣта и зимы, въ разсказѣ Олая (Olaus Magnus), также принимала всѣ формы роскошнаго турнира, въ соотвѣтствіи съ болѣе развитыми потребностями городскаго быта. Если, по замѣчанію Я. Гримма, праздники Остары, перешедшіе теперь на Пасху, соприкасаются во многихъ отношеніяхъ съ празднествами мая и встрѣчи весны, то и здѣсь снова представляется интересное совпаденіе: потому что, какъ первобытныя giostre, въ смыслѣ потѣшныхъ игръ, турнировъ, выродились впослѣдствіи въ драматическія представленія,—такъ нѣмецкіе Osterspiele, родъ средневѣковой драмы, находятъ свой первообразъ въ народной игрѣ, описанной въ плясовой пѣсенкѣ (Sommer und Tanzlied) миннезингера Goeli: въ пору, когда начинаютъ зеленѣть луга и сады, выступаетъ Friedebolt съ товарищами, вооруженные длинными мечами, и предлагаютъ исполнить ôsterspiel, танецъ съ мечами, въ которомъ участвовали 12 человѣкъ, при чемъ одинъ изъ пляшущихъ представлялъ лѣто, побѣждавшее зиму. Присоедините ко всему этому, что на старо-французскомъ языкѣ *may* означало, между прочимъ, родъ турнира [209]).—Какую бы цѣну ни давали этимъ сопоставленіямъ, онѣ, кажется, объясняютъ намъ значеніе старыхъ giostre, вродѣ описанной въ Giuoco d'amore, на переходѣ отъ чисто-миѳическаго обряда, продолжавшаго римскія флораліи, къ позднѣйшей формѣ майской драмы. Во всякомъ случаѣ это были традиціонныя игры, полныя стараго обрядоваго смысла, которыми народъ издавна праздновалъ возвратъ весенней поры; и еще въ XIII-мъ вѣкѣ Folgore da San Geminiano даетъ своей Веселой компаніи (Brigata spendereccia), въ числѣ другихъ совѣтовъ, какъ лучше пользоваться каждымъ мѣсяцемъ въ году, практическое наставленіе: въ маѣ запастись рысистыми конями, пестрыми тканями и узорчатыми покрывалами, щитами на подобіе *турнирныхъ*: «фіалки и розы и множество цвѣтовъ пусть ослѣпляютъ каждаго; *пусть ломаются копья*, и съ балконовъ и изъ оконъ летятъ внизъ гирлянды, а вверхъ померанцы; пусть дѣвушки и юноши цѣлуются въ уста и ланиты, и разговоръ идетъ лишь про любовь и наслажденіе». Все какъ въ нашей поэмѣ; только-что авторъ Giuoco присоединилъ къ этому нѣсколько искусственный тонъ разсказа, ему исключительно свойственный,

и форму аллегоріи и видѣнія, свойственную литературнымъ вкусамъ его времени. Позже явится Лука Пульчи, и въ его рукахъ народная giostra приметъ оттѣнокъ рыцарскаго романа; у Полиціано она становится придворною; и тотъ и другой уже воспѣваютъ ее въ октавахъ, сдѣлавшихся любимымъ размѣромъ описанія и разсказа, тогда какъ нашъ авторъ еще продолжаетъ держаться старой терцины, и, только переходя къ изображенію игръ и турнира, его стихъ обращается къ болѣе лирическому складу, болѣе быстрому и развязному, въ соотвѣтствіи съ быстро мѣняющимся темпомъ дѣйствія. Вотъ, между прочимъ, какъ описываетъ онъ хороводъ (rigoletto, ballo tondo), который дѣвушки затѣяли около фонтана: (*)

Una fra l'altre in piè si fu levata,
Dappoi ch'ebbe baciato un giovinetto
Che'n fralle braccia la tenea serrata,
E disse: «Su, facciamo un rigoletto»!
Non dopo molto spazio
In un pratel fiorito
Ov'era mille uscletti in sulle fronde.
Con gradi d'un topazio
Di perle e d'or guernito
Ch'una chiara fontana si circonde,
Vidi venire all'onde
Giovinetti e fantine
A fare un ballo tondo
Lieto, ricco e giocondo.
Non parìen cose umane, anzi divine:
Ond'io stava a vedere
Fuor di me quasi pel sommo piacere.

Scender da'rami
Una pioggia di fiori:
Parìen perle, zaffiri e diamanti.
«Dov'è quel che tanto ami
E per lui senti ardori»?

*) «Одна изъ нихъ встала, поцѣловавъ напередъ обнявшаго ее юношу, и сказала: «давайте водить хороводъ». Прошло не много времени, какъ на цвѣтущей лужайкѣ, гдѣ кругомъ въ вѣтвяхъ пѣли птицы, у прозрачнаго фонтана, котораго топазовые края украшены были золотомъ и жемчугомъ, я увидѣлъ, какъ дѣвушки и юноши начали водить веселый, роскошный хороводъ. Они казались скорѣе небесными, чѣмъ земными созданіями, и я смотрѣлъ на нихъ внѣ себя

Dicea l'una coll'altra. Quivi avanti
Lustrano i raggi santi,
Ride l'aere sereno
Per loro dolze parlare,
Ridere e sollazzare.
. . . . . .
Io, che attento stava
A veder quelle stelle
Che rotando se'n van pel dolze rezzo,
Fiso sì le mirava
Più ch'altre cose belle
E senti'dire a una ch'era in mezzo:
«Vedi, ch'io ti tramezo
Se presta tu non canti:
Or su, non indugiare»!
Presta volle cantare
Per non perder colui ch'avea davanti,
E cantò sì vezzosa,
Ch'ogn'alma cruda diverria piatosa.

Le parole e'l suo dire
Mostra quant'è gran pena
In amar cosa che da lei si fugge:
«Ben saria il me'morire
Ch'essere in tal catena
Dove segno d'amore il cor ti strugge,
E por la pianta all'ugge
Che sì consuma amore.
Ai quanto gran peccato
Sì fa chi è amato

отъ наслажденія. Дождь цвѣтовъ посыпался съ деревьевъ, словно перлы, яхонты и алмазы. «Гдѣ тотъ, кого ты такъ любишь и по комъ пылаешь?» пѣла одна другой—и небо свѣтится, и воздухъ смѣется отъ ихъ сладкихъ рѣчей, смѣха и забавъ....Когда, не спуская глазъ, я смотрѣлъ на эти свѣтила, вращавшіяся передо мною въ тѣни, я услышалъ, какъ кто-то сказалъ одной изъ среды ихъ: «Смотри, я тебя оставлю, если ты тотчасъ-же не начнешь пѣть. Не медли больше».—И она тотчасъ же начала пѣть, чтобы не потерять того, кто былъ передъ нею, и пѣла такъ сладко, что смягчилась бы всякая загрубѣлая душа. Она говорила, какое великое горе любить того, кто избѣгаетъ любви. «Лучше умереть, чѣмъ носить такія цѣпи, когда сердце изнываетъ любовью, какъ растеніе блекнетъ въ тѣни. Въ великомъ грѣхѣ повиненъ—кто любимъ отъ всего сердца

A non amar chi l'ama di bon core! [210])
Ome, merze i'chiamo
A chi fedele e puro servir bramo».

Poi che'l pietoso sono
Ebbe lieta finito,
Mosse vezzosa reverentemente,
E disse: «A te la dono,
Ermellina, a partito
Che canti tu come suo 'dolcemente».
E ella similmente
Co'riverenzia bella
Dicendo: «È villania
Disdir cosa che sia
Amor di gentil donna o di donzella:
Io canterò a onore
D'ogni fedele amante e gentil core».

Voce chiara e soave
Da sua bocca amorosa,
Che moverìa ad amor gelida pietra,
Tosto mosse; nè avara
Mostrò in alcuna cosa
Che gentil dama si scosti o s'arretra.
Omai chi'l cor no'spetra
Ad amar chi'l disira,
Bassili(s)co istimare
Si può, nè non operare (?),
Ch'ancide co'suoi occhi quando mira:
Ma poi in lor vecchiezza
Piangon mal conosciuta giovinezza.

и не любитъ въ свою очередь! Пусть сжалится надо мною тотъ, кому я готова служить вѣрно и неизмѣнно».—Кончивъ свою жалобную пѣснь, она пошла скромная, изящная. «Теперь твоя очередь, Эрмеллина,—сказала она,—ты поешь такъ сладко». И та отвѣчала на ту-же тему, граціозно поклонившись. «Не хорошо отвергать любовь дамы или дѣвушки; я стану пѣть въ честь всякаго вѣрнаго любовника и любящаго сердца». Ея звучный, нѣжный голосъ воспламенилъ бы къ любви холодный камень, когда она доказывала, что благородной дамѣ не слѣдуетъ быть въ чемъ-бы то ни было скупой или строгой: кто не смягчитъ своего сердца и не полюбитъ вздыхающаго по немъ, того можно назвать василискомъ, убивающимъ своимъ взоромъ, на кого онъ посмотритъ. Но придетъ старость, и ему же самому придется плакать о томъ, какъ плохо онъ воспользовался молодостью.

Ciò che (ella) dicia
Nell'amoroso tono
Sì è mostrar, quanta grol(i)a à due amanti
Ch'abbin vista giulìa
E faccin di sè dono,
Ch'amor di lor triunfando si vanti.
O dolci baci santi,
O tremoli sospiri,
O dolce mormorare,
Amoroso abbracciare!
Quando l'un l'altro dice: «Or che pur miri»?
—Miro i begl'occhi e i'riso—
Mettendo poi fra le mammelle il viso.

—Non più, non più—dicea,
—Diviso d'esto mondo—
L'anima mia ridea,
E lo spirto giocondo
Più non spirava per la gran vittoria;
Sospesa è la memoria
Per lo intelletto fiso.
Dê, fugga dunque amore
Chi non à gentil core,
Perchè non merta (aver) quel paradiso.
Io per me il vo'seguire
Sperando un po'pietà anzi il morire.

Слѣдуютъ въ томъ же родѣ еще нѣсколько баллатъ и любовныхъ разговоровъ, которые авторъ заканчиваетъ гимномъ къ «прелестнымъ созданіямъ того неба, гдѣ развѣваются золотыя кудри Венеры» (gentil creature di quel cielo dove Venere rota il suo crin d'oro): подъ звуки віолы его поетъ одинъ изъ присутствую-

---

За то,—говорила она дальше въ любовной пѣснѣ,—какова слава прекрасныхъ любовниковъ, которые отдались другъ другу: ими гордится торжествующій Амуръ.—Какіе поцѣлуи и робкіе вздохи, тихій говоръ и объясненія, когда одинъ говоритъ другому: что ты такъ смотришь?, а тотъ отвѣчаетъ: смотрю я на твои прекрасныя очи, — и прячетъ лицо на груди милой. — Я не хочу другой жизни, говорила она дальше,—и моя душа смѣялась, духъ замиралъ въ чувствѣ побѣды, и настоящее отнимало память. Пусть бѣгаетъ любви, у кого нѣтъ любящаго сердца: онъ не достоинъ такого рая. Что до меня касается, я ничего другаго не желаю, надѣясь, что надо мной смилуются прежде чѣмъ я умру».

щихъ, между тѣмъ какъ всѣ другіе усѣлись кругомъ и съ боковъ, чтобы прислушаться къ чудной пѣснѣ:

A seder si ponea lieto e attento
Per udir quel bel canto innamorato[211]).

Если мы не ошиблись, говоря о реальномъ содержаніи аллегорическихъ поэмъ, едва ли кто-нибудь поставитъ намъ въ упрекъ обширныя извлеченія, которыя, заведя насъ въ сторону, заставили на нѣкоторое время позабыть общество, собравшееся въ садахъ Парадизо. Эти цитаты казались намъ необходимыми и возбуждающими интересъ, не столько потому, что самый poemetto остается до сихъ поръ неизданнымъ, и не по отношенію къ его автору, о которомъ намъ придется говорить въ одной изъ послѣдующихъ главъ, сколько по матерьяламъ къ характеристикѣ майскихъ празднествъ, вызывавшихъ въ садахъ Альберти веселыя пѣсни и баллаты, философскія разсужденія и любовныя новеллы. На эти майскіе обычаи указываетъ, кажется, и Колуччіо Салутати въ одномъ мѣстѣ нашего романа, гдѣ, приглашая гостей къ себѣ на ужинъ, онъ говоритъ, что «таковъ въ эту пору флорентійскій обычай, который намъ слѣдуетъ хранить и соблюдать, потому что хорошее, укоренившееся обыкновеніе равносильно положительному закону». Нѣкоторыя выраженія романиста и слова мессера Антоніо даютъ поводъ къ тому же заключенію[212]). Замѣтимъ кстати, что любовь составляетъ главное содержаніе какъ романа, такъ и поэмы: оцѣнивъ и взвѣсивъ что̀ такое любовь вообще, романистъ предполагаетъ разсмотрѣть «ея различные и противоположные виды, и на сколько одинъ изъ нихъ достоинъ самыхъ высокихъ похвалъ, тогда какъ другой заслуживаетъ всякаго порицанія и хулы, на посрамленіе невоздержности и порока. Разсмотрѣвъ и разузнавъ все это, мы съ тѣмъ бо́льшимъ удовольствіемъ станемъ проводить наши дни въ потѣшныхъ декламаціяхъ, полезныхъ и пріятныхъ разсужденіяхъ, разсказахъ и новеллахъ»[213]). Сообразно съ этимъ намѣреніемъ, дающимъ понятіе объ общемъ планѣ романа, онъ начинается фантастическимъ путешествіемъ въ царство богини Венеры, чтобы очутиться вслѣдъ за тѣмъ въ садахъ Парадизо; точно также и автора poemetto мы встрѣчаемъ вначалѣ одинокаго и задумчиваго, заблудившагося въ глухой долинѣ, будто Данте въ знаменитомъ темномъ лѣсу (selva oscura); и только «побѣдный и священный властелинъ» (trionfante e sagro sire) Амуръ выводитъ его оттуда къ шумному человѣческому веселью;

хотя и тамъ воспоминанія Овидія и тому подобныхъ классическихъ чтеній дѣйствуютъ на него съ такою силой, что въ образѣ живыхъ людей ему продолжаютъ чудиться Пирамъ и Тисбе и Нарциссъ. Нѣчто подобное случалось порой и съ Антоніо Пуччи, который впервые даровалъ права художественнаго гражданства народному романтическому разсказу (cantare di piazza); когда съ головой, наполненной мотивами chanson de geste и Reali di Francia, ему приходилось заглянуть въ сады Альберти, куда призывалъ его попировать пріятель Маттео; его воображеніе рисовало тамъ короля Артура съ его паладинами и другими образами рыцарскаго романа. *)

Matteo, i'arrivai al *Paradiso*
Credendo teco alquanto far dimoro;
Non ti trovai, pensai che'n *Purgatoro*
Tu fussi secondo mi'aviso.

Dentro passammo; e riguardando fiso
I'vidi il re Artù con altri in coro:
Dell' altra parte vidi star coloro
Ch'aquistar fama quì per non diviso.

Apresso vidi li dodici segni
Per li qua'passa tutto l'anno il sole
Che ci governa con superiori segni:

Vidi camere e sale ove si suole
Goder per que' che ne son fatti degni;
E perchè te non vidi, ancor mi dole.

Ver'è che con parole
Un prete a farci onor fu molto fiero,
Ma colle chiavi non v'era san Piero. [214])

Приведенный сонетъ Пуччи, который мы печатаемъ въ первый разъ, если не подтверждаетъ окончательно предположенія, сдѣланнаго нами вначалѣ этой главы относительно Тони и Мат-

*) «Маттео, я прибылъ въ Парадизо (Рай), разсчитывая побыть съ тобою немного; не найдя тебя, подумалъ, что ты еще находишься въ Чистилищѣ (Purgatoro).—Взойдя туда, я увидѣлъ короля Артура вмѣстѣ съ другими; съ другой стороны стояли тѣ, что пріобрѣли здѣсь неразлучную славу. Видѣлъ я еще двѣнадцать знаковъ зодіака, которыми въ теченіи года движется солнце, управляя нашей судьбою; видѣлъ комнаты и залы, гдѣ обыкновенно веселятся удостоенные этого, и жаль мнѣ было, что тебя не встрѣтилъ. Правда, былъ тамъ священникъ, привѣтствовавшій насъ угрюмо; но недоставало св. Петра съ ключами». (т. е. привратника).

тео, двухъ дѣйствующихъ лицъ нашего романа [215]),—во всякомъ случаѣ дѣлаютъ эту гипотезу вѣроятною, проливая съ своей стороны новый свѣтъ на нѣкоторыя подробности нашего текста. Мы узнаѐмъ, что залы Парадизо открыты были лишь избранному обществу, тѣмъ, «кто считался того достойнымъ»; что тамъ былъ священникъ для совершенія церковныхъ требъ,—вѣроятно, изъ тѣхъ бенедиктинцевъ, которыхъ держалъ тамъ мессеръ Никколайо дельи Альберти съ этою спеціальною цѣлью. Наконецъ игра словъ надъ двоякимъ значеніемъ *paradiso*, которому противополагается *purgatorio* (чистилище), напоминаетъ намъ подобный же стилистическій пріемъ въ баллатѣ, которая поется въ нашемъ романѣ къ великому удовольствію Франческо degli Organi (Or su gentili spirti ad amar pronti, Volete voi vedere il Paradiso [216]). Еще разъ мы встрѣтимся съ тою-же игрою словъ, когда Саккетти возобновитъ свою поэтическую корреспонденцію съ Антоніо дельи Альберти. Мы видѣли выше, что они писали другъ другу, разсуждая въ философскихъ сонетахъ, и знакомы съ отвѣтомъ Антоніо на сомнѣнія, возбужденныя его другомъ: все въ мірѣ представлялось ему тлѣннымъ и перемѣнчивымъ, и вредитъ самому себѣ, кто возлагаетъ на него надежду. Вотъ причина, почему онъ убѣгалъ отъ чистилища общественной жизни,—отъ нея впрочемъ отдаляли его насильно другія власти, съ которыми трудно было считаться; вотъ почему схоронилъ онъ себя въ одиночествѣ своего Парадизо, гдѣ отдавался литературному бездѣлью и бесѣдамъ съ немногими друзьями. Но ни то ни другое не можетъ удовлетворить на долго сильный, дѣятельный умъ: оно хорошо какъ отдыхъ послѣ дѣла, но не въ состояніи притупить жажды дѣятельности, ни заставить забыться. Нѣчто подобное должно было случиться и съ Альберти; какъ бы то ни было, въ Парадизо онъ не нашелъ желаннаго покоя, ему скоро надоѣло беззаботное веселье дачнаго праздника; онъ становится религіонистомъ. Въ общественной экономіи среднихъ вѣковъ политическая жизнь кончалась тамъ, гдѣ начиналась религіозная: между той и другой еще не успѣло выгородиться то безразличное поле науки и гуманизма, куда, какъ въ послѣдствіи, могли-бы удаляться люди, не удовлетворенные ни однимъ изъ существующихъ принциповъ. Въ то время, о которомъ мы пишемъ, эта средняя полоса едва начинала выясняться: людямъ, обманутымъ жизнью, по прежнему не оставалось другаго исхода кромѣ религіи, и на оборотъ—съ ратнаго поля открывался прямой путь въ монастырь; воинъ

становился монахомъ и также легко покидалъ рясу для брони, если того требовали обстоятельства; страстность политическихъ партій находила себѣ соотвѣтствующій выходъ въ болѣзненномъ изувѣрствѣ бичующихся (flagellantes); городскія смуты перемежались столь же бурными замиреніями, ихъ устраивали обыкновенно духовныя лица и святые подвижники. Отчужденный отъ жизни коммуны, Антоніо дельи Альберти не съумѣлъ найдти тотъ средній терминъ въ религіи и политикѣ, то новое соціальное начало, которое итальянскіе города вырабатывали, обходя церковь и имперію. Если онъ избѣгалъ чистилища (purgatorio) партій и центра земли, *il centro della terra*—принимать-ли послѣднее выраженіе въ смыслѣ ада (*l'abisso*), или Флоренціи [217])—ему только и можно было опереться на священныя права папы или императора, и желанный миръ, котораго онъ такъ долго искалъ въ своемъ Парадизо, представился ему осуществимымъ только подъ условіемъ—обрѣсти тамъ Бога, покинувъ всѣ мірскія заботы. На этотъ нравственный переворотъ, происшедшій въ Антоніо, мы думаемъ встрѣтить намекъ въ его второй корреспонденціи съ Саккетти. «Egregio cavalier», писалъ ему послѣдній: *)

Egregio cavalier, egli m'è adviso
Che per fuggir il centro della terra,
Dove l'abisso ciascun vizio serra,
Fermato sete star nel Paradiso.

Ma lasso a me! ch'i' son quasi conquiso
Fra gli umani voler, che sempre serra:
Che'l purgatorio cerco per men guerra
Per non esser da voi nel fin diviso и т. д.

Такъ отвѣчалъ ему Антоніо, по обыкновенію играя двойственнымъ смысломъ слова Парадизо: **)

Noi siamo alme create in paradiso
Et diffuse or qua giù sopra la terra
Ad abitar questo carcer di terra
Un batter d'occhio et un voltar di viso.

---

*) «Почтенный кавальере, кажется мнѣ, что вы рѣшились жить въ Парадизо, чтобы быть подальше отъ центра города (или земли, т. е. ада) и бездны пороковъ.—А я несчастный, порабощенный людскими похотями, вѣчно заблуждающимися, думаю укрыться въ Чистилищѣ, чтобы избѣжать излишней борьбы и не быть окончательно разлученнымъ съ вами».

**) Мы—души, созданныя въ раю и разсѣянныя по землѣ, чтобъ обитать въ этой земной темницѣ одно мгновеніе ока. Когда смерть разлучитъ насъ съ тѣ-

Poscia che morte l'ha da noi diviso
Lui si rimane a ritornare in terra,
Et noi a sostener la'nfernal guerra
O'celsa pace, s'è da noi previso.

Però se più Iddio che'l mondo colo
Fuor del corso comun che'l mondo tene,
Seguendo i pochi e lasciando lo stuolo,

Fo'l per trovare e qui e là men pene:
Et a questo cammin già non son solo,
Chè molte carte d'esso far son piene [218]).

То были времена бурныя для католичества: жизненныя силы папства были подточены, оно изживалось въ авиньонскомъ плѣну, уже успѣвшемъ вступить въ свой второй фазисъ послѣ слабой попытки Урбана V перенести папскій престолъ въ Италію,— попытки, за которой почти тотчасъ же (1375) послѣдовало ничѣмъ не мотивированное возвращеніе. Со всѣхъ сторонъ поднимаются единодушные крики противъ хищнаго Вавилона; слышны проклятія на безобразную распущенность духовенства и призывается правосудіе неба, да изгонитъ оно изъ храма торгашей и святокупцевъ [219]); и въ то-же время въ небольшемъ кружкѣ истинно вѣрующихъ, умѣвшихъ въ своемъ религіозномъ лиризмѣ найдти оплотъ противъ церковныхъ соблазновъ, еще толкуютъ о возрожденіи путемъ горячей вѣры, о возможности спасти церковь отъ неминуемой гибели, возведя ее къ ея началамъ. Отсюда тѣ мистическіе порывы, которыхъ единственнымъ реальнымъ результатомъ было преобразованіе монастырскаго общежитія. На это движеніе мы уже нѣсколько разъ указывали, какъ на характеристическую черту послѣднихъ годовъ этого вѣка: чтобы огородить себя отъ мирскихъ искушеній, постоянно осаждавшихъ ратующую церковь, люди стремились вступить съ небомъ

ломъ, оно обращается въ персть, а мы обречены на адскія муки или небесный миръ, смотря потому что̀ сами себѣ уготовили. Потому, если, оставляя обычную жизненную стезю, которую избираетъ толпа, я слѣдую за немногими и болѣе занятъ Богомъ чѣмъ свѣтомъ, я дѣлаю это для того, чтобы и тамъ, и здѣсь найдти менѣе огорченій.—И я не одинъ на этомъ пути, о которомъ говорятъ многія хартіи».

въ болѣе тѣсную, сердечную связь, ибо только такимъ образомъ, надѣялись, зло будетъ побѣждено добромъ.

Chi contemplasse quel celeste polo
Il mal sarìa quaggiù vinto dal bene[220]).

Мессеръ Антоніо наравнѣ съ другими далъ себя на время увлечь этому мистическому потоку: въ его стихахъ слышатся тѣ же обычные вздохи о необходимости возродить церковь[221]); онъ и всегда былъ набоженъ, по примѣру отца, и дѣлалъ богатые вклады въ орденъ монахинь Gesuate. Прибытіе святой Бригитты († 1373) во Флоренцію дало наконецъ положительное содержаніе неяснымъ стремленіямъ мира и покоя, не оставлявшимъ его въ одиночествѣ его виллы. Выросшая подъ холодными туманами Швеціи, св. Бригитта приносила съ собою такое же богатство туманныхъ видѣній, какъ и св. Катерина Сіэнская, всю суровость подвижницы и вмѣстѣ съ тѣмъ такую чарующую доброту, которая привлекала всякаго, кто только приближался къ ней. Говорили, что ее, еще семилѣтнюю дѣвочку, небо посѣтило своими откровеніями; она находилась постоянно въ молитвенномъ забытьи; съ годами видѣнія сдѣлались чаще, тайный голосъ говорилъ ей, что она назначена спасти церковь, готовую обрушиться въ бездну раскола: пусть идетъ въ Римъ и останется тамъ, пока не увидитъ тамъ соединенными папу и императора. Святая повиновалась голосу: въ столицѣ католическаго христіанства ей довелось увидѣть Урбана V и Карла IV; казалось, ея назначеніе было исполнено, но обольщеніе длилось не долго: императоръ поспѣшилъ удалиться, и папу привлекли снова прелести Авиньона, какъ ни страшила его святая своими грозными пророчествами. Онъ едва успѣлъ дать апостольское благословеніе новому монашескому ордену, который учреждала св. Бригитта (1367).

Между тѣмъ какъ папа внезапно скончался въ произвольномъ изгнаніи, св. Бригитта посѣтила Флоренцію, «гдѣ оставалась нѣкоторое время и успѣла свести дружбу съ мадонной *Lapa*, сестрой Никкола Аччьяйоли, великаго сенегала неаполитанскаго королевства, женой Маненте Буондельмонти. И такъ какъ чистота и святость ея жизни были всѣмъ извѣстны и возбуждали удивленіе, то она привлекла къ себѣ многихъ вѣрующихъ, въ особенности мессера Антоніо ди мессеръ Никколайо дельи Альбер-

ти, изъ самыхъ именитыхъ въ городѣ людей по богатству, знатности и вліянію. Такова была его преданность святой, что онъ обратился къ папѣ Бонифацію IX съ просьбой построить монастырь недалеко отъ Флоренціи, по сосѣдству съ своей виллой, названной Парадизо, и въ 1394 году приписалъ къ нему всѣ помѣстья, какія у него были въ коммунахъ Эмполи и Монтелупо, а ихъ было много [222]). Что эта мысль занимала Антоніо еще ранѣе, тому свидѣтельствомъ булла Бонифація IX отъ 26-го генваря 1392 года къ флорентійскому епископу Онофріо, которой разрѣшалось основаніе монастыря. Чтобы открыть его должнымъ образомъ, изготовлены были письма въ старшую обитель ордена св. Бригитты въ Швеціи, т. е. Вастена, съ просьбой прислать двухъ иноковъ, которые бы водворили святыя правила новаго устава» [223]).

«Когда устроено было это мѣсто для монашескаго общежитія»,— такъ пишетъ фра Маттео, ордена св. Бригитты, въ старой книгѣ записей, о которой мы говорили выше [224]), «мессеръ фра Манно и фра Лука изъ Испаніи (di Spagna), теперь главный консерваторъ ордена (generale conservatore) и отецъ этого монастыря, еще съ однимъ братомъ и двумя послушниками прибылъ изъ нашей главной обители Vascheno [225]), лежащей на сѣверѣ по близости моря-Океана (vicino al mare Oceano), на краю земли. Онъ былъ тамъ главнымъ исповѣдникомъ (generale confessore) и отъ имени нашего ордена вступилъ во владѣніе новымъ помѣщеніемъ.... Въ слѣдующемъ году было принято нѣсколько сестеръ [226]), аббатиссой надъ ними назначена папскою грамотой отъ 2-го Марта 1395 года сестра Марта деи Казали, бывшая настоятельница монастыря Santa Maria di Targia, что̀ за стѣнами Кортоны, ордена св. Клары, но съ разрѣшеніемъ принять одежду и уставъ св. Бригитты. Ей поручены были заботы управленія какъ нравственнаго, такъ и матерьяльнаго, съ условіемъ принести присягу въ вѣрности флорентійскому епископу либо епископу Фьезоле, прежде чѣмъ вступить во владѣніе монастыремъ».

Молва о новомъ учрежденіи вскорѣ «разнеслась не только по Флоренціи, но и по окружнымъ областямъ, такъ что многіе ученые, мудрые и именитые люди съ большой горячностью спѣшили принять одежду святаго ордена, въ которомъ пребыли до смерти съ великимъ благочестіемъ и терпѣніемъ... Чего только не претерпѣли эти удивительные люди, прибывшіе съ концевъ

земли, ради любви къ Господу! Въ какомъ добровольномъ и, можетъ быть, необходимомъ воздержаніи они часто подвизались! Иногда обѣдъ еще не кончился, а уже посылали обирать скудные остатки хлѣба и вина, котораго было мало и то дурнаго качества: иногда просто вино изъ толченыхъ яблоковъ; по правдѣ можно было сказать: хлѣба малость и воды въ мѣру (pane poco e aqua a misura). Объ одеждѣ и ночлегѣ, т. е. одѣялахъ, кроватяхъ и другихъ необходимыхъ вещахъ, нечего и говорить. И все это они переносили съ великимъ терпѣніемъ и веселіемъ ради любви къ Господу, тогда какъ въ міру они были не только богаты, но и господа. Оттого тѣ, что̀ стояли ниже ихъ, ихъ подданные, видя подобное, не смѣли жаловаться на то, въ чемъ по монастырскому уставу они терпѣли недостатокъ» [227]). Примѣры смиренія, воздержанія и милосердія, представленные монахинями, отличаются еще большимъ аскетизмомъ, характеризуя вмѣстѣ съ тономъ всего разсказа тотъ второй періодъ монашеской легенды, когда, покинувъ первобытный эпическій складъ, она становится лирической, наполняется видѣніями и анализомъ религіозныхъ восторговъ, переходящихъ въ болѣзненныя галлюцинаціи. «Была въ ту пору аббатисса знатнаго рода и смиреннѣйшая въ обхожденіи; съ великой горячностью она исполняла всякую низкую службу, мела, прислуживала, мыла кострюли и сковороды съ веселіемъ и стоя на колѣнахъ, хотя она привыкла имѣть кругомъ себя много рабовъ и рабынь, потому что была госпожа. Днемъ она была Мартой [228]) и Маріей по молитвѣ и дѣятельности; ночью—Маріей по долгимъ молитвеннымъ бдѣніямъ, размышленіямъ и созерцаніямъ. Точно также было и съ ея подчиненными. И послѣ нихъ были другія, также исполненныя святыхъ добродѣтелей, особенно терпѣнія, добровольнаго и, можетъ быть, необходимаго. Внутри искушенія, снаружи нужда и страхи, тѣсноты и строгія послѣдованія, истязанія и посты. Сколько разъ нѣкоторыя изъ нихъ отправлялись въ садъ послѣ заутрени и, схватившись руками за древесныя вѣтви, стояли въ крестообразномъ положеніи до перваго часа, чтобы прогнать сонъ и улучить больше времени на святыя размышленія. Отпѣвши обѣдню и подкрѣпивши тѣло пищей, всѣ запирались по кельямъ, не говоря ни слова. И когда наступала тишина ночи и всѣ отдыхали, по крайней мѣрѣ бо́льшая часть, эти святыя души, вѣчно бдящія и всегда ищущія тайны и тишины и уединенія, чтобы быть однѣмъ съ Іисусомъ сладчайшимъ, вставали въ тем-

нотѣ и шли по дорогѣ, что̀ ведетъ въ Виѳлеемъ. И прибывъ туда, привѣтствовали его и съ святой Павлой восклицали: спаси тебя, Господи, о Виѳлеемъ, мѣсто злачное (casa di pane?); и еще говорили стоя на колѣнахъ: спаси тебя, Господи, о Эвфратъ (Effrato), страна плодородная. Въ такихъ занятіяхъ проводили онѣ нѣкоторое время, получая многія и различныя утѣшенія. И всякую ночь, какое-бы время ни было, онѣ посѣщали какое-нибудь изъ этихъ святыхъ мѣстъ: иногда сопровождали Марію и Іосифа въ храмъ съ ребенкомъ Іисусомъ; или шли съ ними въ Египетъ, либо въ Іерусалимъ, съ плачемъ ища ребенка Іисуса; порой отправлялись на святыя горы, куда Іисусъ каждую ночь ходилъ на молитву, или въ вертоградъ, на оливковую гору, гдѣ Онъ былъ взятъ, въ другой разъ въ домъ Анны, гдѣ Онъ подвергся заушенію, либо въ домъ Каіафы. Такимъ чередомъ онѣ посѣщали то одно мѣсто, то другое, такъ что въ недѣлю обходили всѣ [229]); а въ воскресенье вмѣстѣ съ преславной Дѣвой Маріей онѣ торжествовали святое и радостное воскресеніе. Какіе вздохи! Сколько слезъ и рыданія, сколько бичеваній не безъ большаго пролитія крови! Всего угоднѣе Сердцевѣдцу то, что всѣ эти вещи дѣлались втайнѣ, но не столько тайно, чтобы мы ихъ не знали навѣрное..... Богъ мнѣ свидѣтель, что нѣкоторыя изъ нихъ въ своихъ набожныхъ созерцаніяхъ удостоились лицезрѣть Господа Іисуса Христа, съ руками, завязанными назадъ, и веревкой на шеѣ, какъ у разбойника; большая толпа окружала Его, и изверги били Его и истязали. Такое видѣніе было одной сестрѣ, когда въ глубокой тишинѣ ночи она поднялась на молитву, въ святыхъ слезахъ и помышленіяхъ, влачась на колѣнахъ отъ горы Иронъ до вертограда и отъ вертограда къ дому Анны; и прибывъ туда, она все слышала и видѣла; и хотя она была измучена бдѣніемъ и слезами и долгимъ путемъ, который прошла на колѣнахъ, и ужасными и горькими страданіями Спасителя, которыя видѣла,—услышавъ нѣсколько словъ Того, Кто исполненъ всякой благости, была утѣшена, и видѣніе исчезло.—Другая сестра, когда въ пятницу шла вмѣстѣ съ другими сестрами въ процессіи, гдѣ была послѣднею, размышляла о горестномъ смыслѣ того шествія, которое видѣла передъ собою и о сладчайшемъ Іисусѣ, ведомомъ на страданіе; она была погружена въ бездну божественнаго, вѣчнаго милосердія и, шествуя, постоянно говорила: о сладчайшій Іисусе, и я съ тобою иду и охотно умру съ тобою. Тогда ей былъ голосъ: Дочь моя, ты сопут-

ствуешь мнѣ къ смерти, а Я буду тебѣ спутникомъ къ вѣчной жизни. Нѣкоторые другіе старые монахи много разъ слышали, какъ святой ангелъ пѣлъ вмѣстѣ съ сестрами, набожно славословившими въ хорѣ: наши мудрые и святые исповѣдники заключали и говорили, что это былъ тотъ самый, кто отъ слова до слова сообщилъ эти славословія св. Бригиттѣ.....» [230]).

Этому святому квіетизму и тихимъ видѣніямъ, такъ хорошо характеризующимъ внутреннюю жизнь монастырей въ эпоху мистическаго броженія, на которые мы указали, не суждено было продолжаться въ данномъ случаѣ. Дѣло о монастырѣ, хотя казалось совершенно порѣшеннымъ, продолжали откладывать въ долгій ящикъ, благодаря флорентійскому епископу Онофрію lo Steccuto, непріязненно относившемуся къ новому учрежденію; такъ что мессеръ Антоніо, убѣдившись съ другой стороны, что онъ недостаточно его обезпечилъ,—а больше онъ въ то время сдѣлать не могъ,—рѣшился просить у папы Бонифація IX позволенія предоставить обитель Камалдуламъ флорентійскаго монастыря S. Maria degli Angioli, или инокамъ Monte Oliveto, что̀ въ эпархіи Ареццо. Папа дозволилъ это грамотой отъ 31-го октября 1396 г., впрочемъ не приведенной въ исполненіе, потому что еще въ слѣдующемъ году братія ордена св. Бригитты находилась въ полномъ пользованіи имуществами своего монастыря. Гораздо болѣе начинала ихъ безпокоить странная перемѣна, происшедшая въ мессерѣ Антоніо, отдавшагося новымъ и, какъ казалось, противоположнымъ впечатлѣніямъ. Или его запугали практическія затрудненія, встрѣтившіяся при исполненіи задуманнаго плана, помѣха, найденная имъ въ епископѣ Онофріо, или періодъ религіозности для него прошелъ, и, не найдя желаннаго рая, онъ предпочелъ обратиться къ чистилищу, къ этой «земной темницѣ» (questo carcer di terra), какъ онъ самъ ее называлъ, и коловращенію партій. Какъ бы то ни было, только въ послѣднее время онъ начинаетъ показывать отвращеніе къ той самой идеѣ, которую такъ долго лелѣялъ. Можетъ быть, обращеніе къ небу, или лучше — къ партіи церкви, и желаніе увидѣть ее на истинномъ пути, было въ немъ не достаточно сильно, чтобъ отнять у него охоту къ политическимъ замысламъ, не позабытымъ и въ насильственномъ уединеніи Парадизо; можетъ быть, вслѣдствіе этого, онъ вздумалъ искать спасенія въ другомъ изъ тѣхъ принциповъ, за которые цѣплялись люди, когда практи-

ческая жизнь ихъ не удовлетворяла или была противна ихъ интересамъ. Какъ вообще средневѣковаго человѣка мы застаемъ на постоянныхъ поискахъ за соціальнымъ началомъ, которое бы освѣтило ему жизненный путь, и онъ то примыкаетъ къ церкви вмѣстѣ съ Гвельфами, то съ Гибеллинами передается Имперіи: такъ могло статься и съ нашимъ Антоніо, когда изъ человѣка набожнаго и преданнаго церкви, какимъ онъ былъ до тѣхъ поръ, онъ вдругъ обертывается имперіалистомъ и начинаетъ молить о возвращеніи въ Италію «благодушнаго Августа» (il buono Augusto). Повѣствуя въ своихъ Ricordanze о разрушеніи монастыря Парадизо, фра Маттео намекаетъ, между прочимъ, что главной его причиною были не одни «странные обычаи и ухватки основателя, неприличные и несообразные съ монастырскимъ уставомъ», но и жестокая война, начавшаяся между флорентійскою коммуной и Миланомъ [231]); въ послѣдующемъ осужденіи мессера Антоніо включенъ нарочный параграфъ, воспрещающій ему жительство въ какой бы то ни было мѣстности, принадлежащей миланскому герцогу, съ которымъ онъ будто бы состоялъ въ тайныхъ сношеніяхъ, чтобы предать ему Флоренцію. Однимъ словомъ, все заставляетъ заключить, что въ нежданномъ отвращеніи къ собственному монастырю выразился глубокій переворотъ въ политическихъ взглядахъ Альберти, и что имперская партія на время поборола въ немъ церковную. Воображенію набожнаго сказателя партія имперіи очень естественно представлялась въ образѣ нечистаго духа, искушающаго ложными увѣреніями. Разсказываетъ легенда блаженнаго Манно, «что разъ, когда основатель (монастыря) отправился въ городъ по своимъ дѣламъ и поровнялся съ лоджіей Перуцци, красивый юноша предсталъ ему, привѣтствуя его и говоря: Выслушай мои слова, ибо я ангелъ, посланный къ тебѣ Богомъ, дабы сказать тебѣ, что этотъ монастырь Парадизо Ему неугоденъ и Онъ не хочетъ, чтобы онъ подвигался впередъ, но велитъ тебѣ разрушить тобою построенное. Когда услышалъ это основатель, который кромѣ того что былъ скупъ, имѣлъ о себѣ высокое мнѣніе и потому набожно увѣрилъ во все слышанное имъ и видѣнное, не помысливъ—достоинъ ли онъ или нѣтъ ангельскаго видѣнія; онъ такъ сказалъ: Что повелитъ господинъ мой учинить съ иноками и инокинями? Отвѣчалъ ему юноша: Всѣхъ выслать вонъ, потому что Господу не угодны ни монастырь, ни находящіеся въ немъ люди. Повѣрилъ основатель, по неисповѣдимому и праведному суду Божію, обманамъ и ухищ-

реніямъ ангела сатаны, и разослалъ какъ монаховъ, такъ и монахинь по монастырямъ, откуда пришли; тѣ же, кто еще не произносилъ обѣтовъ, воротились къ себѣ домой. И принялись здѣсь ломать, что̀ соорудить стоило столькихъ усилій и средствъ, платя работникамъ за ломку, которой распоряжался тотъ юноша, ни днемъ не ночью не отходившій отъ строителя. Начали разбирать стѣну, что̀ надъ пріемной (parlatorio) монахинь; за тѣмъ кельи и другіе покои, разрушая, разбирая кирпичи, ломая даже связи, сдерживавшія своды, ничего не дѣлая безъ разрѣшенія завистливаго, лживаго демона, котораго принимали на вѣрное за ангела свѣта. Когда увидѣлъ достопочтенный отецъ Лука, что блаженный Манно покинулъ земное изгнаніе и удалился къ Господу Іисусу Христу, что иные разошлись и стѣны почти разрушены, не находя нигдѣ совѣта и помощи, возвратился съ нѣкоторыми спутниками въ Швецію, гонимый нуждою, пророча основателю, что праведный Судія Іисусъ Христосъ его накажетъ, какъ предрекъ блаженный Манно: потому что съ конца свѣта онъ призвалъ Божьихъ слугъ и потомъ надсмѣялся надъ ними, огорчалъ и многія вещи дѣлалъ противныя ихъ желаніямъ. Mihi vindicta et ego retribuam eis in tempore». [232])

Какою-то болѣзненною раздражительностью отзывается эта страстная поспѣшность разрушенія: точно хотятъ заодно покончить съ прошлымъ, которое тѣмъ болѣе ненавидится, чѣмъ болѣе любви прежде возбуждало. Планы другаго рода занимали въ то же время голову Антоніо, въ большемъ соотвѣтствіи съ новымъ поворотомъ его мыслей, которыхъ монастырское дѣло было лишь отрицательнымъ выраженіемъ. Враги были на сторожѣ, и Альбицци воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобъ обвинить его, въ особенности когда замѣтилъ, что любовь народа къ нему охладѣла послѣ его странныхъ поступковъ съ братіей Парадизо, пользовавшейся большою популярностью. Въ 1400 году открытъ былъ (по крайней мѣрѣ такъ оффиціально говорилось) заговоръ флорентійскихъ изгнанниковъ, жившихъ въ Болоньѣ, съ цѣлью убить Альбицци и другихъ членовъ его дома вмѣстѣ съ главами господствующей партіи, и за тѣмъ преобразовать правительство. Коноводами заговора были, по признанію Сальвестро Каввиччьоли, люди изъ семействъ Риччи, Альберти, нѣсколько Медичей и другіе граждане. Едва Альбицци прослышалъ объ этомъ, какъ велѣлъ тотчасъ-же казнить Самминьято деи Риччи и Франческо Давицци, которые находились въ тѣсныхъ связяхъ

съ домомъ Альберти; нарочной коммиссіи (balìa), составленной имъ изъ своихъ приверженцевъ, поручено было разъискать виновныхъ, въ видахъ государственной безопасности. «Послѣ продолжительнаго слѣдствія, члены коммиссіи признали бунтовщиками многихъ гражданъ какъ именитыхъ, такъ и незнатныхъ, изъ семействъ Медичи, Риччи, *Альберти*, Скали, Строцци, Адимари, Альтовити, нѣсколькихъ графовъ di Bagno и многихъ другихъ, всего шестьдесятъ человѣкъ; между прочимъ были изгнаны всѣ Медичи, все семейство Риччи, кромѣ немногихъ, и всѣ Альберти, за исключеніемъ лишь сыновей Николая Альберти..... Но и они не долго пользовались преимуществомъ передъ своими сродниками. 3-го дня новаго 1401-го года, при гонфалоньерѣ Никколозо Камби (изъ тѣхъ Камби, что̀ въ кварталѣ С. Джьованни) схваченъ былъ монахъ, котораго много разъ видѣли ходившимъ между Болоньей и Флоренціей въ пору, когда устраивался заговоръ. Послѣ многихъ пытокъ онъ признался, что Герардо дельи Альберти цѣлый мѣсяцъ скрывался въ потаенномъ мѣстѣ своего дома, и что онъ самъ разными окольными путями проводилъ его до Болоньи. При отъѣздѣ оттуда ему было приказано передать отъ названнаго Герардо кавалеру Антоніо дельи Альберти, сыну Николая, находившемуся въ то время на своей виллѣ, чтобы онъ приготовился безъ всякаго замедленія быть во Флоренціи, когда придетъ время: изъ чего стало ясно, что и онъ былъ замѣшанъ въ заговорѣ. Синьоры разсудили, что такъ какъ Антоніо былъ гонфалоньеромъ компаніи и срокъ его службы приходился на седьмое число мѣсяца, слѣдовало помедлить еще четыре дня; вечеромъ седьмаго Otto della guardia приказали схватить Антоніо за городомъ на его виллѣ; въ ту же ночь онъ былъ привезенъ во Флоренцію. На очной ставкѣ съ монахомъ онъ началъ бойко опровергать всѣ его показанія. Къ чему-бы жить ему на виллѣ? Такого рода дѣла лучше устраиваются въ городѣ. Если многіе изъ Альберти изгнаны, то это не касается ни его, ни его семейства, которое республика всегда выключала изъ наказаній, постигавшихъ его сродниковъ. Наконецъ онъ всему городу извѣстенъ какъ человѣкъ покойный и мирный и всегда сторонившійся отъ борьбы партій; сверхъ всего, откуда-бы у него эта жестокая ненависть къ Ринальдо Джьянфильяцци, котораго онъ и его сообщники будто обрекали на смерть, когда онъ съ нимъ породнился?— Все это онъ говорилъ съ видомъ спокойнымъ и увѣреннымъ, называя монаха негодяемъ и лжецомъ, забывшимъ свой санъ и Бога,

Которому обѣщалъ вести совсѣмъ не ту жизнь, какую велъ на самомъ дѣлѣ; что̀ удивительнаго, если къ своимъ другимъ преступленіямъ онъ рѣшился присоединить еще и это? Но монахъ такъ связно и убѣдительно разсказывалъ, гдѣ и когда онъ толковалъ съ нимъ, что̀ ему говорилъ и какіе получилъ отвѣты, что подеста̀ и другіе граждане, присутствовавшіе при допросѣ, рѣшили подвергнуть Антоніо пыткамъ; подъ конецъ, побѣжденный мученіемъ, онъ признался, что въ самомъ дѣлѣ былъ причастенъ заговору и долженъ былъ выйдти на шумъ съ своимъ знаменемъ (gonfalone) и подъ его прикрытіемъ помочь сообщникамъ; однимъ словомъ, онъ сообщилъ все, что̀ уже открыто было другими заговорщиками; и все это подтвердилъ собственноручно писанными показаніями. По этому случаю учреждена была новая, нарочная коммиссія (balìa), по распоряженію которой, потому ли, что принято было во вниманіе прошлое Антоніо и добрая память, оставленная его отцемъ, или хлопоталъ за него Ринальдо Джьянфильяцци, или помогло ему его счастье [233])—только Антоніо приговоренъ не къ смерти, а къ уплатѣ 3000 золотыхъ флориновъ [234]). Его и брата его Альтобьянко изгнали на тридцать лѣтъ за триста миль отъ города и вмѣстѣ съ другими братьями, Діаманте, Николаемъ и Халцидоніемъ приписали къ числу grandi [235]). Восемь человѣкъ изъ того-же рода удалены были изъ города на 20 лѣтъ и на разстояніе ста восьмидесяти миль; изъ остальныхъ тѣ, которымъ было свыше 16-и лѣтъ, дабы они не питали въ городѣ постоянныхъ волненій, высланы были на десять лѣтъ и на сто миль отъ Флоренціи, съ запрещеніемъ жить во владѣніяхъ миланскаго герцога; тѣ, кому не было шестнадцати лѣтъ, были также изгнаны, потому что считались будто достигшими этого возраста, по распоряженію тогдашней синьоріи» [236]). Мѣстомъ ссылки Антоніо назначена была Барлетта [237]), куда ему слѣдовало прибыть ранѣе 31-го марта. Одинокая, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, осталась во Флоренціи оплакивать падшее величіе своего дома жена его Бартоломмея (ум. около 1426 г.), «женщина почтенная, всѣми уважаемая и богобоязненная»; здѣсь навѣщалъ ее своими утѣшеніями фра Джьованни Доминичи, напаяя ее тихимъ мистицизмомъ своихъ писемъ, на которыя мадонна Бартоломмея отвѣчала такими же письмами, выдержанными въ томъ же стилѣ, исполненными того же чувства; ей же въ поученіе написаны его *Regole del governo di cura familiare*, назначенныя руководить ее въ воспитаніи дѣтей.

«Такъ исполнилось», пишетъ фра Маттео, разсказавъ вкратцѣ о послѣднихъ судьбахъ Антоніо,— «такъ исполнилось во всемъ видѣніе, бывшее брату Манно, которое онъ ясно раскрылъ брату Лукѣ, а мессеру Антоніо сказалъ: Знай, что Господь приготовилъ тебѣ такое заушеніе (guanciata tale), о которомъ услышитъ вся Италія, ибо ты вызвалъ его слугъ съ концовъ свѣта и насмѣялся надъ ними». [238]).

Въ самый годъ изгнанія мы встрѣчаемъ мессера Антоніо въ Римѣ. Видно, полученное заушеніе не прошло ему даромъ, оно сказалось новымъ нравственнымъ поворотомъ въ сторону тѣхъ религіозныхъ думъ, отъ которыхъ отвлекли его политическія бури. Таковы обычныя слѣдствія изгнанія: когда оказывались несостоятельными мірскія надежды, человѣкъ обращался къ единственной пристани, открытой ему средневѣковою церковью. И Антоніо обратился къ ней, потому что былъ нравственно подорванъ, можетъ быть потому, что его въ самомъ дѣлѣ тяготила отвѣтственность за его своевольные поступки съ монастыремъ Парадизо. «Вдали отъ своей родины, страдая душевными и тѣлесными недугами, бѣднякъ постоянно проливалъ слезы, главнымъ образомъ вслѣдствіе угрызеній совѣсти, постоянно держа въ памяти пророчества блаженнаго Манно. Отъ многихъ горестей и душевныхъ страданій онъ былъ какъ потерянный (mezzo fuori di sè) и блуждалъ повсюду, не помня границъ и не соблюдая условій ссылки. Случилось такъ, что въ это время братіи, оставшейся въ Швеціи, надо было послать къ римскому двору по дѣламъ, и они по какому-то вдохновенію послали брата Луку, ради святаго повиновенія готоваго всякій часъ даже на смерть. Разъ, когда названный братъ Лука шелъ по Риму, онъ случайно встрѣтился съ основателемъ монастыря, который, быстро подойдя къ нему, бросился на колѣна, со слезами прося прощенія и упрашивая именемъ Бога, преславной Дѣвы Маріи и св. Бригитты, снова принять ключи правленія и начать на-ново отстраивать монастырь. Когда братъ Лука показалъ сопротивленіе, ссылаясь на нѣкоторыя трудности, мессеръ Антоніо обратился къ посредничеству кардинала, что̀ сдѣлался впослѣдствіи папою послѣ тогдашняго папы, и названъ былъ, кажется, Иннокентіемъ VII [239]). По внутреннему вдохновенію, его обуявшему, и изъ уваженія къ лицу просителя, кардиналъ согласился, и мессеръ Антоніо собственною рукой написалъ все, чего хотѣлъ братъ Лука. Ему онъ разсказалъ про свои приключе-

нія и несчастную судьбу, просилъ простить его и не оставлять своими молитвами, и, полный милосердія, почтенный отецъ успокоилъ его, обѣщая все устроить по его желанію. Такъ они разстались другъ съ другомъ» [240]). Въ маѣ 1401 года монахъ вернулся во Флоренцію, гдѣ началъ искъ на незаконный захватъ монастырскихъ имѣній, попавшихъ въ общую конфискацію всѣхъ помѣстій, принадлежавшихъ когда-то Альберти. Коммуна не только возвратила захваченное, но еще въ 1404 году уступила монастырю садъ и палаццо, «потому что негожее дѣло, чтобы міряне занимали садъ и палаццо, нѣкогда принадлежавшіе означенному мессеру Антоніо, тѣмъ болѣе, что они лежатъ въ монастырской чертѣ» [241]).

Съ этихъ поръ исторія Парадизо, единственнаго на всю Тоскану монастыря ордена св. Бригитты, перестаетъ насъ занимать, не будучи болѣе связана съ судьбою мессера Антоніо. О немъ мы узнаѐмъ, что вскорѣ послѣ описанныхъ событій онъ былъ объявленъ мятежникомъ за то, что нарушилъ предѣлы ссылки, отправившись въ Болонью, гдѣ, по увѣренію нѣкоторыхъ, ему поручено было читать въ университетѣ [242]). Этотъ вторичный приговоръ долженъ былъ еще болѣе ожесточить его и возбудить мысли о мщеніи на мѣсто того духа раскаянія и смиренномудрія, который въ Римѣ увлекъ брата Луку. Еще разъ пробудился въ немъ политическій дѣятель, и набожный почитатель св. Бригитты обернулся старымъ имперіалистомъ. Справедливыя или воображаемыя преступленія возводятся на него теперь,—мы увѣрены, что въ этихъ обвиненіяхъ есть доля правды. Декретъ, обнародованный въ іюлѣ 1411-го года, когда мессеръ Антоніо находился въ Болоньѣ, говоритъ о его намѣреніи, которое раздѣляли другіе изгнанники,—добыть себѣ возвратъ во Флоренцію съ оружіемъ въ рукахъ, избить пріоровъ и измѣнить образъ правленія: почему противъ него возобновлено было постановленіе о мятежѣ и конфискаціи имущества и объявлено, что кто убьетъ одного изъ Альберти—получитъ четвертую часть изъ имѣнія убитаго; наконецъ всѣмъ членамъ дома, какъ женщинамъ такъ и дѣтямъ, велѣно было оставить городъ и его территорію. Не прошло года со времени приговора, какъ мессеръ Антоніо обвиненъ въ новыхъ козняхъ: говорятъ о какихъ-то тайныхъ сношеніяхъ съ друзьями его дома; 11-го іюня, въ то время, когда народъ занятъ конскимъ бѣгомъ (al palio di s. Barnabà), они должны были по уговору отворить городскія ворота, при помощи наемной толпы

начать смятеніе, убить Альбицци и на новыхъ основаніяхъ устроить правительство. Когда заговоръ былъ открытъ однимъ изъ Бастари, Мазо дельи Альбицци поручилъ коммиссіи (balìa), ему приверженной, наказать виновныхъ, что̀ она и исполнила, подтвердивъ силу всѣхъ прежнихъ приговоровъ и назначивъ цѣну за головы самыхъ вліятельныхъ изъ Альберти, между прочимъ 2000 золотыхъ флориновъ за голову Антоніо; убійцѣ было обѣщано прощеніе двухъ изгнанниковъ, какихъ онъ выберетъ, и пожизненная привилегія носить оружіе. Кажется, послѣ этой послѣдней попытки Антоніо отложилъ всякую надежду вернуться въ отечество, потому что съ этихъ поръ о немъ не говорится ни слова ни въ современныхъ запискахъ, ни въ правительственныхъ актахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что къ этому бурному періоду его жизни должны быть отнесены многія изъ политическихъ стихотвореній, дошедшихъ до насъ съ его именемъ. Ставши имперьялистомъ изъ досады, когда отъ церкви ему нечего было надѣяться, онъ рисовалъ себѣ времена имперіи, какъ самыя счастливыя, какія когда-либо видѣла Италія, и могъ только сожалѣть, что они медлятъ возвратиться *):

Omè! Qual Cesar mai per te più fia,
Qual buono Augusto? torna, o sommo Giove,
Che le penne rinove
Del santo augello sotto a le cui alie
Vinson le valorose forze italie.

. . . . . .

Se grato mai n'apparve a gli occhi tuoi,
Signor del cielo, i giusti prieghi ascolta;
Et se a pietà si volta
Già mai la mente tua, ora t'inchina
A le lagrime nostre, a'prieghi suoi.
Vedi la imperïal virtù sepolta
Quaggiù, nel fango involta,
E fatta al mondo quasi peregrina.

---

*) «Увы! Гдѣ твой Цесарь, гдѣ благодушный Августъ? Возвратись, о великій Юпитеръ, и обнови крылья священной птицы, подъ сѣнью которыхъ побѣждали мужественные италійскіе полки..... Если когда нибудь она была угодна твоимъ очамъ, Властитель неба, услышь справедливыя мольбы; и если духъ твой когда нибудь склонялся къ милосердію, склонись теперь на наши слезы, на ея молитвы. Смотри, какъ погрязла здѣсь мощь имперіи, какъ о ней почти забыли въ

Mercè, giusto Signor, grazia divina
Danne dal ciel per riformare il mondo
Un Cesare secondo,
Il qual ciascun che t'ama ognora aspetta,
Sì che l'Italia tua non sia dispetta. [243])

Иной разъ жажда мщенія заглушаетъ въ немъ всѣ другія политическія соображенія болѣе спокойнаго характера: тогда онъ желалъ-бы быть цесаремъ, который, «гонимый коварствомъ своихъ противниковъ» и подобно ему «исторгнутый изъ прекрасныхъ объятій своей знаменитой и дорогой матери», перешелъ Рубиконъ, «гоня изъ Брундузія великаго Помпея и его войско». «Такую-бы участь увидѣть и мнѣ надъ этой неблагодарной»,

Così possa io veder di questa ingrata! [244])

заключаетъ онъ—и эта неблагодарная была Флоренція. Это не мѣшало ему разчувствоваться порою, и тогда его милая измѣнница являлась ему въ образѣ женщины, торжественно возсѣдающей «въ прекрасномъ саду, которымъ гордится Италія», и онъ не знаетъ прибрать достаточно словъ, чтобы выразить ея красоту, называетъ ея прелестной, мудрой, богатой и радушной, зерцаломъ свободы; мысль объ ея возрастающемъ могуществѣ приводитъ его въ восторгъ, и онъ пишетъ канцону, которая бы передала ей его смиренныя желанія прощенія и возврата *):

Con ingegni sottili
Accresci'l regno tuo, se ben contempro,
Ond'io di rivederti ognor mi stempro.
Bella, leggiadra, pien di libertate,
E d'alta dignitate
Adorna; in te medesma lieta godi,
Vaga di fama e di cortesi lodi.
Canzon, quando a te pare il tempo e l'ora,
Giràì in parte ove la Donna mia
Dimora notte e dia,

свѣтѣ. Сжалься, праведный Владыка, пошли намъ съ неба, чтобы обновить міръ, втораго Цесаря, котораго всякій тебя любящій ожидаетъ съ часу на часъ. Тогда перестанутъ презирать твою Италію».

*) «Хитрыми измышленіями ты возвеличила, я вижу, твое царство, и я тѣмъ болѣе страдаю, стремясь ежечасно увидѣть тебя снова. Прелестная красавица, исполненная свободы, украшенная высокими достоинствами, любуйся весело сама собою, окруженная славой и лестными похвалами.—Выбравъ время и часъ,

Et li t'inchina con grande umiltate
Et sì le di'che'l tardar più m'accora
Quanto più pena ognor chiamarmi in via
Verso la patria mia,
A la qual vissi sempre in lealtate
Tale, ond'io spero in lei trovar pietate [245]).

Канцона однакоже не смягчила Флорентійцевъ и не достигла своей цѣли, потому что Антоніо болѣе не увидѣлъ своей родины. Когда впослѣдствіи мадонна Бартоломмея отвезла въ Болонью тѣло своего сына, умершаго въ Ровиго, она положила его рядомъ съ бренными останками мужа въ церкви Сервитовъ, гдѣ до сихъ поръ можно прочесть вырѣзанную на мраморѣ надпись:

Hoc licet Antonii lateant sub marmore membra
Mens tamen ipsa polo ob benefacta relata est:
Artibus et studiis tituloque insignis equestri
Quo genus Albertum et Florentia magna triumphat.
Obit. MCCCCXV Kalendis Septembris [246]).

Антоніо дельи Альберти скончался перваго сентября 1415 года, почти послѣдній изъ литературнаго кружка Парадизо, котораго участники, мы видѣли, могли еще знать Петрарку и Боккаччьо, которыхъ поэтому мы не прочь назвать эпигонами великаго дантовскаго періода. Колуччіо Салутати умеръ въ 1406 году, Франческо Ландини въ 1397, Луиджи Марсили въ 1394, прежде всѣхъ графъ Карлъ—въ 1390. Это, стало быть, самый поздній срокъ, къ какому можно отнести событія, описанныя нашимъ романистомъ: самый ранній опредѣлился тѣмъ мѣстомъ романа, гдѣ упоминается Пьеро ди Филиппо дельи Альбицци, какъ уже умершій,—а онъ умеръ въ 1379 году [247]). Между этими двумя годами историческія и біографическія свѣдѣнія, собранныя на предъидущихъ страницахъ, въ особенности относящіяся къ Антоніо дельи Альберти, помогутъ намъ точно опредѣлить годъ, когда устраивались сходки нашего общества. Вспомнимъ то мѣсто романа, гдѣ авторъ, самъ принимавшій въ нихъ участіе, сообщаетъ о себѣ, что въ Падуѣ онъ былъ слушателемъ маэстро Біаджіо [248]).

ступай, канцона, туда, гдѣ день и ночь пребываетъ моя дама; преклонись предъ ней съ большимъ смиреніемъ, и скажи, что меня тѣмъ болѣе мучитъ ожиданіе, чѣмъ долѣе она медлитъ призвать меня на родину, которой я всю жизнь оставался вѣренъ—почему я надѣюсь найдти въ ней состраданіе».

Теперь мы знаемъ изъ біографіи Біаджіо Пелакани [249]), что его первыя лекціи въ падуанской студіи продолжались съ 1384 года по лѣто 1388-го: ясно, что собранія въ Парадизо должны быть отнесены къ одному изъ годовъ, слѣдующихъ за 1384. Но мы можемъ быть еще опредѣленнѣе, можемъ съ большою достовѣрностью утверждать, что ихъ нельзя предположить ранѣе 1387-го года: иначе какъ объяснить, что въ кружкѣ мессера Антоніо, гдѣ мы встрѣчаемся съ такимъ множествомъ историческихъ дѣятелей, нѣтъ ни одного представителя фамиліи Альберти, какъ не предположивъ, что въ ту пору никого изъ нихъ не было во Флоренціи? А мы знаемъ, что съ 1387-го года всѣ они подверглись изгнанію, за исключеніемъ одного мессера Антоніо съ братьями [250]). Но въ 1387 и 1388 годахъ мессеръ Антоніо былъ въ Брюгге, какъ явствуетъ изъ его писемъ [251]), и только въ слѣдующемъ 1389 году мы снова встрѣчаемъ его во Флоренціи, когда 29 мая онъ вмѣстѣ съ Никколò ди Микеле ди Ванни Кастеллани избранъ былъ уффиціаломъ монетнаго двора [252]). Къ первымъже числамъ мая отнесены нашимъ романистомъ и описанныя имъ сходки [253]), которыя, какъ мы замѣтили, невозможно отнести къ 1390 году по той простой причинѣ, что въ этомъ году одного изъ соучастниковъ, графа Карла ди Поппи, уже не было въ живыхъ. Намъ, стало быть, ничего другаго не остается, какъ помѣстить ихъ въ 1389-мъ году, потому что онѣ несогласимы ни съ однимъ изъ предъидущихъ.—Эти хронологическія данныя, добытыя главнымъ образомъ изъ біографіи мессера Антоніо, вполнѣ подтверждаются другими свѣдѣніями, разбросанными въ нашемъ романѣ, равно какъ жизнеописаніями дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Мы видѣли, что въ началѣ 1389 года (по флорентійскому счету) мессеръ Джьованни де' Риччи и Луиджи Гвиччярдини посланы были флорентійской коммуной къ графу di Virtù; и что, когда послѣдній ихъ задерживалъ, республика нашла нужнымъ снарядить въ апрѣлѣ другихъ пословъ, Герардо Буондельмонти и Лодовико дельи Альберготти, которымъ поручено было стакнуться съ прежними и добиться отъ графа чего-нибудь положительнаго. Мы помнимъ, что и послѣднимъ это не удалось, почему 29-го мая республика была вынуждена лишить ихъ власти [254]). Если такъ было съ ними, легко предположить, что прежніе посланники должны были вернуться еще ранѣе, такъ что Джіованни деи Риччи могъ присутствовать на бесѣдахъ Парадизо.—Изчезновеніе Марсилія ди с. Софія изъ Падуи въ концѣ

апрѣля 1389-го года, послѣ чего мы до 1392 года ничего не узнаемъ объ его дальнѣйшемъ мѣстопребываніи, удивительно совпадаетъ съ показаніемъ нашего романа, который переноситъ его во Флоренцію въ первыхъ числахъ мая, пополняя такимъ образомъ пробѣлъ въ біографіи падуанскаго маэстро [255]).—Труднѣе согласимы свѣдѣнія о Біаджіо Пелакани. Извѣстно, что въ 1389 г. онъ читалъ въ Павіи, хотя мы и не знаемъ, въ какіе именно мѣсяцы и весь ли годъ; сравненіе съ другими совпадающими свидѣтельствами нашего романа, въ историческомъ значеніи котораго мы убѣждаемся болѣе и болѣе, позволяетъ намъ предположить съ большою вѣроятностью, что въ маѣ 1389 г. онъ находился во Флоренціи, откуда могъ отправиться въ Павію къ осеннему семестру, точно такъ же какъ прежде этого, 21-го мая 1384 года, онъ изъ Болоньи могъ дать слово явиться въ Падую къ празднику св. Луки, чтобы начать тамъ свои чтенія [256]). Говоря о маэстро Біаджіо Пелакани и Марсиліи да с. Софія, нашъ авторъ замѣчаетъ, что они призваны были читать во флорентійской студіи. Какъ ни прилежны были наши поиски въ бумагахъ центральнаго флорентійскаго архива, намъ не удалось отыскать въ спискахъ преподавателей имени того или другаго маэстро. Впрочемъ нашъ романистъ говоритъ только, что они были *призваны* (chiamati) и *избраны* (eletti), изъ чего еще не выходитъ, чтобъ они были утверждены и читали. Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же самомъ году мы находимъ маэстро Біаджіо въ Павіи; съ другой стороны Доменико ди Бандино изъ Ареццо, который именно въ эту пору преподавалъ во Флоренціи грамматику и реторику [257]), упоминаетъ въ своемъ рукописномъ сочиненіи Fons historiarum маэстро Марсиліо въ числѣ знаменитѣйшихъ медиковъ, но не говоритъ ни слова объ его чтеніяхъ во флорентійской студіи [258]). Кромѣ того мы знаемъ, что въ то время были во Флоренціи незанятыя каѳедры медицины, потому что въ іюнѣ того же года Колуччіо Салутати пишетъ настоятельныя письма къ Антоніо да Скарперія, медику, котораго зоветъ во Флоренцію, напоминая ему объ обязанностяхъ гражданина [259]). Этотъ Антоніо былъ прежде лекторомъ во Флоренціи и въ 1377 г. въ Болоньѣ, а тогда уже нѣсколько лѣтъ какъ находился въ Перуджіи, гдѣ въ томъ же 1389 году купилъ за 390 золотыхъ флориновъ помѣстье у знаменитаго Бальдо дельи Убальди, а 22-го февраля 1390 года удостоенъ былъ правъ гражданина Перуджіи [260]).—Въ виду всего этого намъ ничего лучшаго не остается сдѣлать, какъ при-

нять дословно показаніе нашего романиста о простомъ *вызовѣ* падуанскихъ маэстро,—и мы едва ли далеко отойдемъ отъ истины.

Если мадонна Бартоломмея не встрѣчается намъ въ садахъ Парадизо, то это не должно удивлять насъ: ея бракосочетаніе съ мессеромъ Антоніо совершено было 20-го іюня 1389 г. [261]); событія, описанныя въ романѣ, должны быть отнесены къ болѣе раннему времени, а мы уже знаемъ, что онѣ происходятъ въ маѣ.

Прежде чѣмъ заключить эту главу, намъ остается разъяснить еще два сомнѣнія, незначительныя сами по себѣ, но легко могущія возбудить подозрѣніе и недовѣрчивость. Скоморохъ Пеллегрино говоритъ о себѣ въ романѣ, что его недавно произвелъ въ рыцари король Владиславъ [262]); намъ могутъ замѣтить по этому поводу, что только въ 1390 году, въ Гаэтѣ, кардиналъ легатъ Анджело Аччяйоли короновалъ Владислава. Но, отвѣтимъ мы, титулъ короля не предполагалъ необходимо коронаціи, и Владиславъ могъ легко называться королемъ тотчасъ по смерти отца своего Карла, 24 февраля 1386 года.—Другое сомнѣніе: разсуждая съ авторомъ о его занятіяхъ въ Падуѣ, Лодовико Буццакарино распространяется въ похвалахъ знаменитому и благородному властителю Франческо Первому да Каррара [263]), что̀ какъ будто переноситъ насъ ко времени, предшествующему 29-му іюню 1388 года, т. е. ко времени, когда Франческо Старшій (il Vecchio) еще не отказался отъ власти надъ Падуей, удалившись въ Тревизо. Но обратимъ вниманіе на связь, въ которой все это разсказывается: прежде всего, разговоръ автора съ Буццакарино не что иное, какъ воспоминаніе о событіяхъ, предшествовавшихъ разговору; во вторыхъ, самое названіе *перваго* (primo), какое дается старшему Франческо, доказываетъ, что ему наслѣдовалъ, по крайней мѣрѣ de jure, Франческо Второй, или Novello. Замѣтимъ, наконецъ, что первому дается только титулъ da Carrara, что̀ было-бы недостаточно, если бы онъ еще продолжалъ властвовать надъ Падуей. Такимъ образомъ эти подробности не только не подрываютъ исторической подлинности нашего романа, но еще болѣе выставляютъ ее на видъ; она чувствуется въ самомъ тонѣ разсказа, когда онъ касается падуанскихъ событій, въ самомъ способѣ умолчаній. То было время, когда старшій Франческо томился въ плѣну у Джіанъ Галеаццо, а младшій, успѣвшій бѣжать подъ вымышленными предлогами, послѣ разныхъ приключеній и утомительнаго путешествія, прибылъ во Флоренцію въ апрѣлѣ 1389 года. Синь-

орія приняла его дурно, она еще не знала, на что рѣшиться, и продолжала колебаться между двоедушной политикой Висконти и желаніемъ помочь изгнаннымъ да Каррара. Рѣшено было игнорировать Novello, чтобы не возбудить подозрѣній въ Миланѣ; съ несчастнымъ изгнанникомъ обращались, какъ съ частнымъ лицомъ, безъ всѣхъ отличій, требуемыхъ его званіемъ; положено не говорить о немъ ни слова на совѣщаніяхъ синьоріи. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда козни Висконти обнаружились слишкомъ ясно, и для Флорентійцевъ пришло время оставить политику оговорокъ и полумѣръ и рѣшить, къ какой изъ двухъ сторонъ имъ пристать окончательно. И вотъ за Франческо Novello начинаютъ ухаживать, ему подаютъ надежды, хотя еще подъ рукой, позволяютъ вызвать братьевъ и другихъ сродниковъ, которыхъ онъ оставилъ въ Асти—но все это тайно. Вотъ почему въ романѣ онъ даже не названъ, хотя и разговоры и нѣкоторыя новеллы отзываются этой недавнею симпатіей къ падуанскому дѣлу. Такимъ образомъ и съ этой стороны нашъ текстъ представляется намъ историческимъ памятникомъ, содержаніе котораго мы думаемъ съ достаточною достовѣрностью пріурочить къ 1389-мъ году, и къ первымъ числамъ мая, когда «пестрые кони Феба уже возжигали Кастора и Поллукса» [264]).

V.

АВТОРЪ И СОВРЕМЕННЫЯ ЕМУ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ПАРТІИ.

На предъидущихъ страницахъ мы старались указать на историческое значеніе нашего романа и на мѣсто, занимаемое имъ въ литературномъ и общественномъ развитіи Италіи. Мы пытались также опредѣлить годъ, къ какому слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, отнести событія, описанныя романистомъ. Результатъ, по видимому, мелочной, но мы дорожимъ имъ при опредѣленіи тѣхъ тонкихъ переходовъ, тѣхъ трудно отличаемыхъ оттѣнковъ, которые сливаются и пропадаютъ для глаза въ широкой характеристикѣ вѣка или культурнаго періода, обыкновенно наводящей одинъ и тотъ же колоритъ на всѣ его явленія. На дѣлѣ въ этомъ общемъ колоритѣ слилось множество красокъ, подъ кажущейся устойчивостью исторической характеристики есть движеніе, послѣдовательность переходовъ и незамѣтная смѣна явленій, и только наука привела все это къ искусственному синтезу, на который жизнь положительно не отзывается. Какое разнообразіе скрыто напр. подъ общимъ названіемъ итальянскаго buon secolo? послѣдніе отголоски трубадуровъ и разцвѣтъ тосканской школы, Франческо да Барберино и Данте, и въ концѣ вѣка уже вполнѣ выяснившіеся принципы Возрожденія. И характеръ этого возрожденія опять же совершенно спеціальный, отличный отъ того, что̀ наложилъ свою печать на первую половину слѣдующаго столѣтія, точно такъ же какъ отъ блестящей эпохи Лоренцо деи Медичи и Renaissance XVI-го вѣка, представляющей такія особенности соціальныя и литературныя, которыя безъ натяжки не укладываются подъ одно опредѣленіе съ предъидущими. Кто хочетъ услѣдить эти мелкія нити, другъ за другомъ входящія въ широ-

кую канву исторіи, тотъ пойметъ, какъ важны бываютъ иногда самыя мелкія хронологическія опредѣленія для уясненія послѣдовательности исторической работы.

Теперь намъ предстоитъ другая задача: опредѣлить, кто такой авторъ романа и когда написанъ нашъ текстъ, относящійся очевидно къ болѣе позднему времени, чѣмъ описанныя въ немъ событія, которыхъ память онъ долженъ былъ спасти отъ грозившаго забвенія. Вопросъ въ высшей степени интересный для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющій большія затрудненія, такъ какъ рукопись досталась намъ безъ имени автора и даже безъ заглавія, почему и не можетъ представить намъ въ этомъ отношеніи никакихъ свѣдѣній. То, что о себѣ сообщаетъ самъ писатель, ограничивается лишь общими мѣстами, и изъ нихъ трудно извлечь что-либо положительное. Онъ былъ родомъ изъ Прато, какъ видно изъ того мѣста романа, гдѣ графъ Карлъ защищаетъ бо́льшую древность стараго Прато (Prato Vecchio), въ Казентино, противъ тѣхъ, кто Прато Піаццанезе (Piazzanese) считалъ за болѣе древній. «Есть между нами кое-кто»,—говорилъ онъ, обращаясь къ автору и шутливо улыбаясь,—«молодой человѣкъ, еще не обросшій бородою, который изъ ревностной любви къ своему отечеству не допуститъ сказаннаго мною» [265]). Эти увлеченія любви не мѣшаютъ ему однако иной разъ хвалить Флоренцію, «знаменитое наше отечество, знатное и прославленное надо всѣми какъ оружіемъ и науками, такъ и религіей и добродѣтелью, благоразуміемъ и справедливостью» [266]). Выраженіе «наше отечество» (nostra patria) понятно въ жителѣ Прато: онъ могъ считать себя *нравственно*, какъ и политически, связаннымъ съ великой республикой; принимать nostra patria въ смыслѣ флорентійскомъ невозможно уже потому, что во Флорентійцѣ было-бы непонятно это рвеніе къ древней славѣ Прато Пьяццанезе и названіе отечества, которое ему дается въ приведенныхъ выше словахъ графа Карла: связь, существовавшая тогда между обоими городами, не могла быть поводомъ такого названія, наконецъ его не допустили-бы ни муниципальные предразсудки средневѣковаго города, ни гордое самосознаніе Флорентійца. Изо всего этого возможно только одно заключеніе, что намекъ графа надо принимать въ настоящемъ значеніи этого слова и въ косвенномъ—похвалы славному и досточтимому отечеству Флоренціи; что, стало быть, нашъ авторъ былъ родомъ изъ Прато. Замѣтимъ, что онъ написалъ свои воспоминанія для своихъ «доро-

гихъ друзей»; между ними могли быть и Флорентійцы, а это одно можетъ объяснить его отзывъ о Флоренціи; въ крайнемъ случаѣ намъ всегда открыто предположеніе, что онъ долго жилъ въ этомъ городѣ и чуствовалъ себя тамъ какъ дома.

Онъ былъ безбородымъ юношей (ancora non frondute le guancie), когда попалъ въ общество графа Карла и потомъ въ сады Парадизо, хотя еще ранѣе того успѣлъ посѣщать лекціи маэстро Біаджіо изъ Пармы, который читалъ тогда въ Падуѣ и котораго онъ называетъ своимъ вторымъ учителемъ [267]). Онъ самъ говоритъ, что былъ тогда молодъ, принимаясь разсказывать, «какъ въ моей юности, въ обществѣ людей мнѣ милыхъ и благосклонныхъ, я съ умиленіемъ посѣтилъ плодоносныя и прекрасныя высоты нашихъ Апеннинъ, гдѣ лежатъ святыя обители Франциска, Ромуальда и Джьованни Гвальберта, и какіе мудрые разговоры и веселыя новеллы я слышалъ тогда въ Поппи, управляемомъ знаменитымъ въ Италіи родомъ, въ которомъ рыцарскія качества чудно соединяются съ высокой добротою и всякою доблестью» [268]). Изъ этого мы можемъ заключить, что авторъ находился въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ графами Гвиди, что̀ отчасти подтверждается хорошимъ знакомствомъ съ хорографіей Казентино, проглядывающимъ въ похвалахъ его «плодоносныхъ и пріятныхъ высотъ» (la ubertosa e piacevolissima alpe) [269]), и въ упоминаніи и описаніи святыхъ мѣстъ на нихъ лежащихъ, какъ напр. священной горы della Vernia, пустынножительства Камалдуловъ и Валломброзы, и другихъ мѣстечекъ и городовъ вродѣ Порчьяно, Ромена, Поппи, Прато—Веккіо и Borgo alla Collina.

За веселымъ путешествіемъ въ Поппи и къ святилищамъ Апеннинъ слѣдовали, мы видѣли, собранія въ домѣ Колуччіо Салутати и на виллѣ Альберти. Они оставили такое неизгладимое впечатлѣніе въ умѣ молодаго автора, что много лѣтъ спустя онъ еще вспоминалъ о нихъ съ удовольствіемъ и задумалъ передать ихъ своимъ друзьямъ въ разбираемомъ нами романѣ. Онъ написалъ его уже въ престарѣломъ возрастѣ, не зная лучше употребить остатокъ дней, какъ посвятивши ихъ дружбѣ: такъ говоря, онъ на столько же имѣлъ въ виду друзей живущихъ, на сколько тѣхъ, кого унесла смерть, чью дорогую память онъ думалъ сохранить. «Оттого я показался-бы самъ себѣ неблагодарнымъ»,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—«еслибъ не сообщилъ вамъ, сердечные друзья мои, что̀ я слышалъ отъ славныхъ мужей:

неблагодарнымъ къ ихъ памяти и къ вамъ, которыхъ ихъ дивныя рѣчи и разсказы могутъ развеселить и наставить. Не судите ихъ по моему неизящному слогу, но по тому, какъ они произнесены были на самомъ дѣлѣ. О какъ трудно и не подъ силу передать всѣ ихъ остроумныя изрѣченія, божественные жесты, игривыя шутки и чудную рѣчь!» [270]). Такъ можно выражаться лишь о далекомъ прошломъ, которое могли помнить немногіе соучастники, оставшіеся въ живыхъ: имъ-то посвятилъ авторъ эти воспоминанія о хорошихъ дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ.

По этимъ немногимъ свѣдѣніямъ, какія сообщаетъ о себѣ авторъ, какъ съ другой стороны по признакамъ языка и стиля, сильно отзывающимся XV-мъ столѣтіемъ (quattrocento), можно съ нѣкоторою положительностью заключить, что романъ могъ быть написанъ лишь долгое время спустя послѣ событій 1389-го года, давшихъ автору поводъ къ его разсказу. Укажемъ здѣсь еще на одинъ пунктъ: на немъ мы главнымъ образомъ думаемъ основать послѣдующее разъисканіе. Мы встрѣтили нашего автора въ обществѣ Салутати и Марсили, слышали его хвалы Данте, Петрарки и Боккаччьо, и знаемъ его тайное желаніе идти по слѣдамъ трехъ вѣнчанниковъ (tre corone fiorentine); звучный, обработанный (ripulito) итальянскій языкъ называется у него не иначе какъ флорентійскимъ, его обработали великіе флорентійскіе поэты, даже падуанскій муниципализмъ преклоняется передъ его гибкостью и способностью передавать самыя отвлеченныя мысли. Все это показываетъ, что нашъ авторъ стоялъ въ центрѣ литературнаго движенія того времени, и его предилекціи даютъ поводъ заключить, что онъ принадлежалъ къ той вымиравшей школѣ, находившей представителей въ обществѣ Парадизо, гдѣ еще думали сохранить въ чистотѣ преданіе великой народной словесности. Итакъ, если мы хотимъ отъискать личность и имя нашего автора, намъ необходимо ограничить наши поиски тою литературною партіей, которую мы готовы назвать партіей *консерваторовъ*, еще продолжавшихъ держаться знамени Данте и итальянской литературной традиціи; потому что то и другое понятіе теперь не раздѣляются болѣе.

Выше, говоря о политическихъ партіяхъ, мы указали въ короткихъ чертахъ, какъ онѣ находили необходимый отголосокъ на почвѣ литературныхъ, художественныхъ и религіозныхъ интересовъ, гдѣ происходила такая же борьба и тѣ же стороны схо-

дились и расходились, связанныя общими надеждами и однѣми и тѣми же антипатіями. Распря шла между старымъ и новымъ, между народностью и тѣмъ, что̀ казалось ея отрицаніемъ, между завѣтами отечественной исторіи и новыми соблазнами принципата. На почвѣ литературной, разумѣется, всѣ эти вопросы, стоявшіе на очереди, принимали нѣсколько спеціальный оттѣнокъ: они становятся вопросомъ языка. Снова поднимается прежнее сомнѣніе: какой изъ двухъ языковъ имѣетъ болѣе права быть литературнымъ органомъ мысли, итальянскій или латинскій; по этому поводу вызываются снова тѣни Данте и трехъ флорентійскихъ вѣнчанниковъ, въ нихъ не даромъ видѣли символическое выраженіе жизненности народнаго начала. Въ сущности и здѣсь ведется та же борьба между народомъ, защищающимъ старую свободу, и принципатомъ, который стремится переять ее. Какимъ образомъ все это могло принять формы грамматической и лингвистической распри—понять не трудно. Къ какому бы времени ни отнести первое вступленіе итальянскаго языка въ права литературнаго гражданства, ко временамъ-ли ломбардской лиги и миѳическихъ поэтовъ Герардо изъ Флоренціи и Альдобранда изъ Сіэны [271]), или позже, какъ думаетъ большинство,—во всякомъ случаѣ въ немъ выразилось призваніе народа къ правамъ мысли. До тѣхъ поръ народъ безмолвствовалъ, его мысль не находила себѣ органическаго выраженія. У церкви, его наставлявшей, былъ свой языкъ, латинскій, свое преданіе и своя особая жизнь, и съ этой жизнью у народа ничего не было общаго; феодализмъ, въ Италіи—явленіе чуждое, привнесенное, долженъ былъ по необходимости покровительствовать литературѣ не національной, провансальской и французской, и окружать себя французскими пѣвцами, francigeni. Если при дворѣ сицилійскихъ королей мы слышимъ первый неясный лепетъ итальянской поэзіи, то это потому, что тамъ впервые зародилась идея *народной итальянской* монархіи; какъ скоро эта идея падаетъ, не дождавшись осуществленія, останавливается и литературное движеніе, ей вторившее. Итальянскому языку суждено было подняться съ первымъ выходомъ народа на сцену исторіи въ борьбахъ ломбардскихъ и тосканскихъ городовъ: только почувствовавъ себя сильнымъ въ завоеванной свободѣ, могъ онъ послѣдовательно завоевать себѣ и свой собственный литературный языкъ, которому политическія и этнографическія причины помѣшали развиться въ Ломбардіи [272]), но который въ Тосканѣ произвелъ Данте и золотой XIV-й вѣкъ. Такимъ

образомъ пріобрѣтенъ былъ новый органъ мысли и разсужденія: на феодаловъ довольно было оружія, теперь противъ церкви поднималось народное слово. Вотъ почему въ началѣ церковь недружелюбно смотритъ на новый языкъ и ратуетъ противъ популяризаціи знанія, ибо, по ея мнѣнію, это значило «умалять божество», menomare la deitade. Такъ разсказываетъ новелла, изъ Cento novelle antiche, очевидно навѣянная этими религіозными опасеніями: «былъ когда-то философъ, охотно истолковывавшій науку синьорамъ и другому люду. Однажды ночью было ему видѣніе: ему казалось, что онъ видитъ богинь науки въ образѣ прекрасныхъ женщинъ; онѣ находились въ дурномъ мѣстѣ и отдавались всякому, кто только хотѣлъ. Увидѣвъ это, онъ сильно удивился и сказалъ: что это? развѣ вы не богини знанія? И онѣ отвѣчали: Конечно.—Какимъ же образомъ находитесь вы въ такомъ нехорошемъ, гнусномъ мѣстѣ? А онѣ въ отвѣтъ: Это справедливо, но ты самъ причиной тому, что мы здѣсь обрѣтаемся.—Тутъ онъ проснулся и размыслилъ, что истолковывать науку (volgarizzare) значитъ умалять божество; оттого онъ оставилъ это и сердечно раскаялся. Знайте-же, что не всякому позволено всё знать»[273]). Не напоминаетъ-ли это укоры Торини, обращенные къ Луиджи Марсили?

Противъ этой-то науки, которую церковь ревниво охраняла въ темныхъ формулахъ схоластики, переводы на итальянскій языкъ и появленіе новой народной поэзіи поднимались какимъ-то торжественнымъ протестомъ. Это, разумѣется, были одинокія усилія, сами по себѣ они не были въ состояніи сообщить жизненную силу народной литературѣ, тогда зараждавшейся. Для этого потребно было болѣе твердое основаніе; надо было, чтобъ съ точки зрѣнія народа и его языкомъ сдѣланъ былъ широкій синтезъ всего, что̀ выработано средневѣковою наукой и исторіей. Отсюда многочисленныя Fiorite, Trésors, Луцидаріи, Images du Monde, Суммы, Сентенціи, нѣмецкія Spiegel: энциклопедіи средневѣковаго знанія, приспособленныя къ пониманію мірянъ и отвѣчавшія отчасти на требованія новой культуры. Но самый полный синтезъ, сдѣланный съ итальянской точки зрѣнія, представляетъ Божественная Комедія. Данте былъ тотъ человѣкъ, что̀ раскрылъ своему народу внутренній смыслъ средневѣковаго міра; радѣя о народѣ, онъ предпринялъ трудный путь по «царству мертвыхъ людей» (lo regno della morta gente), къ преданіямъ папства и имперіи, къ распрямъ Гвельфовъ и Гибеллиновъ, къ заглохшимъ

воспоминаніямъ феодализма и поэтическимъ космогоніямъ схоластиковъ. Высшее усиліе ретроактивной мысли, это путешествіе оставило на его лицѣ и волосахъ видимые зоркому народному глазу слѣды того свѣта, который онъ пытался побороть, научая другихъ, какъ можно выбраться изъ его «темной юдоли» (oscura valle). Вотъ почему церковь, представительница этого стараго міра, смотрѣла на него непріязненно, какъ на того, кто, по выраженію новеллы, особенно охотно истолковывалъ людямъ науку: извѣстно, что она даже была не прочь предать сожженію его прахъ; вотъ почему начала итальянской литературы отожествляются для насъ съ именемъ Данте. Съ него собственно начинается литературное движеніе въ національномъ смыслѣ этого слова; онъ даетъ ему форму, и мы едва-ли не въ правѣ назвать преимущественно его именемъ весь періодъ, предшествовавшій классическому Возрожденію Медичей.

Мы видѣли, что это Возрожденіе приготовлялось издалека, что его принципы выяснялись послѣдовательно и тотчасъ-же вступали въ борьбу съ народною литературой во имя изящныхъ идеаловъ классической древности, которые уже начинаютъ возбуждать безсознательный восторгъ, сопровождающій всякое первое открытіе. Что къ этой борьбѣ страстность партій привлекла авторитетъ Данте и флорентійскихъ вѣнчанныхъ поэтовъ,—намъ едвали-ли нужно пояснять: ихъ имена такъ сроднились съ судьбами итальянскаго слова, что они поневолѣ являлись за него отвѣтчиками и первые выдерживаютъ непріятельскій натискъ. Уже въ третьемъ поколѣніи послѣ Данте, стало быть раньше, чѣмъ завершилось его столѣтіе, оппозиція начинаетъ поднимать голову. Она выходитъ теперь не изъ церкви, по крайней мѣрѣ церковь позабыла старую вражду къ народному языку: она сама пишетъ и наставляетъ народъ по-итальянски, и пишетъ иногда лучше и проще, чѣмъ свѣтскіе люди, которыхъ уже заразила модная латинская фраза. Мы только укажемъ здѣсь на Джьованни делле Челле, на фра Доминичи и великолѣпную прозу св. Катерины Сіэнской. Противодѣйствіе церкви противъ свѣтской литературы ограничивается теперь укорами за излишнее пристрастіе къ языческимъ баснямъ и ученіямъ древнихъ философовъ. Такъ Джьованни Доминичи пишетъ свою Lucula Noctis противъ книги Салутати De Fato et Fortuna, которая должна была поразить его нехристіанской постановкой вопроса; такъ Джьованни да Санъ Миньято упрекаетъ Анджело Корбинелло за чтеніе языческихъ поэтовъ [214]), на защиту

которыхъ принужденъ подняться самъ Колуччіо и Джьованни да Равенна.—Но главный ударъ народно-поэтической школѣ нанесенъ былъ съ той стороны, откуда мы его всего менѣе ожидаемъ, и предполагаетъ посылки, кажущіяся странными въ устахъ тѣхъ крайнихъ поборниковъ свѣтской литературы, которыхъ въ этомъ отношеніи Данте былъ учителемъ и вождемъ. А между тѣмъ дѣло было именно такъ: и какъ въ прежнее время ставилась Данте въ упрекъ его народная рѣчь, низводившая науку съ завѣтнаго пьедестала, такъ теперь вопросъ повернулся, и ему же говорятъ, что онъ пошелъ не въ ту сторону и ошибся въ пути. Мы помнимъ, что церковные нападки основывались на принципѣ, «что не всякому позволено все знать»; противъ этого принципа возставалъ Данте; тѣ, что̀ идутъ за нимъ, слѣдуя данному имъ толчку, не хотятъ болѣе успокоиться на его протестѣ: онъ ихъ не удовлетворяетъ, онъ остановился на полу-дорогѣ, надо окончательно разорвать путы; идеалъ свѣтской литературы тамъ, въ въ классической древности, къ нему слѣдуетъ стремиться. Разумѣется, эта древность была преимущественно своя, латинская; этимъ затронутъ вопросъ объ языкѣ, и новая литературная теорія ставитъ его во главу угла. Она уже не задается прежнею задачею: передать народу и на его языкѣ науку, которую церковь эгоистически берегла подъ непроницаемой броней схоластической латыни; она тоже хочетъ отнять ее у церкви, но лишь за тѣмъ, чтобы возвести ее къ исконному источнику и къ чистотѣ цицероновской рѣчи. Какъ видно—вопросъ въ томъ и другомъ случаѣ ставился одинъ и тотъ-же: надо было взять науку изъ рукъ клериковъ, до тѣхъ поръ исключительно владѣвшихъ ею, и передать ее свѣтскимъ людямъ. Только въ послѣднемъ случаѣ средство употреблено было менѣе народное, отчего и развивается впослѣдствіи та новая исключительность, характеризующая школу позднѣйшаго классическаго возрожденія, которая на золотой XIV-й вѣкъ итальянской литературы смотритъ свысока, смѣшивая его съ средними вѣками, и снова пишетъ по-латини. Попытки старыхъ популяризаторовъ забыты, знаніе по прежнему уединяется на этотъ разъ въ блестящую латинскую фразу. Чѣмъ далѣе въ XV-ое столѣтіе, тѣмъ яснѣе и полнѣе высказывается это новое направленіе свѣтской литературы, тѣмъ рѣже память объ изящныхъ образцахъ, завѣщанныхъ цвѣтущимъ періодомъ народной итальянской поэзіи. Языкъ, выработанный тремя флорентійскими поэтами, оставленъ; и къ чему они сами,

когда Виргилій и Овидій раскрывали читателю красоты совсѣмъ инаго свойства, а разсказы Ливія и Саллюстія поднимали его народное самосознаніе на высоту, откуда оно охватывало всю Италію и все человѣчество въ чертѣ стараго orbis romanus? Еще у Бенедетто Аккольти (1415 † 1466), посвятившаго Козьмѣ Медичи свой Dialogus de praestantia virorum sui aevi, Данте и Петрарка являются великими именами, ихъ позволено сравнивать съ Виргиліемъ и Гомеромъ по изяществу, нѣжности и богатству мыслей. Жаль только, что они писали на народномъ языкѣ, а не по-латыни и не по-гречески! Это, разумѣется, не помѣшало имъ быть ученѣйшими и мудрѣйшими и не совсѣмъ неспособными къ латинской поэзіи, что̀ доказываютъ ихъ буколики и Африка послѣдняго: творенія далеко не посредственныя, хотя, разумѣется, они не могутъ быть сравнены ни съ однимъ произведеніемъ древнихъ. То же самое должно сказать и о Джьованни Боккаччьо, мужѣ очень ученомъ и столь изящномъ писателѣ въ прозѣ и стихахъ, что, если взвѣсить только содержаніе, а не изложеніе (ut si rem ipsam non verbi modum consideremus), онъ можетъ считаться хорошимъ поэтомъ и отличнымъ ораторомъ [275]).—Этого одного довольно, чтобы дать понятіе о новомъ критеріи, который начинаетъ теперь прилагаться къ оцѣнкѣ произведеній великой національной литературы.—Еще пятьдесятъ лѣтъ,—и мы на кульминаціонномъ пунктѣ итальянскаго Renaissance: это было единственное время, когда принципы классическаго возрожденія и народно-поэтическія преданія, казалось, могли помириться, благодаря талантамъ Лоренцо деи Медичи и его поэтическаго кружка. Въ Полиціанѣ лучше всего выразилась эта возможность: граціозные образы языческой лирики укладываются у него въ формы Данте и его школы, въ защиту которой написано знаменитое письмо Лоренцо къ аррагонскому принцу Федериго [276]). И въ то же время новая школа латинскихъ эрудитовъ рѣзко заявляла свою программу, отдаляя всякую мысль о замиреніи. Мы говоримъ о Паоло Кортезе (1466 † 1510) и его діалогахъ De hominibus doctis, обращенныхъ къ тому же Лоренцо деи Медичи. Для него итальянская литература начинается съ Хризолары и Леонарда Аретина: раньше ихъ знанія лежали въ мерзости запустѣнія, культурныя преданія были забыты [277]). О томъ, что̀ для возстановленія ихъ сдѣлали Данте, Петрарка и Боккаччьо, онъ не сталъ бы даже говорить, еслибъ у него не попросили на то объясненія. Конечно, отвѣчаетъ онъ, у Данте и Петрарки велико было рвеніе къ

древности; но въ Данте мы любуемся одними очертаніями, какъ старой картиной, съ которой сошли краски. Онъ справедливо пользуется славой, и его знаменитой поэмѣ никто не откажетъ въ геніальной высотѣ зымысла; но во сколько разъ было-бы лучше, еслибъ вмѣсто того, чтобъ возвеличить ею отечественный языкъ, онъ передалъ свои мысли по-латини. То же самое замѣчается и объ итальянскихъ стихотвореніяхъ Петрарки, за которымъ признается та заслуга, что онъ первый задумалъ воскресить занятіе краснорѣчіемъ. Разумѣется, нечего удивляться, что ему, рожденному въ этомъ «отребьѣ всѣхъ вѣковъ» (in faece omnium saeculorum), недостаетъ прелестей стиля: его слогъ не латинскій и нѣсколько шероховатъ; у него богатство мыслей, но онѣ не достаточно развиты; во всемъ чувствуется болѣе прилежанія, чѣмъ изящества. Боккаччьо, Джьованни да Равенна и Колуччіо Салутати—всѣ подобно ему страдаютъ роковымъ недугомъ (fatale illud malum), тяготѣвшимъ надъ ихъ вѣкомъ. Этимъ недугомъ было, разумѣется, забвеніе классической древности; и не смотря на это красоты роднаго слова увлекаютъ критика иной разъ къ признанію, что въ стихотвореніяхъ Петрарки есть что-то такое особое, звучное и нѣжное, въ чемъ онъ не можетъ дать себѣ отчета,—есть что-то обаятельное во всѣхъ произведеніяхъ поэта, хотя, казалось, новая теорія только-что порѣшила, что они несовершенны [278]). Такъ много казоваго и условнаго было въ этихъ крикахъ противъ роковаго зла, предварявшихъ окончательный разрывъ съ дантовскимъ преданіемъ.

Чтобы понять смыслъ этой двойственной оппозиціи противъ Данте, со стороны церковныхъ людей и эрудитовъ, изъ которыхъ одни видятъ въ немъ главу свѣтской литературы, тогда какъ другіе, вышедшіе изъ его же импульса, не отдѣляютъ его дѣла отъ дѣла средневѣковаго невѣжества,—чтобы понять эту двойственность, необходимо помнить историческое значеніе Данте и мѣсто, имъ занимаемое на рубежѣ двухъ столѣтій различной культуры. Прежде всего—онъ не проповѣдуетъ ничего новаго, онъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ своего времени. Его симпатіи скорѣе обращены назадъ: онъ ревностный католикъ, какъ никто другой, его философія—философія св. Ѳомы Аквинскаго; онъ вѣритъ въ папство и имперію и что свѣту не устоять безъ покровительства двухъ заповѣдныхъ мечей. Герои язычества, которыхъ онъ встрѣчаетъ въ своемъ аллегорическомъ путешествіи, нашли въ немъ мѣсто лишь на столько, на сколько они содѣйствовали или противились прове-

денію въ жизнь того или другаго основнаго начала средневѣковой цивилизаціи. Его культъ женщины не отличить отъ *domnejar* трубадуровъ, онъ только сталъ мистичнѣе; его наука—все та же старая, схоластическая наука, какъ она выразилась въ trivium и quadrivium, и мессеръ Пьеро Данте былъ вполнѣ правъ, выведя въ своей нравоучительной канцонѣ (Morale) семь свободныхъ искусствъ, сѣтующихъ на судьбу, постигшую ихъ маэстро Данте: *)

Quelle sette arti liberali in versi
Anno d'invidia molto a dolersi
Della nomea del maestro loro
Ch'è stata condannata in concestoro. [279])

Эти «семь свободныхъ искусствъ въ стихахъ»,—что это такое, если не энциклопедія Божественной Комедіи? Это характеризуетъ средневѣковую точку зрѣнія, какъ и отождествленіе поэзіи съ теологіей въ комментаріи Боккаччьо на поэму Данте, и его опредѣленіе теологіи, которая «не что иное, какъ божественная поэзія» [280]). И позднѣе еще другой истолкователь Данте, Джьованни да Прато, съ дѣятельностью котораго намъ придется познакомиться подробнѣе, не иначе толкуетъ замыселъ Беатриче: **)

Questa è la santa diva *poesia*
Ch'è sì legiadra, dolce, vaga, altera,
O Beatrice, *o vuoi dir te(o)logia:*
Nomi le sono sinonami, *e uno*
Subietto, e solo a vera fantasia.

Такимъ образомъ Данте представляется намъ съ ногъ до головы средневѣковымъ человѣкомъ,—и это положительная сторона его литературнаго характера,—но уже человѣкомъ, пришедшимъ въ сознаніе самого себя, что̀ уже предполагаетъ возможность отрицанія. Онъ еще стоитъ на почвѣ средневѣковой науки и цѣликомъ вноситъ ее въ величавое зданіе Божественной Комедіи; и въ то же время, вырывая ее изъ рукъ схоластиковъ, дабы передать народу, народною рѣчью, онъ дѣлаетъ первый шагъ къ ея критикѣ. Онъ, разумѣется, не могъ знать, къ чему придетъ

---

*) «Семь свободныхъ искусствъ въ стихахъ сильно жалуются на зависть, побудившую соборно осудить доброе имя ихъ учителя».

**) «Вотъ святая, божественная поэзія, прекрасная, нѣжная, изящная, гордая. Назови ее Беатричей или теологіей,—это будутъ синонимы, а содержаніе одно, единственное для справедливо мыслящаго».

впослѣдствіи эта критика, какъ историческія причины и необходимость—найдти себѣ независимый операціонный центръ—приведутъ ее послѣдовательно къ языческой цивилизаціи и занятіямъ классическою стариной, ибо въ то время это было единственное поле, лежавшее внѣ черты схоластическаго и феодальнаго преданья; какъ, наконецъ, возмужавъ и опередивъ его, эта критика отречется отъ него самого, позабывъ, чѣмъ она одолжена его почину. Какъ-бы то ни было, теоретически—ученые латинисты XV-го столѣтія точно также восходятъ къ Данте, какъ и тѣ, которые чтили въ немъ, можетъ быть съ бо́льшимъ правомъ, вождя и учителя (maestro e duca) народно-поэтической школы. Эти продолжаютъ его дѣло съ формальной стороны, тѣ—со стороны протеста. Одни привѣтствуютъ въ Данте великаго флорентійскаго поэта, пѣвца гражданской славы и гражданскихъ бѣдъ: это люди національной партіи, popolani, гордые своею исторіей, крѣпко стерегущіе всякое преданіе въ наукѣ, религіи и политикѣ. Они пишутъ по-итальянски, любятъ терцину и поэтическій родъ видѣнія; кружокъ Парадизо и его бесѣды лучше всего знакомятъ насъ съ этой первой поэтической и литературной школой, вышедшей изъ дантовскаго направленія. Но этой школѣ противополагается другая, покидающая Данте, Петрарку и Боккаччьо для Гомера и Виргилія, семь свободныхъ искусствъ для науки классической древности, космогонію Ѳомы Аквинскаго для красотъ языческаго Олимпа, преданія гражданской свободы для несбыточныхъ грезъ о какомъ-то общественномъ обновленіи, которыя на яву обернутся медицейскимъ принципатомъ. Наконецъ здѣсь пишутъ по-латини, латинскій языкъ сталъ органомъ новой свѣтской науки, какъ въ прежнее время онъ былъ органомъ церкви; теперь онъ даже начинаетъ заражать чистоту итальянской рѣчи. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ почитать современныя произведенія первой школы, которую мы назовемъ итальянской или народной, прозу какого-нибудь Доменико да Прато, Джьованни ди Герардо и переводчика Ринуччини, чтобы убѣдиться, что она испещрена латинизмами, не только въ синтаксисѣ и въ постройкѣ фразы, къ чему пріучилъ насъ уже Боккаччьо, но въ самыхъ словахъ. Мы можемъ сказать даже больше: сами послѣдователи народной школы пишутъ по-латини и даже любятъ писать, какъ напр. Колуччіо Салутати. Если онъ прилежно собиралъ рукописи Данте, Петрарки и Боккаччьо, то въ то же время обнаруживаетъ изощренный вкусъ ко всякаго рода классическимъ элегантностямъ.

когда поздравляетъ флорентійскаго епископа съ тѣмъ, что въ присланной имъ проповѣди онъ не нашелъ обычной «effeminata consonantiae cantilena», противъ которой выставляется грозный авторитетъ Цицерона. [281])

На исходѣ четырнадцатаго столѣтія и въ тѣ годы, которыхъ литературное броженіе мы думаемъ изобразить, обѣ школы, народная и классическая, или школа эрудитовъ, уже совсѣмъ опредѣлились и стоятъ другъ противъ друга во всеоружіи, готовыя вступить въ борьбу за преобладаніе. Самая борьба началась, и вопросы поставлены ясно. Въ самомъ общемъ своемъ выраженіи— это споръ между старой схоластической наукой, выраженной въ семи свободныхъ искусствахъ, и новой наукой, вдохновлявшейся классиками, между античнымъ идеаломъ изящества и христіанскимъ. Иногда великое имя Данте, которое принижали латинисты, поборавшіе въ немъ средневѣковое вѣрованіе, и съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ защищала народная школа,—давало всему этому видъ какой-то личности, какихъ-то личныхъ нападковъ. Но Данте, Петрарка и Боккаччьо неотдѣлимы отъ Флоренціи,—и вотъ тотъ же вопросъ является еще въ третьемъ видѣ: средневѣковая культура, имена трехъ флорентійскихъ коронъ и муниципальная гордость подаютъ другъ другу руку, вызываютъ ѣдкія насмѣшки нововводителей и отчаянно защищаются народными поэтами.

Одинъ изъ первыхъ поднялся на защиту стараго научнаго преданья Франческо Ландини, по прозванію Cieco или degli Organi. Мы встрѣтили его въ обществѣ Парадизо, представляющемъ національную партію, партію popolani, почитателей Данте и народной поэзіи. Онъ обращаетъ свои Versus [282]) къ Антонію, плебану Vado, отличному учителю грамматики, логики и реторики (ad dominum Antonium Plebanum de Vado, grammatice, loyce, rethorice optimum instructorem), пріятелю Франко Саккетти и истолкователю (lettore) Данте въ 1381-мъ году. Этого одного достаточно для характеристики его литературнаго profession de foi. Стихи написаны въ защиту Оккамовой логики, или скорѣе семи свободныхъ искусствъ, противъ ученыхъ новаторовъ, нападавшихъ на то и другое; правда, Франческо уже силится сложить латинскій гекзаметръ, но литературная форма, имъ избранная, есть форма аллегорическаго видѣнія, освященная геніемъ Данте. Еще не прошла полночь, и звѣзды въ небѣ удваивали свой блескъ, когда сонмъ маститыхъ старцевъ предсталъ ему во снѣ. Юноша съ умнымъ лицемъ (Arguta facie juvenis), облеченный

въ одежду св. Франциска (luteo squallebat amictu.....Usque pedes vestis, nodoso fune recincta), начинаетъ держать рѣчь, побуждаемый къ тому своими спутниками. Это Вильгельмъ Оккамъ:

lacer ille Guillermus
Morsibus invidiae, frater minor et *tuus Ocham*,

говоритъ онъ, объявляясь своему дорогому ученику (prae cunctis dulcis alumpne). Черная зависть побудила ихъ покинуть царство тѣней, и болтовня невѣжественной толпы, которая при людяхъ бранитъ и рветъ его книгу, а тайкомъ ее же изучаетъ и перечитываетъ часто, стеревъ предварительно съ полей имя автора. Но что всего болѣе ему досаждаетъ и вызываетъ жалобы,—это безстыдные крики «нахальнаго неуча» (ydiota rudissimus, ydiota protervus), глумящагося надъ всѣми науками, надъ Діалектикой, Философіей, Логикой и ихъ сестрами:

Quam se scire suo toto desperat in evo
Acriter impugnat te, te, *Dyalectica*, cunctis
Artibus imperitans, sine qua non creditur ullam
Posse artem sciri perfecte. Sola tuarum
Regia nobilitas, domina atque magistra, sororum
Haec docet, incessus ad amena palatia regni,
Philosophia, tui; sola haec conscendere in arcem
Etheream atque unum trinumque attendere regem.
Concipit haec formas motu et compage carentes,
Corpora et tenues rationum solvere nexus
Edocet, et veris mixtum secernere falsum.
Hac sine balbutiunt omnes, nec in ordine rerum
Quid sequitur, quid non, recte discernere possunt.
Dirigit haec aciem super ardua culmina celi,
Naturamque super, rerum abstrahit undique formas.
Haec apices montium dubios, minitantia celo
Culmina, difficiles aditus, et strata viarum
Aspera, plana facit; per apertas undique portas
Dirigit illa gradum, montes scopulosque supinat.
Haec ad inadcessum mentem advehit, unica,culmen
Nec non tartarei tenebrosa ergastula regni
Rimatur, stygiam praetervehit illa paludem;
Denique in occultas latebras, noctemque profundam,
Intuitum figit, causas sub orbe latentes
Inquirit, sibi cuncta licet, nocturna diescunt.

Всѣ эти науки ставитъ ни во что невѣжда, онъ питаетъ смертельную вражду къ *логикамъ* и бранитъ на всѣ лады, называя ихъ лживыми и задорными софистами. Разумѣется, онъ только и смѣетъ говорить это гдѣ-нибудь въ толпѣ или между женщинами на посидѣлкахъ, почему избѣгаетъ общества ученыхъ; если-же когда случится, что его захватятъ въ расплохъ, какъ оленя въ тенета, тогда слова замираютъ у него на устахъ, онъ говоритъ общими мѣстами, отвѣчаетъ безсвязно и боязливо. А посмотрѣли бы вы на него передъ тѣмъ, какъ гордо онъ прохаживался, высоко поднявъ голову, какъ цвѣтисто говорилъ, приводя тысячи авторовъ, которыхъ одни имена ему извѣстны, цитуя отца *своего* Сенеку, восхваляя до небесъ книги *своего* Цицерона. Бѣдный Сенека! Онъ отвергаетъ такого сына и подобныя похвалы заставляютъ его краснѣть даже въ царствѣ тѣней. Бѣдный Цицеронъ! Когда мечь Антонія снесъ ему голову, это должно было показаться ему менѣе мучительнымъ, чѣмъ видѣть себя превознесеннымъ тѣмъ, кто хромаетъ даже въ грамматикѣ: до того его рѣчь переполнена варваризмами и солецизмами, долгіе слоги у него обратились въ короткіе и короткіе въ долгіе, имена средняго рода приходятъ въ ужасъ, соприкасаясь съ прилагательными женскаго рода, и дѣйствительные глаголы находятся въ недоумѣніи, сочетаться ли имъ съ винительнымъ падежомъ или нѣтъ.—Это, очевидно, портретъ съ натуры, снятый не безъ затаенной злостной мысли съ ученаго латиниста XIV-го вѣка, который ничего не видѣлъ далѣе Цицерона и классиковъ, отрицая монастырскую науку среднихъ вѣковъ.—И оскорбленная тѣнь еще долго продолжала-бы говорить въ томъ-же направленіи, еслибъ первые лучи разсвѣта и утреннія пѣсни рабочихъ не заставили ее разсѣяться тонкимъ паромъ.

Легко предположить, что эти нападенія послѣдователей старой схоластической науки не остались безъ отвѣта со стороны ихъ противниковъ. Доказательствомъ тому—бесѣды, происходившія во Флоренціи на пасхѣ 1401 года (cum solemniter celebrarentur ii dies qui pro resurrectione Iesu Christi festi h bentur) въ домѣ Колуччіо Салутати и на слѣдующій день въ садахъ Роберто деи Росси, по ту сторону Арно. Разговаривающими были, кромѣ двухъ названныхъ и Пьетро Мини, введеннаго лишь во второй бесѣдѣ, Никколò Никколи и Леонардо Аретино, записавшій подробности этого спора для Пьетро Паоло Верджеріо, находившагося тогда въ отсутствіи [285]). Прійдя въ домъ Колуччіо и

усѣвшись, всѣ молчатъ въ началѣ, потому ли, что не находятъ предмета для разговора, или всякій изъ нихъ ожидалъ, что вотъ начнетъ другой. Тогда Колуччіо открываетъ бесѣду, съ жаромъ рекомендуя разсужденіе: безъ него ни къ чему не служатъ и науки,—и въ доказательство онъ разсказываетъ о спорахъ, бывшихъ у него съ Луиджи Марсили, и какую великую пользу они принесли ему. Выше, въ біографіи Марсили, мы привели дословно этотъ отзывъ его друга. Ему отвѣчаетъ Никколò Никколи, большой оригиналъ, ученый затворникъ и слегка педантъ, про котораго разсказывали, что онъ и ѣстъ изъ «великолѣпныхъ античныхъ сосудовъ», и что «хорошо посмотрѣть на него, какъ сидитъ онъ за столомъ, такой античный» [284]); человѣкъ рѣзкій и желчный, какъ доказала потомъ его скандальная ссора съ Леонардо Аретино. Пока они еще пріятели, и Колуччіо можетъ сказать о послѣднемъ, что онъ скорѣе захочетъ ошибаться съ Никколи, чѣмъ быть правымъ съ другими [285]). Въ чемъ же ошибается Никколи? Его пространный отвѣтъ не что иное, какъ длинная похвала классической цивилизаціи, ея философовъ, риторовъ, грамматиковъ, похвала,—приходящая въ концѣ къ отрицанію среднихъ вѣковъ и схоластической науки. Разсужденіе вещь хорошая, онъ самъ готовъ въ этомъ согласиться съ Колуччіо, съ Луиджи Марсили, съ примѣромъ Хризолары: но къ чему и о чемъ говорить, когда нѣтъ матерьяла и книгъ, когда наука въ изгнаніи? «Что до меня, Колуччіо, я не вижу, какимъ образомъ можетъ кто-нибудь научиться разсуждать въ этотъ жалкій вѣкъ, при такомъ недостаткѣ книгъ. Найдется ли теперь какое-нибудь искусство или наука, которая не была бы лишена своего значенія или и вовсе изгнана? Посмотри на любую изъ нихъ и разсуди, чѣмъ она теперь и чѣмъ была прежде: ты видишь, всѣ онѣ до того дошли, что остается только отчаяваться. Возьми, напримѣръ, философію, тѣмъ болѣе заслуживающую вниманія, что она мать всѣхъ наукъ, и изъ ея родника потекло все наше знаніе (humanitas). Въ былое время она перенесена была изъ Греціи въ Италію Цицерономъ и напоена золотыми струями его краснорѣчія. Въ его книгахъ не только изложенъ былъ смыслъ всей философіи, но и подробно истолкованы всѣ философскія школы, а это, мнѣ кажется, много содѣйствовало тому, чтобы побудить людей къ занятію наукой. Почему, какъ скоро кто приступалъ къ философіи, онъ тотчасъ же могъ избрать себѣ, кому слѣдовать, и научался не только защищать свое мнѣніе, но и от-

ражать чужія. Оттуда стоики, академики, перипатетики, эпикурейцы, оттуда между ними споры и разногласія. О еслибъ дошли до насъ всѣ эти книги и не было столь велико нерадѣніе нашихъ предковъ! *Но они сохранили намъ Кассіодора и Алкида и тому подобныя бредни, которыя ни одинъ хоть немного ученый не счелъ нужнымъ прочесть*; а книгамъ Цицерона, лучше которыхъ и изящнѣе ничего не произвели латинскія музы, они попустили потеряться вслѣдствіе своего нерадѣнія. Тому причиной величайшее невѣжество: потому что еслибъ они, какъ говорится, хоть немного отвѣдали ихъ, разумѣется никогда бы не покинули, ибо краснорѣчіе ихъ было такое, что всякаго не тупаго читателя побудило бы не пренебрегать ими. *Когда бо́льшая часть этихъ книгъ погибла, тѣ же, которыя сохранились, до того испорчены, что недалеки отъ разрушенія,—какимъ образомъ думаешь ты научиться намъ теперь философіи? А вѣдь есть многіе учители этой науки, обѣщающіе научить ей?* О знаменитые философы нашего времени! они преподаютъ, чего сами не знаютъ, и я не могу надивиться, какъ они овладѣли философіей, будучи такими невѣждами въ грамматикѣ: потому что, когда они говорятъ, у нихъ болѣе солецизмовъ, чѣмъ словъ, такъ что иногда предпочелъ бы слышать ихъ храпящими, чѣмъ разсуждающими. Но спросите ихъ, на чьемъ авторитетѣ и на какихъ ученіяхъ опирается ихъ удивительная мудрость, и они отвѣтятъ вамъ: на авторитетѣ философа. Такъ говоря, они разумѣютъ Аристотеля, и всякій разъ, когда надо что-нибудь подтвердить, приводятъ изреченія изъ книгъ, которыя называютъ Аристотелевыми: слова дикія, пошлыя, неблагозвучныя, которыя рѣжутъ и поражаютъ слухъ каждаго. Такъ, говорятъ, сказалъ Аристотель, этому невозможно противорѣчить; такъ что для нихъ слова учителя (ipse dixit) однозначущи съ истиной. Какъ будто онъ одинъ былъ философомъ, и его мнѣнія столь незыблемы, будто произнесъ ихъ въ своемъ святилищѣ пиѳійскій Аполлонъ. Я, разумѣется, говорю это не въ укоръ Аристотелю (у меня нѣтъ никакой вражды къ этому мудрѣйшему мужу), но противъ неразумія этихъ людей. Еслибъ они были только невѣждами, ихъ бы, разумѣется, не слѣдовало хвалить, но все же переносить при настоящихъ условіяхъ времени; но къ невѣжеству присоединилась теперь надменность; они сами считаютъ и зовутъ себя мудрыми, а кто можетъ это слышать равнодушно? Вотъ что я о нихъ думаю, Колуччіо: мнѣ кажется, что они ни въ чемъ ни на волосъ не понимаютъ Аристотеля; у меня на то есть важный свидѣтель.

Вы спросите, кто такой? Отецъ латинскаго краснорѣчія, М. Туллій Цицеронъ.... Когда юрисконсульту Требацію случилось попросить одного замѣчательнаго ритора объяснить ему смыслъ нѣкоторыхъ аристотелевскихъ мѣстъ, и тотъ отказался по незнанію, Цицеронъ написалъ ему, что его ни мало не удивляетъ, если риторъ не знаетъ философа, котораго, за исключеніемъ немногихъ, сами философы не разумѣютъ. Не правда-ли, что нашъ Цицеронъ устраняетъ этимъ невѣждъ? Не хорошій-ли отвѣтъ даетъ онъ тѣмъ, кто неблагоразумно провозглашаетъ себя послѣдователемъ Аристотеля?... Итакъ, если сами философы, кромѣ немногихъ, его неразумѣли въ то время, когда процвѣтало всякое искусство и наука, когда множество ученыхъ людей, не менѣе свѣдущихъ въ греческихъ, чѣмъ въ латинскихъ письменахъ, могли читать его на мѣстѣ и въ неиспорченномъ текстѣ: неужели ты думаешь, что теперь, въ такомъ крушеніи всѣхъ знаній, при такомъ недостаткѣ ученыхъ, понимаютъ его эти невѣжды, которымъ не только греческій, но и латинскій языкъ недостаточно знакомъ? Повѣрь мнѣ, Колуччіо, не можетъ этого быть уже потому, что книги, выдаваемыя ими за аристотелевы, подверглись такому искаженію, что еслибъ показать ихъ Аристотелю, онъ точно также не призналъ бы ихъ своими, какъ Актеона, обращеннаго въ оленя, не признали его же собаки. Пишетъ Цицеронъ, что Аристотель обращалъ вниманіе на краснорѣчіе и писалъ съ удивительнымъ изяществомъ; тѣ же книги, которыя выдаются намъ за его—если еще можно тому вѣрить—такъ трудно читаются и такъ темны, что ихъ никому не понять, кромѣ развѣ Сивиллы или Эдипа. Поэтому пусть лучше перестанутъ эти славные философы толковать намъ о своей мудрости: у нихъ и таланта нѣтъ, чтобы овладѣть ею, еслибъ представлялась на то возможность; а еслибъ и былъ талантъ, то возможности не представляютъ условія времени. Но довольно о философіи» [286]).

Критика схоластики и ея метода не могла быть болѣе рѣшительной. Каковы бы ни были ея заслуги на пользу философскихъ наукъ вообще, нѣтъ сомнѣнія, что она главнымъ образомъ истекала изъ зараженнаго источника, основывалась на преданіи, нѣсколько разъ искаженномъ, что ея Аристотель былъ арабскій, а не греческій. Вотъ на эту-то сторону и обращены нападенія Никколи, простирающіяся на все средневѣковое знаніе, шаткое и запутанное, къ какой бы дисциплинѣ мы ни обратились: къ грамматикѣ или риторикѣ, или діалектикѣ, наполненной «британ-

скими софизмами» (quid est unquam in dialectica quod non britannicis sophismatibus conturbatum sit?) и варварскими именами, точно сейчасъ вышедшими изъ мрачнаго сонма Радаманта: Farabrich, Buser, Occam, и др.—А гдѣ книги Варрона, Ливія, Саллюстія, Плинія, гдѣ бо́льшая часть сочиненій Цицерона?—Потеряна или погибла.—Вотъ почему въ такой бѣдности книгъ, ученій и учителей нельзя говорить серьозно о разсужденіи, вотъ почему въ послѣднее время не являлось въ наукѣ ни одного замѣчательнаго человѣка. Обвинять въ этомъ отсутствіе талантовъ нѣтъ, разумѣется, основанія.

Мы знаемъ напередъ, какъ встрѣтитъ эти доводы Колуччіо Салутати. Онъ самъ былъ на сторонѣ классической древности, хотя и находилъ знакомство съ нею необходимымъ главнымъ образомъ «для пониманія и разумѣнія святыхъ отцевъ Церкви, часто употребляющихъ въ своихъ писаніяхъ то поэтическій, то ораторскій стиль, а иногда философское разсужденіе». Принимаясь защищать новую науку отъ нападковъ фра Джьованни, онъ не съумѣлъ сдѣлать этого лучше, какъ доказавъ ея пользу въ спорахъ съ язычниками [287]). Самая постановка вопроса показываетъ, что онъ далекъ отъ крайнихъ увлеченій новаторовъ; кромѣ того онъ человѣкъ дантовскаго преданія, представитель итальянской литературной славы; ему, разумѣется, невозможно согласиться съ Никколи и онъ принимается опровергать его по пунктамъ. Многія сочиненія древнихъ утрачены, это правда, говоритъ онъ; но изъ этого еще не выходитъ, чтобы утрачена была самая наука, потому что еще многія книги остались, Цицерона и Сенеки. Что касается до недостатка въ замѣчательныхъ людяхъ, то это не правда: сто́итъ только указать на трехъ, общею молвою превознесенныхъ до небесъ, на Данте, Петрарку и Боккаччьо, которыхъ, не знаю, почему бы невозможно было сравнить съ древними, а Данте даже предпочесть имъ, еслибъ онъ писалъ другимъ стилемъ (si alio genere scribendi usus esset). Что Никколи умолчалъ объ этихъ людяхъ, славѣ и гордости Флоренціи, доказываетъ, какъ мало онъ любитъ свою родину.

Но Никколи нѣтъ дѣла до народной молвы, всегда двуличной и непостоянной: онъ хочетъ имѣть свое мнѣніе. Что̀ такое эти знаменитые твои тріумвиры, спрашиваетъ онъ съ презрительной насмѣшкой? Люди среднихъ вѣковъ, поборники той схоластической науки, которую слѣдуетъ отметать, какъ вещь ничего не значущую. Переходя за тѣмъ къ оцѣнкѣ Данте, Петрарки и Бок-

каччьо, онъ во всѣхъ находитъ тѣ же недостатки въ языкѣ и слогѣ, въ поэтическихъ пріемахъ и знаніи древности; при чемъ интересно посмотрѣть, какъ въ разборѣ того или другаго онъ не покидаетъ классическаго критерія, ставя его иногда на идеальную высоту, недостижимую для современныхъ ему людей. «Чтобы начать съ Данте, которому ты не хочешь предпочесть даже Марона, не попадается-ли онъ иногда въ такихъ ошибкахъ, что его остается считать круглымъ невѣждой? Онъ, напр., положительно не понялъ словъ Виргилія: «Quid non mortalia pectora cogis auri sacra fames» ,—а вѣдь въ значеніи ихъ не сомнѣвался пока ни одинъ маломальски ученый. Они сказаны о скупости, а онъ понялъ, что они направлены противъ расточительности. Марка Катона, участвовавшаго въ гражданскихъ войнахъ, онъ изобразилъ старикомъ съ длинною сѣдою бородою, не разсчитавъ времени, потому что онъ умеръ въ Утикѣ, еще молодой и свѣжій, всего сорока осьми лѣтъ отъ роду. Но это еще куда ни шло. А вотъ что серьозно и непростительно, что Марка Брута, человѣка извѣстнаго своей справедливостью, скромностью, великодушіемъ и всякою доблестью,—онъ осудилъ на мученіе за то, что убилъ Цесаря и свободу римскаго народа вырвалъ изъ рукъ разбойниковъ; и въ то же время помѣстилъ въ Елисейскія поля Юнія Брута за изгнаніе царя. Но вѣдь Тарквиній унаслѣдовалъ царство отъ своихъ предковъ, когда быть царемъ еще считалось законнымъ и не противнымъ обычаю; тогда какъ Цесарь овладѣлъ республикой при помощи оружія и, умертвивши хорошихъ гражданъ, лишилъ свое отечество свободы. Ясно, что если преступенъ Маркъ, то Юній еще преступнѣе; если же хвалить Юнія за изгнаніе царя, то Марка слѣдуетъ помѣстить въ небо за умерщвленіе тирана. Я уже не говорю о томъ, что̀ постыдно было написать христіанину, когда онъ назначилъ почти одинаковое наказаніе тому, кто измѣнилъ мучителю, и тому, кто предалъ Спасителя міра. Но не будемъ заходить въ вопросы религіи и поговоримъ о томъ, что̀ касается нашихъ занятій. Здѣсь я нахожу его иногда столь невѣжественнымъ, будто онъ только и читалъ монашескія бредни (quolibeta fratrum) и тому подобный вздоръ, что̀ впрочемъ совершенно справедливо; книгъ-же языческихъ, отъ которыхъ всего болѣе могло выиграть его искусство, никогда и не раскрывалъ, т. е. тѣхъ, что̀ спаслись отъ забвенія. Наконецъ, еслибы даже и это знаніе у него было, все же ему не доставало латинскаго стиля (latinitas). И этого

человѣка, неумѣющаго говорить по-латини, тебѣ не стыдно называть поэтомъ и даже предпочитать Виргилію! Недавно мнѣ случилось прочесть кое-какія его письма; на нихъ, кажется, онъ положилъ много прилежанія: они писаны были его рукою и запечатаны его печатью. Боже мой, да теперь не найдти такого неуча, который не постыдился бы написать такъ дрянно. Вотъ почему, Колуччіо, я отдѣляю этого поэта отъ сонма литераторовъ, предоставляя его булочникамъ, шорникамъ и подобному люду. Онъ и писалъ такъ, какъ будто хотѣлъ быть имъ понятенъ. Но о Данте уже слишкомъ» [288]).

Подобныя же обвиненія поднимаются и противъ Петрарки, хотя относительно его Никколи выражается гораздо осторожнѣе (quamquam non me fugit quam periculoso in loco verser). Тѣмъ не менѣе, что такое его знаменитая Африка? Отъ нея такъ много ждали, и самъ онъ не скупился на самыя блестящія обѣщанія? «Нѣтъ ни одной его книжки, ни одного значительнаго письма, гдѣ бы онъ не воспѣвалъ этого труда. Что же изо всего вышло? Изъ всѣхъ этихъ обѣщаній не родился ли ridiculus mus? И найдется ли такой его доброжелатель, кто бы не сознался, что лучше было бы для него вовсе не писать этой книги, или, написавши, предать ее огню? Какое же мнѣніе имѣть намъ о поэтѣ, когда всѣ согласны, что произведеніе, которое онъ считалъ своимъ лучшимъ, на которое всего больше потратилъ силъ, скорѣе вредитъ его славѣ, чѣмъ служитъ ей на пользу? Видишь ли какая великая разница между нимъ и нашимъ Марономъ: этотъ въ своей поэмѣ обезсмертилъ темныхъ людей; тотъ Сципіона Африканскаго, мужа знаменитѣйшаго, затемнилъ, на сколько могъ. Писалъ онъ и буколики и инвективы, почему считался не только поэтомъ, но и ораторомъ: но все написано такъ, что въ буколикахъ нѣтъ ничего деревенскаго, сельскаго, а въ рѣчахъ чувствуется вездѣ недостатокъ риторскаго искусства. Я могъ бы сказать то-же самое и о Боккаччьо: его умѣнье видно изъ всего имъ написаннаго; но, я думаю, сказаннаго довольно: потому что, если я указалъ тебѣ на недостатки тѣхъ, которые по мнѣнія твоему и другихъ далеко его превосходятъ,—а можно-бы собрать ихъ еще больше, еслибъ кто хотѣлъ этимъ заняться,—ты поймешь, что у меня хватило-бы матерьяла, еслибъ я вздумалъ говорить о Боккаччьо. Въ одномъ они всѣ повинны, — это въ страшной надменности: они полагали, что не будетъ такого человѣка, который могъ бы достойно судить о ихъ дѣятельности, и что сколько сами они захватятъ,

столько воздастся имъ отъ людей. И вотъ одинъ зоветъ себя поэтомъ, другой лауреатомъ, третій вдохновеннымъ (vates). Какая мгла ослѣпила этихъ несчастныхъ! Что до меня, я далеко предпочитаю всѣмъ вашимъ произведеньицамъ одно какое нибудь письмо Цицерона, одну пѣснь Виргилія». [289])

Тѣмъ временемъ уже успѣло повечерѣть, и какой скандалъ ни возбуждаютъ новшества Никколи, споръ отложенъ до другаго дня, въ садахъ Роберта деи Росси. Всѣ ожидаютъ, что Колуччіо заступится за флорентійскихъ поэтовъ и ихъ школу: обѣщалъ-же онъ написать ихъ панегирикъ (ut laudes eorum litteris mandassem), чтобы отблагодарить этимъ Леонарда Аретина за пользу, которую тотъ ежечасно приносилъ отечественной словесности переводами съ греческаго и латинскаго [290]). Колуччіо не отказывается отъ обѣщанія, но только не хочетъ исполнить его теперь, дабы кто не подумалъ, что онъ вынужденъ къ тому ухищреніями (fraudibus) Никколи. Тогда, по общему приговору, самому Никколи поручается отвѣтить на его-же собственные нападки, и онъ весело соглашается. Прежде всего онъ сознается, что говорилъ такъ единственно съ цѣлью побудить Колуччіо къ похвалѣ его любимыхъ поэтовъ. Но у него былъ еще на примѣтѣ Роберто деи Росси, прибавляетъ онъ, плутовски усмѣхаясь: еслибъ ему удалось убѣдить его въ ничтожности народной литературы, Роберто пожалуй продалъ бы свои книги, а Никколи на нихъ давно косится и непремѣнно пріобрѣлъ-бы ихъ. Послѣ этого ему ничего не стоитъ опровергнуть всѣ положенія, представленныя имъ въ прошлый день, и для каждой цитаты изъ Божественной Комедіи найдти новое объясненіе. Въ доказательство, что всѣ его нападки были притворны, онъ ссылается и на свою любовь къ великимъ Флорентійцамъ, и на заботы о поэмѣ Петрарки и о библіотекѣ, которую Боккаччьо завѣщалъ монастырю Санъ-Спирито. «Колуччіо должно быть памятно, какъ сильно я былъ привязанъ къ флорентійскимъ поэтамъ. Творенія Данте я когда-то такъ затвердилъ въ памяти, что и теперь не забылъ ихъ и могу прочесть наизусть, безъ помощи книгъ, большую часть его знаменитой и великолѣпной поэмы—чего, разумѣется, я не могъ-бы сдѣлать безъ особенной любви. Франческо Петрарку я всегда высоко ставилъ и нарочно отправился въ Падую, чтобы переписать съ оригинала его сочиненія. Я первый привезъ сюда его Африку,— въ томъ свидѣтель Колуччіо. А Джьованни Боккаччьо какъ мнѣ ненавидѣть, когда изъ уваженія къ памяти столь великаго мужа я

на свой счетъ устроилъ его библіотеку и чаще прочихъ бываю тамъ, въ монастырѣ Августинцевъ?» [291]) Принимаясь хвалить Петрарку, Никколи ссылается на то—«что̀ въ былое время слышалъ отъ богослова Луиджи, мужа святаго и ученаго». Это, разумѣется, Луиджи Марсили. Послѣ всего этого предъидущія нападенія на флорентійскую поэтическую школу могутъ показаться скорѣе реторическимъ упражненіемъ, чѣмъ дѣломъ серьознымъ. Отчасти это такъ и было. Но здѣсь дѣло не столько въ личныхъ мнѣніяхъ, сколько въ томъ, что эти мнѣнія приняты серьозно, что о нихъ разсуждаютъ: ясное доказательство, что подобныя идеи начинали тогда распространяться вмѣстѣ съ распространеніемъ классическихъ занятій. Никколи былъ изъ числа тѣхъ, которые всего болѣе тому содѣйствовали: онъ прилежно собиралъ антики, въ самой жизни и привычкахъ былъ какимъ-то классикомъ; Веспасіано деи Бистиччи даже противополагаетъ его Петраркѣ, Данте и Боккаччьо, ставя ему въ заслугу, что онъ «воскресилъ во Флоренціи латинскую и греческую письменность, долгое время передъ тѣмъ лежавшую подъ спудомъ» [292]), а Джузеппе Бривіо зоветъ его «Latini eloquii, Graiique decus,

cui tanta voluptas
Palladis innata est, ut quaerat ubique sophiae
Linguae utrius libros, antiqua volumina, quorum
Copia lata sibi ad causas, et ad ardua rerum
Abdita naturae, ad mores, ad seria, claras
Virtutes, gesta alta Ducum, monumenta, poesis,
Ludicra, divinae regimen civile salutis,
Dogmaque perpetuum sapientum: denique curat
Bibliothecam omnem veterum studentum
Auctorum in lucem, quos mundi ignavia dudum
In tenebris sordere dedit: proh dedecus! immo
Neglexit plerosque mori; qui vero superstant,
Innumeris squallent erroribus, auctor ut illos
Vix posset nosse suos: tanta affuit olim
Philosophiae omnis studiorum incuria demens.
Ille hos errores unâ exemplaribus actis
Pluribus ante oculos, ne postera oberret et aetas,
Corrigit; unde sibi dignas persolvere grates
Omnis homo studiosus habet, renovatque priorem
Et proprium morem scripti, velut efficit ipse
Scribere diphthongos, elementaque propria docte [293])

Нечего послѣ этого удивляться, если Колуччіо могъ принять за чистую монету враждебныя выходки Никколи: ему хорошо было знакомо это направленіе, а на Никколи указывали, какъ на его представителя. Старая партія чуяла опасность: не даромъ самъ Колуччіо думалъ переломить копье за народное дѣло. Не знаемъ, исполнилъ ли онъ это, и не затерялась ли книга, обѣщанная Аретино, или не признать ли ее въ той инвективѣ противъ Антонія Луска, которую эпитафія Колуччіо поминаетъ, какъ одинъ изъ его самыхъ блестящихъ литературныхъ подвиговъ:

patriae jus fasque tuetur
Et cynici calamo perimit convicia *Lusci*.

Въ ней онъ главнымъ образомъ выступилъ на защиту муниципальной славы, римскаго происхожденія Флоренціи и доблестей ея сыновъ; того же характера отвѣтъ (Risponsiva) Чино ди мессеръ Франческо Ринуччини, направленный противъ того-же Луска: и тамъ и здѣсь бичуется нахальный риторъ, позволявшій себѣ хулить Флоренцію [294]), и выставлены на показъ ея общественныя и политическія заслуги. Но какъ отдѣлить отъ нихъ литературныя? А онѣ для истаго Флорентійца сводились къ тремъ именамъ:—Данте, Петрарки и Боккаччьо; не назвать ихъ, значило бы умалить флорентійскую славу. Гдѣ городъ,—спрашиваетъ Колуччіо,—не только въ Италіи, но и въ цѣломъ мірѣ, болѣе крѣпкій стѣнами, болѣе гордый своими дворцами, болѣе украшенный храмами, зданіями, портиками и площадями, болѣе населенный и богатый, съ почвою болѣе обработанной, климатомъ болѣе здоровымъ, водою болѣе мягкою и пріятною? Гдѣ городъ, который, не имѣя гаваней, производилъ бо́льшую торговлю? Гдѣ-бы искусства такъ процвѣтали, умы были столь утонченны и было такое множество знаменитыхъ мужей? И, чтобы не перечислять всѣхъ, прославившихся оружіемъ или правительственною дѣятельностью,—гдѣ еще найдется Данте, Петрарка, Боккаччьо?— Ринуччини этимъ не ограничился: онъ присоединяетъ длинный рядъ знаменитыхъ Флорентійцевъ, начиная съ Санъ Заноби деи Джиролами и Санъ Джьованни Гвальберто, даже съ Клавдіана, и нисходя до Луиджи деи Марсили, Франческо да Эмполи, Пьеро дельи Строцци, Заноби да Страта, Пьеро Колуччіо, Арригетто да Сеттимелло, Брунетто Латини, Фаціо дельи Уберти, Гвидо Кавальканти, Франческо да Барберино, Луиджи деи Джьянфильяцци, Франческо *musico*. Такую страшную фалангу вывела ста-

рая народная школа противъ Антонія Луска, этого новаго Марона, какъ называлъ его Джузеппе Бривіо, выставлявшій его вмѣстѣ съ Никколи и Леонардомъ Аретиномъ, главными бойцами новой школы эрудитовъ.

Но для насъ во многихъ отношеніяхъ интереснѣе другая открытая нами инвектива Ринуччини [295]), потому что съ нею дантовскій вопросъ, который въ спорахъ съ Антоніемъ Лускомъ не сходилъ съ политической почвы, снова переходитъ на литературную, подтверждая высказанное нами мнѣніе, что, какъ для латинистовъ имя Данте было тождественно съ средневѣковой наукой, такъ его партія не находила ему лучшей похвалы, какъ представляя его идеальнымъ выраженіемъ квадривія и ставя Божественную Комедію выше Энеиды. Разсужденіе Ринуччини движется въ обратномъ порядкѣ, чѣмъ у Никколи, но такъ, что, кажется, желаетъ отвѣтить ему по пунктамъ. Онъ объявилъ, что намѣренъ писать «противъ нѣкоторыхъ клеветниковъ Данте, мессера Франческа Петрарки и мессера Джьованни Боккаччьо»; на самомъ дѣлѣ его кругозоръ гораздо шире: онъ охватываетъ все поле средневѣковаго знанія, выхваляя его на зло новаторамъ, и имя Данте служитъ ему только подспорьемъ и предлогомъ вмѣстѣ. «Воспламененный священнымъ негодованіемъ» (Infiammato del santo isdegno) онъ готовъ бѣжать изъ прекрасной Италіи (la bella Italia) и воображаетъ длинное аллегорическое путешествіе по всѣмъ частямъ свѣта, которое должно привести его къ желанной тишинѣ земнаго рая. Здѣсь онъ хотѣлъ-бы скрыться, «чтобы не слышать пустыхъ и глупыхъ разсужденій толпы болтуновъ, которые для того, чтобы въ народѣ прослыть ученѣйшими, кричатъ на площадяхъ, сколько двоегласныхъ было въ употребленіи у древнихъ и почему теперь употребляются только двѣ; или, какая *грамматика* лучше, временъ-ли комика Теренція, или выработанная героическимъ поэтомъ Виргиліемъ, и какія стопы встрѣчаются въ древнемъ стихѣ, и почему не строятъ теперь анапеста изъ четырехъ короткихъ слоговъ. Въ такихъ фантастическихъ измышленіяхъ они проводятъ время, оставляя въ сторонѣ самую полезную часть грамматики, и безъ того длинную удлинняютъ ее непомѣрно; и вмѣстѣ съ тѣмъ не заботятся узнать значеніе, различіе, этимологію словъ, согласіе частей рѣчи, орѳографію, настоящее и фигурное употребленіе слова.—О *логикѣ* отзываются, что это наука софистическая, очень длинная и не очень-то полезная, и ихъ не интересуетъ узнать—принимается-ли терминъ

въ своемъ настоящемъ смыслѣ, или только какъ обозначеніе вида, или какъ названіе...; имъ нѣтъ дѣла до антиноміи или демонстративнаго силлогизма, и до другихъ частей логики, въ высшей степени полезныхъ въ спорахъ и философскихъ доказательствахъ. Переходя къ *реторикѣ*, они перечисляютъ, какіе были лучшіе ораторы, а о самой наукѣ говорятъ, что она ничтожная, что человѣку она врождена природой; имъ незнакомы четыре рода приступа, вкрадчивое внушеніе, изложеніе быстрое, ясное и открытое, трехчленное раздѣленіе, искреннее утвержденіе, опроверженіе тонкое и точное, заключенія искусныя, каждое въ своемъ родѣ: судебномъ, доказательномъ и разсудительномъ, ясно изложенныя, такъ что легко запечатлѣваются въ памяти, съ выборомъ словъ и сентенцій, произносимыхъ то быстро и легко, то важно и торжественно, смотря по содержанію дѣла. Наука для государства полезнѣйшая».—Стало быть всѣ науки *тривія*, или, какъ выражается авторъ, «словесной философіи» (sermocinale filosofia: грамматика, логика—діалектика, реторика) отметали ученые классической школы, какъ не имѣющія никакого значенія; между тѣмъ какъ все разсужденіе автора направлено косвеннымъ образомъ къ тому, чтобъ доказать ихъ жизненный смыслъ и практическую пользу. Переходя затѣмъ къ *ариѳметикѣ*, *геометріи*, *музыкѣ* и *астрологіи* (астрономіи), т. е. къ содержанію *квадривія*, ему приходится отражать тѣ-же обвиненія и указывать на тѣ-же преимущества. Небольшой эпизодъ объ историкахъ и поэтахъ, которые, хотя и не находятъ мѣста въ классификаціи семи свободныхъ искусствъ,—все-же стоятъ съ ней въ непосредственной связи,—даетъ ему поводъ поговорить о Боккаччьо, Петраркѣ и Дантѣ. «О поэтическихъ разсказахъ они (т. е. его противники) отзываются, какъ о бабьихъ басняхъ и дѣтскихъ сказкахъ, говоря, что не менѣе пріятный, чѣмъ поучительный ихъ разскащикъ, мессеръ Джьованни Боккаччьо, не зналъ по-латини, что̀, мнѣ кажется, несправедливо. Надъ сочиненіями вѣнчаннаго поэта мессера Франческо Петрарки смѣются, находя его De viris illustribus не чѣмъ инымъ, какъ самой постной компиляціей»; «поэтовъ они называютъ сочинителями басенъ, совлекающими юношей своими вычурностями и соблазнительными разсказами, и громогласно разсуждаютъ на площади, при народѣ, кто болѣе великій поэтъ—Гомеръ или Виргилій; а, чтобы прослыть ученѣйшими въ глазахъ толпы, объявляютъ, что славный и почтенный поэтъ Данте Алигьери не болѣе, какъ стихоплетъ для сапожниковъ. Не понимаютъ они,

что поэтическая рѣчь витаетъ надъ всѣми другими подобно орлу», и какъ въ дантовской поэмѣ чудное искусство привило къ разсказу «хитрыя ученія естественной философіи, порой изящныя истины астрономіи, или великолѣпныя правила философіи нравственной, священныя постановленія закона и ученія истинной теологіи». «Да, пусть смѣются хулители, а нашъ Данте, этотъ источникъ краснорѣчія, помѣщаетъ иногда съ неподражаемой краткостью и изяществомъ въ одномъ итальянскомъ стихѣ два или три сравненія, чего у Виргилія не встрѣтить и въ двадцати гекзаметрахъ,—а вѣдь латинскій языкъ несравненно богаче итальянскаго. Почему я полагаю, что писать итальянскіе стихи гораздо труднѣе, чѣмъ латинскіе, и обнаруживаетъ большее искусство». Какъ видно, споръ между двумя школами былъ въ то-же время споромъ между двумя языками: латинскимъ или *грамматическомъ* (grammatica или letterale) и народнымъ (volgare).

Снова возвращаясь къ оставленной имъ нити разсужденія, и въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ онъ прежде разобралъ науки тривія (sermocinale filosofia) и квадривія, нашъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію *естественной философіи* (filosofia naturale), *нравственной* (morale), *семейной* (familiare iconomica), *политической* (politica) и *божественной* (divina). Здѣсь намъ въ высшей степени интересны мнѣнія его противниковъ. Если-бы мы вздумали придержаться старинной номенклатуры Ринуччини, мы могли бы сказать, что въ области естественной философіи XV-й вѣкъ произвелъ платонизмъ, который, взросши подъ покровительствомъ Медичи, началъ тѣснить Аристотеля схоластиковъ; въ области семейной—бо́льшую распущенность нравовъ, вызвавшую укоры Джироламо Савонаролы; въ политической — принципатъ, или правленіе одного лица; наконецъ въ области божественной философіи—индифферентизмъ, развившійся подъ вліяніемъ крайняго культа древности. Интересно, что всѣ эти направленія, которымъ вскорѣ суждено сдѣлаться осязательными фактами, уже существуютъ въ зародышѣ въ концѣ XIV-го вѣка, и Ринуччини не побоялся раскрыть ихъ въ современныхъ ему литераторахъ классической партіи. «*Они говорятъ, что Платонъ болѣе великій философъ, чѣмъ Аристотель*, и ссылаются на бл. Августина, называющаго Аристотеля княземъ философовъ, за исключеніемъ впрочемъ Платона. Почему отозвался такъ Августинъ, этого они не объясняютъ: потому что мнѣніе Платона о душѣ согласнѣе съ ученіемъ католической церкви; въ отдѣлѣ естественныхъ знаній, гдѣ не-

обходимы опыты и доказательства, Аристотель все же остается наставникомъ всѣхъ разумѣющихъ, il maestro di coloro che sanno» (дантовское выраженіе).—«*Въ философіи семейной жизни они ничего не смыслятъ* (della famigliare iconomica nulla sentono), *но, пренебрегая святостью брака, живутъ безпорядочно, не заботясь о томъ, что такое отеческая гордость, какая благодать — дѣти.* Они заслуживаютъ осужденія римскихъ ценсоровъ Камилла и Постумія, приказавшихъ конфисковать въ пользу общества имущество двухъ гражданъ, до глубокой старости остававшихся непорочными; присоединивъ, что они будутъ наказаны, если осмѣлятся какъ-нибудь пожаловаться на столь справедливый приговоръ.— Въ *политикѣ* они не знаютъ, какой способъ правленія лучше, одного-ли лица или многихъ, большаго или малаго числа избранныхъ; они избѣгаютъ труда, утверждая, *что, кто служитъ общинѣ, никому не служитъ*, и такимъ образомъ не помогаютъ республикѣ совѣтами и не защищаютъ ее оружіемъ, позабывая, что *чѣмъ извѣстное благо общѣе и распространеннѣе, тѣмъ оно божественнѣе.*—О *божественной философіи* говорятъ, что Варронъ написалъ много книгъ о поклоненіи языческимъ богамъ, слогомъ очень изящнымъ, и *хвалятъ его безмѣрно, втайнѣ предпочитая учителямъ нашей католической религіи. Они даже осмѣливаются говорить, что тѣ боги болѣе истинные, чѣмъ нашъ, и не помнятъ чудесъ нашихъ святыхъ*». [296])—Такъ въ послѣднихъ годахъ XIV-го вѣка всѣ начала будущей медицейской культуры уже находятся въ броженіи среди людей, которые, тяготясь средневѣковымъ преданіемъ, связывавшимъ ихъ въ наукѣ, религіи и жизни, охотно отдадутся новому порядку вещей, потому что онъ равнялся разрыву съ прошлымъ. Вотъ почему можетъ казаться, что у Медичи и ученыхъ одно общее дѣло, что они союзники.

Рожденный вскорѣ послѣ 1350-го года и скончавшійся отъ чумы 1407 [297]), Чино ди мессеръ Франческо Ринуччини жилъ въ пору того лихорадочнаго движенія умовъ, которое приготовило XV-й вѣкъ и, какъ мы видѣли, не могло не отразиться и на литературѣ. Къ какой изъ двухъ партій онъ присталъ, можно судить по его итальянскимъ стихотвореніямъ въ стилѣ Петрарки. Петрарку онъ зоветъ *своимъ* (Tal donna già non vide il mio Petrarca) [298]), но уже самое направленіе его критики доказываетъ до очевидности, что принадлежалъ онъ къ старой народной школѣ и водилъ дружбу съ ея почитателями и защитниками. Колуччіо Салутати онъ именуетъ своимъ учителемъ [299]). Мы не знаемъ,

въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ принимать эти слова, въ настоящемъ или переносномъ, точно такъ какъ для насъ остаются неясны отношенія Ринуччини къ кружку, собиравшемуся вокругъ Колуччіо и въ садахъ Альберти, гдѣ еще продолжали блюсти въ чистотѣ итальянское преданіе. Извѣстно, что одинъ изъ его сонетовъ написанъ къ какому-то Роберту (La fe' ch'ha posto dentro il mio signore), вѣроятно Роберту деи Росси, пріятелю Салутати; что онъ увлекался какою-то Еленой, неизвѣстной фамиліи [300]). Это не та ли «благородная Елена, дочь Никколò ди Джьованни Франчески», къ которой Альберто дельи Альбицци питалъ несчастную страсть и воспѣвалъ на всѣ лады, обращаясь то къ Антоніо дельи Альберти, то къ Джьованни ди Герардо и къ Колуччіо Салутати, все съ тѣми же вздохами? Самъ старикъ Колуччіо былъ ими тронутъ и, по просьбѣ влюбленнаго, взялся за перо, прося мадонну Елену быть болѣе любезной, и «искупить благодѣяніями данный ею залогъ великихъ добродѣтелей»:

le grandi arre
Delle immense virtù che date ci ài
Tu compie di pagar colle sante opre [301]).

Еслибъ наше предположеніе подтвердилось, мы снова пришли бы съ Ринуччини къ знакомымъ именамъ и недавнимъ воспоминаніямъ Парадизо.

Стихотворенія Ринуччини написаны по-итальянски, но его инвективы—по-латини, и только впослѣдствіи переведены на итальянскій языкъ, неизвѣстно кѣмъ, можетъ быть тѣмъ пріятелемъ, которому, уѣзжая изъ Флоренціи (e bene che col corpo io mi parta), онъ послалъ свой второй отвѣтъ Луску съ просьбой—написать ему въ случаѣ, если бы «сказанные бродяги вздумали ожесточиться на него съ новой яростью», «потому что я вѣчно наготовѣ съ перомъ въ рукахъ, чтобы отвѣтить на ихъ дѣтское неразуміе». Намъ не удалось найдти безъименнаго переводчика; но мы не хотимъ оставить здѣсь безъ вниманія одной черты, общей второй открытой нами инвективѣ и нашему роману, къ которому такимъ образомъ мы возвращаемся съ другой стороны. Мотивъ фантастическаго путешествія долженъ былъ быть очень популярнымъ въ итальянской литтературѣ, гдѣ Данте и Фаціо дельи Уберти доставили ему право поэтическаго гражданства; но мы не думаемъ, чтобъ онъ на столько успѣлъ сдѣлаться общимъ мѣстомъ и выдохнуться до безразличія реторическаго цвѣтка,

чтобы писатель могъ позволить себѣ прицѣпить его, гдѣ ему покажется лучше. А такимъ именно представляется намъ аллегорическое путешествіе, или лучше—длинная вереница искаженныхъ географическихъ именъ, предшествующая второй инвективѣ Ринуччини, вовсе не будучи связана съ ея главнымъ содержаніемъ; точно такъ какъ въ нашемъ романѣ подобная же географическая фантазія служитъ введеніемъ къ разсказу о хожденіи къ святымъ мѣстамъ и о бесѣдахъ въ Парадизо, гдѣ то же кажущееся отсутствіе органической связи между предъидущимъ и послѣдующимъ. И какъ путешествіе Ринуччини оканчивается въ тишинѣ земнаго рая (paradiso), послѣ чего авторъ пускается толковать о Данте, Петраркѣ и Боккаччьо и преимуществахъ народной литературы: такъ вторая часть романа переноситъ насъ въ домъ Альберти и на виллу Парадизо, а мы знаемъ, какое общество тамъ собиралось, какъ тамъ стоятъ за дантовское преданіе, преклоняясь передъ авторитетомъ флорентійскихъ коронъ; какъ цитуютъ Данте и восхищаются красотами флорентійской рѣчи.— Черты сходства интересныя, можетъ быть совершенно случайныя, почему мы и боимся основывать на нихъ какія бы то ни было личныя предположенія. Въ крайнемъ случаѣ онѣ доказываютъ одну и ту же манеру, одну и ту же школу, и этого пока достаточно для цѣлей настоящаго изслѣдованія. Введя читателя въ разгаръ борьбы и знакомя его съ ея содержаніемъ, мы главнымъ образомъ имѣли въ виду показать существованіе въ концѣ XIV-го вѣка двухъ литературныхъ партій: эрудитовъ и поборниковъ народной поэзіи, и почему автора нашего романа необходимо искать между послѣдними, въ обществѣ которыхъ протекли его юные годы. Такимъ образомъ одинъ признакъ найденъ, другой доставляетъ намъ самъ романистъ: онъ говоритъ о себѣ, что родомъ изъ Прато. Ясно, стало быть, что если мы захотимъ отъискать его, намъ придется ограничиться тѣми писателями, которые, будучи родомъ изъ Прато и принадлежа народно-поэтическому направленію, были еще молодыми людьми въ послѣднихъ годахъ XIV-го столѣтія и въ началѣ XV-го могли поминать это прошлое,—послѣдніе отпрыски великаго дантовскаго дерева. Всѣмъ этимъ условіямъ отвѣчаютъ *Доменико ди маэстро Андреа* и *Джьованни*,—тотъ и другой урожденцы города Прато.

О Доменико мы въ состояніи предложить лишь тѣ немногія свѣдѣнія, какія могли собрать изъ его сочиненій, большею частью

находящихся въ рукописяхъ, изъ глоссъ и введеній, которыми онъ ихъ сопровождаетъ [302]). Онъ родился несомнѣнно въ XIV столѣтіи, потому что въ посвященіи другу сборника своихъ лирическихъ опытовъ [303]) онъ называетъ себя уже престарѣлымъ [304]). На Rimolatino мессера Антоніо ди Паладжіо, гдѣ онъ утѣшалъ Флоренцію въ пораженіи при Загонарѣ [305]), Доменико отвѣчалъ отъ лица Флоренціи; отвѣтный сонетъ находится въ томъ-же сборникѣ [306]) и доказываетъ, что въ 1425 году авторъ еще былъ въ живыхъ. Другія хронологическія указанія разбросаны по разнымъ его стихотвореніямъ. Такъ въ одной нравоучительной канцонѣ онъ жалуется на преслѣдованія, воздвигнутыя на папу Григорія XII [307]); его сонетъ къ Италіи отъ имени императора Сигизмунда [308]) написанъ въ отвѣтъ «сонету великодушнаго синьора Малатесты да Пезаро, въ которомъ отъ лица Италіи онъ призываетъ императора Сигизмунда» [309]); наконецъ до насъ дошло письмо Доменико къ «именитому юношѣ» Алессандро ди Микеле ди Гино Рондинелли, писанное въ августѣ 1413 года, гдѣ онъ завидуетъ ему въ обществѣ Филиппа Брунеллеско (1375†1444) и «почтеннаго и благочестиваго маэстро Антонина» (1388†1459), тогда еще молодаго человѣка [310]). — Доменико былъ большой пріятель Алессандро деи Рондинелли, отъ лица котораго онъ два раза отвѣчалъ на сонеты Никколò Тинуччи; кромѣ ихъ, другими литературными его корреспондентами были: Роберто деи Росси, «мужъ именитый, свѣдущій во всѣхъ свободныхъ искусствахъ, въ греческомъ и латинскомъ языкѣ» (famoso uomo et di tutte le arti liberali dotto, et in greco et in latino); мессеръ Бартоломмео Кашьотти, Томмазо Вивьяни, Альберто Каппони, Микеле Тафани и другіе.—Сэръ Доменико занималъ должность нотаріуса [311]), но, кажется, жилъ постоянно въ бѣдности, по крайней мѣрѣ онъ нѣсколько разъ жалуется на нее въ своихъ стихахъ [312]). Влюбленный, какъ всѣ тогдашніе поэты, отчасти вслѣдствіе поэтическаго обычая, отчасти воображеніемъ, онъ обрѣлъ свою страсть въ долинѣ Эльсы (Val d'Elsa), гдѣ между двухъ рѣчекъ стоитъ прекрасный зáмокъ, который онъ зоветъ Poggio Imperiale, теперь Поджибонси [313]). Имя его возлюбленной было Мелькіонна, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ его стихотвореній [314]), хотя иногда онъ предпочитаетъ намекать на него символически—именемъ *третьяго* изъ тѣхъ, что̀ принесли мирру, ладанъ и злато,

Di quei che offerson mirra, incenso et oro,

т. е. трехъ царей маговъ, Гаспара, Балтасара и Мельхіора

(Melchionne). Кажется, что любовь его была принята благосклонно, и если порой поэтъ ею недоволенъ, то не потому, что она безжалостна, а потому что удаленіе отъ нея порождаетъ обманъ и заблужденіе, а ими-то и пользуется ненавистный случай:

Ma per distanzia da tanto splendore
Nasce per tale esilio fraude e errore
Dal malvagio accidente che l'adopra [315]).

Смерть его дамы и привлеченіе новой красоты дали ослабѣть на время старой сердечной связи, но не надолго: снова на память поэту приходитъ та, что̀ теперь въ небѣ, а на землѣ была ему подпорой:

Che ora è in ciel, e mi fu qui colonna.

Что̀ сказала бы она, въ самомъ дѣлѣ, еслибы съ высоты неба, гдѣ она находится, она увидѣла въ немъ такую перемѣну? *)

Et se palese in quel regno felice
Sta l'uno ad altro, che pensa ella, quando
Vede appo Dante star la sua Beatrice?

Simile in tra quei lumi radiando
Veder messer Francesco a Laura innanzi
Pien di letizia l'un l'altro guardando.

Per guidardon delli onesti romanzi,
Che ancor l'onoran, convien questa setta
Che al mondo fama, et gloria in ciel gli avanzi.

Et così del Boccaccio e di Fiammetta,
Et d'altri innamorati a questi eguali:
Forse ivi me veder desia e aspetta.

Se dai miei versi, ben che non sien tali
Che mertin coi predetti accompagnarsi,
Nè sien, quanto devieno, ad lei morali. [316]) и. т. д.

---

*) «И если въ этомъ блаженномъ царствѣ всѣ узнаютъ другъ друга, что̀ думаетъ она, видя Данте около своей Беатриче, мессера Франческо и Лауру, какъ они сіяютъ въ этомъ свѣтѣ, созерцая другъ друга, полные блаженства? Извѣстность въ этомъ мірѣ и славу на небѣ добыли они себѣ своею чистою поэзіею, которая и теперь возбуждаетъ къ нимъ удивленіе. Видитъ она еще Боккаччьо и Фьямметту и другихъ имъ равныхъ любовниковъ и, можетъ быть, ждетъ меня тамъ, горя желаніемъ,—хотя мои стихи и не могутъ сравняться съ ихъ стихами и не довольно нравоучительны для нея, какъ бы слѣдовало».

Мелькіонна Доменико намъ давно знакома, безъ нея не обходился ни одинъ изъ старо-итальянскихъ поэтовъ: это общее поэтическое мѣсто, надстроившееся надъ дѣйствительностью, далекое подраженіе Беатриче, Лауры, Фьямметты. Въ самомъ Capitolo, которое Доменико посвятилъ ея памяти, слышится какъ будто отголосокъ «новаго вѣянія любви» (spiritel nuovo d'amore), едва не унесшаго у Данте память его Беатриче. Подраженіе впрочемъ не въ этомъ одномъ: говоря, что его стихи не могутъ сравниться со стихами Данте, Петрарки и Боккаччьо, поэтъ обнаруживаетъ охоту идти по ихъ стопамъ, культъ итальянской поэтической школы [317]). Это доказываетъ не только содержаніе и стиль всѣхъ его стихотвореній, но и пристрастіе къ аллегорическому роду въ нравоучительныхъ канцонахъ, въ которыхъ онъ воспѣваетъ три богословскихъ добродѣтели, и въ Rimolatino, гдѣ изобразилъ себя охотникомъ, а свою даму—ланью [318]). Всего курьознѣе въ этомъ отношеніи его письмо къ Джьованни ди Сальви: это не что иное какъ родъ комментарія, написаннаго авторомъ къ своей же канцонѣ и баллатѣ, которыя тутъ же и предлагаются вмѣстѣ съ объясненіемъ,—совершенный сколокъ съ Convito; нѣсколько цитатъ заимствовано изъ Божественной Комедіи [319]). Наконецъ самый языкъ Доменико служитъ ручательствомъ, въ какомъ почетѣ были у него великіе народные поэты, хотя и на немъ успѣхи латинской эрудиціи сказались богатствомъ латинизмовъ и неестественныхъ оборотовъ, особенно въ прозѣ. Вотъ почему мы сомнѣваемся, чтобы ко всѣмъ его произведеніямъ можно было отнести сужденіе Фанфани о языкѣ Pome del bel fioretto: онъ находилъ его «чистымъ и обильнымъ» и «не много теряющимъ отъ сравненія съ языкомъ XIV-го столѣтія, недалекимъ отъ него и по времени» [320]). Но въ этотъ короткій промежутокъ разложеніе успѣло начаться и принести плоды.

Общее впечатлѣніе Доменико производитъ такое, что въ немъ болѣе желанія подражать, набожно вступая въ слѣды своихъ предшественниковъ, чѣмъ поэтическаго дара и способности выбраться на оригинальную дорогу. Принужденный, какъ онъ самъ говоритъ [321]), бо́льшую часть времени жить вдалекѣ отъ Флоренціи, онъ пріучился смотрѣть на этотъ городъ «прекрасныхъ стогнъ» (delle belle contrade), какъ на источникъ всякаго знанія и вѣжества, и когда ему случится написать канцону въ похвалу философіи [322]), онъ не знаетъ лучше ее направить, какъ пославши во Флоренцію къ тѣмъ, кто тамъ съ любовью предавался философскимъ созерцаніямъ:

Et tu, canzon, va da la parte mia
Ai suoi diletti amanti in quel giardino [325]).
Dove con lei si sta a udita nostra;
Di'ad loro: Io vegno a imprendere il cammino
Chiesto da molti, e a pochi si mostra,
Dire a filosofia la donna nostra *).

Кто эти любимцы или любители? Кружекъ-ли Салутати и его пріятелей? На это нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ. По крайней мѣрѣ Доменико сходился съ ними въ направленіи, въ симпатіяхъ и антипатіяхъ школы. Его посвященіе другу сборника своихъ стихотвореній не что иное какъ одинъ изъ тѣхъ манифестовъ старой школы, съ которыми познакомили насъ Салутати и Ринуччини. Онъ также громитъ «вредную секту» ученыхъ антикваріевъ, заботливо собирающихъ крохи, упавшія съ роскошнаго пира древней науки, и смотрящихъ свысока на Данте, Петрарку, Боккаччьо и мессера Колуччіо, гордыхъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ, переводами съ которыхъ они постоянно занимались. Все это сэръ Доменико долженъ былъ находить очень смѣшнымъ и не слишкомъ серьознымъ; онъ, разумѣется, не могъ предвидѣть, какое важное вліяніе будутъ имѣть эти переводы на возрожденіе классическихъ знаній, а пока чего ожидать ему, бѣдному риѳмоплету, отъ критики «этихъ новыхъ узурпаторовъ науки», «когда надменно и безъ стыда они позволяютъ себѣ отзываться о стихотвореніяхъ (romanzi) мессера Франческо Петрарки, что это вещи отрывочныя, мелочныя, поскребушки, и что имъ мѣсто подъ лавкой? А иные изъ нихъ говорятъ, что книгу Данте надо отдать лавочникамъ—отпускать товаръ, или въ харчевню (pizzicagnoli)—завертывать соленую рыбу; все это потому, что онъ писалъ по народному. О великая слава итальянской рѣчи! А вѣдь тотъ языкъ, которымъ писалъ Данте, болѣе подлинный и достойный похвалы, чѣмъ греческій и латинскій, какимъ они ими владѣютъ. Попадаются между ними и такіе, болѣе другихъ невѣжественные и считающіе себя самыми благоразумными, которые обнаруживаютъ притворное сожалѣніе къ Данте и тѣмъ самымъ ставятъ себя выше его, говоря, что его фантазіи повредило незнаком-

*) «А ты, канцона, отправься отъ моего имени къ ея (т. е. философіи) любимцамъ, въ тотъ садъ, гдѣ, я слышалъ, она пребываетъ. Скажи имъ: я вступилъ на путь, который пытали многіе, но немногимъ дается—назвать философію своей дамой».

ство со многими греческими и латинскими произведеніями, — а они принесли бы великую пользу его Божественной Комедіи. Этимъ они даютъ понять, что открыли въ ней громадные промахи. А одинъ изъ нихъ даже написалъ, что̀ гораздо хуже, будто Данте не понималъ Виргилія въ подлинникѣ (nella origine Mantuana). Всѣ эти рѣчи должны, по ихъ мнѣнію, показать, что они и выше его и умнѣе. Отчего не отзываются они такъ о Сократѣ, Платонѣ и ихъ современникахъ? Тѣ, разумѣется, не все прочли, что̀ до нихъ было писано. Но у нихъ главная цѣль—какъ можно болѣе принизить того, чье имя они недостойны произносить. Какое дѣло поэзіи, философіи и теологіи до столькихъ языковъ, до щеголянья годами и названіями имперій и царствъ, и подобнымъ хламомъ, пригоднымъ развѣ въ хроники? Но тщеславные болтуны на этомъ не останавливаются: не только Данте, но и всѣхъ, въ послѣднее время прославившихся въ краснорѣчіи, они отметаютъ: только у нихъ и есть наука..... Что̀-же сдѣлали они такое, чтобы свысока смотрѣть на Данте, мессера Франческо Петрарку, мессера Джьованни Боккаччьо, мессера Колуччіо и другихъ? Нечего имъ глумиться надъ Арригетто De diversitate Fortunae, потому что его гекзаметрамъ далеко до виргиліевскихъ, или надъ Фаціо делли Уберти, которому нельзя идти въ сравненіе съ Данте; говоря о себѣ, имъ слѣдовало-бы помнить эту же разницу и не сравнивать себя съ Данте и другими названными, незнавшими греческаго языка, тогда какъ они-де знаютъ и греческій и латинскій. Пусть обладаютъ они наукой,—имъ недостаетъ той глубокой мудрости и дара творчества..... Не смущаютъ-ли эти вредные люди умы юныхъ и неопытныхъ слушателей, когда спрашиваютъ: гдѣ теперь Гомеръ или Виргилій въ поэзіи? гдѣ Солонъ или Аристотель въ философіи? Кому быть Демосѳеномъ или Цицерономъ въ реторикѣ и краснорѣчіи? кому Аристархомъ или Присціаномъ въ грамматикѣ, или Парменидомъ въ діалектикѣ? Такъ говорятъ они о всякомъ свободномъ искусствѣ и ремеслѣ, заключая, что нѣтъ такой вещи, которую бы древніе не сказали и не сдѣлали лучше. Такое заключеніе критиковъ, тщеславное и рѣшительное, ничего другаго не означаетъ, какъ то, что они считаютъ себя судьями прошлаго, вершителями настоящаго и будущаго». — Откуда такое самомнѣніе у этихъ нахаловъ? спрашиваетъ себя Доменико; «они много говорятъ о себѣ, но гдѣ-же ихъ произведенія? Покажите ихъ намъ, не все же имъ однимъ быть судьями и своими и чужими. Что до меня касается, я еще не видѣлъ ни одного ихъ

творенія, ни историческаго, ни философскаго, ни поэтическаго. Кто-нибудь изъ нихъ отвѣтитъ мнѣ презрительно: «Ты, стало быть, не читалъ моихъ латинскихъ переводовъ Аристотеля и Плутарха»? Я ему теперь-же скажу, что видѣлъ нѣкоторые изъ нихъ и читалъ; я очень радъ, что онъ знаетъ по-гречески и по-латини, но не могу-же я считать его авторомъ чужихъ сочиненій: переводы не принесутъ ему этой славы, хотя они и носятъ его имя. Слава остается за сочинителями, а не за переводчиками; такъ было по крайней мѣрѣ прежде: тѣ, что̀ въ старое время перевели намъ столько дивныхъ твореній, которыя мы и теперь еще читаемъ, оставляли за ними имена ихъ авторовъ, обыкновенно не называя себя». Мы видимъ въ этой выходкѣ Доменико противъ безъименнаго противника косвенный намекъ на Леонардо Аретино, переводчика Аристотеля и Плутарха; слѣдующія строки о мелочномъ педантизмѣ антикварія направлены вѣроятно противъ Никколи. «Другой скажетъ: я лучшій знатокъ книгъ. Да, отвѣчу я, знатокъ переплетовъ; но это разумѣетъ любой педель или переплетчикъ. Все искусство подобнаго хулителя состоитъ въ томъ, чтобъ отличить красивое старое письмо, которое онъ не ставитъ ни во что, если оно не старинное, если въ немъ не соблюдено двоегласіе; иначе онъ на книгу и смотрѣть не станетъ, а цѣлый день способенъ гоняться за какою-нибудь этимологіей или двоегласной». Это напоминаетъ намъ у Ринуччини желчную характеристику ученыхъ говоруновъ, «кричавшихъ на площади, сколько двоегласныхъ было въ употребленіи у древнихъ, и почему теперь употребляются только двѣ», и похвалы, которыя Бриніо расточалъ Никколи за то, что онъ обновилъ

priorem
Et proprium morem scripti, velut efficit ipse
Scribere diphthongos elementaque propria docte.

Слѣдуя предположенной цѣли, мы обратимся теперь къ другому писателю, современному Доменико, принадлежавшему къ той-же поэтической школѣ, и, какъ онъ, урожденцу города Прато. Мы говоримъ о *Джьованни да Прато*. Но прежде чѣмъ предложить о немъ тѣ біографическія и литературныя свѣдѣнія, какія мы успѣли собрать, намъ предстоитъ разрѣшить спорный вопросъ: *Джьованни да Прато*, упоминаемый въ послѣднихъ годахъ XIV-го столѣтія и въ первыхъ десятилѣтіяхъ XV-го,—было-ли это одно лицо, или нѣсколько лицъ носило это имя? [324]) Вопросъ тѣмъ

болѣе интересный, что разрѣшеніе его поможетъ намъ опредѣлить съ нѣкоторою достовѣрностью, кто былъ неизвѣстный авторъ нашего романа.

Мы оставимъ въ сторонѣ *Джьованни ди Бартоломмео деи Раи*, тѣмъ болѣе, что о немъ почти ничего неизвѣстно кромѣ сонета, первый стихъ котораго приводитъ Казотти по рукописи бывшей Строцціаны [325]). За тѣмъ наше вниманіе привлекаютъ два одноименныхъ поэта: *Джьованни ди Герардо* и *Джьованни Акветтино* или *Акваттино*. Замѣтимъ прежде всего, что послѣднее названіе не семейное и не родовое, а кличка, данная въ шутку, какъ мы думаемъ, или отъ прятанья на войнѣ (acquattarsi), какъ думаетъ Фоллини [326]), принимая дословно сонетъ Буркьелло, начинающійся словами: Questi ch'hanno studiato il Pecorone:

L'altro sarà *Giovanni mio da Prato*
Che l'apparò insieme col Vannino
In Atene, ove a studio fu mandato;
E si chiamò in battaglia l'Acquatino *) [327])

Ничто, стало быть, не мѣшаетъ предположить, что прозвище Acquettino могъ носить тотъ Джьованни, по отчеству писавшійся *ди Герардо*, или съ латинской формой *Gherardi* [328]). — Намъ могутъ замѣтить на это, что Акветтино былъ пріятелемъ Буркьелло, умершаго, какъ извѣстно, въ Римѣ въ 1448 году, тогда какъ о Джьованни ди Герардо Крешимбени сообщаетъ, что онъ процвѣталъ въ 1380 году. На это мы отвѣтимъ на основаніи подлинныхъ актовъ, что послѣдній существовалъ еще въ 1417, 1420, 1421, 1422, 1423, 1424, 1425, 1427 и 1430 годахъ и, можетъ быть, былъ еще въ живыхъ въ 1432 г., если въ Антоніо да Казентино, о которомъ онъ говоритъ, какъ объ умершемъ, въ автографѣ своей поэмы, слѣдуетъ видѣть Антоніо изъ Castello di S. Niccolò въ Казентино, истолкователя Данте во Флоренціи въ 1432 году [329]), а не Антоніо pievano di Vado [330]), тоже дантовскаго лектора въ 1381 году, что̀ дѣлаетъ вѣроятнымъ названіе учителя, которое даетъ ему Джьованни въ той же поэмѣ.—Такимъ образомъ придется допустить, что Джьованни ди Герардо и Джьованни Акветтино были современники, если и не одно и то же лицо.

---

*) «Другимъ будетъ мой Джьованни да Прато, научившійся ему вмѣстѣ съ Ваннино въ Аѳинахъ, куда онъ посланъ былъ въ науку, и получилъ боевую кличку: Акветтино».

Главное препятствіе допустить послѣднее предположеніе видѣли до сихъ поръ въ дружбѣ Акветтино съ Буркьелло, извѣстнымъ цырюльникомъ—поэтомъ, творцемъ особаго поэтическаго рода, названнаго его именемъ (sonetti alla burchiellesca, alla burchia). Акветтино любилъ посѣщать его лавочку, хохотать надъ его остротами, а это казалось несовмѣстимымъ съ серьознымъ характеромъ дантовскаго лектора, какимъ былъ Джьованни ди Герардо. При этомъ опустили совершенно изъ виду, что въ стихотвореніяхъ, которыя встрѣчаются въ рукописяхъ съ именемъ Акветтино, ясно чувствуется поэтическая струя, обличающая близкое знакомство съ Данте и великими поэтами народной школы. Скажемъ больше: у насъ есть положительныя свѣдѣнія, что самъ Акветтино занимался публичнымъ истолкованіемъ Божественной Комедіи. Онъ сообщаетъ это самъ въ сонетѣ къ Филиппу Брунеллески, гдѣ въ числѣ прочихъ укоризнъ говоритъ ему слѣдующее: *)

Ma se il tuo badalon, che in acqua vola,
Viene a perfezion, che non può essere,
Non che io legga Dante nella scuola
Ma vuo'con le mie man finir mio essere [331]).

То-же свѣдѣніе почерпаемъ мы изъ небольшой поэмы, которую переписчикъ приписалъ Акветтино, хотя она едва-ли принадлежитъ ему: **)

O *Aquettino*, il tuo parlar divieto
Ebbe, e non valse il suon delle canzone
Ch'alle figlie di Pico diede fleto;
Nè par che ti valesse l'effezione
Messa nel lucidare il duro testo
Del Comico poeta con ragione,
Ne'lo stil dolce sì spesso richiesto и т. д. [332])

Комическій поэтъ, comico poeta, это, разумѣется, Данте, авторъ Божественной Комедіи, трудный текстъ которой, duro testo, Ак-

*) «Но если твою махину, что̀ обѣщаетъ намъ полетѣть въ водѣ, тебѣ удастся привести къ концу,—чего быть не можетъ,—не то что читать Данте въ школѣ, я готовъ наложить на себя руки».

**) «О Акветтино, твои слова не были услышаны, и ни къ чему не повели твои пѣсни, которыхъ звуки вызвали-бы слезы у дочерей Пика. Кажется, не помогла тебѣ и любовь, приносимая тобою къ истолкованію труднаго текста комическаго поэта, ни твой благозвучный слогъ, который всѣмъ нравится».

веттино истолковывалъ, равно какъ и Джьованни ди Герардо. Годы чтеній послѣдняго намъ хорошо извѣстны, но мы положительно не знаемъ, какъ и когда пріурочить Акветтино въ ряду дантовскихъ лекторовъ [333]); не говоря уже о томъ, какъ трудно и неправдоподобно допустить двухъ Джьованни, урожденцевъ одного и того же города, преподавателей одного и того же предмета и приблизительно въ одинъ и тотъ же періодъ времени. Затрудненіе исчезаетъ, если Джьованни ди Герардо признать тождественнымъ съ Акветтино.

Здѣсь свидѣтельство рукописей служитъ большою опорой нашему предположенію. Изслѣдованіе убѣдило насъ, что въ нихъ тотъ и другой Джьованни большею частью сливаются въ общемъ названіи *Джьованни да Прато*. Такъ въ cod. riccard. 1091 читаемъ нравоучительную канцону, «Morale di Mess. *Giovanni da Prato*» (inc. O vano et falso micidial Cupido); въ cod. laurenz. rediano 184, съ fol. 92 recto по fol. 95 recto идутъ канцоны и сонеты мессера *Джьованни да Прато* (cominciano conzon'e sonetti di messer Giovanni da Prato): всего 27 сонетовъ, двѣ баллаты и 3 канцоны, большею частью неизданныя. Изъ нихъ иныя встрѣчаются въ другихъ рукописяхъ съ именемъ Джьованни Акветтино, другія съ именемъ Джьованни ди Герардо. Такъ напр. десятый сонетъ лауренціанскаго сборника, начинающійся стихомъ: «Perle, zaffiri, balasci e diamanti» въ ркп. magliabech. cl. VII, Var. cod. 1009, 3 приписанъ Джьованни Акветтино и такъ и напечатанъ былъ въ книгѣ Казотти [334]); въ другой рукописи той же библіотеки cl. VIII, cod. 33 помѣщенъ другой сонетъ Акветтино, отвѣчающій 21-му лауренціанскаго списка (Inc. Io mi risolvo come neve al sole). И наоборотъ, 19-й сонетъ изъ лауренціанскихъ (inc. Più e più volte à infiammato il sole) мы встрѣтили въ cod. palat. cl. II, ord. I cod. 205 съ именемъ Джьованни ди Герардо да Прато, «studente in legge e in poesi», и посвященіемъ Франко Саккетти, который отвѣчалъ ему на тѣ же риѳмы; съ именемъ Джьованни ди Герардо напечатали его Аллаччи, Крешимбени и Raccolta bi rime antiche toscane [335]), по рукописи Киджи 547. Это чередованіе именъ Джьованни ди Герардо, Акветтино и Джьованни да Прато не оправдываетъ ли сомнѣнія, возбужденнаго нами выше? [336])

Мы понимаемъ, что съ подобнымъ выводомъ не всѣ согласятся; намъ замѣтятъ, что указанные нами факты и сравненія легко могутъ привести къ другому, не менѣе вѣроятному результату:

если произведенія обоихъ Джьованни въ рукописяхъ смѣшаны, то скорѣе всего можно видѣть въ этомъ ошибку переписчика или небрежность составителей многочисленныхъ стихотворныхъ сборниковъ. Прежде чѣмъ отвѣтить на это, укажемъ еще разъ на хронологическую невозможность—допустить совмѣстное существованіе Джьованни ди Герардо и Джьованни Акветтино, и за тѣмъ поищемъ, не найдется-ли какихъ другихъ доказательствъ въ подтвержденіе нашей конъектуры. Что̀ сказали-бы мы, еслибы какое-нибудь стихотвореніе, приписанное Акветтино единогласнымъ показаніемъ рукописей и издателей, намъ удалось объяснить единственно съ помощью біографическихъ данныхъ о Джьованни ди Герардо, на которыя оно въ свою очередь проливаетъ новый свѣтъ? Изъ числа стихотвореній, напечатанныхъ въ приложеніи къ сонетамъ Буркьелло, выбираемъ слѣдующій сонетъ Джьованни Акветтино къ Филиппу Брунеллески: *)

O fronte sorda, o nissa d'ignoranza,
Pauper animale, ed insensibile,
Che vuoi l'incerto dimostrar visibile,
Ma tua archimia nil habet costanza;

La insipida prole sua speranza
Omai produtta lode incredibile,
Ragion non dà che la cosa impossibile
Possibil faccia l'uom sine sustanza:

Ma se il tuo badalon, che in acqua vola,
Viene in perfezion, che non può essere,
Non che io legga Dante nella scuola,

Ma vuo'con le mie man finir mio essere.
Perch'io son certo che tua mente fola,
Che poco sai ordire, e meno tessere [557]).

Кто знакомъ съ образцами поэтическаго рода, за которымъ осталось имя Буркьелло, тотъ знаетъ, какъ трудно и иногда

*) «О тупая голова, полная невѣжества, жалкое и безчувственное животное, которое хочетъ невѣрное доказать очевидно: во всей твоей алхиміи нѣтъ смыслу.—Надежда уже произвела на свѣтъ свое пошлое отродье, — невообразимую славу; но это не резонъ, чтобы безъ матерьяла можно было сдѣлать возможнымъ невозможное.—Но если твою махину, что̀ обѣщаетъ намъ полетѣть въ водѣ, тебѣ удастся привести къ концу,—чего быть не можетъ,—не то что читать Данте въ школѣ—я готовъ наложить на себя руки. Но я увѣренъ, что твой умъ заблуждается, что снуешь ты плохо, а ткать и вовсе не умѣешь».

невозможно бываетъ истолковать ихъ смыслъ, полный личныхъ намековъ и уличныхъ сплетней, прикрытый самой капризной, самой фантастической болтовней. Сами Флорентійцы не рѣшаются на ихъ объясненіе. Въ данномъ случаѣ напр. ясно одно, что Акветтино бранится, и бранится довольно сильно, потому что Филиппо Брунеллески берется за перо, чтобъ отвѣтить грознымъ сонетомъ, гдѣ столько-же хулы и, если можно, еще больше аллюзій, поражающихъ своею загадочностью: *)

Quando dall'alto ci è dato speranza,
O tu ch'ha' effigie d'animal risibile,
Perviensi all'uom lassando il corruttibile,
Ed ha da giudicar somma possanza.

Falso giudizio perde la baldanza
Poichè speranza gli si fa terribile;
L'uom saggio non ha nulla d'invisibile
Se non quel che non è, perch'ha maganza,

E quelle fantasie d'un senza scuola.
Ogni falso pensier non vede l'essere
Che l'arte dà, quando natura invola.

Adunque i versi tuoi convienti stessere,
Che non rugghino il falso alla carola,
Dopo che'l tuo impossibile vien l'essere. [336])

Разбирая въ рукописи Мальябекьяны cl. VII, cod. 706, p. 6 автографъ неизданной поэмы Джьованни ди Герардо, родъ слабаго подражанія Божественной Комедіи, мы остановились на нѣсколькихъ стихахъ четвертой пѣсни первой книги. На туманномъ пути видѣнія (oscuro calle) намъ показались нѣкоторые болѣе реальные намеки, привлекшіе наше вниманіе. Замѣтимъ, что поэма выдержана въ аллегорическомъ тонѣ: Costanza означаетъ въ ней постоянство, fortitudo или constantia; Ginevra—благоразуміе,

*) «Когда свыше намъ дана надежда, о ты, напоминающій своею физіономіей смѣшное животное, тогда объявляется человѣкъ, отрѣшенный отъ всего тлѣннаго, и начинаетъ дѣйствовать высшая сила.—Ложное сужденіе теряетъ рѣшимость, потому что надежда ему не улыбается; но мудрому человѣку нѣтъ ничего невидимаго, кромѣ развѣ того, чего нѣтъ вовсе, или фантазій учителя, не имѣющаго учениковъ.—Ложное сужденіе не видитъ дѣйствительности, которую созидаетъ искусство, побѣждая природу. — Потому-то слѣдуетъ пересновать твои стихи, чтобы они не лгали, послѣ того какъ осуществляется то, что̀ тебѣ казалось невозможнымъ».

prudentia; Margherita—справедливость, justitia; Tommasa — умѣренность, temperantia и т. д. Томмаза только что-кончила свою пѣснь, и Маргерита обращается къ ней съ такимъ аллегорическимъ отвѣтомъ:

Dic ea: Tomasa, anzi ben somma stella,
Che con tuo dolce orar tenace sasso
Ismoveresti dove lo suggella

Più suo natura! Quel che fa'sì lasso
E che m'è sì fedele servo e umile
Per mover retro a me suo fermo passo,

Ben conosch'io quello spirto gentile,
Ch'amor di luce m'importa il suo nome;
E anche disuopra [discuopria?] il dolce stile

Colle somme amorose e vaghe some
Che tuo verso à cantato, ch'i'lo premo
E col dolce disir da me si dome.

Non temer, no, non è sì a lo stremo
Della sua vita; anzi'l priega e conforta
Che a sì sommo amor non venghi [cod. vechi] meno.

Fa che Gostanza chieggi per suo scorta
Come fa que'che gli è cotanto amico
Che già del nostro regno è alla porta.

Nota, sorella mia, ben quel ch'i' dico:
Chè tu'l vedrai, quando fi' di Latona
Col carro suo tanto ricco e antico

Ridendo spargerà suo nobil coma
In sulla sommità di questa valle
A cui si fa la scura selva zona,

Uscire fuor di quello oscuro calle
Ch'alaccia et piglia e serra e amorta
Ogni uom che non ci vien retro alle spalle.

Già Gostanza sì'l sente, che acorta
Sta per lui; quale Ginevra dimanda
Di quel tuo che per lei pasion porta,

Et dice pur: «Gostanza, fa che spanda
Il mie fedel per te la tuo chiarezza,
Sì che tosto eschi della oscura banda».

Donna gentil, per tuo somma larghezza
Priega Filippo tuo che m'ami tanto
Ch'umil mi facci a lui in mie bellezza.

Molti si lodon mio istato santo
Che in seguirmi poi son pigri e lenti,
Ma spesso è lor cagion di doglia e pianto.

Aprino gli occhi omai le'nferme genti
Per aver nostra gloria e nostra pace
Che vince il ciel per suo'cari argomenti.

Еще прежде чѣмъ мы обратили вниманіе на сонеты Акветтино и Брунеллески, темный намекъ на какого-то Филиппа въ поэмѣ Джьованни ди Герардо привлекъ наше любопытство. Мы не рѣшаемся перевести сообщенный отрывокъ: выхваченный изъ цѣлаго, внѣ его архитектонической идеи, онъ не представилъ-бы яснаго смысла. Вмѣсто того предлагаемъ его парафразу, которую сопровождаемъ необходимымъ истолкованіемъ. Дѣло въ томъ, что въ предъидущей (3-й) пѣснѣ Томмаза (Умѣренность) просила Маргериту (Справедливость, Правосудіе) помочь ея поклоннику (mie frate) выйдти изъ темной юдоли, изъ которой онъ ищетъ выхода. Этотъ поклонникъ, разумѣется, авторъ. Онъ стоитъ передъ тобою въ смиреніи, хотя и гордъ для другихъ; онъ тебя любитъ, слѣдуетъ за тобой и къ тебѣ стремится, и я боюсь, чтобы ты не лишила его своей любви, какъ говоритъ о томъ молва. Не держи его дольше въ этой горестной жизни. Я Томмаза, изъ твоего-же священнаго сонма, и меня побудила къ просьбѣ моя ненависть къ крайностямъ, которымъ я предпочитаю средину. Подумай, какъ ты гнетешь его и преслѣдуешь, а онъ остается тебѣ вѣренъ и также служитъ и бодро правитъ своею ладьей, говоря: посмотримъ, умереть-ли мнѣ, или моимъ постоянствомъ я заслужу спасеніе въ глазахъ безжалостной, не устающей поражать меня.—На это отвѣчаетъ ей Маргерита (Правосудіе) въ приведенномъ нами отрывкѣ: я хорошо знаю моего смиреннаго и вѣрнаго поклонника; его имя звучитъ мнѣ любовью къ свѣту и благу (amor di luce), еслибы сладкіе звуки твоей пѣсни и не раскрыли, что онъ падаетъ подъ гнетомъ своей страстной любви ко мнѣ. Не бойся, его жизнь еще не въ такой опасности; на-

противъ, утѣшь его и убѣди, чтобы его любовь не оскудѣвала. Пусть попроситъ Костанцу (Постоянство) себѣ въ спутницы, какъ дѣлаетъ его другъ, уже стоящій въ преддверіи нашего царства. Помни, сестра, мои слова: когда сынъ Латоны на своей древней и блестящей колесницѣ распуститъ кудри на высотахъ этой долины, которую обрамляетъ темный лѣсъ, ты увидишь его вышедшимъ изъ туманной тропы (oscuro calle), гдѣ теряются и погибаютъ люди, неидущіе вслѣдъ за нами. Уже Костанца слышитъ это и смотритъ за нимъ, и Джиневра (Благоразуміе) проситъ ее вывести изъ темной дебри твоего и своего поклонника.—Donna gentil, обращается съ своей стороны Маргерита (Справедливость) къ Томмазѣ (Умѣренность): твоими щедротами попроси твоего Филиппа на столько полюбить меня, чтобъ онъ могъ понять меня въ моей божественной красѣ. Многіе меня восхваляютъ, но слѣдуютъ за мной лѣниво и медленно—причина слезъ и горя. Пусть откроютъ, наконецъ, глаза бѣдные люди, и они достигнутъ нашей славы и мира, которому можетъ позавидовать небо.

Филиппу, стало быть, недоставало этого высшаго пониманія справедливости, тогда какъ Джьованни ди Герардо былъ ею обиженъ, и Умѣренность нашла нужнымъ замолвить за него слово. Предлагаемъ историческое объясненіе: въ него удобно уложатся намеки поэмы и бранчивые сонеты Акветтино и Брунеллески.

Джьованни ди Герардо былъ знатокъ въ искусствѣ, особенно въ архитектурѣ; въ 1420—25 годахъ онъ нѣсколько разъ участвовалъ въ коммиссіи для постройки купола S. Maria del Fiore, вмѣстѣ съ Брунеллески и другими. Мы не станемъ напоминать, какія страшныя противорѣчія возбудилъ смѣлый проэктъ Брунеллески—вывести куполъ безъ помощи кружалъ, тогда какъ всѣ другіе художники и архитекторы, Флорентійцы и иностранцы, были противнаго мнѣнія. Одни совѣтовали «сдѣлать кружала и крѣпкія связи (centine e armature fortissime) въ виду большой тяжести, которая будетъ на нихъ лежать»; другіе предлагали построить отъ основанія до предполагаемой высоты башню и на нее опереть куполъ; третьи—завалить все зданіе землею, давъ верхушкѣ насыпи форму купола, и по ней уже вывести настоящій [339]). Противоположныя мнѣнія вызвали вскорѣ партіи, раздѣлившія общество и артистовъ; къ этому присоединились личности Брунеллески противъ Лоренцо Гиберти, даннаго ему въ товарищи по управленію соборною постройкой; соискателей

на лучшую модель купола явилось много, и ихъ должно было сильно разобидѣть, когда всѣ ихъ труды остались втунѣ и Брунеллески отдано преимущество. Въ числѣ конкуррентовъ былъ и Джьованни ди Герардо. Inde irae: оскорбленное самолюбіе могло заподозрить *справедливость* рѣшенія, проэктъ Брунеллески представился ему лишеннымъ всякихъ достоинствъ, смѣлость художника—надменнымъ невѣжествомъ (*ignoranza*) человѣка, который хочетъ невѣрное доказать очевидно (*l'incerto dimostrar visibile*) и безъ пособія матерьяльныхъ средствъ (*sine sustanza*) сдѣлать возможнымъ (*possibile*) то, невозможность чего (*cosa impossibile*) признана всѣми. Этого мало: Джьованни увѣренъ, что скорѣе ему придетъ охота наложить на себя руки (*Ma vuo' con le mie man finir mio essere*), чѣмъ удастся привести въ исполненіе (*a perfezion*) этотъ куполъ, столь-же немыслимый, какъ немыслимо полетѣть въ водѣ (*Ma se il tuo badalon, che in acqua vola*).—Брунеллески, разумѣется, ничего не стоило отразить эти нападенія, когда сами факты начинали говорить за него. Онъ въ себѣ увѣренъ, для мудраго человѣка нѣтъ ничего невидимаго, неосуществимаго, когда свыше ему подана надежда (*Quando dall'alto ci è dato speranza—L'uom saggio non ha nulla d'invisibile*); только ложное, заблуждающееся сужденіе бываетъ нерѣшительнымъ, потому что надежда ему не улыбается, потому что оно не предвидитъ осуществленія (*Falso giudizio perde la baldanza, Perchè speranza gli si fa terribile*). Пусть оставятъ его въ покоѣ хулители: его дѣло въ самомъ начинаніи показало несостоятельность ихъ сомнѣній (*Dopo che'l tuo impossibile vien l'essere*. Vien вм. divien).—Такимъ образомъ не только объясняются загадочныя рѣчи аллегорическихъ богинь въ поэмѣ Джьованни ди Герардо, но и вносится вполнѣ реальный смыслъ въ сонеты Акветтино и Брунеллески, которые мы можемъ теперь пріурочить къ извѣстному историческому факту. Но за всѣмъ этимъ выясняется еще одинъ результатъ: если сонетъ Акветтино могъ быть истолкованъ единственно фактами изъ жизни Джьованни ди Герардо, какъ обойти заключеніе, что оба они одно и то же лицо?

Къ этому результату уже привели насъ отчасти другія соображенія. Теперь обратимся къ свидѣтельству нашего романа.

Говоря въ предъидущей главѣ о бесѣдахъ въ Парадизо, мы замѣтили, что изложенное въ нихъ ученіе о зачатіи человѣка не только отзывается дантовскими доктринами, но и представляетъ странное сходство въ словахъ и выраженіяхъ съ соотвѣтству-

ющими отрывками аскетическаго трактата Джьованни ди Герардо [340]). Теперь мы можемъ сдѣлать еще одно сближеніе: между рѣчью графа Карла во второй книгѣ романа, гдѣ онъ толкуетъ, возможно ли человѣку обратиться въ животное, и нѣсколькими строками того же трактата [341]).

На предъидущихъ страницахъ сообщены были обширныя извлеченія изъ Giuoco d'Amore, небольшой поэмы, которую рукопись относитъ къ Джьованни да Прато, а оглавленіе, писанное современной рукою—къ Джьованни Акветтино. Встрѣчающееся здѣсь описаніе чуднаго фонтана повторяется почти дословно въ первой книгѣ романа, гдѣ онъ помѣщенъ въ царствѣ Венеры. Если въ романѣ описаніе архитектонически развитѣе, то потому, что проза болѣе переноситъ такого рода подробностей, а стихъ ихъ не терпитъ; затѣмъ не только общія черты однѣ и тѣ же, но даже мелочи: одинъ стихъ Giuoco d'Amore намъ только и удалось прочесть при помощи соотвѣтствующаго отрывка романа [342]).—Богатые сады Агасвера,—сравненіе далеко не изъ обычныхъ,—встрѣчаются тамъ и здѣсь [343]), равно какъ гномическое выраженіе: *chi è amato non amare*, замѣченное еще Сальвини [344]).

Переходимъ къ чертамъ сходства между романомъ и аллегорическою поэмой Джьованни ди Герардо. Говоря въ первой книгѣ о безчисленныхъ прелюбодѣяніяхъ языческихъ боговъ, романистъ останавливается на отношеніяхъ Юпитера къ Ганимеду и Юнонѣ, которую онъ взялъ за себя замужъ, хотя она была и сестра ему, и затѣмъ объявилъ новый законъ, чтобы всякій могъ жениться, какъ и на комъ ему полюбится. Все это въ той же связи разсказано и въ поэмѣ [345]), гдѣ Юнона является богиней земныхъ благъ, отравившей не одинъ сильный духъ, отвращая его отъ духовныхъ наслажденій; точно такою выставлена она и въ романѣ, когда противится соединенію Энея, т. е. вообще человѣка, съ Лавиніей, символомъ высшей добродѣтели [346]).—Послѣдніе стихи поэмы упоминаютъ о любовныхъ вздохахъ Фаціо (E Fazio che d'amor ancor sospira): это, можетъ быть Бонифаціо Уберти, упоминаніе основано на нѣкоторыхъ чертахъ его біографіи, но, сколько намъ извѣстно, только въ нашемъ романѣ онѣ разработаны въ новеллу, именно послѣднюю.—Наконецъ какъ въ поэмѣ, такъ и въ романѣ въ большомъ употребленіи метафора жизненной ладьи: вся первая часть романа на ней построена.

Еще одно сближеніе: въ числѣ сонетовъ Джьованни да Прато въ лауренціанскомъ сборникѣ болѣе другихъ извѣстенъ тотъ,

который начинается стихомъ: *Perle*, *zaffiri*, *balasci e diamanti*. Выше мы замѣтили, что въ иныхъ рукописяхъ этотъ сонетъ приписывается Джьованни Акветтини. Въ описаніи палатъ Венеры въ первой книгѣ нашего романа (стр. 37) опять тотъ же рядъ драгоцѣнныхъ камней, и въ той же послѣдовательности: *perle*, *zaffiri*, *balasci*, *diamanti*; какъ будто у автора, писавшаго эти строки, звучали въ ушахъ первыя слова сонета. Въ поэмѣ Джьованни ди Герардо снова знакомая reminiscence, уже немного заглохшая: *Zaffiri*, *balasci*, ismeraldi, *adamanti* (часть II, пѣснь 3).

Все это можетъ показаться мелочнымъ, и было бы мелочью, еслибы стояло одиноко и одно сравненіе не поддерживало другое. Прибавьте къ этому сходство стиля во всѣхъ произведеніяхъ, сравниваемыхъ нами, въ особенности прозы Джьованни ди Герардо, въ его Trattato, съ нашимъ романомъ: однѣ и тѣ же литературныя предилекціи и образцы для подражанія; одни и тѣ же обороты, возвращающіеся тамъ и здѣсь; одна и та же любовь къ описаніямъ и извѣстнымъ выраженіямъ вродѣ *gentili*, *isfavillanti spiriti*, *maio* въ смыслѣ вѣтви и т. п. Изо всего этого теоретически мыслимы два вывода. Можно предположить, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка жили три поэта: Джьованни Акветтино, Джьованни ди Герардо и нашъ безъименный авторъ; всѣ современники, всѣ родомъ изъ Прато; они послѣдователи одной и той же поэтической школы, пишутъ въ одномъ родѣ, часто заходя другъ къ другу въ огородъ, чтобъ унести какое-нибудь курьозное выраженіе, или стихъ, или цѣлое описаніе и т. п. Еслибъ это не было столь невѣроятнымъ, мы сказали бы, что подобное предположеніе просто невозможно: дѣло идетъ не о Данте или Петраркѣ, которые рано распространились въ рукописяхъ и такимъ образомъ могли давать пищу подражанію. Сочиненія нашихъ авторовъ обречены были на долгое забвеніе, кромѣ нѣкоторыхъ сонетовъ Джьованни да Прато, они не имѣли хода: такъ Giuoco d'Amore сохранилось въ единственной старой рукописи, Трактата Джьованни ди Герардо мы знаемъ всего двѣ; аллегорическая поэма того же автора дошла до насъ только въ автографѣ, и то неконченная; автографомъ, и также неконченнымъ, представляется и нашъ романъ. При такихъ условіяхъ, затрудняющихъ литературный обмѣнъ, мысль о возможности заимствованія падаетъ сама собою; заимствованія снова очутились сходствами, столь спеціальнаго характера, что нечего и думать объяснить ихъ изъ общаго литературнаго направленія и т. п. Затѣмъ ничего

другаго не остается, какъ выйдти къ другому возможному результату, къ которому мы издалека приготовили читателя. Такимъ образомъ сличеніе нашего романа съ произведеніями, дошедшими до насъ подъ именами Джьованни Акветтино и Джьованни ди Герардо, не только убѣдило насъ въ ихъ тождественности, но и въ томъ, что они одно и то же лицо съ авторомъ нашего романа.

Соглашаясь съ нашими посылками, многіе возбудятъ сомнѣніе противъ вывода: если при данныхъ условіяхъ невѣроятно заимствованіе однимъ авторомъ у другаго, то по крайней мѣрѣ на столько же невѣроятно, чтобы одинъ и тотъ-же писатель могъ до такой степени повторяться, крадя у себя же фразы, перепѣвая одни и тѣ же выраженія. На это мы отвѣтимъ фактами. Когда въ портфелѣ набралось много матерьяла, изъ котораго многое не пошло въ ходъ, иное не окончено, что удивительнаго, если авторъ при новомъ позывѣ къ творчеству вздумаетъ воспользоваться старымъ залежавшимся добромъ? А у него накопилось много завѣтныхъ фразъ; у него авторская слабость къ иному блестящему стиху, вродѣ *Perle*, *zaffiri*, *balasci e diamanti*. Въ этомъ отношеніи мы можемъ разсказать курьозный случай о Джьованни да Прато; это поможетъ намъ разрѣшить сомнѣнія. Его Giuoco d'Amore заключается прекраснымъ гимномъ любви «bel canto innamorato», которому въ молчаніи внимаютъ всѣ присутствующіе. Приводимъ самый гимнъ:

O gentil creature di quel cielo
Dove Venere rota il suo crin d'oro,
Per cui è fedito d'amoroso telo
Ogni gentil dal vostro sacro coro!
I'mi trovo in tale ardente gielo
Ch'è mestier soccoriate al mio lavoro
A cantar cosa che'nfiamma d'amore
Il mio gentile e tanto bel signore.

I'ò eletto te, idol mie vago
Tanto leggiadro e pien di gentil cosa;
Quando ti miro, ogni mie senso appago
Perchè tuo vita è molto groliosa.
Da te seguire e amor mai mi spago,
E però non tenere tuo vista ascosa
A chi t'ama e adora, segue e brama,
Grolia, esalta e pur te si ama.

I'sì mi ispecchio nel tuo gentil viso
Dov'è mie gloria a'lucenti occhi lieti,
I'sì mi specchio nel leggiadro riso
Per cui i miei sensi istanno tutti cheti;
Specchiomi nel parlar di paradiso
Che tu fai col par, onde m'asseti
D'un amor che'n te piove gentilezza,
Onestà leggiadra, somma bellezza:
La chioma fresca intorno a quella fronte
Le vaghe ciglia sì leggiadre e conte. *)

Въ лауренціанскомъ сборникѣ laur. red. 184, къ которому намъ не разъ приходилось обращаться, 18-й сонетъ того-же Джьованни да Прато начинается двумя первыми стихами только-что приведенной пѣсни, хотя послѣдующее развивается нѣсколько иначе:

O gientili creature della spera
Dove Venere rota il suo crin d'oro,
Sia benedetto *vostro sacro coro*
E la vostra virtù somma e altera;

Sia benedetto chi'l mio core impera
E'l dolcie effetto pel quale scoloro;
Sia benedetto sì ricco tesoro
Che mi lustrò sì forte, e'(l) loco ov'era.

Fuor di speranza la mia fantasia,
Ripiena di dolciezza per quel viso
Che'nfiammeria d'amor i freddi marmi,

---

*) «О прекрасныя созданія того неба, гдѣ развѣваются золотыя кудри Венеры! Вашъ священный сонмъ поражаетъ любовными стрѣлами всякаго вамъ преданнаго. Я обрѣтаюсь теперь въ столь жгучемъ холодѣ, что вамъ необходимо помочь мнѣ воспѣть ту, что̀ зажгла любовь въ моемъ прекрасномъ и добромъ господинѣ.—Я избралъ тебя, мой прелестный кумиръ, столь изящный и полный всего хорошаго. Когда я смотрю на тебя, всѣ мои чувства удовлетворены, потому что ты полна славы. Я никогда не откажусь отъ тебя и моей любви; не скрывайся-же отъ того, кто тебя обожаетъ, слѣдуетъ за тобой и къ тебѣ стремится, славитъ тебя и тебя одну любитъ.—Я не нагляжусь на твое милое лицо: мое счастье въ весельи блестящихъ очей; не наслышусь веселаго хохота, успокоивающаго всѣ мои чувства; когда говоришь ты съ своими подругами, райскія рѣчи утоляютъ мою жажду любви. Отъ тебя вѣетъ изяществомъ, невинностью, высокою красотою; волосы такъ свѣжо улеглись вокругъ твоей головки, прекрасныя рѣсницы оттѣнились такъ ясно».

Sola e pensosa col tempo se'n gìa,
O'per un vago sguardo e un bel viso
Lieto e pensoso sentendo avamparmi *).

Но это еще не все: риккардіанская рукопись N 1776 была собственностью Джьованни ди Герардо, какъ видно изъ помѣтки на оборотной сторонѣ послѣдняго листа: *Libellus est Johannis Gerardi.* На первомъ незаписанномъ листѣ, въ числѣ другихъ помарокъ и пробъ пера, опять встрѣчается знакомый стихъ: *Gentille creature di quel ciello*: замѣтимъ—въ рукописи Джьованни ди Герардо стихъ любовной канцоны изъ Giuoco d'amore, которую иные приписывали Акветтино.—Но Джьованни ди Герардо дались эти gientili creature, онъ не можетъ выкинуть ихъ изъ головы: въ аскетическомъ Трактатѣ, который онъ пишетъ прозою, вставлены три стихотворныхъ молитвы, написанныя терцинами; третья изъ нихъ (Orazione a tutte l'anime sante) опять начинается тѣми же словами, на этотъ разъ нѣсколько измѣненными: *O gentile creature altere e sante.*— Такъ нескромность какой-нибудь помарки выдала намъ секретъ стихотворнаго ремесла, который авторъ, разумѣется, не предназначалъ для публики.

Обращаясь еще разъ къ вопросу — точно-ли Джьованни ди Герардо можетъ быть признанъ авторомъ нашего романа, предлагаемъ еще два доказательства. Въ рукописи лауренціанской библіотеки въ числѣ другихъ писемъ открыто нами латинское посланіе Джьованни ди Герардо къ какому-то Гвидо [347]). Оно безъ года; но другія письма сборника, списаннаго очевидно одной и той же рукой, носятъ помѣтки 1385, 87, 89, 90, 94-го и т. д. годовъ; не сказано, чтобъ Джьованни ди Герардо, авторъ посланія, былъ родомъ изъ Прато, но многія письма сборника адресованы къ разнымъ лицамъ этого города. Самый стиль документа сильно напоминаетъ, несмотря на свою латинскую оболочку, прозу нашего романа, въ особенности его первой книги: та же витіеватость и любовь къ описаніямъ, нанизаннымъ на какой-ни-

*) «О прекрасныя созданія того неба, гдѣ развѣваются золотыя кудри Венеры! Да будетъ благословенъ вашъ священный ликъ и высокая доблесть; да будетъ благословенъ, кто повелѣваетъ моимъ сердцемъ и сладкая сила, наведшая блѣдность на мое лицо. Благословенно безцѣнное сокровище, озарившее своимъ блескомъ меня и все окружающее. Моя безнадежная мысль, полная прелестей лица, которое воспламенило-бы любовью холодный мраморъ, блуждала-бы одиноко и задумчиво, еслибы милый взглядъ не вдохновлялъ ее».

будь глаголъ, вродѣ *videmus*, гдѣ нашъ романистъ ставитъ *vedea*; то же пристрастіе къ фигурѣ умолчанія, и тѣ же формулы: *taceo*, *taccio*, обѣщающія не умолчать ни одной іоты. Брутъ, Горацій, Камиллъ, Фабрицій упомянуты въ письмѣ, какъ защитники отечества; тѣ же самыя лица восхваляются и въ романѣ, и даже въ томъ же порядкѣ.

Другое доказательство—палеографическое. Нашъ романъ—автографъ, равно какъ аллегорическая поэма, сохранившаяся съ именемъ Джьованни ди Герардо въ рукописи magliabech. cl. VII, cod. 702, p. 6. Сходство почерка между ними замѣчательное: та же формація буквъ, тѣ же помарки и поправки поверхъ строки и обычныя выноски на поляхъ; наконецъ тѣ же неровности почерка между страницами одной и той же рукописи, смотря по усталости руки, которая писала ближе къ курсиву или уставу, сжатѣе или разгонистѣе, заботливо или небрежно. Вообще поэма писана съ большею аккуратностью, чѣмъ романъ, набросанный вчернѣ и такимъ и оставшійся.—Иначе объясняемъ мы себѣ отличія, какія представляетъ автографъ поэмы Джьованни ди Герардо отъ его-же автографовъ, хранящихся въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ. Это двѣ собственноручныхъ кадастровыхъ записи (portate al catasto) 1427 и 1430 годовъ. [348]) Онѣ писаны курсивомъ, который вообще употреблялся въ семейныхъ, дѣловыхъ, торговыхъ и т. п. письмахъ; посланія болѣе литературнаго характера, назначенныя для чтенія и распространенія въ публикѣ, исполнялись съ большею каллиграфскою тщательностью; наконецъ воспроизведеніе классическихъ текстовъ и вообще сочиненій, извѣстныхъ своими литературными достоинствами, допускало еще третью манеру, въ которой дольше удержался архаистическій стиль устава, и буквы болѣе рисовались. Такимъ образомъ одно и то же лицо могло имѣть нѣсколько почерковъ, и надо большое знакомство съ старыми рукописями и актами, чтобы судить—принадлежитъ-ли напр. извѣстное уставное письмо лицу, чью руку вы знаете только въ скорописи. Такъ объясняются по нашему мнѣнію незначительныя графическія различія между почеркомъ кадастровыхъ списковъ и автографами поэмы и романа: напр. въ начертаніи конечнаго *i*, которое въ бумагахъ флорентійскаго архива принимаетъ форму *j* (съ страннымъ сокращеніемъ послѣ *t*, иногда и въ другихъ случаяхъ), и въ нѣкоторыхъ словахъ *y*, напр. *beny*, *Giovanny*, *Papy*, *avendovy*, *quasy* и т. п., тогда какъ въ ро-

манѣ и поэмѣ встрѣчаются только примѣры *j*. Сообщаемъ эти замѣтки единственно для очистки совѣсти, потому что сходства почерка между романомъ и поэмой мальябекьянскаго списка, несомнѣнно принадлежащаго рукѣ Джьованни ди Герардо, совершенно достаточно, чтобы подкрѣпить наше предположеніе о принадлежности ему и нашего романа.

Намъ остается теперь разсказать біографію мессера Джьованни, присоединяя къ остальнымъ свѣдѣніямъ, впрочемъ не многочисленнымъ, и тѣ извѣстія, какія о себѣ сообщаетъ самъ романистъ. Родился онъ около 1360-го года, и вѣроятно нѣсколько позже, потому что изъ собственноручныхъ кадастровыхъ записей невозможно съ точностью опредѣлить годъ его рожденія. Такъ въ 1427 году онъ пишетъ, что ему семьдесятъ лѣтъ отъ роду или около того (d'età d'anni settanta o circa), а его сестрѣ мадоннѣ Антоніи (monna Antonia) семьдесятъ четыре (d'età d'anni settanta quattro); три года спустя, въ 1430 году, ему опять семьдесятъ лѣтъ, а мадоннѣ Антоніи всего семьдесятъ пять. Смотря по тому, какое изъ двухъ показаній мы примемъ, въ 1389 году ему могло быть 32 года или 29 лѣтъ: возрастъ конечно еще молодой, но никакъ не нѣжный, tenera etade, который даетъ себѣ романистъ во введеніи ко второй книгѣ [349]). Но если въ несообразностяхъ кадастровыхъ записей позволено видѣть слѣдствіе старческой забывчивости, то нѣчто подобное могло случиться и въ романѣ, который несомнѣнно написанъ въ старости; прибавьте къ этому, что разсказанныя событія относились къ далекому прошлому и потому легко могли затереться въ памяти; реторически настроенное воображеніе отодвинуло ихъ еще дальше, такимъ путемъ получился тотъ «нѣжный возрастъ», которому противорѣчатъ другія показанія нашего-же автора. Въ самомъ дѣлѣ, если до 1389 года онъ успѣлъ посѣщать въ Падуѣ лекціи Біаджіо, въ этомъ году онъ не могъ быть слишкомъ юнымъ [350]).

О пребываніи въ Падуѣ мессера Джьованни мы узнаемъ только изъ нашего романа: мы разумѣемъ знакомый намъ разговоръ автора съ Лодовико Буццакерино. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что онъ еще въ молодости обратился къ поэзіи и свободнымъ искусствамъ, соединяя съ ними занятія юридическими науками. Такъ въ сонетѣ къ Франко Саккетти онъ самъ называетъ себя «studente in Legge e in Poesi», изъ числа немногихъ, кто въ «неблагодарную пору» зимы, т. е. послѣ кончины трехъ великихъ

флорентійскихъ поэтовъ, еще продолжалъ, подобно Саккетти, обработывать «священные холмы» народной литературы. *)

Più e più volte ha infiammato il sole
La sua vaga sorella umida e gela,
Sicchè la terra che sua faccia vela
Ha già lasciato ogni giglio e viole,

Le frondi verdi cangia, già che sole'
Rider ne'colli, poichè'l verno ingela;
E Febo declinando già trapela
Per la Vergine vaga che'lciel vole.

Et io non veggio quel ch' e sacrì colli
Ha coltivato sotto'l verde lauro
Solo e veglio ne lo ingrato tempo.

Ma voi, pie'miei, non siate però folli:
Che se'l vedete o tardi o per tempo
Che no'l pregiate più che fama o auro [351])

Саккетти благодарилъ юнаго поэта за его «милыя слова», убѣждая его не покидать пути, указаннаго ему Петраркой и Боккаччьо: потому что, если намекъ на «твоего соименника» (l'altro di tuo nome), т. е. Джьованни, можетъ быть отнесенъ единственно къ Джьованни Боккаччьо, въ предъидущихъ стихахъ очевидно оплакивается Петрарка. Вотъ самыя слова отвѣтнаго сонета Саккетти: **)

Sempre il prudente cerca degne scole,
Quanto più sa, più d'apparar s'atela;
Pochi ne guida la mondana vela
Perchè saligia ognun di virtù tole.

---

*) «Уже много разъ солнце воспламенило свою холодную и влажную сестру, и земля начинаетъ кутаться, покинувъ лиліи и фіалки, мѣняя зеленые листья, что̀ въ былое время одѣвали смѣющіеся холмы. Зима наступаетъ съ морозами, и Фебъ склонившись крадется созвѣздіемъ Дѣвы, любимой небомъ. А я не вижу того, кто въ вѣнкѣ изъ лавровъ, одинокій и ветхій, обработывалъ священные холмы въ это неблагодарное время. Но вы, стихи мои, будьте благоразумны и, если увидите его рано или поздно, поставьте его выше славы и золота».

**) «Благоразумный всегда ищетъ хорошей школы, и чѣмъ болѣе знаетъ, тѣмъ болѣе тщится узнать; не многіе изъ насъ остаются на ладьѣ, и многихъ отвлекаетъ отъ добродѣтели самомнѣніе. Твои дѣла и милыя слова говорятъ мнѣ: онъ пріютился на Парнасѣ, чтобы поглядѣть, гдѣ журчатъ воды Геликона и не

Gli effetti tuo' e le vaghe parole
Mi dicon: Questi in Parnaso si cela
Per veder dove Elicona ruscela
E se le nove muse vi son sole.

Conforta la speranza gli occhi molli
Di pianger quel che tra'l mar Indo e'l Mauro
Morte non vide di far magior scempio;

E l'altro del tuo nome, a cui mancòlli
Chi succedesse al mondo falso et empio
Ladove or manca ogni gentil tesauro [352])

Въ какой мѣрѣ исполнилъ Джьованни ди Герардо надежды, возбужденныя его первыми поэтическими опытами—мы увидимъ впослѣдствіи. Его сонетъ очевидно принадлежитъ юношѣ, стремящемуся сблизиться съ поэтомъ уже престарѣлымъ, окруженнымъ славой, тогда какъ въ отвѣтныхъ стихахъ Саккетти ясно слышно, что великое горе еще не забыто, что смерть Петрарки и Боккаччьо еще на памяти у всѣхъ. Можетъ быть не безъ значенія самое указаніе на «хорошія школы», degne scole, которыхъ ищетъ благоразумный: это не намекъ-ли на падуанскую студію, которую посѣщалъ нашъ авторъ, когда называлъ себя «studente in legge e in poesi»?

До насъ дошелъ еще отрывокъ такой поэтической корреспонденціи, только безъ посвященія и отвѣта; по крайнѣй мѣрѣ отвѣта мы не могли найдти. Это сонетъ мессера Джьованни, обращенный, вѣроятно, къ одному изъ отходящихъ свѣтилъ старой поэтической школы (al tramontar l'ultima sera), можетъ быть, къ старику-же Саккетти. О комъ иначе могла бы идти эта «высокая и прекрасная молва о твоихъ добродѣтеляхъ?» *)

Fama gientile, leggiadra e altera
Di vostra perfezion sì forte tona,
Perchè d'Appollo mertate corona
Innanzi al tramontar l'ultima sera.

находятся-ли музы въ одиночествѣ. Надежда осушаетъ мои глаза, полные слезъ о потерѣ, грустнѣе которой никогда не причиняла смерть на всемъ протяженіи между Индѣйскимъ и Мавританскимъ морями. И другаго еще унесла она, твоего соименника, и никто не наслѣдовалъ ему въ этомъ лживомъ и безбожномъ мірѣ, гдѣ сгинуло теперь все прекрасное».

*) «Высокая и прекрасная молва о твоихъ добродѣтеляхъ разносится такъ громко, что ты по праву заслужилъ вѣнокъ Аполлона, прежде чѣмъ погасъ

Onde poi ch'i'veggio che sì vera
Scienzia in voi sta, il figliuol di Latona
Alma gientil cerchiat'à in sua zona
Chè ben par che vi vogli di sua schiera.

Ond'io son tutto disposto e attento
D'udir le corde della santa lira
Con triunfevol canto in sua altezza.

Pensate omai che sì s'ispira
Se io non lodo, deggia aver tormento:
Mova piatà a dar tanta dolciezza. [353])

Такимъ образомъ Джьованни ди Герардо открыто присталъ къ итальянской поэтической традиціи: доказательствомъ тому не только его стихотворная переписка съ Саккетти и Альберто дельи Альбицци [354]), но и все направленіе его литературной дѣятельности, частые дантовскіе отголоски, особенно въ поэмѣ [355]); наконецъ любовь, связывавшая его съ Колуччіо Салутати и тѣми людьми, которые вмѣстѣ съ нимъ еще стояли за славные завѣты старины, въ политикѣ и въ литературѣ. Одного изъ нихъ, Гвидо ди мессеръ Томмазо, соучастника нашего романа, онъ долженъ былъ знать лично, потому что имѣлъ въ арендѣ его помѣстье въ сосѣдствѣ съ городомъ Прато, въ приходѣ св. Мартина а Paperino [356]). Что до Колуччіо, то о немъ нашъ авторъ не наговорится: онъ полонъ славы, онъ славою вскормленъ,

.... spira
Sua fama assai, perch'è'n costei lattato.

Такъ показываетъ его нашему автору Данте въ эмпиреѣ аллегорической поэмы, гдѣ онъ находится въ сообществѣ Алана и Пьера делле Винье, Фаціо дельи Уберти и Сенну́ччьо дель Бене. Тѣмъ-же почти сыновнимъ уваженіемъ отзываются многія страницы романа: Колуччіо называется дражайшимъ отцемъ, padre carissimo, къ нему обращаются за рѣшеніемъ во всякомъ затруднительномъ спорѣ, онъ истолковываетъ темныя философскія доктрины Божественной Комедіи; наконецъ, послѣднія страницы пятой книги, хотя и вложенныя въ уста Луиджи Марсили, сильно напоминаютъ нѣкоторыя мѣста изъ Инвективы Колуччіо противъ Антонія

твой послѣдній вечеръ. Обрѣтя въ тебѣ истинное знаніе, сынъ Латоны одѣлъ своею ризою прекрасную душу, какъ будто желая причесть тебя къ своему лику. Оттого я совсѣмъ изготовился и жажду услышать побѣдную пѣснь и звуки твоей священной лиры. Я былъ бы достоинъ мученій, еслибы не славословилъ тебя, вдохновеннаго; потому сжалься и доставь мнѣ это наслажденіе».

Луска. Выше, говоря о діалогахъ, которые для Пьетро Паоло Верджеріо записалъ Леонардо Аретино, мы позволили себѣ высказать предположеніе, что Инвектива можетъ быть и есть тотъ трудъ, считавшійся потеряннымъ, который Колуччіо обѣщалъ написать въ защиту своихъ флорентійскихъ поэтовъ [357]). Теперь мы можемъ сдѣлать другое сближеніе: ратуя за древнее величіе Флоренціи, Колуччіо указывалъ между прочимъ на ея римское происхожденіе, на свидѣтельства памятниковъ классической древности, которыхъ остатки можно было видѣть, наконецъ на самое названіе Флоренціи. Это и составляетъ содержаніе послѣднихъ разговоровъ романа: приводятся тѣ же археологическія подробности, иногда болѣе развитыя; точно также поднятъ вопросъ объ этимологіи Флоренціи, цитуются тѣ же источники, и тамъ и здѣсь строго ограниченные классическими писателями [358]). Какъ будто вся относящаяся сюда часть Инвективы выработалась изъ разговоровъ въ садахъ Парадизо. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросы подобнаго рода должны были сильно занимать тогдашніе литературные кружки, когда мы возвращаемся къ нимъ не только въ Инвективѣ Колуччіо, но и въ нашемъ романѣ, и позднѣе во флорентійской исторіи Леонардо Аретино. Вездѣ одна и та же цѣль: выказать древнюю славу Флоренціи на зло ея невѣрующимъ хулителямъ. Эта слава — римская; флорентійская исторія толкуется намъ какъ органическое продолженіе римской. Мы далеки отъ фантастическихъ измышленій среднихъ вѣковъ, любившихъ играть въ несбыточныя генеалогіи, съ Лаціумомъ и Троей въ корнѣ родословнаго древа. Что̀ на сѣверѣ было капризомъ полуученыхъ, назначеннымъ возвеличить какой нибудь княжескій родъ, то въ Италіи было дѣломъ народнымъ, и въ немъ принималъ участіе всякій, чувствовавшій въ себѣ хоть каплю римской крови. Потому здѣсь нѣтъ города, который не помнилъ-бы своего Ромула: у Анконы есть свой Anichon, у Озимо—Auximon, у Мантуи—Mantois, дочь ѳиванскаго короля Utrex'а и любовница Mencio, давшаго имя рѣкѣ Минчьо [359]). Всѣ какъ будто сговорились: поэты и лѣтописцы толкуютъ «о Троянцахъ, о Фьезоле и Римѣ» (de Troiani, e di Fiesole e di Roma. Dante); словно какая-то тайная инстинктивная сила увлекала ихъ вступить во владѣніе наслѣдствомъ классической Италіи, какъ Италія вступила въ наслѣдіе Греціи. А уже возрожденіе стучалось въ двери и начинало находить сочувственный отзывъ: по мѣрѣ того какъ забывались принципы, внесенные германскимъ завоеваніемъ, латинскій элементъ возникалъ въ но-

вой силѣ, обновляясь въ наукѣ и искусствѣ, въ законодательствѣ и общественной жизни коммунъ; имя Рима окружалось новымъ ореоломъ; старый феодальный строй уступалъ передъ памятью свободы, которая могла предъявить еще бо́льшія права давности. На обычномъ языкѣ времени этотъ вопросъ тотчасъ-же становился вопросомъ генеалогическимъ: если смыслъ итальянскаго возрожденія заключается въ поголовномъ возвращеніи отъ средневѣковаго космополитизма къ исконнымъ началамъ *своей* стародавней культуры, то пріятно было увѣрить себя, что Флоренція есть точно римская колонія, что Римляне Campus Florae ее построили и назвали ее по отчеству. Она римская матрона лучшихъ временъ республики, хотя еще одѣтая по модной картинкѣ рыцарскихъ романовъ. Такъ изображаетъ ее великолѣпная миніатюра латинской поэмы въ честь неаполитанскаго короля Роберта: въ парчевой мантіи, на богатомъ креслѣ съ высокой спинкой; я дочь Рима, говоритъ она:

Filia sum Romae, pro se loquor, ac ego pro me,
Et credor vere Florentia nomen habere.
Romani flores me construere priores,
Menibus et mustis et me cinxere venustis:
Nunc infelicis queror ex dampnis genitricis. [360])

Такъ представлялась она и Антоніо дельи Альберти въ его извѣстной хвалебной канцонѣ къ Флоренціи:

Da l'alta Roma iscese il tuo primizio
Magnanima città pien di biltate,
Specchio di libertate
In cui sempre tuo popol vive lieto.
Cesar fu fondatore di tuo inizio
Dal qual vien la tua prima dignitate. *)

При чемъ тутъ Цесарь, могъ спрашивать себя Колуччіо? Къ чему король Фьорино и всѣ эти басни, такъ простодушно разсказанныя старикомъ Малеспини? Школа Петрарки и Боккаччьо не прошла даромъ: Колуччіо пуристъ; онъ критически работаетъ надъ текстами, бранитъ безмозглыхъ переписчиковъ и вездѣ любитъ добираться до первичнаго источника. Вслѣдъ за нимъ поднимается и нашъ романистъ, и ему не по сердцу «лживыя басни

*) «Отъ Рима пошло твое начало, великодушный городъ, полный красоты, зерцало свободы, котораго граждане находятся въ постоянномъ веселіи. Цесарь былъ твоимъ основателемъ, отъ него твое первое величіе».

лѣтописцевъ, неумѣлыхъ и неученыхъ, или лучше, круглыхъ невѣждъ, изъ сочиненій которыхъ видно, что имъ недоставало литературнаго образованія, а стало быть и знакомства съ подлинными и непреложными свидѣтельствами» [361]). На эту подлинность обращено теперь все вниманіе: подавайте намъ древнихъ, Саллюстія и Цицерона, Плинія и Птоломея; ихъ современныя показанія надо разсмотрѣть и повѣрить: вѣроятно-ли напр., что Птоломей назвалъ городъ Флоренціей, когда у Плинія, «извѣстнаго римскаго писателя» (altore famoso apresso i latini), онъ уже нашелъ названіе Fluentia, или не предположить-ли во всемъ этомъ какой либо оплошности переписчиковъ и т. п. Искусство исторіи, въ болѣе близкомъ къ намъ значеніи этого слова, началось съ отрицанія эпическихъ преданій лѣтописцевъ; черезъ нѣсколько лѣтъ первый опытъ критической исторіи выйдетъ изъ школы Колуччіо, въ трудѣ Леонардо Аретино. Въ этомъ отношеніи мы можемъ быть только благодарны нашему романисту: сохранивъ для насъ память бесѣдъ въ Парадизо, онъ еще болѣе познакомилъ насъ съ вліяніемъ идей Колуччіо на молодое поколѣніе конца XIV-го и начала XV-го вѣка, которое онъ самъ приведетъ къ дверямъ Renaissance, научая его въ то же время не отказываться отъ народной старины, произведшей столько великаго.

Потому что не надо забывать, что нашъ романъ прежде всего — старческое воспоминаніе: когда происходили самыя бесѣды въ Парадизо, авторъ былъ еще юношей, и вѣроятно болѣе, чѣмъ мудрые разговоры Колуччіо, его занимали пѣсни и пляски и майскія игры, которымъ сценой служили сады Альберти, а отголоскомъ—Giuoco d'Amore. Аллегорическая обстановка не должна насъ запугивать: яркія черты дѣйствительности проглядываютъ въ ней слишкомъ ясно, чтобы не быть картинкой съ натуры. До насъ дошелъ одинъ сонетъ Джьованни ди Герардо, очевидно навѣянный тѣми же майскими образами: та же жажда наслажденій и богатство красокъ, напоминающихъ венеціанскую школу, которымъ отчасти искупается неопредѣленность очертаній. Это одинъ изъ непереводимыхъ сонетовъ. *)

Gigli, rose, vivole in vasel d'oro,
In verdi fronde mille ucciej cantare,
Nude pulzelle in fonte sollazzare,
E Diana col suo leggiadro coro;

*) «Лиліи, розы и фіалки въ золотыхъ сосудахъ; тысячи птичекъ поютъ въ зеленыхъ вѣтвяхъ; дѣвушки купаются въ источникѣ, съ ними Діана и ея пре-

Abete, pini, mirti e sacro alloro,
Ermellin vaghi in bel verde giocare,
Amanti con donzelle sospirare,
Perle, *zaffiri*, *balasci* e più tesoro;

Mille rii mormorando in chiusa valle,
Mille ninfe leggiadre a un bel rezzo,
Ganimede e Narcisso a lor disiro;

Lor sembianti e sospiri, serrar di spalle,
Lor parlar, lor baciar, tenelli in mezzo,
Non faren leno mie più debil sospiro. [362])

Серьозныя наставленія Колуччіо, изученіе Данте и великихъ итальянскихъ поэтовъ, принесутъ плоды только позже. Въ 1417—24 годахъ мы уже встрѣчаемъ Джьованни ди Герардо дантовскимъ лекторомъ: онъ публично объясняетъ Божественную Комедію, соединяя съ этимъ вплоть до 1425 года толкованіе нравоучительныхъ канцонъ Алигіери по праздничнымъ днямъ. Кажется впрочемъ, что большаго успѣха онъ не имѣлъ, если вѣрить приведенному нами сонету Брунеллески, гдѣ говорится о пустыхъ «фантазіяхъ учителя, неимѣющаго учениковъ» (fantasie d'un senza scuola). Въ то же время онъ былъ призванъ содѣйствовать завершенію другаго памятника флорентійской славы, который Арнольфо оставилъ неоконченнымъ. Съ 1420 года онъ состоитъ при коммиссіи для постройки собора, помогая ей дѣломъ и соображеніями; отсюда объяснили мы его ревность къ Брунеллески и зависть, вызвавшую его гнѣвный стихъ. Такъ изъ постановленія (stanziamento) 1-го апрѣля 1420 года мы узнаемъ, что «мессеру Джьованни ди Герардо да Прато даны три флорина за сдѣланные имъ рисунки и труды по постройкѣ большаго купола» [363]), а шестнадцатаго числа того-же мѣсяца онъ и Джульяно Арриги, по прозванію Пезелло, избраны въ помощники тремъ главнымъ распорядителямъ постройки, т. е. Брунеллески, Гиберти и Баттиста д'Антоніо, съ тѣмъ чтобы замѣнить ихъ въ случаѣ отказа,

---

красныя спутницы.—Тутъ пихты, сосны, мирты и священный лавръ; красивые горностаи играютъ въ зелени, любовники шепчутся съ своими возлюбленными; тутъ перлы, сапфиры, рубины и всякія драгоцѣнности.—Тысячи ручьевъ журчатъ по глухой долинѣ; въ тѣни покоятся прекрасныя нимфы, съ ними Нарциссъ и Ганимедъ. Ихъ красота и любовные вздохи, рѣчи, поцѣлуи и объятія—я никогда не устану о нихъ говорить».

смерти или чего-нибудь подобнаго. Въ сентябрѣ 1423 года онъ выставилъ вмѣстѣ съ Брунеллески свою модель купола; по этому поводу выданы были Папи ди Сандро восемь сольдовъ, «чтобы угощать виномъ маэстро *приходящихъ смотрѣть на рисунокъ мессера Джьованни*» [364]), и 12 сольдовъ разсыльному (messo dell' arte) Нанни ди Филиппо «за хлопоты по созванію гражданъ, которыхъ работники и строители купола призываютъ смотрѣть *модели мессера Джьованни да Прато и Филиппа ди сэръ Брунеллеско*» [365]). За всѣ эти труды мессеру Джьованни назначены два золотыхъ флорина, какъ видно изъ постановленія отъ 11-го апрѣля 1424 г.: «мессеру Джьованни да Прато слѣдуетъ два золотыхъ флорина за планъ на пергаментѣ, показывающій, какъ укрѣпить связью куполъ большой трибуны» [366]). Отъ 4 февраля 1425 года у насъ опять есть свѣдѣнія о моделяхъ, выставленныхъ Джьованни ди Герардо, Брунеллески, Лоренцо Бартолуччи золотыхъ дѣлъ мастеромъ, Джульяно Арриги и другими. [367])

Послѣ этого года свѣдѣнія о жизни мессера Джьованни становятся скуднѣе. Изъ кадастровыхъ списковъ 1427 и 1430 годовъ видно, что въ это время онъ былъ уже старъ, и что у него была сестра, Мадонна Антонія, старѣе его четырьмя или пятью годами. Духовная Гвидо ди мессеръ Томмазо отъ 1399 года къ сожалѣнію слишкомъ необстоятельна, говоря о «Johannis Gherardi cum sua familia» [368]), можетъ быть въ латинскомъ употребленіи послѣдняго слова. Вѣроятнѣе всего, Джьованни никогда не былъ женатъ и прекрасная богиня, полюбившаяся ему среди холмовъ Монте Пальди, никогда не смягчила для него своего каменнаго сердца (un cuor di smalto) [369]). Это подтверждается его латинскимъ письмомъ къ Гвидо [370]), очевидно написаннымъ на склонѣ лѣтъ, гдѣ онъ говоритъ про себя, что всегда презиралъ почести, славу и людское мнѣніе, предоставляя другимъ скуку брачныхъ узъ и тягость семейныхъ заботъ: самъ онъ довольствуется уединеніемъ, малымъ достаткомъ и милыми ему занятіями — мудростью. Въ этомъ тихомъ уголкѣ, вдалекѣ отъ свѣтскаго шума, онъ по-неволѣ жилъ прошлымъ: веселые дни юности и почтенный образъ Колуччіо воскресали передъ ними со всею силой старинной любви, и онъ принимался за перо, чтобы разсказать друзьямъ про бесѣды въ Парадизо и наставленія, которыя изъ нихъ вынесъ. Въ немъ еще такъ свѣжи эти воспоминанія, что въ письмѣ и въ иныхъ мѣстахъ романа вы непремѣнно встрѣтитесь съ тѣми же идиллическими образами, какіе пора-

зили его молодое воображеніе въ Giuoco d'Amore. Его уединеніе по прежнему полно тихимъ ропотомъ лѣса, съ толпами нимфъ и богинь, среди прозрачныхъ источниковъ и журчащихъ ручьевъ: робкіе звѣрьки по прежнему играютъ на смѣющихся лужайкахъ, и птицы также таинственно щебечутъ въ зелени вѣтвей [371]). Не напоминаетъ-ли все это цвѣтущую поляну въ Giuoco d'Amore?

Co leggiadre fontane in ogni loco.
Il guardo, il veder, i'rosso, i santi odori,
Gli ermellini e conigli e vaghi vai,
I ruccelletti, l'erbe, gli sprendori
Faceano il santo loco ch'io trovai
Arder d'amore: ov'io nel dolce rezzo
Isfavillar vedea i santi mai.
Quiv'era ninfe, e giovinetti in mezzo,
Pirramo e Tisbe и т. д. *)

Разумѣется, ни въ письмѣ ни въ романѣ нѣтъ прежней колоритности; яркія, бьющія въ глаза краски стали будто темнѣе и серьознѣе; нѣтъ молодыхъ порывовъ: поэтъ состарѣлся, сдѣлался вдумчивѣе и сентиментальнѣе. Къ этому періоду его жизни надо будетъ отнести его трактатъ, Trattato d'una angelica cosa mostrata per una divotissima visione, написанный имъ отъ имени какой-то дамы, полный набожныхъ размышленій и дантовскихъ отголосковъ, особенно въ терцинахъ трехъ вставочныхъ молитвъ [372]). Того-же характера, аллегорическо-мистическаго, и вѣроятно того-же времени, его поэма, сохранившаяся въ мальябекьянскомъ спискѣ: но только здѣсь дѣло уже не въ отголоскахъ, а въ явномъ подражаніи Божественной Комедіи. Трудъ въ высшей степени интересный, не какъ художественный памятникъ, потому что поэтическихъ достоинствъ въ немъ нѣтъ, но какъ характеристика извѣстнаго момента въ развитіи итальянскихъ литературныхъ идей. Божественная Комедія въ XV-мъ столѣтіи—это что-то мертворожденное, антикварное, безъ искры жизни и надежды на будущее. Средніе вѣка удалились безвозврат-

*) «Съ прекрасными фонтанами повсюду. Здѣсь богатство красокъ и благовоній, здѣсь горностаи, кролики и бѣлки; ручьи и трава — все въ какомъ-то чудномъ свѣтѣ, будто любовью горитъ вся окрестность. Въ тѣни блестятъ майскія вѣтви; здѣсь нимфы и съ ними юноши, Пирамъ и Тисбе и т. п.

но, и новое поколѣніе уже перестало ихъ понимать. Данте явился во-время, чтобы обнять ихъ въ великолѣпномъ синтезѣ своей комедіи; но у него нѣтъ продолжателей и никому послѣ него не удалось творчески овладѣть идеей его католической и императорской трилогіи. Вина не столько въ бѣдности талантовъ, сколько въ невозможности синтеза: идеалы отошли вмѣстѣ съ временемъ, къ которому Данте еще могъ чувствовать себя близкимъ, но которое въ новыхъ людяхъ не могло возбуждать той-же симпатіи, потому что чувство новой культуры притупило въ нихъ пониманіе среднихъ вѣковъ. Вотъ почему у Данте могли быть только подражатели, которые списывали съ него слова и обороты, учились искусству терцины, рабски копируя освященную имъ форму аллегорическаго видѣнія и тройственнаго путешествія; но внутренній смыслъ его загадочныхъ стиховъ, versi strani, оставался для нихъ непонятенъ, потому что не своевремененъ. Вспомнимъ, что мы въ вѣкѣ комментаторовъ,—а всякое произведеніе, требующее глоссарія, тѣмъ самымъ доказываетъ, что его сущность уже стала недоступной для большинства публики. Это кладетъ напередъ печать осужденія на поэму Джьованни ди Герардо: она неудалась не столько потому, что авторъ былъ бѣденъ поэзіей, сколько потому, что являлась дѣломъ реставраціи.

Истолкователь Данте, какъ многіе другіе, вмѣсто того чтобы подарить насъ комментаріемъ къ Божественной Комедіи, какого мы вправѣ отъ него ожидать, онъ задумалъ воспроизвесть ее поэтически и бойко пошелъ по слѣдамъ Данте. Но идеалъ вырывается у него изъ рукъ, какъ ни силится онъ заковать его въ свои неловкія терцины, и онъ только успѣваетъ ученически воспроизвесть внѣшнія очертанія своего подлинника: то же блужданіе въ заповѣдномъ лѣсу, та же послѣдовательность круговъ и аллегорическое странствованіе подъ руководствомъ Костанцы и потомъ самаго Данте, какъ Данте путешествовалъ подъ эгидой Виргилія и Беатриче, а его подражателя Федериго Фрецци въ Quadriregio вели Минерва и Энохъ. Символическихъ звѣрей замѣнили тоже какіе-то звѣри—и Медуза. Если Данте полюбилъ, будучи девяти лѣтъ отъ роду, то и у Джьованни ди Герардо похитили сердце, прежде чѣмъ ему свершилось десять лѣтъ (II, 3: Pria che finito avessi il decimo anno). Встрѣчаются знакомые обороты, иной стихъ прямо снятъ съ дантовскаго; если въ Paradiso XIII, 73 мы встрѣтили выраженіе:

Guardami ben: ben son, ben son Beatrice,

то можемъ быть напередъ увѣрены, что Костанца повторитъ ихъ въ переложеніи:

Guardami ben, ben t'è scoverto il vero.

То же самое съ риѳмами: у Данте слово Cristo риѳмуется только съ самимъ собою—такъ онъ сдѣлалъ до четырехъ разъ въ своей комедіи; Джьованни ди Герардо перенялъ эту странность и повторилъ ее два раза. Кто пожелалъ бы познакомиться съ самымъ текстомъ поэмы, хотя бы въ тѣхъ отрывкахъ, которые мы напечатали въ итальянскомъ изданіи, могъ-бы сдѣлать тысячи подобныхъ сближеній: Троянъ и Рифей, Рахиль и Лія и «la buona Gualdrada» ,—все это старые знакомые по Данте; авторъ становится интереснѣе, когда переходитъ къ болѣе близкимъ ему историческимъ воспоминаніямъ, но они не искупаютъ впечатлѣнія цѣлаго. Передъ нами грустная повѣсть литературнаго упадка [373]).

Послѣ небольшаго Invocatio ad Musas (O Musa, e tu Apollo al novo canto) авторъ тотчасъ-же переходитъ къ дѣлу. «Была пора, когда златовласая аврора поднималась, озаряя розовымъ свѣтомъ рѣки, поляны и горы; уже птицы кружились вокругъ своихъ гнѣздъ, звѣри бродили вокругъ источниковъ, ища добычи и прислушиваясь къ шелесту; пахарь брался за свои орудія и шелъ въ поле, зѣвая и напѣвая деревенскую пѣсенку; рыбакъ закидывалъ сѣти» ,—когда поэту, заблудившемуся на «туманной тропѣ», представились семь величавыхъ женъ. Онѣ шли съ пѣніемъ, облитыя свѣтомъ, каждая въ особой одеждѣ; четыре изъ нихъ плясали, одна наигрывала. «Я называю ихъ женщинами,—говоритъ авторъ,—но онѣ свѣтила, великія богини, безъ помощи которыхъ человѣку никогда не достигнуть блаженства». Первая овладѣваетъ его вниманіемъ Костанца, символъ постоянства и нравственной крѣпости [374]). Она поетъ гимнъ, Cantilena Fortitudinis.

Въ слѣдующей пѣснѣ [375]) мы знакомимся съ Джиневрой, изображающей благоразуміе, prudentia. Ея отвѣтныя слова на привѣтъ сестеръ полны упрековъ Флоренціи: ее не усмирила даже утрата столькихъ дорогихъ сыновъ, поддерживавшихъ ея величіе. «Зачѣмъ держишь ты въ насильственномъ безмолвіи мудрыхъ гражданъ? Только тотъ городъ счастливъ, что̀ управляется людьми степенными и благоразумными. Пора тебѣ покончить съ этими грязными сумасбродами, которые презираютъ тебя, а меня ненавидятъ; пора изгнать изъ своей среды преступную партію».—

Пѣснь Маргериты—Правосудія (justitia) снова обращена къ Флоренціи: ей указываются судьбы Трои, Карѳагена, Луни, Рима, Фаэнцы, Чезены и Ареццо, «который и теперь еще стонетъ» (che geme d'ambo i lati); всѣ они платятся за свои прегрѣшенія. Пусть вспомнитъ Трояна (quel mie che chetò la vedovella) и Рифея: въ свое время онъ держалъ въ чести меня и моихъ сестеръ, оттого его имя прославлено. Такимъ дѣламъ рукоплещетъ небо, завидуетъ адъ; надъ ними стонетъ Брутъ, горюютъ Мегера и ея спутницы.

Слѣдуетъ за тѣмъ пѣснь Томмазы и знакомый намъ разговоръ съ Маргеритой, гдѣ Томмаза—Умѣренность (temperantia) проситъ у нея правосудія и помощи для ея поклонника, т. е. нашего автора, а та ее утѣшаетъ, говоря, что онъ еще не въ крайности, пусть обратится къ Костанцѣ, и она выведетъ его изъ дремучаго лѣса. Здѣсь собственно начинается дѣйствіе поэмы. Вспомнимъ, что нашъ поэтъ заблудился въ лѣсу, что онъ издали увидѣлъ спускающихся богинь и услышалъ ихъ разговоры: сладость видѣнія его подавляетъ, и онъ въ изнеможеніи опустился на колѣна. Тутъ подходятъ къ нему символическія жены. «Поведи его ради Бога въ наше царство, онъ такъ долго къ нему стремится», говоритъ Томмаза Костанцѣ. Тогда, натянувъ свой лукъ, Костанца достаетъ семь стрѣлъ, достойныхъ рѣзца Поликлета, и всѣ семеро поражаютъ его въ сердце. «Обернись теперь, о раненый, опасность прошла, погляди, кто тебя окружаетъ». Онъ приподнялъ глаза, но все еще склоняя лицо, по которому разлилась краска стыда. «Помоги ему выйдти отсюда, прежде чѣмъ онъ увидитъ Медузу», молятъ Костанцу другія сестры; «подумай только, если онъ съ ней свыкнется, его разорвутъ звѣри, идущіе за нимъ слѣдомъ, и ты не въ состояніи будешь помочь ему, потому что кто въ юности не покинулъ темной тропы, тотъ и умретъ въ этой долинѣ, если Господь не смягчитъ его грубаго сердца, или покаяніе не заслужитъ милосердія». Тогда, подавъ ему руку, «поднимись, пора вставать», сказала ему Костанца, и всѣ вмѣстѣ начинаютъ подниматься изъ лѣса въ гору; взбираться трудно и неудобно: вмѣсто мягкой травы и прозрачныхъ источниковъ вездѣ камни и скалы, выкорченныя деревья и колючій тернъ вровень съ головою.

Какъ далека ваша поляна отъ темнаго лѣса, который мы оставили? спрашиваетъ по дорогѣ поэтъ;—зрѣніе обмануло меня: когда

я былъ внизу, подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей, и увидѣлъ васъ спускающихся, я думалъ, что путь короче и удобнѣе.—Онъ пріятенъ и ровенъ для тѣхъ, кто горитъ истиннымъ желаніемъ, отвѣчаетъ Костанца,—и знакомитъ насъ въ первый разъ, хотя въ неопредѣленныхъ чертахъ, съ хорографіей нашей поэмы. И здѣсь мы встрѣчаемся съ дантовскими мотивами, съ его

Le tre disposizion, che'l ciel non vuole,
Incontinenza, *malizia*, e la *matta*
Bestialitade. *) (Inferno XI, 81—3)

«Лѣсъ смерти (la selva—della morte), который мы оставили, окружаетъ, какъ видишь, эту гору и далекъ отъ моей обители; за нимъ, спускаясь ниже, ненавистная и постыдная невоздержность *(incontinenzia)*, за ней злоба (*malizia*), хорошо намъ знакомая, еще ниже—бѣшеное звѣрство (*matta bestelità*), незнающее съ нами мира: отъ нея до насъ такъ далеко, что геометръ Птоломей скорѣй-бы измѣрилъ разстояніе между Гангомъ и чудной Сибиліей». Сознаніе пройденной опасности поражаетъ поэта ужасомъ, Костанца ободряетъ его идти впередъ, но онъ еще полонъ плотскихъ помысловъ: шествующая передъ нимъ аллегорическая богиня представляется ему Цитерой, какъ вблизи Карѳагена явилась она Энею въ тотъ день, когда онъ потерялъ Иліонея (Elioneo). Онъ не можетъ отвести отъ нея глазъ; кровь прилила у него къ сердцу, и онъ останавливается.—Твоя упрямая мысль увлекаетъ тебя назадъ и мѣшаетъ восхожденію, говорятъ ему его спутницы;—намѣреніе не искренне, потому что ты еще открытъ ударамъ бога любви. Прогони туманъ и мракъ съ твоего сердца, одѣтаго льдомъ.—Краемъ бѣлаго покрывала, оттѣнявшаго ея бѣлоснѣжную шею, Костанца отираетъ глаза и грудь поэта; его смутили горькіе упреки, и онъ плачетъ по времени, напрасно потраченномъ. «Теперь ты омытъ отъ грѣха, мѣшавшаго тебѣ быть съ нами; но помни, что раскаяніе должно быть на столько сильно, на сколько сильно было удовольствіе грѣховнаго воспоминанія.—Ты слышалъ наши пѣсни», продолжаетъ поучать Костанца, «теперь внемли пѣнію трехъ другихъ сестеръ: это необходимо, онѣ вѣрнѣе насъ ведутъ къ небу и высшей любви; онѣ покажутъ тебѣ двѣ добро-

*) «Три наклонности, нелюбимыя небомъ: невоздержность, злоба и бѣшеное звѣрство».

дѣтельныхъ жизни, изъ нихъ ты выберешь ту, которая тебѣ болѣе нравится, и та и другая приведутъ тебя къ твоему Создателю. Иначе тебѣ не достигнуть мира и надзвѣздной славы». Эти три другихъ сестры—Феронія—Вѣра (fides), Виредія—Надежда (spes) и Катерина—Любовь (charitas); подъ двумя добродѣтельными жизнями (duo chiare vite) разумѣется жизнь дѣятельная и созерцательная; съ ихъ символическими образами мы познакомимся впослѣдствіи; пока, приготовляя поэта къ божественному пѣнію, Костанца принимается разсказывать ему исторію введенія христіанства въ Тосканѣ. «Когда ты явился на свѣтъ, тебя окрестили въ купели Сан-Джьованни (теперь флорентійскій баптистерій), котораго наши дѣды называли Марсомъ». Такъ было много и много лѣтъ, и Санъ Миньято успѣлъ пострадать при Деціи за Христову вѣру, пока св. Сильвестръ не исцѣлилъ отъ проказы и не окрестилъ царя Константина. Какъ услышали въ Тосканѣ, что римскій король (re de'Roman) увѣровалъ въ Христа, всѣ были въ веселіи и пойдя въ священный храмъ поставили на мѣсто Марса—Іоанна Крестителя; но идола Марса не разрушили, еще боясь его демонской силы (aguri rei), а поставили его надъ Арно у стараго моста (Vechio ponte). И вотъ расплакалось небо, переполнивъ источники; нимфы (т. е. воды) Казентино въ стремительномъ бѣгѣ достигаютъ стараго моста, и идолъ сверженъ въ воду, гдѣ онъ по необходимости принялъ другой образъ (Dove di nicistà prese altra forma). Вѣрные христіане могли быть теперь спокойны, если и не оставили нѣкоторыхъ древнихъ пороковъ.

Все это служитъ введеніемъ къ пѣснямъ трехъ сестеръ, символически изображающихъ три божественныхъ добродѣтели.

Первая выступаетъ Виредія—Надежда (spes): одѣтая въ зеленое, какъ смарагдъ, платье, она разъясняетъ нѣкоторыя философскія и богословскія сомнѣнія, вызывая другія сомнѣнія въ душѣ поэта.—Почему напр. боится смерти всякое животное, когда такъ недолговѣчно соединеніе тѣла и духа?—Но Костанца велитъ ему быть внимательнымъ и умолить Феронію, чтобъ она не оставила его своимъ святымъ поученіемъ. «Если ты достигнешь цѣли, приведшей насъ сюда, мои поэты украсятъ лавромъ твое чело (Di quello ramo Vedra'ti incoronare a' mie' poeti).

Онъ преклоняется передъ Фероніей. «Время летитъ», говоритъ онъ, «и никогда не возвращается, а я хотѣлъ-бы взобраться

на чудную гору, прежде чѣмъ постигла меня смерть. Ты приняла меня отъ святой купели; присоедини же къ другимъ твою благосклонную пѣснь. Она подняла меня и сказала: Не бойся, дорогой мой сынъ Джьованни, я всегда съ тобою и не покидаю этихъ бѣлыхъ ризъ и твоей Костанцы, съ той поры какъ много лѣтъ тому назадъ она привела меня въ древній лѣсъ, гдѣ твоя душа могла погибнуть, а тѣло растерзали бы дикіе звѣри: такова сила злобы и невоздержности. Теперь я готова пѣть». Длинная пѣснь Фероніи—Вѣры (fides) касается мерзостей и прелюбодѣяній языческихъ боговъ, подвиговъ Геркулеса, которыхъ тайный смыслъ она толкуетъ, и закоренѣлаго невѣрія Евреевъ, этого «мятежнаго Моисеева отродья» (O voi di Moisè ribella erede). Ученикъ великаго Платона не былъ такъ внимателенъ къ божественнымъ словамъ своего наставника, какъ нашъ поэтъ, когда, сложивъ въ три складки конецъ блестящей бѣлой ткани, она объясняла ему таинство Троицы: «О юноша,—сказала она,—развѣ ты не видишь, что три суть три и вмѣстѣ одно»?—«Великіе мудрецы довольствовались этимъ quia (stan contenti al quia), а безсмысленные невѣжды хотятъ судить, какъ и почему; каждый наемникъ и слабодушный думаетъ прозрѣть далѣе Аргуса, считаетъ себя благоразумнѣе и мужественнѣе Аннибала. Если бы было у меня время распространяться, какъ-бы представилась мнѣ твоя Флоренція, которую я ежечасно силюсь вразумить! Но вредныя сѣмена взошли тамъ слишкомъ густо; я не указываю ни на кого въ особенности, потому что ненавижу зло. Оттого она справедливо приходитъ въ упадокъ: одни грабятъ ее со всѣхъ сторонъ, другіе нападаютъ съ огнемъ и мечемъ; оттого тамъ постоянныя перемѣны правленія (si rimuta in vari stati), и никому нѣтъ до этого дѣла. Всякій ничтожный человѣкъ стремится къ власти надъ этимъ народомъ купцовъ и презрѣнныхъ мѣнялъ: всѣ они Фабриціи и Метеллы, готовые изъ-за ничтожной личной выгоды стать врагами своего отечества. Оставьте наконецъ эти споры: пусть будутъ вашими правителями люди почтенные, серьозные и ученые. Удалите причину столь грустныхъ попрековъ, извергните вся скверная. Помните, что мои слова не шутки. О христіанское общество, загрубѣлое, какъ камень! великое несогласіе—этотъ ядовитый хаосъ—низвергло тебя съ высоты твоего величія. Тому причиной черная птица славы (т. е. имперскій орелъ), лиліи Франціи и Венгріи, могущественный король

Англіи и темная сила другихъ королей, герцоговъ и графовъ, или лучше—жестокихъ тиранновъ: я умалчиваю о разбойникахъ Ломбардіи (т. е. Висконти). О Итальянцы, когда-то гордые, исполнитесь негодованія за вашъ Римъ: одинокая вдовица, она разодрала свои ризы, распустила волосы, не подпоясанная и босая, съ печальнымъ, полнымъ слезъ лицемъ, она горюетъ безмѣрно и говоритъ: О мой Петръ, гдѣ твое рвеніе и святая забота? И ты, добрый Цесарь, благодушный Августъ, гдѣ твое наслѣдіе? гдѣ покинулъ ты славу всего міра? Но теперь онъ сторонится отъ меня, преступный! О божественная справедливость, пречистыя очи—гдѣ теперь Твои намѣстники, о Боже? Не такихъ даровалъ Ты мнѣ прежде. Всякій видитъ, какъ они мнѣ дороги, какъ я стараюсь водворить согласіе между итальянскими и транзальпійскими католиками (fra oltremontani e latini vari—аллюзія на тогдашній церковный расколъ). Но тѣ, что должны были-бы утишить распрю, поддерживаютъ ее изъ мірскихъ разсчетовъ—такъ ослѣпила и оглушила ихъ преступная страсть. А всѣ они зовутъ себя хорошими христіанами: до такой степени у нихъ нѣтъ совѣсти, что ея больше у варвара и язычника.—Такъ плачется великая неутѣшная (la magna sconsolata); помогите-же ея горю, чтобы ей не умереть съ него; не будьте къ ней жестокосерды и скупы, и пусть каждый въ самомъ дѣлѣ желаетъ мира, о которомъ говоритъ, и не будетъ распри между словомъ и дѣломъ. Покажите себя щедрыми и готовыми на завоеваніе святой земли: такъ искоренено будетъ ненавистное древо Магомета (Malcometto) и его лживый законъ, столь вредный нашей религіи; прекратится всякій мятежъ, и вы снова придете къ Тому, Кто всѣмъ управляетъ».

Мы съ намѣреніемъ привели все это воззваніе, какъ одно изъ самыхъ интересныхъ мѣстъ поэмы по его отношенію къ исторической дѣйствительности. Пѣснь Катерины знакомитъ насъ наоборотъ съ болѣе личными воспоминаніями автора. Катерина—Любовь (Caritas)—оплакиваетъ оскудѣвшую въ мірѣ дружбу: теперь нѣтъ пріязни безъ разсчета, одинъ другъ—золото, и ты, Джьованни, можешь по праву пенять на злобную Атропосъ, лишившую тебя единственнаго искренняго друга.—Такъ сказавши, она опустила на грудь лицо, полное слезъ, и прошептала: О мой дорогой Алессандро, ты болѣе всѣхъ любилъ меня. Услышавъ имя того, чья смерть была ему столь горестна, сердце поэта по-

холодѣло, слезы полились изъ глазъ, онъ проклинаетъ жестокую судьбу и предательскихъ сестеръ Лахезисъ и Атропосъ: ему ни почемъ жизнь, не просвѣтленная дружбой; онъ желаетъ смерти. Вмѣстѣ съ нимъ плачутъ его символическія спутницы, но Катерина беретъ его за руку и говоритъ такія слова: «ступай впередъ и не горюй: недалеко отсюда мой поклонникъ, который былъ тебѣ такъ дорогъ—я хочу показать его тебѣ безсмертнымъ и цвѣтущимъ. Послушай моего разсказа: я уже провела его древнимъ лѣсомъ къ нашей полянѣ и оставила его тамъ, влюбленнаго въ Діану, вмѣстѣ съ Антоніо изъ Казентино, твоимъ вдохновеннымъ учителемъ. Но такъ какъ часто случается, что смерть, минуя низкое и презрѣнное, избираетъ самыя дорогія жертвы, Антоніо умеръ въ то время, когда весь предавался поэзіи по слѣдамъ твоихъ Флорентійцевъ, которымъ и ты хочешь послѣдовать, и когда ты въ первый разъ избралъ насъ своими вождями на эту гору».

Изъ послѣднихъ стиховъ поэмы видно, что Алессандро, упоминаемый Катериною, былъ Алессандро делл' Антелла, умершій въ 1379 году на обратномъ пути изъ Венгріи, куда ходилъ посломъ, и погребенный торжественно на общественный счетъ (Ammirato, Stor. lib. XIV). Онъ былъ законникъ, или, по выраженію Франко Саккетти, декреталистъ:

Ed Alessandro con dolce sermone
Decretalista *);

въ извѣстной войнѣ Флорентійцевъ съ Григоріемъ XI онъ четыре раза былъ посылаемъ къ папѣ; на конгрессѣ въ Сарзанѣ былъ однимъ изъ прокураторовъ республики и по смерти Григорія, 27 марта 1378 года, снова отправленъ въ Римъ съ поздравленіемъ къ новому папѣ Урбану VI и для договоровъ о мирѣ, который и заключенъ въ Тиволи 28-го іюля.—Съ Антоніемъ, плебаномъ Вадо (pievano di Vado), прихода общины Санъ Никколò въ Казентино, мы уже познакомились въ другомъ мѣстѣ: онъ былъ дантовскимъ лекторомъ въ 1381 году.

Знакомыя имена зажигаютъ въ поэтѣ желаніе поскорѣе увидѣть милыя ему лица, и шествіе трогается далѣе.

---

*) «И сладкоглаголивый декреталистъ Алессандро».

Такъ кончается первая часть поэмы, бѣдная дѣйствіемъ: поэтъ все еще взбирается въ гору, и мы не знали бы даже, какъ далеко онъ ушелъ, если бы намъ не сказали, что теперь полдень (sì che'l sol vicino Era a quel loco dove men ci à d'ombra), а первая встрѣча въ лѣсу была на зарѣ.—Новые образы представляются здѣсь поэту: прекрасная, богоподобная жена привѣтствуетъ его, миновавшаго великую опасность; Benedictus qui venis, повторяютъ за ней знакомыя ему души, хотя онѣ еще не успѣли распознать его. Кто эти двѣ величественныя богини? разспрашиваетъ онъ Костанцу.—Если ты помнишь святыя рѣчи Христа къ Марѳѣ и Магдалинѣ,—эти свѣтила должны быть тебѣ извѣстны: это Франческа, символъ созерцательной жизни, съ глазами устремленными къ солнцу, и Діана, символъ жизни дѣятельной, съ лукомъ и золотыми стрѣлами; въ нее-то влюбился Антоніо.—И Костанца начинаетъ пѣть святыя пѣсни псалмопѣвца, ей вторитъ поэтъ и безплотные хоры.

Видѣли-ли вы когда нибудь, какъ загорѣлый странникъ возвращается съ товаромъ изъ Севильи или Бейрута, и всѣ толпятся вокругъ него и разспрашиваютъ о великомъ пути, большіе и малые? Такъ обступили поэта блаженныя души, желая узнать, кто онъ. «О святая нимфа,—начала одна изъ нихъ,—любовь къ которой наполняетъ мое сердце, болѣе чѣмъ какая-либо другая; о Катерина, будь милостива къ этой душѣ, поддерживающей тѣло, изнуренное любовью. Онъ такъ владѣлъ моей дружбой, что, казалось, въ двухъ тѣлахъ жила одна душа. О великая милость, ниспосланная Богомъ, какъ ты была велика и совершенна! Преступный и лживый свѣтъ не былъ тебя достоинъ». Поэтъ слышитъ любезный голосъ, но блескъ ослѣпилъ его, какъ Цербера, когда, спасая Тезея, великій Геркулесъ извлекъ его изъ глухой пропасти ада. «Не ты-ли тотъ, кто зажегъ въ моемъ сердцѣ страстное желаніе твоего сообщества»? спрашиваетъ онъ, уже приглядѣвшись.—«Я тотъ, за кѣмъ ты такъ долго и неуклонно слѣдовалъ, отвѣчаетъ душа: я покинулъ грѣшный міръ, гдѣ рѣдко въ комъ возбуждаю любовную память; на землѣ осталась моя прекрасная оболочка, хотя и не заслуживающая такой похвалы, а чистый духъ перенесся въ святыя селенія». Пока она такъ говорила, воспламененныя небесною любовью души стремятся обнять поэта, частыя, какъ хлопья падающаго снѣга; и поэтъ пытается сдѣлать то же, но съ нимъ происходитъ что̀ съ Данте и Казеллой во

второй пѣснѣ Пургаторія: онъ обнимаетъ одинъ воздухъ. «О милый Джьованни,—утѣшаетъ его кто-то,—это не обманъ: я твой Антоніо, который въ послѣднія минуты, покидая тѣло, пенялъ на смерть, отнявшую весло у моей жизненной ладьи: крѣпкая и хорошо нагруженная она вела меня къ Минервѣ и Аполлону,—быть имъ извѣстнымъ превышаетъ всякую другую славу. А вотъ твой Алессандро, любившій тебя болѣе всего на свѣтѣ». Такъ говорила одна, а другая смотрѣла пристально, будто потерянная и внѣ себя. «О милая душа», сказала она, «которая была столь привязана ко мнѣ въ мятежномъ мірѣ, гдѣ все тлѣнно и конечно: я твой Алессандро, твое утѣшеніе; пойдемъ вмѣстѣ на нашу поляну, оставивъ позади всякій страхъ и нерадѣніе». Съ этими словами всѣ присоединяются къ священнымъ женамъ; къ нимъ пристали Франческа и Діана, и они начинаютъ подниматься далѣе.

Сцена нѣсколько просвѣтляется: какъ Данте, переходя изъ чистилища въ земной рай, мѣняетъ краски на болѣе игривыя и свѣтлыя, такъ и Джьованни ди Герардо идетъ теперь по зеленой травѣ съ бѣлыми и алыми цвѣтами: въ майскихъ вѣтвяхъ искрятся духи, будто огоньки или упавшія съ неба звѣзды; птицы поютъ въ густыхъ деревьяхъ и вѣтеръ, колыша ими, роняетъ внизъ цѣлый дождь цвѣтовъ. Издали доносится журчаніе воды и распространяется благовоніе. Въ этихъ чистыхъ водахъ, что̀ струятся отсюда справа до самыхъ окраинъ лѣса, ты долженъ омыться, говоритъ Костанца: иначе тебѣ не достигнуть нашей священной поляны. Уже отъ первой и второй стрѣлы ты излѣчился; теперь очисти свою душу, смой потъ съ усталыхъ членовъ: это необходимо для твоего спасенія. Вода эта—вода чудодѣйственная (Quell' aqua dolce è aqua di virtute): она не приноситъ забвенія, какъ Лета, но раждается изъ чистаго и прекраснаго источника, отъ котораго Геликонъ получилъ свое названіе.—И Костанца принимается толковать поэту планъ его аллегорическаго царства, съ темной стороной котораго мы уже познакомились: вмѣстѣ съ поэтомъ мы прошли лѣсъ смерти, за нимъ лежатъ области невоздержности, злобы и звѣрства; посреди лѣса гора, на ея вершинѣ священный источникъ; вода, выходя изъ него, огибаетъ его нѣсколько разъ, образуя круги; послѣдній захватываетъ самый лѣсъ. Намъ предстоитъ познакомиться съ содержаніемъ этихъ раздѣленій: самъ поэтъ пытался изобразить

ихъ графически, начертавъ на поляхъ рукописи нѣсколько концентрическихъ круговъ, написавъ въ срединномъ *Teologia seu poesis*, а въ слѣдующихъ за нимъ *Karitas*, *Fides*, *Spes*. Мы дополнимъ остальное со словъ поэмы. Въ центрѣ, у самаго источника, обитаетъ чудная богиня: «ты видѣлъ ее въ синей одеждѣ, цвѣта яхонта, одѣтую солнцами; выше звѣздъ поднимаетъ она свою голову,—она одна ведетъ къ вѣчности. Многіе называли ее неувядающею красавицей, но твой дорогой Данте назвалъ ее въ своей поэмѣ Беатриче, свѣтящейся между блаженными душами. Иные называютъ ее теологіей, но я разскажу тебѣ о ней поистинѣ. Ею сложились божественные законы, она открываетъ намъ небо, кто его создалъ, зачѣмъ и когда; ея посредствомъ мы проникаемъ туда, гдѣ блаженныя души (dei) созерцаютъ Вездѣсущаго; ее воспѣвали въ стихахъ и вымыслахъ іудейскіе поэты, ею полны еврейскіе мудрецы. Въ ея фигурахъ и притчахъ Христосъ возвѣстилъ свой законъ, и Евангелистъ Іоаннъ повѣдалъ то, чему научился, бодрствуя на лонѣ Спасителя. Сколько послѣдователей Христовыхъ прославилось ею въ свѣтѣ, сколько душъ они обратили, приведя ихъ къ Христу! Теперь тебѣ ясно, кто она: это святая, божественная поэзія, прекрасная, нѣжная, изящная, гордая; назови ее Беатриче или теологіей — это будутъ синонимы, а содержаніе одно, единственное для справедливо мыслящаго».— Отъ центра, гдѣ на высотѣ возсѣдаетъ Беатриче, спускаются ступень за ступенью три круга, занимаемые тремя богословскими добродѣтелями (virtù teologali): Фероніей—Вѣрой, Виредіей—Надеждой и Катериной—Любовью; еще ниже рѣка отдѣлила область другой священной царицы (santa reina), во власти которой находятся три круга: первый изъ нихъ, раздѣленный на четыре меньшія окружности, населенъ четырьмя нравственными добродѣтелями (virtù cardinali): Костанцой (постоянствомъ), Томмазой (умѣренностью), Маргеритой (справедливостью) и Джиневрой (благоразуміемъ); слѣдующій—богинями Квадривія, наконецъ третій—двумя прекрасными дѣвами, «къ которымъ изъ уваженія присоединили еще третью, такъ что ихъ—три звѣзды». Кто онѣ—поэтъ ближе не опредѣляетъ: можетъ быть Франческа и Діана, символы созерцательной и дѣятельной жизни? иначе имъ нѣтъ мѣста въ нашей космогоніи. Или богини Тривія, какъ Квадривію былъ отведенъ предъидущій кругъ? Кто, наконецъ, эта священная царица, подъ началомъ которой состоятъ, между прочимъ, Костанца

и ея сестры? У Франческо да Барберино *Onestà* или *Vertù* (добродѣтель) ведетъ за собою аллегорическихъ *Prudenza* или *Discrezione* (Джиневра), *Giustizia* (Маргерита), *Fortezza d'animo* (Костанца) и *Temperanza* (Томмаза); у Брунетто Латини всѣ онѣ являются дочерьми добродѣтели, *Virtù*. У нашего автора ничего подобнаго: какъ въ дантовскомъ земномъ раю вокругъ мистической колесницы пляшутъ дѣвы, три по одну сторону, четыре по другую, изображая собою богословскія и нравственныя добродѣтели, такъ и въ видѣніи Джьованни ди Герардо онѣ сидятъ всего ближе къ Беатриче—теологіи, и всѣ семеро вывели поэта изъ заповѣднаго лѣса къ священнымъ водамъ, гдѣ ему предстоитъ омыться.

Онѣ текутъ, журча по травѣ и цвѣтамъ; птицы носятся надъ ними, щебеча и выбирая упавшія вѣтки; когда солнце вступаетъ въ созвѣздіе Рака (іюнь-іюль) и печетъ всего сильнѣе, аллегорическія дѣвы купаются въ нихъ. Теперь онѣ вводятъ съ собою поэта; Костанца омываетъ ему лице, отчего его зрѣніе становится тоньше и онъ самъ способнѣе созерцать ея божественную красоту. Если выше въ своемъ пониманіи Беатриче онъ близокъ къ Боккаччьо, смѣшивая ее съ теологіей,—теперь его одолѣли земныя формы, и мы снова встрѣчаемся съ знакомымъ образомъ Цитеры, съ ланитами, подобныхъ которымъ не создавала природа, съ лицомъ, спорящимъ въ бѣлизнѣ съ восточными перлами и т. п., «и этой рукой, которая вытянула у меня сердце, когда я почувствовалъ первый ударъ любви, прежде чѣмъ мнѣ свершилось десять лѣтъ». Какъ въ Беатриче Данте, такъ и въ Костанцѣ аллегорія развилась на почвѣ дѣйствительныхъ житейскихъ отношеній, разумѣется если не предположить въ Джьованни ди Герардо простаго подражанія.

Между тѣмъ уже наступалъ вечеръ (alla sera Il tempo se'nva via coll' ali pronte), и другія души спѣшатъ войдти въ воду, съ ними Антоніо и Алессандро. Поэтъ смотритъ вдоль рѣки и видитъ Лію: она шествуетъ, плетя гирлянду, съ ней Гуальдрада, Пенелопа и Электра, Юлія и Марція, Аталанта, Нарциссъ и Ганимедъ; но описать всѣхъ не стало-бы силъ; съ другой стороны спускается Рахиль и за ней Юдиѳь, Эсѳирь и Кьяра, Кассандра и Раабъ, Павелъ, Антоній, Макарій и Василій. Самый выборъ спутниковъ указываетъ, что за Ліей и Рахилью остался старый дантовскій символизмъ созерцательной и дѣятельной жизни; хотя у поэта есть для той и другой свои собственные

образы и имена, Франческа и Діана, но воспоминаніе пересиливаетъ въ немъ порой желаніе самостоятельности, и старое смѣшивается съ новымъ. Такъ, когда всѣ вышли изъ воды, Костанца указываетъ ему два способа выбраться изъ долины: путь Діаны, тѣнистый и покрытый цвѣтами, и путь Франчески, крутой и неудобный; поэтъ избираетъ первый и идетъ слѣдомъ за божественными женами; съ ними *Діана и Лія.*

На какой высотѣ аллегорической горы находятся теперь наши спутники, сказать трудно: они еще не далеко отъ перваго круга или только-что прошли его (volgendo già del cerchio primo avanti). Слѣдующія за тѣмъ видѣнія поэта болѣе всего относятся къ содержанію Тривія, можетъ быть оправдывая предположеніе, сдѣланное нами выше относительно «двухъ прекрасныхъ дѣвъ»: вспомнимъ, что поэтъ поднимается отъ лѣса вверхъ, и что такимъ образомъ ихъ кругъ былъ ему по дорогѣ первый. Громкое ржаніе возвѣщаетъ Пегаса: «парнасскій звѣрь» несется по воздуху; у него ноги стальныя, на головѣ рога; онъ останавливается на рубежѣ того круга, гдѣ Этика научаетъ человѣка быть счастливымъ, т. е. гдѣ царятъ нравственныя добродѣтели; но потомъ новымъ полетомъ переносится между солнцемъ и звѣздами, гдѣ его украшаютъ золотою уздой и звѣздчатой попоной. Тысячи крылатыхъ духовъ, съ глазами посреди золотыхъ крыльевъ, распространяютъ свѣтъ и сладкую мелодію. «Ты не разспрашиваешь о томъ, что̀ такъ поразило твою фантазію, хотя и горишь желаніемъ узнать», говоритъ поэту Костанца: «смотри-же, будь внимателенъ: ты увидишь флорентійскихъ поэтовъ, идущихъ вдоль по святой рѣкѣ».—«О великая богиня, увидѣть зерцала новаго латинства (li specchi latini moderni),—это можетъ прославить малаго и великаго».—«Сынъ мой,—отвѣчала она,—какимъ сокровищемъ обладалъ твой городъ, пока они были живы! Но онъ не призналъ ихъ и пренебрегъ ихъ соединенной доблестью.... Смотри, вонъ уже идетъ тотъ, кто посланъ для твоего спасенія и своими добродѣтелями навлекъ на себя такую ненависть въ твоемъ отечествѣ. Но жалокъ и презрѣненъ тотъ, кого не ненавидятъ въ этомъ грѣшномъ мірѣ; и такъ будетъ до тѣхъ поръ, пока судная труба не зазвучитъ въ долинѣ Іосафата». И Костанца показываетъ поэту тѣни Данте, Петрарки, Боккаччьо и Заноби да Страта. «Тотъ, что̀ въ трехцвѣтномъ платьѣ (tripartita gonna—м. б. аллюзія на трехчленное дѣленіе

Божественной Комедіи?) покоится теперь въ Равеннѣ, при жизни онъ былъ большою опорой живущимъ; съ нимъ другой небесный духъ, котораго украсилъ лаврами тотъ, кто въ хорошее и ненастное время управлялъ Апуліей: я говорю о прекраснодушномъ Робертѣ; третій, прославившій Флоренцію, удостоился вѣнка изъ рукъ кипрскаго короля Гуго, и носилъ его съ честью, толкуя о лживыхъ языческихъ богахъ (разумѣется De genealogia Deorum) и показывая, гдѣ лежитъ истина; послѣдняго, о комъ ты желаешь узнать, произвела Страта, вскормила Флоренція и увѣнчалъ король Луиджи. Теперь тебѣ всѣ извѣстны, потому ускори шагъ, пока еще не скрылся сынъ Латоны». Поэтъ преклоняется передъ великими тѣнями, и Данте говоритъ ему такъ: «Ты избѣжалъ, милый сынъ мой, той юдоли, гдѣ люди теряютъ разсудокъ; благодари твою спутницу, она такъ милостива къ тебѣ и такъ радѣетъ о твоей славѣ. Мы были въ кругѣ Беатриче, созерцать которую—наше высшее блаженство, когда добрые духи, отъ которыхъ у васъ на землѣ исходитъ всякое первое побужденіе, прилетѣли съ пѣніемъ и такъ сказали: «О тѣни, своимъ блескомъ наполняющія небо! Изъ темной тропы Костанца вывела своего поклонника на эту поляну, къ первому кругу, со всѣхъ сторонъ обступившему холмъ. Онъ слышалъ ваши дивныя пѣсни, приведшія васъ къ такой славѣ, и, побуждаемый вашимъ примѣромъ, самъ пытается взобраться. Помогите ему достигнуть въ этой жизни побѣды и завершенія труда: такъ вы заслужите похвалы превыше небесъ, и Костанца вамъ будетъ благодарна. Исполните это, прежде чѣмъ зашло солнце». А мы отвѣчали: намъ слѣдуетъ исполнить ея волю, мы счастливы повиноваться ея велѣніямъ. Мы отправились не мѣшкая—и теперь здѣсь, готовые повести тебя къ высшей жизни». Какія рѣчи услышалъ тогда авторъ! Каждое ихъ слово — изреченіе, которое передать невозможно. Это напоминаетъ подобную-же смиренную фразу романиста.

Дальнѣйшее путешествіе поэта продолжается подъ руководствомъ не только Костанцы, но и самого Данте. Они видятъ тѣни знаменитыхъ ваятелей и живописцевъ: Фидій, Апеллесъ и Поликлетъ; Джьотто и Тамарисъ (?), «любезная дочь, объ руку съ своимъ отцемъ Михеономъ (?)»; Таддео Гадди [376]) и Андреа Орканья [377]) «изъ города краснаго знамени, въ рѣзьбѣ показавшій свой талантъ»; наконецъ Ахименъ и какой-то Кафаморій

(Cafamorio?). — Въ слѣдующемъ кругѣ помѣщены грамматики: слѣдомъ за Карментой, Папіасъ, Александръ, Грегизмъ (? Gregismo), Угуччьоне и Донатъ; въ области другой богини — философы, Данте пересчитываетъ ихъ поэту: здѣсь Вильгельмъ Оккамъ, Тисберъ [378]), Альбертъ Великій, Климентонъ [379]) и Берле [380]). Еще далѣе, и Данте объясняетъ, что они переступили въ новый кругъ и новое царство. «Я увидѣлъ здѣсь царицу, облеченную въ столь блестящія одежды, что утренняя звѣзда не свѣтится такъ ярко. Ей сопутствовали прекрасныя души, которыхъ имена мнѣ назвали ясно: здѣсь я увидѣлъ древняго Эрмагора, Горгія и другихъ Грековъ, Туллія, Квинтиліяна и Тиціана, старика Алана (ab Insulis), Пьера делле Винье и Луиджи Джянфильяцци, Алессандро делл' Антелла и Колуччіо, полнаго славы, потому что онъ славою вскормленъ. Сенну́ччьо (del Bene) не наглядится на эту богиню, Фаціо (дельи Уберти) еще не позабылъ любовныхъ вздоховъ. Всѣ они шли съ пѣніемъ, полные желанія».

Такъ внезапно кончается поэма. Окончена-ли она въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ—вотъ вопросъ. Частыя оплошности въ риѳмахъ и неясность аллегорической системы даютъ поводъ въ этомъ сомнѣваться: если только позволено назвать системой неотстоявшуюся смѣсь дантовскихъ отголосковъ, аллегорій, заимствованныхъ отъ квадривія, и верхушекъ классической науки— все это лишенное органическаго единства, безъ котораго немыслимо ни одно художественное произведеніе. Автору очевидно не достало творческой силы таланта, умѣющей сообщить плоть и кровь самымъ отвлеченнымъ образамъ фантазіи; но и болѣе того ему не доставало почвы народнаго преданія, а безъ него всякое произведеніе искусства должно явиться слабымъ и поблекшимъ. Если лица Божественной Комедіи представляются намъ живыми, полными силы и характера, то потому, что, выйдя изъ средневѣковой жизни съ ея вѣрованіями въ папство и имперію и легенды католичества и размѣстясь по ступенямъ дантовской трилогіи, они вмѣстѣ съ тѣмъ не вышли изъ своей жизненной роли: для нихъ исторія еще продолжается, они вѣрятъ и ненавидятъ и любятъ по прежнему,—воспоминаніями, надеждами, раскаяніемъ. Божественная Комедія—это необходимое продолженіе итальянскихъ среднихъ вѣковъ: ихъ идеальное восполненіе, народный судъ надъ лицами и событіями, передъ которымъ сами осужденные могли-бы

преклониться, потому что онъ отвѣчалъ ихъ страхамъ и надеждамъ, подѣлившимся между Раемъ, Чистилищемъ и Адомъ. Это произведеніе въ полномъ смыслѣ символическое, какъ и все самобытно развившееся изъ народной миѳической фантазіи, на почвѣ которой оно выросло. Говорить о поэмѣ Данте, усиленно указывая на ея аллегоріи, мы положительно не можемъ. Аллегорія предполагаетъ нѣчто исключительно личное, она является, когда самобытность народной фантазіи замутилась, единство преданій и повѣрій подалось передъ неорганическими вторженіями и чуждыми культурными струями, которыя ведутъ за собою неизбѣжный разрывъ между поэтомъ и народомъ, знаменующій новое время. Таковъ былъ между прочимъ одинъ изъ результатовъ классическаго возрожденія. Если-бы въ XV-мъ вѣкѣ кому нибудь вздумалось повторить путешествіе Данте, ему пришлось-бы отказаться отъ легенды и католической трилогіи, отъ ужасовъ смерти и блаженствъ рая, которыми населило ее народное воображеніе: они никого-бы не заинтересовали, чего добраго Никколи затѣялъ-бы споръ о монашескихъ бредняхъ, да и самъ поэтъ имъ не вѣритъ и не понимаетъ; отдалившись, народъ унесъ съ собою свои преданія и поэтическій символизмъ своихъ вымысловъ. Что остается дѣлать поэту? Онъ предоставленъ самому себѣ; аллегорія есть попытка чисто личнаго символизма. Такова поэма Джьованни ди Герардо, аллегорическая и личная, пытающаяся замѣнить новостью изобрѣтенія пластическую красоту и прозрачность старыхъ народныхъ образовъ. Но ихъ ни чѣмъ не замѣнишь, и самъ поэтъ это чувствуетъ: вотъ почему онъ такъ старательно обставилъ свою поэму глоссами, заголовками и примѣчаніями на поляхъ, чтобы растолковать другимъ, что̀ можетъ быть ему самому представлялось неясно; вотъ почему, назвавъ Діаной и Франческой символы дѣятельной и созерцательной жизни, онъ незамѣтно возвращается потомъ къ именамъ Ліи и Рахили, освященнымъ преданіемъ и примѣромъ Данте. Напрасный трудъ: ему не выйдти изъ аллегоріи, какъ ни перекладываетъ онъ въ стихи всѣ семь свободныхъ искусствъ; его Беатриче стала чистой аллегоріей, она поэзія и теологія вмѣстѣ, въ ней нѣтъ ни кровинки; самъ Данте, что̀ вернулся живымъ изъ царства грѣшныхъ и блаженныхъ людей, обратился теперь въ какую-то тѣнь, и служитъ другимъ какъ чичероне, путаясь въ словахъ, будто долгое молчаніе въ самомъ дѣлѣ отняло у него способность связной рѣчи (Chi per

lungo silenzio parea fioco. Dante).—Однимъ словомъ поэма не могла удасться, и можетъ быть потому и не кончена, что явилась слишкомъ поздно.

За эпохой поэтическихъ видѣній и путешествій на тотъ свѣтъ, наступаетъ пора новеллы съ Боккаччьо, Саккетти, сэръ Джьованни, Банделло и цѣлымъ рядомъ разсказчиковъ, разработывавшихъ этотъ родъ съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Но веселаго общества Декамерона, съ его бесѣдами, остротами и декораціей, никому послѣ Боккаччьо не удалось воспроизвесть. Какъ бѣденъ замыселъ сэръ Джьованни, какъ несбыточны придуманные имъ разговоры между сестрой Сатурниной и фра Ауретто! Саккетти даже позабылъ связать свои новеллы какимъ нибудь общимъ планомъ. Мы думаемъ, что въ своемъ романѣ нашъ авторъ имѣлъ въ виду воспроизвесть общество Декамерона, которому должно было отвѣчать общество Парадизо; но и этотъ трудъ остался неоконченнымъ, подобно поэмѣ, потому что подражательный, лишенный самобытности. Страстно преданный народно-поэтической школѣ, горячій поклонникъ Данте, Петрарки и Боккаччьо, Джьованни ди Герардо представляется намъ какимъ-то археологомъ въ поэзіи: его привязанности какія-то старосвѣтскія, запоздалыя; общество вышло на новые пути, а онъ усиленно старается вложить жизнь въ почтенныя формы древности, наивно ихъ копируя, и мы не колеблясь признали его портретъ въ томъ педантѣ, широковѣщательномъ и немного напыщенномъ, который встрѣтился на дорогѣ автору знакомаго намъ риккардіанскаго poemetto (cod. riccard. 2254). Онъ возвращался изъ Прато, озабоченный нравственностью своего молодаго, красиваго спутника; вдругъ, о ужасъ, на встрѣчу ѣдетъ Акветтино. (*)

La vesta sua d'un drappo di Soria
Del color propio di quello alimento
Che sopr'a tutti tien sua signoria;

Ahi quanto pare pien d'ogni ardimento!
E prima che mia vista il comprendesse,
Sospeso si fermò mirando attento.

---

*) «Одежда его изъ Сирійскаго сукна, цвѣта той стихіи, что̀ владычествуетъ надъ всѣми (т. е. огненнаго). Какимъ отважнымъ онъ казался! Прежде чѣмъ я

I'non pensai perchè quel ciò facesse,
Ma seguitando pur nostro cammino
Fiso miravo se io lo conoscesse:

Ma quando tanto fui fatto vicino
Che la mia vista aperto lo comprese
Siccom'egli era il poeta Acquettino,

«Ohimè, lasso, qui non fia difese»,
Fra me incominciai: |«però ch' ogni arte
E' sottoposta a lui sanza contese».

E come presso fummo a quella parte
Là dove fermo avea il suo destriero,
D'esso smontato da lui si diparte,

E a noi giunto a mezzo del sentiero
Incominciò: «Colui, la cui virtute
Tutto tien sottoposto a suo impero,

Vi doni tanta della sua salute
Quanto disian quelle belle membra
Che tutte altre bellezze tengon mute.

Le qua'mirando la mente rimembra
Del bel Narcisse e del bel Pulidoro,
D'Ipolita, e di Leda i figli assembra:

Non perch'io creda che nessun di loro
A te, caro signor, mai fusse uguale,
E però sopr'a ogni altro Iddio t'adoro.

O faretrato Iddio che porti l'ale,
I'(ti) ringrazio di sì alto dono
Non conceduto mai a uom mortale!

распозналъ его, онъ остановился, внимательно вглядываясь. Я не понималъ, почему онъ это дѣлаетъ, и продолжалъ путь, вглядываясь въ свою очередь; и лишь на близкомъ разстояніи увидѣлъ, что это поэтъ Акветтино. «Боже, какое несчастье», сказалъ я про себя, «тутъ нѣтъ спасенья: всякое искусство ему подручно». Когда подъѣхали мы къ мѣсту, гдѣ онъ остановилъ свою лошадь, онъ слѣзъ съ нея и, выйдя къ намъ на средину дороги, такъ началъ. «Тотъ, кто все содержитъ въ своей власти, да пошлетъ вамъ, чего пожелаютъ эти прекрасные члены, передъ которыми ничто всякая другая краса. Дивясь на нихъ, я вспоминаю Нарциса, Полидора, Ипполита и сыновей Леды, но не потому, чтобы кто-нибудь

Costui fia quello per cui il dolcie sono,
Qual'io compresi appiè del bel Parnaso,
Cantando moverò con alto tono;

E il già guasto Elniconico vaso
Per lui si spanderà con quel valore
Che mi fa degno di sì alto caso.

Ma perchè si confonda (sic) che tal signore
Si truovi in compagnia d'un tanto vile,
Che sia diminuzion di suo onore,

Pregare ardisco il tuo aspetto umile
Ch'a me concieda sì alta amistade,
Qual si conface solo ad uom gentile:

Ch'io ti prometto per la deitade
Che pria con doglia abbracciò'l verde lauro,
Che se ciercasse l'Arboree contrade

Insino all' Istro (cod. Ustro) e al mar Indo, al Mauro,
Non troveresti alcun di me piu degno
Di tanto illustre e nobile tesauro».

E poi rivolto a me con fiero sdegno:
«Partiti, disse, d'esto loco, e lascia
Costui, qual fia sempre di me sostegno».

Io non rispuosi, ma al core un'ambascia
Subita giunse, e'ntorno agli occhi un velo
Di lagrime si fe'com'una fascia.

изъ нихъ могъ сравниться съ тобою, дорогой властелинъ мой, которому я покланяюсь какъ божеству. О крылатый богъ, вооруженный колчаномъ, благодарю тебя за столь высокій даръ, недостижимый для смертнаго: для него я стану пѣть пѣсни, какимъ научился у подножья Парнаса, и засорившійся источникъ Геликона потечетъ такъ роскошно, что я стану достоинъ высокаго счастья. Но какимъ образомъ такой господинъ находится въ обществѣ столь низкомъ? Это умаляетъ твою честь, и я осмѣливаюсь просить твоей дружбы, которую ты долженъ оказывать лишь людямъ благороднымъ. Клянусь именемъ божества, впервые съ плачемъ обнявшаго зеленый лавръ (т. е. Аполлона), что ни у Гиперборeевъ, ни на всемъ протяженіи между Истромъ и Индѣйскимъ и Мавританскимъ морями, ты не найдешь никого, кто-бы болѣе меня достоинъ былъ обладать такимъ сокровищемъ».—Затѣмъ, обратившись ко мнѣ: «Пойди прочь,—

Ma quel per cui dell'amoroso telo
Ferito fui da quell'alto signore,
La cui virtù conducie al terzo cielo,

Rivolto incominciò co'tal tenore:
«O degna fronte dello illustre serto,
Composto dalle nove (cod. nuove) sante suore,

I'ntesi ben vostro parlar coperto.
Vo'comandasti che costui abbandoni
E segua voi, profferendo gran merto;

Ma io vi giuro per gli eccelsi troni
Ch'a ciò ogni fatica sarìa vana:
Non che degni non sieno i vostri doni,

Ma perchè il mio cor serve Diana
Ch'è contraria al signor il quale vi muove.
Non dico più, però che chi la spiana

La guasta, e però qui le vostre pruove
Nulla varrieno: onde'l vostro cammino
Seguite, ch'io vi raccomando a Giove».

Chi avesse veduto l'Acquettino
Istupefatto al suon di ta'parole
E poi ricominciare il suo latino,

сказалъ онъ надменно и гнѣвно,—и оставь того, кому суждено быть моей опорой». Я ничего не отвѣчалъ, сердце мое сжалось, и глаза заволокли слезы; но тотъ, кто поразилъ меня стрѣлою Амура, властвующаго на третьемъ небѣ, такъ отвѣчалъ къ нему обратившись: «О ты, чье чело достойно славнаго вѣнка, сплетеннаго святыми музами! Я хорошо понялъ твои двусмысленныя рѣчи. Ты хочешь, чтобы я его оставилъ и послѣдовалъ за тобою, и сулишь большія награды. Но, клянусь небомъ, твои усилія напрасны: не потому чтобы твои дары были недостаточны; но мое сердце служитъ Діанѣ, а она враждебна богу, который тобою движетъ. Больше я ничего не скажу, потому что кто поясняетъ, только портитъ. Итакъ продолжай свой путь, я поручаю тебя Зевсу». Кто посмотрѣлъ-бы въ ту пору на Акветтино, ошеломленнаго такими словами, тотъ посмѣялся-бы; онъ еще нѣсколько разъ принимался говорить, но видя что напрасно, предпочелъ свернуть паруса и отправился далѣе, проклиная солнце и обѣщая сжечь всѣ свои творенія».

Arebbe riso: chè tutte eran fole,
Perchè diliberò raccor le sarte
E dipartissi bestemiando il sole,
Disposto in tutto d'arder le sue carte.

Видно онъ плохо исполнилъ свое намѣреніе, потому что изъ оставшихся бумагъ намъ удалось извлечь то немногое, что̀ вообще мы знаемъ о ихъ авторѣ.

VI.

НОВЕЛЛЫ.

Наша рукопись, какъ мы уже сказали, заглавія не имѣетъ; удаченъ-ли выборъ нашего заглавія,—пусть судитъ читатель: раздѣленное между аллегорическимъ путешествіемъ въ царство Венеры, хожденіемъ къ святымъ мѣстамъ Казентино, Флоренціей и виллой Альберти, дѣйствіе романа здѣсь окончательно успокоивается; сюда собралась бо́льшая часть общества, здѣсь разсказываются самыя веселыя новеллы, идутъ самые интересные разговоры. Намъ могутъ замѣтить, что названіе *романа* употреблено нами въ современномъ смыслѣ, которому нѣтъ примѣровъ въ староитальянской литературѣ, гдѣ *romanzo* означало нѣчто совершенно другое. Но всякій пойметъ, что обозначеніемъ новеллъ мы ограничиться не могли, когда дѣло не столько въ нихъ, сколько въ той романической канвѣ, куда онѣ вставлены. Читатель во всякомъ случаѣ предупрежденъ, что названіе *романа* принадлежитъ намъ.

Дать отчетъ въ критическихъ правилахъ, руководившихъ нами при изданіи итальянскаго текста, мы находимъ тѣмъ болѣе неумѣстнымъ, что самаго текста не будетъ передъ глазами русскаго читателя. Мы сказали объ этомъ подробно въ нашемъ итальянскомъ изданіи и здѣсь намѣрены ограничиться лишь самыми общими указаніями. Дѣло шло о передачѣ автографа; помимо него у насъ не было ни одного списка, который могъ-бы послужить намъ подспорьемъ. Это какъ будто облегчало задачу, но вмѣстѣ съ тѣмъ и затрудняло ее: правописаніе автора не вездѣ ровное, иногда приближающееся къ латинскому, иногда къ современному итальянскому, отъ котораго впрочемъ онъ часто отступаетъ, удваивая согласныя t, l, m, n, p и т. п., гдѣ

того не требуетъни этимологія, ни орѳографическій usus, и наоборотъ, не удваивая ихъ, гдѣ слѣдуетъ. Видѣть во всемъ этомъ описки мы не могли, онѣ слишкомъ часты; съ другой стороны, знакомство автора съ латинскимъ употребленіемъ не позволяетъ намъ отнести ихъ на счетъ его невѣжества. Скорѣе всего видѣть въ этихъ странныхъ аномаліяхъ отголосокъ современнаго говора, слышнаго и теперь; такъ пристрастіе автора къ *ch*, которымъ онъ замѣняетъ *c*, обличаетъ извѣстный всѣмъ флорентинизмъ произношенія. Между всѣми эти соображеніями предстояло выбрать средній путь, чтобы и сохранить характеръ автографа, и удалить тò нехарактерное, чтò ненужнымъ образомъ пестрило-бы текстъ. Воспроизвесть съ дипломатическою точностью памятникъ XV-го вѣка—объ этомъ не могло быть и рѣчи, потому что филологическая добыча могла быть только скудная. Разумѣется, мы бережно сохранили все, чтò носило печать діалекта, мѣстности и т. п., и писали вмѣстѣ съ авторомъ: *obrigato* (obligato), *sprendide* (splendide), *enimica* (inimica), *metamatica* (matematica) и т. п.

Перейдемъ къ новелламъ.

Новелла I: О началѣ города Прато (кн. II, стр. 102—171). По взятіи Троянскаго города Пидазонта, Улиссъ встрѣчаетъ въ толпѣ плѣнниковъ Мелиссу, дочь царя Пидазія, и женится на ней, обѣщая ей, что она будетъ не рабыней, а подругой его Пенелопы. Не долго прожила Мелисса: родила дочку, которую назвала своимъ именемъ, и умерла, оплакиваемая всѣми. Съ тѣхъ поръ всѣ мысли Улисса обратились къ дочери. Между тѣмъ Троя взята, и пришло для Грековъ время возвращаться во-свояси. Послѣ долгихъ блужданій Улиссъ пристаетъ къ острову Цирцеи. Нѣжная любовь отца къ юной Мелиссѣ возбуждаетъ ревность волшебницы; на пиру она подаетъ ей одной очарованный напитокъ, отъ чего Мелисса обращается въ ястреба (sparviere, голубятникъ) и улетаетъ на виду у всѣхъ. Отецъ неутѣшенъ. Здѣсь собственно начинается сказка. Съ теплымъ вѣтромъ, поднявшимся отъ песковъ Эѳіопіи, ястребъ—Мелисса доносится до вершинъ древняго Фьезоле; понуждаемый голодомъ, охотясь за дроздомъ вдоль по рѣкѣ Муньоне, онъ схватилъ-было свою жертву надъ водою, но самъ попалъ въ нее, не разсчитавъ полета и запутавшись въ побережномъ кустарникѣ. Такъ находился онъ между жизнью и смертью, какъ неожиданно приспѣла помощь. Былъ въ то время царемъ Этрусковъ Камерій; онъ очень уважалъ божество благотворнаго Яна и каждый годъ обсылалъ его святилище, на око-

нечности Лигуріи, гдѣ теперь Генуя (Giano—Gianova). Случилось такъ, что въ то самое утро, когда Мелисса попала въ волны Муньоне, четыре царственные юноши, посланные Камеріемъ къ святилищу Яна, проѣзжали мимо: Лаэртъ, Целій, Септимій и Резій. Лаэртъ, ѣхавшій впереди, первый увидѣлъ выбивавшагося въ надводныхъ кустахъ ястреба и умолилъ спутниковъ высвободить его. Целій, ѣхавшій къ нему всего ближе, тотчасъ-же бросился въ воду и высвободилъ изъ кустовъ полумертвую птицу. Тутъ подошелъ разумный Септимій, призналъ, что ястребъ хорошій, калабрійской породы, и побуждалъ Целія позаботиться о немъ, осушить и отогрѣть его. Когда прибыли они потомъ на стоянку, Септимій опять напомнилъ о ястребѣ; посмотрѣли, а тотъ еле живъ. Тогда Резій крикнулъ хозяину, нѣтъ-ли у него какой живой птички, чтобы покормить ястреба. Пока ходили за кормомъ, подошли съ горъ крестьянки, предлагая въ корзинахъ померанцы, цвѣтущій шафранъ и пахучую мелиссу (тельникъ, маточникъ). Резій беретъ въ руки померанецъ и нѣсколько листовъ мелиссы и шафрана; ястребъ—Мелисса, полагая что ему принесли кормъ, едва дотронулся клювомъ до соименной травы, какъ принялъ свой прежній образъ красивой дѣвушки. Что за обладаніе ею будутъ спорить четыре юноши, понятно изъ самаго хода разсказа: Лаэртъ первый увидѣлъ ее, Целій высвободилъ изъ воды, Септимій заботился о ней, наконецъ Резій, хотя и случайно, возвратилъ ей человѣческій образъ. Латинская помѣтка автора на поляхъ рукописи выражаетъ это такъ: *Visio Laertis*, *Celii captio*, *Settimii memoria*, *Resii redditio*. Кому изъ нихъ достанется дѣвушка?

Мы имѣемъ дѣло съ старой индоевропейской сказкой, распространенной въ разнообразныхъ редакціяхъ отъ преданій Индіи, отъ Шиддикюръ и Тысячи и одной ночи, до Мадагаскара и европейскаго сѣвера. Первообразъ ея мы думаемъ найдти въ извѣстной сказкѣ *о благодарныхъ звѣряхъ*, сопутствующихъ герою и помогающихъ ему въ его предпріятіяхъ; на болѣе поздней, антропоморфической степени развитія, которая также закрѣплена во множествѣ пересказовъ, звѣри помощники обращаются въ дивныхъ людей, одаренныхъ необычайными качествами силы, прозорливости, слуха, и становящихся въ такія-же служебныя отношенія къ герою, въ какихъ прежде стояли звѣри. Отсюда легко было выработаться третьей формѣ сказанія, отмѣчающей переходъ отъ миѳологической точки зрѣнія къ исторической: вмѣ-

сто героя, сопровождаемаго въ своихъ подвигахъ какими-то чудными существами, сверхъестественными силами, являются нѣсколько героевъ, дѣйствующихъ сообща и взаимно восполняющихъ другъ друга то особою, присущею имъ силою, то какимъ-либо особымъ умѣньемъ. Какъ видно, и на этой степени формальнаго развитія сказочные типы могли принять различныя формы, смотря по тому, на сколько ими овладѣло болѣе человѣческое, историческое пониманіе жизни: сказочные братья-герои являются иногда обладателями чудесныхъ талисмановъ, за которыми они ходили на поиски и которые сообщаютъ имъ такую-же сверхъестественную способность видѣть что-нибудь на далекомъ разстояніи, легко переноситься съ мѣста на мѣсто и т. п., какую въ предъидущемъ разрядѣ сказокъ обнаруживаютъ таинственные помощники одинокаго героя, замѣнившіе благодарныхъ звѣрей первобытной редакціи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ сила еще приходитъ къ герою или героямъ извнѣ, въ магическомъ талисманѣ, либо чудесныхъ помощникахъ—таковъ характеръ нѣкоторыхъ восточныхъ редакцій; но она-же можетъ развиться изъ самого человѣка, путемъ труда и опыта—и вотъ на мѣсто братьевъ-героевъ, сильныхъ волшебною помощью талисмановъ, являются братья художники, семь Семіоновъ, каждый изъ нихъ ходилъ въ науку, научился какому нибудь ремеслу и сталъ мастеромъ своего дѣла. Миѳическая почва незамѣтно перешла въ историческую и продолжаетъ отзываться только въ подробностяхъ, какія сообщаются о хитромъ мастерствѣ и снаровкѣ братьевъ-художниковъ. Обыкновенно выказывается то и другое на подвигѣ, предпринятомъ сообща: иногда надо бываетъ достать себѣ пропитанье, иногда оживить дѣвушку, тигра, льва, кого другаго; или освободить свѣтлую красавицу, похищенную темною силой. Иногда является тутъ третье лице, царь, для кого и добывается красавица; но большею частью братья не руководятся чужими интересами и дѣйствуютъ сами собою, одинъ помогая другому своимъ особымъ умѣньемъ, такъ что и обойтись имъ одному безъ другаго невозможно, и изъ общаго дѣла ни одной силы не выкинуть. Понятно, что, когда предпріятіе удалось, поднимется вопросъ, кому должна принадлежать красавица; каждый предъявитъ одинаковое право и укажетъ на свое участіе въ дѣлѣ, безъ чего и самое дѣло не состоялось-бы,—и начнется между ними безконечный споръ.

Всѣ указанныя разновидности сказанія встрѣчаются въ индѣй-

скихъ источникахъ, или въ такихъ, которые съ достовѣрностью могутъ быть къ нимъ возведены.

Комментируя 11-й разсказъ I-й книги Панчатантры, гдѣ сынъ царя, купца и ученаго отправляются на гору Рохана добывать драгоцѣнныхъ камней, Бенфей (Pantschatantra, II, § 104 и 232) сличаетъ между прочимъ повѣсть изъ Mackenzie Collection, I, 321, о приключеніяхъ принца Срингарасекхара и его трехъ пріятелей, сыновей министра, банкира и продавца опьяняющихъ напитковъ, изъ которыхъ послѣдній оживляетъ отравленнаго принца. То же самое отношеніе находитъ Бенфей между разсказомъ Панчатантры и 18-й главой Калилы и Димны по рецензіи Сильвестра де Саси, за которой трудно не признать индѣйскаго прототипа. Сообщаемъ здѣсь ея содержаніе по переводу Вольфа и съ отмѣнами стараго греческаго пересказа, извѣстнаго подъ названіемъ Стефанита и Ихнилата. Философъ Бидпай разсказываетъ царю Дабшелиму: четверо юношей встрѣтилось на дорогѣ; одинъ царскій сынъ, другой купеческій, третій—красивый собою — сынъ именитаго человѣка, четвертый—сынъ крестьянина. Бѣдные и несчастные, у нихъ только и было своего, что̀ одежда. Идя путемъ-дорогою, они говорили о своихъ дѣлахъ, и каждый выразилъ свое мнѣніе. «Все въ свѣтѣ зависитъ отъ Бога,—сказалъ царевичъ:—что̀ суждено человѣку, то съ нимъ и приключится; потому лучше всего отдаться на волю Божію, съ терпѣніемъ ожидая, что̀ выйдетъ». Сынъ купца былъ другаго мнѣнія: для него выше всего благоразуміе, какъ для дворянскаго сына—красота, для крестьянскаго—трудъ. Достигши города Метрунъ (Methrun, Mathrun, въ которомъ Бенфей призналъ санскр. Mathurа; въ греческомъ текстѣ городъ не названъ), они сѣли держать совѣтъ и рѣшили, чтобы крестьянскому сыну на первый день позаботиться о пищѣ для всѣхъ. Онъ отправился въ городъ и ноской дровъ, товара, который тамъ всего дороже цѣнился, заработалъ диргемъ. Купивъ на него съѣстнаго, онъ выходя написалъ на городскихъ воротахъ: физическимъ трудомъ человѣкъ заработываетъ въ день диргемъ (въ греческомъ текстѣ: Μιᾶς ἡμέρας μόχθος ἄνδρας ἐκόρεσε τέσσαρας).

На слѣдующій день досталось идти красивому человѣку: незная, какимъ способомъ достать денегъ, онъ задремалъ, прислонясь къ дереву. Такъ увидѣла его жена одного изъ именитыхъ людей города и, плѣнившись его красотой, велѣла позвать. Съ ней онъ весело провелъ весь день и, возвращаясь съ 500-ми

диргемами, не забылъ помѣтить это на воротахъ города (въ греческомъ: μιᾶς ἡμέρας κάλλος τροφὰς ἀνδράσιν ἐφωρήγησε τέσσαρσιν (?).)—Благоразумный разсчетъ купца доставилъ ему 100000 диргемовъ (Ibid. ἡ ἐμπορία μιᾶς ἡμέρας ὠφέλησε χίλια νομίσματα). Послѣднему досталось идти царевичу; сидя у городскихъ воротъ, онъ видитъ, какъ несутъ хоронить царя той страны, умершаго безъ наслѣдниковъ. Всѣ въ горѣ, онъ одинъ не плачетъ; схваченный и спрошенный о причинахъ такой несвоевременной веселости, онъ объявляетъ себя сыномъ Февиранскаго царя (греч. текстъ: υἱὸς Σανταμᾶν τοῦ βασιλέως), убѣжавшимъ отъ козней брата; вслѣдствіе этого его избираютъ царемъ, садятъ на бѣлаго слона и, по обычаю страны, водятъ по городу. На воротахъ онъ читаетъ надписи своихъ спутниковъ, къ которымъ велитъ прибавить свою: что трудъ, красота и благоразуміе, и все, что̀ хорошаго или дурнаго приключается въ свѣтѣ человѣку, все находится въ рукахъ божественнаго Провидѣнія, какъ подтвердилось на немъ. См. Das Buch des Weisen in lust und lehrreichen Erzählungen des indischen Philosophen Bidpai, aus dem arabichen von Philipp Wolf, 2 Auflage, 2 Theile. Stuttgart, Scheible 1839; 2-er Theil pp. 108—122, Vierzehntes Buch: Der Königssohn und seine Freunde.—Specimen sapientiae indorum veterum, id est liber ethico—politicus pervetustus, dictus Arabice Kylile et Dihmne, graece Στεφανίτης καὶ Ἰχνηλάτης. Nunc primus ex Ms. cod. Holsteiniano prodit cum versione nova latina, opera Sebast. Gottofr. Starkii. Berolini sumtibus Ioh. Michael. Rüdigeri и т. д. 1697: Sectio duodecima, pp. 453—67.—Замѣтимъ, что и разсказъ Панчатантры кончается возведеніемъ на царство сына царя.

Другая повѣсть Панчатантры V, 4, также комментированная Бенфеемъ (Pantschat. I, § 204), еще ближе къ указанному нами сказочному мотиву. Изъ четырехъ сыновей брамина трое научены всѣмъ наукамъ, но лишены благоразумія; у четвертаго много благоразумія и нѣтъ науки. Они находятъ въ лѣсу львиныя кости: одинъ сложилъ ихъ, другой одѣлъ тѣломъ и кожей, третій оживилъ ихъ; но благоразумный счелъ за лучшее влѣзть на дерево и такимъ образомъ спасся, потому что ожившій левъ умертвилъ всѣхъ остальныхъ.—Въ Веталапанчавиншати мѣсто льва занимаетъ тигръ, въ Бахаръ-Данушъ (II, 290)—корова; въ (персидскомъ) Тути-намэ̀ Кадири (Iken, V, 37) и въ турецкомъ по изданію Розена (I, 151)—дѣвушка: столяръ сдѣлалъ ее изъ дерева, золотыхъ дѣлъ мастеръ украсилъ драгоцѣнно-

стями, портной одѣлъ, отшельникъ вдохнулъ въ нее душу; всякій, кто только видитъ красавицу, изъявляетъ на нее свои права, и затрудненіе неизвѣстно какъ-бы разрѣшилось, еслибы не разверзлось дерево, къ которому прислонилась дѣвушка, и не поглотило ее.—Въ четвертой сказкѣ попугая персидскаго Тути-намэ мотивъ оживленія замѣненъ другимъ: на сценѣ трое юношей; одинъ изъ нихъ предвидитъ будущее и умѣетъ находить потерянныя вещи; у другаго деревянная лошадь, на ней онъ носится по воздуху, куда пожелаетъ; третій—стрѣлокъ, никогда не минующій цѣли. Они открываютъ и скрадываютъ красавицу, которую волшебница стерегла на неприступной горѣ и, какъ всегда, вступаютъ въ споръ за обладаніе своею добычей.—И здѣсь оригинала слѣдуетъ искать въ индѣйскомъ Шукасаптати, изъ котораго потекла турецкая и персидская редакція Тути-намэ.

Ближе къ турецкому пересказу—Арджи Борджи, монгольская передѣлка санскритскаго Викрамачаритра. Четверо юношей пасли свои стада въ одномъ мѣстѣ; случилось, что одинъ изъ нихъ пришелъ раньше и, чтобы дать знать своимъ товарищамъ, что онъ былъ здѣсь, сдѣлалъ изъ дерева фигуру женщины. Второй окрасилъ ее въ желтый цвѣтъ, третій добавилъ характеристическіе знаки (gab ihr noch die charakteristischen zeichen), четвертый сообщилъ душу. Когда между ними затѣвается извѣстный споръ, Наранъ-Дакини, которой Викрамадитья разсказываетъ все это, чтобы вывести ее изъ молчанія, рѣшаетъ въ пользу послѣдняго, сравнивая перваго съ отцемъ, втораго съ матерью, третьяго съ ламой или отцемъ духовнымъ, четвертаго съ мужемъ,—ему и должна принадлежать красавица. См. Bernhard Jülg, Mongolische Märchen. Die neun Nachtrags-Erzählungen des Siddhi-kür und die Geschichte des Ardschi—Bordschi Chan, pp. 101—2: Die hölzerne Frau, и относящееся сюда примѣчаніе. Бенфей сравниваетъ съ этимъ чешскую сказку Moudry Zlatnik; роль молчаливой Наранъ-Дакини играетъ царевна, у которой чары отняли языкъ. Придя въ ея покои, Радошъ становится передъ ея портретомъ и говоритъ: «Rozhodni ty, obraze krásný, krutý boj, jenž se v hradé tem vede; rězbař udělal pannu, krejčí na ni ušil šaty, ale mluvec jí dal řeč. Komu nyní ta panna náleží?» И царевна отвѣчала: «Komu by náležela, než mluvci, který jí dal řeč?» См. Sebrané spisy Boženy Němcové, V Díl: Národní báchorky a pověsti, стр. 159—167.

Изъ разсказовъ Шиддикюръ, монгольской передѣлки санскритскаго Веталапанчавиншати, относится сюда первая повѣсть.

Шестеро юношей, сыновья разныхъ отцевъ, покидаютъ родительскій домъ и идутъ странствовать. Достигнувъ устьевъ шести рѣкъ, они расходятся въ разныя стороны, искать счастья, но передъ разставаньемъ каждый изъ нихъ садитъ дерево у устья рѣки, вдоль которой намѣренъ идти. Они обѣщаютъ другъ другу сойтись въ данномъ мѣстѣ и кладутъ зарокъ, что, если кто-нибудь изъ нихъ не вернется, или его дерево завянетъ, всѣ отправятся его искать. Первый изъ молодыхъ людей, сынъ богатаго человѣка, женится на красавицѣ, но она приглянулась могучему хану, тотъ велитъ убить мужа и похоронить его подъ скалою. Между тѣмъ его товарищи вернулись по уговору, увидѣли увядшее дерево и отправляются на поиски. Сынъ счетчика разсчиталъ, что ихъ спутникъ погребенъ подъ такой-то скалою; сынъ кузнеца раскололъ ее, сынъ врача воскресилъ покойника живительнымъ напиткомъ; сынъ столяра сдѣлалъ изъ дерева Гаруду (миѳическая птица), которую сынъ живописца раскрасилъ. Въ нее садится сынъ богатаго и летитъ во дворецъ хана, который поручаетъ похищенной дѣвушкѣ кормить чудную птицу. Вскорѣ мужъ и жена узнаютъ другъ друга и бѣгутъ при помощи Гаруды къ поджидавшимъ спутникамъ, но тѣ въ свою очередь влюбляются въ красавицу; каждый изъ нихъ хотѣлъ-бы имѣть ее своею, но имъ только удается разорвать ее на части. См. Die Märchen des Siddhi-kür. Kalmükischer Text mit deutscher Uebersetzung und einem Kalmükisch—deutschen Wörterbuch, herausgegeben von B. Jülg. Leipzig, Brockhaus. 1866.

Въ слѣдующихъ восточныхъ редакціяхъ то же содержаніе мотивируется нѣсколько иначе; мы имѣемъ въ виду 236-й разсказъ Тысячи и одной ночи: Исторія принца Ахмеда и Феи Пари-Бану. Трое сыновей султана, Гуссейнъ, Али и Ахмедъ влюбляются въ свою двоюродную сестру, прекрасную Нуруннихаръ. Отцу не удается ихъ согласить, ни убѣдить ихъ отдаться на судъ принцессы; съ другой стороны—онъ не рѣшается отдать кому-нибудь изъ нихъ преимущество передъ другими. Потому онъ посылаетъ ихъ странствовать, обѣщая отдать красавицу тому, кто привезетъ ему черезъ годъ самую рѣдкую и невиданную диковинку. Всѣ трое отправляются, переодѣтые купцами. Гуссейнъ, прибывъ въ царство Биснагаръ, пріобрѣтаетъ за громадныя деньги коверъ, имѣвшій чудное свойство переноситься съ мѣста на мѣсто, по желанію сидѣвшаго на немъ; Али покупаетъ въ Персіи зрительную трубу изъ слоновой кости, въ которую ея владѣлецъ

могъ видѣть все, что̀ ему захочется; третій братъ, Ахмедъ, привозитъ изъ Самарканда диковинное яблоко: стоило только понюхать его больному, чтобы выздоровѣть. Когда черезъ годъ всѣ они сошлись, и каждый хвалится своимъ пріобрѣтеніемъ, Гуссейнъ смотритъ въ зрительную трубу Али, съ желаніемъ увидѣть свою возлюбленную Нуруннихаръ, и видитъ ее въ постели, больную при смерти, окруженную плачущими женщинами и евнухами. Тогда всѣ садятся на коверъ Гуссейна, переносятся въ комнату больной, и яблоко Ахмеда возвращаетъ ей здоровье. Отцу снова предстоитъ рѣшеніе: Гуссейнъ очевидно ничего не могъ-бы сдѣлать безъ зрительной трубы Али, и тотъ и другой ничего безъ яблока Ахмеда. Рѣшеніе спора предоставляется состязанію въ стрѣльбѣ изъ лука, и вторая часть сказки развиваетъ содержаніе, неимѣющее ничего общаго съ первой. См. Mille et une nuits, contes arabes, traduits en français par Galland, nouvelle édition augmentée de plusieurs contes et accompagnée de notes et d'un essai historique sur les Mille et une nuits par A. Loiseleur—Deslongchamps, publiée sous la direction de M. L. Aimé Martin. Paris, Société du panthéon littéraire. 1841, pp. 610—41.— Та же повѣсть встрѣчается въ нѣсколькихъ другихъ восточныхъ пересказахъ: такъ въ арабскомъ у Langlès: Contes, fables et sentences tirés de divers auteurs arabes ou persans, Paris, 1788 in 8-o, p. 66: Choix incertain; и въ персидскомъ, гдѣ точно также трое юношей ухаживаютъ за дѣвушкой, которая заболѣла и умираетъ. Когда несутъ ее хоронить, одинъ изъ влюбленныхъ, сопровождавшихъ печальное шествіе, приподнимаетъ покрывало съ умершей, чтобы полюбоваться на нее въ послѣдній разъ; другому показалось, что жизнь въ ней еще не совсѣмъ угасла, послѣ чего третій воскрешаетъ ее своими чарами. Ему она и достается послѣ долгихъ споровъ. См. Trône enchanté, conte indien traduit du persan par le baron Lescailler, New-Jork, 1817; 1-r vol. p. 200 suiv.— Въ Синдабадъ-намэ̀ побѣда остается за воиномъ: путешественникъ открываетъ, гдѣ спрятана похищенная красавица, воръ скрадываетъ ее, воинъ защищаетъ ее отъ демоновъ, врачъ излѣчиваетъ ея раны. Это уже напоминаетъ развитіе того-же сюжета въ европейскихъ сказкахъ. Что и въ сказкахъ современнаго востока тотъ-же сюжетъ продолжаетъ повторяться, доказывается не только его негритянскою редакціей у Kölle, стр. 145 (извѣстной намъ только по цитатѣ у Гримма), но и бирманской, о которой Бенфей не зналъ, и которую Либ-

рехтъ приводитъ изъ книги Уинтера: Six Months in British Burmah: or India beyond the Ganges in 1857. By Christopher T. Winter. London 1858. Bentley. См. Jahrbuch für romanische und englische Literatur, II, 2, стр. 123—4. Къ нимъ мы можемъ присоединить теперь мадагаскарскую, незнакомую ни Бенфею ни Либрехту: три человѣка встрѣтились; одинъ искусный медикъ, другой обладаетъ острымъ зрѣніемъ, третій необычайною силой. Я вижу, что царская дочь нездорова, говоритъ остроглазый, обратясь къ южной сторонѣ острова. Еслибъ я былъ тамъ, я-бы ее вылѣчилъ, отвѣчаетъ врачъ. Сядьте въ мою лодку, предлагаетъ силачъ и нѣсколькими ударами весла (pagaie) привозитъ ихъ къ указанному мѣсту. Врачъ вылѣчиваетъ дѣвушку, руку которой царь назначилъ тому, кто ее спасетъ. Но кому достанется награда? Всѣ трое предъявляютъ на нее права; такъ вопросъ и остается нерѣшеннымъ до сего дня. См. Révue des cours littéraires de la France et de l'étranger, 1865: Souvenirs de Madagascar, conférences de M. D. Charmay, p. 210.

Переходя къ европейскимъ сказкамъ того-же цикла, укажемъ на нѣкоторыя общія черты, отличающія ихъ отъ восточныхъ. Мѣра таинственности уменьшилась: талисманы и чудесные дары замѣнило умѣнье, пріобрѣтенное опытомъ и наукой; понятіе касты, сословія исчезло: въ большей части восточныхъ пересказовъ юноши являются — одинъ царевичемъ, другой сыномъ живописца, брамина, кузнеца и т. п.; на западѣ они большею частію сыновья одного отца, иногда близнецы, какъ семь Семіоновъ, и разницу между ними полагаетъ знаніе и долгій искусъ въ какомъ нибудь ремеслѣ. Точка зрѣнія очевидно подвинулась впередъ, отвѣчая историческому измѣненію общественныхъ условій. Такъ въ нѣмецкой сказкѣ четыре сына бѣдняка странствуютъ по свѣту, ища счастья, и каждый изъ нихъ чему нибудь научился и сталъ знатокомъ своего дѣла: старшій воромъ, второй астрономомъ, третій охотникомъ, четвертый портнымъ. Всѣ участвуютъ въ спасеніи царевны, унесенной дракономъ: астрономъ открываетъ ее сидящую на утесѣ среди моря, воръ ее похищаетъ, охотникъ убиваетъ преслѣдовавшаго ихъ дракона, который, падая съ высоты, разбиваетъ корабль; тогда портной, при помощи своей чудодѣйственной иглы, сшиваетъ его снова изъ щепъ. Царь сулитъ руку своей дочери тому изъ нихъ, кого сами они сочтутъ достойнѣйшимъ; но такъ какъ никто не хочетъ поступиться своимъ правомъ, и всякій одинаково указы-

ваетъ, что безъ его участія дѣло-бы не состоялось, каждому изъ нихъ дано по полуцарства, и споръ на томъ кончается. См. Grimm, Kinder und Hausmärchen, N. 129: Die vier kunstreichen Brüder; Wolf, Zeitschrift für deutsche Mythologie, vol. I, pag. 338; Grundtvig, Gamle danske Minder, vol. 2, p. 27. — R. Köhler (Jahrbuch f. roman. und. engl. Lit. VII, 1, стр. 33—36) сообщаетъ со словъ Штейншнейдера еврейско-нѣмецкую сказку, своими подробностями всего ближе подходящую къ нашимъ семи Семіонамъ, почему издатель предполагаетъ возможнымъ, что источникъ у нихъ былъ общій. Сообщать здѣсь русскую сказку мы считаемъ тѣмъ болѣе лишнимъ, что каждый можетъ прочесть ее въ изданіи Аѳанасьева II, 26; III, 12; VI, 31 и пр., гдѣ найдетъ указанія на сходныя славянскія у Валявца, стр. 44—7, и Венцига, Westslavischer Märchenschatz стр. 140—3 (на сходную сказку изъ собранія Божены Нѣмцовой указано нами выше). Мадьярская сказка у Штира, Ungarische Volksmärchen, стр. 61 и слѣд., на которую указываютъ Гриммы, вовсе сюда не относится.

Переходя къ итальянскимъ новелламъ, мы можемъ только сожалѣть, что самая старая редакція, найденная нами въ рукописи XIV вѣка (cod. palatino, serie Panciatichi, № 138: Viaggio d'Oltremare e libro di bel parlar gentile, fol. 87 r.—88 v.), сохранилась только въ отрывкахъ. Она начинается такъ: Былъ въ то время король въ Іерусалимѣ и у него четыре сына (I re di Gerusale a quello tempo si avea quattro figliuoli), большіе расточители; чтобы не проѣсть своего королевства, они удалились изъ страны на десять лѣтъ. Первый братъ отправился въ Парижъ изучать науки (istudiare in tutte iscienzie); второй въ Сицилію, гдѣ становится хорошимъ стрѣлкомъ; третій не нашелъ въ Каталоніи ничего кромѣ воровъ (altro che ladroni), почему и самъ имъ сдѣлался (sicchè questo convenne ch'elli apparasse); четвертый научился въ Генуѣ строить корабли и лодки. Когда всѣ четверо возвращаются къ назначенному сроку, отецъ испытываетъ знанія каждаго, и новелла кончается общимъ предпріятіемъ братьевъ, освобождающихъ дѣвушку, которую змѣй сторожилъ на островѣ.

За тѣмъ намъ остается разсмотрѣть новеллы Базиле и Страпаролы, съ которымъ латинскій разсказъ Морлини (80-й въ изданіи Jannet, Biblioth. Elzev.) сходенъ во всѣхъ подробностяхъ и даже выраженіяхъ. Жилъ былъ однажды добрый человѣкъ, по имени Пачьоне, разсказываетъ у Базиле Чьулла; у него было пять сыновей, такихъ ледащихъ и никуда негодныхъ, что бѣдный отецъ,

не будучи въ состояніи ихъ долѣе кормить, рѣшился отъ нихъ отвязаться.—Сыны мои, сказалъ онъ имъ,—Богъ видитъ, что я васъ люблю, потому что въ концѣ концевъ вы вышли изъ чреслъ моихъ; но я уже старъ и не могу много работать, а вы молоды и аппетитъ у васъ хорошій; не могу я васъ содержать какъ прежде: каждый за себя, а Господь за всѣхъ. Идите вы себѣ искать хозяевъ и научиться какому нибудь мастерству; я васъ жду черезъ годъ.—Когда по истеченіи срока отецъ пытаетъ умѣнье каждаго, Луччьо, старшій, говоритъ, что научился воровству, Титилло умѣетъ строить барки, Ренцоне такъ стрѣляетъ изъ лука, что попадетъ въ глазъ пѣтуху; Якуччьо знаетъ траву, воскрешающую мертвыхъ; Менекуччьо понимаетъ птичій языкъ. Кстати, птица на сосѣднемъ деревѣ разсказываетъ ему, что дикій человѣкъ (uorco) похитилъ дочь царя Аутогверфо (re d'Autoguerfo) и держитъ ее на утесистомъ островѣ; и что царь кликнулъ кличъ: кто возвратитъ ему дочь, тотъ получитъ ея руку. Отецъ и сыновья согласились попытать счастья, и царь подтвердилъ имъ обѣщаніе. На лодкѣ, которую сдѣлалъ Титилло, они подъѣзжаютъ къ острову; дикій человѣкъ спалъ на солнцѣ, положивъ голову на колѣна царевны, по имени Чьянна; они кладутъ камень подъ голову спящаго,—вѣроятно продѣлка вора Луччьо, которому иначе не пришлось-бы въ новеллѣ показать свое умѣнье,—и спасаются на лодкѣ вмѣстѣ съ дѣвушкой. Чудовище преслѣдуетъ ихъ, обратившись въ темную тучу, но Ренцоне пронзаетъ его своею стрѣлой; Чьянна умираетъ со страха, но едва они достигли берега Аутогверо, какъ Якуччьо нашелъ цѣлебную траву и воскрешаетъ ее. Въ присутствіи царя всѣ пятеро спорятъ о томъ, кто больше показалъ искусства и заслужилъ награды; но отецъ всѣхъ перебиваетъ: ему одолжены сыновья, что вышли людьми; на его деньги они научились, а то были-бы болванами. Ему и присуждается красавица. См. Lo cunto de li cunti, Napoli, presso Antonio Bulifon, 1674, giorn. V, tratten. 7: Li cinco figlie.

Въ новеллѣ Страпаролы выведены три брата и положенъ десятилѣтній срокъ ихъ возвращенію подъ отеческій кровъ. Старшій сталъ воиномъ и прославился надъ всѣми храбростью; второй—кораблестроитель; третій до того увлекся сладкими пѣснями Филомелы, что, оставивъ все, блуждалъ по лѣсамъ, долинамъ и пустыннымъ дебрямъ, забылъ дорогу домой и остался жителемъ лѣсовъ, гдѣ научился птичьему языку. Когда всѣ три брата со-

шлись, птица научаетъ послѣднаго, гдѣ открыть кладъ; другая вѣщаетъ, что въ Эгейскомъ морѣ есть островъ Хіосъ, гдѣ дочь Аполлона построила за́мокъ изъ крѣпкаго мрамора; входъ въ него защищаетъ змѣй, изрыгающій ядъ и пламя, у подножья прикованъ василискъ; въ самомъ замкѣ заключена Аглея, одна изъ красивѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ, и съ ней ея сокровище. Братъ кораблестроитель берется снарядить быструю ладью, воинъ взобраться на башню съ двумя кинжалами въ рукахъ (та же странная черта у Морлини). Когда предпріятіе удалось, и Аглея добыта, между братьями поднимается споръ, который и теперь еще ожидаетъ судьи. См. Le piacevoli notti del s. Giov. Francesco Straparola da Caravaggio. Venetia 1580; notte VII, favola 5: Tre fratelli poveri andando pel mondo divennero molto ricchi.

Что въ народныхъ сказкахъ современной Италіи найдется тотъ же сказочный мотивъ, разработанный ея новеллистами, можно было-бы предположить a priori, еслибы собранія Видтера, Вольфа и Кёлера (Volksmärchen aus Venetien von E. Widter, A. Wolf und R. Köhler, №-6: Die vier kunstreichen Brüder, въ Jahrb. f. roman. u. engl. Lit. VII, I) и въ послѣднее время Шнеллера (Christian Schneller, Märchen und Sagen aus Wälschtirol. Ein Beitrag zur deutschen Sagenkunde. Innsbruck. Wagner 1867, №-14: I tre amanti), не познакомили насъ съ его венеціянской и тирольской редакціями. На сколько та и другая сложились подъ вліяніемъ уже писанной новеллы, это другой вопросъ: для тирольской по крайней мѣрѣ мы считаемъ себя въ правѣ положительно отрицать его, такъ какъ здѣсь условія мѣстности должны были затруднять литературный обмѣнъ. Содержаніе сказокъ мы сообщили въ другомъ мѣстѣ. См. статью: Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса, въ Журн. Мин. нар. Просв. часть CXL.

Кто прослѣдилъ вмѣстѣ съ нами длинную цѣпь восточныхъ и западныхъ пересказовъ, тому станетъ ясно отношеніе къ нимъ первой новеллы нашего романа. Это все та же народная сказка въ классической травестіи, обличающей странный вкусъ ранней эпохи Возрожденія. Самыя имена юношей поражаютъ своей антикварностью; нигдѣ не сказано, чѣмъ они занимаются, какому каждый изъ нихъ отдался призванію: это было-бы слишкомъ просто и неучено. За то каждый состоитъ подъ покровительствомъ особаго бога. Когда споръ уже готовъ перейти въ кровавую схватку, старый поселянинъ даетъ совѣтъ: на сосѣднихъ холмахъ

стоитъ храмъ, посвященный Зевсу, туда обращаются люди за совѣтомъ и разрѣшеніемъ трудныхъ дѣлъ. Рѣшено идти туда: въ храмѣ присутствуютъ боги; Зевсъ созвалъ Минерву и Венеру, Аполлона, Марса, Меркурія и отца Сатурна; передъ ними будутъ судиться спорящіе; по слову Зевса Мелисса должна быть отдана достойнѣйшему изъ нихъ. Разошедшись по разнымъ угламъ храма, они обращаются каждый къ своему заступному богу: Септимій къ Сатурну, Лаэртъ къ Марсу, Резій къ Аполлону, Целій къ Меркурію. [381]) Изъ дальнѣйшихъ объясненій новеллиста это можно истолковать такъ, что первый былъ одаренъ сообразительностью и предвидѣніемъ, дарами отца боговъ, въ небѣ котораго Данте помѣстилъ души созерцателей; что кромѣ того онъ любилъ земледѣліе, пріятное богамъ и особенно Сатурну; что Лаэртъ былъ воинъ, Резій поэтъ, Целій, человѣкъ бывалый (pratica e conversazione di varie e diverse nazioni) — купецъ или воръ, потому что то и другое званіе одинаково состояло подъ покровительствомъ Меркурія. Такимъ образомъ мы и здѣсь приходимъ къ знакомому намъ сказочному ряду: астрономъ (остроглазый) или земледѣлецъ (сынъ крестьянина въ Калилѣ и Димнѣ), воинъ (охотникъ, стрѣлокъ), поэтъ (увлекшійся пѣніемъ Филомелы, какъ въ разсказѣ Страпаролы) и воръ или купецъ (какъ одинъ изъ семи Семіоновъ).—Дальнѣйшій споръ передъ лицемъ Зевса ведется уже не между противниками, а между самими богами: заявляя другъ передъ другомъ заслуги своихъ поклонниковъ, они выставляютъ преимущество того ремесла или искусства, которое находилось подъ ихъ верховнымъ покровительствомъ, и представителями котораго являлись ихъ кліенты. Такъ, защищая дѣло Лаэрта и возвеличивая его долю въ спасеніи Мелиссы, Марсъ указываетъ на обнаруженную имъ быстроту взгляда и смѣтливость, необходимую воину, и затѣмъ восхваляетъ передъ всѣми другими воинское дѣло. Сатурнъ защищаетъ Септимія и земледѣліе, Аполлонъ—Резія и музическія искусства, Меркурій—Целія и торговлю. Однимъ словомъ, не только отодвинуты въ сторону спорящіе братья—художники, не только удалено изъ разсказа все необычайное въ ихъ подвигахъ, и на мѣсто таинственности явилась случайность, но на время будто забытъ самый предметъ миѳическаго спора: вопросъ о личныхъ заслугахъ и достоинствахъ каждаго не обѣщалъ привести къ должному покою; оттого онъ и поставленъ выше и общѣе, какъ вопросъ объ относительныхъ преимуществахъ той или другой науки. Самый споръ получаетъ

болѣе человѣчное разрѣшеніе, и, какъ въ чешской сказкѣ у Венцига, самой дѣвушкѣ предоставлено право выбора.

Намъ очень жаль, что при составленіи этой замѣтки мы не имѣли подъ руками статьи Бенфея въ Ausland, 1858, № 41 и слѣд. Das Märchen von den Menschen mit den wunderbaren Eigenschaften, seine Quelle und seine Verbreitung.

Что касается до спеціальной обстановки, въ которой старинная сказка является въ нашей новеллѣ, то о ней мы ничего сказать не можемъ. Басня о троянской Мелиссѣ, которую Цирцея обратила въ ястреба, можетъ быть изобрѣтеніе нашего автора, хотя нѣтъ ничего невозможнаго въ предположеніи, что она могла корениться въ какомъ нибудь изъ многочисленныхъ разсказовъ о Троянскихъ дѣяніяхъ. Вмѣстѣ съ Улиссомъ Цирцея считалась въ средніе вѣка изобрѣтательницей соколиной охоты; по взятіи Трои Улиссъ первый познакомилъ съ нею Грековъ. Такъ разсказываетъ Іоаннъ Салисберійскій; приводимъ его слова, съ цѣлью вызвать на дальнѣйшія сближенія:

«Quos vero species illa venationis oblectat, ut aves avibus insequantur, si tamen hoc genus aucupii venationi censeas annectendum, mitiori quidem vexantur insania, sed non impari levitate. Venatica tam terrestris quam aërea quanto solidior, tanto fructuosior est. *Autorem occupationis suae ab antiquis historiis Ulixem proferunt, qui primus excisa Troia armatas aves attulit Graeciae*, quas suavi quadam et grata admiratione videntium in cognati generis exitium animavit. Isti quidem magno se tuentur judice, et

Qui mores hominum multorum vidit et urbes,

cujus providentia nullis potuit insidiis supplantari, cujus tendiculas nemo hostium indemnis evasit, cujus denique inermis militia ulterius promovit Graecorum gloriam, quam mille ratium armata multitudo. *Sed et ipse hujus exercitii Circem laudat autorem, quae carmini bus et poculis humanas mentes dicitur immutasse*, eo quod arte verborum et rerum gratia alliceret mentes hominum, et suae voluntati conformes in usus quoslibet transformaret. Graecis itaque propinata sunt suspectae venena voluptatis; sed ea cum prudens gustasset Ithacus, noluit bibere, ne sub domina meretrice turpis et excors vivere cogeretur. Verum quia sapientia rerum omnium novit usum, providit vir circumspectus finitis laboribus et erroribus, cum eum pudica Penelope, et affectus Telemachi non agnosceret revertentem, quomodo damna sociorum, quos tanti exilii dispendium tulerat, Graeciae compensaret. Admiranda fuit fides canis, cui soli in tanta familia

nec viginti annorum curricula memoriam domini, quin redeunti applauderet, abstulerint, nisi de ejus laude canibus venatorum gratia ulterius resultaret. Novi tamen studii Telemachum suum vivere praecipit expertem, illis solis dicens allata esse novae voluptatis solatia, qui amissis parentibus Troiani belli damna sentirent. Unde et artem infructuosam esse conjicio, quam ab unico filio tantus vir studuit sequestrare. Quod vel ex eo mecum conjicies, quod deterior sexus in avium venatione potior est. In quo poteras naturam arguere, nisi nosces quia deteriora semper proniora sunt ad rapinam». См. Johannis Sarisberiensis Policraticus sive De nugis curialium et vestigiis philosophorum libri octo etc. Accedit huic editioni ejusdem Metalogicus etc. Editio ultima prioribus multo accuratior et emendatior, ex officina Viduae Ioannis Henrici Boom. P. M. 1664, I v. Policratici liber I, cap. IV: De venatica, et autoribus, et speciebus ejus, et exercitio licito et illicito, стр. 12.

Ponte a Puntaglio, упоминаемый въ нашей новеллѣ, сохранился въ старомъ названіи мѣстности *Ponte a Ponzaglio* (a Gamberame) въ долинѣ Бизенцо. Мы одолжены этимъ указаніемъ г. Чезаре Гуасти, который ничего не могъ намъ сказать относительно *Pille Benate*, другой мѣстности, названной въ томъ-же разсказѣ.

Новелла II: О маэстрѣ Скоттѣ (кн. II, стр. 180—217). Императоръ Фридрихъ II пируетъ въ Палермо; Михаилъ Скоттъ и съ нимъ другой магъ забавляютъ его сначала, произведя своими чарами искусственную бурю, и затѣмъ просятъ одолжить имъ на время одного изъ своихъ бароновъ, мессера Ольфа, на защиту ихъ добраго дѣла. Вмѣстѣ съ Ольфомъ они садятся на корабль и плывутъ далеко на западъ, минуя Корсику, Сардинію, Балеарскіе острова, Геркулесовы столбы. На берегу, къ которому они пристаютъ, уже готово войско. Ольфо становится въ его главѣ, разбиваетъ непріятелей, женится на дочери убитаго короля и царитъ счастливо и спокойно, окруженный цвѣтущимъ семействомъ. Какъ вдругъ въ одинъ прекрасный день снова къ нему являются тѣ же маги, прося его проводить ихъ обратно въ Сицилію. А тамъ все по прежнему: даже дня не прошло съ тѣхъ поръ какъ отправился мессеръ Ольфо, и императоръ не успѣлъ сѣсть за столъ. И путешествіе, и битвы, и женитьба,—все было одной фантасмагоріей.

Тотъ-же сюжетъ обработанъ былъ раньше въ XXI-й новеллѣ Cento novelle antiche, изданія Гвальтеруцци: *Come tre maestri di nigromanzia vennero alla corte dello'mperadore Federigo*. Только въ на-

шемъ романѣ разсказъ развитѣе, со множествомъ реторическихъ прикрасъ, вродѣ описанія палермскаго праздника, битвы и т. п. Въ Cento novelle маговъ является три, и они не названы; въ нашей дѣйствуетъ Михаилъ Скоттъ съ товарищемъ, и рыцарь, ихъ сопровождающій, именуется Ольфомъ, а не графомъ санъ Бонифаціо, какъ у стараго разскащика.

О чародѣйствахъ Михаила Скотта ходило въ средніе вѣка множество легендъ, которыя Теофило Фоленго перечисляетъ въ своемъ макароническомъ эпосѣ, гдѣ не забытъ и волшебный корабль, переносившій чародѣя, куда онъ ни пожелаетъ. Рубикане завладѣлъ книгой негроманта и, внѣ себя отъ радости, показываетъ ее Либикокко, такъ истолковывая ея содержаніе:

Ecce vides? liber est Nigromantibus ille sacratus
Qui tibi quique mihi tantos dabat ante travaios.

. . . . . .

O quantae cernis? picturae, quaeso, pochettum
Has Libicocche vide, plus centum, plusque milanta.
En Salomonis habet primum pentacula forum:
Aspice quam multis sunt compassata righettis,
Quadratis, punctis, numeris, centumque facendis.

. . . . . .

Picta Michilazzi patet hic proportio Scotti
Qui sex efflgies cerae, mox una piombi
Fingitur influxu Saturni, ac daemone Martis,
Unde per incantum miracula tanta fiuntur.
Ecce idem Scottos, qui stando sub arboris umbra
Mille characteres circo designat in arcto,
Quattuor inde vocat magno cum voce Diablos.
Unus ab occasu properat, venit alter ab ortu,
Dat mediusque dies terzum, Septemtrio quartum.
Consecrare facit fraenum conforme per illos,
Cum quo fraenat equum nigrum, minimeque vedutum,
Quem, quo vult, tamquam turchesca sagitta cavalcat.
En quoque designat magus idem in littore navim
Quam levat in nubes, octoque per aëra remis
Navigat, et magnum tribus horis circuit orbem.
Humanae spinae suffumigat inde medullam
Atque docet magicis cappam sacrare parolis:
Quae dum sacratur, sentita per aëra strident
Murmura spirituum, quia nos per forza tiramur.

Hanc igitur cappa, seu mantum sive gabanum
Quisque seu maschius, seu foemina mittit atornum,
Non vedutus abit, quocunque talentus avisat.

См. Merlini Cocalii poëtae Mantuani Macaronicorum poemata, nunc recens accurate recognita cum figuris locis suis appositis. Venetiis cum privilegio Illustriss. Senatus Venetorum.—In fine: Venetiis, apud haeredes Petri Ravani et socios, MDLIIII (Baldi lib. XIX, pp. 160 v.—161 v.). Въ изданіи сочиненій Фоленго 1613 года (Opus Merlini Coccaji poetae Mantuani Macaronicorum totum in pristinam formam per me Magistrum Acquarium Lodolam optime redactum etc. Venetiis apud Bevilacquam) этотъ отрывокъ читается не въ XIX-й, а въ XVIII-й книгѣ (p. 358), представляя интересныя разночтенія:

Ecce Michaelis de Incantu regula Scoti
Qua post sex formas caerae fabricatur imago
Demonii Sathan, Saturni facta piombo,
Cui suffimigio per sirica rubra cremato
Hae (licet obsistant) coguntur amare puellae и т. д.

За стихомъ: «Quem, quo vult, tamquam turchesca sagitta cavalcat» слѣдуетъ другой, котораго нѣтъ въ предъидущемъ изданіи:

Sacrificatque comas ejusdem saepe cavalli.

По поводу волшебнаго плаща-невидимки дается совѣтъ не надѣвать его при солнцѣ:

Hanc quicumque gerit gradiens ubicumque locorum
Aspicitur nusquam, caveat tamen ire per album
Solis splendorem, quia tunc sua cessitur umbra.

Не знаемъ, какимъ изданіемъ Фоленго пользовался Либрехтъ (Dunlop, Geschichte der Prosadichtungen, aus dem englischen übers. v. F. Liebrecht, Berlin, Müller, 1851, стр. 482 прим. 235 a), если онъ не положился на цитату Дюнцера (Scheible's Kloster V, стр. 151 примѣч.), указывая на lib. XIX, v. 193 seq. макароническаго эпоса, гдѣ будто-бы говорится о Михаилѣ Скоттѣ и другомъ магѣ, по имени Геліодорѣ, изъ Катаніи, и о волшебныхъ корабляхъ, ими устроенныхъ.

Поборникъ аверроизма, который онъ первый ввелъ въ школы, Михаилъ Скоттъ (1230) былъ въ большемъ почетѣ при дворѣ Гогенштауфеновъ, непріязненныхъ папамъ. Это не помѣшало Данте помѣстить его въ аду, вмѣстѣ съ другими гадателями:

Quell'altro, che ne' fianchi è così poco,
Michele Scotto fu, che veramente
Delle magiche frode seppe il giuoco (Inf. c. XX vv. 115—117)

Комментируя это мѣсто, Бути разсказываетъ между прочимъ, что, находясь въ Болоньѣ вмѣстѣ съ императоромъ Фридрихомъ II, Михаилъ Скоттъ часто приглашалъ къ себѣ гостей на обѣдъ и ничего для нихъ не готовилъ, но приказывалъ подвластнымъ духамъ принести кушанья. И когда всѣ сидѣли за столомъ, онъ говорилъ: вотъ это вареное мясо со стола французскаго короля, жаркòе—со стола англійскаго и т. п. И все это былъ одинъ обманъ: гостямъ только казалось, что они ѣдятъ, а кушанья представлялись не тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. См. Francesco da Buti, Commento sopra la Divina Commedia di Dante Allighieri, pubblicato per cura di Crescentino Giannini. Pisa, Nistri, 1858, 60 и 62, 3 vv; vol. 1º p. 533; и Manni Le veglie piacevoli, Venezia, Zatta, vol. 1—V, pp. 10—11 (съ ссылкой на Francesco Alunno). То же самое разсказывается о Фаустѣ; сл. Tibull. I, 8, 19: Cantus vicinis fruges traducit ab agris. Virg. eclog. 8, 99

Новелла III: О Бонифаціи и Марсиліо да Каррара (кн. III, стр. 38—60). Мы перевели ее въ третьей главѣ этой книги. Опредѣлить долю воображенія въ разсказѣ о приключеніяхъ Бонифація мы не умѣемъ и точно также мало можемъ сказать положительнаго о Марсиліо, его названномъ отцѣ. Одни считаютъ его отцемъ Якопо да Каррара, перваго властителя Падуи (25 іюля 1318 года), сыномъ другаго Якопо, жившаго въ 1262-мъ году. Другіе утверждаютъ наоборотъ, что у послѣдняго не было дѣтей, и что Марсиліо одно и то же лицо съ сыномъ третьяго Якопо да Каррара, которому Эццелино велѣлъ отрубить голову на эшафотѣ у моста S. Giovanni sulle Navi. Поборники перваго мнѣнія различаютъ двухъ Марсиліо, одного—сына Якопо, перваго властителя Падуи, другаго—сына Якопо, казненнаго въ 1240 г. Послѣдній, можетъ быть, тождественъ съ нашимъ. Вотъ что читаемъ мы о немъ у Litta, Famiglie celebri, vol. 6: «Спасшійся бѣгствомъ изъ Падуи отъ тиранніи Эццелино, онъ долгое время томился въ бѣдности; онъ носилъ одежду духовнаго лица и въ 1246 году Иннокентій рекомендовалъ его падуанскому капитулу на какое нибудь доходное церковное мѣсто: вещь трудно достижимая для человѣка, принадлежавшаго къ семьѣ изгнанниковъ. Въ 1256 г. онъ сражался въ войскѣ лиги противъ Эццелина и находился при взятіи Падуи, вслѣдствіе чего его семейству воз-

вращено было конфискованное имущество. Въ 1267 онъ былъ подестой Виченцы; въ 1274, вовлеченный въ смуты городскихъ партій, онъ былъ изгнанъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Альбертино, но подестà Гоффредо делла Торре явился посредникомъ, и ему позволено вернуться въ отечество. Онъ умеръ около 1297 года». Сличимъ съ этимъ показанія новеллы. И въ ней Марсиліо блуждаетъ вдали отъ отечества, путешествуя на Востокѣ и потомъ въ Англіи,—послѣднее обстоятельство прямо объясняется желаніемъ избѣжать подозрѣній и злобы Эццелино. Ничего не говорится объ его духовной одеждѣ, разъ даже упоминается его жена (mia donna); но и историческій Марсиліо вѣроятно не принялъ постриженія и не произносилъ обѣтовъ, судя по тѣмъ свѣтскимъ должностямъ, которыя онъ занимаетъ. У Марсиліо новеллы нѣтъ дѣтей, почему онъ усыновляетъ племянницу, дочь своей сестры, бывшей замужемъ за Филиппо Даль Денте. Если Марсиліо новеллы тождественъ съ историческимъ, это было-бы дополненіемъ къ родословному древу да Каррара, которое знаетъ только братьевъ Марсиліо: Обиццо, Убертино и Угуччьоне, не говоря ни слова о ихъ сестрѣ. — Семейства Даль-Денте, Скровинья (какой-то Уголино Скровинья является дѣйствующимъ лицемъ новеллы) и Буццакерини (съ Лодовико Буццакерини мы уже встрѣчались въ нашемъ романѣ—въ обществѣ графа Карла ди Поппи) были связаны съ да Каррара какъ родственными, такъ и дѣловыми отношеніями. Доказательства легко найдти въ генеалогическомъ трудѣ Литты.

Чьони ничего не пояснилъ относительно этой новеллы, предпослѣдней изъ прибавленныхъ къ его второму изданію.

Новелла IV: О мессерѣ Дольчибене (книга III, стр. 60—71). Мы перевели ее въ нашей третьей главѣ. О забавныхъ выходкахъ мессера Дольчибене, потѣшнаго человѣка, котораго императоръ Карлъ IV удостоилъ рыцарскаго сана и сдѣлалъ королемъ скомороховъ, много разсказываютъ новеллы Франко Саккетти: 10-я 24, 33, 117, 145, 153, 156 и 187-я. Иныя изъ нихъ служатъ подтвержденіемъ нашей и сами находятъ въ ней подтвержденіе. Такъ, когда Дольчибене неосторожно вызвалъ на дуэль мессера Меллона делла Понтенара и уже находится на полѣ битвы, онъ даетъ обѣтъ посѣтить святыя мѣста Палестины, если мессеръ Меллонъ не явится на вызовъ и дуэль не состоится. Изъ 10-й и 24-й новеллы Саккетти видно, что Дольчибене исполнилъ свое обѣщаніе: въ первой изъ нихъ онъ посѣщаетъ долину Іосафатъ,

гдѣ находитъ странный способъ занять себѣ мѣсто, чтобы найтись и не потеряться въ день судный; во второй онъ дерется съ жидами и оскверняетъ ихъ храмъ. Такъ называемый Ave Maria мессера Дольчибене не что иное, какъ комическій разсказъ о его путешествіи въ святую землю; мы привели изъ него отрывки въ нашемъ итальянскомъ изданіи по ркп. Риккардіаны 2760 и 2873, не имѣя тогда подъ руками изданія Франческо Замбрини, присланнаго намъ только позже. См. Messer Dolcibene, scrittore del secolo XIV, Ave Maria, non mai fin qui stampata. Bologna, tipografia delle scienze, 1858.

Что касается до казовой дуэли между Дольчибене и мессеромъ Меллономъ, то это была одна изъ обычныхъ скоморочныхъ потѣхъ: такъ миніатюра одной французской рукописи императорской парижской библіотеки (fond français N. 95, f° 42 recto) изображаетъ двухъ сражающихся скомороховъ: они вооружены круглыми щитами и длинными шпагами, будто изъ дерева.

Новеллы V и VI (кн. IV, стр. 96 — 112), сохранившіяся въ отрывкахъ, напечатаны во 2-мъ приложеніи къ этой книгѣ, вмѣстѣ съ передѣлкой Чьони.

Новелла VII: О мадоннѣ Риччьярдѣ (кн. IV, стр. 123—133). Дѣйствующія лица: мадонна Риччьярда, вдова Микеле Пилестри, выдающая свою дочь за Липпоццо деи Гречи. Содержаніе новеллы мы предпочитаемъ передать словами Bonaventure Des Periers, разсказъ котораго, сходный во всѣхъ отношеніяхъ съ нашимъ, сталъ намъ извѣстенъ уже послѣ отпечатанія нашего итальянскаго изданія, почему эта новелла осталась тамъ безъ комментарія. У французскаго новеллиста одинъ Шотландецъ, служившій во Франціи въ такъ называемой королевской шотландской гвардіи, женится на дѣвушкѣ хорошаго рода: «laquelle fille estoit d'assez bon aage. Elle n'eut gueres esté en mariage, qu'elle ne se souvinst des commandemens que l'on donne aux jeunes espousées: premierement, que la nuict elles tiennent leur couvrechef à deux belles mains, de peur que leur mary les descoiffe; qu'elles serrent les jambes comme un homme qui descend en un puiz sans cordes; qu'elles soyent un peu rebelles, et que, pour un coup qu'on leur baille, qu'elles en rendent deux. Cette jeune damoiselle commence à observer debonne heure ces beaux et sainctz enseignemens l'un après l'autre, jusques à ce qu'elle en fit une leçon et les praticqua tous à la fois: dont cest Escossois ne fut pas trop content, speciallement du dernier poinct; et, voyant qu'elle s'en sçavoit ayder de si bonne heure, il

sembla à ce povre homme qu'elle avoit appris ces tordions d'un autre maistre que de luy.....Et s'y fonda bien si fort, qu'il ne pouvoit regarder sa femme de bon oeil, ny la nuict mesme ne la baisoit point de bon cueur. Elle de son costé, se retira petit à petit et se garda de là en avant d'estre trop frétillante». Замѣтивъ, что молодая груститъ, ея госпожа (Madame sa maistresse—вѣроятно какая нибудь принцесса, или королева, у которой она находилась въ услуженіи) спрашиваетъ ее о причинѣ, и когда та все разсказала: «Et n'y ha-il que cela? dit-elle. Taisez vous; vrayement je parleray bien à luy». Ce qu'elle fit de bonne heure, et appella cest Escossois à part, et luy commença à demander comment il se trouvoit avec sa femme. «Ma dam, dit-il, je trouvy bien, grand mercy vous».— Voire-mais, vostre femme est toute faschée; que luy avez vous faict?—J'aury pas rien faict, ma dam; je sçavoy pas pourquoy faict-il mauvais cher.—Je le sçay bien, moy, dit-elle, car elle m'ha tout dit. Sçavez-vous qu'il y ha, mon amy? Je veux que la traictez bien, et ne faites pas le fantastique. Comment estes-vous bien si neuf de penser que les femmes ne doivent avoir leur plaisir comme les hommes? Pensez vous qu'il faille aller à l'escolle pour l'apprendre? Nature l'enseigne assez. Et que pensez vous que vostre femme ne se doive remuer non plus qu'une souche de bois? Or ça, dit-elle, que je n'en oye plus parler, et luy faites bonne chère» и т. д. См. Le cymbalum Mundi précedé des Nouvelles récréations et joyeux devis de Bonaventure Des Periers, nouv. ed. par. P. L. Jacob (въ Bibliothèque Gauloise); nouvelle XXXIX: De l'Escossois et de sa femme qui estoit un peu trop habile au maniement.

Таково содержаніе и нашей новеллы: стóитъ только подставить имена и госпожу замѣнить матерью невѣсты. Прибавлена еще слѣдующая наивная черта: когда мать наставляетъ молодаго, служанка приноситъ утенятъ, только-что вылупившихся изъ яйца. Брошенные въ воду, они тотчасъ-же начинаютъ плавать какъ ни въ чемъ не бывало. Сама природа ихъ тому научила: естественностью одного акта назначено доказать естественность другаго.

P. L. Jacob, издатель Bonaventure Des Periers, указываетъ по поводу этой новеллы на старую стихотворную повѣсть, которую Lenglet—Dufresnoy напечаталъ въ своемъ изданіи Marot, in 4°, t. III, p. 483; съ своей стороны мы припоминаемъ здѣсь третье и седьмое поученіе, которое даетъ молодой Francesco da Barberino, Del Reggimento e dei costumi delle donne, parte V. Вотъ между прочимъ третье:

Chè sta Donna non dee
Mostrar d'esser troppo maestra,
Anzi selvaggia, e nova
Se ritrovando nell'ovre di amore,
Nè an'di quelle gran diletto avere.

Навелла VIII: О Кателлинѣ и Филипелло Бариле (кн. IV, стр. 135—152). Дѣйствіе происходитъ въ Неаполѣ. Кателлина, жена Филипелло Бариле, до смерти влюблена въ пріятеля своего мужа, Аньелло Страмаццафильи. Испытавъ всѣ средства женской тактики, она обращается къ колдуньѣ, мадоннѣ Фьондинѣ, и та даетъ ей слѣдующій совѣтъ: «возьми сердце живаго крота и обезьяны, два человѣчьихъ пупка и два миртовыхъ листа, и приготовь изъ всего этого кушанье, какое тебѣ покажется; и при каждой вещи, какую будешь класть, прочитай три раза молитву, которую я написала для тебя на этой хартіи (самая молитва не сообщается); дай ему поѣсть этого кушанья и не показывайся на глаза въ продолженіи 12 часовъ, а потомъ покажись, погляди и поклонись, и онъ воспылаетъ къ тебѣ любовью». — Средство мадонны Фьондины не оправдалось, потому что Кателлинѣ помѣшали достать одно изъ необходимыхъ снадобей, которое она отправилась добывать на лобное мѣсто у морскаго берега, гдѣ за день передъ тѣмъ повѣшены были четыре разбойника. Сама мадонна Фьондина сожжена по распоряженію короля Карла Втораго, по прозванію Ciotto, но такъ, что добрая слава Кателлины отъ того не пострадала; и изъ всей исторіи ничего не вышло.

Суевѣрныхъ рецептовъ, подобныхъ рецепту Фьондины, можно найдти множество въ рукописныхъ итальянскихъ лѣчебникахъ, травникахъ и т. п. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ въ переводѣ. Вотъ напр. какія средства рекомендуются противъ лунатизма (contro il male della luna): «Возьми мозгъ ласточки (donnola), разведи его въ хорошемъ винѣ и дай испить больному; поможетъ. Также три капли крови изъ-подъ языка, пусть выпьетъ ихъ въ винѣ.—Или возьми молока отъ кобылы, которая только разъ была жереба, сдѣлай изъ него сыръ, дай того сыру поѣсть, и пусть носитъ его на себѣ; много помогаетъ. — Добудь сердце волка, свари его и дай съѣсть больному въ пятницу или воскресенье; болѣзнь какъ рукой сниметъ. Это средство испытанное.— Или возьми на тотъ-же конецъ голову мыши(?—topinata) и, высушивши, носи на себѣ, болѣзнь никогда болѣе не пристанетъ.— Или достань камень (petrucacio) черный и красный, находящійся

въ желудкѣ ласточки (rondina), оправь въ серебро и надѣнь на шею; больной вылѣчится. Хорошо также имѣть при себѣ смарагдъ противъ немочи, это дознано опытомъ».

Исторія итальянскаго суевѣрія и обряда еще не написана, какъ ни заманчивой является задача: опредѣлить его отношенія къ индоевропейскому вообще и въ особенности къ его спеціальному проявленію въ греко-римской древности, относительно которой итальянская старина представляется намъ органическимъ продолженіемъ. Литературы по этому предмету почти не существуетъ: мы могли-бы назвать одну главу изъ Antiquitates Muratori и нѣсколько мелкихъ монографій, изъ которыхъ ни одна не отвѣчаетъ требованіямъ современной науки. Самый матеріялъ изслѣдованія покоится большею частію въ рукописяхъ: такъ въ нашемъ итальянскомъ изданіи сообщены были въ первый разъ большіе отрывки изъ Фьориты (Fiorita) болонскаго судьи Арманнино, современника Данте, въ высшей степени интересные для характеристики тогдашняго итальянскаго суевѣрія. Кое-какія другія указанія найдутся у Passavanti въ Specchio di vera Penitenzia, у Francesco da Barberino, Del Reggimento и т. п., у новеллистовъ (сл. напр. въ Cento novelle antiche, изд. Gualteruzzi, nov. XXXIII: Qui conta una novella di messere Imberal del Balzo). Въ XV-мъ столѣтіи отцы феррарскаго собора возстаютъ противъ того, что̀ представлялось имъ и было на самомъ дѣлѣ остаткомъ язычества; противъ него направлены проповѣди св. Бернардина Сіэнскаго. Все это напрасно: эпоха Renaissance принесла съ собою усиленіе народно-латинскаго, языческаго элемента на счетъ космополитическаго, христіанскаго. Если до сихъ поръ безсознательно-обрядовый паганизмъ держался въ деревняхъ, преслѣдуемый церковью, то теперь имъ сознательно увлекаются высшіе классы, даже сама церковь. Самое пониманіе природы стало болѣе языческое, она выходитъ изъ страдательнаго положенія, какое занимала въ средніе вѣка, наполняясь живыми силами, которыя старое язычество назвало-бы богами, а новое называетъ духами. Ими необходимо овладѣть, ихъ надо умиротворить, сдѣлать безвредными или служебными: и вотъ обновляется типъ заклинателя-мага и вѣщей жрицы-колдуньи. Итальянцы XVI-го вѣка суевѣрны, какъ Римляне: вспомнимъ только автобіографію Бенвенуто Челлини; вѣдьмы Апулея воскресаютъ въ своихъ римскихъ сверстницахъ временъ Пьетро Аретино. См. Capricciosi e piacevoli ragionamenti etc. Cosmopoli, 1660, 1 v. Ragionamento del zoppino, pp. 425—7. Чтобы не повто-

рять этого любопытнаго отрывка, приведеннаго нами in extenso въ итальянскомъ изданіи нашей книги, мы позволили себѣ замѣнить его другимъ, заимствованнымъ изъ макароническаго эпоса Фоленго. Наблюдая тайныя продѣлки вѣдьмъ, вотъ что между прочимъ видитъ Бальдо: «Autres emplissent des vaisseaux d'estain de electuaires noirs, composez la nuit, à la clarté de la cinquiesme Lune, avec de la salive de crapaut, de la chair de pendu, du poulmon d'un asne, de la peau d'une grenouille verde, de la sanie de la matrice, de soulphre tiré de l'argent vif, des corps morts par mort violente, de la sueur d'un loup enragé, de la gresse de vipère, du fiel d'un puppu et du lait d'une ceraste. Davantage, ils meslent les choses sacrées avec les prophanes, et se servent de chandelles faites de la cire du cierge Paschal, du cresme, du sel du baptême; autres telles choses que de mauvais Prestres donnent à ces poltrons (та-же самая черта у Аретина).....Balde se fourre partout, estant ainsi incongneu, regarde à tout, lit les inscriptions des boëtes et des pots. Il ouvre les livres, et lit en iceux: il n'y trouve rien que des receptes mortelles, à sçavoir: comme les enfans sont ensorcelez par la seule haleine d'un marouffle; comme il faut causer un dormir pour cependant jouir d'une fille; comme un mari cognoistra quelles cornes sa femme luy fait, et pour trouver le ribaut sur le faict; comme il faut contraindre les belles filles à aimer, et y attirer de force leurs volontez encore saines et entières; comme une femme n'engrossira point, quelque coup de corne qu'on luy donne; comme elle vuidera son enfant si elle se sent grosse; comme, à grand' peine estant, nay, on luy peut corrompre tous les membres; comme une femme pourra faire desecher son mari qu'elle haïra; comme une villaine sorcière ostera l'entendement à un enfant, ou la vie du corps.....Icelles, à la façon des Pedagogues, sçavent fort bien dispenser leur science, donnans les preceptes de sorcellerie, et pour operer avec onguens, et faire de telles bonnes oeuvres, comme d'esmouvoir les tonnerres du ciel, faire tomber la tempeste sur les bleds et sur les vignes, attirer la Lune ça bas, et faire retrograder les estoilles, remonter les fleuves contremont, et de la mer faire retourner les fontaines à leur prémière source; comme il faut changer les corps en diverses formes, muer les hommes en loups, en ours, en chiens, et se tourner soy-mesme en chat, en chouette, en hibou, chantans la nuict sur les couvertures pour tristes augures; et comme les Prestres peuvent abuser par fascinations leurs commères, et les meschans Moines chevaucher sur les diablesses de

mules». Histoire maccaronique de Merlin Coccaie etc. nouv. ed. corrig. sur l'edit. de 1606 par P. L. Jacob. (Bibliothèque Gauloise), livre XXIII, pp. 402—404.

Новелла IX (послѣдняя: кн. IV, стр. 175—224): *о Бонифаціо Уберти*. Вмѣстѣ съ Гибеллинами, изгнанными изъ Флоренціи, бѣжалъ ко двору Петра Аррагонскаго, тогда сицилійскаго короля, (съ 1282 года; ум. 11-го ноября 1285 г.) молодой Бонифаціо Уберти. Въ Палермо онъ поселяется у одного Флорентійца, по имени Ліонардо (uno speziale.....chiamato Lionardo), у котораго была дочь Лиза. Оскорбленный однимъ изъ королевскихъ родственниковъ, завидовавшимъ милостямъ къ нему короля, Бонифаціо его убиваетъ; за открытіе преступника положена награда, но онъ никогда не былъ-бы обнаруженъ, еслибы во время тяжкой болѣзни Бонифаціо не далъ обѣта посѣтить святую землю и передъ поѣздкой не покаялся во всемъ монаху, который, прельщенный наградой, все разсказалъ королю. За несоблюденіе таинства исповѣди монахъ сожженъ, а Бонифаціо спасается отъ казни только по просьбамъ королевы, Лизы и мадонны Танчіи Тальявія, въ которую онъ былъ платонически влюбленъ.

О королѣ Петрѣ Аррагонскомъ, о *Bernardo* speziale (у нашего романиста — *Lionardo*) и дочери его Лизѣ говоритъ Боккаччьо Decam. giorn. X, nov. 7: «Il re Piero, sentito il fervente amore portatogli dalla Lisa inferma, lei conforta, et appresso ad un gentil giovane la marita, e lei nella fronte basciata, sempre poi si dice suo cavaliere»; о Лизѣ Пуччини можно справиться у Manni, Veglie piacevoli, Firenze, Ricci, 1815—16, vol. 8 in 16, см. vol. 4°.—Король Петръ былъ трубадуръ; Ренуаръ въ своемъ Choix v. IV p. 217 приводитъ его сирвентезу къ Peire Salvatge:

Peire salvagg', en greu pessar
Me fan estar
Dins ma maiso
Las Flors, que say volon passar и т. д.

которую тотъ не оставилъ безъ отвѣта (Raynouard ibid. и V. p. 332: Senher reys, qu'enamoratz par). О его романической любви къ Лизѣ Пуччини, которой рыцаремъ онъ называлъ себя, повѣствуетъ указанная нами новелла Боккаччьо: «E secondo che molti affermano, il re molto bene servò alla giovane il convenente, per ciò che mentre visse *sempre s'appellò suo cavaliere*, nè mai in alcun fatto d'arme andò, che egli altra sopransegna portasse che quella

che dalla giovane mandata gli fosse». Это согласно съ нашей новеллой, гдѣ король носитъ девизъ: *Pietro cavaliere di Lisa*. Послѣ этого и придворный музыкантъ *Benuccio d'Arezzo*, упоминаемый въ нашемъ разсказѣ, долженъ быть тождественъ съ *Minuccio d'Arezzo* боккаччьевской новеллы, «отличнымъ пѣвцомъ и музыкантомъ», по просьбѣ котораго Mico da Siena сложилъ канцонетту, начинающуюся стихомъ:

Muoviti Amore, e vattene a Messere.

Она вставлена въ новеллу Декамерона, хотя можетъ быть древнѣе его. Такъ Crescimbeni нашелъ ее отдѣльно въ старой рукописи библіотеки Chigi № 400, и напечаталъ въ своихъ Comment. ist. volg. poes. vol. II, p. II, I, (Venezia 1730). Valeriani, Poeti d. pr. sec. II, 417, ограничился воспроизведеніемъ текста Боккаччьо.

Что Уберти были гибеллины, и что, будучи изгнаны изъ Флоренціи, многіе изъ нихъ удалились въ Палермо, тому свидѣтель Villani lib. VII, c. 69. Вмѣстѣ съ ними могъ быть и Бонифаціо Уберти. Тождественъ-ли онъ съ авторомъ Dittamondo,—это другой вопросъ, на который мы не рѣшаемся отвѣчать положительно. Изъ стиховъ послѣдняго мы узнаемъ, что онъ влюбился въ Веронѣ и восемь лѣтъ томился въ разлукѣ съ своей возлюбленной. Его біографія, стало быть, представляла достаточно матерьяловъ для романическаго разсказа; но отождествленію мѣшаетъ хронологія. О годѣ смерти поэта показываютъ разно: Тирабоски говоритъ, что онъ умеръ вскорѣ послѣ 1367 года, другіе что въ 1370 г. Кардуччи въ предисловіи къ Rime di Cino da Pistoia ecc. Firenze, Barbèra, 1862 стр. LVI, ограничивается общимъ показаніемъ: «умеръ не раньше 1360 г.» Успѣлъ-ли онъ воспользоваться брошюрой Grion, Intorno alla famiglia e alla vita di Fazio degli Uberti, autore del Dittamondo, Udine 1861—сказать не можемъ, не будучи знакомы съ хронологическими результатами, полученными Гріономъ. Если съ тѣхъ поръ онъ не измѣнилъ своего мнѣнія, то смерть поэта Уберти надо будетъ отнести вмѣстѣ съ нимъ къ 1368 г. (см. Jahrbuch f. rom. u. engl. Liter. X, 2: Justus Grion, Ein Spruchgedicht Lapo Farinata's degli Uberti, стр. 209). Предположивъ, что онъ одно лице съ Бонифаціемъ, выведеннымъ въ новеллѣ, другими словами — что онъ жилъ при королѣ Петрѣ (1282—85), когда, по смыслу новеллы, ему могло быть по меньшей мѣрѣ лѣтъ 20,—въ 1368 году ему было-бы отъ 103 до 106 лѣтъ! Къ сожалѣнію, толкованія Гріона

въ послѣдней статьѣ (стр. 207, сл. Dittam. I, 1, 16) слишкомъ загадочны и, лично для насъ, не вразумительны, почему мы и не успокоиваемся на ихъ результатахъ, т. е. что поэтъ Уберти родился 18 или 19 іюля 1304 года,—а они спасли-бы насъ отъ этихъ, можетъ быть, ненужныхъ выкладокъ.—Какъ-бы то ни было, указанія на любовныя невзгоды Бонифаціо (Fazio) не рѣдки въ итальянской литературѣ конца XIV-го вѣка. Такъ въ одной канцонѣ Доменико да Прато (Cod. Laur pl. XLI, c. 31: Surge nunc, surge, nec tantum prolixe Manebis contra me senza pietade) поэтъ, жалуясь на жестокосердіе Амура, говоритъ, что его горя не сравнить съ горемъ Арригетто (da Settimello):

Non sì Arrighetto fu mai ne'suoi versi
Disperato ad dolersi;

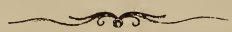
что онъ страдаетъ такъ, какъ не страдалъ Фаціо:

Non la metà di se potè dir Fazio.
Quanto il mio è magior strazio.

Такъ и въ аллегорической поэмѣ Джьованни ди Герардо онъ не позабылъ своихъ любовныхъ вздоховъ:

E *Fazio* che d'amor ancor sospira.

Послѣдняя новелла романа еще разъ привела насъ къ нашему романисту.



ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Либрехтъ въ примѣчаніяхъ къ переведенной имъ книгѣ Дунлопа ограничивается однимъ простымъ указаніемъ на новеллы Джиральди, не возбуждая вопроса о ихъ подлинности.

2. Favola composta per Giraldo Giraldi nel tempo della morìa nell' anno 1479. Начинается: Era nella chiesa d' Ognisanti. Въ концѣ: La qual cosa possa intervenire..... i dolci frutti della giovane età sua dona e concede. Послѣднія строки воспроизведены Чьони въ IV новеллѣ перваго изданія, но въ рукописи онѣ вычеркнуты авторомъ, и разсказъ кончается на словахъ: E questo infelice fine ebbono i due amanti.

3. Начинается: Una stella ci è aparita, Vergine di grande onore, Domitilla ella è chiamata, Nipote d' imperadore. Въ концѣ: Sempre istarà il tuo cuor giocondo Per virtù del sommo amore. Всего 36 стиховъ. Та же laude, только болѣе пространная и нѣсколько отличная, напечатана въ Vite d' alcuni Santi, слѣдующихъ за житіями dei SS. PP. del deserto.

4. «Я, какъ самый младшій изъ всѣхъ, и всегда движимый желаніемъ научиться, задумалъ собрать и записать на память испытаннаго удовольствія все, что̀ тогда услышалъ, не тѣмъ чистымъ, изящнымъ стилемъ, какимъ все это было сказано, но такимъ, какимъ прилично моему слабому разсудку».

5. Romanzo lib. I p. 98. Bene veggio tale ch' è qui fra noi, *ancora non frondute le guancie*. Та же черта въ предисловіи къ печатнымъ новелламъ, указанномъ выше: «siccome quello che più degli altri giovane era».

6. Proemio Чьони (изд. II стр. 1.): «Perchè sovente addiviene che, comunicando altrui li avuti piaceri, non meno si ha di consolazione nel processo del tempo, che sia stato sul fatto, conciossiachè quel bene che più comune è, senza dubbio più divino si dimostra» и т. д. Нашъ текстъ кн. III стр. 1: «Perchè sovente adiviene che, comunicando i piaceri aùti tralli amici, non s'à meno di consolazione nel processo del tempo che si sia stato in sul fatto, con ciò sia cosa che quel bene che più comune è, sanza dubbio più divino si dimostra: onde» и т. д.

7. «Только-что сказаны были эти краткія слова, какъ Джинджиккіо исчезъ по направленію къ Поппи, словно быстрый вѣтеръ: казалось, самой лошади не менѣе хотѣлось скорѣе исполнить порученіе чѣмъ ему. На что графъ Карлъ замѣтилъ острымъ словомъ: Смотрите, какой хорошій и бравый слуга нашъ быстрый Джинджиккіо, лишь бы дано ему было такое порученіе, гдѣ можно повеселиться и раздобрѣть безъ труда».

8. «Друзья и собесѣдники, вамъ слѣдуетъ не хвалить меня, а открыто признать, какой хорошій и бравый слуга нашъ быстрый Джинджиккіо» и т. д.

9. См. въ числѣ приложеній къ этой книгѣ посвященіе Luigi Marsili, которое мы воспроизводимъ по изданію Чьони, обокъ съ соотвѣтствующими отрывками нашей рукописи.

10 «Non solo per il carattere, ora cattivo, ora pessimo, *quanto ancora perchè la carta era talvolta così lacera e dal tempo e dall' inchiostro, ch'era difficillissimo il trarne costrutto. Trovai inoltre non poche carte staccate ed alcune mancanti, il difetto delle quali ha prodotte le lacune che nel proemio e nella II e VII novella si vedono*».

11. Во второмъ приложеніи къ этой книгѣ мы напечатали VII новеллу Чьони рядомъ съ 5 и 6-й нашего текста: такимъ образомъ всякій можетъ повѣрить, на сколько содержательны наши выводы.

12. «Un frate, conosciuto l'avarizia della Cammilla, donandola la conduce a' suoi voleri, dopo chè il dono in presenza del marito le richiede».—Что касается до новеллы Боккаччьо Dec. VIII, 2, указанной въ текстѣ (слич. съ ней VIII, 1), то Dunlop въ переводѣ Liebrecht'a (стр. 244—5) сравниваетъ съ ней французскій fabliau du prestre et de la Dame (Fabliaux par Barbazan et Méon IV p. 181), при чемъ Liebrecht, въ примѣчаніи 319 *a*, указываетъ на средневѣковое латинское стихотвореніе, изданное Th. Wright'омъ по рукописи XIII в. и представляющее съ разсказомъ Боккаччьо болѣе сходства чѣмъ французскій fabliau. Замѣтимъ здѣсь, что латинское стихотвореніе еще прежде было напечатано Бурманномъ (Anthologia veterum latinorum epigrammatum et poematum etc. digessit et auxit Heinricus Meyerus Turicensis, tom. II № 1126 In clericum стр. 76: Militis uxorem chlamidis mercede subegit Clericus etc.), который замѣчаетъ о немъ: Luxorianis simillimum. Луксорій жилъ при короляхъ Вандаловъ Тразамундѣ (496—523), Хильдерикѣ и Гелимерѣ (530—534).—Мы думаемъ, что ближайшее знакомство съ средневѣковыми латинскими источниками во многомъ ограничитъ ходячее мнѣніе о вліяніи французскихъ fabliaux на итальянскую новеллу.

13. «Madonna Francesca figliola di messer Guido di Ravenna del cognato suo s'innamora; e con quello dal marito suo in camera trovata è coll' amante uccisa».

14. «Samelic all' onestà di Gostanza insidiando, che di Sardegna involata aveva, quella la morte anzi che l'infamia incontrare volendo, in terribile modo la vita perdendo il pericolo scansa».—См. Lodovico Domenichi *La nobiltà delle donne* (Venezia, apresso Gabriel Giolito de' Ferrarii e fratelli 1551), гдѣ за разсказомъ о мужественномъ поступкѣ падуанской крестьянской дѣвушки (atto virtuoso d' una fanciulla contadinella Padovana f. 241 r. v.), напомнившимъ намъ сходную съ нимъ новеллу Эриццо («Artemia innavedutamente è presa da un padrone di nave; e non volendo compiacere alle amorose sue voglie, finalmente si getta in mare, salvando la sua castità con la morte». Le sei giornate dell'Erizzo, giorn. 6, avvenimento 32), слѣдуетъ на fol. 41 verso другой разсказъ, вложенный въ уста мессера Muzio giustinopolitano, сходный съ приводимымъ у Чьони: «A Brasilla di Durazzo non diede il core di uccidersi di sua mano, per conservare la virginità sua; ma volle ben morire per l'altrui. Perciocchè, veggendo il vincitore insolente disposto a farle forza, lo

pregò che non le usasse villania; et gli promise in premio, che col suco d'una herba lo farebbe inviolabile et securo da tutte le armi. Accettò la promessa il soldato, con animo però di non servarle fede: et ella allhora della prima herba, che le venne alle mani, fatto liquore, se ne bagnò il collo; et disse che sopra di lei ne potrà far la prova. Perchè egli ciò credendo, al primo colpo le tagliò il collo; et quella virtuosa fanciulla si liberò di pericolo e d'infamia. Di qui prese argomento M. Lodovico Ariosto della virtù d' Isabella, et del furore di Rodomonte» и т. д.

15. «Замѣчательный философъ, хорошо знакомый съ древнею исторіей, какъ видно изъ книги имъ написанной, исполненной правилъ глубокой политической и нравственной философіи, богатой драгоцѣнными свѣдѣніями о древностяхъ этрусскихъ и италійскихъ. Книга эта частью напечатана, хотя подъ другимъ именемъ, частью не издана. Онъ былъ въ особенно пріятельскихъ отношеніяхъ съ Antonio degli Alberti, другимъ замѣчательнымъ поэтомъ своего времени, и съ благородными принцами di Battifolle, властителями Casentino».

16. «Объ авторѣ этихъ баллатъ, знаменитомъ музыкантѣ и поэтѣ, такъ говоритъ другъ его Guido del Palagio въ книгѣ, на которую мы указывали въ другомъ мѣстѣ: «Въ то время процвѣталъ Франческо degli Organi, музыкантъ теоретикъ и практикъ, который (удивительно передавать это), будучи слѣпымъ отъ рожденія, обнаружилъ такой божественный талантъ, что не только до тонкостей изъяснялъ отвлеченное ученіе о музыкальныхъ размѣрахъ, но и съ великой пріятностью прилагалъ его на дѣлѣ на своемъ органѣ; и не смотря на все это (невѣрится разсказу) вступалъ въ споры съ любымъ артистомъ и философомъ, не только о своей музыкѣ, но и о всѣхъ свободныхъ искусствахъ, потому что во всѣхъ онъ былъ хорошо свѣдущъ».

17. le *tre corone fiorentine* — постоянное выраженіе автора, когда ему приходится поминать Данте, Петрарку и Боккаччьо.

18. Это различеніе трагическаго и комическаго рода принадлежитъ Данте. Сл. его De vulgari eloquentia.

19. Средніе вѣка давали Венерѣ двухъ сыновей: *Amor* и *Cupido*. Hadamar von Laber, S. 171.

Vênus, Amor und Cupîdô
Wenent gewalt und wunder zaigen.

20. «Giunone detta è secondo l'errore gentilizio ab antico iddea delle ricchezze e de' regni, chè l'una cosa e l'altra per mezzo dell' aere principalmente s'aquistano et ànno» lib. I. стр. 22—3. Выше, на 13 страницѣ той же главы, Юнона названа просто богиней воздуха. Сличи съ приведеннымъ отрывкомъ Boccac. De genealogia Deor. lib. VIII: eam praeterea regnorum atque divitiarum faciunt deam». Въ средневѣковой нѣмецкой литературѣ *rîch* было постояннымъ эпитетомъ Юноны. Такъ Flore vv. 1600—1. по поводу суда Париса:

dâ von gehiezens im enstrît
Jûnô *schatz* und *rîchtuom*
Pallas и т. д.

Diu Krone v. 8286: und Jûnônem die *rîchen*.

Tanhauser ap. Hagen, 2, 856: Jûnô gap *rîcheit* dur die minne, hoere ich jehen.

Konrad, Trojanerkrieg v. 81840 переводитъ Овидіево *regnum* (Her. 17 v. 117) — *schaz*: diu erste (sc. Jûnô) diu gelobte iu schaz.

21. Это можетъ быть сказочная *стеклянная* гора, изъ сказки перешедшая въ аллегорію.

22. Непереводимая игра словъ, впрочемъ довольно неудачная въ итальянскомъ текстѣ. Въ послѣднемъ смыслѣ ventura — ходкость, отъ venire, не употребительно.

23. Замѣтки и сомнѣнія о сравнительномъ изученіи средневѣковаго эпоса въ Журн. М. Н. П. 1868 г. ч. CXL

24. «con ciò sia cosa che quel bene che più comune è, sanza dubbio più divino si dimostra» lib. III, стр. I. Сл. Prose di Lorenzo de Medici (Si difende da chi lo accusasse di avere scritto in lingua volgare, въ Poesie di Lorenzo de' Medici, Firenze, Barbèra, 1859, I v. ed. G. Carducci, стр. 10): «si prova ogni bene esser tanto migliore quanto è più comunicabile ed universale»; и сходное мѣсто въ Инвективѣ Ринуччини, напечатанной нами при 2-мъ томѣ итал. изд.: «quanto il bene è più comune, tanto à più del divino».

25. Что обычай продавать и покупать въ рабство извѣстенъ былъ въ Италіи XIV-го столѣтія, подтверждается, не смотря на противныя увѣренія Bartolo (ad I hostis de captivis), новеллами Boccaccio II, 6, V, 6 и 7 (Teodoro и Violante). Рабынь упоминаетъ Francesco da Barberino въ Del Reggimento e dei costumi delle donne; у него же встрѣчается извѣстіе о частыхъ похищеніяхъ, которымъ въ въ то время подвергались ребята отъ расплодившихся нищихъ и бродягъ; почему нянькѣ дается совѣтъ:

Guardal da cattatori e da guiglioni;
Che se ne van furando molti e molti,
E rompongli le gambe e l'altre membra;
E vanno poi accattando con essi. Ibid. parte XIII.

26. Ammirato Ist. fior. XV: «*l'imperizia delle buone lettere*, la disciplina militare convertita in ladronecci, *le nobili arti sepellite*, e senza speranza кн. molti beni, apparati d'infinitissimi mali».

27. Ammirato l. c.

28. «Fue adunche questo felicissimo e grazioso anno la città molto di feste e di letizia gioconda: i famosi cittadini governatori di tanta republica, lietissimi e contenti nella pace sicura; i mercatanti ottimo temporale avieno: perchè li artefici e la minuta gente sanza spese o gravezza, sendo convenevolmente l'anno abondante, in questa felicità si vedieno, e volentieri ciascheduno a festeggiare e godere si trovava, facevasi molti conviti, magnifici e spesso». Кн. III, стр. 4.

29. «Era già il velocissimo carro del comato Appollo trapassato e scorso lo istellato *Montone* (созвѣздіе Овна: Мартъ) col ricco e bellissimo *Toro* (Телецъ: Апрѣль) che la pargoletta Europa sì dolcemente ingannòe; e i suoi isvariati cavalli già *Castore e Polluce* (Близнецы: Май) incendea и т. д. Кн. II, стр. 76.

30. Кн. II, стр. 75.

31. «Fiorenza detta sì èe, quasi posta a prestissimamente fiorire oltre a ogni natura di cosa» кн. IV, стр. 242.

32. «ragionando delle aque, e come e quanto miracolosamente a credere il maestro Buonavere le ritrovava, giudicava, e certissimamente predicea, non altrementi di quelle faccendo che uno astrologo nella *parte motina* guidicasse surgere e coricare le stelle» lib. IV p. 92. *Parte motina,* т. е. неба, мы переводимъ твердь, firmamentum, «qui touzjors tornoie et environe le monde, o toutes les estoiles de orient en occident» (Brunetto Latini Li livres dou tresor livr. I part. II chap. CVIII). *Motino*, а кажется намъ сложеннымъ, какъ французскій mutin (отъ muete, meute, lat. med. movita: movitinus?). *Motino* въ смыслѣ ammutinamento, ribellione встрѣчается у Cinuzzi, сіенскаго писателя XVI вѣка. Мы думаемъ, что здѣсь это слово имѣетъ значеніе астрологическое, непомѣченное словарями. Что до маэстро Buonavere, то Buonaveri были извѣстны во Флоренціи: они жили въ кварталѣ S. Spirito и нѣсколько разъ изъ нихъ выбирались пріоры. Buonavere di Simone di Giunta de' Buonaveri, legnajuolo e canettaio, упоминается подъ 1364 годомъ и вмѣстѣ со своимъ братомъ Piero въ 1370 и 75 годахъ; затѣмъ въ 1380 и 82 и наконецъ въ 1391, когда онъ былъ баллотированъ въ одинъ изъ меньшихъ цеховъ (squittinato per la minore). См. въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ замѣтки dell' Ancisa B. B. 106; G. G. 263, 264, 366. Buonavere di Matteo и другой Buonavere, сынъ Francesco, упоминаются—первый подъ 1348, второй подъ 1395 годомъ. Id. B. B. 106.

33. *Rime di F. Vannozzo tratte da un cod. del sec. XIV,* in occasione di nozze. Padova, tipogr. del. Seminario 1825 (Tommaseo).—*Saggio di rime di quattro poeti del sec.* XIV tratto da un cod. ined. Firenze, Pezzati 1829 (Tommaseo).—*Storia della dominazione Carrarese in Padova* di G. Cittadella, Padova, tip. del Seminario 1842 (I vol. стр. 404).—*Ghidino da Sommacampagna*, poeta veronese del trecento, sonetti ined. Verona, Merlo, 1856 (Sorio).—Tommaseo, *Dizion. estet.* Milano 1860.—*Rime di Cino da Pistoia ed altri*, Firenze, Barbèra 1862 in 32-o (G. Carducci).—*Poema in otto sonetti a Gian Galeazzo Visconti, conte di Virtù,* въ Archiv. stor. nuova Serie т. XV часть II, Firenze, Vieusseux 1862 (Sagredo).—G. Grion, *Ein motto confetto des Veroneser Dicht. Francesco di Vannozzo* (въ Jahrbuch für romanische und englische Literatur, Leipz. 1863, v. III p. 327—338).—*Fr. Sacchetti, Canzone morale* fatta per uno che avea a partire della sua dama. Faenza, Conti, 1864 in 8-e (Ghinassi).

34. Этому маэстро Бартолину изъ Падуи (Magister frater Bartolinus da' Padova) принадлежатъ нѣкоторыя изъ канцонъ, положенныхъ на музыку въ драгоцѣнномъ собраніи канцонъ и напѣвовъ, находящемся въ Лауренціанской библіотекѣ (ркп. 87, fol-o съ миніатюрами). Трудно сказать, ему-ли слѣдуетъ приписать ихъ стихотворный текстъ, или онъ только сочинилъ напѣвъ на чужія слова; послѣднее напр. несомнѣнно относительно французскихъ баллатъ, которыя помѣчены его именемъ, тѣмъ болѣе, что одну изъ нихъ мы встрѣчаемъ въ томъ-же сборникѣ съ именемъ *maestro ser Niccolò da Perugia*, стало быть другаго компониста. Не зная, были-ли онѣ когда изданы, мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ читаются въ лауренціанской рукописи:

La fiera testa che d'uman si ciba
Pennis auratis volitum perquirit;
Sovr' ogni italian questa preliba.

Alba sub ventre palla decoratur,
Perchè del mondo signoria richiede,
Velut ejus adspectu demonstratur.

Cist fier cimieres et la flamma che m'art
Soffrir m'estoyt, che sson fier leopart.

Сл. Trucchi, Poes. ital. ined. т. II стр. 159, который печатаетъ ту же баллату по парижскому списку, но въ искаженномъ видѣ и съ ошибками во французскомъ текстѣ.

La douce cere d'un fier animal
Se poyt intendre por signifians
Grant ardimant et humile senblans.

Le vis human, le bust d'un lyon
Intre sigies (sic) d'un bref allegier
Que dit ly amant sans dottier.

An su col port un scut tout blans
Che d'engonbrier il fet tout garans.

Это и есть канцона, положенная на музыку маэстромъ Никколò da Perugia, чтò оставляетъ насъ въ нерѣшительности, обозначаютъ-ли надписанныя имена— авторовъ или композиторовъ баллатъ, или авторы были въ то же время и музыкантами, чтò напр. несомнѣнно относительно Франческо Ciecо, который и сочинялъ канцоны и ихъ-же клалъ на музыку. Сл. кн. III стр. 11: «Francesco..... cominciò sì dolcemente a sonare suoi amorosi canti». Всё это заставляетъ насъ ограничиться лишь общимъ указаніемъ на итальянскія стихотворенія, помѣченныя въ нашей рукописи (Laur. 87) именемъ Bartolino, потому что не знаемъ, ему-ли принадлежитъ ихъ литературная часть. Кажется, таково мнѣніе Cappelli, который напечаталъ одну баллату съ именемъ нашего автора по нотной рукописи моденской библіотеки (№ 568), очень похожей на лауренціанскій списокъ. Сл. Ballate, rispetti d'amore e poesie varie, tratti da cod. musicati dei secoli XIV, XV e XVI, per cura di A. Cappelli. Modena, Cappelli, 1866, стр. 15.

35. «Il quale, come sapete, oltre a ogni altro grandissimo cittadino nella nostra republica in quelli tempi si era» кн. II стр. 97.

36. «Savio e notabile cittadino e grande quanto mai avesse la sua città» Franco Sacchetti Nov. 193.

37. Sic. Родительный падежъ очевидно не грамматическій недосмотръ (какъ напр. въ поэмѣ Reinfried употребленіе Iovis въ имен. пад.), но скорѣе наивное перенесеніе съ заголовка рукописи: Metamorphoseos libri и т. д. Въ этомъ смыслѣ еще страннѣе наивность Gower'a, принимающаго за имя существительное сокращенную помѣтку *metamor*(phoseon liber. и т. д.), которая должна была часто встрѣчаться на поляхъ овидіевскихъ рукописей. Такъ въ Confessio amantis, 2, 353—356:

Ovide said as I shall say
and in his *metamor* he tolde
a tale which is good to holde.

38. Egidio Romano Regg. del principe, ed. Corazzini кн. II, ч. I, гл. 20.

39. «*Le femine deono taciere nelle chiese*, però che non n'è loro licito a favellare in chiesa; anzi deono essere sottoposte, secondo che dicie la leggie; ma s'elleno vogliono imparare alcuna cosa, domandino a casa i loro mariti; chè sozza cosa è alla femina a favellare in chiesa» — «La donna savia e poco parlante è dono di Dio, e grazia sopra grazia». Изъ небольшаго трактата, напечатаннаго у Zambrini, Le opere volgari a stampa и т. д. Bologna, Fava e Garagnani 1866: *Sedici cose son quelle, che inducono ad amare il matrimonio, cioè la moglie,* стр. 152.—Впрочемъ запрещеніе женщинамъ приближаться къ алтарю и совершать на немъ какіе бы то ни было обряды встрѣчается уже въ постановленіяхъ Халкедонскаго собора, откуда перешло въ декреталіи папы Гелазія и въ XIII в. въ проповѣди Бертольда.

40. Egidio Romano l. c. кн. II часть I гл. 16.

41. Del Reggim. parte XVI стр. 257 (изд. Mansi).

42. Кн. IV, стр. 76: «Ora voi vedete che ancora le donne non sono con noi per la ora tempestiva; il perchè, se a voi pare, a me piace, mentre che ellono penono a venire, che la nostra collazione sia in qualche materia utile e non solamente dilettevole per lo novellare»; ibid. стр. 153—4 «O reverendissimi padri e maestri, voi vedete che le donne ancora nelle loro camere stanno, il perchè..... a voi piaccia non tanto lo dilettevole e comune, ma utile e particulare, o del ben vivere dell' uomeni secondo virtude intorno allo esercizio de' beni esteriori, o della nostra republica intorno al governamento cittadinesco o veramente pollitico qualche buona, utile e laudabile regola si dia».

43. «Per nostra Donna, per nostra Donna Vergine Maria, chè io non mi credea che le donne fiorentine fossono filosofe morali e naturali, nè che avessono la rettorica e la loica così pronta, come mi pare ch'abbino». A cui la valente giovane dolcemente rispuose: «Maestro, le donne fiorentine s'ingegnono di fare e dire sì, secondo il loro potere, che non sia loro una cosa per un' altra mostrata da chi ingannare le volesse. Ma voi che sapete, e certe ci rendiamo che'ngannare non vorrete, ditene la verità, acciò che ciascuno ne rimanga contento» кн. III стр. 32—3.

44. E. Sarteschi, Poesie minori del sec. XIV, racc. e collaz. sopra i migliori codici. Bologna, Romagnoli, 1867 стр. 80—3. Объ одномъ Giovanni di Niccolò di Ruggero или Geri Soderini говорится подъ 1391 годомъ; онъ умеръ 30 августа 1421 года. У него была сестра Niccolosa, замужемъ за Nerozzo di Bernardo degli Alberti.

45. Кн. III стр. 20—21.

46. Ib. стр. 21. Нечего и говоритъ, что Cioni печатаетъ *paradiso* и *cosa:* для него, который такъ неряшливо и неосмотрительно обошелся съ нашимъ текстомъ, какъ мы это доказали, всѣ эти намеки, разумѣется, не имѣли никакого значенія. Кажется, что и Sarteschi въ канцонѣ имъ напечатанной не обратилъ вниманія на игру словъ: реторическая прикраса, слишкомъ любимая въ то время, чтобы её можно было не замѣтить (Сл. напр. у Саккетти: *Elisa*—fioretta Alisa; *Angiolina*—tu Agnola verace e benedetta). Въ извѣстной намъ нотной рукописи канцонъ, прежде принадлежавшей Антонію Squarcialupo, теперь Лауренціанской библіотекѣ (№ 87), приведенная баллата нашего романа помѣчена вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими именемъ Francesco Cieco. Потому-ли, что она имъ положена на музыку? Или и самый текстъ ему принадлежитъ, и не даромъ

говорится въ нашемъ романѣ, что когда её собираются пѣть, всѣмъ это по сердцу, а Франческо въ особенности? (кн. III, стр. 20: e prestamente con piacere di tutti *e singularmente di Francesco musico* due fanciullette cominciarono una ballata a cantare). Какъ-бы то ни было, встрѣтивъ въ лауренціанской рукописи это стихотвореніе съ именемъ Франческо, мы еще болѣе убѣждаемся въ исторической достовѣрности нашего романа. Оно стоитъ въ сборникѣ подъ № 142 и представляетъ текстъ неполный и мѣстами испорченный, но легко возстановимый при помощи нашего романа, гдѣ оно читается вполнѣ. Предлагаемъ здѣсь лауренціанское разночтеніе:

Or *sun* gentili spiriti ad amar pronti,
Volete voi vedere l' Paradiso?
Mirate de' sta *petra* el vago viso.

Nelle suo' luce sancte ard'e sfavilla
Amor victorioso che *divaropa* (sic)
Per dolcezza di gloria chi la mira.

Divaropa исправляется въ *divampa* по требованію риѳмы (lampa); единственный варіантъ, самъ по себѣ незначительный, представляетъ *petra* (вм. cosa), который можетъ быть назначенъ удалить слишкомъ личный и случайный намекъ, заключавшійся въ двойственномъ значеніи *Cosa* и *cosa*. Но возможно и то предположеніе, что замѣна вызвана была желаніемъ намекнуть подъ покровомъ такого-же гомонима (Petra и petra) на какую нибудь мадонну Petra, какъ въ канцонѣ, приписываемой Данте.

47. Кн. IV стр. 113.

48. Ib. стр. 155—6.

49. Summa pars II quaest. 78 и Egid. Romano Del Reggim. del princ. lib. II parte III pag. 8—10.

50. Кн. IV стр. 77—83.

51. Cod. Laur. Gadd. reliq. 75. «Cap. III. *Della vile materia di che generati siamo*..... È adunque il virile seme nel quale è *virtute informativa* quella di che generati siamo; il quale, quantunque purissimo sangue sia, è tanto alla corruzione vicino che, se prestamente da *natural vasello* non è ricevuto che'l conservi, perduta la virtù naturale, si corrompe. Et per questo meritamente dire si può vilissima cosa; et similmente il sangue riservato della natura nel ventre della femmina, in quella parte che'l virile seme riceve, è di sua natura puro e persevera alcuno tempo nella sua purità. Et questo fa la natura acciò che la *virtù informativa* del virile seme truovi, sempre che l'è mandato, materia disposta a ricevere la forma precedente dalla *virtù del generante*» — «Cap. IV *Della miseria dove stiamo nel corpo* (var. ventre)..... Il luogo ove sta la creatura umana nel ventre materno si è uno certo recettacolo o vero ventricolo, il quale il sopradetto seme generativo riceve, com'è detto: ove per virtù del caldo naturale, ajutato dalla generosa e vitale bontà della natura, dopo certo tempo prende perfezione di forma dalla *virtù del generante*, avendo la vegetativa anima e la sensitiva; e in quella, quando tempo li pare, il nostro Signore spirando infonde la razionale anima, e quindi comincia a sentire e vivere, e quivi si conserva e aumenta».

Въ какомъ отношеніи находится трактатъ Торини къ трактату Иннокентія III, носящему то же заглавіе: *De miseria humanae conditionis*—этотъ вопросъ мы оставляемъ открытымъ для изслѣдователя.

52. Предлагаемъ здѣсь для сличенія параллельные тексты нашего романа (кн. IV, стр. 79—81) и рукописнаго трактата Giovanni di Gherardo по двумъ риккардіанскимъ спискамъ:

Романъ.

Dico adunche che, secondo che vogliono i vostri fisici, e singularmente il vostro divino Ipocrate dove tratta della natura del fanciullo, che, dapoi ch'è il sangue perfetto dall'uomo nel vaso naturale della donna disceso (il qual sangue la natura riserba per la generazione), prendendo la virtù informativa dal cuore del generante, dopo i sette dì fa uno folliculo, e circundalo in modo d'un uovo. Nella seconda settimana si generano certe gocciole di sangue nella superficie del folliculo. E nella terza settimana quelle gocciole che sono di fuori entrano dentro a esso umore di concezione. Nella quarta il detto umore si restringe e coagula, sendo quasi infra carne e sangue. Nella quinta in essa sustanzia d'umore si compone la efigie umana, sendo di grandezza d'uovo a pena, *e in quella brevità sono designate tutte le membra e ogni lineamenta di tutto il corpo. Et alcuna volta aviene che, fornita tutta la composizione de' membri, come detto è, il parto nel settimo mese s'afretta;* se non, nel nono mese à sua perfezione..... Resta a dire come si faccia animale ragionevole, imperò che ciò che detto io ò, è fatto da Dio mediante le influenze de' cieli, delle qualità delli elementi e dell' ordine della natura: il perchè è corruttibile e mortale; ma quello che fa Iddio sanza mezo, quello è incorruttibile e immortale. *Quella è adunche l'anima, la quale Idio, quando la natura à fatto l'articulare perfetto del cerebro, spira, e nuovo spirito sopra tanta arte di natura; e questa anima nuovamente fatta da Dio sanza mezzo, ciò che truova e*

(Giovanni di Gherardo)

Dico omai che l'uomo s'ingenera da uomo e femmina mediante la legge naturale, cioè per comune raccozzamento, portante seco il seme la virtù informativa dal maschio, cioè di farsi e di formarsi mediante el notrimento che dalla femmina prende: sicchè, attendendo la natura a fallo venire al fine suo, si comincia per essa natura prima lo seme a disporsi in questo modo. Ne' primi sette dì fa uno panicolo intorno al seme ad modo che è quello dell' uovo. Ne' secondi sette dì aopera nella superfice del panicolo quasi come gocciole di sangue. Nelli altri sette dì quel sangue dentro tira. Nella settimana quarta costringe esso umore e condensa insieme. Nella quinta comincia ad comporsi nelle membra e la sustanzia del detto omore comincia ad pigliare forma umana quasi di grandezza d'uno ape che fa il mele: *e nondimeno in quella brevità essere tutte le membra e tutto il corpo disegnato e distinto. Et se adviene che in questa quinta settimana con tutte le membra bene fornisca, el parto s'affretta nel mese settimo.* Nella sesta settimana è generalmente il corpo secondo el numero de' membri compiuto, sì l'articulare del celebro, il cuore, il polmone e gli altri membri interiori e esteriori: e infino a questo punto è suto primieramente nel seme la virtù del cresciere, come noi veggiamo nelle piante, che anima vegetativa si chiama (ma più propriamente parlando virtù d'anima è questa, e la prima seconda): nella settimana quarta vi s'aggiunge un' altra potenza d'anima che si chiama sensitiva, come è ne' funghi marini, nell

vegetabile e sensitivo tira in sua sustanza e diventa una sola, la quale vive e sente e conosce sè essere animale ragionevole oltre allo intelletto d'ogni animale bruto, parlando largo.

ostrage e in questi nicchi che nelle fiumane si truovano. *Dappoi formato come detto io t'ò e organizato tutto, nella sesta settimana Iddio unico, solo e incomprensibile e primo motore, lieto sopra tanta arte di natura spira una nuova anima, non mai più suta, pura e chiara come una tavola rasa nella quale niente è scritto.* È la predetta anima d'ogni virtù ripiena, con tre virtuti: Memoria, Intelligenza e Volontà libera dello albitrio nè a necessità alcuna costretta, anzi per sua virtù atta a signoreggiare la influenza delle istelle; e *ciò che truova nel detto corpo attivo tira in sua sustanza; sicchè quelle due virtù, vegitativa e sensitiva, si fanno una medesima sustanza con lei, la quale si move e sente, e quando è in perfezione conosce sè essere animale ragionevole. E questo in neuna altra cosa che nell' uomo si vede.*

Пропускъ, сдѣланный нами въ приведенномъ текстѣ нашего романа, обозначенный точками, отвѣчаетъ тому, что̀ въ рукописи Giovanni di Gherardo непосредственно слѣдуетъ за нашей цитатой: тамъ и здѣсь продолжается исторія человѣка до и послѣ рожденія, расположенная по днямъ, мѣсяцамъ и годамъ, которыхъ всегда 7: апокалипсическое число, перешедшее въ символику средневѣковаго искусства и любимое христіанскою аллегоріей (Сл. 7 таинствъ, 7 даровъ Духа Святаго, 7 словъ, произнесенныхъ Спасителемъ на крестѣ, 7 печалей Богородицы, 7 печатей божественной книги, 7 азіатскихъ церквей, 7 главъ апокалипсическаго звѣря, 7 свѣтильниковъ, 7 сосудовъ гнѣва Господня и т. п. См. также комментарій Бути къ XXV пѣснѣ Purg.).—Подобное-же соотвѣтствіе между двумя текстами мы замѣчаемъ еще въ другомъ мѣстѣ, тамъ гдѣ въ романѣ толкуется, на сколько одно животное способнѣе и смышленѣе другаго, а Трактатъ говоритъ объ удивительномъ инстинктѣ пчелъ, муравьевъ и т. п. Все это, если и не ведетъ къ прямому заключенію, что оба труда обличаютъ одну руку, всё-же указываетъ на одинаковыя философскія и литературныя вліянія. Такъ напр. та же теорія встрѣчается, хотя и съ нѣкоторыми отмѣнами, у Франческо да Барберино Del Reggimento delle donne, parte XVI, стр. 266—9 (ed. Mansi):

Dal dì ch' el tuo marito, attendi, donna,
Starà con teco insino a *sette giorni*,
Lo dono ch' el ti fece sta in latte.
. . . . . per suo riparo
Nasce d'intorno una foglia sottile.
. . . . . .

Di sette dì alcune goccie
Appariscon di sangue
D'intorno a questa foglia и т. д.

53. Кн. II стр. 224: «Quale è il migliore regimento d'una polizia, o quello d'uno, o quello di più, come noi continuamente veggiamo? o veramente qual'è miglior reggimento, o quello ch' è di buono signore (var. rè), o di buona legge?» Сл. Egid. Romano Regg. princ. lib. III p. II c. 26 и тамъ же ссылку на Aristot. Polit. III; Cortegiano lib. IV, cap. XIX и слѣд.

54. Кн. IV. стр. 84—85: «io dico che in meno parole in alcun tempo non udi' tanto pienamente sadisfare in tanta profonda e alta matera, e in me pensato arei impossibile con tanta brevità quello bene e perlucido, come detto è, poter dire; e omai chiaro veggio e conosco che l'edioma fiorentino è sì rilimato e copioso che ogni astratta e profonda matera si puote chiarissimamente con esso dire, ragionarne e disputarne. Et bene omai voglio credere quello che io sento del vostro Dante poeta teolago, che tante alte sentenze d'ogni disciplina elli ponghi sotto il velame della sua leggiadrissima invenzione. E per certo, padri miei, ei conviene che io l'abbia per l'avenire dimestico e familiare, dogliendomi forte che per lo arietro fatto non l'abbia».

55. «Scusimi ancora l'ardentissima voglia che continuamente mi sprona il (dolcissimo) edioma materno con ogni possa sapere esaltare e quello nobilitare, come che da tre corone fiorentine principalmente già nobilitato et esaltato si sia; le quali umilissimamente sì seguo, non altrementi ch'e dottissimi navicanti fecino ne' loro viaggi pel segno del nostro polo». Кн. I стр. 2.

56. Naldo Naldi Vit. Giann. Mannetti въ Script. Rer. Ital. XX 521; Tiraboschi Storia Let. ital. Modena 1776 VI p. I p. 77—8. Voigt (Die Wiederbelebung des classischen Alterthums и т. д. стр. 115) сопоставляетъ Mannetti съ Luigi Marsili; но послѣдняго уже не было въ живыхъ въ 1394, тогда какъ Mannetti, принимавшій дѣятельное участіе въ академическихъ сходкахъ S. Spirito, родился въ 1396 г.

57. «grandissimo favore nel dare opera alle lettere latine». Vespas. de' Bisticci Vita di Leonardo; Leon. Aret. Epist. II, 11; I, 12.

58. Franc. Bocchii Elogiorum и т. д. edit. altera emendatior. Florentiae 1844 (ed G. C. Galletti): *Aloysius Marsilius.*—Съ именемъ *Giovanni di Lorenzo* (Iohannes Laurentius) читается въ риккардіанской ркп. 1103 сонетъ, начинающійся стихомъ: Non altrimenti inamorò Narcita. Нѣкоторыя другія свѣдѣнія о литературномъ вліяніи Marsili сообщаютъ: Giann. Manetti. *Vita di N. Niccoli*; Leon. Aret. *Dialog. ad P. Histrum;* Poggio, *Oratio in fun. N. Niccoli.*

59. «di statura più che mezzana, ma alquanto chinato, con ossa larghe, colore quasi bianco, faccia tonda, larghe e pandenti mascelle e con labbro di sotto alquanto più eminente, pronunziazione modesta ma tarda: l'aspetto suo è alquanto orrido e malinconoso, ma cominciando a parlare è giocondo»; «tanta è la veemenza del suo parlare nelle persuasioni sue, che non pare che persuada, ma ch'egli sforzi quel che vuole impetrare» F. Villani, Vite d'uomini ill. fior. ed. Mazzuchelli (Vita e eccelenze di Coluccio Piero), причемъ слѣдуетъ сличить критическія замѣтки Lami въ Nov. letter. 1748 N. 15, гдѣ на основаніи риккардіанскихъ списковъ предлагаются нѣкоторыя поправки къ тексту Mazzu-

chelli (напр. *pendenti mascelle* вм. pandenti). Относительно года, когда Coluccio былъ избранъ въ канцлеры, Lami расходится съ общепринятымъ мнѣніемъ, предлагая вмѣсто 1375 года—1374-й и даже 1370-й (онъ нашелъ, «negli atti pubblici delle Tratte di Firenze che Coluccio fu eletto Cancelliere ancora nel 1370, e la sua lettera a Francesco di Brossano fa vedere..... che già nel 1374 era almeno Cancelliere fiorentino»). Много свѣдѣній о Coluccio представляютъ его письма, какъ неизданныя, такъ и напечатанныя въ собраніяхъ Mehus'a и Rigacci (гдѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на предисловія), Pez'a (Thesaur. Anecd. noviss. t. V P. III), Балюзія (Miscell. Lib. IV p. 510, 511 и 516); въ Epist. princip. (ed. ab Hier. Donzelino, Venet. 1574 p. 208), у Mehus'a Vita Ambros. Camald. passim; Tiraboschi, Stor. lett. italiana T. V; Moreni въ изданіи Инвективы противъ Антонія Луска.—Объ итальянскихъ сочиненіяхъ Salutati см. F. Zambrini, Le opere volgari a stampa и т. д. 3-е изданіе стр. 407. Въ рукописяхъ встрѣчаются неизданныя стихотворенія съ его именемъ.

60. Salutati Epist. I, 67, изд. Rigacci.

61. Ibid.

62. Въ 3-емъ приложеніи къ первому тому итальянскаго изданія этой книги мы напечатали неизданное письмо Coluccio къ Моравскому маркграфу, въ которомъ онъ обѣщаетъ ему выслать одно сочиненіе Петрарки, напоминая въ свою очередь объ Исторіи чешскихъ королей (Cronica regum Boemiae), ему обѣщанной. Не разумѣется-ли здѣсь хроника Пулкавы?

63. Salut. Epist I, 78: Domino Galeocto.

64. Письмо Salutati къ Римлянамъ, напечатанное нами въ первый разъ въ 4-мъ приложеніи къ 1-му тому итал. изд. этой книги.

65. О сильномъ вліяніи, какое производили письма Coluccio, говоритъ Rinuccini въ своей Risponsiva ad. Ant. Lusco: «Offerasi al mio tempo il maestro mio, e veramente Piero Coluccio figliuolo delle muse, così in versi, come in prosa, più e più libri elegantissimi scrisse, e, *con pace di tutti i cancellieri sie detto, lettere di sapienza sì ripiene e di maravigliosa dolcezza adornate dettò per la nostra Republica, che re e signori, ai quali sono pervenute, per mesi nelle loro mani l'hanno tenute, maravigliandosi della incredibile poderosità e dolcezza*». Напеч. въ концѣ Invectiva Lini Colucii in A. Luscum Vicentinum и т. д. Firenze, Magheri, 1826 (ed. D. Moreni) стр. 231. Въ примѣръ эпистолярнаго слога Coluccio мы въ первый разъ печатаемъ въ приложеніи къ этому русскому изданію письмо флорентійской респ. къ боснійскому Царю по поводу битвы на Косовомъ полѣ.

66. О Marsili см. Mehus'a и Tiraboschi и источники ими указанные. Перечень его итальянскихъ сочиненій, находящихся въ печати, можно прочесть у Zambrini, Le opere и т. д. 3-е изд. стр. 282—3. Его наставленіе для исповѣди, написанное въ 1387 г., встрѣтилось намъ въ бумагахъ Строцци во флорентійскомъ архивѣ, № 144, и въ позднѣйшемъ спискѣ Лауренціанской библіотеки. Bocchi Elog. (ed. G. C. Galletti стр. 12: *Aloysius Marsilius)* сообщаетъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ другихъ трудахъ, опущенныхъ или забытыхъ Tiraboschi: «Multa scripsit quae partim hominum negligentia, partim injuria temporum perierunt. *Extant tamen, quae nunc asservantur, Theologicae quaestiones mirabiliter utiles; Vetus itidem ac Novum testamentum heroicis versibus exaratum: opus profecto translatum miris modis, si laborem spectes, omne ex*

parte laude efferendum; si ingenium, justissimis de causis probandum». Не произошло-ли здѣсь такое-же смѣшеніе, на какое указываетъ Тирабоски у писателей августинскаго ордена, нашего Marsili съ другимъ его однофамильцемъ, жившимъ въ слѣдующемъ столѣтіи и спорившимъ съ Греками на Флорентійскомъ соборѣ? Если такъ, то не приписаны-ли здѣсь труды послѣдняго первому?

67. Bocchi ibid. vehemens in disciplinis peripateticis.

68. Кромѣ Марсиліо были въ то время и другіе аверроисты въ Падуѣ: Paolo della Pergola, Nicolò di Foligno, Onofrio da Sulmona, Giovanni da Lendinara и Giacomo da Forli. Не знаемъ откуда Voigt (Wiederbelebung и т. д. стр. 114) почерпнулъ свѣдѣніе, будто Marsili впослѣдствіи совершенно предался этой школѣ, и что благодаря ему мы можемъ составить о ней понятіе совершенно противоположное тому, какое обыкновенно выводится изъ нападковъ Петрарки.

69. Leon. Aret. Dialog. ad P. Histrum у Tiraboschi l. c. V. p. 134.

70. Нѣкоторыя разсужденія, вложенныя нашимъ романистомъ въ уста Marsili, встрѣчаются въ другихъ его сочиненіяхъ, и мы не находимъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что его комментарій къ Italia mia вышелъ впервые изъ литературныхъ бесѣдъ, въ которыхъ Marsili принималъ участіе. Сл. напр. итальянскій текстъ нашего романа кн. II стр. 73 (слова графа Карла въ спорѣ съ Марсильи) съ *Commento a una canzone di F. Petrarca per Luigi Marsili* (Bologna, Romagnoli 1863, ed. C. Gargiolli, стр. 44—5): «Sono adunque non uomini, chè razionali sarieno, ma bestie che tutte ànno le altre due (т. е. la virtù concupiscevole e la irascibile); e le più nobili bestie, come leoni, tauri, porci cinghiari, o cavalli selvaggi o aguglie, falconi, sparvieri e pesci dentati abondano nella irascibile; e le piu vilii bestie abondano nella concupiscibile, e sono sanza ardire e forza, come pecore, caprioli e cervi, che mangiando e generando continuo quasi mai non combattono, e così sono preda e cibo degli altri animali feroci e gentili».

71. Lettera contro i vizi della corte del papa, въ послѣдній разъ изданное у Selmi, Documenti cavati dai trecentisii circa al potere temporale della Chiesa, въ Rivista Contemp. 1862. Другія изданія помѣчены у Zambrini, Le opere и т. д.

72. Mehus, Vita Ambros. Camald. p. CCLXI.

73. Comento a una canzone di Francesco Petrarca per Luigi de' Marsili. Bologna, Romagnoli, 1863 (ed. Carlo Gargiolli).

74. Mehus, Vita Ambros. Camald. стр. CCLXXXV—VI. Другія письма объ этомъ дѣлѣ напечатаны нами въ 5-мъ приложеніи къ 1-му тому итальянскаго изданія.

75. См. письмо, напечатанное подъ № 6 въ приложеніи къ 1-му тому итал. изд.

76. Напечатано здѣсь въ первый разъ по cod. Laur. Gadd. reliq. 75 fol. 51.

77. Brieve meditazione sui beneficii di Dio per Agnolo Torini da Firenze, testo inedito bel buon secolo della lingua italiana. Bologna, Romagnoli, 1862 (ed. Zambrini).

78. Cod. Laur. Gadd. reliq. 75. Въ 7 № приложеній къ 1-му тому итал. изд. напечатано посвященіе графу Карлу, помѣщенное впереди неизданнаго еще трактата Torini.

79. Regola del governo di cura familiare compilata dal beato Giovanni Dominici, fiorentino, dell' ordine de' frati predicatori, testo di lingua dato in luce e illustrato con note dal prof. Donato Salvi, accademico della Crusca. Firenze A. Garinei 1860.

80. Leonard. Aret. Dial. ad Petrum Histrum lib. I.

81. Кажется, что и Rinuccini смотрѣлъ на Marsili съ точки зрѣнія спеціально духовныхъ совершенствъ, когда онъ такъ отзывается о немъ въ своей инвективѣ, стр. 227: «Nè nelle divine commemorazioni è d' essere taciuto della santa Iscrittura onore egregio, e di vita santissima Maestro Luigi de' Marsili, il quale con sì abondantissimo parlare al popolo la santa Iscrittura insegnò, che tutti così begli, come buoni i detti de' filosofi e de' poeti in comentazione della fede e conversione de' peccatori predicò» (Сл. прим. 65)

82. Lettere del beato don Giovanni dalle Celle, monaco Vallombrosano e d'altri coll'ajuto di varie stampe e mss. recate a miglior lezione dal P. Bartolommeo Sorio e O. Gigli. Roma 1845, 1 v.

83. Cod. magliabechiano II, II, 39, miscell. Первую часть сборника занимаютъ стихотворенія Francesco d' Altobianco degli Alberti; вторая, начинающаяся письмами Marsili, Guido и Giovanni delle Celle, писана рукою Michele di Nofri del Giogante, который отмѣтилъ ея содержаніе на первомъ листѣ рукописи. Сообщаемъ здѣсь часть этихъ рубрикъ, относящуюся къ указаннымъ письмамъ. «Questo libro è di me Michele di Nofri del Giogante ragioniere di Firenze, scritto *Il forte*, di mia mano nel 1453 e 1454; del quale scriverò e noterò qui dappie le cose che scritte ci sono. In primo—da carte 1: apparte della prima carta a 20 sono molte epistole di don Giovani dalle Cielle di Valembrosa, eremito di sopra a Valembrosa, una cattolica e spiritual persona e gran valente uomo e tutto d' Iddio; adirette a *Guido di messere Tommaso di Neri di Lippo* (сверху позднѣйшей рукою приписано *del Palagio), famoso citadino fiorentino appena senza pari, e con la valenzia v'era la bontà e la carità; e assai abondante dell' avere del mondo e gran limosiniere, e netto cittadino, perchè chi reggie al danaio, reggie a ogni cosa.* E con questa fama visse e morì in tanta universal grazia di tutto questo popolo, quanto degnamente meritava. E così ci è altre pistole che scrisse al maestro Luigi Marsili frate di Santo Spirito e mandavagliele a Parigi, e così alcune altre pistole ad altri spirituali. Ed eziandio ci è delle risposte di Guido e di maestro Luigi a detto don Giovanni dalle Cielle, tutte ripiene di spirituali esempli e dottrine, d'averne grande consolazione leggendole».

84. Въ письмѣ къ Francesco di Marco da Prato, don Giovanni такъ выражается о Гвидо: «il cui nome credo sia scritto nel libro di vita eterna». Письмо помѣчено іюнемъ 1392 года (изд. Sorio e Gigli, письмо XXIV), между тѣмъ какъ F. Zambrini относитъ смерть Валломброзскаго монаха къ 1390 г. См. въ предисловіи къ Brieve meditazione и т. д. Angelo Torini, стр. 6.

85. Moreni, Notizie istor. dei contorni di Firenze III, 65 и 204.

86. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы изъ исторій Аммирато; позднѣе мы упомянемъ о другихъ посольствахъ Гвидо, когда будемъ говорить о Giovanni de' Ricci и Andrea Betti, которые тоже являются соучастниками въ бесѣдахъ Paradiso.—Другія подробности о немъ представляетъ переписка (Carteggio) Синьоріи, ркп. центральнаго флорентійскаго архива, въ особенности о коммерческихъ

дѣлахъ Гвидо съ товарищами, которыми являются Vieri de' Medici, Andrea di Ugo и Antonio Santi. Письма отъ 1387, 88 и 89 годовъ.

87. Archivio centrale di stato di Firenze, Libro de' morti отъ 1399 до 1412 г.

88. «*Testamento di Guido di messer Tommaso* e come lascia certi poderi suoi all' arte della lana dopo la morte di Nofri d' Andrea di Neri»—такъ читается надпись на оборотной сторонѣ пергаменнаго списка, находящагося въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ между бумагами шерстянаго цеха. Завѣщаніе отъ 14 августа 1399 года писано въ домѣ завѣщателя, «in palatio residentiae infrascripti testatoris». Сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки, которыя показались намъ всего болѣе отвѣчающими цѣлямъ нашего изслѣдованія:.. Quum scilicet и т. д. *idcirco vir egregius et civis honoratissimus florentinus inter illos incurrente fama non solum florentini populi, sed etiam exterarum gentium reputatus,* Guido olim bonae memoriae domini Tommasii militis et quondam Neri Lippi de Florentia, sanus mente et intellectu, sed corpore languens, sua volens disponere et ordinare, ne accidat eumdem decedere intestatum, suum nuncupativum testamentum, quod dicitur sine scriptis, suam ultimam ore prope componendo et ordinando voluntatem, composuit, firmavit et fecit, in hunc modum, videlicet». Поручая свою душу Господу Іисусу и Его божественной Матери, Которой поклонникомъ Онъ самъ объявляетъ, что былъ въ теченіи всей жизни, Онъ оставляетъ шерстяному цеху на совершеніе вѣчной милостыни по его душѣ и душахъ скончавшихся ближайшихъ сродниковъ «*duo poderia dicti testatoris posita in comitatu Prati, in populo S. Martini a Paperino, super via et strata quae dicitur al Ferro; quorum alterum colit Iohannis Gherardi cum sua familia, alterum Sander.....* (sic.) *cum sua familia*» и т. д.; «hoc tamen exceptuato et praecedente quod Nofrius Andreae Neri infrascriptus solus donec vixerit dictos fructus et proventus tempore suae vitae percipiendos, ubi et prout voluerit, dare possit, teneatur et debeat pro anima dicti testatoris et suorum et aliorum defunctorum; gravans tamen ipse testator dictum Nofrium *quatenus primos fructus inde quandocumque recipiendos seu recolligendos per eum convertat pro amore dicti in acconcime, reparamento et mansionibus necessariis et honestis fratrum et pro fratribus Sancti Francisci qui dicuntur della observanza, quos ipse testator vocavit et venire fecit ad podium Fesulanum, prout ipsimet Nofrio videbitur; una cum bonae conditionis viro Francisco Tanagli cive florentino qui ad dictam piam expensam concurrere se obtulit sua bonitate Guidoni testatori praefato, ut ipse testator cum multa dicti Francisci comendatione affirmavit*». Завѣщаніе писано и скрѣплено рукою Ser Lapo Mazzei Amerigi, флорентійскаго нотаріуса, пріятеля don Giovanni dalle Celle.

89. Ammirato Ist. fior. XV въ концѣ: «imperocchè, parlandosi della osservanza della pace et dicendo quelli che la trattavano, che doveano per questo darsi idonei mallevadori da ciascuna delle parti; Guido con grandezza d'animo maravigliosa rispose: la spada sia quella che sodi, poichè Giovanni Galeazzo ha fatto esperienza delle nostre forze e noi delle sue».

90. Canzone di messer Guido y Trucchi *Poes. ital. ined.* т. II. 232—4 и въ *Rime di M. Cino da Pistoia e d'altri* изд. G. Carducci, стр. 597—600.

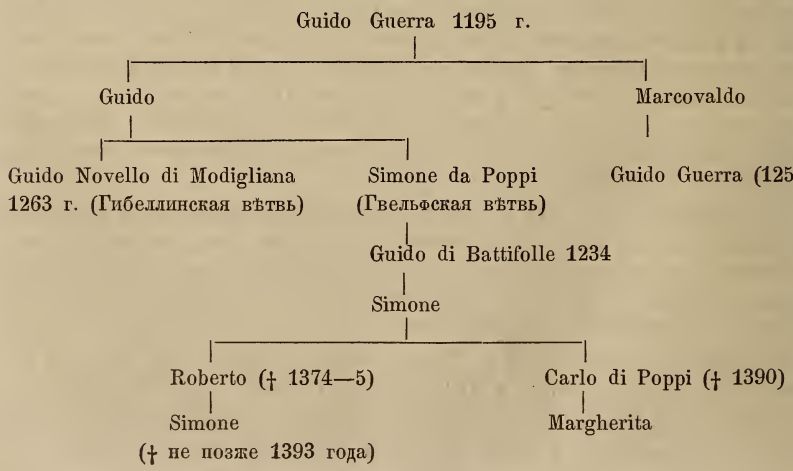
91. Кн. II стр.96—7. «Et io vi giuro per buona e purissima fede, che mai io no' fui in luogo dove io tante sì di cose magnifiche come di sollazzevoli e

gioconde n'udissi, quando di felice memoria il vostro magnifico e valoroso fratello conte Ruberto, famoso e dotto in ogni virtute si viveva. Et bene a voi ricordare ne puote, come che moltissime volte il sole iscorso abbia il suo istellato circulo del zodiaco, quando con infiniti sollazzi più e più giorni nel piacevole Prato Vecchio soggiornando infinita consolazione prendemo».

92. «Voi sommamente la benivolenza, sì per li benefici de' vostri padri, e sì ancora per la vostra virtù, della nostra repubrica fiorentina (si avete?), non altremente voi raguardante che caro, buono e unico suo figliuolo, letizia continua, speranza e conforto..... Vedete e considerate adunche quanto in voi d grazia si eè, e tritamente raguardate intorno a'vostri vicini; e vedrete per loro superbia, per loro avarizia essere stati isterminati e distrutti, e finite le loro potenzie sì e per tal modo, che con rabbia si vegono essere le lore cose disolate e al niente già divenuti». кн. II стр. 220.

93. Напечатанъ въ первый разъ по Cod. Laur. Gadd. reliq. 75 fol. 50 verso. Неизданный сонетъ Franco Sacchetti къ графу Карлу помѣщенъ нами въ 8-мъ приложеніи итал. изд. этой книги.—Къ графу Roberto di Poppi (какому?) обращена также канцона Симона Forestani Serdini изъ Сіэны, по прозвищу il Saviozzo, недавно изданная Sarteschi: «*Fatto a raccomandazione del conte Ruberto da Poppi a Firenze, mostrando come Firenze ne mostra designati nel suo petto molti di loro, de' quali parla di cinque, condimostrando lor probità e ricordando gratitudine*» и т. д. (Poesie minori del sec. XIV. Bologna, Romagnoli 1867 стр. 65—69). Другія стихотворенія того-же Saviozzo къ графу Роберту читаются въ Cod. laur. dei conventi № 122, fol. 50 recto—51 recto: «*Canzon morale fecie maestro Simone Serdini da Siena e mandolla al conte Ruberto da Poppi che l'avea in pregione per farli perdere la vita; e campò*». (Начин. Domine ne in furore tuo argues me).

94. Для лучшаго уразумѣнія генеалогическихъ отношеній графовъ Гвиди, дѣйствующихъ въ нашемъ романѣ, воспроизводимъ здѣсь по Аммирато одну вѣтвь изъ составленнаго имъ родословнаго древа, замѣтивъ напередъ, что графъ Guido Guerra упоминается нашимъ авторомъ въ введеніи къ баснословному разсказу объ основаніи города Прато.



Чтобъ еще лучше разъяснить политическую роль графа Карла, мы позволимъ себѣ предложить здѣсь свѣдѣнія, какія даетъ о немъ *l'Albero e istoria della famiglia de' Conti Guidi del sig. Scipione Ammirato, con l'aggiunte di Sc. Ammirato il Giovane* и т. д. (Firenze, Maffi e Landi 1640, 1 v. in fol.), присоединяя къ нимъ тѣ, за сообщеніе которыхъ мы приносимъ глубокую благодарность графу Luigi Passerini, извлекшему ихъ для насъ изъ своей генеалогіи графовъ Гвиди, предназначенной для извѣстнаго собранія Litt'ы (Famiglie celebri и т. д).—Карлъ, сынъ Симона Guidi, графа Battifolle и Poppi, отъ Новеллы дочери Франческо, маркиза Эсте, въ молодыхъ лѣтахъ остался сиротою подъ опекой матери, послѣ того какъ отецъ его погибъ въ чумѣ 1348 г. Въ 1354 онъ спѣшитъ съ вооруженною силой на помощь Флоренціи, когда явилось опасеніе, что императоръ Карлъ IV объявитъ себя противъ нея, а въ 1357 оказываетъ важныя услуги республикѣ, помогая ей отбросить нападеніе бродяжныхъ скопищъ, шедшихъ подъ начальствомъ графа Lando. Въ 1361 онъ состоялъ на жалованьѣ сіэнской коммуны и снова подчинилъ ея власти Montalcino. Съ 1362 по 1364 годъ сражается подъ флорентійскими знаменами противъ Пизанцевъ, и помянутъ особо въ мирномъ договорѣ 13-го августа 1364 г. Отъ 1 мая 1369 г. по 30 іюня 1370 мы находимъ его болонскимъ подестой; въ 1373 г. онъ во флорентійскомъ лагерѣ въ войнѣ противъ Ubaldini; точно также и въ борьбѣ противъ папы Григорія XI. Въ 1385 г. его посылаютъ усмирить Tarlati, поднявшихъ знамя возстанія послѣ покупки Ареццо: осадивъ ихъ въ замкѣ Pietramala, онъ принуждаетъ ихъ сдаться 16-го августа того-же самаго года. *Онъ умеръ не позже 1390-го года.* Женатъ онъ былъ на Маргаритѣ, дочери Giovanni Orsini, повелителя Bracciano (signore di B.), *а сынъ его Робертъ женился въ 1381 году на Маргаритѣ, дочери мессера Arcolano Buzzacarini изъ Падуи.*

Маргаритой звалась также одна изъ дочерей графа Карла, замужемъ за графомъ Aldobrondino Ariosto изъ Феррары. О Симонѣ, старшемъ сынѣ графа Карла (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его племянникомъ, носившимъ то же имя), мы знаемъ лишь очень не многое: извѣстно, что онъ состоялъ на жалованьи у Флорентійцевъ и умеръ около 1400 года, находясь до самой смерти во флорентійской службѣ.

95. Первый съ этимъ именемъ въ нашей генеалогической таблицѣ.

96. Напечатанъ въ первый разъ у Emiliani Giudici въ приложеніи къ 1-му изд. его Исторіи итальянскихъ коммунъ.

97. «la velenosa rabbia delle mortifere parti di Guelfi e Ghibellini» кн. II p. 100.

98. «Dunque dapoi che così è, parmi poter effettuosamente dire che regimento di più è più sicuro e migliore. Da altra parte mi strigne la ragione e dimostra.... che il regimento del buono re, che a tutti i casi provedere si puote, sia molto più fermo e migliore» Кн. V, стр. 226.

99. Cod. Laur. gadd. reliq. 75.

100. «Mancòe adunche tanto impero, perchè nè da re giusto nè da giusta leggie essere stato governato si vede». Кн. V, стр. 229. Сл. L. B. Alberti Della Famil. Proemio, стр. 12 (ed. Bonucci): «Ma subito che la libidine del tiranneggiare, e singolari comodi, le ingiuste voglie in Italia più poterono che le buone leggi e santissime consuete discipline, subito incominciò lo imperio latino a debilitarsi e inanire» и т. д.

101. Кн. V, стр. 224—229.

102. Свѣдѣнія о его жизни можно найдти у *Filippo Villani Vite d'uom. ill. fiorent.* (изд. Mazzuchelli, причемъ необходимо сличить замѣтки Lamī въ Novelle letterarie 1748 года) и въ ихъ латинской редакціи у Mehus'a Vita Ambros. Camald. стр. 323 и въ изданіи Galletti (Liber de civit. Florentiae famosis civibus). Въ латинскомъ текстѣ годъ его смерти не опредѣленъ, что̀ доказываетъ, что эта редакція составилась еще при жизни Francesco, тогда какъ итальянскій передѣлыватель, явившійся позднѣе, относитъ его смерть къ 1390 году, позабывъ вымарать въ текстѣ, съ котораго переводилъ, тѣ слова, въ которыхъ Франческо является еще живущимъ: «il quale ancora vive..... Morì» и т. д. Но это опредѣленіе невѣрно, точно также какъ опредѣленіе Mini (Della Nobiltà di Firenze и т. д. Firenze 1593, стр. 103), который относитъ кончину къ 1380-му году: тому и другому противорѣчитъ надгробная надпись, недавно найденная въ доминиканскомъ монастырѣ въ Прато и обнародованная у Гуасти. По указаніямъ этой надписи Франческо скончался 2-го сентября 1397 года и похороненъ 4-го числа того-же мѣсяца, какъ и помѣчено въ похоронныхъ записяхъ (portate de' becchini) ad annum. См. C. Guasti Opusc. concernenti alle arti del disegno e ad alcuni artefici. Firenze, Le Monnier 1859: *Della sepultura di Francesco Cieco de' Landini*, стр. 250, прим. 3.

103. Весь этотъ отрывокъ интересенъ для исторіи средневѣковой музыки: «Et quod est amplius, *lyra, limbuta, quintaria, ribeba, avena, tibiisque* et omni musicorum genere canit egregie, et quae reddunt sonitum continnitum per varias symphonias ore aemulans, humanoque commiscens concentui, tertium quemdam ex utroque commixtum sono musicae spiritum adinvenit iocunditatis ingenuae. Insuper genus quoddam instrumenti ex *limbuto, medioque canone* compositum excogitavit, quod appellavit *serenam,* instrumentum sane, quod reddat verberatis fidibus suavissimam melodiam». Ph. Villani Liber и т. д. *Serena* вм. *sirena* встрѣчается въ стихотвореніяхъ Alberto degli Albizzi и Coluccio Salutati (сл. въ поэмѣ Intelligenza: che mi sembravan canti di *serene*); *ribeba*= старофранц. *rebebe, rebec, reberbe, rebesbe; limbuta, limbutum* (? «ex limbuto») можетъ быть *cymbalum?* (limbus=cymba Isid.); *medius canon*=mezzo canone Франческо da Barberino и въ поэмѣ Intelligenza, medio cañ̃o у Arcipreste de Hita; относительно *quintaria* см. 2885 стихъ старофранцузскаго романа *Cleomades*, въ отрывкѣ, который мы приводимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ примѣчаній къ этой главѣ (сл. quinterna въ Minneregeln Эбергарда Cersne). Довольно полный каталогъ музыкальныхъ инструментовъ, извѣстныхъ въ Италіи въ XIII—XIV столѣтіяхъ, представляютъ слѣдующія двѣ строфы поэмы l'Intelligenza, приписываемой не совсѣмъ удачно Dino Compagni:

Qui v'era una donzella c'organava
Ismisurate dolzi melodie
Colle squillanti boci che sonava,
Angelicali, dilettose e pie.
Audi' sonar d'un' *arpa*, e smisurava,
Cantand'un lai onde Tristan morìe;
D'una dolze *viuola* udi' sonante,
Sonand'una donzella *lo' ndormante* (sic);
Audivi suon di *gighe* e *ciunfonie.*

Udivi suoni di molto dolzi danze
In *chitarre, caribi* smisurati,
Trombe e *cennumelle* in concordanze,
E *cembali* alamani assai triati,
Cannon, mezzi cannon, e smisuranze,
Sufoli con *tambur* ben accordati:
Audivi d'un *leuto* ben sonare,
Ribebe, otricelli, e ceterare
Salteri, ed altri stormenti triati.

Въ «Dialoghi della proporzione di tutti gl'Istrumenti da sonare» Андрея Naccheri, описанныхъ Doni (seconda Libreria), перечисляются слѣдующіе инструменты: citare, viuole, viuole a braccio con i tasti, lire con i tasti, liuti, cornetti, organi, arpicordi, dolcemele, salteri, manacordi, trombe dritte и tr. storte, pifferi, zampogne, canne изъ разныхъ матеріаловъ, dabbudda, stafette, cembali, cembanelle, nacchere, cassette и corno sordo.—Это можетъ служить дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, собраннымъ Амбросомъ изъ старонѣм., старофранц., прованс. и испанскихъ источниковъ. Ambros. Gesch. der Musik, 2 Band стр. 236 и слѣд. и прим. къ стр. 237. Сл. также Wackernagel Gesch. d. deutsch. Lit. стр. 17, 97, 103; Diez, Poesie d. Troub. стр. 42 и слѣд. и le Roman de Flamenca ст. 584—608 съ примѣчаніями Paul Meyer'a.

104. F. Villani, Vite. Кипрскій Король Петръ Великій былъ въ Венеціи въ 1361 и 1364 годахъ; Lami въ Nov. letter. 1748 г. думаетъ, что вѣнчаніе Франческо происходило, по всей вѣроятности, въ послѣднемъ году; не смотря на это остается въ силѣ сомнѣніе Тирабоски (Stor. letter. V 487), основанное на томъ, «что Петрарка, подробно описывающій эти празднества (въ Венеціи), не упоминаетъ ни однимъ словомъ ни короля Кипрскаго, ни Франческо».

105. «*Francesco degli Organi vi pose la note musicali*», «*Francesco degli Organi dette il suono a quattro voci*», «*Franciscus sonum dedit*» и т. п. Слич. также Ballate, rispetti d'amore и т. д., извлеченныя Антоніемъ Cappelli изъ нотныхъ рукописей моденской (Palat. № 568) и флорентійской (laur № 87); между ними есть нѣсколько стихотвореній съ именемъ Франческо, гдѣ интересно было-бы разъискать—его ли они, или только положены имъ на музыку. То же самое слѣдуетъ замѣтить и о стихотвореніяхъ изданныхъ Trucchi.

106. Crescimbeni Ist. d. volgar. poesia. Venezia, Baseggio, vol V стр. 5, и Trucchi Poesie ital. ined. v. II.

107. Cod. riccard. 688.

108. Allacci, Poeti antichi. Napoli 1661 стр. 343 и наше 9-е приложеніе къ итальянскому изд., гдѣ вмѣстѣ съ сонетомъ Франческо напечатанъ и сонетъ Саккетти, сколько намъ извѣстно, доселѣ не изданный: тотъ и другой по флорентійской рукописи Palat. cl. II ord. I cod. 205.

109. Кн. III стр. 3—4.

110. Сл. Risponsiva di Cino Rinuccini alla invettiva di Antonio Lusco, traslatata и т. д. (изд. Moreni въ приложеніи къ Invectiva Lini Colucii Salutati и т. д. Firenze, Magheri, 1826): «E acciochè *nelle arti liberali* niuno savio ci manchi, avemo in musica Francesco, cieco del corpo, ma dell'anima illuminato, *il quale così la pratica di quell'arte sapea,* e nel suo tempo fu migliore

modulatore di dolcissimi canti, d'ogni strumento sonatore, e massimamente d'organi, co' quali con piacevole dolcezza ricreava i stanchi» (стр. 238—9). Откуда слѣдуетъ, что Risponsiva была написана уже по смерти Франческо въ 1397 году (sapea; слич. также цитату въ прим. 81, гдѣ о Luigi Marsili говорится какъ объ умершемъ), но ранѣе 1406 г., т. е. кончины Coluccio Salutati (Сл. цитату оттуда-же въ прим. 65).

111. Leon Maitre, Les écoles épiscop. et monast. de l' Occident. Paris, Dumoulin, 1866 стр. 239.

112. S. Isidorus, Origines, III, XVIII.

113. Неизданное письмо Salutati, изъ котораго мы перевели отрывки, напечатано нами въ первый разъ въ 10-мъ приложеніи къ итал. изд. этой книги. Въ замѣнъ его приведемъ здѣсь похвалу музыкѣ въ 1-й книгѣ Cortegiano: она покажетъ намъ непрерываемость литературной традиціи. Говоритъ графъ Ludovico da Canossa: «io v'entrarò in un gran pelago di laude della musica: e ricordarò quanto sempre appresso gli antichi sia stata celebrata e tenuta per cosa sacra, e sia stato opinione di sapientissimi filosofi, il mondo esser composto di musica, e i cieli nel moversi far armonia; e l'anima nostra pur con la medesima ragione esser formata, e però destarsi e quasi vivificar le sue virtù per la musica. Per il che si scrive, Alessandro alcuna volta esser stato da quella così ardentemente incitato, che quasi contra sua voglia gli bisognava levarsi dai convivii, e correre all'arme; poi, mutando il musico la sorte del suono, mitigarsi, e tornar dall'arme ai convivii. E dirò vi, il severo Socrate, già vecchissimo, aver imparato a sonare la citara. E ricordomi aver già inteso, che Platone ed Aristotele vogliono che l'uom bene instituito sia ancor musico; e con infinite ragioni mostrano, la forza della musica in noi essere grandissima, e per molte cause, che or saria lungo a dir, doversi necessariamente imparar da puerizia; non tanto per quella superficial melodia che si sente, ma per esser sufficiente ad indur in noi un nuovo abito buono, ed un costume tendente alla virtù, il qual fa l'animo più capace di felicità, secondo che lo esercizio corporale fa il corpo più gagliardo; e non solamente non nuocere alle cose civili e della guerra, ma loro giovar sommamente». Слѣдуютъ указанія на законы Ликурга, примѣры Лакедемонянъ, Критянъ, Эпаминонда, Темистокла и Хирона,-обучавшаго музыкѣ Ахилла. «Però non vogliate voi privar il nostro Cortegiano della musica, la qual non solamente gli animi umani indolcisce, ma spesso le fiere fa diventar mansuete; e chi non la gusta, si può tener certo che abbia gli spiriti discordanti l'un dall' altro. Eccovi quanto essa può, che già trasse un pesce a lasciarsi cavalcar da un uomo per mezzo il procelloso mare. Questa veggiamo operarsi ne' sacri tempii in rendere laude e grazie a Dio; e credibil cosa è che ella grata a lui sia, ed egli a noi data l'abbia per dolcissimo alleviamento delle fatiche e fastidii nostri. Onde spesso i duri lavoratori de' campi sotto l'ardente sole ingannano la lor noja col rozzo ed agreste cantare. Con questo la incolta contadinella, che inanzi al giorno a filare o a tessere si lieva, dal sonno si difende, e la sua fatica fa piacevole; questo è giocondissimo trastullo dopo le piogge, i venti e le tempeste ai miseri marinari; con questo consolansi i stanchi peregrini di nojosi e lunghi viaggi, e spesso gli afflitti prigioneri delle catene e ceppi. Così, per maggior argomento che d'ogni fatica e molestia umana la modulazione, benchè incolta, sia grandissimo refrigerio, pare che la natura alle nutrici insegnata l'abbia per

rimedio precipuo del pianto continuo de' teneri fanciulli; i quali al suon di tal voce s'inducono a riposato e placido sonno, scordandosi le lacrime così proprie, ed a noi per presagio del rimanente della nostra vita in quella età da natura date». (Il Cortegiano, l. I. c. XLVII, ed. Baudi di Vesme). О колыбельныхъ пѣсняхъ говоритъ также Franc. da Barberino, Del Regg. p. XIII стр. 231 (ed. Silvestri).

114. Кн. IV стр. 113 «chè cominciato il suono si vidono molti uccelli tacere, e quasi come attoniti faccendosi più d'apresso, per grande spazio udendo passaro; dapoi ripreso il lor canto, radoppiandolo, mostravano inistimabile vaghezza, e singularmente alcuno rusignuolo, intanto che apresso a uno braccio sopra il capo di Francesco e dell' organetto veniva». Изображеніе такого органа можно найдти у Th. Wright'a A hist. of domestic manners and sentiments и т. д. NN. 124 и 125.

115. «Messer Rinaldo Gianfigliazzi, Giovanni de' Ricci e Andrea Betti (al. Minerbetti), cari cittadini di Firenze, andarono per lo comune di Firenze del mese d'ottobre al sire di Cuscy, e fu l'andata loro di tanto buona operazione, per la grazia di Dio, la quale si vede bene essere stata in questo fatto, che detti Mess. Rinaldo e Betti (al. Minerbetti) fecero patto e concordia col detto sire de Cuscy, il quale aveva Arezzo, eccetto la Rocca, che si teneva per il re Carlo, che egli diede a'dì 17 del mese di novembre la città di Arezzo al comune di Firenze». Memorie storiche di ser Naddo, въ Delizie del p. Ildefonso da S. Luigi v. XVIII стр. 72 и Ammirato, откуда заимствованы всѣ тѣ свѣдѣнія о Giov. de' Ricci, гдѣ нѣтъ особой ссылки на источникъ.

116. Посланниками были: Giov. de' Ricci, Guido di Messer Tommaso и Francesco Ardinghelli, «i quali ambasciadori andarono a dì 18 di Settembre del detto anno; e questi medesimi ambasciadori andarono a Genova al Papa, innanzi che andassero in Puglia». Mem. stor. di Ser Naddo ibid. стр. 79—80.

117. Ibid. стр. 93.

118. Ammirato Ist. fior. ad annum. Мы съ намѣреніемъ выписали все это мѣсто, чтобы удобнѣе было воспользоваться имъ впослѣдствіи при хронологическомъ опредѣленіи нашего романа.

119. Archiv. centrale di Firenze, Carteggio della Signoria, Regestum licterarum 1391—3 г. fol. 43—44 r. Comiti Virtutum «*Venerabilis pater frater Gratia ordinis heremitarum, sacrae theologiae magister et provincialis minister pisanae provinciae,* vir siquidem multae sapientiae atque virtutis, rediens a sublimitatis vestrae conspectu, magnifice et excelse Domine, frater et amice carissime, jocundissima relatione nobis exposuit quanta cum honorificentia ipsum contemplationi nostri comunis, quantaque cum benivolentia recepistis» и т. д. Въ концѣ: «Et quoniam de liberatione egregii legum doctoris domini Iohannis de Ricciis nobis spem non modicam praebuistis, dulcissimam fraternitatem vestram ab intimis deprecamur quatenus super hoc velitis taliter providere (potestis equidem), quod hanc gratiam tanto cum affectu postulatam quamve totus noster populus desiderat et expectat, cogitans ex hoc maxime vestrae bonae intentionis ad pacem occultum habitum apparere, de benignitatis vestrae manibus consequamur. Sit hoc primum observandae pacis, imo augendae dilectionis auspicium, ut videamus illa quae Roggerius Canis oratoribus nostris pro parte vestra Januae rettulit circa dictam materiam et bonum pacis, quale hoc esse cognoscimus, omnino non negligi sed plane, sicut de vobis spem gerimus, adimpleri.

Multifariam enim multisque modis potestis Iacobum de Apiano, cui quasi mancipuim idem Dominus Iohannes traditus est, non solum contentum facere, sed etiam prout ejus necessitas exigit adjuvare. Datum Florentiae die VI Septembris Ind. XV, 1392». Маэстро Грація упоминается еще въ другомъ письмѣ къ Giov. Galeazzo отъ 10 сентября того-же года, ibid. ff. 148—152.

120. Красоту какой-то Lisabett'ы Bivigliani воспѣваетъ Franco Sacchetti въ своей Battaglia delle belle donne di Firenze colle vecchie (cant 1-o st. 45 и 46, ed. Rigoli въ Saggio di Rime и т. д. Firenze, Ronchi 1825)

Più non si dee celar la gran bellezza
D'una che pare un falcon pellegrino,
Sì vien sopra di sè con tanta altezza,
Che fa risplender tutto quel giardino,
Chiamata *Lisa* di gran gentilezza,
Piena d'ogni virtù più che zaffino,
E più che pietra chiara, e preziosa,
Umil, suave, dolce e vergognosa.
Venne tanto valor da'*Bivigliani* и т. д.

О той-же самой Лизабеттѣ говоритъ баллата Саккетти «fatta per un giovine che amava Lisa», начинающаяся стихомъ:

Splendor del ciel, vaga fioretta *Alisa*

(Delle rime di M. Franco Sacchetti и т. д. Lucca, Franchi e Maionchi, 1853, стр. 45). Риголи въ объясненіяхъ къ Battaglia delle belle donne и т. д. цитуетъ къ 1-му стиху 72-й строфы V-й пѣсни (Io son chiamato dal fioretto mio. См. стр. 294 его изданія) этотъ стихъ баллаты, читая въ немъ *Fioretta*, какъ имя собственное:

Splendor da ciel, vaga *Fioretta* alisa,

въ которомъ онъ видитъ Фьоретту Кавальканте, замужемъ за Альбертомъ да Кастильонкіо, жившую около 1350 года. Но это толкованіе опровергается заглавіемъ баллаты въ лукскомъ изданіи.

121. Таково наше предположеніе, которое мы считаемъ не лишеннымъ вѣроятности. Канцона Пуччи, на которую мы намекаемъ, издана была G. Arcangeli и G. Carducci: *Incominciu una morale d'Antonio Pucci sopra le bellezze vuole avere la donna.* (Quella di cui io son veracemente). Въ риккардіанской ркп. N. 1091 она читается на fol. 155r.—156v. неполная (in fine: De'quai chi gli ode e chi la vede appaga—недостаетъ 10-ти стиховъ) и безъ имени автора, непосредственно послѣ *Morale di messer Giovanni de'Ricci da Firenze* (fol. 153 v. 155 r.), и помѣчена заглавіемъ: *Bellezza della donna di Mess. Giovanni dei Ricci.* Рукопись относится ко второй половинѣ XV-го столѣтія, и если можно предположить, что писецъ ошибся, приписавши Пуччи намекъ, въ которомъ онъ могъ быть и неповиненъ, то съ другой стороны трудно допустить, чтобы онъ не имѣлъ передъ собою свидѣтельства болѣе старыхъ списковъ, когда отнесъ къ Giovanni de'Ricci, имя котораго вовсе не изъ часто встрѣчающихся въ сборникахъ старинныхъ стихотвореній, ту поучительную канцону, которую мы воспроизвели въ 11 прилож. къ итал. изд. этой книги.—Ту же самую канцону, но безъ имени автора, предлагаетъ риккардіанская рукопись N. 2823, гдѣ ей предшествуетъ такое заглавіе: *Canzona d'uno ch'era innamorato d'una*

gentilissima giovane bella del corpo e non meno dell'anima; *accade che spirata da Dio si fece monaca*, *la qual cagione mosse l'autore per loda di lei alla presente morale* (Inc. O seconda Diana al nostro mondo. In fine: Che' ngrata esser non puote a cui ti scrivo). Наши предположенія относительно того, что женщина, любимая Риччи, пропзнесла иноческій обѣтъ, такимъ образомъ подтверждается; въ новой редакціи имя ея измѣнено въ Маргариту.

122. Memorie storiche di Ser Naddo, Delizie del padre Ildefonso XVIII, стр. 134.

123. Priorista Ridolfi въ Delizie ibid. стр. 135; Ammirato XVI.

124. Delizie и т. д. XVI, стр. 74 и 101.

125. Кн. II, стр. 90.

126. Кн. IV, стр. 156. «Come che la mia professione tutta sia stata ecclesiastica e non in tutto politica»; «imperò che la dimanda era tutta politica, e insieme nell'ultimo colla cattolica mescolata».

127. Объ этомъ посольствѣ въ Перуджію говоритъ A. M. Biscioni въ Alberi di diverse famiglie, ркп. мальябекьянской библіотеки cl. XXVI cod. 112 pal. 8 (Della famiglia dell'Antella): «1398, 29 luglio Mess. Bartolommeo dell'Antella con Mess. Cristofano Spini cavaliere a Perugia e a Roma, Lib. di rapporti, al tempo di Messer Coluccio trattorno e conclusono la pace fra Bonifazio IX e i Perugini, et ottennero licenza, che il comune di Firenze potesse per una volta sola imporre una prestanza ai Chierici per cagione delle spese fatte nella guerra passata». Три коммерческихъ письма какого-то Bartolommeo di Filippo dell' Antella, отличнаго отъ нашего, напечаталъ Dazzi въ *Sette lettere inedite del sec. XIV* (Firenze, tip. nazionale 1866); о третьемъ Bartolommeo изъ того-же рода, но болѣе древнемъ чѣмъ оба названные, говоритъ Cinelli, *Scritt. fior.* ркп. въ библ. Мальяб.: онъ былъ «prelato domestico di Bonifazio VIII, grandissimo oratore, mandato da sua Santità a più Potentati».

128. См. въ Carteggio della Signoria, mss. въ Archivio centr. di Firenze, письма, обращенныя по этому поводу къ *флорентійскому кардиналу*, къ *Domino Galaotto*, *Domino Filippo de Antilla* и *Urbano papae VI;* первое и послѣднее напечатаны нами въ первый разъ въ 12 прилож. къ итал. изданію.

129. Ibid. «Sanctissime et beatissime in Christo pater et dominus! Forte venerit ad aures vestrae benignissimae sanctitatis infelix captura nostrorum legatorum qui de conspectu vestrae sublimitatis in patriam revertebant.....Fuerunt etenim vestrae beatitudinis devotus orator dominus Bartholomaeus de Antilla equis et rebus omnibus spoliatus, et nobilis miles dominus Filippus de Magalottis, oratores nostri ad sanctissimae vestrae sedis excellentiam destinati, captus cum pluribus sociis» и т. д. Письмо отъ 14 іюня 1392 г.—Другое письмо, отправленное Флорентійцами къ папѣ(data Florentie die XVII Martii VIIII indictione MCCCLXXXV) по дѣлу какого-то Stefano Diedi, кончается слѣдующей рекомендаціей нашего Bartolommeo: «Ceterum venerabili viro Domino Bartolomeo de Antellensibus, plebano sancte Marie de Antilla ac Canonico Florentino, civi et oratori nostro super hac materia credere dignemini, tamquam nobis». Ibid.

130. Delizie del padre Ildefonso, XV (Istoria fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani) стр. 20: «Alessandro e Bartolommeo degli Alessandri, che prima erano degli Albizi divisi nel 1373, stavano di casa degli Albizi a san Pier Maggiore nel corso o Borgo detto»; ibid стр. 24; см. XVII т. того-же собранія, стр. 168: ricordi contemporanei dei «secondi arsi e disfatti a dì 20 luglio» и т. д.

131. Ibid. т. XVII, стр. 172.

132. Ammirato. Ist. fior. lib. XV.

133. Der Liendel Lautenschleher.

134. Кн. IV. стр. 61; сл. ib. стр. 60—61 неблагопріятный отзывъ о шутовскомъ ремеслѣ: «colpa de'tristi artefici isfacciati, iscostumati e ghiottoni che quella seguitono non con quelli costumi, giocondità e solazzi che a quella richiede, ma più tosto con importunità di gaglioffare, mordere e iscostumare con parole e gesti scelerati in esemplo d'ogni doloroso modo e isfacciato costume; i quali io giudico più tosto da esser tuffati e mazicati e sterminati, ch'essere uditi e accettati. E costoro con più onesto vocabolo che possono *uomini di corte* si fanno chiamare, ma comunemente più propio *buffoni* nominati si sono».

135. «Sonetto di Marchionne di Matteo Arrighi fecie per uno Bindo che stava in corte di Messer Bernabò e atendea a bere e a buffonare ed era da Fucecchio di Firenze»(Acciò che veggi chiaro il mio Sonetto). Cod. Laur. Red. 184.

136 «fare più *tomi schiavoneschi*» кн. IV, стр. 171. Обращаемъ вниманіе на эту этнографическую подробность. Только по отпечатаніи нашей итальянской книги мы встрѣтили еще одно подобное указаніе, которое помѣчаемъ здѣсь для историковъ культуры: оно находится въ одномъ анонимномъ Descrizione del giuoco del calcio начала XV-аго вѣка, въ 15-ой строфѣ: «e far le fe'*tomolo schiavonesco*—дѣло идетъ о мячѣ. (Due canzoni politiche di Bruscaccio da Rovezzano.—Descrizione del Giuoco del calcio di anonimo. Firenze, stamperia sulle logge del grano. 1863).—Вотъ, между прочимъ, какъ описывается въ романѣ самое дѣйствіе: «E detto così e'fe' più tomi con tanta velocità e prestezza, che non che c'si vedesse che terra toccasse, ma elli parve uno baleno che per l'aiere balenasse, rimanendo ritto sanza quasi spirare» (ibid).Это напоминаетъ подобный-же разсказъ у Жуанвиля (ed. Francisque Michel, стр. 160—161): «Il (т. е. quatre ménestriers) faisoient trois merveilleus saus; car en leur metoit une touaille desous les piez et tournoient tout en estant, si que leur piez revenoient tout en estant sur la touaille; les deux tournoient les testes arieres, et l'ainsné aussi. Et quant en li fesoit tourner la teste devant, il se seignoit; car il avoit paour que il ne se brisast le col au tourner».

137. Ib. стр. 174. «E fatto venire tavole e'su'cominciò a fare cose che per ciascuno si giudicava, non altrementi delle sue ossa elli fare torcelle parendo, che delli suoi nervi facesse, come spesso d'una adatta e forte ritorta si fae; dapoi con certe coltella e spade fra loro volgendo il corpo e le reni, per sì fatta forma e maniera, che chi raguardava, giudicava lui parere impossibile questo fare sanza operazione di diabolica illusione». Объ искусствѣ, съ которымъ римскіе circulatores, funambuli и т. п. ломали свои члены, чтобы сдѣлать ихъ гибкими и подвижными, говоритъ Іоаннъ Златоустъ въ своей гомиліи къ Антіохійцамъ.

138. Histoire maccaronique de Merlin Coccaie, ed. P. L. Jacob (Bibliot. gauloise) liv. XIII, p. 235—7.

139. Обычай дарить шутовъ и потѣшныхъ людей платьемъ, лошадьми и т. п. былъ на столько общій, что не требуетъ особенныхъ примѣровъ. Benvenuto Aliprando разсказываетъ въ своей мантуанской хроникѣ, что на свадьбѣ нѣкоторыхъ членовъ семейства Gonzaga въ 1340 присутствовало до 400 музыкантовъ и скомороховъ, которые всѣ были щедро награждены; точно также при бракосочетаніи Віоланты Висконти съ Ліонелемъ въ 1368 г.:

Messer Lionel colla sua compagnia
D'altri Baron, per farsesi onore
Robe cinquecento ai buffon dasìa.
Buffoni zigoladri e sonatore
Per Galeazzo assai robe donate
Bernabò lor fe'dar denari ancore—Murat. R. I. Script.

140. Novella CLXXV.

141. Novella CLXVI.

142. Schifanoja—Бѣги скуки.

143. Вотъ какія свѣдѣнія о немъ мы нашли въ Delizie del Padre Ildefonso XVII, стр. 122—3: онъ былъ сыномъ ser Nello, и значится въ цехѣ медиковъ, аптекарей и розничныхъ торговцевъ подъ 1353 и 1376 годами; вмѣстѣ съ братьями Bartolommeo и Matteo упомянутъ въ податномъ спискѣ (Prestanzone) 1369 г. и одинъ въ Prestanzone 1390. На выборахъ (squittini) 1381 и 1391 года онъ является отъ своего квартала S. Giovanni gonfalone del Lion d'oro. До насъ дошло нѣсколько его контрактовъ, касающихся купли, продажи и т. п., въ Gabelle (1372,84 и 91 годовъ), точно также въ записяхъ ser Giovanni Cini da Pulicciano отъ 1371 г. и въ записяхъ ser Matteo Dato de'Sofferoni, по поводу владѣній пограничныхъ съ Careggi. Онъ былъ женатъ на Andrea del Grasso da Monte Buiano (упоминается подъ 1398 г.); по записямъ серъ Франческо ди серъ Томмазо Мази 6-го мая 1399 г. она вмѣстѣ съ сыновьями вступила во владѣніе наслѣдствомъ мужа, съ 1390 г. написавшаго свою духовную.

144. Кн. II, ст. 89.

145. Ib. стр. 86.

146. Кн. III, стр. 13.

147. Кн. II, стр. 93.

148. Не предположить-ли скорѣе въ этомъ Mattio—брата Biagio, Matteo Sernelli, тѣмъ болѣе, что въ романѣ они постоянно являются вмѣстѣ? Matteo di ser Nello упоминается подъ 1354, 64, 69, 81 и 89 годами. Въ 1386-мъ онъ значится въ матриколѣ цеха медиковъ и аптекарей; а подъ 1397 годомъ занесенъ въ древнюю книгу братства Мизерикордія. Colombani упоминаетъ его въ своемъ сочиненіи *Della nobiltà de'notai*. Cilia di Corso di Buonamico dei Corsi была его первою женой (упоминается подъ 1354 г.), второю—donna Francesca di Giovanni d'Arrigo de'Sassolini (упоминается подъ 1354 г). Въ 1390 г., находясь въ Болоньѣ, онъ сдѣлалъ свое завѣщаніе, но неизвѣстно было-ли у него потомство. Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы нами изъ Delizie del padre Ildefonso т. VIII стр. 122—3.

149. Novella CXCIV.

150. Сл. напр. Novella della Lisetta Levaldini, scritta nel secolo XV, Lucca, Canovetti, 1865, стр. 11 и слѣд.

151. Nov. CLXXV.

152. Объ одной Agnola или Angiolina Strozzi говоритъ Саккетти въ canto I, str. 42, 43 и 44 своей Battaglia delle belle donne di Firenze colle vecchie:

42. Segue chiamando questa giovinetta (т. е. Giovanna Strozzi)
Per mostrar la biltà di due sorelle:
O fonte di virtù, o *Agnoletta*
Che se'sì bella fra l'altre donzelle,
Tu *Agnola* verace e benedetta и т. д.

. . . . . .

43. L'altra sorella Ginevra piacente
Con *Agnoletta* suo presa per mano
Sì bella giugne, che Tisbe niente
Fu pari a questa coll'aspetto umano и т. д.

. . . . . .

44. Ancor gli Strozzi degni d'alta fama
Da ciel condusson questi duo smeraldi и т. д.

Единственное мѣсто нашего романа, гдѣ говорится о Ginevr'ѣ degli Alberti, приведено въ прим. 173.

153. Свѣдѣнія о немъ у P. Ildefonso, Delizie XXIV, стр. 127 и 132, и III, стр. LIII; сл. также въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ замѣтки dell'Ancisa DD, 80; JJ 754; NN, 345, 1. Онъ принадлежалъ къ цеху розничныхъ торговцевъ и упоминается подъ 1366, 1381, 1383, 1388, 1391 и 1395 годами (въ послѣднемъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ); въ 1381 и 1391 Bartolo, Andrea и Giorgio di Giovanni Sonaglini помѣчены какъ squittinati per la maggiore. Отецъ его Giovanni di Andrea Sonaglini, квартала S. Spirito, занесенъ въ libri del Monte подъ 1348 г.

154. Кн. II стр. 91. Мы одолжены графу Luigi Passerini свѣдѣніями о двухъ различныхъ Andrea Dandolo, относящихся къ этому времени; къ сожалѣнію ни тотъ ни другой не подходитъ къ юношескому возрасту нашего. *Andreotto di Betto Dandolo* da S. Fantin былъ обложенъ 1500-ми дукатами сбора съ недвижимаго имущества венеціанской коммуны за 1379 годъ.—У другаго *Andreotto Dandolo*, прозваннаго il ricco (богатый), былъ дворецъ въ San Luca, гдѣ въ 1362-мъ году отведена квартира австрійскому герцогу, прибывшему въ Венецію. Въ 1368 г. онъ былъ провіантмейстеромъ (proveditore) венеціанскаго войска, сражавшагося во Фріули противъ Венгерцевъ, а въ 1372—въ той-же должности въ войнѣ противъ Падуанцевъ. Въ 1379 г. ходилъ съ дожемъ Контарини снова добывать Кіоджію, занятую Генуэзцами.

155. Кн. II, стр. 77.

156. Сл. впрочемъ Sommario dell'origine et nobiltà d'alcune famiglie della città di Padova, composto da M. Giacopo Cagna и т. д. In Padova, ristampato per Gaspare Crivellari 1623: Della famiglia de Buzacarini стр. 10—11. «*Lodovico fu capitan generale de Vinitiani in Dalmatia* 1408».

157. Большая часть этихъ свѣдѣній почерпнута нами изъ Illustrazione del Prato della Valle, ossia della piazza delle statue di Padova, autore Antonio Neumayr, dottore socio и т. д. стр. 247. Мы обязаны ими г. Giusto Grion, съ большой готовностью сообщившему намъ извлеченіе изъ книги Neumayr'a, которую мы напрасно искали въ библіотекахъ Флоренціи.

158. Родственныя отношенія Buzzacarini съ Carrara и графами Поппи лучше всего будутъ видны изъ слѣдующей генеалогической таблицы.

Pataro Buzzacarini

(† 29 сентября 1382, женатый на Fina di Gherardo Vitaliani)

Fina † 1378 (замужемъ за Francesco il Vecchio da Carrara)

Arcolano (Arcuano) † 1402 (женатъ на Mabili'и (Nobilia) di Francesco Manfredi)

Lodovico † 1433

Margherita за графомъ Roberto Novello.

159. Кн. III, стр. 3: «Era stato chiamato e eletto per li maestri e uficiali de nostro studio Maestro Marsilio da Santa Sofia Padovano, uomo fisico di mirabile scienza e dottrina, non solamente nella principale sua medicina, ma in tutte l'arti liberali sanza dubbio meritevolmente glorioso e famoso. Similemente ancora per simile modo ci era maestro Biagio da Parma, universal filosofo e metamatico più che altro che quella età si avesse.....Eraci ancora il preclaro e famoso teolago e metamatico maestro Grazia, non meno d'ingegno divino che umano».

160. Въ одной ркп. флорентійской Палатины, содержащей одинъ *Trattato di pratica d'arismetrica*, этотъ маэстро Grazia поименованъ вмѣстѣ со многими другими математиками, на 2-мъ листѣ recto: «E acciò che intenda gli autori e quali io chiamo da essere reputati, sono Euclide, Boetio, Iordano; e de'nostri toscani Lionardo Pisano, Massolo da Perugia, frate Lionardo da Pistoia, maestro Pagolo le cui ossa sono in sancta Trinità; maestro Antonio Mazinghi, maestro Giovanni e in alcune cose maestro Luca, *non lasciando maestro Grazia frate dell'ordine di sancto Agostino*».(Intorno ad alcune opere di Lionardo Pisano matematico del secolo XIII, notizie raccolte da Baldassare Boncompagni и т. д. Roma, tip. d. bell. arti, 1854).

161. 1396, 25 Aprile: «Istruzione data dai Dieci di Balìa di Firenze a Grazia de' Castellani e Andrea Bondelmonti, mandati ambasciatori a Sigismondo re d' Ungheria». Archiv. Stor. Ital. 1-e serie, t. IV p. 1, стр. 220.

162. «Ricordanza brevissima a voi, maestro Grazia, ambasciatore al papa, fatta и т. д. die 4. di Febraio MCCCC», въ Archiv. centr. di Firenze.

163. Письмо Generali Heremitarum напечатано нами въ первый разъ въ 13-мъ прилож. къ итал. изд.

164. Сл. прим. 119.

165. Colle, Storia scientifico-letteraria dello studio di Padova (Padova vol. 4, 1824—5, tipogr. della Minerva), vol 3-o стр. 192—197. Источниками слѣдующей біографіи служили кромѣ книгъ Alidosi и Papadopoli: Facciolati, Fasti gymnasii Patavini стр. XLVI; Mazzetti, Repertorio di tutti i professori antichi e moderni della famosa università e del celebre istituto delle scienze di Bologna, стр. 202; Salvatore de Renzi, Storia della medicina in Italia (volumi 5) vol. 2-° (Napoli 1845) стр. 271—3; и Тирабоски, Stor. d. lett. ital. V стр. 207—9.—Вотъ какъ выражается о Марсилio Bartolommeo Fazio († 1457) въ своей книгѣ о великихъ людяхъ: «*Marsilius Bononiensis* in medicina *temporibus nostris floruit*, vir

et ingenio et doctrina singulari. Ejus opera multi praestantes medici effecti sunt, nec quiddam est in tota philosophia et medicorum artibus, quod ignorasse existimetur, scientia quidem admirabilis, ceterum in docendo, quam medendo admirabilior habitus. Namque omne prope vitae tempus in docendis adolescentibus posuit, ex eaque re magnam laudem et gloriam adeptus est. Scripsit et ipse multa de hac ipsa facultate, quae doctorum judicio comprobantur» (Bartholomaei Facii De viris illustribus liber, ed. Laurentius Mehus, Florentiae, Paolo Giovanelli 1745, 1 v. стр. 36). О Марсиліо упоминаетъ также, хотя и кратко, Domenico di Bandino d' Arezzo въ своемъ неизданномъ сочиненіи, на которое мы укажемъ впослѣдствіи, а Benedetto Accolti цитуетъ въ числѣ философовъ и «Marsilium ex Sanctae Sophiae oppido» (Bened. Accolti Aretini Dialogus и т. д. изд. Galletti стр. 123).

166. «Item sententiamus quod D. Franciscus de Carraria praedictus permittat Nob. D. Alidusium de Monte Merlo, Nobiles de Campo S. Petri, *Mag. Marsilium de S. Sophia et filios....* qui justo titulo possidebant quaecumque bona in Padua, seu ejus districtu, libere gaudeant dictis eorum benis et juribus и т. д. Quod libere cancellentur et eximantur ab omnibus bannis, processibus et condemnationibus personalibus, quae factae fuissent vel forent contra praedictos, vel aliquem seu aliquos praedictorum» и т. д.

167. «Anno Domini 1405 Marsilius Patavinus philosophus insignis et phisicus famosus, qui libros multos super opera Hippocratis, Galeni et Avicennae composuit, Bononiae moritur». Script. Rer. Ital. vol. XXII. О сочиненіяхъ Марсиліо писали Scardeone, Portinari, Papadopoli; Colle присоединилъ ко всему этому свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рукописныхъ его твореніяхъ, хранящихся въ парижской библіотекѣ. Въ каталогѣ туринской библіотеки, составленномъ Pasini (Codices Mss. Bibl. regii Taurinensis Athenaei vol. II стр. 121) встрѣчается нѣсколько его медицинскихъ трактатовъ. Такъ въ cod. lat. DXXX, K, V, 6 (cart. sec. XV) fol. 161 читаемъ: *Magistri Marsilii de Sancta Sophia recepte medicinales ex Mesua;* а въ латинской рукописи DXXXIII, K, V, 10 (cart. sec. XV): *Marsilii de Sancta Sophia Receptae super l. IV Avicennae de febribus.* In fine: «Expliciunt Recepte magistri Marsilii de Sancta Sophia. Scriptum per Antonium de Longis de Leucho anno Domini 1442». Тѣ же самыя Receptae Marsilii de Sancta Sophia встрѣчаются въ рукописи 854 флорентійской риккардіаны; in fine: «Expletae sunt recepte super p. 4 и т. д. anno Domini MCCCCXLI die octavo mensis Julii, ad laudem summi Dei. Amen. Dolce e amaro». Латинскій трактатъ *De generatione et corruptione* встрѣчается съ его именемъ въ ркп. 746 той же библіотеки, съ слѣдующей хронологической отмѣткой въ концѣ общаго указателя главъ, заключающихся во второй книгѣ: «Et sic est finis istius libri. Et est finitus sub anno Domini MCCCCVII, die XVI mensis Septembris. Et scriptus Perusii per me Henricum Moczendorf teotonicum per egregio artium doctore et medicinae perito Magistro Antonio de Neapoli» и т. д.

168. Послѣдняго мнѣнія держался кажется и Cagna, когда въ своемъ Sommario dell'origine et nobiltà d'alcune famiglie della città di Padova онъ помѣстилъ слѣдующую замѣтку о нашемъ Marsilio: «Marsilio fu medico, il quale scrisse un trattato De sanandis aegritudinibus, compose alcuni commentarii sopra gli aforismi di Hippocrate e lesse nello studio di Bologna 1411» (стр. 51). Семейство Santa Sofia родомъ изъ Константинополя. (id. ibid.).

169. На слѣдующихъ страницахъ мы предлагаемъ только общій результатъ, полученный изъ сличеній различныхъ свидѣтельствъ о маэстро Біаджіо. Поэтому мы обращаемъ читателя къ книгамъ Alidosi (стр. 12), Fantuzzi, Facciolati (стр. 102), Mazzetti (стр. 54—55), и въ особенности къ Ireneo Affò, Memorie degli scrittori e letterati parmigiani (Parma, stamperia reale, vv. 4, 1789) vol. 2-⁰ стр. 108—126; F. M. Colle, Storia scientifico-letteraria dello studio di Padova (vv. 4, Padova, tip. d. Minerva, 1824—5) и A. Pezzana, Continuazione delle Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani (также подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: Memorie degli scrittori e letterati Parmigiani raccolte dal padre Ireneo Affò e continuate da Angelo Pezzana), tomo VI, parte II, содержащая поправки и дополненія стр. 123—134 (съ критикой Affò и Colle), и tomo VII стр. 319 и 672.

170. Кн. II стр. 76—81 «et mentre che sì coll' occhio ghiotto e sommamente voglioso a rimirare soprastava, Ludovico Buzzacherino, generoso sangue della Patavina cittade, trovandosi fra gli altri della dolcissima compagnia così ver me a parlare cominciò: «Che pure consideri e raguardi? Riconosci tu i fertilissimi colli Euganii, dove già infinita consolazione tanto dolcemente aùto si ài? Raguardagli e bene considera quanto per sito graziosi natura gli à fatti e prodotti. Adunche maraviglia non fue, se il prudente Antenore per sua eletta e ultima patria e sepultura gli elesse. In quelli quanto utile necessario e piacevole al bisogno dei viventi è, perfettamente si truova. Adunque certissimo essere ti dee che non sanza grandissima e evidente cagione e ragione l'antichissimo popolo padovano il grande e giocondissimo Bacco elessoro per Iddio principale nella loro republica, sicome il fiero popolo romano il bellicosissimo Marte, il quale per simile ancora dal glorioso popolo fiorentino, seguitando i loro padri, eletto si fue. Dê pensa un poco alla mia dolcissima patria e vedrai in molte e moltissime grazie abondare. Io teco con somma consolazione mi ragiono e ralegro e perchè ti ramenti delli aùti piaceri per essa considerare». Allora prestissimamente una dolcezza il cuore mi prese e raguardatolo un poco così gli risposi: «O dolcissimo amico mio, fisso sempre nella mente si m' èe quella dolcezza che buona e santa amicizia produce, la quale in te e nella tua tanto da me amata patria per clemenzia e umanità de' cari tanto a me e a te feci e trovai, e sempre con saldissimo animo sì ritenni. Perchè adunque amare nolla deggio e sempre per seconda patria nella mente tenere? E grandissima consolazione sempre si m'èe desso commemorare e parlare; ma perchè non sostiene per lo presente lo tempo di dirne a pieno, lascierò e riserbiallo a altra convenevole istagione; chè la magnificenza solamente è tanta del magnifico prencipe Francesco primo nobilissimo da Carrara, che sarebbe mestieri i suoi gesti a scrivere e recitare il gran mare della eloquenzia di Livio tuo Padovano». Et questo a lui detto, prestissimamente uno giocondo e lieto viso mi fece, sugiugnendo al mio dire: «La patria famosissima tua l'essere dato si t'àe principale, ma questa, che seconda nominare ti diletta, il secondo essere equale al primo t'à dato, quando quivi nell' arti liberali il tuo tempo metesti. Or non in questa, come chiarissimo sai, dal secondo tuo precettore, Biagio Parmense, le cose della maestra natura udisti, e quanto val sì aprendesti? In questa il moto de' figliuoli di Latona e delle stelle fisse e erratice tanto ferventemente aparasti; in questa le qualitadi dell' aiere dal concavo sotto alla luna alla profondità della terra chiaramente mostrato ti fue, e perchè nella mezza regione i diversi vapori surgendo e esalando e per molta freddezza ingrossando, la terra da aqua e neve, brina e rugiada e grandine è bagnata e talor

ricreata e percossa; e come i venti, le comete con secchi e caldi vapori iscorrendo, folgori terribili e truoni e incendii balenando, generati si sono colli spaventevoli terremoti pienamente vedesti. Io non deggio più oltre commemorare e ridire. Io lascio stare le potenze dell'anima collo intelletto possibile e agente; io lascio stare quello che la metafisica colle demostrazioni utili e leggiadre della dilettevole perspettiva dimostra, imperò che tutto chiarissimamente sai, nè il tempo più oltre richiede».

171. Colle loc. cit.

172. Vita Victorini Feltr. стр. 40, цит. у Tiraboschi Stor. d. lett. Ital. VI, I, стр. 255.

173. Кн. III стр. 18—20 «È mestieri adunche, amici carissimi, la condizione più tritamente del Maestro Biagio sapere, acciò che pienamente comprendiate i suoi costumi e modi. È il maestro Biagio uomo di mirabil scienza e dottrina, come in parte di sopra udito avete, e non solamente in filosofia naturale e morale, ma in ogni parte di metamatica arguto, demostrativo e più ch' altro reale e sofista, secondo che la astuzia nell' argumentazioni richiede. Oltre a questo è sommo teolago, di memoria tenacissima e grande, ch'è maraviglia a pensalla; e è tanto abituato alla lettura, singularmente di filosofia naturale, che sanza libro avere innanzi ogni difficilissima lezione improviso si leggie, dilucida e dechiara. Vedete adunche quante sono le sue virtudi. Per altra parte nor credo che trovare si potesse uomo che sano sia di celebro, di minore intendimento di lui intorno alle cose politiche o iconomiche e singularmente circa la eloquenza. Il perchè piaque al maestro Luigi con piacere della compagnia dare al maestro Biagio la risposta alle graziose donne, per prendere di lui piacere. Udirete adunche come la fece e con quanto leggiadra eloquenzia.—Veduto il maestro Biagio, dopo molta repugnanza per non fallo, dovere rispondere, non altrimenti che così disse: «O bonae, o bonae, dominae meae», inchinandosi quasi a terra e sanza avere in capo alcuna cosa, sendo il suo capo per vecchiezza quasi tutto calvo e picciolo: il perchè, sì per essere ancora piccolo e sparuto di persona, come per lo tempo, uno mentecatto parea. Le donne, che lui vedieno sì inginochiato a terra e sì dire nè altro, maravigliavansi. Ma una di quelle con una buona e onesta baldanza, *il cui nome è Ginevra, figliuola del notabile padre messer Nicolaio*, facendosi più innanzi, il prese per mano e su levòllo e in tal maniera parlòe: «Molto a ringraziare v'abiamo di quanto ci à risposto il nostro maestro Biagio che ci chiama sue madonne; noi li vogliamo essere sue buone figliuole, pur che meritiamo essere in vostra compagnia».

174. Кн. III. стр. 11—13. Не знаемъ, къ нашему-ли Біаджіо слѣдуетъ отнести то неблагопріятное сужденіе о какомъ-то Pelacani, медикѣ, которое Niccolò Niccoli произноситъ въ одномъ латинскомъ діалогѣ до сихъ поръ неизданномъ, можетъ быть не совсѣмъ вымышленномъ, написанномъ во второй половинѣ XV-го вѣка и посвященномъ молодому Lorenzo de' Medici. Разговаривающихъ выведено трое: Niccolò Niccoli, Leonardo Aretino и Carlo Marsuppini. Въ числѣ множества выходокъ противъ невѣжественныхъ врачей есть одна, которую мы выписываемъ: Sed alter (sc. medicus) usque ad superiores dies *Pelacanus suae* artis nomine vocatus, nuperrime tamen quasi fungus post magnos imbres ex acervo corruptae sordis a mundis suis pellibus evulso, quadam proxima nocte medicus evasit. Is enim, ut fertur, daemones cacodaemones magica arte invocat

atque coercet, lubetque ut languentis illius quem vult simulacrum vel formam daemones illi sibi deferant, et eam scindant atque eviscerent, ut de porcis aliisque bestiis consuevere carnifices. Ibi vero cum magno lumine consecratae candelae passim viscera omnia suis manibus revolvit atque oculis diligenter perlustrat, ut aegrotantis illius singulos intueatur langores. Tandem vero de invaletudine ac invalitudinis causa bene conscius factus, illud simulacrum reintegrari atque consui et in suum locum reduci praecipit, post vero languenti, cujus erat simulacrum, medelas adhibet opportunas; si autem de salute illius desperet, id suis affinibus patefacit, ne in vanum pro salute sua laborent. Sed aegrotantis prius ac genetricis ejus proprium nomen solertissime perquirit, de genitoris autem nomine nihil sibi curae est, nam de vero patre incertum nomen esse dicit, matris autem certum: ne sui daemones aliam aegrotantis formam sibi deferrent». Laur. pl. 77, cod. 22.

175. Lettere del beato don Giovanni dalle Celle и т. д. Roma 1845, стр. 37.

176. См. въ 14 № приложеній къ первому тому итал. изд. неизданное письмо don Giovanni и отрывокъ отвѣтнаго посланія Fraticelli. Fraticelli, вышедшіе, какъ извѣстно, изъ реформы францисканскаго ордена, учили, что у I. Христа не было собственности.

177. Palat. cl. II ord. I cod. 205, стр. 354—5.

178. Ibid. стр. 354—5.

179. Кромѣ историковъ современныхъ событій, вродѣ ser Naddo, и флорентійской исторіи Ammirato, мы пользовались для біографіи Альберти еще нѣсколькими новѣйшими изданіями болѣе частнаго характера. Такъ напр. изданіемъ его сонетовъ и канцонъ: Sonetti e canzone del clarissimo M. Antonio delli Alberti, poeta del XIV secolo, ora per la prima volta pubblicati, Firenze, Molini, 1863. Anicio Bonucci снабдилъ его предисловіемъ, которое долгое время держало насъ въ заблужденіи относительно времени, къ которому приходится пріурочить событія, описанныя въ нашемъ романѣ. Принимаясь толковать о стихотвореніяхъ Антоніо, Bonucci заключаетъ изъ нихъ, «что онъ находился въ числѣ изгнанныхъ изъ своей дорогой отчизны Флоренціи и желалъ, чтобы она благословила его возвратиться. Но если вспомнить, что нашъ поэтъ закрылъ глаза вдалекѣ отъ родной земли, столько имъ любимой, намъ остается предположить, что ему не привелось дожить до исполненія его желаній. *Въ самомъ дѣлѣ, изгнанные изъ Флоренціи въ 1387 году партіей dei grandi какъ потворщики народнаго правленія, Альберти лишь въ 1428 году были отчасти освобождены отъ лежавшаго на нихъ запрещенія, которое снято съ нихъ окончательно только шесть лѣтъ спустя, т. е. въ 1434 году*». Вслѣдъ за тѣмъ Bonucci принимается разсказывать о судьбахъ Антоніо въ изгнаніи по тѣмъ немногимъ извѣстіямъ, какія ему удалось собрать: какъ отъ 1389 по 1405 годъ онъ читалъ алгебру въ Болонскомъ университетѣ, и въ слѣдующемъ году медицину, «и такъ продолжалъ можетъ быть до конца своей жизни, оставивъ сочиненія очень замѣчательныя для того времени»; какъ наконецъ онъ скончался въ 1415 году. Мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что изъ всего сообщаемаго Bonucci нѣтъ ни одного свѣдѣнія, которое бы не грѣшило тою или другою стороною.—Нѣсколько подробностей объ Антоніо и женѣ его Bartolommea встрѣтились намъ на стр. LXXI—LXXX предисловія къ *Regola del governo di cura familiare compilata dal beato Giovanni Dominici fiorentino, dell' ordine*

de' frati predicatori, testo di lingua dato in luce e illustrato con note dal prof. Donato Salvi accademico della Crusca. Firenze, A. Garinei, 1860.—Но болѣе всего послужили намъ жизнеописанія мессера Antonio и Бартоломмеи въ пространномъ трудѣ, который о семействѣ Альберти приготовляетъ графъ Luigi Passerini; мы приносимъ ему глубокую благодарность за сообщеніе намъ корректурныхъ листовъ своего великолѣпнаго изданія.

180. Ammirato Ist. fior. XIII.

181. Delizie degli eruditi toscani, tom. XVI, стр. 110.

182. Ammirato, Ist. fior XIV.

183. Ibid. lib. XV; Memorie di ser Naddo: «Nota che a dì 5 ovvero 6 di maggio messer Benedetto e tutti gli Alberti sono stati posti a sedere per cinque anni, eccetto i figliuoli che furono di messer Niccolaio di Lasarco (?) ed i figliuoli; ed il figliuolo che fu di messer Jacopo degli Alberti». Delizie del p. Ildefonso, tom. XVIII, стр. 94.

184. Cod. Magliab. cl. VIII cod. 1392, p. 2. Первое изъ указанныхъ писемъ надписано на оборотѣ: «da Bruggia dì XXV decembre, fatta dì XXVI di Novembre»; второе «da Bruggia dì XX di Giugno 1388»—помѣтки, очевидно относящіяся ко времени полученія того и другаго во Флоренціи. Разстояніе между XXI маемъ и XX іюнемъ, и между XXVI ноябремъ и XXV декабремъ показываетъ, что письма между Брюгге и Флоренціей шли около мѣсяца.

185. Storia delle monete della repubblica fiorentina, data in luce da Ignazio Orsini, accademico fiorentino apatista, e socio colombario. In Firenze 1760, Pietro Gaetano Viviani stampatore, стр. 127—8:

«1389. In Dei Nomine Amen. Anno incarnationis Domini nostri Iesu Christi 1389, indictione duodecima, existentibus pro Communi Florentie providis viris [nel margine dell' originale vi è la seguente postilla: «Quod sic mutatur tempus initii Officii Dominor. propter deficientiam burse pro arte Kallimale»]:

Domino Antonio Domini Nicolai de Albertis pro arte Kallismale, et Nicolao Michelis Vannis de Castellanis pro arte Campsorum, civibus honorabilibus Florentinis, Dominis et officialibus Zecche dicti communis, et cujuslibet monete que fit et cuditur in dicta Zeccha pro tempore sex mensium init. die XXVIII Maii dicti anni, et existente Camerario dicte Zecche Piero Iohannis de Siminettis pro arte Campsorum,

Romolo Iohannis, et

Luca Martini, sententiatoribus Auri quod mictitur in dicta Zecca.

Piero Gori intagliatore ferrorum cum quibus cuduntur monete,

Andrea Bindi saggiatore argenti quod mictitur in dicta Zecca,

Ser Gregorio ser Francisci Notario pro arte Kallismale dicte Zecche.

Quorum tempore facti et coniati fuerunt Floreni Auri soliti ponderis, et cum solitis licteris, et Figuris, et cum novo signo unius Lilii».

186. «Nota che a dì 20 di giugno 1389 messer Tommaso, overo Maso, di Luca degli Albizzi, il quale si fece, ed era fatto cavaliere nella Magna..... fece a' frati di S. Croce la festa della sua cavalleria, bella ed onorevole, con molti armeggiatori, ed anchè si giostrò, cioè furonvi ritenitori, e niuno andò alla giostra. Detto dì messer Antonio di messer Niccolaio degli Alberti menò moglie fuori di Firenze, a un suo bel luogo, il quale si chiama Paradiso; e la figliuola di messer

Tommaso degli Obizi fu questa sua donna, la quale ebbe per marito un gran gentiluomo di..... (такъ въ ркпс.); ma stette con lui forse sei mesi». Delizie degli eruditi toscani, tom. XVIII, стр. III.

187. Такъ въ 1395 году онъ помогъ своимъ вкладомъ истощенной флорентійской казнѣ, чтобы дать возможность поддержать войну противъ Gian Galeazzo Visconti.

188. «luogo overo sito grande, bello e molto dilettevole, con loggie, pergole, orti e molte altre gentileze, onde era detto Paradiso». Leggenda del beato Manno di Svezia, ed. Dazzi, стр. 7. Очень вѣроятно, что къ этой виллѣ Paradiso относятся слова Giannozzo Alberti, когда въ діалогахъ Della Familia, написанныхъ Leon Battista Alberti, онъ принимается толковать о заботахъ, положенныхъ мессеромъ Niccolaio, отцемъ нашего Antonio, на украшеніе своей виллы. Приводимъ здѣсь эту длинную цитату, пропущенную по недосмотру въ нашемъ итальянскомъ изданіи. «E di queste possessioni così fatte poste in buono aere, lontane da diluvii, vicino alla Terra, atte a pane e vino, credo io se ne troverebbe assai. E di legne in poco tempo me la farei io fertilissima: imperò che mai resterei di piantarvi così in sulle margini, onde s'auggiasse il vicino campo, non il mio. E vorrei allevare ogni delicato e raro frutto. Farei come solea messer Nicolaio Alberti, uomo dato a tutte le gentilezze, quale volse in le sue ville si trovassino tutti i frutti nobilissimi, quale nascono per tutti i paesi. E quanta fu gentilezza in quell' uomo! Costui mandò in Sicilia per pini, i quali nati, fruttano prima ch'eglino aggiungano al settimo anno: costui ancora negli orti suoi volle pini, de' quali i pinocchi da se nascono fêssi lo scorzo dall' uno de' lati e rotto; costui ancora di Puglia ebbe quelli pini, i quali fruttano pignuoli collo scorzo tenerissimo, da frangelli con le dita: e di questi fece la selva. Sarebbe lunga la storia raccontare, quanta strana e diversa quantità di frutti quell'uomo gentilissimo piantasse negli orti suoi, tutti di sua mano, posti a ordine, a filo, da guardalli e lodarli volentieri». L. B. Alberti Della Familia, lib. 3-o стр. 283—4 втораго тома сочиненій Alberti, изданныхъ Bonucci.—О затратахъ, сдѣланныхъ семействомъ Альберти на подгородныя виллы (между прочимъ въ S. Miniato, Paradiso и др.) и зданія, принадлежавшія имъ въ городѣ см. тамъ же стр. 301. Въ другомъ мѣстѣ того-же труда авторъ въ лицѣ Giannozzo Alberti такъ восторгается красотами виллъ, которыя принадлежали Alberti въ окрестностяхъ Флоренціи: «Quanto sì! Ma pure, Leonardo mio, io mi ricordo a Firenze quanti sieno degli altri assai, e ancora quelli nostri luoghi, quelli di mess. Benedetto, quelli altri di messer Nicolaio, quello di messer Cipriano e quelli di mess. Antonio e gli altri de' nostri Alberti, a' quali tu non desidereresti cosa più niuna. Posti in aëre cristallina, in paese lieto; per tutto bell' occhio, rarissime nebbie: non cattivi venti: buone acque: sano e puro ogni cosa!». ib. стр. 279.—Интересно сличить со всѣмъ этимъ пэизажъ виллы, какъ онъ изображается въ нашемъ романѣ.

189. Antico libro di Ricordanze, находившаяся прежде въ архивѣ монахинь обители S. Ambrogio, цит. у Moreni, Notizie istoriche dei contorni di Firenze, parte V, lettera VII: Munistero delle monache di S. Brigida, chiamato Paradiso: «dalla bellezza e ornamenti degli edifizj e giardini che ivi erano, e da' diletti corporali che i secolari in essi ci pigliavano».

190. «Messer Antonio ha voluto gustare l'ingegno e l'arte di qualunque ottimo scrittore, e nei suoi onestissimi ozi sempre fu in magnifico esercizio: e già ha

scritto la *Historia illustrium virorum* e quelle *Contenzioni amatorie*, ed è, come vedete, in Astrologia famosissimo». L. B Alberti Trattato della famiglia, lib. I, изд. Bonucci томъ 2-й стр. 102. Ibid. lib. IV, стр. 387: «sono (т. е. стихотворенія Антоніо) pieni di soave maturità ed aspersi di gentilezza e leggiadria, e a pari degli altri toscani poeti, degni d'esser letti e molto lodati».

191. О диспутахъ, происходившихъ въ садахъ Альберти, говоритъ Leon Battista въ Proemio къ III-й книгѣ того-же трактата: «Messer Antonio Alberti, uomo letteratissimo, tuo zio, Francesco, quanto nostro padre Lorenzo Alberti a noi spesso riferiva, non raro solea co' suoi studiosi amici in que' nostri bellissimi orti passeggiando disputare, quale fosse stata perdita maggiore, o quella del antiquo nostro imperio amplissimo, o dell' antiqua nostra gentilissima lingua latina».

192. Ibid. lib. III стр. 287: «Sì, Dio, uno proprio paradiso! E anche quello che più giova, puoi alla villa fuggir questi strepiti, questi tumulti, questa tempesta della terra, della piazza, del Palagio. Puoi in villa nasconderti, per non vedere le ribalderie, le scelleraggini, e la tanta quantità di pessimi uomini, quali pella terra continuo ti farfallano inanti agli occhi, quali mai cessano di cicalarti torno all' orecchio, quali d'ora in ora seguono, stridendo e mugghiando per la terra, bestie furiosissime e orribilissime. Quanto sarà beatissimo lo starsi in villa! felicità non conoscuita»!

193. Кн. III стр. 15: «dove tutti insieme ne girono alla cappella, e quivi aparechiato un prete, una messa con modesto modo si disse»; Кн. IV стр. 75—6: «piaque a ciascuno girne nella cappella a udire la messa; e aparechiato uno cappellano, divotissimamente dicendola, quella udiro». Легенда блаженнаго Манно (ed Dazzi, стр. 7) сообщаетъ извѣстіе, что еще отецъ Антоніо, благородный и уважаемый мужъ месперъ Niccolaio (lo egregio e onorando uomo messere Niccolaio degli Alberti, padre di messer Antonio) устроилъ при своей виллѣ небольшое убѣжище для духовныхъ лицъ, въ которомъ водворилъ монаховъ бенедиктинскаго ордена (uno luogo devoto da religiosi, dove teneva monaci di santo Benedetto).

194. Сл. кн. III стр. 15—16. Слово *dirizzatojo*, не встрѣченное нами ни въ одномъ изъ извѣстныхъ итальянскихъ лексиконовъ, объяснено нами на угадъ въ небольшомъ словарѣ, приложенномъ къ изданному нами тексту романа. Теперь наше объясненіе подтвердилось вышедшей съ тѣхъ поръ брошюрой Gaetano Milanesi: I due sontuosissimi conviti fatti a papa Clemente Quinto nel 1308 и т. д. Firenze, Le Monnir 1868. На 17 страницѣ этой старинной памяти мы находимъ слѣдующее выраженіе: E tute e tre queste cucine ebono *dirizatoi*. Выписываемъ замѣчаніе издателя къ этому мѣсту: «Dirizatoio, che non si trova ne' nostri vocabolarj, era un arnese fatto a modo di credenza o scanzia, dove si tenevano tutte le cose occorenti al desinare, come piatti, vasi, bicchieri ec. Nel latino barbaro fu chiamato *Dressorium* e nell' antico franceso *Dressoir*. Un altro esempio di questa parola l'abbiamo in quel brano della novella di Torello di Maestro Dino del Garbo scritta da Anonimo, e riferita in fine delle novelle del Sacchetti dell' edizione Le Monnier; dove a pag. 413 si legge: «Ma i porci fediti e crucciati s'attraversarono tra i piè d'un dirizatoio da bicchieri, dove molti vi avea su con mezzine e altre stoviglie che a ciò si richiede». Nella novella LXX del Sacchetti, che narra lo stesso caso avvenuto a Torello del Garbo, in luogo di *dirizzatoio* è *scanceria*».

195. Сл. кн. III. стр. 4, уже приведенное нами въ другомъ мѣстѣ.

196. Delle rime di M. Franco Sacchetti le ballate e canzoni a ballo i madrigali e le cacce. Lucca, Franchi e Majonchi. 1853, стр. 7—8.

197. Представленныя нами выписки неизданной еще поэмы сдѣланы по cod. Riccard. 2254: *Incomincia il libro composto pel savio et esimo poeta messere Giovanni da Prato, nominato l' Aquettino.* Мы видимъ ошибку писца въ приписаніи Acquettino этой стихотворной повѣсти, въ которой, какъ мы увидимъ далѣе, о немъ говорится въ такихъ выраженіяхъ, что нѣтъ никакой возможности предположить его ея авторомъ.

198. Прибавляя слѣдующую цитату къ русскому изданію мы не имѣли подъ руками подлинника Folengo и принуждены были довольствоваться его старофранцузскимъ переводомъ, перепечатаннымъ Paul Lacroix (Bibliophile Jacob) въ Bibliothèque gauloise (Histoire maccaronique de Merlin Coccaie, Paris, Delahays, 1859). Вотъ что читается тамъ на стр. 48—9: «Cependant un jour vint que la ville de Mantoüe estoit toute confite en joye. Ce jour fut le premier de May, auquel dès le matin chacun fait planter devant sa maison de hauts arbres et rameaux, lesquels on nomme May, à cause du moys. Le peuple suit les charrettes par les ruës, chargées de tels rameaux, lesquels sont tirés ça et la par des boeufs couronnez, et ornez de longs festons de roses. Au dessus d'icelles on fait un haut amas de feuilles d'oranges, de myrthe, de laurier, de brins de marjolaine, de rosmarin. On y void toute espece de peupliers, d'ormeaux, de chesnes, de lierre. Du haut pendent mille petits floquets, et autres petites gentillesses faites de papier, qui au vent sont poussées ça et là. Au dessus de ceste mommerie on void Cupidon ailé, qui est un enfant bandé par devant les yeux, lequel detache de son arc plusieurs flesches d'un costé et d'autre. Une troupe de filles suivent après portans leur cheveux tressez et couronnez de fleurs. Icelles portent en des paniers des oeufs, et vont chantant par la ville».

199. «est consuetudinis, ut juventus promiscui sexus laetabunda cal. maji exeat in agros et cantitans inde virides reportet arborum ramos eosque ante domorum fores ponat, et denique unusquisque eo die aliquid viridis ramusculi vel herbae ferat, quod non fecisse poena est, praesertim apud Italos, ut madefiat». De inventoribus rerum 5, 2. Обычай носить на себѣ зеленую вѣтку въ теченіи всего мая еще соблюдается молодежью округовъ Брешіи и Бергамо (G. Rosa Dialetti, costumi e tradizioni d. provincie di Bergamo e di Brescia, 2-е изд. стр. 161); въ Лорренѣ молодые люди въ этомъ случаѣ также носятъ на шляпахъ вѣточки лавра или росмарина (Richard, Traditions populaires, croyances superstitieuses, usages et coutumes de l'ancienne Lorraine. стр. 174.)

200. Qui (т. е. зала) n'était ne laide ne sale,
Mais moult bele e nouviau jonchié.
Une table y avoit drécié
D'yvoire à pierres de cristal.
Tout si fait furent li hestal.
Très blanche nape ot desus mise
Ouvrée de diverse guise.
Sor l'un cor de la table avoit
A mangier kan k'il convenoit,
Et sor l'autre coron à destre

Ot vin si bon que vins pot estre,
En pos d'or et hanas autés.
. . . . . .
De lonc tans ert acoustumé
En ce chastel et establi
Que on, II mois en l'an, ainsi
Le faisoit, et ne plus ne mains.
Mays en estoit li premerains;
Car en ce mois le commença
Cil que cel chose acoustuma
Dès le premier commencement.
Or vous di je certainement
Que li secons estoit gayns
Qu' il fait bon aler es jardins.
Ces II mois, chascune vesprée
Estoit la viande atournée;
Desus la table la metoient
Et puis le vin, lors s'en aloient
Quant fait l'vait beneïr
A leur prestres au departir.
Pour may et gayn honnorer
Fist on ceste chose estorer:
Le may pour sa joliveté
Et le gayn pour sa plenté.
Lendemain si tost revenoient
Que leur diex aorez avoient
Selonc le tanz qui lors estoit.
De cele viande menjoit
Carmans ou II morsiaus ou trois,
Et puis si bevoit une fois,
Et puis li autre grant seignour
Faisoient ainsi tout entour;
Et, quant il avoient mengié
Entour la table et soulacié,
Adont leur feste commençoit.
Plenté d'estruments y avoit:
Viëles et salterions,
Harpes et rotes et canons
Et estives de Cornouaille:
N'i falloit estrumens qui vaille;
Car li rois Carmans tant amoit
Menestreus, que de tous avoit.
O lui avoit quintarieurs,
Et si avoit bons leüteurs,
Et des flaüteurs de Béhaigne,
Et des gigueöurs d'Alemaigne
Et flaüteöurs à II dois.
Tabours et cors sarrazinois

Y ot. Mais cil erent as chans
Pour ce que leur noise ert trop grans.
N'estoit manière d'estrumens
Qui ne fust trouvée léens.

Li roumans de Cleomades per Adenès li rois, publ. par André van Hasselt. Bruxelles, Devaux 1865 — 6, 2 vv. ст. 2826—94.

201. Франц. may, нѣм. mai, старонѣм. meie, meige—birkenreis; churw. maig—Strausz, Blumenstrausz, славон. maj. Въ текстѣ нашего романа слово maio, mai встрѣчается часто, но только въ смыслѣ зеленой вѣтви, листвы, безъ всякаго отношенія къ майскому обряду. Напр. кн. I, стр. 30: varii e fronzutissimi *mai* и. т. п. Точно также въ Giuoco d'amore, небольшой поэмѣ Джьованни да Прато: Chi si tuffa tra *mai*; che eran nascosi per gli folti *mai*; isfavillar vedea i santi *mai* и т. п.

202. E garzonetti in atto onesto e gajo
A segnale di Amor piantano Majo.
È il Majo un arboscel, che da radice
Tronco, e in alterni ramicei disteso
Piantano innanzi la magion felice
Dell'amorosa, di chi altri è preso.
E come il bel talento a ciascun dice,
Fanno scender dai rami, agevol peso,
Vaghe corone d'erbe e di fioretti,
Simbolo al cor di genïali affetti.

G. Barb. La festa di Majo.

Оттого говорятъ въ Val d'Arno: *cantare il bruscello*, т. е. arbuscello, вмѣсто cantar Maggio. Тотъ-же обычай сохраняется до сихъ поръ въ округахъ Бергамо и Брешіи (G. Rosa, Dialetti, costumi e tradizioni delle provincie di Bergamo e di Brescia, 2-е изд. стр. 174), въ Маркахъ и Умбріи, въ окрестностяхъ Contich'a въ Бельгіи (de Reinsberg-Düringsfeld, Canlendrier belge. t. I, p. 279). Во Франціи, въ былое время, молодой садилъ у своихъ дверей въ первый день мая жердь, увѣнчанную листьями (may), къ которымъ присоединялись иногда плоды и пироги, какъ символъ плодородія (Sermon nouveau et fort joyeulx des maux de mariage; Noirot, Origines des masques ch. III). О другихъ подобныхъ обычаяхъ, отчасти сохраняющихся во Франціи, легко собрать больше свѣдѣній; см. между прочимъ Roquefort, Glossaire, a. v. may, и Estienne Pasquier, Les Recherches de la France, lib. VIII, ch. VII: „Il n'est pas qu'en quelques villes, et nommément en celle de Lagny, on n'ait voulu representer les jeux Floraux le jour de la Pentecoste: Car alors dès le matin le commun peuple au lieu d'aller à l'Église, *va aux bois cueillir des rameaux*, et l'appresdinée fait une infinité d'exercices de corps plaisans, voire y a certains paysans en chemise qui courent un jeu de prix". Что насажденіе майской вѣтви, майскаго дерева, извѣстно было въ старой Испаніи и Провансѣ, тому свидѣтельствомъ 604 copla поэмы объ Александрѣ Великомъ и Raynouard, Lexique roman a. v. maia. Относящіяся сюда свѣдѣнія о Германіи, Голландіи и Англіи можно найдти у Гримма D. M. 3-е изд. стр. 737, 738 и 746; о Чехіи у Reinsberg-Düringsfeld, Fest-

Kalender aus Böhmen стр. 213; о Славоніи, у Илича, Narodni Slavonske običaji. стр. 132.

203. G. Tigri, Canti popolari toscani, 1-a ediz. стр. LIV—VI предисловія.

204. См. обо всѣхъ этихъ подробностяхъ: Édelestand Du Meril, Des formes du mariage, стр. 77—8, прим. 5 и 1; Reinsberg-Düringsfeld, Fest—Kalender aus Böhmen стр. 205—6; Felix Liebrecht, Gerv. v. Tilbury Otia Imperialia стр. 183 прим. 35; Preller, Römische Mythologie стр. 352, 380—382; Friedländer, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms, 2-е изд. стр. 300—1. G. Nerucci въ своемъ Saggio di uno studio sopra i parlari vernacoli della Toscana (Milano, Fajini 1865) стр. 98 цитуетъ по поводу майскихъ празднествъ, festa del Majo, перешедшихъ изъ языческой Италіи въ христіанскую, конституцію императоровъ Аркадія и Гонорія Cod. Iust. lib. XI, tit. XLV, *de Majuma*: но, какъ извѣстно, это празднество въ честь сирійской Венеры, хотя и совершалось въ мѣсяцѣ маѣ, не имѣло ничего общаго съ чисто-римскими майскими обрядами. Сл. Preller, Römische Mythologie, стр. 746—7.

205. Кн. II, стр. 76: „..... sì che i piacevoli zeffiri tutto l'aier sereno inducendo alla dolcezza d'amore quanto per lo mondo e'l cielo si produce; onde li altissimi colli colle ombrose selve già di novella fronde con infiniti e varii e olorissimi fiori tutti rivestiti vediensi, e per verzicanti e ridenti e dilettissimi prati innumerabili animali con infiniti ucelletti cantando fralle foltissime frondi sollazzare e ricercando amore si vedieno.“

206. Già rilucea ii prenze delle stelle
Per lo nostro orizzonte con quel Tauro
Ch'adduce zeffir colle cose belle;
E le suo' chiome che mostran fil d'auro
Già riscaldava Castor e Polluce
Che tiene il cielo il suo ricco tesauro.

Сл. съ этимъ очень сходный мотивъ нашего романа, кн. II, стр. 76: «Era già il velocissimo carro del comato Apollo trapassato e scorso lo istellato Montone col ricco e bellissimo Toro che la pargoletta Europa sì dolcemente ingannòe, e i suoi isvariati cavalli già Castore e Polluce incendea.»

207. Сходство этого немного запутаннаго описанія съ подобнымъ-же описаніемъ нашего романа (кн. I стр. 32—34) кажется намъ слишкомъ яснымъ и доказательнымъ, чтобы пройти незамѣченнымъ: они сходятся въ мелочахъ, дополняя и исправляя другъ друга (такъ мы съ трудомъ разобрали бы въ рукописи поэмы стихъ: *Che verson aqua giù in quel lavoro,* еслибы не помогло намъ въ этомъ мѣстѣ сличеніе съ текстомъ нашего романа), хотя къ сожалѣнію архитектурная мысль воображаемой постройки не становится оттого яснѣе. Вотъ, между прочимъ, какимъ образомъ авторъ романа описываетъ диковинный фонтанъ—просимъ сличить выраженія, напечатанныя курсивомъ, съ подобными же фразами поэмы: „nel mezzo di quello (т. е. амфитеатра) era edificato uno mirabile fonte, di cui la forma ridire nuovo piacere ne'nduce. Era adunche la sua circunferenza in convenevole et in ampio ispazio *salendo per tre liggiadrissimi gradi di finissimo alabastro*, *dove seguitavan le prime isponde in otto faccie* dentro e di fuori ornate di molti e preziosi lapilli con mirabili iscolture, chè quelle mirare dubitare faceno, se da natura o da arte produtte si fosso-

no..... *Ancora nel centro di quello una colonna d'uno verdissimo e fine ismeraldo, traendo forma dalle otto misuratissime faccie, con uno ornatissimo capitello di varie e leggiadrissime foglia in molta ricchezza formato.* In sul quale uno vaso ampissimo di fino oro soprastava, del quale il mezzo tenea *sopra una leggiadrissima basa d'uno orientale zaffiro la legiadrissima forma di Venere Cipriana, tutta isculta d'uno ardente rubino*, sì gaia e tanto vaga e bella, che maraviglia grandissima a chi la vede ella induce..... Dove sopra otto colonne uno tabernacolo sopra lei soprastava, *con otto leoni sopra di lor capitelli, sì propi d'oro chiarissimo e fine, ch'è maraviglia a pensare; i quali aqua abondantissima nel vaso ricchissimo versano con uno mormorìo tanto legiadro, che genera dolcissima ermonia nello animo delli udenti.*—Sopra il tabernacolo in otto faccie et intorno *era mirabile arte di legiadria della dotta architettura con ornamenti sculti di diversi e varii animali:* eravi di *candidissime perle* purissime colombe et quasi in ornamento per tutto graziosi uccelli e alla iddea dedicati. Finalmente di sopra al tutto chiaro vedere si potea Cupido nelle isprendienti fiamme, le quali propie aparere facea uno chiaro e ardente rubino, di che formate con molta arte aparieno. Era in sua forma tutto nudo e alato collo arco e abondante suo turcasso di dorati istrali; coronato *di bianche rose e vermiglie,* tutto ridente agli nomini si mostrava». Какъ видно, въ томъ и другомъ случаѣ рисунокъ одинъ и тотъ-же, тамъ и здѣсь обличающій въ авторѣ склонность къ архитектоническимъ фантазіямъ; только-что въ прозѣ онъ немного развитъ и къ нему прибавлена еще верхняя надстройка, которой недостаетъ въ стихотворномъ описаніи—можетъ быть потому, что она трудно укладывалась въ стихи, какъ слишкомъ пространная.

208. Сл. въ нашемъ романѣ кн. I, стр. 10: «che diremo de'richissimi e preziosissimi orti d'Asuero».

209. J. Grimm Deutsche Mythologie, 3-e Ausg. стр. 724 слѣд., 729, 735, 739—40; Roquefort, Glossaire: May—espèce de tournoi, selon D. Carpentier. Сл. цитату изъ Pasquier въ прим. 202.

210. Сл. съ этимъ то мѣсто нашего романа, гдѣ Маргарита начинаетъ пѣть, «con dolcissimi accenti nelle piatose e leggiadre parole a chi udieno dimostrando, quanto fa grandissimo male e incomportabile ingiuria *chi amato si è non amare*» кн. II, стр. 92. A. M. Salvini отмѣтилъ этотъ оборотъ на поляхъ нашей рукописи.

211. Всѣ эти отрывки приведены по cod. magliab. II, II, 40: *Qui comincia un giuoco d'amore, il quale fe'messer Giovanni da Prato.* Inc.„ La grolia di quel sir ch'è tanto altero», fin.: „Le vaghe ciglia sì leggiadre e conte. Finito il giuoco. Amen». Въ оглавленіи статей всего сборника, писанномъ современной рукою, нашъ poemetto приписанъ Giovanni da Prato, по прозвищу Acquettino. О giuoco d'Amore, вставленномъ Francesco da Barberino въ его аллегорическій трактатъ Del Reggimento и т. д. (изд. Mansi, стр. 120—125) мы предоставляемъ себѣ поговорить подробно при другомъ случаѣ. Онъ составляетъ тамъ часть брачнаго обихода, какъ вообще подобныя игры были въ большомъ употребленіи въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ, при свадьбахъ, и т. п.: многія подробности свадебныхъ и майскихъ обрядовъ до сихъ поръ имѣютъ между собою много сходнаго на романскомъ югѣ (Сл. напр. символизмъ лавра, майская вѣтвь, насаждаемая молодымъ и т. п.). — Mansi цитуетъ по этому поводу

VII-ю пѣснь Orlando Furioso (Tolte che fur le mense e le vivande Facean sedendo in cerchio un giuoco lieto и т. д.), Cortegiano и *Dialogo de'Giuochi che nelle vegghie Sanesi si usano di fare, del Materiale Intronato* (Girolamo Bargagli Sanese). Siena, pel Bonetti, 1572 in 4-⁰. Игра, описанная послѣднимъ подъ названіемъ Caccia di Amore, близко напоминаетъ подобныя-же игры у Francesco da Barberino и Giovanni da Prato.

212. Кн. III стр. 5: „imperò che *costumo fiorentino si èe in questi tempi così fare;* e a noi conviene questo costume seguire e servare, imperò che buona consuetudine e prescritta sta iu luogo di fermissima leggie„. Ib. «*secondo che'l tempo chiedeva*»; стр. 7: «più gentili uomini *festegianti* cenano meco».

213. Кн. I стр. 51: „è di nicissità..... prima conoscere, che cosa sia Amore in suo genere; dapoi vedremo le diverse e varie maniere di quello, e quanto è l'uno da essere alle istelle lodato e l'altro in confusione della incontinenzia e malizia da essere difamato e continuo biasimato. E questo conosciuto e veduto, più giocondamente le nostre cause colle piacevoli declamazioni, co'probemi utili e dilettevoli, colle fizioni, favole e istorie i nostrī giorni con piacere consumare potremo“ и т. д.

214. „Sonetto d'Antonio detto andando al Paradiso degli Alberti, perchè uno Matteo suo amico l'avea invitato ch'andasse a bere co'lui“. Cod. laurenz. red. 184 fol. 113 recto.

215. См. стр. 115—116.

216. См. стр. 83 прим. 46.

217. terra—земля и въ староитальянскомъ языкѣ: городъ.

218. Оба сонета заимствованы изъ приведеннаго выше собранія Bonucci, который печатаетъ въ сонетѣ Саккетти слово paradiso съ маленькой буквой. Это только затемнило смыслъ стихотворенія. Наша транскрипція основана на извѣстной игрѣ словъ, уже знакомой намъ изъ сонета Антоніо Пуччи и баллаты нашего романа. Въ самомъ дѣлѣ, если не принимать Paradiso въ смыслѣ виллы Альберти,—какой смыслъ могутъ имѣть слова Саккетти: *Fermato sete star nel paradiso*, вы рѣшились остаться въ раю?

219. Сл. между стихотвореніями Alberti, изд. Bonucci, слѣдующее: *Ancora un altro sonetto molto bello sopra al vizio della simonia ch'ora è entrato nella chiesa.* Inc. „O giustizia di Dio quanto tu peni“.

220. Изъ сонета Саккетти, приведеннаго на стр. 167.

221. См. въ изданіи Bonucci стихотвореніе Alberti: *Qui dice come nella chiesa sieno entrati di molti laidi vizi, et essere però da revocarla a'suoi principii a volerla campare da rovina.* Inc. „La donna che già fe'trionfar Roma“.

222. Memorie del senator Carlo Strozzi, cod. X R, стр. 9, цит. у Moreni, Notizie istor. dei contorni di Firenze, parte V, lett. ult.

223. Leggenda del beato Manno di Svezia, ed. Dazzi, стр. 7.

224. Moreni Notizie istor. и т. д. и выше прим. 189.

225. Sic. Moreni вѣроятно повторяетъ ошибку Strozzi, прочитавшаго с вм. t, которыя легко смѣшать въ рукописи. Vastena—швед. Wadstena. Сл. En Wadstena-nunnas Bönbok и т. д. utgifven af Iohan Ernst Rietz. Lund. 1842.

226. Manni въ 1-мъ томѣ своихъ Sigilli цитуетъ Mongia, Istoria dell'origine di tutte le religioni и т. д., изъ книги котораго мы узнаемъ, что св. Бригитта

выпросила у папы «*чтобы монастыри ея конгрегаціи были общіе для мужчинъ и для женщинъ*, но со стѣнами, устроенными такимъ образомъ, чтобы однѣ не могли сообщаться съ другими безъ великой необходимости; и церковь была-бы общая, но такъ чтобы мужчины, какъ служители олтаря, находились внизу, а женщины вверху стояли-бы на молитвѣ. При всемъ томъ она желала, чтобы главное управленіе было въ рукахъ аббатиссы, на мужчинахъ лежали заботы о священнодѣйствіи и другихъ вещахъ, относящихся до святаго храма, и между ними былъ бы глава, которому называться пріоромъ или исповѣдникомъ (confessore). По желанію святой королевы они могли имѣть недвижимость и имущества, чѣмъ бы существовать, но попеченія обо всемъ нужномъ для нихъ, относительно какъ пищи такъ и одежды монаховъ и монахинь, предоставляемы были аббатиссѣ. Кромѣ того она запретила какъ женщинамъ такъ и мужчинамъ выходить изъ монастыря безъ очевидной нужды; въ такомъ случаѣ братья и сестры должны были просить позволенія у аббатиссы. Еще она приказала имъ носить одежду сѣрую съ краснымъ крестомъ на груди» и т. п. Больше подробностей можно найдти у M. v. Celse, Apparatus ad Historiam Sveo-Goticam, съ которымъ мы впрочемъ знакомы только по выпискамъ у Rietz'a, En Wadstena-nunnas Bönbok и т. д.

227. Leggenda del beato Manno, стр. 9.

228. Аллюзія на имя тогдашней настоятельницы, Марты dei Casali.

229. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь разумѣются обычныя у католиковъ посѣщенія такъ называемыхъ станцій Viae crucis, представляющихъ въ 12 послѣдовательныхъ образахъ земную жизнь Спасителя. Такія изображенія въ церквахъ и на открытыхъ мѣстахъ до сихъ поръ служатъ цѣлью набожныхъ странствій; въ нашей легендѣ все это приняло фантастическій колоритъ какой-то сверхъестественной реальности.

230. Leggenda del beato Manno стр. 14—16.

231. „*Per cagione della guerra grande, che era tra la comunità di Firenze e il Duca di Milano, e per alcuni strani modi e costumi praticati dal fondatore, non conformi nè atti a religione osservante,* Frate Luca assieme con gli altri suoi fratelli abbondonarono il luogo, e ritorno fecero in Svezia, costretti a così fare dalla necessità. Dietro a loro si partì ancora la detta suor Marta Abbadessa, e il fondatore rimesse le suore ne'monasteri, da' quali erano di prima state tratte, e le donne secolari ritornarono alle loro case, perchè non avevano fatto la professione. Rimasto così il monastero abbandonato, cominciò il fondatore a disfarlo con guastare tutte le celle, parte della chiesa, parte delle mura, tagliò le catene delle volte, e quelle in gran parte ismattonò, e non vi rimase nè asse, nè panche, nè uscio, nè tavole„. Ср. съ этими воспоминаніями фра Маттео изложеніе тѣхъ же событій у безъименнаго автора легенды, приведенной нами въ текстѣ.

232. Leggenda del B. Manno, стр. 13, 16 и 17.

233. Авторъ легенды бл. Манно объясняетъ по-своему, почему оба раза пощадили мессера Антоніо: судьи не захотѣли трогать человѣка извѣстнаго своею набожностью. «Vedendo alcuni cittadini savi e discreti tale ruina e sì grande distruzione dissono fra loro: E'non si vuole però spegnere el seme di tanta nobile progenie; serbiamo e conserviamo alquanti di questi giovani e con loro uno uomo antico venerabile. Onde presono e ordinarono sopra quegli messer

Antonio come più virtuoso e spirituale che gli altri. El quale di nuovo fu avuto a sospetto per lo medesimo stato di Firenze, sicchè preso e menato al Bargello e doppo molte esamine fu spogliato in camiscia e volendolo porre alla colla gli trovarono uno cilicio in sulla carne e dissono: Non si vuole guastarlo con la colla ch'egli è pur buon uomo, ma confiniamolo a qualche luogo". стр. 17.

234. Рѣшеніе состоялось 14 генваря 1401 г.: 3000 флориновъ должно было выплатить ранѣе 25 января, или 6000 если ранѣе 10 февраля; въ противномъ случаѣ Антоніо еще могъ быть казненъ въ тотъ же самый день.

235. Приписать къ числу grandi, знатныхъ, объявить кого-нибудь аристократомъ, было, какъ извѣстно, однимъ изъ тяжкихъ наказаній во флорентійской республикѣ.

236. Scip. Ammirato Ist. fior. lib. 16.

237. Leggenda del b. Manno, стр. 17.

238. Ricordanze фра Маттео, у Морени, loc. cit.

239. Этотъ кардиналъ былъ Мильорати изъ Сульмоны, по смерти Бонифація IX избранный папой съ именемъ Иннокентія VII.

240. Leggenda d. beato Manno стр. 17 и 18.

241. Ricordanze фра Маттео, у Морени, loc. cit.

242. Аннчіо Бонуччи, въ предисловіи къ изданнымъ имъ *Sonetti et canzone del clarissimo M. Antonio delli Alberti*, пишетъ о немъ, что отъ 1389 по 1405 годъ онъ читалъ въ Болоньѣ алгебру, и тамъ-же въ слѣдующемъ году медицину. Луиджи Пассерини въ книгѣ, посвященной генеалогіи рода Альберти, которой мы пользовались въ корректурѣ, рѣшительно отвергаетъ показаніе Бонуччи, невозможное уже потому, что Антоніо могъ быть въ Болоньѣ не раньше 1401 года. Отрицая въ то же время свѣдѣніе, будто онъ преподавалъ тамъ медицину, такъ какъ ни изъ одного памятника не видно, чтобы онъ ею занимался, Пассерини признаетъ однакожъ за достовѣрное чтеніе имъ алгебры. Въ этомъ случаѣ какъ онъ такъ и Бонуччи ссылаются на Маццетти, *Repertorio dei professori che hanno insegnato nella Università di Bologna*, гдѣ на стр. 27 мы читаемъ слѣдующее: «*Антоніо изъ* Флоренціи. Подъ этимъ именемъ встрѣчается въ книгахъ камеры (ne'libri della camera) преподаватель алгебры (lettore d' Abbaco) съ 1389 по 1405 годъ, и медицины въ 1406 г.» И болѣе ничего; что этотъ Антоніо былъ именно Альберти—о томъ ни слова. Намъ кажется яснымъ, что не Антоніо Альберти читалъ алгебру въ Болоньѣ, какъ несомнѣнно онъ не читалъ тамъ и медицины. Съ одной стороны то и другое отнесено у Маццетти къ *одному* Antonio di Firenze въ 1389 — 1406 годахъ, стало быть не къ Альберти, по хронологическимъ причинамъ, на которыя указывалъ и Пассерини; съ другой невѣроятно, чтобы Leon Battista, называющій нашего Антоніо знатокомъ астрологіи (in astrologia famosissimo), не упомянулъ ни объ одной изъ двухъ каѳедръ, еслибы Антоніо ихъ въ самомъ дѣлѣ занималъ. Остается заключить, что тутъ произошло смѣшеніе, и что свѣдѣнія Маццетти должны быть отнесены къ другому лицу. Лицъ, носившихъ имя Антоніо, извѣстныхъ въ литературѣ и въ наукѣ, было довольно много въ это время; но къ кому изъ нихъ относится приведенное у Маццетти—сказать трудно. Знаменитымъ математикомъ и астрологомъ (arismetra e astrologo) считался Антоніо деп Маццинги изъ Перетолы, державшій школу напротивъ церкви Санта Тринитà; къ нему перенесена была

съ трубными звуками библіотека Паоло dell'Abbaco, завѣщавшаго передать её послѣ своей смерти тому, кто окажется ученѣйшимъ математикомъ во Флоренціи. Одно современное извѣстіе говоритъ, что онъ оставилъ много сочиненій, которыя разсылалъ разнымъ маэстро, учившимъ въ то время, въ укоризну ихъ незнанія (Libro di praticha d'arismetricha, cod. ottoboniano № 3307 Ватиканской библіотеки, л. 348—9. цит. у Бонкомпаньи, Intorno ad alcune opere di Leonardo Pisano matematico del secolo XIII, Roma, tipogr. delle belle arti 1854); онъ былъ большой пріятель Франко Саккетти, которому писалъ латинскія письма и посылалъ итальянскіе стихи, не остававшіеся безъ отвѣта. И письма и стихи издалъ Бонкомпаньи въ своемъ вышеприведенномъ трудѣ о Фибоначчи, и не такъ давно Оттавіо Джильи (I sermoni evang. le lettere и. т. д. di F. Sacchetti, Firenze, Le Monnier 1857 стр. 150—2), который стихотворенія Маццинги приписываетъ Антоніо изъ Феррары, не взявши въ разсчетъ, что къ пріятелю Петрарки и поэту по профессіи вовсе не идетъ смиреніе, съ какимъ онъ говоритъ о себѣ:

Come a l'asel s'avvien sonar la lira
Così a me cantar le rime snelle

(какъ ослу не идетъ играть на лирѣ, такъ и мнѣ складывать легкія рпѳмы), и названіе учителя, которое онъ даетъ Саккетти:

Eleggo dunque voi, e mi vi trado,
Degno di posseder lo verde smalto,
Per mio signor maestro, ancor per duca;

(и такъ я избираю васъ своимъ учителемъ и вождемъ, и къ вамъ прибѣгаю, чтобы удостоиться зеленаго лавра); наконецъ самый родъ сравненій, къ которымъ онъ прибѣгаетъ въ своихъ латинскихъ письмахъ, къ несчастію въ высшей степени искаженныхъ. Напр. *Non ita curvum differt a recto*, sicut vestro ducamini erunt differentia quae scripta sunt, si placuerit *egenus Calliope*.....; extimo quidem magis vos ad tam parvula entia restringi, *quam rectarum duarum applicatio, ut angulum contingentiae perficiatur* и т. д. Такія реторическія украшенія могли придти въ голову развѣ какому-нибудь математику и астрологу, какимъ былъ Маццинги.

Какъ-бы то ни было, если Джильи смѣшалъ Маццинги съ Антоніо да Феррара, то Бонуччи пошелъ еще далѣе въ этомъ отношеніи: у него Антоніо дельи Альберти смѣшивается не только съ одноименнымъ лекторомъ болонскаго университета, но еще съ третьимъ Антоніо; потому что стихотворенія, которыя Бонуччи и Андреисъ (Canzoni inedite di M. Antonio degli Alberti poeta fiorentino del secolo XIV, publ. per cura di Silvio Andreis. Rovereto. A. Caumo, 1865) печатаютъ съ именемъ Альберти, очевидно не всѣ ему принадлежатъ. То напр., которое носитъ названіе *Querela amatoria* (Ejusdem magistri Antonii de Florentia viri egregii cantilena incipit, Бонуччи стр. 70—76, и первое въ изданіи Андреисъ) и извлечено изъ ркп. 1739 библіотеки болонскаго университета, принадлежитъ какому-то Антоніо ди Гвидо, изъ Флоренціи, учителю музыки и пѣнія, жившему около половины XV-го столѣтія, какъ видно изъ рукописнаго сборника риккардіанской библіотеки подъ № 2729. Тамъ мы читаемъ слѣдующее: *Ad 3 di settembre 1448. Quadernari del maestro Antonio che canta in S. Martino qua presso a Or San Michele, fatto in servigio di una dama ina-*

morata di uno bello e peregrino giovane. Слѣдующее за тѣмъ стихотворенiе начинается стихомъ: *Nel verde tempo della vita nostra*, какъ и соотвѣтствующее у Бонуччи и Андреиса, съ которыми оно тождественно; оно даже полнѣе чѣмъ у Бонуччи, гдѣ недостаетъ 2-го стиха 15-й строфы; въ нашей ркп. онъ читается такъ: *E con centuplicato inganno e pena.*—Въ концѣ той-же рукописи помѣщенъ сонетъ къ тому-же маэстро Антонiо, съ предисловiемъ и послѣсловiемъ въ прозѣ, которыя поясняютъ замыслъ стихотворенiя. Мы печатаемъ здѣсь и то и другое ради хронологическихъ данныхъ, какiя они предлагаютъ объ Антонiо ди Гвидо:

A dì di Marzo 1449.

Sonetto il quale mandai in dì detto al maestro Antonio che canta in San Martino, perchè il dì detto Piero de'Ricci trovandolo oltr'Arno gli disse com'io avevo fatto uno nesto di uno melarancio e che già aveva messo due vette: cioè di quel fanciullo canta in San Martino. Rispuose ch'egli non farebbe melarancie, e pur farebbe, sarebbon vane. Dove io gli voglio raccordare che anche nel 1437 fu già chi disse: «Di lui non s'appicchere'mai»; e pure prese errore, quantuque no'l dicesse volto in mala parte. Così gli vo'mostrare che le parole che disse del fanciullo non doverono avere alcun tenere et che per questo non s'avea a dirogare la buona amicizia tra lui e me. E dissi così:

Chi già mentito senz'alcun ritegno
Nel 37, s'iò l'ò bene a mente,
Avesse, che tu mai esser valente
Atto non fussi in questo canto degno;

E non mosso da'nvidia nè da sdegno
Come sai che si fa per la più giente,
Voglio al giudicio d'ogni intendente:
Chè di quel tale e colonna e sostegno

Tu esser dei, et con tal pazienza
Quanto si de'per uom ch'abbia intelletto,
Nè portargli odio o fargli violenza.

Così per quanto inteso ò ch'abbia detto
Di quel fanciul la tuo propria credenza,
In questo giorno vo'sie per non detto;

Chè tal nesto imperfetto
Riuscerà et senza melarancie:
Tegnàn pur d'amistà par le bilancie.

Disse nella soprascritta: Nobil viro Maestro Antonio di Musica e di canto in Firenze, proprio. Nota ch'io fe'quella giunta a dire di musica e di canto, perchè avendo detto cantatore solamente, non mi parea degno titolo, quantunque abbia l'arte somma. Parvemi più onorevole farvi quella giunta, cioè per dire di musica e di canto; e no'l dissi per vilipenderlo in verun modo, chè arei mentito, ma per più onorallo, quantunque della musica non sappia se n'è intendente».

Различныя стихотворенiя того-же маэстро находятся въ сборникѣ 1114 риккардiанской библiотеки (a Lodovico marchese di Mantua istrenuo capitano dei Fiorentini; a messer Agnolo da Urbino; a Feo Belcari), и нѣкоторыя другiя въ

ркп. Magliab. II, II, 40 подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Qui cominciano l'opere di maestro Antonio di Guido che canta a San Martino, nobile uomo fiorentino»; между ними мы встрѣчаемъ еще одну канцону, отнесенную въ изданіяхъ Бонуччи и Андреиса на счетъ Альберти. Сообщаемъ здѣсь заглавія и начальные стихи этихъ стихотвореній.

I. *Canzona morale: parla una donna.* Inc. Nel verde tempo della vita nostra. Мы сказали, что это первая въ изданіи Андреиса и послѣдняя у Бонуччи.

II. *Canzona del detto maestro Antonio mandòlla a Francesco d'Altobianco degli Alberti.* Inc. Dormi Giustiniano e non aprire Gli occhi a veder le tue leggi corrotte.

III. *Sonetto del detto maestro Antonio.* Inc. Fiamma da ciel sopra di te ruini.

IV. *Sonetto del detto maestro Antonio.* Inc. In concave caverne aspri leoni.

V. *Canzona del detto maestro Antonio, fecela per Batista d'Alamanni Salviati, mettendo el nome suo ne'capoversi delle stanze.* Въ начальныхъ стихахъ семи строфъ легко прочитать анаграмму *Batista:*

1. *B*en'è felice questa nostra etade
2. *A*ggiunt'è questa giemma al caston d'oro
3. *T*ant'alta degnità e tanta pompa
4. *I*polito, Narciso e Ansalone
5. *S*e la natura ogni suo'ngiegno e arte
6. *T*empo è omai a calar nostre vele
7. *A*ndrài canzona al più bel signore.

Если бы Андреисъ съумѣлъ отгадать анаграмму, онъ едва-ли приписалъ-бы Альберти канцону, обращенную къ лицу, которое быть можетъ ему никогда не пришлось увидѣть.

243. *Canzone nella quale parla dello Imperio.* Inc. O gloriosa Italia, a che vil fine. Бонуччи ibid.

244. *Qui dice della ingratitudine di Roma antica inverso di Cesare, et infine ancora di quella di Firenze contra di lui.* Inc. Cesare poi che de le belle braccia. Бонуччи ibid.

245. *Canzone nella quale parla a commendazione di Firenze.* Inc. Nel bel giardino, ch'Italia tutta onora. Бонуччи ibid.

246. Эта надпись сообщена намъ г. Пассерини; въ книгѣ Бонуччи она читается такимъ образомъ:

Hoc licet Antoni lateant *ossa* (sic) marmore membra
Mens tamen ipsa Polo *vitae* ob benefacta relata est
Ast illustre suis longinqua per opida nomen
Artibus et studiis, *annuloque* insignis equestri,
Quo genus Albertum et Florentia magna triumphat.
MCCCCXV K. Septemb.

247. См. выше стр. 80.

248. См. кн. II стр. 76—80 романа, и стр. 122, прим. 170 этой книги.

249. См. стр. 122—126 этой книги и относящіяся къ нимъ примѣчанія.

250. См. выше стр. 132 и примѣчаніе 183.

251. См. стр. 132—133 и примѣч. 184.

252. См. стр. 133 и примѣч. 185.

253. См. стр. 78, прим. 29.

254. См. стр. 109, прим. 118.

255. См. выше на стр. 119—120 біографію маэстро Марсиліо.

256. См. выше на стр. 120—126 біографію Біаджіо.

257. Archiv. centr. di Firenze, Camarlinghi del comune: Uscita generale di Condotta, di castella ecc.—«1388, 1 Dicembre—31 gennaio 1388—9. Die XII Decembris Magistro Dominico magistri Bandini de Aretio electo in doctorem et magistrum gramatice et rethorice comunis Florentiae et ad legendum gramaticam et rettoricam omnibus publice audire volentibus in civitate Florentiae pro tempore et termino decem annorum inceptorum die XVIII mensis Ottubris anno domini 1382» и т. д. Онъ упоминается еще два раза въ двухъ различныхъ постановленіяхъ отъ 11-го Декабря и 18 Марта 1389 года.

258. Domenico di Bandini d'Arezzo, Fons Historiarum, De viris claris, подъ словомъ *Ipocras:* «Fuit et Marsilius Pattavinus qui universalitate rerum et scriptis claruit». Cod. Laur. aedil. flor. eccles. CLXXII.

259. Напечатано нами въ 15 приложеніи къ 1-му тому итал. изд.

260. Marini, Degli archiatri pontifici. Roma, Pagliarini, 1784, 1° vol. стр. 132—3.

261. См. выше стр. 133 и прим. 186.

262. См. выше стр. 113.

263. См. выше стр. 122.

264. Хотя въ созвѣздіи Близнецовъ (Кастора и Поллукса) солнце находится съ 22 мая по 21 іюня, мы отнесли дѣйствіе романа къ первой половинѣ мая, на основаніи намековъ Колуччіо Салутати и мессера Антоніо на майскія празднества (въ ихъ разрядъ мы отнесли и собранія въ Парадизо), которыя обыкновенно сосредоточены вокругъ первыхъ чиселъ мѣсяца, Calen di Maggio. Присоединимъ къ этому частое употребленіе слова *maio* въ смыслѣ вѣтви. Не забудемъ, наконецъ, что къ опредѣленію романиста нельзя относиться какъ къ астрономически-точному.

265. Кн. II стр. 98: «Perchè dovete sapere che il vostro tanto egregio e notabile oppido di Prato, detto ab antico Piazzanese, è molto più nuovo che'l vecchio di Casentino.....*Bene veggio tale ch'è qui fra noi, ancora non frondute le guancie, che quanto udito n'avete per zelo di sua patria non me lo ammetterebbe*».

266. Кн. II, стр. 72 «gloriare alle stelle della antica gloriosa e famosissima nostra patria sì per arme e scienzia come per riligione virtute e prudenzia insieme colla politica justizia quanto altra essere nobile e gloriosa».

267. Кн. II, стр. 77—81, которыя мы не разъ цитовали на предъидущихъ страницахъ.

268. ibid. стр. 75—6: «narrare.....come nella mia *tenera etade* la ubertosa e piacevolissima alpe del nostro Appenino, dove i santissimi luoghi predetti di Francesco, di Romualdo e di Giovanni Gualberto siti si sono, con somma reverenza, con compagnia a me sommamente graziosa e benigna vidi e visitai, e quanto in collazione di molte gioconde e piene di festa, alte e piacevoli novelle ragionòssi

e udìssi nel notabile oppido di Poppi, governato e retto dal generoso e nobilissimo sangue oltre a ogni altro italico in somma clemenzia dotato, e dove universalmente ogni gentilissimo costume si truova, sì per uso e natura in ogni virtù abituato e notrito, che grande maraviglia è tanto pensare».

269. О плодородіи Казентино говоритъ Леандро Альберти въ своемъ Descrizione di tutta l'Italia: «Egli è Casentino molto ameno e fruttifero paese, abondante di grano, di vino e di altre cose necessarie per l'uso dei mortali. Et vi sono molto contrade et castelle piene di popolo». Кажется это плодородіе Казентино перешло даже въ поговорку, вызвавъ народную этимологію—Poppi отъ poppa, сосецъ. Такъ напр. въ латинской надписи на porta Porrena:

Nomine dulcesco *Puppium*, quasi *puppa* nitesco,
Dulcia do gratis et rebus abundo beatis и т. д.

Это одна изъ тѣхъ этимологій, которыя такъ любили средневѣковые лѣтописцы и слагатели житій, какъ напр. Тоскана отъ *thus*, и т. п. Много подобныхъ фантазій, обличающихъ не столько народное преданіе, сколько школьную затѣю, представляетъ рукописная Fiorita мессера Armannino di Bologna, отрывки которой приведены въ нашемъ итальянскомъ изданіи. Здѣсь нѣсколько примѣровъ: «*Marca* tanto è a dire quanto terra che con *mare* confina»; *Ascolo* «quasi *esca* degli *esuli*»; *Pavia* или *Papia* получила свое названіе отъ множества чудесъ, которыя въ ней находятся: «*Papae* in greco viene a dire maraviglia, però Papia per quello fu chiamata, quasi terra di molte maraviglie»; *Etruria*: «Poi fu chiamata Etruria dalla gente per gli molti sacrificii che in quella si facea. *Tus* per lettera viene a dire incenso, col quale coloro agli loro dii molto sacrificavano, per la qual cosa fu chiamata Etruria, cioè terra con molti incensi» (Laur. pl. 62 cod. 12). Туже самую этимологію Тосканы встрѣчаемъ и у нашего автора: «la sua etimologia traendo da *ture*, che in latino *tus* incenso detto si èe, onde *Tuscia*». Кн. II, стр. 72.

270. Кн. III, стр. 1: «onde o cordialissimi amici miei, di quanto udito avete da tanti preclarissimi padri detto e ragionato, a me sommamente ingrato suto essere mi parrebbe, sì per la buona memoria di tanti spettabili uomini, e sì per avere voi ricreati de'loro magnifichi, giocondi e maestrevoli esempli, avendo sanza con voi comunicargli taciùto».

271. Таково мнѣніе немногихъ вѣрующихъ въ подлинность недавно открытыхъ сардинскихъ памятниковъ, къ которымъ французская и нѣмецкая критика отнеслась равно подозрительно, хотя обстоятельной критики они по сію пору не вызвали ни тамъ ни здѣсь.

272. Сл. предисловіе Муссафіи къ Monumenti antichi di dialetti italiani.

273. «fue uno filosafo ch'era molto cortese di volgarizare la scienzia a signori per cortesia, e ad altre genti. Una notte li venne in visione che li parea vedere le dee de la scienzia a guisa di belle donne, e istavano nel male luogo e davansi a chi le volea. E egli vedendo questo si maravigliò molto e disse: ke è questo? Non siete voi le dee de la scienzia? Et elle rispuosero: Certo sì.—Com'è ciò voi siete in questo cativo luogo e vituperoso? Et elle rispuosero: Ben'è vero, però che tu se'quelli che vi ci fai istare. Risvegliossi e pensossi ke di volgarizare la scienzia si era menomare la deitade. Ritrasesine e pentesi fortemente; et sappiate tutte le cose non sono lecite a ogne persona». Cod. Palat. ser. Panciat.

138, Viaggio d'Oltremare e libro di novelle e di bel parlar gentile, f. 43 recto: *Qui conta d'uno filosafo il qual era molto cortese di volgarezare le scienzie.*

274. «Angelo Corbinello civi Fiorentino Domni Ioannis de Sancto Miniate Monachi Camaldulensis epistola exhortatoria, ut discedat a lectura poetarum, et sacrae paginae codicibus innitatur.....Haec omnia non solum vanitas, et vanitas vanitatum, sed in ore Christicolae paene blasphemiae sunt, idolorumque ignota cultura, quae velut mostruosa portenta mentem inquinant, mores dissipant, et si quid boni animo possides, hujus peste veneni perimetur» и т. д. Laur. plut. 90 sup. cod. 41, стр. 80 и слѣд.

275. Benedicti Accolti Aretini Dialogus de praestantia virorum sui aevi и т. д. Editio quinta, cur. Galletti. Firenze, Mazzoni 1847, стр. 122.

276. «Epistola all'illustrissimo signor Federigo. Gli manda alcune rime di antichi poeti e sue, e tratta brevemente la storia della poesia toscana». См. также небольшой отрывокъ подъ заглавіемъ: «Si difende da chi lo accasusse di avere scritto in lingua volgare», то и другое у G. Carducci, Poesie di Lorenzo de'Medici, Firenze, Barbèra, 1859, стр. 10—19 и 24—34.

277. P. Cortesii de hominibus doctis dialogus и т. д. изд. Galletti (вмѣстѣ съ діалогомъ Аккольти и др.), стр. 223—4: «Nam posteaquam maximarum artium studia jamdiu in sordibus aegra, desertaque jacuerunt, satis constat *Chrysolaram Byzantinum* transmarinam illam disciplinam in Italiam advexisse, quo doctore adhibito primum nostri homines totius exercitationis atque artis ignari, cognitis Graecis litteris vehementer sese ad eloquentiae studia excitaverunt. Et quoniam, sublato usu forensi, illa dicendi laude carebamus, incredibile eorum studium fuit in scribendis, vertendisque ex Graecis in latinum sermonem historiis.... Magistro igitur Chrysolara, plerique nostrorum hominum, tanquam ex palestra quadam impulsi, se ad eloquentiae studium contulerunt. Quorum imprimis laudandus est *Leonardus Aretinus*. Hic primus inconditam scribendi consuetudinem ad numerosum quendam sonum inflexit; et attulit hominibus nostris aliquid certe splendidius» и т. д.

278. Ibid. «*Antonius*. Ego vero negare non ausim flagrantissimum in Dante et in Petrarcha studium fuisse priscarum rerum; sed in Dante, tanquam in veteri pictura, detractis coloribus, nonnisi delineamenta delectant. At jure eum honoravit fama. Praeclarum ejus poema plane indicat incredibilem ingenii magnitudinem. Mirabile illud certe fuit, quod res tam difficiles, tam abstrusas vulgari sermone auderet explicare. Est enim in sententiis subtilis et argutus, acerbus in reprehendendo, in probando nervosus; sed interdum etiam rebus non satis apertis obscurus. In permovendo autem et incitando non est credibile quantum sit concitatus et vehemens. Utinam tam bene cogitationes suas latinis litteris mandare potuisset, quam bene patrium sermonem illustravit! Sed ad Petrarcham veniamus; cujus de ingenio industriaque ex tam multis ejus libris existimari potest. Homo enim interpellantium multitudinem fugiens, multa scripsit in ocio. Hujus sermo, nec est latinus, et aliquanto horridior, sententiae autem multae sunt, sed concisae; verba abjecta, res compositae diligentius, quam elegantius. Fuit in illo ingenii atque memoriae tanta magnitudo, ut primus ausus sit eloquentiae studia in lucem revocare; nam hujus ingenii affluentia primum Italia exhilarata, et tanquam ad studia impulsa atque incensa est. Declarant ejus Rhythmi, qui in vulgus feruntur, quantum ille vir consequi potuisset ingenio, si latini sermonis lumen et splendor

affuisset; sed homini in faece omnium saeculorum nato illa scribendi ornamenta defuerunt. Sed ut saluberrimae potiones, non suavitatis, sed sanitatis causa dantur: sic ab eo non est dilectatio petenda, sed transferenda utilitas; quamquam omnia ejus, nescio quo pacto, sic inornata delectant. Huic ob multarum rerum doctrinam et ingenii famam honores amplissimi habiti sunt. Et iisdem temporibus fuit Ioannes Boccaccius, sed decennio fere minor, quam Petrarcha. Hujus etiam praeclarissimi ingenii cursum fatale illud malum oppressit; excurrit enim licenter multis cum salebris ac sine circumscriptione ulla verborum. Totum genus inconditum est, et claudicans, et jejunum; multa tamen videtur conari, multa velle. Ex quo intelligi potest, naturale ejus quoddam bonum inquinatum esse pravissima loquendi consuetudine. Eodemque modo de Ioanne Ravennate et Coluccio Salutato judicare licet, qui nunquam etiam ab orationis asperitate maestitiaque abesse potuerunt».

279. Cod. Riccard. 1091: Morale di messer Piero Dante.

280. Il comento di Giovanni Boccacci sopra la commedia con le annotazioni di A. M. Salvini, preceduto dalla vita di Dante scritta dal medesimo, per cura di G. Milanesi, 2 vv. Firenze, Le Monnier 1863. *Vita di Dante: Della differenza che passa tra la poesia e la teologia*, стр. 46—51. Приводимъ отрывки: „Intende la divina scrittura, la quale noi *Teologia* appelliamo, quando con figura di alcuna istoria, quando col senso di alcuna visione, quando coll'intendimento di alcuno lamento, e in altre maniere assai, mostrarci l'alto misterio della incarnazione del Verbo Divino, la vita di quello, le cose occorse nella sua morte, e la resurrezione vittoriosa, e la mirabile ascensione, e ogni altro suo atto, per lo quale noi, ammaestrati, possiamo a quella gloria pervenire, la quale egli e morendo e risurgendo ci aperse, lungamente stata serrata a noi per la colpa del primo parente. Così li poeti nelle loro opere, le quali noi chiamiamo *poesia*, quando con finzioni di varii iddii, quando con trasmutazioni di uomini in varie forme, e quando con leggiadre persuasioni ne mostrano le cagioni delle cose, gli effetti delle virtù e de'vizii, e che fuggire dobbiamo e che seguire, acciocchè pervenire possiamo, virtuosamente operando, a quel fine, il quale essi, che il vero Iddio debitamente non conoscieno, somma salute credevano..... Dico che la teologia e la poesia quasi una cosa si possono dire, dove uno medesimo sia il subietto; anzi dico più, che *la teologia niun'altra cosa è che una poesia d'Iddio*. E che altra cosa è che poetica fizione nella Scrittura dire: Cristo essere ora lione e ora agnello e ora vermine, e quando dragone e quando pietra, e in altre maniere molte, le quali volere tutte raccontare sarebbe lunghissimo? Che altro suonano le parole del Salvatore nello Evangelio, se non uno sermone da'sensi alieno, il quale parlare noi con più usato vocabolo chiamiamo *allegoria*? Dunque bene appare, *non solamente la poesia essere la teologia, ma ancora la teologia esserepoesia.* E certo se le mie parole meritano poca fede in sì gran cosa, io non me ne turberò; ma credasi ad Aristotile, dignissimo testimonio ad ogni gran cosa, il quale afferma sì avere trovato li poeti essere stati li primi teologizzanti». Всѣ эти идеи Боккаччьо развиты вполнѣ въ письмѣ (pistola) Колуччіо Салутати къ фра Джьованни да Санъ Миньято, которое Никколò Кастеллани перевелъ съ латинскаго на итальянскій языкъ: „e conseguentemente ti farò chiaro le sacre lettere e la divina Scrittura non che abbino con questa scienza di poesia familiarità e comerzio, ma veramente esse sacre lettere per uno modo di parlare niente essere altro se

none essa poesia". стр. 197—8 изданія D. C. Stolfi, Bologna, Romagnoli, Scelta di curiosità letterarie, vol. LXXX.

281 „Reverende in Christo pater et Domine mi. Vidi gavisusque sum elegantissimam illam orationem vestram quam mihi dignatus fuistis vestra benignitate transmittere..... Et quum omnia placeant, super omnia gratum erit, quod more fratrum ille sermo rythmica lucubratione non ludit, non est ibi syllabarum aequalitas, quae sine dinumeratione fieri non solet; non sunt ibi clausulae, quae similiter desinant, aut cadant. Quod a Cicerone nostro non aliter reprehenditur, quam puerile quiddam, quod minime deceat in rebus seriis, vel ab hominibus, qui graves sint. adhiberi. Benedictus sit Deus, quod sermonem unum vidimus hoc fermento non contaminatum, et qui legi possit sine concentu et effeminata consonantiae cantilena. Non multum hoc dicendi genere delector, quod ad aures multitudinis accomodatum est". Lini Colucii Salutati Epistolae, ed. Rigacci, vol. I ep. 80.

282. Въ 17 № приложеній къ 2-му тому итал. изд. мы напечатали въ первый разъ вполнѣ, какъ эти Versus, такъ и два другія стихотворенія Франческо Cieco, къ сожалѣнію полныя ошибокъ, которыя невозможно было исправить при отсутствіи критическаго аппарата. Mehus, Vita Ambros. Camald. напечаталъ только незначительные отрывки этихъ Versus, и тѣ безъ соблюденія послѣдовательности, вслѣдствіе курьознаго недосмотра: въ единственной рукописи Riccard. № 688 листы въ этомъ мѣстѣ перетасованы, Mehus этого не доглядѣлъ, и цѣльность, а стало быть и самый смыслъ поэмы, для него исчезли.

283. Эти діалоги напечатаны въ Базелѣ (an. 1536, per Henricum Petri) и Парижѣ (1642), но такъ какъ ихъ трудно было найдти, и въ особенности въ библіотекахъ Флоренціи, то мы принуждены были воспользоваться рукописью, которая служила также и Mehus'у (Vita Ambros. Camald. passim). Рукопись находится въ Лауренціанѣ, LII, 3: Leonardi Aretini ad Petrum Histrum liber I (ff. 58 r.—68 v.), liber II (ff. 68 v.—75 v.). Время, когда происходили эти разговоры, опредѣляется изъ сличенія слѣдующаго отрывка съ извѣстнымъ намъ годомъ смерти Луиджи Марсили (1394): «Scio vos omnes tenere memoria (это слова Колуччіо въ 1-й книгѣ), teque magis Nicolae, qui pro summa necessitudine quae tibi cum illo erat domum illius egregie frequentabas, Ludovicum theologum acri hominem ingenio et eloquentia singulari: *qui ab hinc annis septem mortuus est*» и т. д. Помѣчаемъ здѣсь еще одно хронологическое указаніе, встрѣченное нами во 2-й книгѣ—оно касается одного сочиненія Аретина: «ut saepe mihi veniat in mentem ejus *quod est a Leonardo dictum in oratione illa in qua Laudes Florentinae urbis accuratissime congessit*». Эта рѣчь въ похвалу Флоренціи, встрѣчающаяся въ рукописи подъ заглавіемъ: «Leonardi Arretini viri doctissimi de Nobilitate Florentinae urbis libellus», написана стало быть ранѣе 1401 года; между тѣмъ Mehus (Leonardi Arretini Epist. libri VIII, vol. I: Leonardi Bruni scripta pp. LXI—II) относитъ ее почему-то къ 1405 г., основываясь на VIII-мъ письмѣ I-й книги, которое Аретинъ написалъ къ Никколи. Вотъ относящійся сюда отрывокъ: „Orationem, in qua laudes Florentinorum congessi, Laudatio Florentinae Urbis inscribi placet, eamque Colucius videat curabis" (vol. I, стр. 17). Какъ видно, это мѣсто ничего не доказываетъ, и изъ самаго письма не видно, чтобъ оно относилось къ 1405 году.

284. Vespasiano da Bisticci, Vita di Nicolao Nicoli.

285. „Nunc vero a te, Roberte, scire velim, mecumne an cum Nicolao sentias,

nam ego de Leonardo non dubito: ita enim video illum in omni sententia cum Nicolao convenire, ut jam arbitrer potius cum illo errare velle, quam mecum recta sequi.“ Dial. ad. Petrum Histrum, lib. II.

286. Ibid. lib. I: „Ego quidem, Coluci, in hac fece temporum atque in hac tanta librorum desideratione, quam quis facultatem disputandi assequi possit non video. Nam quae bona ars, quae doctrina reperiri potest in hoc tempore, quae non aut loco mota sit aut omnino profligata? Pone tibi ante oculos unamquamque earum quam velis et quid nunc sit quidve olim fuerit considera. Jam intelliges eo deductas esse omnes ut penitus desperandum sit. Vide, quaeso, philosophiam, ut eam potissime consideremus, quae est omnium bonarum artium parens, et cujus ex fontibus haec omnis nostra derivatur humanitas. Fuit philosophia olim ex Graecia in Italiam a Cicerone traducta atque aureo illo eloquentiae flumine irrigata. Erat in ejus libris cum omnis philosophiae exposita ratio, tum singulae philosophorum scolae diligenter explicatae. Quae res ut mihi quidem videtur plurimum valebat ad studia hominum incendenda. Ut enim quisque ad philosophiam accedebat, continuo sibi quos sequeretur proponebat discebatque, non solum sua tueri sed etiam aliena refellere. Hinc stoici, academici, peripatetici, epicurei, hinc omnes inter eos contentiones dissensionesque nascebantur. Qui libri utinam nunc extarent, nec majorum nostrorum tanta fuisset ignavia! *Cassiodorum illi nobis servarere et Alcidum et alia hujus modi somnia, quae ne mediocriter quidem eruditus quispiam legere nunquam curavit*; caeterum Ciceronis libros, quibus nihil pulchrius neque suavius latinae linguae musae unquam peperere, eos neglectos interire passi sunt, quod sine summa ignorantia evenire non potuit. Quippe si illos vel primis ut dicitur labris gustavissent, nunquam profecto neglexissent: erant namque ea facundia praediti, ut facile a lectore non rudi impetrare possent, ne se aspernaretur. *Sed cum illorum librorum magna pars interierit, hi vero qui supersunt adeo mendosi sunt ut paulo ab interitu distent, quemadmodum nobis philosophiam hoc tempore discendam putas? At sunt permulti ejus scientiae magistri, qui se illam docturos esse pollicentur.* O praeclaros nostri temporis philosophos! Siquidem ea docent quae ipsi nesciunt; quos ego nequeo satis mirari quo pacto philosophiam didicerunt cum litteras ignorent. Nam plures soloecismos quam verba faciunt cum loquuntur; itaque illos stertentes quam loquentes audire mallem. Hos tamen si quis rogat cujus auctoritate atque praeceptis in hac sua praeclara sapientia vitantur: Philosophi, dicunt. Hoc autem cum dicant, Aristotelis intelligi volunt, atque cum quippiam confirmare opus est, proferunt dicta in his libris quos Aristotelis esse dicunt: verba aspera, inepta, dissona, quae cujusvis aures obtundere ac fastigare possent. Haec dicit, inquiunt, Philosophus, huic contradicere nefas est: idemque apud illos valet et ipse dixit et veritas. Quasi vero aut ille solum philosophus fuerit, aut ejus sententiae ita fixae sunt, quasi eas Pythius Apollo ex sanctissimo adito suo ediderit. Nec ego nunc, mehercule, ista dico ut Aristotelem insecter, nec mihi cum illo sapientissimo homine bellum ullum est, sed cum istorum amentia, qui si tantum ignorantiae vitio obnoxii essent, illi quidem non laudandi sed tamen in hac temporum conditione ferendi; nunc vero cum ignorantiae eorum tanta arrogantia juncta sit ut se sapientes et appellent et existiment, quis eos aequo animo ferre possit? De quibus vide, Coluci, quid ego sentiam. Non puto illos ne minima quidem in re quid Aristoteles senserit recte tenere, habeoque hujus rei gravissimum testem quem tibi adducam. Quis iste? Idem qui linguae latinae parens est,

M. Tullius Cicero..... Nam cum Trebatius jureconsultus cum quodam summo rhetore egisset, ut sibi eorum locorum qui ab Aristotele expositi sunt rationem explicaret, ille vero haec aristotelica ignorare respondisset, scripsit ad eum Cicero, minime se admirari eum philosophum rethori non esse cognitum, qui ab ipsis philosophis, praeter admodum paucos, ignoraretur. Satisne tibi videtur noster Cicero hoc ignavum a praesepibus arcere? Satisne videtur illis occurrere qui se in Aristotelis familiam tam imprudenter ascribunt?..... Quem igitur philosophum ipsi philosophi, praeter admodum paucos, eo tempore ignorabant, quo omnis ars, omnisque doctrina florebat, quo doctorum hominum magna copia erat, quo omnes non minus graecas litteras quam latinas docti eum in sua sede atque in suo sapore legebant; quem, inquam, tunc, cum ista omnia erant, ipsi philosophi, praeter admodum paucos, ignorabant: eum in hoc tanto doctrinarum omnium naufragio, in hac tanta doctorum hominum penuria isti nihil sapientes homines, quibus nedum graecae sed nec latinae quidem litterae satis cognitae sunt, non ignorabunt? Fieri non potest, mihi credi Coluci, ut illi quicquam recte teneant, praesertim cum hi libri, quos Aristotelis esse dicunt, tam magnam transformationem passi sunt, ut si quis eos ad Aristotelem ipsum diferat, non magis ille suos esse cognoscat, quam Acteonem illum qui ex homine in cervum conversus est canes suae cognoverint. Nam studiosum eloquentiae fuisse Aristotelem atque incredibili quadam cum suavitate scripsisse, Ciceronis sententia est; nunc vero hos Aristotelis libros, si tamen Aristotelis eos esse putandum est, et molestos in legendo et absonos videmus, tantaque obscuritate perplexas, ut praeter Sybillam aut Edipodem nemo intelligat. Quamobrem desinant isti praeclari philosophi hanc suam sapientiam profiteri: neque enim tantum ingenio valent, ut si maxima facultas discendi esset, eam consequi possent; neque si maxime ingenio valerent, facultatem ullam addiscendi hoc tempore video. Sed satis multa de philosophia".

287. Pistola mandata per lo egregio uomo messere Coluccio de'Salutati, poeta fiorentino, allo Religioso uomo frate Giovanni da Samignato risposta d'una lettera che detto frate Giovanni aveva mandata a Angelo Corbinelli, volendolo ritrarre dallo studio di poesia, ridotta di latino in volgare (da Niccolò Castellani). Ed. D. C. Stolfi, Scelta di curios. letter. vol. LXXX, стр. 267—8.

288. Dial. ad Petrum Histrum, lib. I: „Ut enim a Dante incipiam, cui tu ne Maronem quidem ipsum anteponis, nonne illum plerumque ita errantem videmus ut videatur rerum omnium fuisse ignarum? Qui illa Virgilii verba: «Quid non mortalia pectora cogis auri sacra fames» (quae quidem verba nunquam alicui vel mediocriter quidem docto dubia fuere) quid sentiunt apertissime ignoravit. Nam cum in avaritiam dicta essent, is tamquam prodigalitatem detestarentur accepit. M. vero Catonem, eum qui civilibus bellis interfuit, senem admodum barba cana atque prolixa describit ignorans videlicet tempora: ille enim quadragesimo octavo aetatis suae anno, juvenis etiam atque aetate integra supremum diem Utice clausit. Verum hoc leve est: illud autem gravius atque intolerabile, quod M. Brutem, hominem justitia, modestia, magnitudine animi, omni denique virtutis laude praestantem, ob Caesarem interfectum libertatemque populi R. ex faucibus latronum evulsam, summo supplicio damnavit; Junium vero Brutum ob regem exactum in campis Elysiis posuit. Atqui Tarquinius regnum a majoribus suis acceperat eoque tempore rex fuit, cum esse regem jura permittebant; Caesar autem vix armis R. P. occupaverat, interfectisque bonis civibus patriae suae libertatem sustulerat. Quam ob rem si sceleratus M., sceleratiorem esse Junium necesse est;

sin autem Junius laudandus quod regem exegerit, cur non Marcus in celum tollendus quod tyrannum occiderit? Omitto illud quod medius fidius christianum hominem scripsisse me pudet: quod eadem fere pena eum qui mundi vexatorem atque eum qui mundi salvatorem prodidisset, afficiendum putavit. Verum haec quae religionis sunt omittamus; de his loquamur quae ad studia nostra pertinent; quae quidem ab isto ita plerumque ignorata video, ut appareat id quod verissimum est, Dantem quolibeta fratrum atque ejusmodi molestias lectitasse, librorum autem gentilium, unde maxime ars sua dependebat, nec eos quidem, qui reliqui sunt, attigisse. Denique, ut alia omnia sibi affuissent, certe latinitas defuit. Nos vero non pudebit eum poetam appellare, et Virgilio etiam anteponere, qui latine loqui non possit? Legi nuper quasdam ejus litteras, quas ille videbatur peracurate scripsisse: erant enim propria manu atque ejus sigillo obsignatae. At mehercule nemo est tam rudis, quem tam inepte scripsisse non puderet. Quamobrem, Coluci, ego istum poetam tuum a concilio litteratorum sejungam, atque eum zonariis, pistoribus atque ejusmodi turbae relinquam. Sic enim locutus est, ut videatur voluisse huic generi hominum esse familiaris. Sed satis multa de Dante.“

289. Ib. «Nullus ejus libellus, nulla fere major epistola reperitur, in qua non istud suum opus decantatum invenies. Quid autem postea? Ex hac tanta professione nonne natus est ridiculus mus? An est quisquam ejus amicus qui non fateatur, satius fuisse aut nunquam illum librum scripsisse, aut scriptum igni damnasse? Quanti igitur hunc poetam facere debemus qui, quod maximum suorum operum esse profitetur, atque in quo vires suas omnes intendit, id omnes consentiant potius ejus famae nocere, quam prodesse? Vide quantum inter hunc et Maronem nostrum intersit: ille homines obscuros carmine suo illustravit, hic Africanum, hominem clarissimum, quantum in se fuit obscuravit. Scripsit praeterea Buccolicon Franciscus, scripsit etiam invectivas, ut non solum poeta sed etiam orator haberetur; verum sic scripsit ut neque in Bucolicis quidquam esset quod aliquid pastorale aut silvestre redoleret, nec quidquam in orationibus quod non artem rhetoricam magnopere desideraret. Possum haec eadem de Johanne Boccaci dicere, qui quantum possit in omni opere suo manifestissimus est. Verum ego etiam pro eo satis dictum esse opinor: nam cum illorum qui tuo atque adeo omnium judicio sibi permultum antecellunt ego multa vitia demonstrarim,—atque etiam plura, si quis in ea re occupatus vellet esse, demonstrari possent—potes existimare si de Johanne dicere vellem, orationem mihi non defuturam. Illud tamen commune eorum vitium est, quod singulari arrogantia fuere nec putaverunt fore quemquam qui de suis rebus judicare posset, tantumque se ab omnibus laturos esse arbitrati sunt, quantum ipsi sibi assumerent. Itaque alter se poetam, alter se laureatum, alter se vatem appellat. Heu miseros quanta caligo obcaecat! Ego, mehercule, unam Ciceronis epistolam atque unum Virgilii carmen omnibus vestris opusculis longissime antepono.“

290. Мы не знаемъ исполнилъ ли Колуччіо свое обѣщаніе, какъ съ другой стороны кажется утраченъ панегирикъ Колуччіо Салутати, который Леонардо Аретино уже началъ писать, какъ видно изъ его письма къ Никколи: „..... Quod atem de Colucii laudatione significari tibi postulas, procedit sane opus satis, ut mihi videtur, luculente.“ Epist. ed. Mehus, lib. II, ep. 1.

291. Dial. ad Petrum Histrum lib. II. «Meminisse poterat (sc. Coluccius) me istos ipsos florentinos vates unice dilexisse. Nam et Dantem ipsum quodam tempore ita memoriae mandavi, ut ne hodie quidem sim oblitus, sed etiam nunc magnam

partem illius praeclari ac luculenti poematis sine ullis libris referre queo; quod facere non possem sine singulari quadam affectione. Franciscum vero Petrarcham tanti semper feci, ut usque in Patavium profectus sum ut ex proprio exemplari libros suos transcriberem. Ego enim primus omnium Africam illam huc adduxi, cujus quidem rei iste Colucius testis est. Johannem autem Boccacium quomodo odisse possum, qui bibliothecam ejus meis sumptibus ornarim propter memoriam tanti viri, et frequentissimus omnium in illa sum apud religiosos heremitarum".

292. Vespasiano da Bisticci Vite ecc, ed. Bartoli; Vita di Nicolao Nicoli, стр. 478.

293. Mehus Vita Ambros. Camald. pp. LXXXI: „Praestanti ac literatissimo viro Nicholao Nicholae velut fratri maiori et amico carissimo salutem plurimam, et novos amicitiae amores".

294. D. Moreni, Invectiva Lini Colucii Salutati reip. flor. a secretis in Antonium Luschum Vicentinum de eadem republica male sentientem cod. ineditus. Тамъ же на стр. 199—250: „Risponsiva alla invettiva di Messer Antonio Lusco, fatta per Cino di Messer Francesco Rinuccini cittadino Fiorentino e traslatato di grammatica in volgare per....." Firenze, Magheri, 1826. Кажется, что инвектива Колуччіо написана въ 1403 году, т. е. послѣ діалоговъ, переданныхъ намъ Леонардомъ Аретиномъ.

295. Напечатана нами въ 17 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. по рукописямъ: laur. plut. XC sup. cod. 63, и plut. XC sup. cod. 135, 1-о (неполный списокъ); нѣкоторыя поправки представила рукопись, принадлежащая г. Бигацци.

296. Сл. съ этимъ заключительныя строки I-й книги романа, стр. 68—9, гдѣ авторъ нападаетъ на „gl'isfrenati e bestiali pensieri de'miseri mortali che per le inordinate e fragili concopiscenzie abandonano il sommo fattore iscorrendo in tanta temeraria oppinione, che altro che veghino o sentino credere non vogliono nè intendere, e così con ogni forza s'ingegnano d'abbattere gl'insensati e istolti ogni giustizia di meritare i buoni e punire i rei delle operazioni fatte in questa misera vita e volatile tempo, conchiudendo e dannando ogni altra vita futura essere dopo la morte dell'uomo" и т. д.

297. Свѣдѣнія о Чино ди мессеръ Франческо Ринуччини можно найдти въ Ricordi storici di Filippo di Cino Rinuccini dal 1282 al 1460 и т. д. per cura ed opera di G. Aiazzi. Firenze, Piatti, 1840, I v., стр. 126—9 введенія.

298. О литературномъ значеніи Ринуччини отзывались съ большою похвалой Крешимбени, Маріо Эквикола, Сальвино Сальвини и Негри; Трукки напечаталъ одну его баллату въ своихъ Poesie italiane inedite di dugento autori, Prato, Guasti, 1846, vol. 2-°, p. 143, а Сальваторе Бонджи недавно собралъ нѣкоторыя изъ его стихотвореній въ Rime di M. Cino Rinuccini fiorentino. Lucca, Canovetti, 1858, I v.

299. „Offerasi al mio tempo il maestro mio, e veramente Piero Coluccio figliuolo delle muse". Moreni, Invectiva, стр. 231.

300. Salv. Bongi, Rime и т. д. VIII стр. предисловія: „Ebbe costei nome Elena, ma a qual famiglia appartenesse non ci è neppur dato congetturare".

301. Въ 18 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. мы напечатали сонеты Альберто дельи Альбицци къ Салутати, Джьованни да Прато и Антоніо дельи Альберти, и сонетъ Салутати къ мадоннѣ Еленѣ. Мы извлекли ихъ изъ cod. lau-

renz. 184, гдѣ между прочимъ собраны стихотворенія Albizzi подъ заглавіемъ: „Apresso seguiranno sonetti di messer Alberto degli Albizi fatti per la nobilissima Elena, figliuola di Nicolò di Giovanni Franceschi“. Сонетъ Салутати былъ напечатанъ у Crescimbeni, Coment. intorno all'Istor. della volg. poesia, vol. II par. II, lib. IV (и позднѣе въ Raccolta di rime antiche toscane vol. IV⁰, p. 259), гдѣ помѣщено и стихотвореніе Альберто дельи Альбицци къ Франко Саккетти (Con gran amirazion dolor mi stringe): оба по рукописи библіотеки Киджи N. 580, въ которой стихотвореніямъ Альбицци предшествуетъ слѣдующая хронологическая отмѣтка: „Cominciai a scriver questi sonetti addì 12 d'Ottobre, Lunedì sera alle due hore nel 1394; i quali sonetti furono fatti da M. Alberto degli Albizi per la nobilissima et honestissima donna sua Madonna Elena, figliuola di Nicc. di G. Franceschi“.

302. О Доменико говорили и предлагали различную оцѣнку его поэтической дѣятельности: Crescimbeni Vol. I dei Comment. intorno all' Ist. della Volgar poesia, lib. 6, по поводу вопроса объ авторахъ Геты и Биррія (Gieta e Birria), и Casotti, Prose e rime de'due Buonaccorsi da Montemagno (Firenze, Manni, 1718), напечатавшій въ приложеніи два его сонета. Другія его стихотворенія напечатали Guasti, Bibliografia pratese; Trucchi, Poesie italiane inedite di dugento autori, vol II⁰, и Fanfani, Il pome del bel fioretto di Domenico da Prato, rimatore del secolo XV, Firenze, 1863.—Но бо́льшая часть его стихотвореній и все написанное имъ прозой еще остается неизданнымъ въ ркп.: laurenz. pl. LXI cod. 31, и pl. LXI cod. 40; cod. riccard. 1091; magliab. II, IV, 128 и друг. Они-то главнымъ образомъ и послужили намъ для біографіи Доменико.

303. Не знаемъ откуда взялъ Mehus (Vita Ambros. Camald. pag. CCCLIV), что этотъ другъ былъ Роберто деи Росси, тогда какъ въ предисловіи къ рукописному сборнику (laur. plut. LI, cod. 31) не говорится объ этомъ ни слова.

304 „Et bene che alquante delle infrascritte operette trattanti d'amore *meritino più tosto giovinili vaghezze nelle loro pronunziazioni*, *che laude senili d'autentiche construzioni*“ и. т. д.; и далѣе онъ называетъ эти стихотворенія „*opere mie fanciullesche e nelli miei anni efebi compilate*“. Въ 19 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. мы напечатали это Посвященіе, во многихъ отношеніяхъ интересное. Mehus, Vita Ambr. Camald. стр. CCCLIV—V сообщилъ изъ него два отрывка.

305. „Per lo quale conforta Firenze dopo la rotta di Zagonara». Inc. Eccelsa patria mia però che amore.

306. Inc. Figliuol mio, nel chiamar tu prendi errore.

307. „Si conduole della persecuzione fatta a Gregorio papa XII.“ Inc. Dolgomi et piango, anzi contento rido.

308. „Ad Italia in vice dello imperadore Sigismondo“. Inc. Non prima Febo l'Ariete copre.

309. „Sonetto del magnifico signore Malatesta da Pesaro per lo quale in vice d'Italia chiama lo imperadore Sigismondo». Inc. Invittissimo re Cesar novello.— Какъ отвѣтный сонетъ Доменико, такъ и его канцона о папѣ Григоріи XII еще не изданы.

310. См. 20-е приложеніе ко 2-му тому итал. изд.

311. „Pistola di ser Domenico da Prato, *notaio*, mandata a Alessandro di Michele di Ghino Rondinegli“ и т. д.; „Canzone morale del detto ser Domenico

già fatto nataro mandata ad ser Nicolao di Berto da San Giminiano". Inc. Nel vago tempo che Febo ritorna.

312. Такъ въ концѣ письма къ Рондинелли: „Di tempo in tempo *da miserabile indigenza sospinto* alla morte la mia vita consumo"; въ посвященіи сборника стихотвореній: „Et scusi la tua discreta prudenzia la mia tardezza, *considerata le pessima cura iconomica che mi oppressa et la quale non posso al postutto obviare*"; въ предисловіи къ Pome del bel Fioretto, опущенномъ въ изд. Fanfani и напечатанномъ нами въ 21 приложеніи ко 2-му тому ит. изд.: „*et veggendo non in me divizie*, non in me reliquie di forza, non in me virtudi, pensa lettore" и т. д.

313. Это ясно изъ его стихотвореній, которыя онъ шлетъ „Nel castel in Valdelsa tra i due fiumi» (см. канцону, начинающуюся стихомъ: Gentil donna et amor nel cor mi stanno) или посылаетъ ихъ сѣтуя въ долину Эльзы (сл. другую canzon morale, inc.: Far non dee omai il mio cor che lamentarsi). Онъ гораздо обстоятельнѣе въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ; въ одномъ изъ нихъ (Perduto ò il tempo per non più aspettarne) онъ приходитъ къ рѣкѣ:

Qual batte appiè del *Bonizo castello*
che sopr'a ogn' altro è bello.
Ivi apportai, dove ò posto mio zelo и т. д.;

въ другомъ (Cantando un giorno d'Isotta la bionda), напечатанномъ у Трукки, онъ видитъ свою возлюбленную:

Con altre donne al *Poggio imperiale*
Fuor delle mura del vago castello.
Vidila poi presso a quel fiumicello
Cantar, *dove la Staggia batte l'onda.*

Cantando un giorno d'Isotta la bionda
Mi ricordai di mia donna gioconda.

Nel castel vago tra due fiumicelli,
Ballata bella, a mia donna dirai:
Novelle di me a le'portan gli augelli.

См. Repetti, Dizionario geografico fisico storico della Toscana, t. IV, подъ словомъ Poggibonsi: «già Poggibonizi e Poggio Marturi (Podium Bonitii et Marturi) in val d'Elsa.....fra il fiume *Elsa* ed il torrente *Staggia»;* послѣ войны между Генрихомъ VII и Флорентійской республикой въ 1313 г. «considerando quel monarca all'importante posizione dell'antico Poggibonizi, intraprese a riedificarlo cingendolo di steccata; quindi fattolo chiamare *Poggio Imperiale,* vi lasciò circa mille abitanti con una forte guardia» и т. д. Такимъ образомъ устраняется сомнѣніе Fanfani, который, комментируя одинъ стихъ въ Pome del bel fioretto (Parte seconda, str. 20: Onde io mi mossi, e al Poggio imperiale), написалъ слѣдующее (стр. 41): «О какомъ Poggio Imperiale говоритъ авторъ, я не съумѣю угадать. Разумѣется не о той мѣстности, которая носитъ это названіе въ близкомъ сосѣдствѣ съ Флоренціей, потому что она назвалась такъ лишь нѣсколько столѣтій спустя».

314. Canzone morale, inc. «Far non dee omai il mio cor che lamentarsi»; Capitolo unico del detto ser Domenico, inc. «Nel paese d'Alfea un colle giace»

(Non è costei, non è la tua *Melchionna*); «Canzone morale di Domenico del maestro Andrea da Prato, in essa dicendo essere solamente dalla ricordata fama delli eccelentissimi passati nodrito, e questi famosi in due modi pone: prima racconta quelli che per amore morirono, apresso dice di quelli, li quali nelle magnanime prove d'arme ànno speso il tempo loro; et ancora dicendo de'savii uomini. Et in questa maniera nella detta canzone il nome di sua donna racconta, ciò è raccogliere tutte le prime lettere d'ogni stanza et in quel modo il nome proprio raconta, et così incomincia:

Mossemi Giove a cantar d'amor versi и т. д.;

Sonetto del detto Domenico, inc. «Sostengon la mia vita tre colonne» (т. е. Gaspare et Baldassare e *Melchionne*).

315. Canzone morale, inc. «Il tempo è breve e la mia penna è stanca».

316. Capitolo unico del detto ser Domenico, nel quale, morta la dama sua, incitato in quel di Pisa da nuovo amore, ricordandosi del primo, quello abbandona. Inc. Nel paese d'Alfea un colle giace.

317. Сл. также сонетъ Доменико, начинающійся стихомъ: Mostra suoi raggi in sul bel far del giorno:

Se Omerio o Ovidio, o *Dante o il buon Petrarco*
O qualunque a l'udire di lor conosco,
Vergilio ancor. . . . . .
O qualunque parlò mai greco o tosco и т. д.

318. Напечатано въ 22 приложеніи ко 2-му тому ит. изд.

319. См. 23 приложеніе ко 2-му тому ит. изд.

320. Il Pome del bel Fioretto, Prefaz. pag. VII.

321. Письмо къ Рондинелли, in fine; Canzon morale «in dispregio della vanità delle femmine». Inc. Tempo fu già che errar mi fece amore.

322. Canzon morale del detto ser Domenico in comendazione del nome di Filosofia. Inc. Nel vano transparere del fosco centro.

323. Сл. канцону Антоніо дельи Альберти «nella quale parla a commendazione di Firenze»: «Nel bel *giardin* ch'Italia tutta onora».

324. См. у Cesare Guasti, Bibliografia pratese, статьи: *Acquettini Giovanni, Giovanni di Gherardo* и *Rai Giovanni*, гдѣ приведена вся литература предмета до 1844 года. Не знаемъ былъ-ли впослѣдствіи поднятъ этотъ вопросъ, который мы пытаемся разрѣшить иными средствами и не въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ разрѣшался доселѣ.

325. Casotti, Prose e rime de'due Buonaccorsi da Montemagno, ecc. Firenze, Manni 1718, Letter. proem. p. LX. Рукопись Строцци 639, которую видѣлъ Казотти, находится теперь въ національной флорентійской библіотекѣ, Magl. VII Var. 1009, 3; сонетъ Раи читается тамъ fol. 208 recto; вотъ первые четыре стиха:

S(onectus) Ihoannis Bartolomei de Rais

Già er'entrato'l Sol nel segno Tauro
E due gradi montat'è sue carole
Quando vidi duo ninfe in bianche stole
Per un verde boschetto pien di lauro и т. д.

Ibid. fol. 206 verso—207 verso: *Confession fatta per Giovanni di Bartolomeo Rai* (?). Inc. Ginochion con man giunte e gl'occhi molli.

326. См. «Dissertazione di Vincenzio Follini sopra i due poemetti esistenti in questo codice dal folglio 129 al foglio 138, intitolati la Buca e lo Studio di Atene. Letta dal medesimo nella Publica adunanza dell'Accademia Fiorentina nella Libreria Magliabechiana il dì 5 Settembre 1805». Ркп. приложенная въ концѣ cod. magliabech. II, II, 40.

327. Sonetti del Burchiello, del Bellincioni e d'altri poeti fiorentini alla burchiellesca. In Londra 1757, стр. 100—1. О *Studio di Atene* см. рукописное разсужденіе Фоллини, цит. въ предъидущемъ примѣчаніи.

328. Въ cod. riccard. 1775: *Giovanni di Gherardo;* Magliabech cl. VII, cod. 702 pal. 6: *Iohannes Gerardi;* въ кадастровыхъ записяхъ 1427 и 1430 годовъ, автографѣ находящемся въ центральномъ флорентійскомъ архивѣ: *Giovanni Gherardi.*

329. Colomb de Batines, Bibliografia Dantesca, tom. 1-⁰, parte II-a, p. 576.

330. S. Martino in Vado—приходъ (pievania) въ Коммунѣ Castel San Niccolò, въ Казентино.

331. Sonetti del Burchiello и т. д. стр. 244: Sonetto di Giov. Acquettini a Fil. Brunellesco (O fronte sorda, o nissa d'ignoranza).

332. Cod. Riccard. 2254; съ содержаніемъ поэмы мы уже познакомили читателя въ предъидущей главѣ стр. 137—8 и 264—68; см. также прим. 197.

333. Вотъ хронологія дантовскихъ лекторовъ отъ Боккаччьо до Ландино: *Boccaccio; Antonio Pievano di Vado* (1381), *Filippo Villani* (1391?–1401; въ 1404 г. онъ снова утвержденъ на 5 лѣтъ); *Giovanni Malpaghini* слѣдуетъ за Villani, въ 1412 и 1419 онъ снова назначенъ публично объяснять Божественную Комедію по праздничнымъ днямъ; въ 1417, 1421, 1423 и 1424 г.— *Giovanni di Gherardo da Prato;* въ 1430 миноритъ *Antonio* (padre Antonio dei Minori) читаетъ въ S. Maria del Fiore; въ 1431—2 годахъ *Francesco Filelfo*, за которымъ слѣдуетъ *Giovanni da Corella; Lorenzo di Giovanni* изъ Пизы, каноникъ въ Санъ Лоренцо, упоминается въ 1431 и 1435 годахъ; въ 1432 г. *Antonio da Castello San Niccolò* читаетъ въ церкви S. Firenze; въ 1432—3 *Antonio* изъ Ареццо; *Cristoforo Landino* въ 1457.

334. Casotti, Prose e rime de'due Buonaccorsi и т. д. стр. 336.

335. Palermo, Assenzio, vol. 4-⁰ pag. 270.

336. Въ постановленіяхъ (stanziamenti) о художникахъ, участвовавшихъ работой или совѣтомъ въ модели купола флорентійскаго собора, Джьованни ди Герардо названъ *Dominus Johannes Gherardi da Prato*, а иной разъ просто *Giovanni da Prato.* Объ одномъ сэръ Джьованни да Прато разсказываетъ новелла Sermini, недавно изданная Ferrato (Venezia, 1868). Если судить по необычайному уваженію къ Данте, котораго серъ Джьованни любилъ читать (del quale Ser Giovanni molto si dilettava di leggere. Novella, pag. 10), и которая собственно составляетъ завязку разсказа; если взять въ разсчетъ его показаніе, что онъ былъ во флорентійской студіи (ib. pag. 10: perchè nella città nostra era stato in studio) и можетъ быть объяснялъ тамъ Данте (ib. A me pare che lui sia venuto qui per tenere scola di Dante): его тождественность съ Giovanni di Gherardo и Acquettino покажется намъ болѣе чѣмъ вѣроятной. На всякій

случай предлагаемъ здѣсь біографическія свѣдѣнія, какія представляетъ о немъ новелла Сермини: серъ Джьованни былъ нотаріусомъ (valente notaio pag. 9)— это объясняетъ почему въ рукописяхъ его стихотвореній онъ постоянно титулуется *ser* Giovanni; у него были дѣла (per l'arte della notaria, p. 9) и большая дружба съ серъ Уголино да Губбіо, служившимъ при мессерѣ Микеле Раффакани, подестѣ города Прато, въ дочь котораго Бальдину былъ влюбленъ Джьованни (ib.). Въ концѣ новеллы помѣщено стихотвореніе Сермини: *Dolendosi ser Giovanni da Prato con l'autore del caso intervenutoli qui addietro narrato, esso con questo mesticcio li risponde.* Inc. Che fa bisogno pur che tu ti doglia.—Новелла напечатана въ числѣ 36 экземпляровъ, изъ которыхъ 6 на лучшей бумагѣ.

337. Sonetti del Burchiello и т. д. стр. 244.

338. Ibid. стр. 245.

339. D. Moreni, Vita di Filippo di ser Brunellesco, architetto fiorentino, scritta da Filippo Baldinucci, con altra in fine di anonimo contemporaneo scrittore и т. д. Firenze, Carli, 1812, стр. 47, 51—52 и passim.

340. Сл. стр. 85 и прим. 52.

341. Кн. II, стр. 173: «Il perchè, se sia stato l'uomo vinto dal senso della lussuria—dirò divenuto sia coniglio, o leonza, o colombo, o passera; dall'astuzia e malizia—volpe, dallo usurpare e divorare—lupo, dall'iracundia orso, dalla superba—leone».—Trattato: «O come bene dissono i savii che gli uomini si mutavano in bestie; cioè vollono intendere che s'elli era uomo di rapina, diventava simile al lupo; se iroso, all'orso; se pigro e lento, all'asino; se malizioso, alla volpe, se inconstante e vacillante, questo era assomigliato a gli uccelli». Впрочемъ, источникомъ того и другаго разсужденія могъ быть Боэцій De consolāt. Phil. lib. IV: Evenit igitur ut, quem tranformatum vitiis videas, hominem existimare non possis. Avaritia fervet alienarum opum violentus ereptor? Lupi similem dixeris. Ferox atque inquies linguam litigiis exercet? Cani comparabis. Insidiator occultis surripuisse fraudibus gaudet? Vulpeculis exaequetur. Irae intemperans fremit? Leonis animum gestare credatur. Pavidus ac fugax non metuenda formidat? Cervis similis habeatur. Segnis ac stupidus torpet? Asinum vivit. Levis atque inconstans studia permutat? Nihil ab avibus differt. Foedis immundisque libidinibus immergitur? Sordidae suis voluptate detinetur. Ita fit ut qui, probitate deserta, homo esse desierit, cum in divinam conditionem transire non possit, vertatur in belluam». Интересно, что какъ разсужденіе графа Карла въ романѣ направлено къ тому, чтобъ разрѣшить въ нравственную аллегорію басню о превращенныхъ спутникахъ Улисса, такъ стихотвореніе Боэція, непосредственно слѣдующее за приведеннымъ отрывкомъ (Vela Neritii ducis), посвящено подобному-же истолкованію миѳа о Церерѣ. Слич. также прим. 70.

342. Слич. стр. 151—2 и прим. 207.

343. Слич. стр. 153 и прим. 208.

344. Слич. стр. 162 и прим. 210.

345. Кн. I стр. 42—3: «Io lascio istare gli adulteri innumerabili de'falsi iddii, in quanto numero Iove rettore dello Olimpo ne perpetro e commise, e non solamente l'oneste e nobili donne e donzelle, ma la sua propia sirocchia, *perchè la sua forma gli piacque*, per isposa si prese, et *leggie fermò* per tutto il suo

regno, che licito fosse per isposa pigliare quanto piacesse e desse sollazzo. Io lascio istare, perchè vergogna e onta ne prendo, il furtivo rapire del genoroso e bellissimo Ganimede, il quale mai da se partire lassòe» и т. д. Сл. слѣдующій отрывокъ изъ 10-й пѣсни I-й части поэмы:

A questi (т. е. Iove) non basto tanto rie segno
Che non volese oltragiar la natura
Nel propio sesso, ch'a pensar ne sdegno:
Ganimede sì bella criatura
Rapì per sodisfare al suo pensero.
. . . . . .
Po'legge novelò ch'ogni omo il meglio
Che può contenti il carnale apetito,
E di tal legge fe'se primo speglio:
Ch'a sua sorella si diè per marito
Perchè gli piacque la suo bella forma.

346. Кн. I, стр. 22—3: «Giunone detta è secondo l'errore gentilizio ab antico iddea delle richezze e de'regni.....Ora vedere si dee come queste cose sono nimiche dell'uomo a venire a somma virtude e volere Lavina per legittima donna avere e per conseguente lo imperio in etterno durabile aquistare, come per Enea essere fatto si criede. Neuna cosa più chiara sì vede aversa a nostra salute, che è la inordinata concupiscenzia delle ricchezze mondane colle pericolose et tremole signorie; chè per quelle aquistare veduto sì s'èe molti e molti valorosi e altissimi intelletti essere di loro virtuti iscurati e non avere aùto per donna Lavina, la quale per la somma virtù con laudabile fama s'intende». Поэма:

Ma quello amore, che m'è abitato e fisso
Nella mia fantasia, regge il temone:
Sì costante son'io u'pria m'à misso,

Povertà non temendo: chè Iunone
A tosicati tali intelletti,
Che fur più che fra donne l'Amazzone.

O quanto è rico fra divin diletti
Chi à laudabil povertà in sua vita,
Schifando il servire a van concetti. (часть II, пѣсня 5)

347. Письмо напечатано нами въ 24 приложеніи ко 2-му тому итальянскаго изданія по ркп. Laur. Gadd. reliq. 101 (sec. XV), fol. 32 recto—33 recto: «*Eplstola missa Domino Guidoni per Johannem Gerardi*». Оно исполнено ошибокъ, объясняемыхъ не столько оплошностью писца, сколько оригинальными выходками автора, напр. въ употребленіи соединительной частицы *que*, гдѣ возможно только *et: gloriam que potentiam* вм. gloriam potentiamque; *et sic medicorum ignorantiam que malitiam terra tegit* и т. п.

348. Мы извлекли изъ бумагъ Флорентійскаго архива первую изъ этихъ кадастровыхъ записей, какъ болѣе древнюю, и напечатали ее въ 25 N приложеній ко 2-му тому ит. изд.

349. Кн. II, стр. 57.

350. Не знаемъ нашъ-ли Джьованни ди Герардо упомянутъ въ Squittino 1381-го года, у р. Ildefonso, Delizie томъ XVI: «Hec est reductio Vexilli Ferze

Quarterii S. Spiritus Artium Majorum et scioperatorum» стр. 132: «*Iohannes Gherardi calzajuolus*».

351. Сонетъ этотъ напечатанъ у Allacci, Crescimbeni и въ Raccolta di rime antiche toscane (Palermo, Assenzio, vol 4-°, p. 270), но во всѣхъ трехъ изданіяхъ съ большими ошибками и вездѣ различно, хотя подлинникъ былъ одинъ и тотъ-же, именно рукопись библіотеки Киджи 547 (по старой нумераціи, а по новой L, VIII, 300). Чтобы установить нашъ текстъ, мы пользовались не только печатными изданіями и рукописью Киджи (fol. 161: Messer Giovanni di Gherardo da Prato studente in legge et in poesi a Franco), но еще палатинской Cl. II, ord. I, c. 205 (p. 362: Messer Giovanni di Gherardo da Prato studente in legge e in poesi a Franco) и лауренціанской 184, гдѣ нашъ сонетъ—девятнадцатый въ ряду приписанныхъ Джьованни да Прато.—Въ примѣчаніяхъ къ итальянскому изданію мы сообщили варіянты къ выбранному нами тексту сонета, отъ котораго въ настоящемъ изданіи позволили себѣ отступить только въ 11-мъ стихѣ. Чтеніе лауренц. списка *Solo e voglio* мы прежде устраняли, предпочитая ему *Solo soletto* другихъ текстовъ; намъ кажется теперь, что *voglio* описка вм. *veglio*, староитальян. формы вм. vecchio, и въ этомъ видѣ мы приняли лауренціанское разночтеніе.

352. По cod. Palat. cl. II ord. I, c. 205, p. 363, и cod. chigiano 547, fol. 161.

353. По cod. laur. red. 184, sonetto 20.

354. Въ томъ-же сборникѣ.

355. Въ cod. magliab. II, II, 40 помѣщены нѣсколько его сонетовъ, посвященныхъ прославленію Флоренціи, Данте, Петрарки, Боккаччьо, Томмазо дель Гарбо и Паоло дель Аббако.—Замѣтимъ, что первая новелла романа передается какъ слышанная когда-то отъ Паоло дель Аббако.

356. См. прим. 88. Извѣстіе относится къ 1399 году.

357. Слич. стр. 210.

358. Къ сожалѣнію у насъ слишкомъ мало мѣста, чтобы познакомить читателя съ параллельными текстами романа и Инвективы и такимъ образомъ дать ему понятіе о ихъ сходствѣ; здѣсь мы поневолѣ принуждены ограничиться указаніемъ на 231—243 страницы V-й книги нашего романа и слѣдующими отрывками изъ Инвективы Колуччіо: кстати они могутъ дать понятіе и объ аргументаціи нашего автора.

«Volo referre quid sentiam de tanta civitatis origine, et his auctoribus, quos adducere potero, confirmare, ut, postquam alio tibi dicendum loco reservasti, quam impudenter praedicemus nos genus esse romanum, et auferam tibi delirandi materiam et occasionem exhibeam rectius sentiendi..... Quod autem haec urbs Romanos habuerit auctores, urgentissimis colligitur conjecturis. Stante siquidem fama, quae sit obscurior annis, urbem Florentiam opus fuisse Romanum: sunt in hac civitate *Capitolium*, et juxta Capitolium *Forum*, et *Parlascium* sive *Circus*, est et locus qui *Terme* dicitur, est et regio *Parionis*, est et locus quem *Capacium* vocant, est et *templum olim Martis insigne*, quem gentilitas romani generis volebat auctorem; *et templum non Graeco non Tusco more factum, sed plane romano..... Restant adhuc arcus, aquaeductusque vestigia more parentum nostrorum*, qui talis fabricae machinamentis dulces aquas ad usum omnium deducebant. Quae cum omnia Romanae sint res, Romana nomina, Ro-

manique moris imitatio, quis audeat dicere, tam celebris famae stante presidio, rerum talium auctores alios fuisse quam Romanos? Extant adhuc rotundae turres et portarum monimenta, quae nunc episcopatui connexa sunt, quae, qui Romam viderit, non videbit solum, sed jurabit esse romana; non solum qualia sunt Romae moenia, latericia coctilique materia, sed et forma. Non mirum ergo si, tot adstipulantibus rebus, constans et inextinguibilis fama est, urbem nostram opificium esse Romanum, oppositum Faesulanis, quos Romanis fuisse contrarios et adversos clarissimum facit *quod, sociali bello legamus Faesulas et alia quaedam oppida fuisse deleta;* ut Romanum opus esse Florentiam plane sit stultissimum dubitare. Legimus enim apud *Sallustium* certissimum veritatis historicum, *L. Catilinam* quemdam L. Manlium praemisisse Faesulas ad exercitum comparandum; qui sollecitans in *Etruria* plebem, egestate simul et dolore injuriae novarum rerum cupidam, quod Syllae dominatione agros bonaque omnia amiserant; praeterea latrones cujusque generis, quorum in ea regione magna copia erat, nonnullos etiam ex sillanis colonis, quibus libido atque luxuria ex magnis rapinis nihil reliqui fecerant, magnum paravit exercitum. Quibus Sallustii verbis *Ciceronis* nostri ditissimum ejusdem rei testimonium si placeat adjiciam, ut his collatis, clarius efficiam quod intendo. *Scribit ergo Tullius oratione secunda* quam ad Populum romanum habuit *contra Catilinam, dum qualitatem exercitus quem habuit hostis ille perditissimus patriae per membra designat*, in haec verba, videlicet: «*Tertium genus* est aetate jam affectum, sed tamen exercitatione robustum, quo ex genere ipse Manlius, cui nunc Catilina succedit. Hi sunt homines ex his coloniis, quas Faesulis Sylla constituit, quas ego universas civium esse optimorum et fortissimorum sentio». Respondeat velim nunc vel dementissimus ille qui negat Florentinos esse Romanos, vel quivis alius, cui placuerit ista contendere, negetque, si potest, Faesulanis in finibus Romanas colonias esse deductas, et ubi velint, assignent eas praeter Florentiam Romanis congruentes nominibus, aedificiis atque notis, et Marte praeside, quem iste populus in illo gentilitatis errore religione colebat. Quod cum facere nullo modo valeant, famam sequantur tot vigentem seculis, et rem notissimam, tot fultam adminiculis, oro non negent, nec contra Ciceronis sententiam arbitrentur, et dicant, viles illos milites agricolasque fuisse; sed cum tantus auctor cives illos optimos et fortissimos esse dicat, cum ipso sentiant id, quod decet, et audiant quid sequatur. Subdit, enim, immediate post illa quae proxime retuli: «*Sed tamen hi sunt coloni, qui se insperatis ac repentinis pecuniis sumptuosius insolentiusque iactarunt; hi dum aedificant, tamquam beati, dum praediis, lecticis, familiis magnis, conviviis apparatis delectantur, in tantum aes alienum inciderunt, ut, si salvi esse velint, Sylla sit his ab inferis excitandus* (*); qui etiam nonnullos agrestes homines tenues atque egentes in eadem illam spem veterum rapinarum impulerunt». Haec Cicero.....

..... *Verum nomen forte quaeris*: fateor id in historiis, quos habemus, me nullis temporibus invenisse; puto tamen, *quoniam Florentinus ager suapte natura feracissimus liliorum sit, flores occasionem nominis praebuisse.*

(*) Сл. въ V-й книгѣ нашего романа стр. 237: «quose colonie и т. д. intanto che per edificare e oltr'a modo facendo, parea loro beati divenire, e sì ancora gloriandosi per le molte possessioni e grande aparato in conviti e famiglia abondante и т. д., e a volelli salvare convenia provocare Silla dallo inferno acciò ch' un altra volta ricchi li facesse».

Hujus nominis autem auctor optimus Ptolemaeus Philadelphus qui claruit temporibus Antonini Pii claram facit libro tertio Geographiae suae, qua priorum omnium scripta diligentia et veritate superavit, *hujus, inquam, nominis facit et civitatis Florentiae mentionem.* Inquit, enim, ubi Tuscorum mediterranea enumerat breviloquio, sicut et in ceteris, ut quaedam omittam: «Luca, Lucus Pheronis, Pistoia, Florentia, Pisae, Volaterrae, Faesulae, Perusia, Aretium, Cortona». Ut cum multas urbes alias oppidaque maxima tacuerit, forte quia tunc non forent, aut memoratu digna non essent, Florentiam, quia jam ad dignitatem memoriae subscrevisset, notabiliter nominavit. Forte etiam, cum astrorum peritia, cujus studiosissimus fuit, videret, urbem hanc ad tam nobilem magnitudinem perventuram, noluit, futuri praescius, rem adeo mirabilem subticere.—*Quod autem apud Plinium legitur, cum oras Tusciae diligentissime scribit, in haec verba videlicet: «Fluentini profluenti Arno appositi»—forte corruptum est, et scribi debuit Fluentini;* quodque sequitur «profluenti Arno appositi» *non minus librariis dare potuit corrumpendi materiam* quam auctori «profluentis» vocabulo, ei quod «Fluentini» dixerat, alludendi. Nam cum inter Africum, Munionem et Arnum aliosque torrentes, qui jam extincti sunt, haec civitas sita fuerit, cui mirum si Fluentia forsan ab initio dicta sit, et *quod a florum copia maluerint eam posteri Florentia appellare?.....* Nec hoc (т. е. названіе Флоренціи) a romani nominis sono vel institutis abhorret. Habent enim et ipsi non ignobilem urbis partem, quae vulgo dicitur Campus Florae, vel ut hodie dicitur Campus Floris; ut consonum satis sit Romanis rationem illius nominis placuisse. Potuerunt et esse quamplures ex regione Campi Floris, qui tali nomine delectati, causa nominis extitere». Послѣднее предположеніе стоитъ не совсѣмъ одиноко въ средневѣковыхъ повѣрьяхъ: такъ приведенная въ текстѣ латинская эпиграмма говоритъ о *romani flores,* будто-бы положившихъ основаніе Флоренціи, и отъ Іоанна Лида (De mensibus, IV, 50) мы знаемъ, что *Flora* было священнымъ (ἱερατικὸν) названіемъ Рима, ἔρως—мистическимъ (τελεστικὸν), а *Roma* политическимъ (πολιτικὸν). Вспомнимъ, наконецъ, что въ старофранцузской поэзіи *Pré Noiron,* prata Neronis, было постояннымъ эпитетомъ вѣчнаго города.

Кого интересуетъ сличить, въ какой мѣрѣ всѣ эти положенія Колуччіо были приняты и распространены въ непосредственно слѣдующемъ за нимъ поколѣніи, того мы обращаемъ къ Historiarum florentinarum libri XII его ученика Леонардо Аретино (Argentorati, Zetzner 1610, 1 v. in fol.), гдѣ онъ встрѣтитъ очень поучительныя сходства.

359. Armannino di Bologna, Fiorita, cod. laurenz. plut. 62, cod. 12 (sec. XIV), conto IV.

360. Cod. Magliabech. saec. XIV, съ миніатюрами; поэма написана леонинскими стихами и приписывается учителю Петрарки, Convenevole da Prato.

361. Кн. V, стр. 239: «le molte truffe e balure di alcuni cronichisti poco pratichi e dotti, anzi ignorantissimi di queste cose, mostrando per le loro opere non avere litteratura aùta, nè cognizione per consequente d'opere altentiche e notabili».

362. Cod laur. red. 184, sonetto 5.

363. «Messer Giovanni di Gherardo da Prato de' avere fiorini tre per disegni fatti e sua faticha durata pe' fatti della Chupola grande».

364. «Sono per fare honore di vino ai maestri venono a vedere il disegnio à fatto messer Giovanni».

365. «Per loro faticha duraro quando raunono e cittadini richiesti da gli operai e da quelli della Chupola, per vedere e modelli di messer Giovani da Prato e di Filipo di ser Brunelescho».

366. «Messer Giovanni da Prato de' avere per uno modello di charta pechora, da lui rechato per dimostrare la chatena a rafforzamento della Chupola della maggore tribuna, fiorini due d'oro, stanziati per ser Piero di Lorenzo notaio dell' Opera, a uscita di Francesco di Taddeo».

367. «Visis quibusdam modellis factis per quamplures magistros et ingeniosos, et maxime per Filippum ser Brunelleschi, Laurentium Bartolucci aurificem, Iulianum..... alias Pesello pictorem, et dominum Iohannem de Prato, et magistrum Iohannem Aurismi, et per Turam coltellinarium; et Batistam Antonii caputmagistrum dicte Opere» и т. д. Эти свѣдѣнія, какъ и всѣ касающіяся постройки собора, заимствованы изъ книги Cesare Guasti, *La cupola di Santa Maria del Fiore, illustata con i documenti dell' Archivio dell' opera secolare* и т. д. Firenze, Barbèra, Bianchi e C° 1857. См. тамъ же въ указателѣ подъ именемъ Джьованни ди Герардо.

368. См. прим. 88.

369. Приводимъ здѣсь весь сонетъ—послѣдній изъ приписанныхъ Джьованни ди Герардо въ сборникѣ Лауренціаны:

Di quel gentile sguardo il grande assalto
I' non posso fuggir, che più non cresca
E le piaghe mortali ognor rinfresca
Questo bel viso ch' à un cor di smalto.

Se'l gran disio i'ò (?), la umilio, esalto,
I' pur preso mi trovo alla dolce esca;
E quanto più m'amorta, più m'infresca.
Divien così chi pone amor tant' alto.

Ome, stassi mia iddea infra' bei colli
Di due fresche rivere a Monte Paldi,
Dove talora sospira, or canta o ride.

E io, misero a me, cogli occhi molli
Vo' disviando i passi lenti e saldi,
E non veggo il bel viso chi mi ancide.

370. Слич. прим. 347.

371. «Placuit quidem jamdiu studium sapientiae, paupertatem constanti animo non timere, honores turbidos que regimina non curare, fugere et capsare, indocti vulgi innumerabiles derisiones beffare, ventosae gloriae opinionem transire, aliis conjugia filiosque dimittere: acuta nimium sunt venena viventibus. Quid enim salubrius, si recte arbitror, quam dulci silentio nemoribus musis secretissimis contemplari? Ibi equidem nimpharum chori que dearum catervae, ibi limpidae fontes que rivoli murmurantes, atque simplices bestiolae per ridentia prata jocantes, garrulantibus aviculis per viridas frondes et folia: quae haec equidem omnia ad sublimandum spiritum incitant; classes que exercitus et catervas bestialium barbarorum, tubas et timpana civitatum que oppidorum, et furias turbas dimittere». Слич. съ этимъ слѣдующее описаніе въ I-й книгѣ романа, стр. 30: «e quando più l'ardentissimo raggio del principe delle stelle isfavilla, una sì dolce ermonia

in fra le fresche ombre da infiniti, varii e fronzutissimi mai con mille uccelletti, con copia grande di suoni cantando non sanza grande parte di beatitudine da me si sentia, con mille rugelletti mormorando; e la fresca gramigna colle minute erbette e i varii e ridentissimi fiori de' giocondissimi prati tutti rugiadosi facieno. Quivi animaletti graziosi e piacevoli sollazzando grande piacere al più rimirare sommamente porgieno» и т. д.

372. Трактатъ этотъ напечатанъ нами въ 26 приложеніи къ 2-му тому итал. изд. Хотя трудъ Джьованни ди Герардо, онъ написанъ отъ имени дамы, поучающей своихъ милыхъ сестеръ, carissime sirocchie. Послѣ этого, казалось бы, нѣтъ никакого затрудненія приписать мессеру Джьованни стихотворную повѣсть риккардьянской рукописи № 2254, въ которой самъ онъ выведенъ третьимъ лицомъ. Но мы уже замѣтили выше (прим. 197), что плачевная роль, которую играетъ въ ней мессеръ Джьованни, не позволяетъ намъ согласиться съ заглавіемъ повѣсти, гдѣ онъ показанъ ея авторомъ.—Трактатъ написанъ ранѣе 1426 года, какъ видно изъ замѣтки переписчика на оборотной сторонѣ послѣдняго листа риккардіанскаго списка 1689: „Qui è finito il trattato d'una cosa celestiale mostrata per una divotissima visione. Iscritta per mano del poco aventurato Buono di Marco del Buono Filippi Marchi negli anni Domini 1426 del mese di Gennaio".

373. Автографъ поэмы Джьованни ди Герардо находится въ рукописи Мальябекьяны cl. VII, cod. 702, p. 6. Всего 40 листовъ. На верху перваго листа, котораго оборотная часть не записана, имя прежняго владѣльца рукописи (liber Angeli Zenobii de Gaddis VIII) и слѣдующій сонетъ, который мы сообщаемъ, замѣтивъ напередъ, что въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ онъ встрѣчается въ числѣ другихъ, приписываемыхъ Петраркѣ:

O monti alpestri, o cespugliosi mai,
O selve, o boschi u'Diana s'asconde,
O campi o valli, o caverne profonde,
O parlare, o giardin belli e sì gai!
O terra, o fuoco, o aer, o dolci lai,
O piani, o prati, o erb'e fiori, o fronde,
O fonti, o rivi, o fiumi, o marine onde,
O celeste fiammelle, o chiari rai!
O fortuna, o distino, o fati, o sterpi,
O spilonche, ermi, piagge, poggi e colli,
O vento impetuoso, o dolce oreggio,
O pesci, o ucelli, o animali, o serpi,
O pietre, o sassi del mio pianto molli:
Ove sono i belli occhi ch'or non veggio?

На лицевой сторонѣ втораго листа должна была начинаться поэма; но автору видно не понравился первый опытъ и онъ его уничтожилъ, буквально затеревъ чернилами всю страницу; только внизу остались слова: *Invocatio ad musas*, служащія рубрикой содержанію оборотной стороны листа, гдѣ начинаются теперь первые стихи поэмы въ новой редакціи автора. Мы пытались прочесть вымаранныя строки, хотя чернила до того въѣлись въ бумагу, что буквы мѣстами расплылись и разобрать ихъ невозможно. Кажется, поэтъ хотѣлъ назвать свою поэму Филоменой, но, мѣняя заглавія, одно за другимъ, ни на одномъ не

остановился; такъ его трудъ и остался безъ названія. Въ началѣ онъ придумалъ слѣдующее: Poematis nomine Philomena, quo sub velamine fictionis ostenduntur vitiorum elementa (?), et specialiter veneni dulcissimi letalis carnalitatis, editi per Iohannem Gerardi de Acignano (? Citisgnano, Atignano, Cicisgnano ?) ob reverentiam clarissimi militis nimium moribus (?)... Blasii de Guasconibus liber primus incipit feliciter". Не понравился-ли ему этотъ титулъ, или по какой другой причинѣ, у него тотчасъ-же готовъ другой: „Incipit liber qui dicitur Philomena editus per Iohannem Gerardi".—Но и этотъ зачеркнутъ, какъ и все остальное. Разобраннаго достаточно, чтобы возбудить нѣкоторыя сомнѣнія, которыя намъ предстоитъ разрѣшить. Поэма, стало быть, по прозванію Филомена, посвящалась Біаджіо деи Гуаскони, рыцарю или кавалеру, потому что такое значеніе имѣло средневѣковое латинское miles. Мы думаемъ, что это не кто иной какъ Біаджіо ди Боначчьо деи Гуаскони, о которомъ самое раннее упоминаніе относится къ 1351 году; онъ былъ пріоромъ въ 1352—3, 1356—7, 1361—2, 1369—70, 1371—2, 1375—6 и 1386—7 годахъ, и въ послѣднемъ году избранъ въ Gonfaloniere di Giustizia (Messer Biagio di Bonaccio de'Guasconi Cavaliere Gonfal. di giust. Quart. S. Giovanni). Будучи въ 1378 году однимъ изъ предводителей гвельфской партіи (capitani di parte) онъ былъ возведенъ народомъ, со многими другими своими сверстниками, въ званіе рыцаря золотой шпоры; въ 1379 году его объявляютъ магнатомъ (de'grandi), и такимъ онъ былъ еще въ 1381 г., когда избранный (squittinato) отъ квартала S. Giovanni, онъ былъ членомъ балiи (balìa-временное правительство, чрезвычайная коммиссія). Если онъ умеръ въ 1389 году (Dominus Blasius de Guasconibus pop. S. Laurentii honorifice sepultus cum habitu ante altare S. Lucae Evangelistae—въ S. Maria Novella), и дѣло идетъ не о какомъ-нибудь другомъ Biagio de'Guasconi (Biagio di Jacopo de'Guasconi упоминается подъ 1420 годомъ), идея поэмы должна была зародиться въ головѣ нашего автора раньше этого года, или по меньшей мѣрѣ въ этомъ году, какъ заставляетъ заключить первый опытъ посвященія. Смерть Біаджіо могла заставить его пріостановить начатый трудъ; когда онъ возвратился къ нему впослѣдствіи, посвященіе оказалось уже ненужнымъ, и онъ его вычеркнулъ. Мы покрайней мѣрѣ думаемъ, что между первой и второй половиной поэмы прошло много лѣтъ: этимъ можно, пожалуй, объяснить, почему и второе заглавіе, придуманное авторомъ, имъ уничтожено, какъ не удовлетворявшее его болѣе. Въ самомъ дѣлѣ: вторая книга поэмы, гдѣ упоминается смерть Колуччіо (1406), хотя писана тою-же рукою, но какъ будто ослабѣвшею, старческою; мы очевидно имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, вышедшимъ не заразъ изъ головы автора, но слагавшимся по частямъ, въ большіе промежутки времени. Это отразилось и на неясности общаго плана, и на сбивчивости подробностей.

Мы, разумѣется, выдаемъ наше мнѣніе о Біаджіо за то, что̀ оно есть, т. е. за простое предположеніе. Въ приведенномъ нами латинскомъ посвященіи предъ словомъ *Blasii* кое-что выпало, затерто или неразобрано нами. Мы предполагаемъ, что стояло *domini*; но можетъ быть точно также что стояло собственное имя лица, которому посвящалась поэма; въ такомъ случаѣ родительный Blasii относилось-бы къ нему (а не къ reverentiam), означая имя отца (какъ напр. въ латинской формѣ Iohannes Gerardi).

Но вотъ въ чемъ главное затрудненіе. Мы нѣсколько разъ говорили о поэмѣ, какъ объ автографѣ Джьованни ди Герардо да Прато, стараясь какъ литера-

турными, такъ и палеографическими сближеніями съ нашимъ романомъ доказать, что и онъ принадлежитъ тому же автору. Но между тѣмъ въ концѣ первой книги поэмы авторъ вовсе не указываетъ на свое происхожденіе: «Explicit primus liber editus per Iohannem Gerardi, ubi trattatur de VII virtutibus. Finit», а въ первомъ черновомъ заглавіи всего труда онъ пишется: de Acingnano, или Atignano и т. п., или какъ иначе прочесть это неразборчивое слово. Стало быть онъ не былъ изъ Прато? и разрѣшаются въ ничто всѣ наши палеографическія и другія соображенія? Но у насъ есть въ пользу ихъ еще одно, случайное доказательство. Поэма—несомнѣнно автографъ какого-то Джьованни ди Герардо, перешедшій впослѣдствіи въ библіотеку Анджело деи Гадди, извѣстнаго собирателя рукописей; риккардіанская рукоп. 1176 также принадлежала Джьованни ди Герардо и также перешла къ Анджело Гадди. На лицевой сторонѣ перваго листа читается: *Invective domini Francisci Petracche de Florencia*; потомъ въ числѣ другихъ помарокъ и пробъ пера, вродѣ «Cogito fas, ne facito nefas» и т. п. прописано ясно: «*Iohannes sic nomen ejus*», что̀ поясняется свидѣтельствомъ послѣдняго листа, fol. 31 verso: «*Libellus est Iohannis Gerardi. Explicit. Liber Angeli Zenobii de Gaddis de Florentia* CXIII». Очень естественно предположеніе, что Джьованни ди Герардо автографа и риккардіанской рукописи—одно и то же лице, что̀ поясняетъ съ другой стороны, почему и автографъ и рукопись попадаютъ впослѣдствіи въ однѣ и тѣ же руки. Между тѣмъ о Джьованни ди Герардо риккардіанской рукописи мы можемъ сказать положительно, что онъ тождественъ съ Джьованни ди Герардо да Прато: какъ-же иначе объяснить слова, какъ будто случайно заброшенныя вверху лицевой стороны перваго листа: *Gientille creature di quel ciello*? Мы знаемъ, что этимъ стихомъ начинается послѣдній любовный гимнъ въ Giuoco d'Amore (*O gentil creature di quel cielo*), принадлежащаго, какъ извѣстно, Джьованни да Прато, и что тѣмъ же стихомъ, нѣсколько измѣненнымъ (*O gientili creature della spera*), онъ началъ 18-й сонетъ лауренціанскаго сборника 184. Прибавимъ къ этому, что почеркъ риккардіанской помѣтки представляетъ замѣчательныя черты сходства съ почеркомъ романа и поэмы. Въ виду всего этого мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что и Джьованни ди Герардо поэмы тождественъ съ Джьованни ди Герардо да Прато: впрочемъ и самый стиль поэмы обличаетъ дантовскаго лектора. Прибавку de Acignano, Citignano и т. п. придется въ такомъ случаѣ принять за названіе какой-нибудь деревушки, мызы или за́мка въ округѣ Прато, слишкомъ незначительныхъ или теперь несуществующихъ, почему онѣ и не вошли въ геграфическій словарь Репетти.

Mehus, имѣвшій въ рукахъ риккардіанскую рукопись 1176 (по старой нумераціи: N. 1, num. XXIX) ставитъ вопросъ: «An Gerardus ille est alter Petracchi filius, poetae nempe germanus, idemque monachus Carthusiensis»? (Vita Ambros. Camald. p. 273). Но во 1-хъ мы ничего не знаемъ о Джьованни, сынѣ Герардо ди Петракко; во 2-хъ Герардо принялъ постриженіе въ 1342 году сынъ Джьованни родился у него, стало быть, раньше и долженъ былъ имѣть, около 70 лѣтъ отъ роду, когда могъ упоминать въ поэмѣ покойника Колуччіо († 1406); наконецъ спеціально флорентійскія воспоминанія, которыми наполнена поэма, дѣлаютъ необходимымъ предположеніе, что ея авторъ долгое время жилъ во Флоренціи, или по близости. Обо всемъ этомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, какъ вообще всю догадку Mehus'а придется отнести къ тѣмъ многимъ некритическимъ, которыми наполненъ его, впрочемъ весьма почтенный, трудъ.

374. Замѣтимъ символизмъ именъ, который самъ авторъ поясняетъ въ стихахъ или глоссахъ на поляхъ рукописи. Иной разъ онъ основанъ на этимологіи, чаще всего насильственной: *Costanza*—Fortitudo, Constanzia; *Ginevra*—gierula, латинское gerula (Gierula fin per suo dolce mammella); *Tommasa*—Deus meus (Tomasa che ci sona Deus meus); *Margherita* (? Iusta *Matros Mathesis*, spada diva—стихъ совершенно непонятный; мы подозрѣваемъ въ немъ этимологическую аллюзію на имя Маргериты). Другія имена заимствованы отъ легенды, напр. *Francesca* для созерцательной жизни, *Caterina* для любви, милосердія; нѣкоторыя отъ миѳологіи: *Diana*—для жизни дѣятельной, *Feronia*—для вѣры, можетъ быть слѣдуя Варрону, у котораго Feronia=Fidonia. Имя Viredia—надежда указываетъ на народную символику цвѣтовъ; см. le Roman de Fauvel vv. 193—4:

Car la *verdure* est signifience
De foy loial et *d'esperence*.

Впрочемъ у Готтфрида Страсбургскаго зеленый цвѣтъ есть символъ постоянства, а у Francesco da Barberino, Del Reggim. parte XX—благоразумія, Prudenza:

Ed ha le vesti di *verde colore*
Perocchè ella è *virente* e valorosa.

375. Въ первой книгѣ поэмы 13 пѣсенъ, изъ которыхъ первая и послѣдняя оставлены безъ рубрикъ, остальныя снабжены латинскими заглавіями, которыя здѣсь сообщаемъ:

Secundus cantus primi libri, ubi ponitur quomodo Ginevra, aliter Prudentia, canit cantilenam suam.

Cantus tertius primi libri in quo continetur cantilena alterius dominae, scilicet Margheritae, quae ponitur pro Iustitia.

Quartus cantus primi libri, ubi ponitur Cantilena alterius dominae quae nominatur Tomasa, quae ponitur pro virtute Temperantiae.

Quintus cantus primi libri, ubi ponitur primo quaedam descritio diei, posmodum qualiter Costantia VI aliis virtutibus extrait Autorem de caliginosa silva, incipiendo scandere collem.

Sextus cantus primi libri, ubi ponitur primo continuatio ascentionis et posmodum qualiter autor dubitando interrogat Costantiam quantum dista eorum eminentissimum pratum ab silva, et responsio dubis ejus, declarando ac etiam fine ejus parentelam.

Setimus cantus primi libri, ubi ponitur primo autoris gementis purgatio pecatorum et qualiter Costantia ad audiendum benivola atque exorat ut perfecte operet et concipiat cantilenas canendas ab tribus virtutibus necessariis.

Octavus cantus primi, libri ubi ponitur qualiter Viredia virtus theologica canit cantilenam suam in qua aliqua dubia philosophica atque etiam teologica canendo declarat.

Nonus cantus primi libri, ubi primo ponuntur solutiones aliquarum dubitationum theologicarum et posmodum qualiter Costantia autorem mittit ad Feroniam ut cito cantet, destinando eidem ut tempus nimium volatile est.

Decimus cantus primi libri, ubi ponitur qualiter Feronia, nos muniendo, cantat ut ab pessima peste idolorum animos avertamus, et ponit vitam

obrobi(os?)am et lascivam maiorum deorum gentilium et ostinatam rebellationem judeorum.

Undecimus cantus primi libri, ubi scribitur qualiter altor primo aliquam comperationem facit suae atentionis et posmodum ponit continuationem Feroniae, ubi canitur quam necessaria sunt ad salutem humanam d'eternitate atque de divinitate sentire.

Duodecimus cantus primi libri, ubi autor primo ponit aliquam discritionem maneriei Feroniae et posmodum inducit eam canentem veluti Cristus ivit pos mortem ad limbum spoliandam, et quomodo venturus est judicare vivos et mortuos con corporibus suis; et fine hujus cantus inducit Romam declamantem ergo pastores et reges, et Feroniam exortantem in debellatione paganorum et Ierusalem recuperatione.

Въ нашемъ итальянскомъ изданіи мы объяснили слово *maneries* сообразно съ его употребленіемъ у Петра Альфонса, Disciplina Clericalis, III, 3 и XXIII, 4 (изд. Валентина Шмидта): «Die Wichtigste Stelle wegen Einführung des Worts scheint bei Ioannes Sarisber. Metalog. l. 2, cap. 17: «Nunc enim quum genus audit vel species, res quidem dicit intelligendas universales, nunc *rerum maneries* interpretatur. Hoc autem nomen in quo auctorum invenerit, vel hanc distinctionem incertum habeo; nisi forte *in glossematibus, aut modernorum linguis doctorum*» (В. Шмидтъ въ примѣч. къ III, 3).— Слово *manera*, которое авторъ поэмы употребилъ въ IV-й пѣсни 2-й книги (Et il cammino è lungo a sua *manera*) сюда не относится: это *manieri* Франческо да Барберино, Del Reggim. parte VII: «arrivò ad un *Manieri* d'un gran borghese». Vocab. d. Crusca: Maniere, Maniero—abituro nobile e forte fuori della città.—франц. *manoir, maneir, maner.*

Въ заголовкѣ 13-й пѣсни авторъ повторилъ рубрику предъидущей, но замѣтивъ ошибку, вычеркнулъ написанное, и пѣснь осталась безъ рубрики.

Первая книга кончается словами:

Explicit primus liber editus per
Iohannem Gerardi, ubi trattatur de VII
virtutibus. Finit.

Вторая книга, въ томъ видѣ въ какомъ она дошла до насъ, раздѣлена на 6 пѣсенъ, безъ заглавныхъ рубрикъ, для которыхъ оставлено мѣсто.

376. Въ рукописи: Taddeo; это, разумѣется, Taddeo Gaddi, скончавшійся по Вазари въ 1350 году, хотя документы, на которыхъ онъ основалъ свое показаніе, не найдены. Бальдинуччи упоминаетъ подъ 1383 г. его вдову, мадонну Франческу, дочь Альбиццо Ормани.

377. Въ поэмѣ: Andrea. Andrea Orcagna умеръ въ 1376 году или нѣсколько ранѣе; отъ этого года сохранился документъ, касающійся Кристофано Ристори, опекуна Тессы и Ромолы, дочерей Андрея Орканьи.

378. Тисбера или Тиспера упоминаетъ Анджело Полиціано въ своей Praelectio de Dialectica, вмѣстѣ съ Бёрле, Эрвеемъ, Оккамомъ, Антисперомъ и Стродомъ. «Philosophical Strode» (Chaucer, House of fame), извѣстный своею схоластической ученостью, былъ наставникомъ Чосерова сына Льюиса въ Merton college, въ Оксфордѣ.

379. Въ поэмѣ: Clientone; вѣроятно Climentonus Langlejus, номиналистъ.

380. Въ поэмѣ: Burleo; Walter Burleigh, послѣдователь философской школы реализма.

381. Это напоминаетъ сходную черту въ Тезеидѣ Боккаччьо (см. также Chaucer, Canterb. Tales; The knightes tale), гдѣ въ началѣ турнира, который долженъ рѣшить любовную распрю двухъ соперниковъ, Палэмонъ молится въ храмѣ Венеры, Арцитъ ублажаетъ Марса, между тѣмъ какъ Эмилія, руки которой добивается тотъ и другой, приноситъ умилостивительныя жертвы Діанѣ.

ДОКУМЕНТЫ.

I.

Questo dico imperò (chè) quasi per tutti greci come latini poeti è stato favoleggiato di questa famosissima Circe, che i compagni d'Ulisse fe' in diverse fiere transformare. E questo moralmente intendere si dee che secondo i vizii de' compagni d'Ulisse, guardando allo abattimento della loro ragione, si transformavano alla sensualità e seguitando quella: imperò che dove manca la somma ragione, si resta in bruto animale, sendo la diferenza tra noi e loro solamente il ragionevole, dando per difinizione dell'uomo,—l'uomo è animale ragionevole,—e delli altri animali non ragionevoli ma bruti da sommi filosofi detto è stato..... Et mentre che queste cose diciensi con più altre ragioni, ma singularmente ch'egli era impossibile l'uomo in fiera transformarsi, dicendo esser quello fatto alla immagine d'Iddio e che l'anima era cosa incorrutibile e immor-

Al reverendo in Cristo padre e maestro frate Luigi Marsili teologo prestantissimo.

Quantunque volte, eccellentissimo maestro Luigi, mi ha apparecchiata Iddio tal grazia di poter la vostra suavissima facondia e dottrina udire, non ho lasciato alcun benchè breve intervallo trascorrere (così ferma opinione ho io del vostro sapere) senza colla mente considerare quello che per voi è stato detto nelle multiplici e diverse materie, di che io soventi volte hovvi udito eccellentemente favellare. Fra le quali di grandissima consolazione mi fu certamente quella, quando voi in brigata di savissimi uomini sopravveniste, nella quale *della famosissima maga Circe, del greco Ulisse e de' compagni di quello ragionavasi, de' quali con bellissime finzioni hanno i poeti cantato quale in un animal bruto, quale in un altro essere trasformato.* Intorno al quale subietto essendo voi a dire la sentenza vostra richiesto, e per autoritade di gravissimi autori, e per forza di sottili argomentazioni esponeste, quello che di Circe e d' Ulisse e de'compagni suoi hanno i poeti favoleggiato *doversi moralmente intendere, che secondo i vizi di quelli, per l'abbattimento di loro ragione si trasformassero. Conciossiachè dove la retta ragione fievole e fiacca diviene, null' altro che un animal bruto rimane, sendo la differenza fra noi e loro solamente nel ragionevole. Per che da'sommi filosofanti è stato detto l'uomo essere un animale ragionevole,*

tale..... Dice adunche il padre e dottore Agustino, movendo simile e propio dubbio, come impossibile è che l'uomo si transmuti in bestia, ma bene à tanta forza la illusione diabolica, che a te pare essere bestia, e eziandio desideri gli atti bestiali di quella spezie; e ancora pare a chi ti considera e raguarda che tu sia una bestia secondo forma e effetto, con tutto che sempre lo intelletto o vuoi anima razionale incomutabile o incorrutibile si stia, la quale anima razionale è unica forma sustanziale dell' uomo. Come si dice d'Apuleo, il quale d'uomo asino divenne, e non istante questa illusione pure stava lo intelletto dell'uomo fermo e non corrutibile o mutabile in altro; perchè mai l'uomo mutare in bestia si puote, ma in apparenza sanza dubbio alcuno per illusione diabolica bestia puote divenire..... io m'ingegnerò dire uno caso assai famoso e noto e publicamente fatto da tale, che, secondo che certo si crede, non fu in Italia già moltissimi secoli più dotto e famoso mago; e per questo udirete quanta forza abbia la illusione diabolica nella fantasia de'mortali, sendo chiaro e mostrato a lui non esser vero nè possibile quello che credea, e pure pertinace e fermissimo istava in suo proposito, e così mentre vive' tale fantasia mai da lui si partì".

Il Paradiso degli Alberti, ritrovi e ragionamenti del 1389, romanzo di Giovanni da Prato, dal codice autografo e anonimo della Riccardiana, a cura di Alessandro Wesselofsky. Кн. II, стр. 172—180.

laddove gli altri animali, non ragionevoli ma bruti sono chiamati. E così su tal materia discorrendo, e nulla cosa dubbia agli uditori lasciando, chiaro faceste *non potersi per malefici o diaboliche operazioni l'uomo in fiera trasformarsi, come quello che alla imagine di Dio fatto è, e di cui l'anima è cosa incorruttibile ed immortale: ma bensì tanta aver forza la diabolica illusione da far parere ad alcuno d'essere bestia divenuto, ed eziandio da far desiderare gli atti bestiali di quella specie, e fiera apparire, in maniera che chi quello riguardasse e considerasse secondo forma ed effetto, fiera il crederebbe, con tutto che sempre lo'ntelletto ossia l'anima razionale incommutabile ed incorruttibile si stia; la quale anima razionale è sola forma sustanziale dell'uomo. La qual cosa di Apuleio si dice che d'uomo asino divenisse; e non ostante quella illusione, pure fermo lo'ntelletto dell' uomo rimanesse, e non corruttibile e mutabile in altro. Del qual vostro lungo e dottissimo ragionamento la sentenzia ultima essendo, poter l' uomo in apparenza senza dubbio alcuno per diabolica illusione bestia divenire,* e tale da sè e da altri credersi, in mente mi venne una novella scrivere, per me da leggiadro novellatore udita raccontare, la quale a confermare le vostre savissime definizioni acconcia reputai. Imperocchè questo che leggerete è *caso assai famoso e conto, e forse a voi noto, e pubblicamente fatti da tale che, secondo che si crede, non fu in Italia già moltissimi secoli più dotto e prestante mago. Il quale per diabolica illusione* con sua arte tanto aoperare seppe nella fantasia di un cavaliero dello'mperatore Federigo, che *per quanto fosse a lui chiaro mostrato non essere vero nè possibile quello che egli credeva essere a lui*

avvenuto, pure pertinace e fermissimo sempre istette in suo proposito, cosicchè mai da lui finch' e' visse tal frenesia non si partio, E siccome dal vostro parlare in me nacque di tale avvenimento memoria, così a voi ho voluto scritto donarlo, e perchè a voi parmi appartenere, e perchè argumento trarre possiate della mia verso voi devozione. Mi resta solo pregare la somma benignità e dottrina vostra che supplire voglia alle imperizie del mio scrivere, ed al rozzo dir mio; alla quale humili ex corde mi raccomando.

Novelle di Giraldo Giraldi fiorentino, seconda edizione. In Amsterdamo, l'anno 1819, стр. 179—181.

II.

(Отрывокъ V-ой новеллы)

«E' fu in questi tempi uno giovane nostro fiorentino assai piacevole, il quale ancora si chiama *Nofri* di..... speziale; e andando per lo mondo in più parti civanzando sua vita, capitò in Osterichi nella Magna a una terra che si chiama Vienna; e qui sogiornando alcuno dì, avea vaghezza di vedere il duca, imperò che l'avea molto sentito nominare a Vinegia e a Padova. E sendogli detto dall'oste suo: «Se tu il vuoi vedere va domane damattina a udire messa in duomo, e lui vedrai, [imperò ch' è suo costume il dì delle feste stare in chiesa all' uficio divino»: onde prestamente andatovi la mattina vegnente e essendo già in coro il duca solo su alto, e Nofri che lui non conosciea (imperò che elli avea per suo vestire quella mattina uno frusone sanza alcuno segno di cavaliere o di signore, quasi come se volesse cavalcare, detto l'uficio), a lui s'acostava e cominciò così a dire: «O compagnone, quando verrà il duca? non è elli omai l'ora del suo venire, chè è cominciata

NOVELLA
SETTIMA

Manca il principio, e il fine della presente novella

. . . . E non ci ha credito se non chi è degli scopatori; il perchè noi siamo addreto e Dio sel sa da chi, che non sono altro che gabbadei; che pure iermattina fu tratto uffiziale di grascia a un tratto e capitano della compagnia d'orto san Michele, Lapo della croce oliandolo che pure ieri vendeva le frittelle al Panico. Or pensa come noi stiamo, Berto mio. Andianne tosto in Ungheria a starci col re, e lasciando questi vituperi. Berto udendo Nofri, e da lui sentito avendo come il paese grasso molto era, e non avendo di che vivere qui molto, di fare ciò che a Nofri piacesse diliberò, avvegnachè faticoso gli fosse il determinarsi di perdere il campanile di veduta, e disse: Nofri, dappoichè tu diliberi di andare a Giovanni tuo in Ungheria, io sono contento di venir teco, ma pure io vorrei prima teco ragionarmi un poco come e'vi si vive. Non diciamo più al presente, dis-

la messa?». A cui il duca così dicea, riguardandolo in viso e parendogli italiano: «Perchè ne domandate voi, gentile uomo?», parlando lombardo, chè assai convenevolmente pratico n'era. Nofri udendo parlarlo in tal forma più prese di sicurtà, stimando quelli essere lombardo, e così li rispuose: «Io arei vaghezza innanzi che io mi partissi di questa terra vedello, e però ve ne demandava.» A cui il duca dicea: «Voi il vedrete prestamente, e se e' v' è in piacere, ditemi donde siete e se avete novella alcuna e che andate faccendo?». A cui disse Nofri: «Io sono fiorentino nè altre novelle io ò, e vogliomene tornare a Firenze, ma prima essere a Vinegia e comperare certe mercatanzie del mio mestiero.» «Ora colla buona ventura», dicea il duca, «e che mestieri è il vostro?» A cui presto rispuose: «Compagnone, il mio mestieri è speziale; ma lasciamo stare questo, quando credi tu che costui venga allo uficio? Io credo che elli verrà a ite missa è: e' mi pare ch' elli debba avere poco il capo all' uficio di chiesa, forse elli è in istufa a'vinazzarsi con qualche sua femina; perchè tu vedi comunemente che questi tedeschi non vogliono altro fare che bombare e lusuriare. Il perchè io credo ch'io potrò troppo aspettare.» Il duca questo udendo cominciò a sorridere e dilli: «Gentile uomo, e' non puote per certo fallire che voi non lo veggiate, imperò mai manca sua venuta.» — «O quando, o quando aerai! per certo delle due cose è l'una: o elli è un dolce puchiozzo, o elli de' essere ebro com'un torcifeccio», Nofri a lui rispondea con più altri diri. I famigli che questo vedieno forte si maravigliavano, imperò che di costume non era del duca così ragionare all' uficio; e immaginavansi, vegendo lui ralegrare e così piacevolmente parlare, che Nofri fosse un grande maestro; e lui fiso raguardandolo e ragionandone insieme, Nofri si maravigliava questo veggendo e al duca dicea: «Chi se Nofri; ma poichè desinato noi aremo parlerenne appieno, chè di miglior voglia saremo, e intenderenci insieme. Orsù, disse Berto, e'mi pare il tuo consiglio da farlo. E così finendo loro ragionamenti giunsono a Monbellozza fuori della porta al prato, e quivi fattosi fare il cavoletto, ebbono la cipolletta; e prima mangiando un pezzo d'erbato col marobio, desinarono con buona consolazione, avendo continuamente del suo buon vino. E mangiato ch'egli ebbono se n'andarono un poco al solitio, e cominciarono a ragionare da senno dell' Ungheria, e più e più cose dicendo di non meno avviso che farsi gran maestri, Berto un poco dallo sbevazzare caldetto cominciò a millantare, e a dire: Nofri deh andianne tosto, e più tosto che possiamo, ch'io fo boto a Dio che se mai là veniamo a salvamento, tu in poco tempo me un gran maestro vedrai doventato. Io mi lascerò crescere la barba e sempre porterò meco la'nsegna, e con un bel saio nero sarò in concetto d'un grandissimo dottore tenuto. A cui Nofri rispondea: E'mi piace quanto tu di'. Egli è buono che noi andiamo in borgo san Lorenzo, e faremo motto al Cavallina che trovi modo che noi abbiamo due ronzini i migliori che si trovino per insino a Bologna. Berto allora diceva: Or quando vogliamo noi andare? Alla croce d'Iddio, non sarebbe egli meglio il torgli da Agnolo che gli suole aver migliori? Andiamo a lui. Doh bestia! diceva Nofri interrompendolo: tu non ti intendi di cotali cose. Io voglio che tu sappi che il Cavallina è, fuori del procaccino, il miglior cavalcatore di Firenze, e tu vuoi andare a Agnolo ch'e'pare un gabbadeo? Deh lasciati governare a feci; e siamo mossi il dì dopo di santa Maria della candellaia che è martedì. Orsù, Berto gli rispose, facciamo quello che vuoi. E'mi pare che tu intenda meglio queste cose di

sono coloro colà? o e' deono essere i dolci pescioni, chè pare che mai vedessono persona; crederebbono ellino che noi mettesimo corna? dè vedi ve', che non fanno altro che borbottare. Son eglino de' famigli del duca?. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

(Отрывокъ VI-ой новеллы)

«ci à credio, se non chi è delli scopatori; il perchè noi siamo adietro, e dio il sa da chi, che non sono altro che gabbadei, chè pure ieri matina fu tratto uficiale di grascia a un tratto e capitano della compagnia d' Orto Santo Michile *Lapo della Croce* oliandolo, che pure ieri vendea le frittelle al panico. Or pensa come noi stiamo, Berto mio, andianne tosto in Ungeria a starci co' re e lasciamo qui questi vituperi.» Berto udendo More e sentendo da lui che il paese era grasso, e non avendo di che vivere qui molto, diliberò fare ciò che a More piacesse, avenga che faticoso gli fosse il diliberarsi perdere il campanile di veduta. E disse: «More, dapoi che tu diliberi d' andare a Giovanni tuo in Ungeria, io sono contento di venire teco; ma pure io vorrei teco ragionarmi un poco, come e' vi si vive. Non diciamo più al presente, ma desinato che noi aremo parlerenne apieno, chè saremo di migliore voglia e intenderemci insieme». «Or su», disse More, «e' mi piace il tuo consiglio da fallo». E così finendo i loro ragionamenti giunsono a *Monbellozza fuori della porta al Prato,* e quivi fattosi fare il cavoletto e ebbono la cipolletta, e prima mangiando uno pezzo d'erbato col marobio desinarono con buona consolazione, avendo continuamente del suo buono vino. E mangiato che ebbono se ne andarono uu poco al solitio e cominciarono a ragionare da senno d'Ungheria, e più e più cose dicendo di non meno aviso che farsi grandi maestri. me. Ma che dirà monna Lippa, seguitava Nofri, che si troverà sola sanza di te? Procaccisi compagnia, aggiungeva Berto, come io farò; ch'io tengo per fermo esservi in Ungheria le più belle femminaccie: e se Dio m'aiti, io vo'che noi ci troviamo due belle manze fresche e degnevoli che mai più, a amorazzare con loro in santa pace sanza duopo d'andar dietro a tante. E dopo queste parole tutti ringazzulliti partironsi da Monbellozza, beendo prima un tratto, e vennono in borgo san Lorenzo e dal Cavallina due ronzini per lo dì deputato accattarono, ciascuno di loro il meglio che potè o seppe messosi in punto, portando solamente ciascuno un carnaiolo dentrovi la sua cappellina di notte, con non molta pecunia; e saliti a cavallo verso Bologna presono il cammino. . . Giunti finalmente. . . .
. . . . . .
si fermarono a riposarsi dicendo. . . . la ragione con l'oste, la mattina si misono in cammino; ultimamente giungendo a Vinegia, sopra un legno montarono che a Giara poneva; e giunti a Giara assai felicemente, subito brigarono di prendere verso Buda la via, e così feciono. Giunti a Buda furono lietamente da Giovanni, nipote di Nofri ricevuti, di molte cose e di novitadi che vedute avevano con lui, e con altri fiorentini che quivi erano ragionando, disse Berto: Che giova a dire? io non arei mai creduto se veduto non l'avessi, d'un gran fatto più che mai si vedesse, il quale dire per maraviglia non oso. Dissono quei fiorentini: Deh dillo Berto, che quì ogni cosa ci cape. Berto che si consumava di dirlo così rispondeva: Io il dirò poichè voi volete. Dappoi in qua che noi passammo il mare, noi abbiamo trovati fanciulli piccolini di cinque e sei anni e appena o meno, che favellano ungheri che chi gl'intende è una gioia; e i nostrali di quel tempo non sanno appena par-

Berto un poco caldetto cominciò a millantare e a dire: «More, dê, andiamo più tosto che possiamo, ch' i' fo boto a Dio, che se noi vegnamo là a salvamento, che tu in poco tempo mi vedrai uno grande mastro: io mi lascerò crescere la barba e sempre porterò meco l'arco. Andianne tosto». A cui More rispondea: «E' mi piace quanto dì'; egli èe buono che noi andiamo in borgo San Lorenzo, e faremo motto al Cavallina che truovi modo che noi abiammo due ronzini, i migliori che si truovano, per infino a Bologna». Berto subito rispondea: «Or quando vogliamo noi andare? non sarebbe meglio a to' gli da Agnolo, che li suole avere migliori? andiamo a lui». — «Do, bestia», More dicea, «tu no t' intendi di queste cose; io voglio che sappi che 'l Cavallina è fuori del procaccino il migliore cavalcatore di Firenze, e tu vuoi andare a Agnolo che pare uno gabbadeo. Dê! lasciati governare a'feci e siamo mossi il dì dopo a Santa Maria Candelaia, ch'è martedì». Berto li rispuose: «Orsù, facciamo quello che vuoi; e'mi pare che tu t' intenda meglio di queste cose di me". E partirosi da Monbellozza, beendo prima un tratto dopo queste parole, e venoro in borgo, e dal Cavallina acattarono due ronzini per lo dì deputato; e messosi in punto ciascuno di loro il meglio potè o seppe, portando ciascuno di loro solamente uno carnaiuolo, dentrovi la sua capellina di notte con non molta pecunia, e saliti a cavallo preson il camino verso Bologna e giunti finalmente.....ono a riposarsi, dicendo..... e acozzandosi insieme con More e Berto, e ciascuno le sue fatiche dicendo, finalmente il vetturale diliberò co'lloro girne in Ungheria. E riposatosi la notte, fatto la ragione coll'oste, la mattina si misono in cammino; e ultimamente giugnendo a Vinegia, montarono in su uno legno che ponea a Giara. E giunti a Giara assai felicemente, brigarono prestamente prenlare al modo nostro. E' deono avere troppo buona memoria, ch'io per me mai non credo apparallo che tra le barbe. Eh quello mi pare la festa de' Magi. Nofri prestamente non aspettando che altri dicesse così soggiunse: Egli dice il vero; io per me mai creduto non l'arei. Io mi pensava che la Cosina mia così linguacciuta fosse pure di buona memoria, ma ella non sa se non parlar nostrale, e punto di questo non sa. Giovanni che udiva così dire della goffaggine, e sempricitade loro si maravigliava molto, e guatavagli fiso sanza altro dire. Berto, parendogli per questi atti non esser creduto, diceva: Per lo corpo di Dio ch'egli è così, Giovanni mio, non gli hai tu sentiti? Quegli altri fiorentini cominciarono a ridire, e dal ragionar di loro trarne piacere, e così come meritato avieno burlargli non volevano; e in cotali diri continuando, l'ora del sonno venutane, a dormire n'andarono . . . . . .

. . . . . voi non potete vedere il re così tosto; ch'egli è all' Isola, e non in Buda. Che è l'Isola? diceva Berto: or mi dileggi tu? Deh non motteggiare di cose portino; che io ti ricordo ch'io son qui venuto per vedello. Non sai tu che noi l'abbiamo dipinto in Firenze in mille latora? Deh che potremo noi dire in Firenze tornando, se non avessimo il re veduto, di qua venendo? Maisì che da tutta la vicinanza belli moccioni saremmo tenuti e balordacci . . . . . vedete che Berto favella . . . . . .

. . . . . .

messa in duomo, e il vedrete; imperocchè suo costume è il dì delle feste stare in chiesa all'uffizio divino. Onde la mattina veniente prestamente andatisi, ed essendo già il re solo nel coro, Nofri e Berto quello non conobbero, imperocchè egli aveva per suo vestire quella mattina un frusone sanza alcun

dere il cammino verso Buda, e così fero. Giunti a Buda furono lietamente riceuti da Giovanni nipote di More, e ragionando di molte cose e di novitadi che avieno vedute co' lui e con altri fiorentini che quivi erano, disse Berto: «Che giova a dire? io non arei mai creduto, se io no l'avessi veduto, d' un grande fatto più che mai si vedesse, il quale non oso dire per maraviglia». Dissono que' fiorentini: „Dè, dillo, Berto, qui ci cape ogni cosa". Berto, che si consumava dillo, così rispondea: „Io il dirò poichè voi volete. Dapoi in qua che noi passamo il mare, noi abiamo trovati fanciulli piccolini di sei e cinque anni che favellono ungheri, chè a chi gl'intende è una gioia, e i nostrali di quel tempo non sanno apena parlare al nostro modo. E' deono avere troppo buona memoria, chè io per me mai non credo aparallo che tralle barbe; e quello mi pare la festa de'magi". More prestamente non aspettando ch'altri dicesse così sogiunse: «Elli dice il vero, io per me mai l'arei creduto. Io mi credea che la Cosina mia così linguaciuta fosse pure di buona memoria, ma ella non sa se none parlare nostrale e punto di questo non sa». Giovanni, che udia così dire, si maravigliava della loro ignoranza e sempricitade e guatavagli fiso sanza altro dire. Berto, parendogli non essere creduto, dicia: «Per lo corpo d'Iddio che elli è così, Giovanni mio, nolli a'tu sentiti»? Quelli fiorentini (che) v'erano, (comin)ciarono a (ri)dere e trarre piacere del ragionare loro, e non volieno turballi così da prima come meritato arieno. Onde dando sollazzo, vegnendo l' ora del sonno, andarono a posarsi. Venuto dapoi la mattina disse More al parente suo: «Giovanni mio, noi ci struggiamo di vedere i're; dè, fa che noi il veggiamo—or dove ista egli»? Giovanni presto diceva: «Voi nol potete così tosto vedere, imperò che elli è all'Isola e non è in Buda».—«Che è l'Isola?» diceva Bersegno che cavaliere o signore lo palesasse, e quasi come se cavalcare avesse voluto. Detto l'uficio Nofri a lui s'accostò, e così incominciò a dire. O compagnone, qu do il re verrà? Non è egli omai l'otta di suo venire, che è cominciata la messa. A cui il re in viso ragguardandolo, perchè italiano parevagli, lombardo parlandogli, che assai convenevolmente pratico ne era, così gli diceva: Perchè ne domandate voi gentiluomo? Nofri udendo costui in tal forma favellare, più prese di sicurtà, stimando lui essere lombardo, e così gli rispose: Io avrei vaghezza, io e il mio compagno qui, innanzi che noi ci partissimo da questa terra di vederlo, e però a voi ne domandava. A cui il re rispondeva: Voi il vedrete prestamente; ma se vi è in piacere ditemi donde siete, e se avete novelle alcune, e che andate facendo. A cui disse Nofri: Io son fiorentino e'l mio compagno è altrettale, nè altre novelle abbiamo, e il mio mestiero è speziale; ma lasciamo questo stare. Quando credi tu che costui vegna all' uficio? Io credo ch'egli verrà a *ite missa est*. E Berto soggiungeva: E'mi pare ch'egli debba avere poco il capo a questo uficio di chiesa. Forse egli è in istufa a vinazzarsi con qualche sua femmina; perchè tu vedi comunemente che questi tedeschi non vogliono altro che bombare e lussuriare. Il perchè io credo che noi dovremo troppo aspettare. Il re questo udendo a sorridere incominciò; e i famigli che questo vedeano forte si maravigliavano, avvegna che costume del re non fosse così all'ufizio ragionare; e immaginarono veggendo lui ragionare e così piacevolmente rallegrare, ch' eglino fossono due gran maestri, e fissamente loro ragguardavano, e insieme ne favellavano. Nofri questo vedendo, diceva: Chi sono coloro colà? e'deono essere i dolci crescioni, ch'e' pare che mai vedessono

to; «or motteggi tu? Dê non mottegiare di cose che portino, ch'io ti ricordo ch'io sono qui venuto per vedello. Non sai tu che noi l'abiamo dipinto in Firenze in mille latora? Dê, che potremo noi dire tornando a Firenze che noi non avessimo veduto il re nè vegnendo qua, chè saremo (te)nuti da tutta la vicinanza belli mocciconi?» sog (iugne?)ndo il v(etturale?). . . . mio, ben sapete che Berto favella. . . . . fra nuove ginee disse l. . . o. . . . . troverovvi uno b..... l'Isola. . . . . .
. . . . . .
si volse al veturale dicendo: «Dê, tu favelli come uno sciocco; tornati tu se vuoi a casa, ch'io per me il voglio pure vedere. Non pensi tu che re è questo, ch'elli metterebbe in campo più di sessanta migliaia di cavalli? Non è el vero, o buono uomo?» A cui il re rispuose: «Elli gli à bene nel suo reame». E così ragionando di molte e molte cose, stando il re co'molto piacere, valicarono dell'ore cinque, intanto ch' e' baroni tornarono da Buda, ch'avieno desinato; e giugnendo alla porta del giardino pichiarono, trovandola serrata, perchè i paggi si fecero a uno sportellino che nella porta era e dissono come non poteno aprire, imperò ch'era stato loro comandato. L'arcivescovo fe'domandare chi era col re; fugli risposto da' pagi che credeano che fossono latini. Onde, alquanto soprastando e vegendo che non s'apria, l'arcivescovo disse ch'aprissono, ch'almeno vedessono chi col re era. I pagi apersono un poco, e cacciato dentro il capo vidoro il re ritto con coloro e andarono più avanti. Il vetturale, che vedea l'arcivescovo, cominciò a dire: «O Berto, guarda, guarda al corpo d'Iddio, che quel trugliardo di dianzi è tornato arietro», e cominciò forte a ridere. Berto, raguardato, il simile facea. Il re, che vide dentro al giardino i baroni, l'ebbe forte a male, parendogli dovere perdere il suo piacere; ma, persona. Crederebbono eglino che noi mettessimo corna? Vedi ve che e'non fanno altro che borbottare. Sono eglino de'famigli del re? Alla fe di Dio che e'non. . . . . .
manca il fine della presente novella.

Dopo che non poco della semplice e goffa natura di maestro Berto e di Nofri ebbero le donne riso, e della beffa che per quella femmina veneziana fu loro fatta, a continuare il suo novellare messer Biagio, gli altri tutti tacendo, così disse: Per quanto lieta la detta novella sembrata vi sia, pure mi giova il credere, festose donne e carissimi amici miei, che più materia di riso degna sia per darvi un'altra burla che ad uno scimunito e balordo uomo per alcuni sollazzevoli compagni fu ordinata, siccome da quanto sono per narrarvi udirete. Nella quale dire se alcun poco di freno alla lingua libero lasciassi, vi prego non volere me degno di reprensione estimare, ma di voi dolervi, che per vostra volontade a trovare lieta materia di ridere sono costretto. Io avviso anzi che per la vicinanza del tempo che questo avvenimento, di ch'io sono per dire, nella città nostra avvenne ad alcuno di voi sarà conto; ma siccome con tutte le particularità sue udito hollo raccontare, credo che a voi non sarà discaro l'udirlo tale quale dall' istesso maestro Miglioruccio, che fu della beffa il macchinatore, udito ho. Per lo che la vostra attenzione implorando certe essere potete, savissime donne, che dal mio dire alcuna cosa apparerete.

Ibid. стр. 111—117.

facendosi più apresso a lui l'arcivescovo, More disse: «O che gente è questa? Or noi gli vedemo pure poco è andare a Buda. Che vanno facendo e vengono a voi? Vogliono ellino sapere novelle del re?». E mentre sì parlava, l'arcivescovo con li altri baroni faceno le reverenze debite, inginocchiandosi alla presenza del re e a salutallo. A cui il re rispuose: «Voi m'avete tolto la magiore consolazione ch'io avessi mai, parlando con questi miei fiorentini, e dapoi che voi vi partisti qui sono suto co'loro come con buoni amici». More e'compagni vegiendo le reverenze fare si maravigliaro, e recatosi ritti in piede, chè prima apoggiati stavano, cominciarono a vergognarsi, parendo loro d'essere stati scostumatamente, immaginando quello il re dovere essere; e quasi isbalorditi non sapieno che dire. A' quali il re così dicea: «Buone persone, andate con questo paggio a fare collazione e a desinare, e fate che desinato ch'avete io vi veggia. Ora andate in buona ora». E chiamato il paggio li dicea che li menasse a Luca da Firenze e facesse loro onore. Ellino isbalorditi n'andarono col pagio domandando se quelli era il re. Il pagio, che nolli intendea, dicea loro in unghero: «Or su venite, venite»; e ellino nollo intendendo pensavano ch'elli bestemmiasse, e forte temendo giunsono a Luca, il quale gli avea per buona parte del tempo veduti e cominciò loro a dire: «Do pazzi ismemorati che voi siete, or non avete voi vergogna d'avere fatto quello che avete, villani, bestialacci? Or chi pensavate voi che fosse, or con chi vi pareva essere, quando zampettando parlavate col re? Chè per buona fe'io ebbi voglia di fare una grande pazzia, chè sarebbe stato uno grande bene di torre uno bastone e mazzicatovi a modo d'asini. Andate colla mala ventura; da voi non rimane che ogni fiorentino non sia isvergognato! Or chi diavole credavate voi

che fosse? Dê, ditemelo». A cui More rispondea: «Vedi, Luca, noi nollo avremo mai creduto che fosse stato il re, imperò che non avea nè à la corona in capo, ma noi ci pensavamo che fosse il prete suo». Luca, che questo semplice udia, non potè tenere ch'un poco non ridesse. Poi disse: «Dê, tornatevi a Firenze il più presto che voi potete, e non andate attorno». Poi li menò e fe'aparechiare loro da mangiare; e mangiato ch'elli ebono, diliberarono tornarsi a Buda prestamente: ma Luca volle che tornassono al re come elli avea detto loro, amaestrandoli della reverenza che dovessono fare, come che ellino la dimenticassono. Tornarono al re, e elli vegendoli venire lasciò il ragionare co'baroni e fecesi un passo loro innanzi, dicendo: «Ben vegnate, fiorentini miei!» Ellino chinandosi a terra co'molta vergogna, cominciò More a dire: «Messere perdonateci, chè per buona fe' noi non sapavamo che voi fossi il re: chè se noi l'avessimo saputo, noi non aremo fatto con voi sì dimesticamente». A'quali il re dicea: «Io voglio che voi facciate co meco come voi faciavate». Berto sogiunse: «Messere, non piaccia a Dio, nè voglia; noi vi vogliamo per re e per magiore, chè noi pensavamo allora che voi fossi prete». Il re rise e disse loro: «Non vi partite, istatevi meco».—«Or che direbbe Giovanni, mio nipote», rispuose More, «se io non tornassi istasera a casa? Elli s'adirerebbe. Ma noi ci torneremo un' altra volta e staremoci tutto dì con voi; vogliate per questa volta che noi ce n'andiamo». Il re disse ch'era contento, con questo che tornassono altra volta; e così dal re si partiro e tornarsi a Buda. La novella fu prima a Buda di loro, e furono molto ripresi di quelli modi, ma ellino altra scusa non avieno se non dire: «Buono, buono! o che non tiene elli la corona in capo, e sarà conosciuto?» Vedete adunche quanta

simplicità fu in questi capocchi, onorevoli padri e magiori. Il perchè mi pare non meno lodare la clemenzia di tanto principe, che riprendere la stolzia de'tre compagni poco intendenti e pratichi». —E così finìo il *Sonaglino* la sua novella con molte risa di chi quella udìa.

Ibid. кн. IV-я стр. 96—112.

III.

Regi Bossine.

Serenissime atque christianissime Princeps,

Gloriosissimam victoriam, quam Omnipotentis et Eterni Numinis inenarranda benignitas, ab alto respiciens gregem suum, Serenitati Vestre concessit, vestrarum litterarum serie gratulanter accepimus, et in ipsa cum Majestatis vestre culmine letis animis exultamus. Nam quamvis jam diu tryumphum hunc Sublimitati vestre celitus traditum, tum fama, tum multorum scriptionibus nostra devotio percepisset, nobisque notissimum foret diè XV *mensis Junij proxime elapsi superbam temeritatem, temerariamque superbiam Maomecthicole Lamoratti, qui Frigum, sive Turchorum imperio violenter adepto christianitatem et Salvatoris Nostri nomen ex orbis facie tollere cogitabat, et si potuisset, de libro viventium abolere, quique stulte fines vestrorum Regnorum invaserat, in loco, qui campus Turdorum dicitur, cum infinitis gentium suarum milibus, cumque duobus filiis, multo cum sanguine cecidisse; nichilominus tamen hoc fuisse humilitati nostre per regales litteras intimatum et gloriosum et gratissimum nobis fuit. Quid enim potuit nobis veris Christi cultoribus pulcrius aut gloriosius nuntiari, quam pugna illa cunctis memoranda temporibus, qua tot Trojanorum, infideliumque milia, cum illo Duce terribili ceciderunt? Felix tante stragis campus, qui cesorum ossa, eternum victorie munimentum, in etates plurimas reservabit! Felix Bosne Regnum, cui contigit tam gloriosum certare certamen, tantamque in Christi dextera victoriam obtinere! Felix et illa dies ac beati Viti Sanctissimi Martiris celebris et veneranda memoria, qua datum est hostem illum ferocissimum superare! Felices et ter quaterque felices duodecim illa procerum jurata manus, qui turmas hostium perrumpentes, concatenotosque in circuitu camelos, ad Lamoratti tentorium, aperientes viam ferro, vigorosissime pervenerunt! Felix et ille super alios, qui ducem tante potentie, gutturi atque inguini*

adacto gladio, fortiter interemit; beatique cuncti, qui glorioso martirii genere, quasi victime cesi Ducis, super illud immane cadaver vitam et sanguinem effuderunt! Sed *omnium felicissima est Vestra Majestas, quam tam gloriosa victoria nunquam abolende memorie consecravit, Cuique, si veri Christi pugilibus et athletis Regnum Dei, ut pie credendum est, preparavit Omnipotens, vera illa et interminabilis gloria reservatur! Illi ergo cunctarum rerum auctori Deo, cuius pugnam tam feliciter pugnavistis, infinite sint laudes et gloria, Vestreque Majestati talis et tanta gratia sit, qualis et quanta potest verbo promi, aut animo cogitari: que nostram humilitatem dignata fuit tante felicitatis, tam benigne, et tam amicabiliter, nedum facere consciam, sed participem et consortem. Felicitet itaque Deus Majestatem Vestram, cui nos et Commune nostrum devotissime commendamus, ad exaltationem vestri culminis, et totius christianitatis columen et honorem.*

Data Florentie die XX mensis Octobris XIII Indictione MCCC LXXXVIIII.

Archivio centrale di Firenze, filza 21: Signori Carteggio Missive Registri 1-a Cancelleria.

Опечатки и прибавленія.

Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ читать
33	17	микрокозма	макрокозма
—	22	Аравію	Аравіи
36	7	andernl	andern
—	8	facke	fackel
72	24	надмѣнный	надменный
81	9	39)	38)
118	22	Андремъ	Андреемъ
169	34	сенегала	сенешала
186	20	1389-мъ	1389-му
189	4	чуствовалъ	чувствовалъ
220	31	ими (лишнее)	
228	5	Dic ea	Dicea
280	26	Аутогверо	Аутогверфо
300	31	кн.	di
309	25	vilii	vili
312	7	noni	non
—	9	d	di
315	27	la	le
330	40	franceso	francese
340	16	quantuque	quantunque
343	30	uowini	uomini
356	34—5	Eplstola	Epistola
365	9	spoliandam	spoliandum

—

къ стр. 32 Миѳъ о рожденіи Амура отъ Венеры и Марса, вызвавшій аллегорическія объясненія нашего романиста—довольно обычный мотивъ, который не разъ разработывали поэты старо-итальянской школы. На немъ основанъ извѣстный стихотворный споръ между Гвидо Кавальканте и Чекко д'Асколи. Сл. также сонетъ Matteo Frescobaldi: O infelice punto e giorno ed ora.

къ — 295 (новелла IX) Отъ Minuccio d'Arezzo, иначе Mino del Pavesaio, осталось нѣсколько стихотвореній (см. у Zambrini Le opere volgari a stampa). Обращаемъ вниманіе на сонетъ, начинающійся стихомъ: Non conoscendo, amico, vostro nomo (Poeti del primo secolo v. II-o, p. 386). Въ сборникѣ Allacci онъ приписанъ Данте.

Стр.
Введеніе . . . . . I—XVIII
Исторія книги 1
Исторія рукописи 9
Романъ 27
Общество виллы Парадизо 71
Авторъ и современныя ему литературныя партіи 187
Новеллы 269
Примѣчанія 297
Документы . . . . . 369—380

LIBRARY OF CONGRESS
0 020 819 367 3